

Ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

Колин
УИЛСОН

*Мир науки
Маг и Страна Призраков*

Ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

ΚΟΛΛΗ
ΥΕΥΙΟΘΗ

Μαργαρίτα
Μαργαρίτα
Πατριάρχης

Colin
WILSON

Spider World

The Tower

The Delta

The Magician Shadowland

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

КОЛИН
УИЛСОН

Мир науков
Маг и Страна Призраков

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
У 36

COLIN WILSON

Spider World
THE MAGICIAN

Original English language edition published by Hampton Roads Publishing
Company © 2002 by Colin Wilson.

All rights reserved.

The book was negotiated through Waterside Productions, Inc (www.waterside.com)
and Goumen&Smirnova Literary Agency (www.gs-agency.com)

Spider World
SHADOWLAND

Original English language edition published by Hampton Roads Publishing
Company © 2003 by Colin Wilson.

All rights reserved.

The book was negotiated through Waterside Productions, Inc (www.waterside.com)
and Goumen&Smirnova Literary Agency (www.gs-agency.com)

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Уилсон К.

У 36 Мир пауков. Маг и Страна Призраков / Колин Уилсон ; [пер. с
англ. А. Шабрина]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 720 с.—
(Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-53566-8

У человечества появилась надежда выжить — ценой невероятного риска Найл до-
бился мира между людьми и гигантскими пауками-смертоносцами. И вдруг по этому
хрупкому согласию наносит удар третья сила — некто Маг, таинственный правитель
подземного народа. За что он так люто ненавидит восьмилетних и с какой целью под-
сылает своих убийц, фанатиков с неестественно-бледной кожей — именно это и пред-
стоит выяснить Найлу.

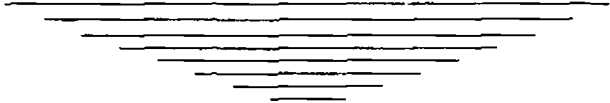
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Шабрин Александр, перевод на русский язык. 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-53566-8

Ma2

Предисловие

Среди полной опасностей пустыни живет в пещере человеческая семья. На планете господствуют огромные пауки-телепаты, они разводят людей как скот и пожирают. Летая по небу на воздушных шарах, они ищут и вылавливают последних «диких» людей.

В числе этих немногих юный Найл, он мечтает принести однажды гибель паукам и свободу — людям.

В сотнях миль к северу лежит Великая Дельта — по слухам, это самая опасная территория на планете. Но там, возможно, найдется сок ортиса — снадобье, без которого семье несдобровать. Из похода в Дельту не вернулись дядя и двоюродный брат Найла, они стали жертвами человекоядного растения.

Овдовевшая Ингельд хочет вернуться на родину, в подземный город Диру, что рядом с большим соленым озером, и Найл со своим отцом Улфом соглашаются проводить ее. В Дире Найл влюбляется в прелестную принцессу Мерлью, дочь Каззака, и испытывает соблазн остаться. Но однажды он подслушивает разговор, в котором Мерлью нелестно отзывается о его внешности, и, разочарованный, решает идти домой с отцом.

На обратном пути они вынуждены укрыться от песчаной бури в развалинах крепости. Там Найл убивает паука-смертоносца и тем самым навлекает на свою семью месть могущественных врагов. Вскоре его отец гибнет, а мать, брата и сестер похищают пауки.

Найл устремляется на выручку, но и сам вскоре попадает в плен.

Их везут морем, и по пути юноше доводится спасти одного из восьмипалых недругов, смытого за борт штормовой волной. Благодаря этому семья встречает в паучьем городе относи-

тельно неплохой прием, ей отводят уголок во дворце Каззака, сделавшегося для пауков союзником и помощником. Там Найл узнает о проведенном пауками биологическом эксперименте — им удалось создать породу людей с мизерным умом, тупых и покорных рабов, не способных взбунтоваться против хозяев.

Узнав о том, что Каззак предал свой народ, Найл покидает дворец и проникает в таинственную Белую башню, господствующую над центром города. Она оказывается капсулой времени — когда-то люди решили поведать потомству о том, как бежали с Земли в страхе перед ударом радиоактивной кометы Опик.

В башне обучающая во снс машина знакомит Найла с историей человечества до катастрофы. Также он узнает, что центр силы, создавшей огромных насекомых и пауков, лежит в Дельте. Эту силу пауки именуют богиней Нуадой.

Покинув Белую башню, Найл находит пристанище в невольничьем квартале, чьи жители превращены восьмилепыми селекционерами в имбецилов. Найл ухитряется получить должность десятника и с бригадой золотарей направляется в расположенный поблизости город жуков-бомбардиров и там встречает Билла Доггинза, специалиста по взрывам. Жуки от фейерверков без ума, и задача Доггинза — регулярно обеспечивать им это развлечение.

Найл появляется аккуратно в тот день, когда Доггинз устраивает грандиозное шоу. Случайно уничтожен весь запас взрывчатки, и Доггинз вынужден возглавить экспедицию в паучий город на поиски легендарного склада в заброшенных казармах.

Итог превосходит самые смелые мечты Доггинза и Найла. Они обнаруживают ящики с автоматическими лазерными расщепителями. Легендарный «жнец» — одно из самых жутких орудий убийства, придуманных людьми. Внезапно появляются восьмилепые, и люди бегут от них на украденном паучьем шаре и возвращаются в город жуков, уже осажденный науками. Здесь «жнецы» оказываются как нельзя кстати. Запаниковавшие пауки идут на хитрости и угрозы, добиваясь от Найла уничтожения чудо-оружия. Но юноша, вместо того чтобы подчинить-

ся, отправляется в Дельту, решив разделаться с источником силы.

Вскоре выясняется, почему Дельта имеет репутацию едва ли не самого опасного места на Земле. Отряд быстро тает, и добраться до подножия высокого холма — источника силы — удастся только Найлу и Доггину. На холм же Найл поднимается и вовсе в одиночку — и выясняет, что богиня Нуада на самом деле исполинское растение, прибывшее из другой галактики в хвосте кометы Опик.

Когда Найл возвращается в город жуков, его арестовывают и выдают паукам. Страшная встреча со Смертоносцем-Повелителем едва не заканчивается для него гибелью. Но в критический момент вмешивается богиня, заполняя комнату дивным голубоватым светом. Повелитель, уверовавший в богоизбранность Найла, уступает его требованию дать людям свободу. А затем Найл совершенно неожиданно оказывается правителем паучьего города.

Часть первая

УБИЙЦЫ

Незадолго до рассвета Найл проснулся от холода — такого пронизывающего, что вспомнилась ночь в пустыне. Простыни сбились вокруг лица, а от дыхания на одеяле образовался кружок влаги. Эту комнату Найл выбрал потому, что она выходила окнами на восток, а ему нравилось просыпаться вместе с солнцем. Сегодня солнца не было. Рассвет проплавлился сквозь серую туманную пелену, пока комнату не залил холодный, ровный свет. И птиц не было слышно.

Что-то в этой странной тишине настораживало. Найл, ступая по мягкому шерстяному половику, прошел по комнате к окну, и глазам неожиданно открылся пейзаж. Белые крыши, словно горные вершины, терялись в перламутрово-сером небе, и огромная площадь была, как ковром, покрыта той же безликой белизной. Даже вон углы оконных рам прихватило: снаружи к стеклу пристыло несколько мелких снежинок.

Найл знал о снеге понаслышке и из книг, но своими глазами видел его впервые. Он и представить себе не мог ничего подобного: эдакая хладная, чудесная белизна, словно одеялом устилающая Вселенную. Душа внезапно наполнилась неизъяснимым светлым волнением — тем самым, что на протяжении скольких уже поколений (даром что Найл того и не знал) при виде первого снега наполняет трепетом детские сердца.

Одержимый желанием коснуться этого странного белого покрова, Найл натянул поверх туники овчину, сунул ноги в отороченные кроличьим мехом башмаки и поспешил из ком-

наты. Во дворце тишина, коридоры пусты: Найл обычно просыпался первым. Поднявшись по лестнице на верхний этаж, он миновал спальню, где спали двоюродная сестра Дона и сестренки Руна с Марой, и стал взбираться по узкой лесенке, ведущей на крышу. Стоило открыть дверь, как вниз свалился ком снега и, забившись в обувь, сердито зашипал босые ступни. Найл, невольно вскрикнув, отпрянул: он не представлял, что снег может быть таким холодным. Затем один за другим снял башмаки и вытряхнул забившийся туда снег, мех теперь был льдисто-холодным и влажно льнул к щиколоткам. Утренний воздух, напротив, казался на удивление теплым; это потому, что не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра.

Снег ровным толстым слоем покрывал скат кровли до самого парапета, при ходьбе под ногами звучно поскрипывало. Зачерпнув пушистую массу обеими ладонями, Найл сжал ее в тугой комок, но холод обжигал пальцы, и снежок выпал из рук. Осмотрительно смахнув рукавом снег с парапета, он облокотился на него и так стоял, озирая молочно-белый покров, простершийся вплоть до дальних холмов. Отделяемая от двorca парком и площадью, виднелась Белая башня, с расстояния напоминающая воздетый перст из слоновой кости. Трава вокруг была припорошена снегом, так что на общем белом фоне башня не смотрелась уже так броско. Зато теперь выделялась река, змеящаяся по холодной плоскости чернильным изгибом; при одном лишь взгляде на нее становилось зябко.

Город словно опустел, на улицах ни души. И вот когда Найл собрался уже вернуться в помещение, внимание неожиданно привлекло невнятное шевеление внизу на площади. Что-то темнело в северо-восточной ее части, издали смахивающее на вывороченный из земли куст. Тут Найл пригляделся внимательно и различил на снегу красные пятна. То, темное, шевельнулось еще раз, и тогда стало ясно, что это паук — судя по всему, тяжело раненный.

Найл зашпешил вниз по лестнице, цепко хватаясь за перила: от налипшего снега подошвы предательски скользили. Мелькнул соблазн возвратиться в спальню, одеться потеплей, но ощущение неотложности пересилило. Он отодвинул засов центральной двери и ступил в глубокий снег, игнорируя холодную

сырость, моментально образовавшуюся внутри башмаков. Ступени лестницы превратились в сплошной гладкий склон, так что двигаться приходилось с особой осторожностью; в одном месте Найл упал и ушел в снег по самые локти. А когда, побарахтавшись, поднялся и нетвердо побрел через площадь, выбирая места, где снег помельче, ум занимал один вопрос: как смертоносец умудрился пораниться на этом широком, открытом со всех сторон пространстве?

Когда приблизился достаточно, паук его заметил и сделал судорожную попытку встать, но силы ему изменили, и суставчатые лапы прогнулись под весом туловища. Черная ворсистая туша покрыта была снегом — очевидно, паук лежал здесь уже не один час. Найлу это показалось странным: пауки с их даром телепатии могут в случае чего послать мгновенный сигнал о помощи своим сородичам. А уж тут-то, в трехстах метрах от главной цитадели на том конце площади, и ушибиться не успеешь, как все уже должно быть слышно.

Приблизившись настолько, что уже можно было разглядеть туловище, Найл понял, почему паук не смог подняться. Три лапы у него были, по сути, разможены; нижний сустав у одной из них, увенчанный черным когтем, держался вообще непонятно как. Стелящийся следом кровавый след, уже припорошенный снегом, свидетельствовал, что, прежде чем свалиться окончательно, паук еще пытался как-то волочиться. Было видно, что жизнь в нем уже угасает.

— Что случилось? — произнес Найл вслух, хотя знал, что мысленный импульс передается в мозг паука напрямую.

Отвст, раздавшийся внутри грудной клетки, заставил нервно поежиться: нечто болезненное, страдальческое, прямога же контакта заставила ощутить беспомощность и тяжелую тошнотную усталость существа — чувства, передававшиеся и самому Найлу. Что именно пытался сообщить паук, разобрать было невозможно, но «голос» этот Найл узнал сразу: Скорбо, начальник стражи. Теперь ясно, почему их контактная связь была такой невнятной и хаотичной. Для пауков общение с людьми — сложное искусство, все равно что для людей умение читать. По паучьим меркам, Скорбо был неграмотным простолюдином, существом, основным достоинством которого в глазах начальства

была грубая физическая сила и умение помыкать. У Найла этот тип всегда вызывал неприязнь, однако сейчас Скорбо был тяжело ранен и погибал, и от этого сердце у Найла наполнилось жалостью.

— Я пошел за помощью, — коротко сообщил он.

Идти по снегу быстрым шагом было просто невозможно: ноги увязали по колено. Да еще и ступней не дерни: излишне резкое движение, и башмак так и останется в снегу. Брести вперед предстояло еще столько, что тоска охватывала, так что Найл намеренно отвел взор от снежной целины и стал с подчеркнутым вниманием относиться к каждому шагу. В конце концов приятной неожиданностью оказалось очутиться перед самыми ступенями паучьего обиталища. Обычно перед большими двустворчатыми дверями дежурят двое бойцовых пауков; очевидно, холод загнал их внутрь. Найл забарабанил по двери кулаками — не потому, что заперта, а просто врываться без предупреждения рискованно: могут напасть. С той стороны зашевелились, и дверь отворилась. На Найла смотрели антрацитово-черные глазищи бурого бойцового паука, ростом едва не на метр выше самого Найла. За растопыренными клешнями-хелицерами можно было разглядеть сомкнутые клыки. Секунду спустя паук узнал пришедшего и плавно присел в жесте повиновения, опустив брюхо к полу.

— Скорее. — Найл указал в сторону площади. — Скорбо тяжело ранен. Ступайте и принесите его.

(Опять же можно было и без слов, значение передается в мозг паука напрямую.) В сопровождении напарника «боец» вприпрыжку припустил через площадь в сторону Скорбо (при эдакой силище что ему полуметровый слой снега). Понятно, что гнаться бессмысленно. Телом постепенно овладевала опустошенность. Так что Найл опустился на скамью, что возле входа, и наблюдал, как стражники бережно поднимают искалеченного сородича. Когда они возвращались, Найл обратил внимание, как, волочась, чертят по снегу лапы, и понял, что Скорбо мертв.

Тело паука опустили на пол, разбросав по черному мрамору хлопья снега. Скорбо по-прежнему истекал кровью. Она у него была гуще и вязче, чем человеческая, и растекалась мед-

ленно, будто лужа нефти, струясь из головы. Оглядывая лежащую наискось тушу, Найл заметил в черепе дыру, сантиметров на пятьдесят выше глаз, опоясывающих голову. В отличие от людей, у пауков нет внутреннего скелета, его функцию выполняет крепкая наружная оболочка. Череп Скорбо был проломлен ударом, из-за которого, судя по всему, откололся крупный осколок. Кровь вытекала из дыры, как из десны, откуда вырвали зуб. Что сбивало с толку, так это что осколки проломленной оболочки находились, похоже, в дыре, а такое может быть в том случае, если жуткой силы удар направлен сверху.

Бойцовые пауки громоздились рядом, не смея докучать расспросами: может, расценивая их как непочтительность.

— Прошу вас, сообщите Дравигу, — обратился к ним Найл. — Скажите, что я дома.

Однако, пока пробирался по снегу обратно, любопытство преодолело усталость. Происшедшее представилось вдруг полным абсурдом. Судя по дыре в черепе, Скорбо должен вроде бы считаться жертвой нападения. Но кого? Другого паука? Маловероятно. Пауки, в отличие от людей, редко когда дерутся меж собой. Но и любой другой инцидент, повлекший ранение, представить было сложно.

Единственным способом выяснить все досконально было пойти и разобраться на месте. Развернувшись, Найл двинулся по своим следам обратно, пересекая площадь наискось в том месте, где «бойцы», проносясь, вспахали снег, словно гигантским плугом. Когда добрался до места, где лежал раненый Скорбо, стало ясно, как много он потерял крови. Вместе с ней из него, распростертого, в снег истекала жизнь. Мозг оказался поврежден настолько, что уже не в силах был послать сигнал о помощи. По восточной стороне улицы тянулся ряд пустых домов, один запущенней другого. В городе полно было таких зданий, во многих из них на верхних этажах обитали пауки. Но они предпочитали селиться с таким расчетом, чтобы между домами можно было простираť тенета; как раз поэтому дома, примыкающие к площади, пустовали.

Кровавый след был запорошен падающим снегом, но Найл нагнулся почти вплотную и различил смутно темнеющие пятна. Теперь можно было разобрать, что ведут они в обратную

сторону, к высокому зданию, второму от угла. Ржавые решетки балконов давали понять, что когда-то здесь была гостиница. Как и у прочих, окна у дома были заколочены досками, а дверь закрыта — жить в домах, выходящих на эту площадь, людям запрещалось. Найл попробовал открыть дверь — похоже, заперта. Вместе с тем, когда носком башмака он смахнул со ступеньки крыльца снег, обнаружилось темнеющее пятно; получается, в этом доме Скорбо и получил увечье. Попытался надавить на дверь плечом — не тут-то было, безрезультатно. А вот закрывающий окно лист фанеры оказался на поверку не таким прочным, стоило как следует толкнуть его обеими руками — и удалось продавить.

Найл осторожно подался вперед. Если внутри подкарауливает нечто (или некто), способное свалить паука, рисковать по меньшей мере глупо. Глазам открылась пустая передняя, деревянный пол которой был усеян кусками штукатурки и всяким хламом; пахло сыростью и тленом. Поняв, что напряжение сковывает восприятие, Найл намеренно расслабился, глубоко вздохнув и закрыв глаза; затем, достигнув внутреннего безмолвия, сосредоточился глубоко. Внутри черепа ожила точка света, а тишина будто углубилась. В этот момент с полной достоверностью стало ясно, что никаких врагов, поджидающих в засаде, нет — в доме абсолютно пусто. Одновременно с тем на каком-то более глубоком уровне он уловил и другой запах, терпкий и чуть сладковатый. Запах смутно знакомый, но за счет чего именно, уяснить было сложно.

Найл резко, с силой пихнул фанерный лист, отчего гвозди, скрепляющие лист с рамой, повылезли и лист свалился внутрь. Найл забрался в дом. К этой поре он уже сожалел, что не оделся теплее: руки и ноги основательно озябли. Но уж коли забрался, стоять и попусту глазеть тем более бессмысленно. Свет из окна освещал переднюю достаточно сносно. На пыльном, усеянном кусками штукатурки полу виднелись бисерины крысиного помета — явный признак того, что пауки в этом доме не обитают. Крысы у них почитаются за особый отменный деликатес, они часами готовы ждать в надежде поймать хоть одну.

Все в точности, как предполагал: пол в кровавых пятнах, а по пыли и мусору можно судить, что раненый волочился по

полу. Метины тянулись через переднюю, где возле полуосы-
ившейся лестницы виднелась полуоткрытая дверь; получался
приток света и воздуха. Дальше шел коридор, выводящий на
открытую площадку, — раньше, вероятно, здесь был сад. Кро-
вавых пятен меньше не становилось. Дверь — полуоткры-
тая, — очевидно, была взломана: искореженный замок болтал-
ся, а притолока была исполосована вполне свежими рубцами,
нанесенными зубилом или ломом.

Найл осмоторительно выглянул в поросший сорняками сад,
затем прошелся взглядом по стене над дверью. Отвесная, без
окон, она восходила к крыше, где виднелись уцелевшие кро-
вельные желоба. Пришлось расстаться с версией, что на паука
обрушилось сверху что-то тяжелое — скажем, кусок каменной
кладки. Вместе с тем, смахнув снег с порога, Найл и тут за-
метил следы крови. Этот сад явно хранил тайну гибели паука.

Неосвоившемуся глазу не было никаких ощутимых под-
сказок. Снег на земле запорошил все следы. Сад, границу ко-
торого образовывало впереди стоящее здание, отделялся от
смежных участков высокими стенами. В десятке шагов от двери
росла молодая пальма. Дальше шли спутанные заросли сорной
травы и невысоких кустов, где при желании можно неплохо
спрятаться. Взыскательно оглядев дерево с более близкого рас-
стояния, Найл обратил внимание на несколько свежесломлен-
ных веточек — верный признак того, что здесь кто-то недавно
был. Но больше жесткая земля не выдавала ничего.

Найл проник через кустистую поросль вплоть до дальней
стены; буйно разросшиеся травяные космы убедили его, что
здесь не то что вчера — три месяца назад никого не было. А ко-
гда уже отправился назад, взгляд приковало нечто, заста-
вившее замедлить шаг. Возле садовой стены в углу лежала
груда пальмовых листьев, эдак равномерно, всером. смотре-
лись они при этом настолько естественно, что Найл заметил
их по чистой случайности. Тут он поднял голову и увидел,
что на молодой пальме нет листьев. Кто-то буквально обтесал
се верхушку, оставив голый ствол. А в полуметре от обтесан-
ной верхушки сиротливо висел обрывок веревки.

Тут до Найла наконец дошло. Дерево было примерно в два
человеческих роста — точное расстояние от него до двери в

сад. Дальнейшие поиски в поросли вывели на низкорослое деревце, к корневищу которого был привязан другой конец веревки. Молодая пальма была отогнута на манер катапульты. Когда паук, шагнув из дверного проема, поколебался при виде ночного сада, кто-то перерезал веревку и дерево хватило под стать исполинской пружине. Очевидно, Скорбо стоял чуть сбоку или в последний момент сместился: дерево разmozжило ему лапы и прибило к земле...

Найл возвратился к дверному проему и поглядел вниз на кровавые пятна. Они ясно подчеркивали правоту его догадки. Кровь от удара хлестнула фонтаном, на стене отпечатались продолговатые, с кисточками, султанчики брызг. А в паре метров, плохо различимый в снегу, валялся треугольный осколок паучьего черепа, к внутренней стороне которого пристыл кусочек мозга. Но удар дерева разmozжил лапы, не череп. Это могло означать лишь одно: пока паук был оглушен, кто-то специально разmozжил ему темя, рассчитывая повредить мозг, чтобы не последовало сигнала тревоги.

Найл невольно содрогнулся. Он недолюбливал Скорбо, однако ужасала сама дикарская жестокость нападения. Ощущение было такое, будто он сам находился рядом и видел все своими глазами.

Неожиданно пробравший озноб дал понять, насколько Найл продрог: мышцы лица одеревенели, а ресницы будто смерзлись. Он возвратился через пустой дом по своим следам. Передняя дверь заперта была клином — деревянным брусом. Найл, поднатужась, выдернул его и вышел наружу, на площадь.

Когда пробирался обратно, погружая ноги в свои же глубокие следы, вспомнилось волнение, охватившее при виде из окна спальни первого в его жизни снега. Снег превращал мир в подобие сказки. Теперь же он был просто холодным, мешающим ходьбе и каким-то... будничным.

Кто-то разжег огонь в большом камине напротив центральной двери. Вид пляшущих под зевом трубы языков пламени вызывал в душе лучистое, отрадное чувство; поневоле становилось ясно, отчего древние считали огонь божеством. А остановившись перед полыхающими поленьями и наблюдая, как стаивает с одежды снег, Найл подивился ноющей боли в пальцах, когда кровообращение вошло в норму.

В примыкающем к спальне покое Джарита, личная служанка Найла, затопила печь и накрыла на низеньком столике завтрак: холодное мясо, сушеные фрукты, мед, подслащенное молоко и свежеспеченный хлеб. Прежде чем садиться за еду, Найл переоделся в сухое: свободный, удобный шерстяной балахон и шлепанцы с опушкой. Затем он, скрестив ноги, сел на шелковые подушки, отломил от горячего каравая корочку и намазал ее маслом и медом. Обычно это время суток нравилось Найлу больше всего — предшествующий работе час, когда можно было, не отвлекаясь, поесть и поразмыслить о невероятных превратностях судьбы, переметнувших его из пещеры в пустыне на трон правителя пятидесятитысячного города. Для Найла это был важный час; подсознательный ум, все еще ошеломленный быстротой перемен, не успел полностью освоиться. Случалось, Найл просыпался среди ночи и, думая, что он в подземной норе, спохватывался, где же родня...

Однако нынче утром не получалось ни расслабиться, ни воздать должное еде. В голову лезли лишь нелегкие мысли о том, кто же убил Скорбо и зачем. Оба вопроса заставляли теряться в догадках. Да, в городе полно ненавистников Скорбо, которые возликовали бы, заслышав весть о его гибели. Но ни у одного из них не достало бы ни отваги, ни дерзости заманить его в ловушку. Эти люди пробыли в рабстве у пауков так долго, что собственная воля у них полностью атрофировалась — помыкай ими как хочешь. И бесполезно лелеять надежду о расплате или возмездии: пауки горазды читать их мысли проворнее, чем Найл — книги.

Иное дело те, кого угнали в неволю из подземного города Каззака. Их умы остались непокоренными, к тому же вражда к паукам внушалась поколением за поколением. Но теперь, раз больше они не рабы, нет им смысла и враждовать. Большинство из них теперь надсмотрщики и учетчики, вполне довольные своим уделом. Жизнь под вольным небом вместо утлого существования в катакомбах вызывает у них восторг. И кроме того, даже им не хватает дерзости и коварства устроить ловушку...

В дверь легонько постучали, и заглянула рослая темноволосая девица. Нефтис, начальница личной охраны Найла. Она избегала смотреть ему в глаза: знала, что Найл очень негодует, когда его донимают за завтраком.

— Там в передней повелитель Дравиг.

— Проси.

Найл улыбнулся девушке, он не желал, чтобы слуги боялись его. Но в тех давно проштамповались страх и почтение перед вышестоящими. Их страх перед пауками напоминал страх раба перед каким-нибудь безжалостным тираном. И то, что Найл запросто, на равных общается с тиранами, вызывало у них благоговейный ужас. Это стало еще заметнее, когда в покои вошел Дравиг: Нефтис простерлась перед ним ниц, в то время как сам Дравиг присел в ритуальном жесте поклонения перед Найлом.

Судя по всему, Дравиг был самым старым пауком во всем краю, за исключением разве что древней паучихи, заправляющей советом города. Росту в нем было больше двух метров, только туловище тоньше и немогшей обычного да ворсинки тронуты сединой. Насколько пауку можно понять человека, а человеку — паука, эти двое друг друга понимали.

Найл отодвинулся от столика и сел на подушку, чуть на возвышении. Продолжать трапезу было бы невежливо. По какой-то причине вид людей, занятых едой или питьем, вызывал у пауков брезгливость, все равно что у человека вид паука, поглощающего муху или крысу.

Дравиг не стал тратить время на околичности.

— Тебе известно, что Скорбо убит?

— Да.

— У тебя есть кто-нибудь на подозрении?

— Нет.

Во время этого диалога Найл говорил вслух, в то время как Дравиг изъяснялся телепатией. Изъяснялся телепатией и Найл (пауки не способны воспринимать человеческую речь), но ему сподручнее было проговаривать слова вслух, это как бы придавало мысли дополнительную внятность.

— Смертоносец-Повелитель очень сердит?

Даром что повелевала самка, людям она была известна как Смертоносец-Повелитель.

— Разумеется. Но он не отступится от соглашения.

Дравиг сознавал то, что на уме у Найла, в этом и заключалось преимущество общения посредством телепатии. Пока люди

жили в рабстве, убийство одного паука каралось с немислимой жестокостью: мучительной смерти порой предавали сотни людей... Когда рабы обрели свободу, Смертоносец-Повелитель согласился, что умерщвлений больше не будет.

— Тем не менее,— сказал Найл,— убийцы, если будут найдены, должны понести наказание.

— Решение зависит от тебя. Мы от соглашения не отступим.

Диалог прервался, и наступила тишина, но это была тишина понимания. Разум навел перемычки между двумя разными сущностями, Найл и Дравиг как бы слились воедино.

Дравиг:

— Но я не могу понять, как людям удалось убить паука.

— Пойдем со мной,— Найл поднялся,— я тебе покажу.

На том месте, где искалеченный Скорбо рухнул окончательно, орудовала бригада рабов, лопатами кидая снег в тачки, а кровь смывая ведрами подогретой воды. Оставлять паучью кровь — пятнать землю — считалось кощунством. Когда Найл с Дравигом проходили мимо, надсмотрщик шелкнул бичом, велел рабам застыть навывтяжку, Найл отвел взгляд: пустые глаза и отвислые челюсти рабов всегда вызывали у него неуютное чувство.

Дверь была приоткрыта точно так, как ее оставил Найл. Когда вошли в усеянную мусором переднюю, Дравиг приостановился и разомкнул челюсти-хелицеры; просто так он этого бы делать не стал — значит, что-то почуял. Но этим все и ограничилось, спустя секунду он следовал за Найлом по коридору и наружу в сад.

Найл указал на пальму с обтесанной верхушкой.

— Вот что убило Скорбо.

Дравиг не взял в толк решительно ничего. Пауки безнадежно далеки от понимания элементарных принципов механики. Найлу пришлось передать умозрительную картину, прежде чем Дравиг смог уяснить, как дерево можно использовать в качестве орудия убийства. Но и это, похоже, не убедило. Чтобы он удостоверился окончательно, пришлось указать на веревку, все еще болтающуюся возле верхушки дерева, и на стену в кровавых пятнах.

Указал Найл и на саму форму кровавых всплесков — эдакие султанчики-хвостики, — объяснив, что такие очертания у них от неимоверной силы удара.

— Человечий ум удивительно гибок и скрытен, — заметил Дравиг с некоторым замешательством.

Найл указал на осколок кости, лежащий в снегу.

— Удар пришелся чуть сбоку, поэтому убить его не убило, а только сломало ноги. Пока он лежал в бесчувствии, кто-то набросился с тяжелым оружием — вероятно, топором — и проломил череп. Вот почему он не смог послать сигнал о помощи.

— Кто бы это ни совершил, — проговорил Дравиг, — он за это поплатится.

Сила его гнева была так велика, что Найл качнулся как от удара, отступив на шаг. Открылось, насколько он недооценивал глубину переживаний Дравига. Человек к кончине паука отнесся бы с известным равнодушием. Для Дравига же это была гибель сородича, наполняющая его гневом и жадой мести.

До Дравига тут же дошло, как его вспышка гнева отразилась на Найле, и он послал умоляющий, жалобный импульс; Найл ответил в том духе, что извиняться вовсе не обязательно. На языке людей этот мимолетный обмен можно было бы выразить так:

— Решение зависит от тебя. Мы от соглашения отступим.

«Ой, извини, пожалуйста. Я не хотел задеть (а может, “испугать” или “шокировать”）」.

«Не надо извинений, я все прекрасно понимаю».

В отличие от фраз импульсы переметнулись мгновенно, причем с точностью, превосходящей силу слов. Найл невольно осознал убогость и несовершенство человеческой речи.

Дравиг подступил к пальме и обхватил ее челюстями и четырьмя передними лапами. Найл наблюдал с растерянностью, перешедшей в замешательство. Неужели старику не ясно: чтобы выдрать дерево с корнем, понадобятся усилия не одного, а как минимум нескольких пауков? Замешательство сменилось изумлением, когда спустя некоторое время в ответ на паучы потуги послышался треск: корни явно сдавали.

Дело тут было не в одной лишь физической силе, а еще и в силе воли, подкрепленной яростью. Когда земля вспучилась,

паук на мгновение покачнулся, но тут же восстановил равновесие и опять поднатужился. Секунду спустя пальма была выкорчевана из земли. Дравиг с презрением ее отшвырнул, и она с треском рухнула в кусты.

Паук молчал, но, видимо, после физического усилия гневливое отчаяние в нем поутихло.

Найл, шагнув вперед, заглянул в яму с переплетенными обрывками узловатых корней, торчащих из взрыхленной бурой почвы. Два из них, самых толстых, лопнули (вот это силища!). А Дравиг вместе с тем не выказывал ни намека на усталость, даже дыхание не изменилось. Найл понял, что паук использовал свою колоссальную силу воли — такую, что из человека вышибла бы дух, — напружинив мускулы в едином умопомрачительном усилии. И как уже нередко бывало при контактах со смертоносцем, Найл исподволь почувствовал наличие грозной потаенной силы.

Что-то попало на глаза во взрыхленном грунте. Нагнувшись, Найл подобрал лежащий меж корней предмет серого цвета. Диск, сантиметров десяти в диаметре, на удивление тяжелый. Найл прежде слышал о свинце, но ни разу его не видел; теперь он догадывался, что держит в руке именно его.

Смахнув с диска землю, он неожиданно увидел, что на одной его стороне высечен нехитрый узор, всего из четырех линий.

— Что это? — поинтересовался Дравиг.

Найл протянул диск, и паук уцепил его когтем.

— Лежал в яме, — сказал Найл. — Положили его туда, должно быть, когда сажали дерево.

— Тебе это о чем-то говорит?

— Нет.

Паук обронил диск, Найл подобрал.

— Захвачу с собой. Попробуем выяснить, что это такое.

Находка оттягивала карман балахона, и Найл на время оставил ее возле двери.

Дравиг взялся обыскивать кусты. Найл указал на веревку, обмотанную вокруг корневища низкорослого деревца:

— Вот другой конец веревки. Кто-то, должно быть, ее обрезал, когда Скорбо выходил из двери.

Чем бы там ни резали веревку — топором, ножом ли, — лезвие было изумительно острым, концы оказались ровными, не измочаленными.

— Ты что-нибудь еще заметил? — осведомился Дравиг.

Найл подумал. Думал размеренно, не спеша, понимая, что у пауков терпение куда сильнее, чем у людей.

— Кто бы это ни совершил, рассчитал все как следует, — сказал он наконец. — Я считаю, их должно было быть по меньшей мере трое. И по какой-то причине они ненавидели Скорбо.

— Ты полагаешь, выслеживали специально его?

— Я склоняюсь к такой мысли. — Найл решил не вдаваться, почему Скорбо недолюбливали: казалось неучтивым по отношению к мертвому. И Дравиг, чувствующий, что Найлу есть что добавить, деликатно помалкивал. — Вероятно, они зашли через парадную дверь, — предположил Найл. — Но обратно через нее не выходили, а просто приперли лесиной. Получается, что перебрались через стену. Ага, вот оно что!

Найл продрался через едва заметный проход меж кустами и стеной, что слева, и там наткнулся на невысокие воротца. Сделаны они были из железа, уже проржавевшего. Тем не менее, когда он налег на створки, те повернулись без скрипа. Оглядев шарниры, Найл понял, что они смазаны.

Воротца выходили в узкий закоулок, разделяющий две стены, специально, видимо, и встроенный для входа в сад. Метрах в двадцати от ворот закоулок упирался в стену дома. Если же смотреть в другую сторону, то в сотне метров его перегораживала высоченная куча, образованная рухнувшей стеной.

Дравиг, вместе того чтобы протискиваться через воротца, счел более удобным перебраться через стену и стоял теперь в заснеженном закоулке неподалеку от Найла. Любые следы, если их кто-то и оставил, были безнадежно занесены недавним снегопадом. Стояли молча. Кстати, любопытно: находясь рядом с пауками, испытываешь эдакое созерцательное спокойствие, заодно обостряется и интуиция. Ум распирало от вопросов и смутных догадок, заставляло с обостренной резкостью реагировать на пестрые, хаотичные детали окружающей действительности, назойливо притягивающие к себе внимание. И тут Найл произвольно, совершенно неожиданно для себя

расслабился, физический мир в одно мгновение будто бы отхлынул. Даже руки и ноги перестали зябнуть, будто принадлежали кому-то постороннему. В этой новоявленной тишине у Найла пробудилось иное, какое-то настороженное внимание, словно бы сейчас, через мгновение, должно что-то произойти — звук ли грянет или что-нибудь еще. Пока он стоял, совершенно расслабившись, ощущение все усугублялось. Было в нем что-то неприятное, предвещающее угрозу.

Недвижно, без намека на нервозность стоял Дравиг; кстати, по контакту с ним Найл чувствовал, что паук совершенно не чувствует тревоги. Часто Найл замечал любопытную вещь: пауки, даром что телепаты, иной раз просто удивляют отсутствием чувствительности. Может, потому, что им так редко приходится страшиться.

Найл пошел медленно, повернув голову, будто прислушивался. Поскольку взгляда он не отрывал от земли, то в конце концов возле левой стены обнаружил следы ног — немного, с полдесятка. Следы вели в противоположную сторону. Оставивший их — уж кто, неизвестно — двинулся было в одну сторону, но затем возвратился. Ветер дул с севера, а потому следы оказались занесены позже. Тут Найл остановился и, опустившись на колени в снег, начал пристально их изучать. Первое, что бросалось в глаза, это то, что обувь — сандалии или башмаки — отменного качества. Сандалии, которые носит в этом городе простой люд, в целом неважные: толстая кожаная подошва и продетые снизу через отверстия ремешки, а то и просто матерчатые тесемки. Чтобы сберечь обувь от износа в местах, где она соприкасается с землей, отверстия утопляют в подошву и тесемки меньше трутся. Так что следы, оставленные слугой или рабом, были бы совершенно отчетливы: три пары отверстий. А вот те, кого пригнали из подземного города Каззак, носят обувь поизысканней. Имея в распоряжении гораздо больше времени, башмачники Диры изошрялись в своем искусстве и прихватывали щегольские кожаные ремешки точь-в-точь по размеру стопы. Если так, то вероятнее, что следы на снегу принадлежат жителю Диры.

— Это отпечатки одного из убийц? — спросил Дравиг.

— Да.

— Я чувствую, они вызывают у тебя любопытство.

— Странно как-то. Если посмотреть на мои следы, то видно, что все равномерно, пятка и носок утоплены на равную глубину. А у этих пятка гораздо глубже, чем носок.

— Я это вижу,— учтиво сказал Дравиг, но, судя по всему, причины любопытства Найла не уловил. По-видимому, логическое мышление паукам не свойственно.— Так что ты насчет всего этого думаешь?

Найл, выпрямившись, покачал головой.

— Что он нес какую-то тяжесть,— сказал он, сам не очень веря своим словам.

В полусотне шагов по ходу дорожки частично перегораживал завал мусора, образованный рухнувшей слева стеной. По ту сторону находился разросшийся сад. Дом, при котором он рос, когда-то впечатлял своим видом, а теперь рассыпался от ветхости. Найл приостановился, задержав на доме взгляд. Опять мелькнуло ощущение, будто что-то, готовое вот-вот войти в область активного восприятия, невесомо скользнуло и исчезло. Осмотрительно ступая, Найл через груды камней перебрался в сад. Неизъяснимое чутье подсказало повернуть налево и тронуться в сторону прохода в кустах. Лишь подойдя вплотную, он обнаружил, что здесь снега не так густо, как по соседству.

Пройдя от дома два десятка метров, он увидел перед собой пустую чашу бассейна. Пластик давно уже покрылся трещинами и черным налетом, только в отдельных местах проглядывал первоначальный синий цвет. Дно усеяно было мусором: палыми листьями, отвалившейся плиткой и битым стеклом. Однако внимание немедленно привлекла груда мусора на ближней к дому боковине, судя по всему недавняя. В углу бассейна, возле вделанной в стенку алюминиевой лесенки, все еще прочной, вперемешку со снегом навалены были сучья, обломки прогнившего дерева, павшая листва.

Дравиг молча стоял за спиной.

— Ты ничего не замечаешь? — поинтересовался Найл.

— Нет.

Усы-антенны были направлены в сторону бассейна.

— Вон там, на лужайке, снега почти нет. Кто-то не почел за труд сгрести все палые листья,— он указал вниз, на дно бассейна,— и сбросить туда.

Найл обошел вокруг и спустился по лесенке; по пути обнаружил, что и на ступеньках снега почти нет. Постояв внизу, нагнулся и потянул длинную полуистлевшую балку — вероятно, раньше она служила притолокой. Балка увлекла за собой сухой куст. И тут обнаружилось то, что, в принципе, Найл и рассчитывал увидеть: человеческая стопа, присыпанная влажной листвой.

Минуты не прошло, как подоспел Дравиг и уже помогал раскидывать листья. Обнаруженный труп был голым. Мужчина с невероятно раздутыми конечностями. Почерневшее лицо лоснилось, как выделанная кожа. В ногах у Найла появилась предательская слабость: вспомнился труп отца, лежащий поперек порога их пещеры в пустыне.

— С одним таки Скорбо справился, прежде чем погибнуть, — удовлетворенно произнес Дравиг.

Найл начал осторожно нагибаться, пока по запаху не убедился, что труп, несмотря на раздутость, разлагаться еще не начал. Ухватив мертвое тело за ногу, он вытянул его из груды палой листвы. Смерть, очевидно, была мучительной: глаза широко раскрыты, зубы оскалены в гримасе, окоченевшие колени неестественно вывернуты.

— Ты его знал? — спросил Дравиг.

— Нет. — Тут и знакомого-то не узнаешь, вон как разнесло.

Найл отвернулся, от вида вытаращенных глаз и оскала тошнило. По лестнице выбрался назад на лужайку. Все-таки хорошо, что холод. В жаркий день труп уже облепили бы навозные мухи и от тела мало бы что осталось, ведь размером они едва ли не с птицу.

Найл стоял, пристально оглядывая лужайку. Каких-нибудь пять часов назад здесь в темноте орудовала группа людей, сбросив в кучу снег и листву, чтобы забросать труп; должны же они хоть что-то еще после себя оставить. Но недавний снегопад прикрыл все следы. А зачем было так стараться, забрасывать? Рассчитывали, что ли, потом возвратиться и похоронить достойно? Да нет, едва ли. Одежду сняли, потому что могла выдать, к каким слоям принадлежал погибший. По той же причине, вероятно, спрятали и само тело. Тогда напрашивался вывод, что убийцы — местные, городские, что само по себе просто невероятно.

Пока он стоял, напряженно раздумывая, Дравиг терпеливо дожидался. Когда Найл наконец со вздохом покачал головой, паук спросил:

— Ты хотя бы приблизительно догадываешься, кто за это в ответе?

— Нет. Загадка на загадке.

Над крышами поплыл звук гонга. В дни рабства он возвещал, что выходить на улицу запрещено; все, кто не успел укрыться, становятся добычей. Теперь сигнал раздавался по утрам, означая начало рабочего дня.

— Я должен идти к себе,— сказал Найл.— Через полчаса заседание Совета.— Полное название было Совет Свободных Людей, но Найл сокращал, шадя паучье самолюбие.

Когда пробирались через кусты назад, Найл заметил нечто, зацепившееся за ветку. Это была тонкая, изящной работы золотистая цепочка с кулоном такого же цвета. На одной его стороне был изображен символ, который они уже видели сегоднѣ утром. Найл показал находку Дравигу, но тот уставился без всякого понимания. При всем своем уме пауки не различают символов.

— Такой же знак был на том свинцовом диске, что нашли под деревом,— пояснил Найл.

— И что он означает?

— Не знаю. Но попробую выяснить.

Когда возвращались по закоулку между стен, Найл остановился и указал на следы.

— Теперь мне ясно, почему пятка глубже носка. Человек пѣтился, когда нес тело.

— А почему они не оставили труп там, на месте?

— Они рассчитывали, что, убирая, прячут все следы. Если бы снег валил гуще, мы так бы никогда и не дознались, как погиб Скорбо.

— Снег был им в помощь,— рассудил Дравиг.

— Он же и во вред.

В пахнущем сыростью, захламленном и пыльном коридоре Найл остановился, чтобы оглядеться еще раз. Теперь в пыли заметил еще и следы двух сандалий.

— Все никак не могу взять в толк,— поделился Найл,— как они заманили Скорбо сюда?

— Это я могу объяснить.— Найл вскинул удивленный взгляд на Дравига.— Они использовали запах паучихи-самки во время гона.

— Ну конечно же!

Именно его Найл и учуял, когда вошел сюда в первый раз. Когда он возвратился с Дравигом, запах уже выветрился — для Найла, но не для паука с его более тонким чутьем.

— Что я, по-твоему, должен сообщить Смертоносцу-Повелителю? — осведомился Дравиг.

Вопрос застал врасплох. Скорбо погиб, но при чем здесь он, Найл? И тут неожиданно дошло, что так рассуждают только непонятливые дети. Он, Найл, правит людьми в этом городе. Поэтому хочешь не хочешь, но ответственность за убийство несет он.

— Пожалуйста, передай Смертоносцу-Повелителю, что я приложу все старания, чтобы найти преступников. Когда это будет сделано, мы передадим их вам для наказания.

— Благодарю.

Умы паука и человека мимолетно соприкоснулись (вроде как рукопожатие!), и Дравиг двинулся на другую сторону площади. Когда им случалось быть наедине, главный советник, изменяя обычаю, не приседал, зная, что Найлу от этого неловко. Хотя сам Дравиг предпочел бы присесть, как все, ведь это соответствовало его миропониманию и чувству порядка.

Собравшись было идти на площадь следом за Дравигом, Найл кстати вспомнил про свинцовый диск, который оставил возле ведущей в сад двери, и возвратился за ним по коридору. Диска не было. Найл досконально помнил место, куда его положил, сохранился даже отпечаток на снегу, слегка присыпанный землей.

Перед домом рабы очищали от снега весь тротуар. Богатырского сложения надсмотрщик с дубоватой физиономией вскочил навытяжку, когда Найл приблизился.

— Как звать? — осведомился Найл.

— Дион, господин.

— Кто-нибудь заходил в дом на твоих глазах последние десять минут?

— Нет, господин.

Найл, слушая ответ, прошупал ум надсмотрщика: и вправду нет.

— А из рабов никто не был?

— Нет, господин.

На этот раз голос дрогнул. В общем-то, понять можно. Глядеть, как рабы лопатят снег, не бог весть какое развлечение; надсмотрщик, ясное дело, отвернулся и глазел вдаль.

Найл задумчиво посмотрел на рабов. Трудно представить, чтобы кто-то из этих сонных созданий позарился на диск. Начать с того, что неудобно его таскать в кармане рубища. Рабам действительно присуща вороватость, но обычно они умыкали съестное или что-нибудь блестящее. Найл прошелся по умам тех, что поближе. Обычная картина: эдакая зыбкая облачность без прошлого и будущего, сплошное настоящее. Умы у рабов не преобразуют окружающее, по сути, никак. В сравнении с ними даже надсмотрщик казался чудом интеллекта. Зондируя умы рабов, Найл всегда испытывал уныние. Внутренняя пустота была им привычна настолько, что заражала, как болезнь.

— Слушай меня, Дион,— сказал Найл.— За этим домом есть сад, там в стене воротца. Пойдешь по моим следам вдоль прохода. Выйдешь к бассейну, пустому, и там на дне увидишь мертвое тело. Принеси ко дворцу. Понятно?

— Да, господин.

Если бы Дион и удивился, на лице не отразилось бы решительно ничего. При пауках надсмотрщиков дрессировали четко, как механизмы.

Шагая по своим оставленным в снегу следам, Найл пребывал в задумчивости. События прошедших нескольких часов вносили небывалую сумятицу. Вместе с тем вызывали они не тревогу, а, скорее, досадливую растерянность — и без того дел неворорот, а тут еще это.

Минувшие полгода по числу дел были самыми насыщенными и волнующими в его жизни. С той поры как у пауков была отвоєвана свобода, пошла не жизнь, а сплошное приключение. В пору рабства мышление людей подавлялось. Малыши содержались в детских под строгим надзором; людей, выдающих признаки необычайной одаренности, уничтожали. Книги

были под запретом, равно как и всякие механизмы. Технические приспособления под страхом смерти запрещалось мастерить даже слугам жуков-бомбардиров, всегда пользовавшимся относительной свободой.

На деле слуги жуков запрет саботировали, втайне обучая детей грамоте. В городе же пауков попустительства не было. С самого рождения в умы слуг систематически вторгались хозяева, даже потаенные людские мысли были перед пауками как на ладони. Большинство о свободе никогда и не помышляли.

Иное дело — жители Диры. До порабощения, что в прошлом году, они были свободны. Но умы их из поколения в поколение ограничивали заточение в подземной крепости, а также постоянные дисциплинарные строгости, обусловленные необходимостью хорониться от паучьих воздушных дозоров. Для обеспечения безопасности тамошние правители — как и последний венценосец Каззак — требовали неукоснительного подчинения и лояльности. Даже к женщинам Диры Каззак относился как к своему гарему. Так что люди Диры лишены были возможности самостоятельно принимать решения, как и в городе пауков.

Найл достаточно быстро уяснил, что людей необходимо учить пользоваться своей свободой. От ее избытка они теряются и впадают в лень. Поэтому мужчины в городе пауков по-прежнему выходили на работу под присмотром служительниц. Только теперь эти служительницы состояли — по крайней мере номинально — в подчинении у Совета Свободных Людей. Фактически люди продолжали трудиться бок о бок со своими прежними хозяевами и к паукам относились с почтением, внушенным с детства. По их разумению, Найл сошел бы за управителя, назначенного пауками. Стремления к «свободе» у них не было.

Тем не менее люди отличались от пауков в одном, основном: своей неумной тягой к «новинкам». Найл вскоре усвоил, как это можно использовать, чтобы усилить тягу к свободе. Слуги жуков теперь чего только не мастерили: газовые лампы, часы, кухонные приспособления, механические идиоты, электрические фонарики, детские книжки с картинками, да-

же велосипеды. Попадая впервые на глаза жителям города пауков, подобные вещи производили сенсацию. Механические игрушки пользовались таким спросом, что взрослые выменивали их на одежду и еду. Но представляющих интерес товаров в городе пауков было не так уж много — один чужак, по слухам, предложил отблатрачить сотню часов за газовую лампу! Сознавая всю безвыходность положения, Найл решил ввести в обиход самое поразительное из всех известных новшеств: деньги. В обмен за каждодневный труд люди стали получать медные монеты, отливающиеся на специально построенном монетном дворе. Эти монеты они могли использовать для покупки еды, одежды и «новинок».

Результат превзошел все ожидания. В течение недели люди выкладывались как могли, чтобы скопить побольше денег на «новинки». В окнах с наступлением темноты теперь горели газовые лампы. Производители одежды и обуви начали изготавливать «роскошь», за которую можно было надбавить цену. Булочки взялись испекать пироги, торты, пряники, и серый, грубого помола хлеб, с незапамятных времен бессменный рацион большинства, уступил место ситным белым булкам, выпекающимся каждый день. Из города жуков пришла мода на прически, вскоре все женщины города пауков щеголяли в ярких нарядах и стеклянных бусах. Едва последовало разрешение на совместное проживание мужчин и женщин (пауки держали их раздельно), как оба пола перестали обитать в скученных подвалах и начали занимать пустующие здания. Целых стекол в городе пауков считай что не сыскать было. Теперь, когда слуги жуков освоили изготовление стекла, мужчины и женщины стали посвящать свободное время ремонту и обустройству своих новых семейных гнезд. Когда-то с наступлением вечера город пауков погружался во мрак и безмолвие. Теперь по вечерам на улицах было еще болеелюдно, чем днем. И у гуляющих пар вид был уверенный, какой-то просветленный. Все это читалось в людских глазах — любо-дорого взглянуть! Найл не тешил себя иллюзиями, понимая, что большинство этих людей напоминает неискушенных ребятишек, да к тому же еще и корыстных. Тем не менее начало положено. Через несколько поколений — Найл, видно, и не доживет до этих

времен — они, глядишь, способны будут решать свою судьбу самостоятельно.

Вот почему Найл так волновался перед заседаниями Совета: каждое из них было вехой. Из двадцати членов Совета четверо были из города жуков и на первых порах, по сути, главенствовали, задавая тон заседаниям своими предложениями и рекомендациями. Теперь же надо было быть дотошным наблюдателем, чтобы отличить этих представителей на общем фоне. На прошлом заседании один из членов Совета предложил, чтобы в темное время суток улицы освещались газовыми фонарями, расходы за которые должны нести жители соответствующих улиц. Только Найлу было известно, что в древности расходы на уличное освещение брала на себя мэрия. Или еще пример: один повар, обеспечивавший как-то раз ночным питанием сотню мастеровых, попросил разрешения переделать пустующее помещение в обеденный зал, где люди могли бы за деньги питаться едой, которую он берется готовить с помощью семьи; только Найлу было известно, что понятие харчевни старо как мир. Или взять гужевых, когда-то обслуживавших исключительно служительниц и по большей части простаивавших в ожидании хозяев; эти теперь предлагали на коллективных началах организовать систему общественного транспорта. Волнение разбирало при мысли, что все эти люди — Найл в мыслях называл их своими людьми — начинают постепенно привыкать к самостоятельности и что когда-нибудь этот период займет важное место в книгах по истории.

И надо же, теперь, именно тогда, когда люди начинают оценивать значение свободы, это убийство грозит поставить крест на всем, что достигнуто. Найл сознавал, что многие пауки крайне недовольны существующим положением; к людям они всегда относились как к рабам, чья жизнь значит не больше, чем жизнь распоследней букашки. А теперь им заявляют насчет этих двуногих паразитов, что они, дескать, под особым покровительством Нуады, богини Дельты, и потому Смертоносец-Повелитель требует, чтобы с ними обращались как с равными, вон даже закон издали. Абсурд, конечно. Ничто не может заставить паука относиться к человеку как к равне. Но, привычные к подчинению, пауки соблюли букву закона и пе-

рестали обращаться с людьми как с существами низшего порядка. Однако презрение к двуногим сохранилось, только теперь не выражалось открыто. А поскольку сами люди по-прежнему относились к паукам с боязливым почтением, открытой вражды не возникало.

Но совсем иное положение сейчас, когда двуногие гниды посмели убить смертоносца. За это, безусловно, надо сурово наказать — как в былые времена, когда зарвавшихся наглцов пытали и казнили, иной раз по сотне кряду!

Дравиг сказал, что Смертоносец-Повелитель от соглашения не отступится и к человеческой жизни пауки будут относиться с почтением. Но пауки с их развитой телепатией гораздо точнее сознают чувства друг друга, чем люди. Если критическая масса окажется чересчур велика, то даже деспотичный Повелитель вынужден будет пересмотреть политику...

Из этих неуютных размышлений Найла вывели двое гужевых, усердно пробирающихся через глубокий снег. В повозке сидел дородного вида мужчина, потряхивающий головой от плохо скрываемого нетерпения. Найл узнал надсмотрщика Бродуса, видного члена Совета Свободных Людей. Едва Бродус заметил Найла, как раздражение на его лице сменилось тароватой улыбкой. Он сидя поклонился.

— Доброе утро, ваше высочество, прошу простить за опоздание.

— Доброе утро, Бродус. — (Дородное лицо преобразилось, в улыбке появилось нечто самодовольное: нравится, когда имя произносят вслух.) — Боюсь, мы все задерживаемся. Ты, пожалуйста, передай Совету, что я буду через несколько минут.

— Безусловно, ваше высочество. — Выбираясь на снег, он метнул гневный взор на гужевых.

Найл двинулся по ступням наверх, и в это время навстречу быстрым шагом стала спускаться Нефтис.

— С тобой дожидается встречи принцесса Мерлью, — сообщила она шепотом.

— Какая встреча?! У меня заседание Совета.

— Я ей сказала.

— Хорошо, спасибо, Нефтис.

Когда он приблизился к комнате, дверь открылась и вышла Мерлью: должно быть, специально караулила.

— Доброе утро, Найл.

— Доброе утро, принцесса. — Он специально упомянул официальный титул.

Короткое красное платье из паучьего шелка, подчеркивающее формы, делало ее ослепительно красивой, медно-золотистые волосы были зачесаны за спину.

— Тебе, наверное, холодно. — Она взяла обе его руки в свои. — Ну конечно, ты же весь продрог! И лицо вон тоже. — Она ласково положила ладони ему на щеки: тепло, приятно. Чувствовалось, как поспешность отходит на второй план. Ну что ты будешь делать, никак не удастся охладеть к Мерлью, во всяком случае надолго.

— У меня заседание Совета...

— Я знаю. Пускай подождут. У тебя есть привилегия.

— Точность — оружие королей.

— Умница! — Она рассмеялась. — Надо запомнить.

Хотел было сказать, что вычитал это в старой книге, но Мерлью персбила:

— У меня для тебя подарок.

Найл неопределенно хмыкнул, стаскивая башмаки и толстые шерстяные носки.

— Новая служанка. Звать Савитра. Я ее вышколила сама.

Найл возился с застежкой на сандалии и был благодарен, что лица у него не видно.

— Спасибо, но я не могу ее принять.

— Почему же?

— В этом доме командуют женщины. Проблем не оберешься.

— Все будет в порядке, я уверена. Я поговорю с твоей матерью.

— Лучше не надо. А почему бы тебе не отдать ее моему брату?

— Знаешь ли, у Вайга... — Она заговорила тише. — У Вайга уже хватает ублажительниц, — сказала размеренно, со значени-ем. Вайг уже снискал себе известность дамского любезника.

— А у меня разве нет?

Мерлью вздохнула.

— Ох, как тебе трудно угодить.

Она взяла у него из рук пояс с церемониальным кинжалом и обернула его вокруг талии Найла. На миг ее груди с тверды-

ми сосками притиснулись к груди Найла, а их губы сблизилась. До Найла дошло, как легко сейчас было бы поддаться и сказать «да». Сдерживала единственно уверенность, что женщины будут принимать новенькую за доносицу и всячески выказывать ей презрение.

— Мне пора,— сказал он, когда Мерлью закончила с поясом.

— Мне надо сказать кое-что еще.

— Что? — спросил Найл, в нерешительности остановившись у двери.

Мерлью отступила назад и потупила взор — жест, всегда настораживающий Найла.

— Тут поговаривают... Совет намерен просить тебя жениться.

— Жениться? — Найл был искренне растерян.

— Я здесь совершенно ни при чем,— поспешно сказала она.— Так, краем уха от кого-то.— Потянувшись, Мерлью аккуратно одернула спереди его тунику.

— И что ты думаешь? — Найл вопросительно поглядел на Мерлью.

— Я только «за». — Она зарделась. — Я не навязываюсь тебе в жены. Красавиц полным-полно и среди служительниц. — (Найл нетерпеливо шевельнулся.) — Но тебе *нужна* помощница.

Найл из опыта знал, какое неодолимое, поистине гипнотическое влечение может вызывать Мерлью. Между тем всякий раз она открывалась ему как бы по-новому. Понятно, что и это платье она надела специально для него. Для того же служат и духи из цветков можжевельника — она знает, что это его любимые. Но все это мелочи в сравнении с той магией, которую она из себя источала; Найла тянуло обнять ее за обнаженные плечи и жадно, ненасытно целовать в губы. Найл переборол себя и отвернулся.

— Боюсь, речи нынче о женитьбе не зайдет.

— Почему? — Мерлью быстро посмотрела сверху вниз.

— Есть кое-что поважнее. Ты слышала насчет Скорбо? Мерлью покачала головой.

— Он убит.

— Как?!

Удивление не было наигранным; мысли Мерлью можно было прочесть при разговоре, и Найл чувствовал, насколько она потрясена. На душе стало легче. Мерлью не любила Скорбо, и в голове мелькнуло, что за всем могла стоять она.

У Мерлью тоже хватало сообразительности понять, к каким последствиям может привести это убийство, и она не на шутку встревожилась. Дочь Каззака имела представление о нравах пауков.

— Кто мог это сделать?

— Без понятия.

— Разумеется, не человек. Тебе не кажется, что это кто-нибудь из пауков?

— Нет. Человек это был, именно человек. Ну ладно, мне действительно пора.

На этот раз она не пыталась его задержать. Вместе с тем Найлу стоило усилия оставить ее. Спеша по коридору, он с улыбкой тряхнул головой. Мелькнуло даже некое подобие благодарности убийцам Скорбо за то, что дали Мерлью отбой.

Совет Свободных Людей заседал в большом столовом зале дворца. (Найл в свое время выяснил и дознался, что «дворец» был когда-то офисом страховой компании «Ройал иншурэнс», а большая столовая была когда-то помещением совета директоров.) И вот когда по просторному коридору он приближался к высоченным двойным дверям, кто-то помахал ему из завешенной портьерами ниши. По поношенной тунике болотного цвета Найл узнал Симеона, главного медика города жуков-бомбардиров. Сразу, как только провозгласили свободу, он обосновал школу медиков. Он также был одним из самых активных деятелей Совета. Было видно, что сейчас ему ай как не хочется быть увиденным кем-либо из посторонних. Когда Найл приблизился, он исчез за портьерой. Найл шагнул за ним.

— Дай шепну кое-что, — тихо проговорил Симеон. — Совет планирует тебя сосватать.

— Я уже слышал.

— От кого?

— От Мерлью.

Симеон саркастически хмыкнул.

— Это все она затеяла.

— А кто внес предложение?

— Корбин.

— Можно догадаться.

Корбин был еще и членом коллегии города жуков, они с Мерлью всегда были на короткой ноге.

— Я подумал, дай-ка на всякий случай предупрежу.

— Спасибо. Теперь бы надо идти, опаздываем.

— Давай я войду первым,— сказал Симеон, Найл иронично усмехнулся. Вот и будь после этого правителем: интрига на интриге, просто абсурд.

Раздался стук во входную дверь. Слуг поблизости не было, поэтому Найл подошел и отпер сам. Там стоял надсмотрщик Дион, а за ним шестеро рабов с импровизированными дощатыми носилками, на которых лежал труп.

— Куда класть, господин?

— Сюда, на стол.

Дион покачал головой.

— Не советовал бы вам класть его около огня, господин. Начнет смердеть.

— Разумеется, не будем. Вынесите стол во внутренний двор, а труп положите сверху.

Дион стал давать распоряжения рабам. Найл поспешил в зал заседаний.

Члены Совета с серьезным видом обсуждали что-то между собой и поначалу не заметили появления Найла. Затем, увидев, все как один вскочили и вскинули обе руки на уровень груди в ритуальном приветствии.

— Пожалуйста, садитесь, господа. Прошу простить за опоздание.— Он подвинул стул в торце стола.— У нас есть кое-какие важные вопросы...

— Очень, я бы сказал, важные вопросы,— вскочил с подобострастной улыбкой Бродус, сидящий возле Найла.— Быть может, я могу...

Найл поднял руку.

— Сейчас, минуту, советник Бродус. Господа, соблаговолите взглянуть в окно.

Все повставали и подошли к окну. Дверь во внутренний двор была открыта, и четверо рабов вытаскивали на снег стол.

Совет дружно ахнул, когда следом вытащили труп и положили на стол.

— Кто это? — спросил Симеон, удивленный настолько, что забыл назвать Найла господином, хотя всегда соблюдал эту формальность на заседаниях Совета.

— Не знаю. Я надеялся, кто-нибудь из вас может сказать. Выйдем наружу, если не возражаете.

Дверь из зала вела прямо во двор. Следом за Найлом все вышли на холод. Лицо мертвеца потемнело и распухло еще сильнее против прежнего. Члены Совета смотрели на труп с исприязнью, но без гадливости, так как видеть убитого паучьим ядом приходилось не впервые.

— Кто-нибудь его узнает?

Некоторые придвинулись, чтобы лучше разглядеть. Все один за другим качали головами.

— Симеон, а может, он из твоего города?

— Нет. Я там знаю каждого человека. Этот не из наших.

Пока оглядывали труп, Найл тщательно наблюдал за ними, чутко реагируя умом на каждую деталь. Было очевидно, что о гибели Скорбо не знает никто.

Симеон внимательно всматривался в ступни.

— Замечаешь что-нибудь? — спросил он у Найла.

Найл взгляделся внимательнее.

— Волос много.

Ноги человека от ступней и выше покрывали густые темные волосы.

— Я не о том. — Симеон взял мертвеца за два пальца на ноге и раздвинул их. — Взгляни. Он родился с перепонками, как утка. Их потом отделили.

Одoleвая гадливость, Найл нагнулся чуть ли не вплотную и меж большим и указательным пальцами заметил лоскуток свободно висящей кожи. Найл покачал головой.

— Что это значит?

— Просто дефект при рождении, я с этим сталкивался раз или два. Только теперь точно видно, что родился он не у нас в городе.

Некоторые из членов Совета выглядели озадаченно. Найл понял, что хотел сказать Симеон. Пауки выращивали людей

с расчетом на физическое совершенство, любой человек с малейшим дефектом уничтожался при рождении.

Найл повернулся к Диону.

— Накройте его простыней. Тело затем перенесите в мертвецкую.

Все с обеспокоенным видом вошли обратно в зал.

— Кто-нибудь в курсе, что произошло? — спросил Симеон.

— Да. Его убил Скорбо. — (Послышался сердитый ропот.) — Но это можно понять, — закончил Найл. — Он один из тех, кто ответствен за гибель Скорбо.

Его слова повергли Совет в ступор; Найл знал, что эффект будет именно такой.

— Один человек убил паука? — спросил кто-то, не веря ушам.

— Их было трое. Это была искусная ловушка. Они срезали ветки с листьями у молодой пальмы, затем согнули ее как пружину. Когда подошел Скорбо, то веревку обрезали...

Уточнять не было нужды. Слова, подкрепленные умозрительными образами, передавались в умы напрямую.

Найл вынул из кармана кулон на золотистой цепочке и протянул Бродусу.

— Кто-нибудь видел подобное?

Кулон переходил вокруг стола из рук в руки под сдержанное покачивание головами.

— Это было на мертвеце? — спросил Симеон. Найл кивнул. — Древняя работа. У нынешних ювелиров и умения не хватит изготовить такую цепочку.

— Ты не догадываешься хотя бы примерно, что это за символ?

— В молодости я увлекался древней наукой, алхимией, — сказал Симеон. — Этот символ напоминает мне хищную птицу.

— Да, в самом деле. — Приглядевшись внимательно, Найл отметил сходство.

Корбин, средних лет толстяк с головой, покрытой мелкими светлыми кудельками, проговорил с некоторым самодовольством:

— Я слышал, из пауков Скорбо в этом городе ненавидели больше всех.

— Может, и так,— заметил осуждающе Найл.— Только внести ясность, кто убийца, это нам не помогает.

— Я уверен, что из наших этого не мог сделать никто,— подал голос один из бывших жителей Диры; его земляки занимали в Совете около трети мест.

— Возможно, ты прав, Массиг,— сказал Найл.— Но кто же в этом городе должен знать хоть что-нибудь. Мне нужна помощь каждого из вас. Вы все должны уяснить, насколько это серьезно.

— А если мы их отыщем, что тогда? — спросил Корбин.

— Мы должны будем их выдать для наказания.

— А сами казнить мы их не сможем? — вмешался Массиг.— Мы же законная власть.

Найл понял его возражение. Пауки подвергнут виновных наихудчайшей смерти, какую только можно представить.

— Я понимаю. Но мы также должны показать, что обладаем чувством справедливости.— Он оглядел лица собравшихся и понял, что ни одного из них его слова не убедили.— Послушайте. Я все время недоумевал, почему пауки так ненавидят людей. Вначале думал, потому что они изверги. Затем я выяснил подлинную причину. Потому что они нас боятся. Они нас считают извергами. Поработить людей им пришлось потому, что, по их мнению, мы угрожаем их существованию. И мы пока не дали ни намека на опровержение. Тем не менее они согласились, что между пауками и людьми должен воцариться мир, что смертей больше быть не должно. А теперь получается, что мы как бы нарушили свои договорные обязательства. Что, если и они сочтут себя свободными от своих?

В наступившей тишине можно было прочесть людские мысли: страх, смятение и трусоватое: «А как же я?» Им всем очень даже нравилось заседать в Совете, разыгрывая из себя власть. А тут вспомнилось, что значит быть рабами, и ум похолодел от этой мысли.

Гастур, из города жуков, спросил:

— Ты думаешь, такое может случиться?

— Ну, не сию минуту.— (Вон какое сразу облегчение.) — Но такое возможно, вот почему мы должны продемонстрировать добрую волю.

— Что мы можем сделать, господин правитель? — спросил Бродус.

— Ты, я считаю, должен возвратиться к своим землякам и разобраться, что вы можете совместно предпринять. Этих людей кто-то, должно быть, видел. Может, разговаривал с ними. Они же не могли войти в город незамеченными. Если что-нибудь узнаете, немедленно докладывайте мне. — Он встал. — А теперь, наверное, пора заканчивать.

Все поднялись и церемонно поклонились. Когда люди один за другим стали вытягиваться из зала, Найл жестом попросил задержаться Симеона. Когда остались наедине, Найл закрыл дверь и сел за стол.

— Посоветуй, как быть.

Симеон покачал головой.

— Что можно сказать? Бросовое дело.

— Но кто, по-твоему, ответствен за это?

Симеон насупился.

— Вот где закавыка. Из ваших, насколько известно, этого не мог сделать никто, не хватило бы смелости. Наши пауков недолюбливают. Но убивать Скорбо у них попросту нет причины, это было бы глупо. Остаются жители Диры. Среди них есть очень многие, кто с удовольствием свел бы с пауками счеты. Кое у кого из них пауки во время набега на город убили родных и друзей. У некоторых на глазах сожрали детей. Насколько я вижу, у них одних есть веская причина расквитаться.

Найл качнул головой.

— Я не думаю, что это они.

— Почему?

— Есть нечто, о чем я не упомянул. Дравиг вырвал ту пальму из земли. А в корнях у нее оказался металлический диск — похоже, из свинца — с таким же точно символом, как на кулоне. Впечатление было такое, будто он там пролежал никак не меньше года.

— Почему, по-твоему, так долго?

— Потому что успел обрасти корнями.

Симеон посмотрел с замешательством.

— По-твоему, дерево было посажено специально, чтобы убить Скорбо?

— А тебе что-то иное идет на ум?

— А может, диск все же сунули туда позднее, чтобы делу сопутствовала удача?

— Может быть. Но у меня впечатление, что он там был с той самой поры, как посадили дерево. А это было по меньшей мере год назад, до того как пауки захватили Диру.

Симеон медленно повел головой из стороны в сторону, чувствуя, очевидно, растерянность.

— Если ты прав, то они готовились к этому очень давно, загодя.

— Я так и подумал, — кивнул Найл.

— Тогда кто же они, черт их дери?

— Ты слышал о людях из иных мест, из других земель?

— Нет. — Симеон надолго смолк. — Я не сомневаюсь, что такие, конечно же, есть. Мне приходилось слышать о людях с севера — людях, больше напоминающих животных. Но я никогда этому не верил.

— А почему?

— Потому что пауки бы их повыловили.

Спору нет, логично. В пору рабства пауцы воздушные дозоры регулярно прочесывали все районы, где, по их мнению, могли хорониться двуногие изгои.

— Могу я взглянуть на этот свинцовый диск? — попросил Симеон.

— Он исчез.

— Исчез?

— Он был тяжеловат для кармана, и я его оставил возле двери. А когда вернулся, он пропал.

— Получается, те самые должны были прятаться где-то поблизости?

Найл покачал головой.

— Скорее всего, это кто-то из рабов. Они как раз возились перед зданием.

— Ты спрашивал у надсмотрщика?

— Он ничего не видел.

— Но зачем рабу кусок свинца?

— Ты же их знаешь. Они тащат все, что плохо лежит.

— А обыскать ты их приказал?

— Да ну, стоит ли оно того.

А ведь, если разобраться, прав Симеон.

Симеон упорствовал.

— Послушай, если кто-то позаботился умыкнуть тяжелый кусок свинца, значит, видно, были причины. Даже рабу прок небольшой от куска свинца. Что, если среди рабов скрывались убийцы Скорбо?

— Не исключено,— пожал плечами Найл.— Но с виду не было ничего особенного, бригада как бригада.

— Даже если так, все равно надо сходить и проверить.

— Да, пожалуй, ты прав.

Тем не менее поднимался Найл неохотно, чувствуя, что идет на поводу, лишь бы убажить Симеона.

Бледное зимнее небо было безоблачным, от обилия солнечного света резало глаза. Рабы, по крайней мере, протоптали в снегу тропу, так что идти стало легче. Их на площади уже не было, лишь отчетливо виднелись следы подводы, на которой свезли мертвеца.

Анатомический театр находился в том же здании, что и недавно основанная медицинская школа, в трех кварталах к югу по главному проезду. Свернув за угол, Симеон с Найлом издали увидели, как рабы возятся с неким кулем у прибывшей к месту неуклюжей подводы. Когда подвода остановилась, прибавили ходу. Тело, по-прежнему накрытое рогожей, рабы сгрузили на широкую доску и поспешили с ней в здание. Надсмотрщик направился следом, но тут подоспели Найл и Симеон, оба запыхавшиеся после такой разминки.

— Дион,— позвал Найл,— ну-ка выстрой сейчас мне рабов. Вызови всех из помещения.

Надсмотрщик почтительно кивнул и рывкнул команду. Через несколько секунд носилки снова появились из здания. Вернее, не носилки, а доска — руки-ноги свисали по бокам. Найл велел взвалить труп обратно на подводу. Затем рабам было приказано выстроиться вдоль дороги в ряд. Найл пересчитал их, затем спросил надсмотрщика:

— Сколько должно быть?

— Тридцать, господин.

— А я вижу только двадцать девять.

Надсмотрщик растерянно моргнул и медленно пересчитал снова, поочередно тыкая в каждого пальцем.

— И то правда,— проговорил он. Повернулся к строю: — Смирр-на! — (Рабы сделали пятки вместе и вяло попытались приосаниться.) — Кто-нибудь знает, что с тем, которого нет?

— Я знаю,— сказал один, с впалой грудью и заячьей губой, стоящий возле самой подводы. На этом он замолчал и продолжать, похоже, не собирался.

— Ну так где он, ты, болван? — нетерпеливо прикрикнул Дион.

Раб поднял руку и молча указал на здание. Надсмотрщик ругнулся.

— Я, по-моему, велел явиться всем!

Тот в ответ уставился на него безразличным, воловьим взором.

— Пойдем-ка вместе с нами,— позвал Диона Найл.

— Кому-то бы надо приглядывать за другой частью здания,— заметил Симеон,— на случай, если он попытается улизнуть отсюда.

Найл бывал уже здесь несколько раз. Первый этаж здания был преобразован в травматологическое отделение и послеродовую палату. Здание было большое, поэтому человек мог направиться куда угодно. Пока стояли, не зная куда двинуться, Дион сказал:

— Если надо, я направляю бригаду и обыщу весь дом.

— Гляньте, он поднялся вон туда,— указал Найл. На одной из ступенек лежал не успевший растаять кусочек снега.

Они поднялись тихо, чтобы не вспугнуть преследуемого. Следующий этаж переделывался под палату, можно было слышать, как за закрытой дверью пилят дерево плотники; казалось маловероятным, чтобы человек пошел туда. Найл первым двинулся вверх по следующему пролету. К этой части здания никто еще не приступал, не был даже подметен пол, весь в обвалившейся со стен и потолка штукатурке, битом стекле и кусках дранки. Оглядев коридор, Найл сделал вывод, что свежих следов здесь нет; надсмотрщик же с шумом распахивал двери и заглядывал в пустые комнаты. Найл негромко дергнулся: тот, кого разыскивают, мог уже это услышать.

— Наверное, ищет, как вылезти на крышу. Он может пробраться в соседнее здание?

— Не исключено.— Симеон отворил ближайшую дверь. Через высаженные окна комнаты можно было видеть, что соседнее здание находится в каких-нибудь четырех метрах.— Для ловкого раз плюнуть.

— Надо бы поспешить.

Симеон положил ладонь ему на руку.

— Осторожно. Под крышей обитает паук. Может прыгнуть.

Разумная осторожность: даром что паукам теперь запрещалось нападать на людей, вторжение на личную территорию может быть расценено как грубейшая провокация.

— Смертоносец?

— Нет, розовый паук-клейковик.

Особый подвид, пауки-оонопиды, в целом безвредные, поскольку мельче по размеру, чем смертоносцы, и неядовиты. Но все равно намного сильнее и проворнее любого человека, а предплюсные клешни у них такие, что способны переломить руку.

Найл тихо и осторожно взобрался по лестнице, и когда добрался до верхней ступени, то совершенно неожиданно лоб в лоб столкнулся с пауком-клейковиком. Тот, очевидно, вышел на шум. На секунду оба одинаково оторопели, затем существо моментально отреагировало, обездвигив человека единым выхлестом волевой энергии. Ощущение было точно такое, будто тело целиком вмерзло в ледяную глину так, что и пальцем не шевельнуть. Полгода назад от такого ощущения Найл пришел бы в ужас, теперь же он привык к паукам так, что даже сердце не екнуло. Непротивление и отсутствие страха убедили паука, что двуногий безопасен, и он выпустил пленника почти тотчас же.

Найл никогда не наблюдал клейковиков и удивился красоте его окраски. Туловище, ноги и голова существа своим изящно-розовым цветом напоминали щеки здоровой деревенской девушки. В отличие, однако, от «бойцов» и смертоносцев, чьи хелицеры походили на клочковатые бороды, личина клейковика не имела с человеком решительно никакого сходства. Большая выпуклая голова, отдаленно напоминающая лысую

макушку человека, оканчивалась гладкими розовыми хелицерами с выступами клыков. Шестерка глаз располагалась в два ряда — четыре сверху, два снизу, — крайние глаза верхнего ряда самые выпуклые. Поскольку глаза также были розовые, то напоминали собой скорее стеклянные шарики. Будь это инопланетянин, он и то не смотрелся бы более экзотично.

Тем не менее, может, оттого, что существо совершенно не имело сходства с человеком, или из-за теплой окраски, но только Найл почувствовал, что ему нечего бояться. Он обратился к пауку с помощью телепатии, одновременно проговаривая слова вслух:

— Мы разыскиваем человека. Ты не видел его?

Паук как-то забеспокоился, неловко покачнулся на ногах, но не откликнулся. Глаза-фонарики — будучи ростом меньше двух метров, паук стоял вровень с Найлом — не выражали, казалось, ничего. Найл повторил вопрос, пытаясь на этот раз передать образ человека, но ответа все так и не было. Он осторожно ступил вперед, паук сделал шаг назад и в сторону. Жестом Найл позвал за собой Симеона и Диона.

Найл пытался поставить себя на место преследуемого. Если бы он поднялся наверх и обнаружил, что дальше идти некуда, что тогда? Этот этаж, как и остальные, представлял собой коридор с идущими по бокам комнатами. Комнаты, что справа, выходили на узкую боковую улочку, и через открытую по соседству дверь можно было видеть тенета клейковика, простершиеся к дому напротив. Беглец почти наверняка заметил их, прежде чем входить в здание, поэтому маловероятно, чтобы он двинулся направо.

А заподозрив, что в одной из комнат справа обитает паук, он двинулся бы налево, вероятно, на цыпочках. Найл внимательно рассматривал пыль и хлам под ногами, перемешанные с крыльями и хитиновыми покровами летучих тварей, и наткнулся на то, что искал. Следы, если не высматривать их специально среди кусков штукатурки и хлама, обнаружить было более чем сложно. Беглец, как Найл и предполагал, пробирался на цыпочках, чуть приметные следы периодически повторялись сантиметрах в пятидесяти друг от друга: двигаясь таким образом, человек делает более короткие шаги, чем идущий обыч-

ной поступью. А перед первой дверью, что слева, след был полный, там, где беглец остановился открыть дверь. Найл сделал то же самое, и взгляд упал на пустую комнату с невыбитыми стеклами. Укрыться здесь было негде, так что ясно, отчего беглец прокрался на цыпочках к следующей двери. Открывать ее было не обязательно, так как следы просматривались дальше в коридоре, иногда терялись там, где нет пыли и мусора, но потом возобновлялись. Но возле третьей двери шаги обрывались, дальше по коридору на них не было ни намека. Найл возвел руку, давая остальным знак остановиться; сердце отчаянно билось. Он осторожно повернул ручку и рывком открыл дверь. Комната, увы, была пуста. Однако оконная рама с треснувшим стеклом была поднята. Найл быстрым шагом прошел через комнату и выглянул наружу. Здание по всей длине опоясывал узорчатый карниз. Ширины в нем было от силы сантиметров пятнадцать, но он не составил бы проблемы для ловкого или отчаявшегося. Озадачивало единственно, что в здании через дорогу не было окна, куда можно забраться, — сплошная стена. Чтобы добраться до окна, беглецу надо было пройти метров шесть по карнизу в сторону главного проспекта. Но там рама была закрыта, а стекло целое. Можно было, наоборот, тронуться в другую сторону и, обогнув угол, выйти на тыльную сторону здания. Но, посмотрев вниз на землю, от которой его отделяло четыре этажа, Найл поневоле убедился, что только отчаяние могло бы толкнуть на такой поступок.

— А как насчет соседней комнаты? — спросил Симеон. Найл покачал головой.

— Следы оборвались возле этой. А ну-ка...

Согнувшись, он принялся кропотливо изучать пол.

Все в нем напряглось, когда он понял, сориентировавшись по следам, что беглец вернулся по комнате в угол, где находится еще одна дверь — не то стенового шкафа, не то комода. Найл поглядел в этом направлении, и остальным стало тоже все понятно. Подобравшись на цыпочках, Найл обнаружил, что прикрыта дверь неплотно: беглец, вероятно, не сумел закрыть ее полностью. Когда до двери оставался примерно метр, она рывком распахнулась, и кто-то стремглав бросился из

нее. Он успел уже одолеть половину коридора, но бежал тяжело и неуклюже, так что Найл, всегда отличавшийся легкостью в беге, нагнал его и схватил за плечо, прикрытое тушикой раба. Беглец вильнул и оступился, с силой ударившись о стену. На мгновение Найл глубоко заглянул ему в глаза. Большие, какие-то необычайно темные и пронзительные. Найл изготовился уже схватить и повалить преследуемого, но тут случилось нечто, от чего Найл рухнул на колени. Все равно что получить удар наотмашь в кадык, отчего мгновенно пропадает дыхание. В глазах потемнело, и все пошло, будто в замедленном темпе: руки, ноги — все двигалось медленно, как у пловца или во сне.

Когда перед глазами прояснилось, стало видно, что беглец лежит на полу, пригвожденный передними лапами паука-клеяковика. Лицо и руки ему покрывало какое-то поблескивающее вещество, которое паук струйкой продолжал выстреливать в него из хелицер. Это был прозрачный клей. Не успело это произойти, как человек внезапно перестал шевелиться, словно мертвый.

С помощью Симеона Найл кое-как поднялся на ноги. Странно: тошнота, головокружение. Он посмотрел на паука и послал мысленно сигнал благодарности. Восьмилапый выпустил жертву. Но едва это сделал, как человек, круганувшись, вскочил — видимо, притворялся. Рука метнулась за пазуху и появилась обратно с ножом в ножнах. Когда он стянул и бросил ножны на пол, Найл заметил что-то жутковатое, звериное в том, как незнакомец обнажил в злорадной улыбке желтые зубы. Он занес нож, и Найл качнулся назад, ожидая нападения. К его удивлению, вместо этого незнакомец полоснул себя по предплечью, нож оставил неглубокий порез. В следующее мгновение, когда паук снова перехватил его сзади, незнакомец согнулся в коленях и повалился на пол. Было видно, что на этот раз он не притворяется.

Симеон опустился возле него на колени и, схватив за волосы, повернул к себе лицом. Глаза незнакомца были закрыты, а клей на лице уже отвердевал в маску. Взяв его за запястье, Симеон пощупал пульс.

— Мертв. Не тронь! — сердито крикнул он Найлу, потянувшись за ножом.

Хотя поднимать оружие Найл не собирался. Любопытно, вырезанный на деревянной рукоятке символ точь-в-точь совпадал с тем, что был на свинцовом диске.

Паук удалялся по коридору. Вот он вздыбился и клещами предплюсны ухватился за люк в потолке. Спустя секунду он подался туда всем телом. Тяжеловатое на вид подбрюшье ненадолго застряло, затем, втянув его, паук скрылся окончательно.

— Ты как, в порядке? — спросил Симеон.

— Да не знаю. — Опять подкатила тошнота, и отзыватьсь было неохота. Найл повернулся к надсмотрщику. — Сходи-ка, пожалуйста, в обиталище Повелителя и попроси прийти сюда Дравига. — На лице человека появилась тревожная растерянность. Найл перевел взгляд на Симеона, у которого лицо было странным образом искажено, будто проступало сквозь воду. — Ты бы не мог сходить с ним заодно? С тобой оно представительней.

Глядя им вслед, Найл опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Ко лбу волнами поднимался жар, чувствовалось, как проступает пот. Через несколько секунд снова начало подташнивать. Дышал он тяжело, ртом, из тела ушла вся сила. Но ничего, отсиделся, минут через пять слегка полегчало. Найл открыл глаза и поглядел на мертвого, заострившего лицо к потолку. Теперь ясно было видно, как ему удалось замаскироваться под раба: нос что клюв, большие уши, покатый подбородок — только необычайная бледность отличала его от других рабов. Однако не шел из памяти странный взгляд тех темных глаз, и Найлу становилось ясно, что он имел дело с человеком разумным. И не только разумным, но еще и полным зловещей решимости, мгновенное самоубийство тому доказательство.

И еще было понятно, что дело он имел с чужаком, никак не с жителем этой округи или Диры. Свидетельством было то, что незнакомец каким-то образом освоил паучий прием точным ударом прошибать волю. Но было и существенное различие. Когда наверху лестницы Найла обездвигил паук-клеяковик, то парализовал его как-то так, чтобы, будучи не в силах шевельнуть ни единым мускулом, Найл тем не менее находился в полном сознании. Незнакомец же использовал некое пря-

мое, грубое воздействие, словно ударил чем-то тяжелым и тупым. От этого Найл чувствовал тошноту и слабость, в то время как секундный паралич паука не оставил никаких последствий. Различие, очевидно, крылось в том, что паук намеревался только обездвижить, а незнакомец — вывести из строя.

Пристально взглядевшись в лицо-маску, Найл испытал странное чувство, от которого темя пронзила ледяная игла; на миг показалось, что незнакомец еще жив. Прошло несколько секунд, прежде чем стало ясно, что именно произошло. Поддавшись смятению, Найл попытался прощупать ум трупа. Рефлекс был совершенно, на сто процентов автоматический (человек-то мертв). Результат должен был быть нулевой, равносильно тому, что шевельнуть ногой бездыханное тело. Тем не менее Найл ощутил зыбкое, смутное тепло, наличие жизни. Тело в некотором смысле по-прежнему жило и вместе с тем было бесчувственным, как растение или плод. Найл, полностью отрешившись от мысли, попробовал снова. На этот раз он ощутил инстинктивное отвращение и моментально отпрянул, словно прикоснулся к чему-то мерзкому, осклизлому. В нераспавшемся жизненном поле мертвеца было что-то отталкивающее, напоминающее неприятный запах. Да, такое же осязаемое, как запах, и оттого невыразимое словами. С чем-то подобным Найлу порой доводилось сталкиваться в пустыне. Умы хищников — например, того чудовища под названием сага, что держало в лапах сверчка и сжевало его, будто черенок сельдерея. Помнилось и неприятие того, что он испытал, заглянув случайно в душу некоему демоническому, похожему на летучую мышь созданию в Дельте: живое воплощение злобы, словно одержимое похотью убийства.

Звук шагов вернул Найла к действительности. Симеон, а у него за спиной Дравиг. Найл попытался подняться, но так и не рискнул: снова подкатила тошнота. Он опять сполз вниз, спиной опершись о стену.

— Привет, Дравиг. Извини, что сорвал с места.

— Тебе нехорошо?

Найл был польщен подлинным участием в голосе паука.

— Ничего, легчает помаленьку.

Дравиг посмотрел на труп.

— Кто этот человек?

- Один из убийц Скорбо.
- Какой ты молодец! А где третий?

— Не знаю. Но теперь можно сказать, почему они сняли с мертвого всю одежду. Он, по-видимому, был одет в рубище раба, а им не хотелось, чтобы мы узнали, среди кого он прятался. Думаю, надо бы прочесать квартал рабов.

- Я дам приказ. Как погиб этот человек?

— Он покончил с собой вон тем ножом. Осторожно, — (паук поднял нож предплюсной клешней и поднес к самым глазам), — лезвие отравлено.

— Да. Это яд зеленого скалистого скорпиона. Пожалуй, самый сильный из всех существующих ядов. Смертелен даже для пауков.

— Тогда ты должен предупредить ловцов, чтобы были осторожны. Третий может быть вооружен таким же.

Паук выразил подтверждение; мысленный образ был не связан со словами, все равно что кивок.

- Тебе нужна помощь? — спросил Дравиг.

- Спасибо, нет, Симеон мне поможет.

— Тогда я должен возвратиться и обо всем доложить. — Дравиг подобрался, будто встав навытяжку, и сказал с подчеркнутой деловитостью: — От имени Смертоносца-Повелителя благодарю тебя за поимку этого убийцы.

Найл достаточно хорошо понимал паучью ментальность, чтобы усвоить суть: теперь действительно ясно, что люди этого города не несут никакой вины за гибель Скорбо.

- Спасибо, — склонил голову Найл.

Когда Дравиг удалился, Симеон подобрал нож и аккуратно вложил его обратно в ножны.

- Я сделаю анализ. Отрава, должно быть, смертельна.

Реплик недавнего диалога он, естественно, слышать не мог.

- Это яд зеленого скалистого скорпиона.

— О боги! — Симеон чуть не выронил нож. — Знал бы, так и не прикоснулся бы к нему без перчаток!

Он вынул из кармана большой носовой платок и аккуратно обернул ножны, завязав концы в узел.

Найл осторожно поднялся по стене, с облегчением обнаружив, что тошнота унялась, донимает лишь усталость. Симеон с беспокойством поглядел на его лицо.

— Бледный какой. Он ударил тебя в живот?

Найл покачал головой.

— Он ударил силой воли, как паук.

Симеон воззрился, не веря глазам.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— Он не дотронулся до тебя оружием?

— Нет.

Симеон впитал это молча. Посмотрел вниз на тело, покачал головой.

— Так что же это, черт его дери?

Опустившись возле мертвого на колени, он обшарил его карманы. Улов небогатый: засаленный платок из дерюги да деревянные ложка с вилкой — рабы таскают их с собой.

— Посмотри-ка ему на шею, — указал Найл.

Как и ожидалось, нашли золотую цепочку с кулоном. Симеон снял ее и протянул Найлу.

— Не желаешь?

— Нет, у меня уже одна есть.

Хотя подлинная причина отказа была не эта. Он чувствовал странное интуитивное неприятие, словно от кулона веяло чем-то нечистым.

Не пройдя по проспекту и полпути, Найл понял, что идти пешком расхрабрился зря. Каждый мускул в теле ныл, и ноги будто кто-то залил свинцом. Несмотря на солнце, холодный воздух вызывал озноб. Смахнув снег с невысокой стенки, Найл сел.

В нескольких сотнях метров от него в центре площади искрилась на солнце Белая башня, даже окружающий снег от ее чистоты казался сероватым. Пристально глядя на нее, очерченную на фоне бледно-голубого небосвода, Найл опять пережил тот же светлый, неизъяснимый порыв радости, что и при первом взгляде на нее. Пауки тогда вели его как узника, и он со всей семьей смотрел вниз на город с вершины южного холма. Некое чутье подсказывало ему, что Белая башня олицетворяет свободу и надежду. Глядя на нее теперь, Найл почувствовал, как от порыва радости в нем истаяло истощение, и тут дошло,

что оно и донимало-то лишь оттого, что ум придавал ему значение.

Башня высилась посреди площади в обрамлении зеленой лужайки, скрытой сейчас под снегом. Даже в дни рабства пауки позволяли своим слугам-людям подстригать вокруг нее траву и выпалывать сорняки. Пауки не любили башню как символ бывшего превосходства человека и даже пытались ее взорвать. Но вместе с тем они чтили ее как тайну, недоступную их пониманию.

Разрушить башню нельзя было фактически ничем. То, что выглядело как полупрозрачный столп, на деле было атомным силовым полем, казавшимся сплошным из-за свойства отражать свет. Твердую материю извне поле отражало таким же образом, как отталкивают друг друга два одинаковых магнитных полюса. Примерно через миллион лет силовому полю суждено будет истощиться, тогда развалится и башня. Вместе с тем она по-прежнему будет служить капсулой времени, гигантским электронным мозгом, чьи клетки памяти хранят знание людей, бывших некогда хозяевами Земли.

Отдышавшись, Найл встал и двинулся в сторону башни. Прохожие внимания на него почти не обращали, в длинном плаще с отороченным мехом капюшоном он был, по сути, неразличим. Облегчение-то какое, не надо отвечать на приветствия. На первых порах правления Найла люди простирались перед ним ниц и оставались лежать, пока он не проходил мимо. Найл пробовал издать указ, чтобы на него не обращали внимания. Пустое: подданные чуть не взроптали, узнав о таком указе, — как это, не приветствовать властителя! Тогда Найл издал другой указ, провозглашавший, что ему более угодно, если его приветствуют поклоном. С этим подданные смирились, но иной раз били челом так усердно, что опрокидывались, и приходилось помогать им подняться. В целом же Найлу было куда более угодно, если его не замечали вообще.

Снег вокруг башни был девственно-чист, никаких следов. В общем-то, постановления, запрещающего подданным ходить по лужайке, не было, но все равно никто никогда этого не делал, даже если требовалось срезать расстояние; видимо, башня внушала чувство, схожее с благоговейным ужасом.

В основании Белая башня была диаметром пятнадцать метров и поднималась метров на восемьдесят в высоту. Вместе с тем, если смотреть вверх, она словно упиралась в облака. Это был оптический обман, достигаемый за счет флюидной поверхности, переливчатой, будто воздух над нагретым дорожным камнем. Найл как-то сравнил ее с жидким лунным светом. Приблизившись почти вплотную, он ощутил знакомое покалывание, какое испытывает искатель воды по лозе, стоя над подземным источником. Найла будто притягивало магнитом. Ощущение усилилось, когда стал приближаться к северной стороне башни, где, как он уже уяснил, вибрация точно соответствует токам его собственного тела. Вот тяга стала несолимой, и Найла повлекло вперед. Когда тело сомкнулось с поверхностью, ощущение было такое, будтоходишь в воду. На миг голова закружилась, Найл потерял ориентацию, будто вот-вот готов был сорваться в сон; свет померк. Но вот опять посветлело, и он почувствовал, что находится внутри башни.

Однако перед глазами, вопреки ожиданию, предстала не круглая комната, а захватывающая дух панорама заснеженных горных вершин, скованных льдом гребней и загадочных синюющих долин, расстилающихся внизу во все стороны на сотни и сотни миль. Облака пуховыми перинами устилали отдельные склоны, покрытые льдом, но те из них, что непосредственно над головой, казались на вид такими же зубастыми и изорванными, как гранитные гребни и трещины далеко внизу. Найл стоял на горной вершине — под ногами жесткий спрессованный снег, а воздух такой чистый, будто искрится. Впереди в каких-нибудь трех метрах площадка отвесно обрывалась на глубину по меньшей мере двух километров; справа грузно сползал на другую — гораздо более низкую — вершину заснеженный каменистый хребет, напоминающий спину ящера.

Найл слегка оторопел, но не поддался на обман. Он знал, что раскинувшаяся впереди картина — иллюзия. Войдя в Белую башню впервые, он очутился на песчаном берегу, с маяющими вдалеке отвесными скалами. Сейчас была такая же панорамная голограмма, кадр, спроецированный на трехмерное пространство, чтобы произвести иллюзию твердой реальности. Даже холодный ветер, задувающий сейчас в лицо, был

иллюзией, созданной электронной технологией; поток заряженных частиц бомбардировал нервные окончания, создавая иллюзию движущегося воздуха. Тем не менее смотрелось все настолько достоверно, что невозможно было заподозрить обман.

Найл потерял ноги о жесткий снег — от настоящего, что снаружи, ничем не отличить. Но стоило закрыть глаза, как стало ясно, что он стоит на гладком деревянном полу. Найл сделал три шага вперед и стоял теперь на самом краю обрыва. Умом он сознавал, что по-прежнему стоит на ровном полу. Тем не менее сделать шаг в пустоту не хватало духу, ноги не повиновались, а страх обуял такой, что стесняло дыхание. С обостренной четкостью виднелся иззубренный гранитный фасад крутого склона напротив; набитые снегом трещины, подобные лезвию края представляли в мельчайших деталях. Тем не менее стоило закрыть глаза, как все истаяло — даже холодный ветер, а под ногами почувствовался гладкий пол.

Найл сделал два шага вперед и открыл глаза. Он висел в воздухе, глядя с высоты вниз на изборожденную трещинами скалистую породу, затянутую облаками долину под гладью пола. Полет на ковре-самолете, да и только. Найл продолжал идти, теперь уже вполне уверенно, но в голове то и дело раздавались неистовые сигналы тревоги, пагнетая в кровь адреналин. Еще несколько шагов, и вот уже тело унялось, а ум расслабился и проникся победным чувством.

Тут горный склон внезапно сгинул с быстротой лопнувшего пузыря, и Найл очутился в знакомой комнате с выпуклыми стенами и мягко светящимся белым потолком. В центре от пола к потолку шел столп мраморного цвета, около полутора метров в диаметре. Составляющее его вещество было примерно таким же, что и наружных стен башни, только казалось еще более переменчивым — эдакий перламутровый жидкий дым, плывущий как живой. Когда Найл, ступив вперед, вошел в столп, тот принял его, окутав перламутровым туманом без всякого запаха. Внезапно тело словно лишилось веса. Найл поплыл вверх (блаженство, и только, так вот летел бы и летел). Спустя несколько минут полет прекратился легким толчком. Шаг вперед, и Найл вышел на плоскую кровлю под голубоватым небосводом. Вокруг расстился город пауков — вид с дворцовой крыши, такой уже привычный.

На деле, в общем-то, это была не плоская крыша, а комната, состоящая из силового поля в форме стеклянного купола. Только оконное стекло можно видеть, поскольку на нем скапливается слой пыли; силовое поле, к которому пыль не пристает, по сути невидимо.

Комната была удобно обставлена: мебель с опорами из трубчатого металла, обтянутыми черным, под кожу, материалом, теплым и упругим. Толстый черный ковер, мягкий, как весенняя трава. Единственным предметом, не вписывающимся в интерьер, был большой черный ящик со скошенной панелью из матового стекла и расположенными в ряд кнопками пульта. Это был Стигмастер, творение Торвальда Стиига, контролирующий эту башню и почти все, что находится в ней.

Озирая задумчиво площадь, возле Стигмастера стоял старец в сером одеянии. Рослая фигура была стройна, осаниста, лишь седые волосы выдавали в нем старика.

— Ты узнал пейзаж? — поинтересовался он.

— Наверное, Гималаи?

— Делаешь успехи в географии. Ты стоял на вершине Джомолунгмы, глядя к югу на Непал. А та вершина на расстоянии — Канченджанга.

В эту игру они играли всякий раз, когда Найл входил в Белую башню. Вчера это был Южный полюс, два дня тому назад — кратер Этны в самый пик извержения. Оба те раза Найл ошибся.

Подойдя, он остановился возле окна рядом со старцем и с удивлением обнаружил, что площадь оживает на глазах. Через считанные минуты после того, как он вошел в башню, перед обиталищем Смертоносца-Повелителя выстроилось множество людей, никак не меньше сотни. На глазах у Найла к ним пристроился еще один отряд, вышедший из боковой улицы. По приказу одетой в черное служительницы все застыли на вытяжку. Через секунду отворились двери обиталища и начали появляться смертоносцы и «бойцы». Они шествовали в одной колонне, во главе которой Найл узнал Дравига. Пауки пересекли западную сторону площади и двинулись на север к реке — квартал рабов лежал на том ее берегу. Пауки все выкатывались из здания, трудно было поверить, что их там

такая прорва. Когда двери наконец закрылись, колонна насчитывала по меньшей мере сотни три. Впереди двигались люди, с двумя служительницами во главе.

— Ты догадываешься, в чем дело? — осведомился Найл у старца.

— Я полагаю, это связано с гибелью паука?

— Тебе известно, кто его убил?

Старец покачал головой.

— Ты преувеличиваешь возможности Стигмастера. Единственное его назначение — это собирать и сопоставлять информацию.

И правда, у Найла было самое смутное представление о том, что Стигмастер может, а чего нет; уже привык как-то считать его эдаким всеведущим разумом.

— Но ты же узнал о гибели паука?

— А ты как думал, если все это произошло в какой-то сотне метров отсюда?

— И ты совсем не представляешь, кто мог его убить?

— Я бы с удовольствием тебе помог. Но у меня не хватает информации для полноценного анализа.

— Мне казалось, Стигмастер может читать умы.

— Не умы. Мысли, — терпеливо поправил старец. — Это достаточно разные понятия. Считывающее устройство может обрабатывать информацию, что накапливается в клетках памяти мозга, но лучше всего это удастся тогда, когда человек спит. Когда объект бодрствует, считывать почти невозможно. Мыслительные процессы чересчур сложны, многие из них действуют на уровне подсознания. Стигмастер не может читать чувства и интуиции, их частоты совершенно не укладываются в его диапазон. Для эффективной работы Стигмастеру нужна особая информация.

Найл вынул из кармана кулон на золотой цепочке и протянул его на ладони символом вверх.

— Что ты на это скажешь? Догадываешься вообще о чем-нибудь?

Старец некоторое время изучал предмет.

— Я бы сказал, что это магический сигил.

— Сигил? — Найл никогда такого слова не слышал.

— Тип символа, использовавшийся в магии и алхимии.

— А что он означает?

Старец улыбнулся.

— Давай посмотрим, можно ли выяснить.

Сказав это, старец растаял в воздухе. Найл, уже заранее уловив в улыбке лукавинку, исчезновению не удивился. Давно он уже понял, что фактически общается с компьютером. Как и панорама гор, представшая при входе в башню, старец был голограммой, созданной компьютером; вот почему Найл временами обращался к нему по имени его создателя, ученого двадцать первого века Торвальда Стинга. Ясно было и то, почему старец именно растворился, а не ушел из комнаты обычным образом. Стинг стремился утвердить в Найле новый комплекс рефлексов и реакций, это было попыткой заставить его доверяться рассудку, а не чувствам.

Теперь рассудок подсказывал, что старца можно будет отыскать в библиотеке. Найл снова ступил в столп по центру комнаты. Когда его обволок туман, вновь почувствовалась невесомость, тело казалось перышком, тихо кружащим на ласковом ветру. Легкий толчок обозначил конец спуска, Найл вышел из столпа.

Из всех помещений башни библиотека была для Найла самым любимым. Ему нравилось вдыхать запах книжной пыли, переплетного клея и кожаных обложек. Относиться к этому как к оптическому обману казалось неким кошунством. Судя по всему, библиотеку сотворил тоже Стигмастер, однако само творение по своей сложности казалось в каком-то смысле еще более достоверным, чем простая физическая реальность. В конце концов, что такое сама реальность, как не силовое поле субатомных энергий?

Библиотека представляла собой шестиугольное помещение шириной с полсотню метров, а высоты такой, что ее купол-потолок едва был различим. Стены — сплошные книжные полки, идущие по периметру вокруг всего помещения и формирующие расположенные друг под другом ярусы, окованные железом; как-то раз Найл взялся их пересчитывать и насчитал ровно сотню. В некоторых местах ярусы размежевывались черными железными лестницами, ступени которых, а также сто-

яки были украшены чеканным орнаментом, хитросплетением листьев и цветов. По обе стороны помещения, снизу до самого верхнего яруса, бегало по старомодному лифту-клетушке.

Эти полки, судя по золоченой табличке над дверью, содержали по экземпляру каждой изданной на свете книги, общим числом 30 819 731. Каждая книга была страница за страницей отснята на микро пленку и занесена в память компьютера — работа, занимавшая армию ученых более полувека. Праотцом этого замысла был писатель двадцатого века Герберт Уэллс, описавший в одном из романов некую энциклопедию, охватывающую весь объем человеческого знания. Эта библиотека, кстати сказать, давала еще фору и «мировому мозгу» Уэллса; говоря попросту, она содержала всякую мысль, воплощенную в форме книги.

Интерьер помещения объединял в себе элементы читального зала Британского музея, «Библиотек Националь» и библиотеки Ватикана. Середину занимал служебный стол, от него, как спицы в колесе, расходились обитые синей кожей столы с настольными лампами. Найл никогда не приглядывался к людям, сидящим за этими столами или неслышно ступающим вдоль ярусов: уж так хотелось верить, что это всамделишные мужчины и женщины двадцать третьего века, перенесенные сюда волшебной силой Стигмастера.

Старец стоял за центральным столом, беседуя с одним из служащих; вот он повернулся и поманил к себе Найла, указывая на ближайший лифт. Найл подошел и потянул на себя скрипнувшую дверцу, зайдя следом за своим провожатым в обитую деревянными панелями кабину с табличкой на задней стенке: «Максимальная загрузка — три человека». Он открыл и закрыл дверцу лифта снова, на этот раз подъемник мягко извыл, и лифт начал медленно подниматься. Каким образом достигается такая достоверность, Найл понятия не имел, да и не пытался особо вникать; ему больше по душе было нежиться в этой иллюзии — гляди-ка, будто в самом деле переносишься в прошлые столетия!

Они вышли на двадцать восьмом ярусе (у каждого впереди на ограждении имелся свой порядковый номер). По ярусу Найл продвигался с некоторой опаской: чеканка пола и полуметро-

вого балкона казалась сплошным решетом. Вниз, понятно, не сорвешься, но все-таки чувствовалось бы уютнее, если б пол и стенки были сплошные.

Ступая по ярусу следом за Стиигом, Найл обратил внимание, что многие книги имеют латинские названия: «Turba Philosophorum», «Speculum Alchimiae», «De Occulta Philosophia», «Aureum Vellus»*; иные были на греческом и арабском. Они остановились перед полкой, на металлической табличке которой значилось: «Герметика, КУ — ЛО».

— Герметика — это что?

— Магические учения, названные по имени легендарного основателя магии Гермеса Трисмегиста — Трижды Великого Гермеса.

Он потянулся к полке и выдвинул, с некоторым усилием, большущий том, обитый черной кожей (Найл улучил момент прочесть название: «Энциклопедия герметики и алхимические сигилы», прежде чем фолиант лег на один из столов, стоящих на каждом из углов шестиугольной галереи). Углы у книги были не разрезаны, бумага ручной выделки — толстая, нелощеная. Старец четко знал, где что искать; он быстро нашел страницу ближе к концу фолианта.

— Я думаю, вот то, что ты ищешь.

Символ, на который он поместил палец, был безошибочно тот же, что и на кулоне, разве что форма чуть отличалась.

Найл живо, с интересом нагнулся над страницей, затем поднял глаза, кисло сморщившись от разочарования:

— Это что, на чужом языке?

— На немецком.

— А что означает «gache»?

— Мечь. Из текста следует, что это сигил, берущий начало в тринадцатом веке, и означает «отмщение». Нижняя часть представляет крылья хищной птицы. Верхняя часть — рога «der Teufel», дьявола. Хищная птица на крыльях несется к своей добыче, неся на себе страшную мечь.

Разглядывая изображение, Найл почувствовал неуютный холод в темени, словно кто-то плеснул на голову холодной

* «Смятения философов». «Зерцало алхимии». «Оккультная философия». «Золотое руно» (лат.).

воды; ощущение чем-то напоминало ожидание опасности. Он напряженно изучал символ, словно мог таким образом вывести его зловещую тайну.

— Здесь говорится, насколько широко был распространен этот символ?

— Нет, но ответ почти однозначный. Этот символ был известен лишь изучающим герметику.

— Тогда как, по-твоему, могли про него проведать убийцы Скорбо?

— На это я ответить не могу.— Он вернул книгу на полку.— Может, они и вправду изучали магию.

Идя за старцем обратно к лифту, Найл испытывал гневливое отчаяние. Казалось нелепым, находясь в окружении такой уймы знания, теряться при ответе на один незамысловатый вопрос.

— И зачем изучать магию?

— Потому что она гораздо древнее естествознания.

— Да, но... но ведь это, наверное, то же, что суеверие?

— Так многие считали в девятнадцатом и двадцатом веках.

А в двадцать первом антропологи пришли к иному выводу. Они изучали примитивные племена и сделали вывод, что некоторые из них добиваются реального воплощения определенных магических обрядов — вызывают дождь, например.

Найл покачал головой.

— Ты этому веришь?

Старец виновато улыбнулся.

— Ни да ни нет. Я всего лишь машина. А вот Торвальд Стииг был рационалистом и верить в это отказывался.

Когда вошли в лифт, Найл произнес:

— А как она, магия, действует?

— Все примитивные народы говорят одно и то же: магия действует с помощью духов.

— Но ведь духов не бывает, разве не так?

Старец улыбнулся.

— Торвальд Стииг, безусловно, считал именно так.

На спуске почему-то опять затошнило, жар поднимался волнами как бы из самого желудка. Найл отогнул от стены откидное сиденье и опустился на него.

— Тебе нехорошо?

— Устал просто.— Найл закрыл глаза и прислонился головой к стене.— Один из убийц Скорбо ударил меня силой воли, как паук.

— Хотя по виду он был человек?

Найл унял в себе глухое раздражение.

— Разумеется.

— Понятно.— Временами, вот, например, сейчас, становилось заметно, что старик — машина: он нечувствителен к человеческому удивлению.— Если так, то я могу предложить кое-что полезное.

Лифт, скорготнув, остановился. Когда выходили наружу, старец вежливо придержал дверцу для женщины средних лет, в твидовой юбке; проходя, та натянуто улыбнулась. Реагируя на деловую тишину вокруг, Найл невольно понизил голос:

— Что именно?

Прежде чем заговорить, старец дождался, пока они выйдут из кабины окончательно.

— Если ум у тебя находился в контакте с умом убийцы, есть определенная возможность узнать, кто он такой.

— Как?

— Всякое событие неминуемо влечет следствие — это один из основополагающих научных принципов. Причем это относится одновременно к событиям и в физическом, и в умственном плане.

Найл недоуменно повел головой из стороны в сторону.

— Но как можно увидеть умственное последствие...

В темени опять кольнуло, на этот раз, правда, от приятного волнения. Нечто сродни чувству, которое возникает всякий раз по приближении к башне, волнение ребенка, слышавшего слова: «Как-то раз на белом свете...»

Найла, очевидно, выдало выражение лица.

— Не обнадеживайся сверх меры,— сказал старец.— Искусство самоотражения трудное и опасное. Но рано или поздно тебе придется постигать его. Пойдем.

На этот раз он повел в столп. Через несколько секунд они вошли в зал машины мира.

Эта комната была еще одним из чудодейственных творений Стигмастера. Как и библиотека, для башни она была чрезмер-

но велика. Это была широкая, длиной в полкилометра галерея, со стенами, покрытыми богатой парчой, вдоль них тянулся ряд бюстов и статуй. Но открывавшийся из сводчатых окон город не был городом пауков; этот, начать с того, купался в солнце таком неистовом, что над крышами домов стояло ма-рево. На площади под окнами находился рынок, над торговыми рядами — яркие разноцветные навесы, и теснящийся под ними люд тоже весь был ярко разодет. У многих — мечи. Город окружали зубчатые стены, за которыми расстилались зеленые доли и холмы с террасами и виноградниками.

Впрочем, Найл теперь так уже свыкся с этой картиной жизни Флоренции пятнадцатого века, что не очень обращал на нее внимание. Глаза у него были сосредоточены на машине из голубоватого металла, стоящей по центру галереи. Машина состояла из напоминающего кушетку ложа под голубым металлическим пологом, облицованным снизу матовым стеклом. При одном лишь взгляде на машину Найл испытал вожденную расслабленность. Это была машина мира, изобретенная в середине двадцать первого века Освальдом Чэтером и Мином Такахаси, — аппарат, способный вызывать контролируемую сознанием релаксацию, нечто подобное сну без сновидений.

Когда Найл уже собрался укладываться, старец поднял руку.

— Постой. Прежде чем приступим, важно, чтобы ты уяснил принципы управляемого самоотражения. Сядь, пожалуйста. — Он указал на скамью меж бюстами Аристотеля и Вольтера. — Вступать в такое состояние без подготовки может оказаться крайне опасным.

Тебе известно, что первая машина считывания была изобретена в последней декаде двадцать первого века группой исследователей из Альбукеркского университета, возглавляемой Ч. С. К. Сойером. Именно Сойер открыл, что моторная память имеет молекулярную структуру, сходную с ДНК, и что электрический ток может приводить к тому, что та или иная молекулярная цепочка разряжается. Когда человек безуспешно пытается что-либо вспомнить, то, значит, он слишком устал и потому не может заставить молекулу памяти разрядиться.

Сложилось так, что ассистент Сойера — звали его Карл Майклдзон — взялся усиливать центры памяти белой крысы,

соединяя их электродами с височными долями собственного мозга. И внезапно обратил внимание на то, что у крысы появилась сильная привязанность к хорошенькой лаборантке Аннет Ларсен. Дело обстояло так, что сам Майклджон был равнодушен к Аннет, но из стеснительности не решался ей в этом признаться. Так что его, понятно, увлекало наблюдение за изливаниями симпатии со стороны зверька. Это увлекло его, по сути, настолько, что он частенько задерживался в лаборатории, снова и снова забавляясь игрой с центрами памяти. Как-то раз, вечером, изрядно уставший, он во время игры задремал. И в этом состоянии ему с необычайной достоверностью явилось, что якобы он сам симпатичен той девушке ничуть не меньше, чем она ему. Придя в себя, он подумал, что все это пригрезилось. Но, находясь в полусне, он обнаружил и кое-что еще: что вроде бы у девушки на шее между лопаток имеется родинка. На завтра он незаметно приблизился к Аннет со спины, когда та сидела, склонившись над микроскопами, и заметил как раз ту самую родинку, что привиделась накануне. Это так на него подействовало, что он пригласил девушку поужинать вдвоем. Приглашение было принято, и в тот же вечер они обручились.

Между тем Майклджон много раздумывал над этим происшествием. Он спросил свою нареченную, не пускала ли она зверька гулять себе по плечам и шее; та ответила: конечно же нет, она и из клетки-то редко его вынимала. Тогда как же в памяти у животного могла запечатлеться родинка?

И вот Майклджон приходит к важному выводу. Он, кстати, вспоминает и о том, как ему вдруг показалось, будто Аннет к нему равнодушна, а потом это подтвердилось. Поэтому не могло ли случиться так, что память крысы запечатлела гораздо больше, нежели просто внешность девушки? Не могло ли стать так, что, будучи к ней привязанной, она каким-то образом считывала ее мысли? А Майклджон в полусне считывал в свою очередь ум крысы, чему способствовала глубокая расслабленность?

Эти выводы были, конечно же, революционными. Ведь это означало, что память крысы может фиксировать «оттиски» небывалой сложности — информацию, которую она в силу

собственной скудости неспособна понять. И вдобавок к тому сам Майклджон, пока бодрствует, уяснить эту сложную информацию неспособен; для этого надо полностью расслабиться, погрузиться в сон.

Майклджону теперь было ясно, что он сделал открытие грандиозной важности, достойное, по всей вероятности, Нобелевской премии. Поэтому свое открытие он решил до поры до времени придержать и провести ряд дополнительных исследований. И оказалось, допустил ошибку.

Однажды утром его застали рышущим по университетскому коридору в одной рубашке и страшно взвинченным. Пришлось вызвать санитаров из местной психбольницы и надеть на беднягу смиренную рубашку. Наконец после большой дозы успокоительного Майклджон пришел в себя и поведал, что произошло. Используя машину мира, он решил провести эксперимент с центрами памяти дворняги. Глубоко расслабившись, он вступил с ее мозгом в контакт, и это подействовало так, что из него моментально вышибло рассудок.

Конец у рассказа счастливый. Майклджон женился на Аннет Ларсен, от помешательства не осталось и следа, получил он и Нобелевскую премию. Продвигаясь шаг за шагом, он изобрел устройство для усиления импульсов памяти, назвав его психоскопом — своего рода телескоп для разглядывания мысли. Среди людей он стал известен как интерналайзер. Психоскоп привел его и к еще более интересному открытию: оказывается, человек может изучать свои собственные воспоминания, вдаваясь в мельчайшие детали, о существовании которых раньше и не догадывался. Например, Майклджон обнаружил, что Аннет беременна, хотя ни один из них на это совершенно не рассчитывал.

К концу двадцать первого века необычайно популярны стали недорогие — бытовые — модели интерналайзеров: людям нравилось играть со своими собственными мыслями. Но это повлекло такое множество нервных срывов и маниакальных преступлений, что в конечном итоге торговля интерналайзерами была официально запрещена, а нелегальное их использование стало преследоваться законом.

— Но как оно может мне что-то рассказать об убийце Скорбо? Я его в живых-то видел с полминуты.

— Ваши умы вступили в контакт. Этого достаточно. Но прежде чем приступить к сложным операциям, я бы тебе посоветовал для начала попробовать картины попроще.

Трудно было сдержать волнение. Похоже, то, о чем ему сейчас рассказали, открывает непочатый край возможностей. Ничто не мешает нспешно, как в картинной галерее, оглядеть полотна прошедших лет, пережив вновь ярчайшие моменты детства или волнение от первого прихода в подземный город Диру. Когда Найл подходил к машине мира, сердце его колотилось так, что трудно было дышать.

— Где он, интерналайзер?

— Он уже встроен в машину мира.

Найл устроился на ложе под матовым стеклом, податливая бархатистая поверхность была мягкой, как гагачий пух. За стеклом ожил свет, послышалось тихое жужжание. Расслабление пробрало так глубоко, что Найл явственно почувствовал, как уходят из тела скопившиеся за жизнь боль и утомление. Он даже не подозревал, насколько, оказывается, устал, что стычка с убийцей так истощила энергию его мозга. От ног к голове волна за волной приливала неизъяснимая безудержная радость, подкатывалась и откатывалась, как волны на морской берег. Несмотря на усилия удержаться в сознании, одна из таких волн подхватила и унесла его в забвение.

Едва открыв глаза, Найл вспомнил о своем местонахождении и поспешно сел.

— Как долго я спал?

— Около двух часов.

Найлу стало совестно за свою беззаботность.

— Мне пора во дворец.

— Зачем? Ведь ты правитель. Ты никому не подотчетен.

Да, действительно. Более того, Совет на сегодня уже прошел. Найл опять позволил себе расслабиться, примостив поудобнее подушку под головой. Тут взгляд упал на устройство, лежащее рядом на кушетке: дюжина изогнутых в виде шлема металлических полосок, шнур утоплен в находящееся возле ложа гнездо.

— Надень себе на голову и пристрой поудобнее.

К каждой из металлических полосок была изнутри прикреплена подкладка из бархатистой материи; проведя по ней пальцем, Найл обнаружил, что она увлажнена. Он стал пристраивать шлем на голову, распределяя полоски по лбу и затылку. Там, где подкладки соприкасались с голой кожей, чувствовалось слабое иглистое покалывание.

За экраном из матового стекла опять зажегся свет. Найл теперь был уже расслаблен, поэтому чувствовал лишь обволакивающее, приятное тепло.

— Теперь закрой глаза и постарайся освободиться от мыслей.

Найл попытался вообразить крошечную темноту и удивился, насколько удачно все вышло... Впечатление такое, будто он завис посреди бездны. Затем с внезапностью, от которой он оторопел, вдруг прорезался голос матери:

«Его нужно растереть и истолочь, а там вываривать по меньшей мере часа два, иначе это смертельная отравка».

Найл от удивления распахнул глаза, дабы убедиться, что он все так же находится в комнате. Даже с открытыми глазами он мог слышать ее голос:

«У меня бабка в свое время делала из него настойку вроде вина».

Голос деда Джомара:

«Верно говорит. Можно еще столочь в муку, а там испечь из нее хлеб».

— Что ты слышишь? — осведомился старец.

— Мать разговаривает с дедом.

Пока Найл отвечал, беседа продолжалась. Неожиданно ему совершенно точно вспомнилось, когда именно это происходило. Найлу было около семи лет, и семья только еще перебралась в пещеру — бывшее логово жука-скакуна — на краю пустыни. До этого они ютились в каменном мешке у подножия большого плато, где было душно, тесно и небезопасно. Новое жилище в сравнении с прежним было прохладным и надежным. Они только еще начали его обживать, и пахло едким дымом сожженных кустов креозота, которые пустили в ход, чтобы выкурить жуков-скаунов. Слушая этот разговор матери с дедом насчет того, как готовятся корни кассавы, он вместе

с тем мог обонять запах кустов креозота. Был и еще один запах, никак не поддающийся уяснению; затем вспомнилось: болтанка из тертого чертова корня, которой деду смазали бедро (жук-скакун напоследок-таки задел).

Лежа в этом состоянии, Найл испытывал множество разноплановых эмоций и ощущений. Отчасти он превратился в семилетнего мальчонку, со всеми чувствами и мыслями семилетнего. Но признавал он и себя теперешнего, лежащего в машине мира, прислушивающегося с немим удивлением к себе семилетнему. Казалось невероятным, что память с такой тщательностью и дотошностью сохранила этот кусочек детства — с каждым отдельным словом, произносимым матерью и дедом, а чуть дальше — вступившим в разговор Хролфом, двоюродным братом, и матерью Хролфа Ингельд. И осознание достоверности своего собственного прошлого наполняло неизъяснимым, светлым восторгом оттого, что он жив, и вместе с тем уверенностью, что все проблемы людской жизни ничтожно мелки и люди воспринимают их всерьез лишь потому, что тупы и подслеповаты. Все эти озарения были такими глубокими, что казались саморазумеющимися, будто были известны изначально. Мысли Найла прервал голос старца.

— Ты видишь то, где находишься, или только слышишь?

— Только слышу.

— Очень хорошо. Мне надо, чтобы ты плотно зажмурился, но представил, что открываешь глаза.

Вначале указанию следовать было сложно. Попытался представить, что открывает глаза, но ресницы дрогнули и ухватили отблеск матовой панели сверху. Тогда Найл для надежности прикрыл глаза ладонями, чтобы нельзя было открыть, и представил, что лежит у себя в пещере на травяной подстилке, в нескольких шагах от матери. И тут словно из ниоткуда возникла пещера, и стало видно лицо деда, освещенное единственным масляным светильником. Просто невероятно: отец его отца, отживший три с лишним года назад, сидит, ни дать ни взять, как при жизни и разговаривает с матерью Найла Сайрис, сидящей сейчас к сыну спиной. С внезапной глубиной Найла пронзила мысль: время — не мерило достоверности.

— Ну как, получилось? — поинтересовался старец.

— Да.

— Прекрасно. Теперь мне надо, чтобы ты попробовал не-что куда более сложное. Я хочу, чтобы ты полностью изменил картину.

— Как? — спросил Найл. Что за нелепость; ведь вот он, в пещере, слушает мать с дедом и ждет, когда вернутся с охоты отец и дядя Торг.

— Представь какую-нибудь другую картину и попробуй разглядеть ее.

Найл попытался представить окружающую пещеру местность с выцветшим от жары кустарником и кустами креозота, с высоким древовидным кактусом-юфорбией — безрезультатно. Затем все внезапно подернулось мраком. Секунду спустя донесся голос матери:

«Его нужно растереть и истолочь, а там вываривать по меньшей мере часа два. Иначе это смертельная отравка».

Дед Джомар:

«Верно говорит. Можно еще столочь в муку, а там испечь из нее хлеб...»

Голос старца:

— Что там?

— Возвратилось на начало.

— Так, ладно. Попробуй-ка еще раз.

Найл постарался сосредоточиться. При этом голоса пошли почему-то на убыль, а когда ослабил усилие, возвратились вновь. Усилие, как ни странно, сводило все на нет.

— Попробуй представить что-нибудь приятное из своего прошлого, — предложил старец.

Найл попытался представить ту минуту, когда впервые увидел принцессу Мерлью. Она стояла в тронном зале подземного города возле своего отца, венценосца Каззака, темно-золотистые волосы были перехвачены блестящим венчиком. Найлу все еще помнилось, как сладко замерло сердце, когда она ему улыбнулась, показав ровные белые зубы, не попорченные соком ягод. Можно было ощутить бархатистость ее кожи, когда они приветственно соприкоснулись предплечьями...

Затем с ошеломляющей внезапностью она уже держала его в объятиях, жарко шепча: «Я пришла забрать тебя с собой...» Ухо чувствовало тепло ее губ, формы ощущались через крас-

ное платье паучьего шелка. Его же голос откликнулся: «Ты же знаешь, я не могу этого сделать».

В этот миг Найл понял, что он уже не в подземном городе, а у жуков-бомбардиров, где дожидается аудиенции с Хозяином. На глазах у него Мерлью попробовала дверь, надежно ли заперта, затем возвратилась на кушетку и повлекла его к себе. Все тело томно изнывало от ласки ее губ. Мерлью прижималась к нему; желание разобрало Найла так, что он невольно открыл глаза, засмутившись присутствия старика. Картина исчезла мгновенно, будто кто щелкнул выключателем. Тут до него дошло, каким именно образом это произошло: он попросту отвлекся, переключив внимание с одного на другое.

Исчез и старец. Найл почувствовал облегчение, вместе с тем забавляла собственная глупость. Старец был порождением машины, но тем не менее Найл чисто по наитию общался с ним как с живым человеком. И все тсперешние упражнения направлены были на то, чтобы научить его управлять своими рефлексам.

Найл приладил металлические полоски заново, прижав контакты ко лбу, затем закрыл глаза и очистил ум от мыслей. И снова удивился последовавшему за этим безмолвию, будто он завис среди бездны. На этот раз Найл медленно обратился к Доне, двоюродной сестре, которую впервые увидел в подземном городе Каззака. Попытался во всех подробностях воссоздать жилье, где она жила вместе со своей матерью Сефной. Вместо этого он очутился возле этой девушки на скамье детской в городе пауков. Теплым был солнечный свет, и раздавалось легкое сипение фонтана, рассеивающего в воздухе водяную пыль. В трех метрах на лужайке сидел брат Вайг и рассказывал что-то увлекательное сестренкам Руне и Марс. А они с Доной смотрели друг дружке в глаза, осторожно, ласково соприкасаясь пальцами...

Глядя на нее (сходство с настоящей просто невероятное), он ловил себя на мысли, что было бы великолепно, имей Мерлью что-то от кротости и добросердечности Доны, а Дона — что-нибудь от бойкости и броскости Мерлью. Поскольку образ Мерлью он наблюдал совсем недавно, ему легко было воссоздать ее присутствие так, будто она все еще у него в объяти-

ях. Образ Мерлью на секунду оттеснил Дону, пришлось его чуть «пригасить», и он опять очутился рядом с Доной. Получалось, что он как бы находится в двух местах одновременно, а в сознание с равной силой пытаются проникнуть оба образа. Причем нельзя сказать, чтобы Дона и Мерлью оттесняли одна другую, оба образа сознавались вполне ярко. В единый миг озарения до Найла дошло, что все это происходит в его сознании и что продлить или оборвать видение всецело в его воле. Подчиняясь его мгновенному, спонтанному желанию, образы Мерлью и Доны слились один с другим, и уже нельзя было различить, кто из них кто. Мерлью обрела кротость Доны, Дона же вкрадчиво засветилась соблазнительностью Мерлью.

Такой эффект вызывал растерянность. Найл так привык к неустойчивости воображения, к тому, что ум не способен удерживать образ дольше нескольких секунд, что в происходящее с трудом верилось. Правда, эта новоявленная Дона-Мерлью не смотрелась так реально, как любая из тех двоих; ясно было, что стоит потянуться и взять ее за руку, как она распадется на две составляющие. Тем не менее можно было смотреть и видеть, как изящная бледность Мерлью сливается со смуглостью Доны, а синие и карие глаза обеих, наложившись, в сочетании дают зеленый оттенок. Смешалась даже одежда, так что новоявленная Дона-Мерлью была теперь облачена в синюю тунику наставницы детской, соблазнительно облегающую формы. Но что удивительнее всего, эта новая незнакомка, хотя и не обладала собственной индивидуальностью, была по-своему неповторима. Трудно было поверить, что она попросту вымысел, творение его собственного ума.

— Тебе, вероятно, сподручнее будет использовать это, — слышался голос старца.

Открыв глаза, Найл обнаружил, что в комнате никого нет, а на ложе возле лица лежит квадратная черная коробочка сантиметров восьми шириной, на лицевой стороне которой четырьмя рядами расположены пронумерованные кнопки. К этому времени Найл был уже достаточно знаком с электроникой и догадался, что это пульт дистанционного управления. А поскольку указаний больше не следовало, он решился нажать на первую кнопку. Очевидно, это была кнопка включения пуль-

та. Возбуждение и энергия немедленно схлынули, и мир вокруг будто обрел твердость, нормализовался. Походило на некое пробуждение. Нажав на кнопку снова, Найл ощутил легкое искажение в чувствах, от которого невольно закатились глаза; но это продлилось недолго, и он опять почувствовал тонкое покалывание, вызывающее столь странное ощущение сбывающегося любопытства. Эффект чем-то напоминал действие медальона, полученного от старца в первое посещение башни. Правда, медальон усиливал сосредоточенность — с ним Найл словно смотрел на мир через увеличительное стекло, — в то время как это устройство вызывало томный восторг; впечатление, что из-за тучи появилось солнце.

Это чувство исчезло сразу же, стоило нащупать вторую кнопку. На сей раз от искажения наступила тошнота и головокружение; когда прошло, в теле образовался тяжелый, мутный осадок. А еще человек был ошеломлен дремотностью, от которой мир казался иллюзорным; Найлу казалось, что он бодрствует и спит одновременно. Он опять нажал на кнопку, но эффект дремотности от этого лишь усугубился. Все вокруг подернулось рябью, и ощущение возникло такое, будто он, Найл, безнадежно пьян. Но стоило нажать на «стоп», как все мгновенно пришло в норму. Невероятным облегчением было воспринимать мир таким, какой он есть, и Найл, пожалуй, впервые по-настоящему оценил, какая это роскошь — быть нормальным.

Но он уже вошел во вкус и вскоре снова нажал на «старт». Затем ткнул кнопку с цифрой «три». Ничего не произошло. Отключил, попробовал снова: опять ничего. Понятно, что надо было всего-то кликнуть Стигмастера и он бы объяснил, как быть. Но хотелось во всем разобраться самому. Найл озадаченно насупился, глядя на устройство у себя в руке. С первой кнопкой ясно, это «старт/стоп», без нее вторая кнопка не работает. Может, надо вначале нажать вторую и тогда работает третья? Найл попробовал: мимолетно коснувшись второй кнопки (он уже усвоил, что чем дольше держишь палец, тем сильнее эффект), поспешил нажать третью. Наступившая следом темнота дала понять, что догадка верна. Спустя секунду он оторопело замер от птичьего пения и шума бегущей воды. Вместе

с тем можно было обонять трудноуловимый, но вполне определенный запах влажной травы и листьев. Однако поскольку он так и лежал в темноте, то не было ясности, где именно все это происходит. И тут все вокруг будто пришло в движение, и Найл слышал сухой шорох колес по насыпной дороге и шарканье ног возниц. Не поднимая головы, он попытался представить, что открывает глаза. На этот раз сработало моментально, и он очутился между матерью и братом Байтом в повозке, которую катили четверо гужевых. Они проезжали через лесистый участок. Ветви деревьев смыкались над дорогой, образуя зеленый туннель. Просвечивающее меж ветвей небо было ярко-синим, и различались отдельные облака, висящие над отдаленными холмами. Когда миновали два крутых склона, Найл потянулся и дотронулся до влажной травы. Они только что прибыли в край пауков, и их везли в город Белой башни. Во время плаванья из Северного Хайбада Найл спас жизнь бойцовому пауку, которого смыло за борт, вот почему к ним относились скорее как к гостям, а не как к узникам. А Найл впервые за всю свою жизнь, прожитую в пустыне, смотрел на обильно орошаемую дождем лесистую местность и слушал пение дроздов. То было одно из самых памятных впечатлений в его жизни, и, переживая теперь его снова, он блаженствовал от тихой радости и ностальгии. Хотя с той поры не прошло и года, все теперешнее казалось совершенно иным, а былое — ушедшим безвозвратно.

Спустя секунду это воспоминание сменилось другим, хотя и косвенно с ним связанным. На этот раз Найл размашисто шагал по залитой лунным светом дороге с небольшим отрядом, одетым под рабов. Фактически все это были молодые люди из города жуков, отправившиеся на дело куда более опасное, чем сами себе представляли: отыскав старую крепость, пробраться в нее и завладеть арсеналом оружия и боеприпасов. Улик, Милон, Йорг, Мастиг, Криспин, Маркус, Гастур, Ренфред, Космин, Киприан. Всех пьянил дух приключения, лишь старший, Доггинз, сознавал опасность. Через несколько часов троим из них суждено погибнуть, включая Киприана, шагающего сейчас за спиной. Вместе с тем Найл вдыхал холодную сладость ночного воздуха и впитывал колдовство серебристого

тумана; какой-то странный внутренний свет оптимизма подсказывал, что сегодняшняя ночь круто изменит всю его жизнь...

Тут Найл наконец почувствовал, что до него начинают доходить некоторые принципы устройства интерналайзера. Вот сейчас одно воспоминание повлекло за собой другое, потому что общим у них является один основной фактор — не то, что оба связаны с загородной природой, а то, что оба вызывают одно и то же неизъяснимое чувство светлого восторга и свободы.

Он нажал четвертую кнопку. Снова темнота, но темнота, в которой можно слышать ровный шум стойкого высокого ветра и чувствовать острый, соленый запах моря. Даже не пытаясь восстановить картину, он знал, что стоит на гребне высокого кряжа, отделяющего пустыню от прибрежной равнины Северного Хайбада, и впервые вдыхает запах моря. Сердце учащенно билось от светлой, возвышенной радости. Спустя секунду он перевел взгляд на зеленую равнину с ее деревьями и кустарником, дальше уходила за горизонт синева моря. Тут перед взором зарыбило и потемнело, и вот Найл уже лежит среди ночного холода возле костра, вдыхая древесный дым и слушая протяжную песню, которую тянут заунывным хором матросы. Он понял, что находится все в том же Северном Хайбаде на пути к пещере, чтобы извлечь из нее тело отца, и что отряд расположился лагерем среди той же зеленой равнины, которую он озирает с высоты горного кряжа.

И вот в этом месте произошло нечто странное. Когда он, лежа возле потрескивающего костра, задумчиво слушал пение, его вдруг потянуло в сон. И тут Найл осознал, что его прежнее «я», вероятно, в тот момент уже отключилось и он заметил этот переход в сумеречный мир меж сном и бодрствованием. И вот теперь выявлялись вызывающие тревожное замешательство зыбкие, нечеткие образы, призрачно скользящие перед внутренним взором подобно стеклянистым облакам, и чужие голоса, произносящие бессвязные и вместе с тем странно осмысленные фразы: «Его зелень будет еще упрямее, когда отыщет свой хвост...» Затем голоса будто бы превращались в воду, просачивающуюся в трещины бессознательного ума Найла, и сбежали в некое подземное озеро тьмы. На Найла это подей-

ствовало так, что подкатила тошнота и голова закружилась, а все вокруг словно утратило прочность. Найл резко утопил на пульте кнопку «стоп» и испытал несказанное облегчение, когда возвратился в обычный мир, словно увидел дневной свет после ночного кошмара.

Но любознательность не утихла, и Найл коснулся последней кнопки нижнего ряда под цифрой «20». Результат был столь же неожиданный, сколь и тяжелый. Найла вдруг пронзила безысходная мука и жалость, грянувшая с внезапностью летней грозы или жестокого удара. Он стоял возле входа в пещеру, глядя на безобразно раздувшийся труп отца: черное лицо, застывшие глаза навывкате. Рука с медным браслетом вскинута, словно защищая лицо от клыков разозленного паука.

— Тебе, наверное, надо бы выключить аппарат, — слышался голос старца.

Тот снова стоял возле ложа. Шок от случившегося отнял у Найла столько энергии, что ему стоило труда нажать на «стоп».

— Зачем ты это сделал? — спросил Найл плохо повинующимися губами.

— Электрические импульсы интернализера вызывают разрядку у центров памяти. Ты выбрал частоту, связанную с болезненными воспоминаниями.

— Ну и что в этом хорошего? — Найл понимал, что говорит не совсем разумно, но потрясение переплавлялось в гнев.

— Гораздо больше, чем ты думаешь. — Голос у старца был так спокоен и уравновешен, что гнев испарился. — Я бы советовал тебе повторить эксперимент.

— Зачем? — Найл несколько не разуверился в Стигмастере, но сама мысль вызвала дрожь.

— Потому что можно избавиться от боли. Попробуй.

Напрягшись, словно в ожидании удара, Найл включил устройство и нажал на кнопку «20». Опять нахлынула волна отчаяния при взгляде на искаженное лицо отца; на этот раз он обнаружил даже следы от укуса с внутренней стороны руки, где паук ввел яд. Вместе с тем он осознал и то, что жалость испытывает тот Найл, что стоит у входа в пещеру, а уж нынешнему Найлу чувство сейчас передается так, из вторых рук.

— Еще раз. — Голос старца звучал в общем сочувственно.

Когда Найл нажал на кнопку и память возвратилась к началу, еще яснее стал сознаваться разрыв между собою теперешним и прежним. Оцепенение, охватившее Найла прежнего, служило защитой от ошеломляющего прилива эмоций; теперь же эмоции отчасти утратили свою силу, и Найл теперешний перестал ощущать их во всей остроте. Остались гнев, жалость и чувство обреченности: отца больше нет, чему быть, того не миновать.

— Еще раз.

На этот раз даже гнев и жалость утратили силу.

— Еще раз.

Теперь в душе уже только жалость.

— Еще раз.

Жалость остыла в печаль, с оттенком обреченности.

— Еще раз.

Теперь было видно, что и печаль, и огорчение одинаково бессмысленны. Ничего уже не воротишь.

— Еще раз.

Найл покачал головой.

— Больше ни к чему.

Он чувствовал себя на удивление спокойно и умиротворенно; было еще и странное ощущение, будто он за эти секунды значительно прибавил в возрасте.

— Как это получилось у машины? — спросил он.

— Машина здесь ни при чем. Все это сделал твой собственный ум. Любую отрицательную эмоцию можно стереть, дав ей выход.

Найл, к удивлению, поймал себя на том, что зевает. Потрясение уступило место приятной расслабленности. Но в мозгу чувствовалась усталость, какая обычно возникает, если пересердствовать с медальоном. Найл на секунду закрыл глаза, соблазняясь желанием соснуть, но тут вспомнил, зачем сюда пришел, и стряхнул с себя сонливость.

— Ты говорил, я могу узнать об убийцах Скорбо.

— Ты желаешь попробовать непременно сейчас?

— Да, если можно.

— Можно, но я бы все-таки не советовал. Тебе нужно лучше освоиться с интерналайзером. Я бы предложил, по крайней мере, другой день.

Найл покачал головой.

— Нет времени. Один из них, судя по всему, все еще находится в городе и к утру может уйти.

— Ну что ж, твоя воля. Ты отдаешь себе отчет об опасностях?

— Опасностях? — переспросил Найл с темным предчувствием.

— Из них ты уже столкнулся с худшей. Отрицательные эмоции.

— Худшей? — Найл не мог сдержать в голосе нотку облегчения.

— Не следует недооценивать отрицательные эмоции, — сказал старец неодобрительно.

— Разумеется, если ты не возражаешь...

— Я не могу ни возражать, ни одобрять.

Найл в очередной раз спохватился, что перед ним не человек, а компьютер.

— Тогда объясни, что надо делать.

— Прежде всего сосредоточься на этом человеке. Попытайся отчетливо его представить. Лучше, если будешь держать при этом в руке кулон. Затем, когда почувствуешь, что готов, нажми кнопку «два», вводящую в состояние альфа, а затем «девять», она усиливает краткосрочную память нескольких прошедших часов. Тогда сможешь начать прием информации. Если это не удастся, попробуй углубить состояние альфа.

Найл вынул кулон из кармана и подержал его, вытянув на правой ладони. Но что толку: в конце концов, не будет же он вот так же держать его во время приема. Поэтому цепочку Найл повесил на шею, и кулон лег на грудь. Затем коснулся второй кнопки. Дремотность возвратилась, в целом ощущение было такое, будто запрокидываешься на спину. Он закрыл глаза и вызвал в памяти лицо мертвого: большие глаза, нос-клюв, покатый подбородок. Секунду изображение было ясным, затем подернулось рябью. Он и тогда-то не очень четко его запомнил, а теперь и эта память потускнела, затертая другими образами. Чем усерднее старался Найл восстановить все детали, тем менее отчетливыми они становились. Он открыл глаза и тронул девятую кнопку. Результат получился ошеломляющий. Он опять

стоял в захламленном коридоре, вдыхая специфический запах отсыревшей штукатурки и пыли, и смотрел в те странные темные глаза. Найл напрягся, зная, что сейчас должно произойти. Действительно, ощущение как от жесткого удара в лицо. Тем не менее поскольку Найл все это наблюдал со стороны, то продолжал пристально вглядываться в лицо ударившего и увидел, что его сознанием владеют неуверенность и волнение. Найл даже ощутил невольное сочувствие: незнакомец был один-одинешенек во враждебном городе, окруженный недругами. Безопасность его зависела от того, чтобы не быть узнанным, а теперь его опознали. Он перестал быть охотником и стал добычей...

Из-за плеча человека было видно, как через дыру в потолке бесшумно спускается паук-клейковик. Человек слышал, как лапы паука коснулись пола, и стал разворачиваться в его сторону. Но не успел этого сделать, как недвижно застыл под хваткой паучьей воли. Через считанные минуты он был пригвожден к полу передними лапами, и в лицо ему прыснула тонкая струйка клея. В этот же момент перед глазами у Найла прояснилось. Понятно, это как раз когда над ним склонился Симеон и стал помогать подняться.

Найл знал, что сейчас произойдет, и от этой мысли стало тошно. Он как раз нажимал уже на «стоп», когда человек вскочил на ноги и нырнул за ножом, что был припрятан за пазухой; миг — и видение исчезло, будто кто щелкнул выключателем.

— Ты выяснил то, что тебе нужно? — спросил старец.

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Он собирался совершить самоубийство, а мне не хотелось на это смотреть.

— Ясно.

От ровного, бесстрастного голоса стало за себя стыдно.

— Я попробую еще раз.

— Одну минуту. — (Палец Найла задержался над кнопкой.) —

Делая это, ты всякий раз тратишь ментальную энергию. Чем сильнее утомление, тем меньше у тебя шансов что-либо обнаружить, утомленный ум теряет наблюдательность.

Что правда, то правда, Найл чувствовал в голове унылую, пустотную тяжесть.

— Я попробую всего лишь раз.

— Прекрасно. И вот что еще. Чем дольше ты держишь вторую кнопку, тем глубже состояние альфа. Оно усиливает твою чувствительность, но и делает тебя при этом более уязвимым. Я думаю, имеет смысл на всякий случай не снимать пальца с кнопки «стоп».

— Спасибо, я так и сделаю.

Найл закрыл глаза и отрешился от мыслей, намеренно углубляя расслабление. Затем нажал на «старт» и тронул вторую кнопку. Реальный мир поколебался; дремотная, ласкающая зыбкость напоминала погружение в мягкую, шелковистую воду. Найл сознавал призрачное скольжение меж сном и бодрствованием, где приослабить внимание — значит неминуемо провалиться в сон. Где-то на границе сознания грузно прогремел здоровенный воз с тесовыми оглоблями и женский голос внятно произнес: «В мире блох все слоны выродки». Усилием воли Найл выгреб назад в более светлую полосу и утопил левую кнопку, палец на которой уже лежал. И тут же снова очутился в коридоре, по которому впереди бежал этот, одетый под раба. Когда он схватил бегущего за плечо, тот споткнулся и шарахнулся телом о стену. Как всякое сновидение, картина была чуть контрастной, а действие разворачивалось так четко, будто происходило в замедленном темпе. Незнакомец обернулся, и, заглянув в распахнутые глаза, Найл ощутил весь его страх и отчаяние, такие беспросветные, что стало жаль беднягу. Тут мгновенно ударило и стало трудно дышать. Но на этот раз Найл «видел» приближение удара: сконцентрированная в луч агрессивная воля, специально нацеленная в центр нервной системы. Затем его ум слился с сущностью убийцы, словно они вдвоем представляли собой одно и то же. Вся подноготная незнакомца на несколько секунд раскрылась, можно было беспрепятственно ее изучать. Увиденное потрясло и оттолкнуло Найла. Ему опять стало тошно, как от гнилостного запаха, и стало ясно, что это все из-за некоей безжалостности и неумной жестокости, составляющей сущность незнакомца. Взору открылось ошеломляющее хитросплетение, даром что основные черты различались достаточно ясно — все равно что смотреть на Землю из космоса. Требовалось время, чтобы изучить и разобраться во всем этом.

А незнакомец уже вскочил на ноги и нырнул к себе за па-
зуху. Пока Найл давил на «стоп», рука с ножом уже изъясилась
наружу.

— Ну что?

— Это был специально подготовленный убийца, — сказал
Найл.

— Скорбо выслеживали особо или он был убит случайно?

— Специально выслеживали.

— Откуда взялись убийцы?

— Откуда-то... из-под земли.

— Из Диры?

— Нет, не из Диры. Откуда-то... из другого места.

— А откуда, не выяснил?

Найл закрыл глаза и попытался сосредоточить память, но
не вышло.

— Нет. Все произошло так быстро.

— Ну, с нашими возможностями это исправимо. Что еще
ты выяснил?

— Ненависть... Я почувствовал ненависть. Этот человек был
кем-то вроде дознавателя или палача. И было еще кое-что,
чего я не понял... Это был не совсем человек.

— В каком смысле?

— Не знаю. Просто как-то почувал.

Последовала пауза. Затем Найл произнес:

— Просто не верится... что может быть еще один подзем-
ный город. Уж тебе наверняка было бы о нем известно?

Старец покачал головой.

— Боюсь, наша система сбора информации не без погреш-
ностей.

— Но чтобы целый город...

— А знаешь, есть-таки одна любопытная легенда, берущая
начало в двадцатом веке. О космических странниках из отдаленной галактики, остановившихся на Земле, когда у них вы-
шли все запасы. Солнечная радиация была для них смертельна,
поэтому они основали поселение под землей и создали
развитую цивилизацию, когда человечество еще обитало в пещерах.
Но от тягот подземной жизни их численность все убывала.
Многие из тех, что уцелели, в некотором смысле подвинулись
рассудком и потому превратились в чудовищ.

— Чудовищ?

— Разум изменил им. Кое-кто начал набрасываться на людей. По некоторым сведениям, эти люди явились прототипами легенд о вампирах, вурдалаках, леших и прочей нечисти из подземного мира.

— И что, это правда?

Старец звучно усмехнулся.

— Торвальд Стииг сказал бы, что это абсолютный нонсенс. Но при этом, пожав плечами, добавил бы, что во всякой легенде есть неуловимая доля правды.

— Тогда как мы можем узнать о том подземном городе?

— Пока тебе следует надеяться в основном на интерналайзеры. Вы контактировали лишь секунду, тем не менее ты мог бы узнать куда больше, чем сам полагаешь.

Найл потянулся к пульту, но приостановился.

— Ты говоришь, мне надо подождать до завтра?

— Тебе решать. Если ты утомлен, результаты будут неважные.

Голову ломило от усталости, но любопытство все-таки пересилило.

— Попробую-ка я еще раз...

Он лег, закрыл глаза и тронул кнопку «старт». Головная боль рассосалась, и появился невероятный соблазн уснуть. Однако Найл сдержал себя и нажал на вторую кнопку. Еще труднее оказалось не поддаться волнам уютной расслабленности, размывающим сознание. Стремясь скорее с этим покончить, Найл коснулся девятой кнопки.

Опять захламленный коридор, пахнущий отсыревшей штукатуркой. Только на этот раз ощущение такое явственное, что трудно усомниться в его достоверности. Стены смотрелись монументально, как во сне, и чувствовалась твердость пола под ногами. Подспудная усталость, казалось, лишь обостряла ощущения, придавая им эффект замедленности. Едва начав погоню по коридору, Найл уже мог различать паука-клеяковика, следящего за происходящим из своей дыры в потолке; ага, значит, прорисовываются детали, о которых раньше и не подозревал. Как и в реальной жизни, Найл мог переводить внимание на что угодно. Вытянув руку, чтобы схватить за плечо незнаком-

ца, он обнаружил несколько звеньев золотой цепочки, выбившейся из-под рубища. Вот незнакомец споткнулся и повернул голову. Найлу подумалось, что это лицо знакомо ему ничуть не хуже, чем лицо отца или матери. Наизусть был известен выросший подбородок и странно хищные зубы. Последовавший удар походил на пинок, расчетливо нацеленный в солнечное сплетение. Найл с любопытством отметил, что незнакомец использует своего рода отрицательную эмоциональную энергию. Получалось так, что ненависть во взоре, полоснув по Найлу, сама по себе обрела осязаемую плотность и силу, как сжатый кулак. И это потому, понимал он теперь, что удар нацелен в один из его эмоциональных центров.

Когда их умы соприкоснулись, Найл опять почувствовал острую неприязнь, желание отвернуться, как от гнилостного запаха. Но на этот раз он не поддался порыву, решив понять по возможности больше из того, кто он, этот убийца, и откуда взялся. И опять голова пошла кругом от невиданного хитросплетения, такого, что ум терялся, не в силах разобраться.

И вот тут изменилось главное: качество восприятия. До этой секунды Найл сознавал, что знакомится со своего рода записью, с зафиксированным во времени архивом памяти. А теперь вдруг появилось любопытное ощущение, что мозг находится в контакте с живым умом. Что само по себе абсурд, поскольку человек мертв. Вместе с тем ошибиться было невозможно, между считыванием и живым контактом была такая же пропасть, как между холодом трупа и теплом живого тела.

От внезапно пробившегося острого страха все в Найле опасно замерло. Он вдруг осознал, что оба они, и он, и убийца, стоят в тесной каменной палате, в кромешной тьме. Веяло холодом. В нескольких шагах впереди в каменном кресле, чем-то напоминающем трон, с которого венценосец Каззак приветствовал гостей Диры, сидел человек. Несмотря на мрак, сидящий был различим совершенно отчетливо, будто не зрением, а каким-то другим чувством. Он был облачен в длинное черное одеяние наподобие монашеской сутаны с капюшоном, скрывающим лицо. Несмотря на способность проникать темноту, взгляд не мог пробраться внутрь капюшона; смутно вид-

нелись лишь белки глаз, внушающие невольный трепет своей цепкостью.

Из-под сутаны выглядывали темные башмаки с затянутыми носками. Единственное, что еще проглядывало, это руки на подлокотниках кресла. Найлу показалось, что они будто бы покрыты чешуей, как кожа ящерицы или змеи, хотя цвет был обычный, человеческий. Пальцы соединяла меж собой полупрозрачная перепонка.

В тот миг, когда Найл неожиданно очутился перед этим человеком, тот, очевидно, наставлял убийцу Скорбо, который стоял, почтительно склонив голову. И когда Найл с тревожной настороженностью посмотрел на каменное кресло, убийца, похоже, уловил его присутствие; спустя мгновение его обнаружил и сидящий в кресле. Найлу показалось, что глаза сузились, и, когда обратились на него, ему стоило труда не отшатнуться: во взгляде сквозила поистине осязаемая сила. Бесплотное состояние Найла словно усугубляло его чувствительность, и взгляд этих глаз действовал с необычайной силой. Довольно странно, но во взгляде не было ни злобы, ни жажды смерти — лишь вседвлюющая, схожая со слепотой темная одухотворенность. Чувствовалось, что *этот* не терпит ни пререканий, ни инакомыслия; любой несогласный — враг, подлежащий уничтожению.

Сидящий поднял правую руку с подлокотника и уставил на Найла палец, увенчанный не ногтем, а будто когтем, как бы в знак предостережения. Уставил, и в груди у Найла нестерпимо зажгло, будто какая козавка припала и начала въедаться, буравя расположенными вкруговую коготками вроде тех, что у некоторых клопов и клешей. Найл поперхнулся от боли; тем не менее, когда пальцы потянулись огодрать, там ничего не было.

Секунду спустя он очнулся на ложе в Белой башне. В окно струился безмятежный солнечный свет. Облегчение сменилось ужасом, который будто намеревался проесть плоть до самого сердца. Интерналайзер был выключен, комната имела всегдашний, привычный вид. Тем не менее Найл по-прежнему чувствовал на себе взор суженных немигающих глаз и грудь все так же жгло. Найл полез рукой под тунику и отчаянным движением рванул золотую цепочку с кулоном; пролетев через ком-

нату, та упала на пол. Тут же пропила и боль, и ощущение на себе темных глаз.

— В чем дело?

Найл мотнул головой. Он опять чувствовал себя разбитым и утомленным. Только на этот раз усталость была не та, что обычно следует за потрясением, а такая, будто он только что подвергся такой нагрузке, что можно и не выдержать.

Найл указал на кулон, лежащий возле стены.

— Эта штука чуть меня не доконала.

Старец подобрал вещицу.

— Не может быть. Это просто кусочек металла.

Найл был так истощен, что не хватало сил спорить.

— Это какой-то проводник, — выговорил он.

Старец покачал головой.

— Мой анализ показывает, что это сплав меди и цинка с небольшой примесью золота. Структура совершенно инертная, а следовательно, проводником быть не может.

— Мне наплевать, что там показывает твой анализ.

От усталости и унылого отчаяния голос у Найла звучал сдавленно и прерывисто. Он принудил себя держаться спокойно и опустил голову обратно на подушку. Машина мира тотчас завибрировала — автоматическая реакция на напряжение лежащего; мгновенно полетчало.

— Прощу тебя, отключи эту штуку. — (Вибрация прекратилась.) — Я не желаю засыпать. Хочу выяснить, в чем дело. — Найл глубоко вздохнул. — Я очутился в темной комнате бок о бок с убийцей Скорбо. На возвышении вроде трона сидел старик в длинной черной мантии. И когда он уловил, что там нахожусь я, полоснул по мне своим взглядом.

— Как раз в ту секунду я понял, что ты видишь кошмар, и нажал на кнопку.

— Это мне не привиделось! — Найл с трудом сдерживался, чтобы не повысить голос. — Я уверен, что он существовал на самом деле.

— Очень хорошо, он существовал на самом деле. — (Ровный, сдержанный голос вызывал глухую ярость.) — А убийца Скорбо?

— И он тоже. Он первым меня и обнаружил.

— Тогда получается, он не умер?
— Почему, умер.— Голос у Найла звучал устало, плоско.
— Разве такое возможно? Ты же сказал, что он был живой.
— Я сказал, что он существовал. Возможно, имел что-то общее с привидением.

— Стигмастер не допускает существования привидений, разве что в смысле психологии. Торвальд Стииг полагает, что привидение — примитивное суеверие.

— Мне все равно, что там полагает Стииг,— проговорил Найл, не открывая глаз.— Я тебе рассказываю все как было.

Машина мира включилась снова. Когда расслабляющие волны пошли через тело, Найл не устоял перед соблазном сгладить в себе усталость и отчаяние. Но что-то в нем было против этого пассивного восприятия физического комфорта.

— Выключи эту штуку,— велел он.— Мы должны докопаться до самой сути.

— Разумеется.— (Вибрация прекратилась.) — Но прежде вдумайся в то, что я тебе говорю. Твое описание по всем своим признакам сходится с кошмаром. Ты доказываешь, что это происходило на самом деле. Но забываешь, что психоскоп не имеет силы сон обращать в явь.

Это звучало в высшей степени убедительно. Найл вдруг осознал, что старец, видно, и в самом деле прав.

— Но почему я после кошмара чувствую себя таким разбитым?

— Вот почему я тебя и предупреждал: не стоит пользоваться психоскопом при переутомлении. Усталость создает отрицательные эмоции, а психоскоп их усиливает.

— Но не до такой же степени, что потом чувствуешь себя полумертвым?

— Обычно нет. Но уж это легко можно проверить.

— Каким образом?

— Измерив твоё жизненное поле.

Старец вышел у Найла из поля зрения и вскоре вернулся с двумя витыми растяжными шнурами, похожими на длинные пружины. На концах обоих виднелись присоски-раструбы. Один конец старец протянул Найлу.

— Ну-ка, приладь себе ко внутренней стороне бедра.— (Найл поднял тунику и прижал раструб к коже, тот мгновенно при-

сосался.) — А теперь будь добр, смочи нижнюю губу. — Второй раструб старец приложил Найлу к губе; чувствовалось, как тот плотно прихватил кожу.

— Для чего это?

— Замерять жизненное поле, обусловленное твоим жизненным тонусом.

Старец скрылся за машиной. Несколько секунд слышалось жужжание.

— Ну как? — поинтересовался Найл.

— Странно. — Старец отсоединил присоски. — Показатель «лямбда» у тебя снизился до восьми с половиной.

— И что это означает?

— Обычный показатель — между десятью с половиной и одиннадцатью.

— Получается, все это могло происходить на самом деле?

Внутри оборвалось. Как уютно было думать, что этот, с перепончатыми пальцами, был просто наваждением.

— Не обязательно. Ты забываешь, что твоя энергетика была пробита ударом того незнакомца, да и психоскоп тоже поглощает довольно много жизненной энергии.

— У тебя нет какой-нибудь машины, чтобы ее восстановить?

— А то как же. — (Найл посмотрел на старца с удивлением, подумав, что тот шутит.) — В машину мира встроен аппарат Бенца для нагнетания искусственного жизненного поля. По крайней мере, восстановится твой энергетический потенциал.

Усталость переплавлялась в головную боль, отягченную тошнотой.

— Она может сделать так, чтобы меня не тошнило?

— Думаю, да.

Матовая панель изнутри ярко осветилась синим, послышалось тонкое жужжание, постепенно перешедшее порог слышимости. Свет резал глаза, и Найл плотно зажмурился. Когда звук утих, ушла и головная боль. Одновременно с тем Найл почувствовал в себе нарождающийся свет непонятного оптимизма. Что нелепее всего, захотелось вдруг смеяться. Дыхание перехватило, будто в лицо только что плеснули ледяной воды. Найл поперхнулся, а затем глубоко втянул воздух; вместе с тем усталость перерождалась в удовольствие, близкое к боли.

Ощущение полноты жизни наполнило до краев. От этого забавно зашекотало в гортани, он звучно, со вкусом чихнул. Синий свет тотчас померк, а блаженство уступило место вполне нормальному состоянию, Найл будто проснулся. Он нашарил в кармане носовой платок. В затылке, когда сморкался, заломило.

Старец стоял молча, глядя на цифровое табло. Пауза тянулась так долго, что Найл спросил:

— Что-нибудь не так?

— В твоём жизненном поле почему-то наблюдается брешь. Сердце кольнула тревога.

— И что из этого?

— Это означает, что мы имеем дело с каким-то неизвестным фактором, который я не могу объяснить.

Найл с любопытством наблюдал, как старец, подобрав кулон с разорванной цепочкой, отнес его на ту сторону комнаты и опустил в какой-то цилиндрический предмет — быть может, мусорную корзину — из медной сетки.

— Что ты сделал?

— Обычная мера предосторожности. Судя по прорыву в биофизической мембране, ты был в контакте с какой-то враждебной сущностью. Если этот кулон — ее проводник, электромагнитное поле его нейтрализует.

— Так ты считаешь, это в конечном итоге не было кошмаром?

— Я не могу судить. То первое столкновение могло поразить тебя сильнее, чем ты думаешь.

Он еще не успел договорить, как Найл ощутил, что вызванная аппаратом Бенца эйфория понемногу исходит, как воздух из продырявленного шара.

— Этот ущерб восстановим?

— Бесспорно. В должное время он восполнится сам, затянется, как рубец или легкая рана. Но процесс можно ускорить аппаратом Бенца.

Вторя его словам, матовое стекло осветилось изнутри синим, и электрическое жужжание, набирая высоту, постепенно вышло за пределы слуха. Свечение, на этот раз не такое интенсивное, напоминало по цвету бледно-голубое зимнее небо. Ме-

нее насыщены были, соответственно, и ощущения, но головная боль медленно развеивалась, словно на слабом ветру.

И когда жизненная сила капли за каплей начала просачиваться, будто в иссохшую землю, Найл со всей отчетливостью понял, что человек в черной мантии — не наваждение и что его собственная жизнь теперь находится в опасности.

Когда Найл появился из башни, уже стемнело и температура опустилась ниже нуля. Звезды в холодном черном небе казались кристаллами белого льда. Западный горизонт слабо светился, предвещая восход луны. Подтаявший за день снег превратился в наст, корочка звучно хрупала под ногами. Окна на главном проспекте светились, резкий ветер доносил звуки музыки. Найл всегда с тихой радостью наблюдал освещенные окна, особенно на верхних этажах. В дни рабства люди ютились в подвалах и свет вменялось гасить сразу с наступлением сумерек. Но теперь Найлом владело нелегкое предчувствие, и казалось, будто люди в освещенных комнатах излишне уязвимы.

Ясно было одно: время работает на убийцу. Примерно год назад было посажено дерево, прибившее Скорбо, и среди его корней обнаружился знак мести. Если надо, они могут провести в ожидании еще год, карауля следующую жертву... Тем не менее дерево не смогло убить Скорбо, и один из мстителей заплатил жизнью, пытаясь устранить оплошность. Получается, оплошности бывают и у них.

В парадном зале дворца за массивной каминной решеткой все так же ярко полыхал огонь. Возле него стоял брат Вайг. Одной рукой он обнимал за талию девицу и что-то с вкрадчивым видом ей нашептывал. Дверь громко хлопнула, и заговорщики поспешно отстранились друг от друга. Девица тотчас стыдливо умчалась на кухню. Найл ее узнал: Нира, самая хорошенькая из кухарок — и почувствовал укол зависти к брату, не за его любовные похождения, а за простоту жизни.

— Как денек, брат, трудный? — веселым голосом спросил Вайг.

— Длинный.— Найл протянул руки к пляшущим языкам огня.

— Устроил бы себе выходной. Ведь ты, понимаешь, правитель.

Шутливый тон Найл воспринял без обиды: он понимал, в каком непростом положении находится брат. Сам Вайг всегда относился к младшему брату с нежной привязанностью, при случае и заступался. А тут вдруг неожиданно-негаданно стал братом правителя, без особого рода занятий, кроме разве что фланирования по городу да флирта с красотками. Человек менее приветливый на его месте затаил бы зависть или обиду. Вайг же был для этого слишком благодушен. Но вместе с тем ему приходилось показывать и свою независимость.

Сверху с балюстрады склонилась Нефтис.

— Подавать на стол, мой господин?

— Давай.

Найлу вспомнилось, что с самого утра во рту не было ни крошки, и в желудке заурчало.

— Ты ел? — спросил он Вайга.

— Ел, но с тобой за компанию приму стаканчик вина.

Уже не один месяц минул с той поры, как братья сидели за столом вместе. У Найла невпроворот было дел, Вайг же, похоже, решительно наверстывал упущенное за все те годы, что изнывал без прекрасного пола. Он и теперь, когда поднимался по лестнице следом за Нефтис, изучающе оглядывал стройные ноги под коротенькой туникой.

В палате Найла в печи потрескивали дрова и в воздухе стоял запах дерева. Служанка Джарита уже накрывала на низенький столик.

Нефтис указала на продолговатый сверток в мешковине, прислоненный к стене возле двери.

— Это тебе принесли.

— А кто принес, не знаешь?

— Знаю. Надсмотрщик Дион.

Положив сверток на пол, Найл развернул мешковину. Там был топор с полутораметровой рукоятью. Тускло поблескивающее лезвие в пятнах спекшейся крови. На лезвии выгравирован уже знакомый знак, символ мести.

— Он сказал, где эту вещь нашли?

— Сказал, в саду среди кустов.

Вайг, подхватив топор, крутнул им в воздухе.

— Центр тяжести выверен отменно. А острый — как бритва.

— Осторожно. Этим топором был убит Скорбо.

— Я понял.— Вайг попробовал лезвие большим пальцем и отдернул руку.— Остриющее, дьявол!

С пальца стекла капля крови.

— Беги вымой скорее!

У Найла перед глазами возник отравленный нож, за две секунды сваливший убийцу Скорбо.

Вайг, к ужасу, лизнул палец и сказал как ни в чем не бывало:

— Ничего, заживет.

От сердца отлегло лишь через несколько минут, когда стало ясно, что Вайгу не становится хуже. Найл поскорее завернул топор обратно в мешковину и подал сверток Нефтис.

— На-ка, убери.

Вайг, развалившись на груди подушек, налил в два стакана зеленоватого меда; напиток, недавно приготовленный, все еще играл пузырьками. Вытянув одним глотком половину стакана, брат с блаженной улыбкой улегся.

— М-да, кто бы там ни пристукнул Скорбо, поступил молодцом.

Найл укоризненно покачал головой, бросив предостерегающий взгляд в сторону Джариты, входящей в столовую с блюдом жареных жаворонков. Вайг, подняв брови, обольстительно улыбнулся. Со своими черными кудрями и пронзительно-синими глазами, он излучал такое очарование, что обижаться на него было решительно невозможно. Когда Джарита вышла, он спросил:

— Ты ей что, не доверяешь?

— Почему, доверяю, только не хочу шокировать. Ты забываешь, что большинство людей в этом городе по-прежнему считает пауков своими хозяевами.

— Может, и так.— Вайг подцепил жаворонка и сунул его в острый соус.— Но Скорбо они все так же ненавидели.

— С чего? Из них большинство его и знать не знало.

Прежде чем ответить, Вайг прожевал и проглотил пищу, вытерев тыльной стороной ладони соус с бороды.

— О его-то делах знали все.

Найл был заинтригован таким тоном.

— Это о каких же?

— Про его зверства ходили целые истории. Он обожал убивать людей. Говорят, даже детей убивать обожал, не просто чтобы съесть, а чтоб позабавиться их криком. И говорят, прекращать это дело, само собой, не думал.

Вайг опять принялся за птицу.

— Прекращать что?

— Убивать и пожирать людей.

Найл уставился, не веря своим глазам.

— Ты серьезно?

— А ты не знал? — Вайг покачал головой в недоумении. — Я думал, всем известно.

Найл отложил недоеденную птицу.

— От кого ты об этом услышал?

— Кажется, Сидония рассказала.

Сидония была начальницей одной из служб Смертоносца-Повелителя. Вайг, по разговорам, частенько проводил время в ее компании.

— Но что она тебе сказала?

— А что Скорбо и кос-кому из его дружков не по нраву пришлось затея отказаться есть человечину. Кроме того, у них остался изрядный запас еще со времен рабства. Они решили, что будет жаль, если все это пропадет зря, и продолжали есть.

У Найла отлегло от сердца.

— Я думал, ты о том, что они все еще ловят людей.

— А они это и делают. Мне Нира говорила, что у нее пару недель как пропал один из братьев.

— Нира? Та, с кухни? Так почему она мне ничего не сообщила?

Вайг опять занялся птицей.

— Наверное, большинство думали, что ты об этом знаешь.

Найл был поражен.

— Они в самом деле думали, что я *допущу*, чтобы все это продолжалось?

— Ну... Скорее всего, думали, что ты бессилен что-либо предпринять.

Найлу пришлось сделать усилие, чтобы сдержаться в голосе псев.

— Когда Смертоносец-Повелитель согласился покончить с рабством,— сказал он,— он пошел и на то, чтобы больше не убивать людей. Уговор был такой, что люди отныне свободны и уравниены в правах с пауками. А теперь я слышу, что пауки свою часть обязательств никогда не выполняли... — Он отхлебнул меда, чтобы успокоиться.

— Ты уж не обессудь,— мягко сказал Вайг.

— Я тебя не виню.— (Ощущение такое, будто земля ушла из-под ног.) — Но ты уверен, что Смертоносец-Повелитель об этом знал?

— Вовсе нет, я этого не говорил. Наоборот, я уверен, что он не знал. Только то, что сказала Сидония: Скорбо и несколько его дружков воспротивились тому, чтобы не есть человечину. Поэтому они продолжали поедать людей в своей кладовой. А когда запас кончался, я думаю, они его пополняли.

Найл взял со стола колокольчик и позвонил. В комнату поспешно вошла Джарита.

— Сходи на кухню и попроси прийти сюда Ниру.

— Слушаю, мой господин.

Они остались одни. Найл с угрюмым видом жевал корку хлеба, аппетит безвозвратно пропал. Вайг же ел с прежним вкусом.

— Не пойму, почему ты не сказал мне об этом сразу же, как только узнал.

Вид у Вайга был сконфуженный.

— Меня, честно говоря, пару дней не было во дворце...

— Ну сказал бы, как только вернулся!

— А тогда, наоборот, не было тебя. Ты осматривал портовые сооружения. Всегда такой занятой, просто не подступись.— Он вынул платок и потыкал кровоточащий палец.— Всегда работаешь как на износ, я себя чувствую последним лентяем.

— А тебе что мешает?

— Кем? — Вайг развел руками.— От меня что на заседаниях, что на совещаниях нет толку. Что мне еще остается, кроме как любить да обжираться? — Да, действительно Вайг последнее время изрядно прибавил в весе.— Я бы тебе вот что сказал,— произнес он с неожиданной серьезностью.— Я часто жалею, что не нахожусь опять в пустыне, где можно вволю охотиться.

Найл хмыкнул.

— В пустыне-то девочек нет.

— Эх, пресытиться можно чем угодно...

Он собирался сказать что-то еще, но тут опять вошла Джарита, а следом за ней Нира, хорошего сложения девушка лет примерно двадцати, с кроткими карими глазами и на удивление тонким профилем. Красота девушек в паучьем городе никогда не переставала удивлять Найла, хотя и ясно было, что все это результат взыскательного отбора.

Она стояла перед ними, опустив глаза и сложив руки на переднике. Длинные каштановые волосы, сплетенные в косу, были кольцом уложены на затылке — обязательное правило для женщин, работающих на кухне.

— Вайг сказал мне, что у тебя исчез один из братьев. Это так? — осведомился Найл.

Девушка кивнула, волнение, видимо, мешало ей отвечать. Найл настроился на ее мысли и уяснил, что она ни жива ни мертва от волнения и испуга. Он ошарашенно понял: она считает его чуть ли не полубогом и боится, что за ней он послал, собираясь отчитать и прогнать за заигрывания с Вайгом.

— Расскажи мне, что случилось, — попросил Найл ласково.

Девушка откашлялась.

— Он вышел, когда уже стемнело, и не вернулся.

— Ты где живешь?

— На улице Кожемяк.

— Там нет освещения? — (Она кивнула.) — И куда он пошел?

— Через улицу, к товарищу. Он там оставил лошадку.

— Лошадку?

— Деревянную игрушку. Он просто бегал ее забрать.

— Ты выходила его искать? — (Она покачала головой.) —

Почему?

— Мы не выходим после того, как стемнеет...

— Почему?

— Н-ну, нельзя все же...

— Но это было в дни рабства! Теперь-то вы можете ходить куда угодно!

Девушка кивнула, так и не поднимая глаз, щеки запунцовели от смущения. Тут до Найла дошло. Семья этой девушки

привыкает к свободе с трудом. Сломить укоренившуюся за всю жизнь привычку ох как не просто. Вот почему они не стали сообщать об исчезновении ребенка. Он вышел после того, как стемнело, а это против закона, вот их и наказали.

— А были еще какие-нибудь исчезновения?

— Было одно. Девушка с соседней улицы...

— Кто-то что-нибудь слышал?

— Нет.

Этого следовало ожидать. Паук бесшумно сваливается из темноты, парализуя добычу силой воли, и через считанные секунды взмывает с ней в воздух; и не видно, и не слышно.

— Ладно. Спасибо, Нира. Я посмотрю, можно ли чем-нибудь помочь.— (Девушка так и стояла бессловесно, боязливо думая, что же с ней будет.) — Все, можешь идти,— пришлось добавить Найлу.

Та поспешно поклонилась и выскочила вон из комнаты. Вайг посмотрел ей вслед с восторгом. Точно так же встретил ее появление и Найл, но теперь от чувства не осталось и следа. Заглянув ей в мысли, он распознал ее сущность: обыкновенный подросток, среднего ума. Вайга, не обладающего телепатией, очаровывала ее внешность, и ему не терпелось познать ее и убедиться, соответствует ли внешности ее ум. Найл заранее знал, что брат будет разочарован, а вот заявить об этой догадке напрямую, увы, не было возможности. От этого он сник и призадумался.

— И что ты думаешь делать? — спросил Вайг, наливая второй стакан меда.

— Я должен буду провести разговор со Смертоносцем-Повелителем.

— Тебе по душе такая идея?

Мысль о скандальном разбирательстве со Смертоносцем-Повелителем вызывала тихий ужас.

— А что?

— От этого может стать еще хуже...

— Вот почему Скорбо мог убивать людей. Потому что никто не осмеливался об этом заикнуться. Если бы мне сказали раньше, может, брат Ниры был бы еще жив.

— Я думаю, ты прав,— заметил Вайг без особой уверенности.

В дверь легонько постучали, и вошла Найрис.

— С тобой, мой господин, хочет говорить доктор.

— Доктор? — переспросил Вайг.

— Так здесь величают Симеона. До него в городе не было такого понятия, как доктор. А, Симеон, входи! Как насчет стакана вина?

— Спасибо, не откажусь. — И вид, и голос у Симеона был усталый.

Найрис сняла с него плащ, а Джарита стянула башмаки, покрытые снегом. Симеон со вздохом облегчения повалился на подушки и принял протянутый Вайгом стакан с медом. Выпил с явным одобрением, глубоко перевел дух.

— Откуда ты пришел? — спросил Найл.

— Из квартала рабов. — Симеон потянулся за птицей.

— Того, третьего, нашли?

— Да, нашли, — кивнул Симеон, жуя.

— Где он сейчас?

— Помер.

— Ну? Зарезался, как предыдущий? — (Симеон, все еще жуя, мотнул головой.) — Паук убил?

— Нет. — Симеон глотнул. — Паук пришил его так, что тот пальцем не мог шевельнуть. Я первым делом отнял нож. Паук только после этого его и отпустил. Я задавал ему вопросы, но он не отвечал, притворялся, что не понимает. Тогда я велел пауку слегка его прижать — не хотелось, конечно, но надо же было узнать, откуда он явился. Паук его чуть прижал, тот — кричать. Но так ничего и не сказал. Храбрец был.

Найл поморщился, представив себе картину. Под словом «прижать» Симеон имел в виду не просто физическое давление. Взрослый смертоносец одной лишь силой воли способен стиснуть человека, как орех в щипцах, так что кости затрешат. Найл сполна ощутил это при первой встрече со Смертоносцем-Повелителем, и от воспоминания невольно содрогнулся.

— И что было потом?

— Его решили отвести в обиталище Смертоносца-Повелителя, я поехал следом на колеснице. А на полпути через мост за мной послали, чтобы я его осмотрел. Он был мертв.

— Может, от испуга помер, — предположил Вайг.

— Нет. Походило скорее на сердечный приступ, синие губы и мертвенно-бледное лицо.

— Где он теперь? — спросил Найл.

— В мертвецкой.

— Я бы хотел на него посмотреть.

Симеон и Вайг оба взглянули на него с удивлением. Симеон небось подумал: что еще за болезненное пристрастие к трупам?

— Мне надо кое-что выяснить.

— Какой-нибудь секрет? — спросил Вайг.

— Вовсе нет. — Найл повернулся к Симеону, взявшемуся за прерванную еду. — У этого человека был на шее кулон?

— Был.

— Ты его снял?

— Нет. Зачем? Он такой же, как этот. — Доктор указал себе на грудь.

Найл почувствовал вкрадчивый, сквозняку подобный холод.

— Ты его носишь?

— Да, а что в этом такого?

Найл пытался говорить спокойно, обыденным голосом.

— Дай посмотреть.

Он протянул руку. Симеон был явно озадачен, но тем не менее полез под тунику, снял золотую цепочку с шеи и передал Найлу. Тот, подержав ее секунду на ладони, неожиданно обронил: ему показалось, что она живая, как какое-нибудь небольшое насекомое. Когда он следом поднял ее снова, присутствие жизни истаяло, это был просто кусочек металлического сплава. Направляемый каким-то шестым чувством, Найл опустил кулон в свой стакан меда. Остальные двое смотрели с замешательством.

— Ты чего это?

Найл смутился, понимая, что объяснение будет звучать абсурдно; подумал даже покривить душой, но решил: не надо. Жестом он указал на стакан.

— Вот он, я думаю, его и погубил.

Симеон растерянно покачал головой.

— Это как же?

— Ты думаешь, зачем они все носили эти штуковины на шее? Для красоты? Это было бы глупо. Стоило поймать с ним

одного, как остальных двоих опознать было бы уже легче. Нет, это какого-то рода проводник или передатчик.

Оба собеседника неотрывно смотрели на кулон, успевший покрыться пузырьками.

— Откуда у тебя такие мысли? — спросил Симеон.

— Я брал кулон в Белую башню.

— Ах, вон оно что! — понимающе воскликнул Симеон.

Найл дал ему остаться при своем мнении, это избавляло от объяснений.

— Но зачем ты сунул его в стакан? — недоумевал Вайг.

— Потому что вино — живая субстанция. Оно бы как-то отреагировало на вибрацию.

— Но ведь от проводника не наступает смерть, — заметил Симеон.

— От такого, я думаю, может, — уверенно сказал Найл.

Вайга все это никак не убеждало.

— Но что заставляет тебя так думать?

Секунду Найл думал рассказать им, что произошло с ним в Белой башне, но отказался от такой затеи: слишком долго, да еще и неизвестно, поверят ли. Интерналайзер надо испытать на себе, чтобы понять. Вместо этого он сказал:

— Это так, просто догадка. Вот потому мне и хочется увидеть тело. Ты пойдешь со мной? — Он повернулся к Симеону.

— Разумеется. Только ничего, если вначале все-таки доем? Покойник же не встанет и не сбежит.

— Ох, извини. — Найл не учел, что Симеон устал. — Можешь не торопиться.

Симеон, понимая, что ведет себя несколько бесцеремонно, заметил:

— Ты вон и сам к еде едва притронулся.

— Ах да, конечно.

Найл заставил себя сжевать кусок хлеба с маслом, но без всякого аппетита.

Пока Вайг с Симеоном опустошали графин меда, Найл делал вид, что слушает их разговор, хотя на самом деле мысли витали вокруг кулона и человека с уставленным перстом. Он поймал себя на том, что хотел бы переговорить с Дравигом — насколько все-таки легче общаться с разумным пауком, чем с человеком. Силуэт в черной мантии был таким четким, что

Найл, казалось, различал кустистые брови, заостренные уши, пальцы с перспонками; пришлось тряхнуть головой, чтобы навязание сгинуло. Взгляд упал на идущие вверх пузырьки в стакане, и одолела курьезная апатия сродни гипнозу.

От грянувшего стука оборвалось сердце, Найл вздрогнул и как будто очнулся. Он сконфузился, поняв, что это всего лишь Нефтис стучит в дверь.

— Мой господин, здесь повелитель Дравиг.

— Хорошо, проси.

Когда в комнату влез Дравиг, Вайг с Симеоном поднялись; у них уже вошло в привычку ощущать неловкость, сидя в присутствии паука. Паучий ритуальный жест Найл принял кивком головы.

— Рад тебе.

— Я почувствовал, что ты хочешь меня видеть, потому и пришел.

Симеон и Вайг опустили обратно на подушки. Зная, что пауки недолюбливают вид занятых едой людей, Найл предложил:

— Давай пройдем в другую комнату, — и передал по дороге Нефтис: — Накажи, пожалуйста, Джарите, пусть принесет еще вина гостям.

Спальня была залита чистым светом луны, струящимся через окна, на стене отражались красноватые отблески очага.

— Симеон рассказал мне о смерти того человека, — сказал Найл. — Ты знаешь, как она наступила?

— Нет. Но подозреваю, что его убили.

— И я тоже.

Несколько секунд оба молчали; так как их умы были открыты друг другу, в тишине не было натянутости. Тут Найл спросил:

— Тебе знаком этот человек?

Слова он сопровождал мысленным образом того, в черной мантии; можно сказать, показал фотографию.

— Нет. Кто это?

— Тот, кто подослал убийц.

— Тогда, выходит, твоя жизнь в опасности, — подытожил Дравиг. Вникая во все напрямую, он мог говорить без обвиняков; Найл в очередной раз порадовался прямоте связи.

— Я знаю, — сказал он.

— Ты должен принять особые меры предосторожности. Я распоряжусь насчет стражи, пусть поставят возле твоего дворца.

— Благодарю.

Идея не очень-то привлекала, но в ней чувствовался здравый смысл. Во дворец мог пройти кто угодно в любое время суток. До сегодняшнего дня Найл был в полной безопасности. Но виновный в гибели двух убийц может сам стать жертвой убийства.

— Я сейчас пойду и распоряжусь, — сказал Дравиг.

— погоди. Надо сказать тебе кое о чем еще. Ты знал, что Скорбо все это время по-прежнему убивал и поедал людей?

— Как!

Безмерное удивление Дравига дало понять, что он ни о чем не подозревал.

— Мой брат говорит, об этом знали многие, включая Сидонию, начальницу стражи Смертоносца-Повелителя.

— И она при всем при этом не докладывала? Она будет наказана.

— Не надо, ее вины здесь нет. Как и другие, она считала, что Смертоносцу-Повелителю об этом известно.

— Какая нелепость! — Дравиг начинал гневаться. — Смертоносец-Повелитель дал тебе слово, а его слово свяшенно!

— Я это знаю. Но люди нашего города этого еще не понимают. Им нужно время, чтобы научиться.

Дравиг уже догадывался, каков будет следующий вопрос.

— Он действовал в одиночку?

— Нет. Я думаю, у Скорбо была компания сообщников из числа близких друзей. Я знаю, кто это может быть. У Скорбо был свой круг друзей, все родом из одного района Астигии, где поклоняются Черному Богу Горы. Мне говорили, что они иноверцы, но я до сегодняшнего дня все никак не верил. Они должны быть наказаны.

— А это разумно? — Дравиг выказал непонимание. — Наказание пауков за убийство людей — не вызовет ли оно возмущения?

— Суд должен свершиться. Они не только ослушались Смертоносца-Повелителя, но и нарушили волю богини. Это преступление, достойное смерти.

Найл умолк, у него не было ни особого желания, ни резона выгораживать плотоядных сообщников Скорбо.

Дравиг почувствовал, что беседа подходит к концу.

— С твоего позволения я пойду.

— Погоди. Я с тобой.

Нефтис по-прежнему караулила у двери. Найл велел ей позвать гужевых.

— Готовы в путь? — Симеон поднялся на ноги.

Найл повернулся к Дравигу.

— Мне бы хотелось, чтобы ты проводил нас к больнице.

Паук, если можно так выразиться, неохотно кивнул.

— Думаю, будет лучше, если с нами сходит твой брат, — сказал Симеон. — Надо что-то делать с его пальцем.

— Что, кровь все еще течет?

Действительно, обмотанный вокруг пальца носовой платок набух кровью. Стоило Вайгу его убрать, как на ранке проступила свежая кровь.

— Почему она не запекается?

— Мне кажется, — рассудил Симеон, — там на лезвии какое-то вещество, мешающее свертыванию. У меня есть отвар, от которого все это должно пройти.

Ночь была холодная и на редкость ясная, луна светила над самой головой. Пока стояли в ожидании гужевых, Найл искал глазами дом на той стороне площади, где убили Скорбо. Удивительно, но дома там больше не было, виднелась лишь прогалина. Дравиг понял, что высматривает Найл.

— Его снесли. Дом, где совершилось убийство, считается у нас нечистым местом.

— Рабочие нашли свинцовую пластину?

— Мне об этом не сообщали, но я узнаю.

Симеон, слыша то, что говорит Найл, спросил:

— Ты думаешь, пластина — это передатчик?

— Не исключено. Куда ты дел кулон?

— Он здесь. — Симеон хлопнул себя по карману.

— Осторожнее. Он может быть опасен.

Наконец-то прибыли гужевые, закутанные в меха. Найл забрался первым, следом за ним — Вайг и Симеон.

— В больницу.

Дравиг шагал за колесницей мерной, неспешной поступью; даже когда гужевые пошли рысью, ему не стоило труда держаться с ними вровень.

Найл поглядел на сидящего посередине брата, перевел взгляд на его перевязанную руку (Джарита снабдила длинной полосой материи).

— Как самочувствие?

Вайг ослабил с показной веселостью.

— Прекрасное. — Он поднял руку, на повязке уже проявилось пятно крови. — Течь не перестает, а так в целом нормально.

Тем не менее Найл поглядывал на брата с беспокойством; в гулко скрежещущей по насту колеснице лицо у него казалось неестественно бледным, даже призрачный лунный свет не скрывал этого.

Передняя дверь больничного корпуса была закрыта, но Найл стукнул как следует, и она отворилась. Симеон повел их по смутно освещенному коридору, пахнущему хлоркой и лекарствами. Из дверного проема выглянула женщина в одежде рабыни, но, увидев паука, выпучила глаза и проворно скрылась. Дверь послеродовой палаты была открыта, оттуда доносилось тяжелое дыхание роженицы. В конце коридора Симеон повернул налево и остановился перед неприметной деревянной дверью. Раздраженно покачал головой:

— Говорил же поставить кого-нибудь караулить. — Он толкнул дверь и замер на пороге. — Бог ты мой!

Найл стоял у него за спиной и не мог толком видеть, чем вызвана такая реакция. Продолговатая каморка с белеными стенами была освещена единственным подслеповатым фонарем, чающим в угловой нише; по стенам висели белые туники. В центре комнаты стояли две скамьи, и еще одна возле задней стены. На этой скамье ногами к двери лежал труп. И только приглядевшись, Найл понял, что так поразило Симеона. Труп был без головы. Секунду спустя Симеон стоял на коленях возле еще одного бездыханного тела, лежащего меж скамей.

Вайг вытаращился через плечо Найла.

— Кто это?

— Джуд, сторож... Дайте мне нож.

Даже в ущербном свете фонаря было видно, что лицо у мертвеца распухло и все в крови, а рот оскален в гримасе пред-

смертной муки. Симеон пошевелил ножом в области шеи. Покачал головой.

— Бесполезно. Бечевка впилась так, что не срезать. Только вместе с горлом. Да ему уж и все равно.

Дравиг забрался в каморку следом, заполонив громоздким туловищем весь остаток пространства. Он стоял, глядя сверху вниз на бездыханное тело.

— Это человек, который умер нынче днем.

— Я знаю,— кивнул Найл, глядя на знакомый порез на предплечье, оставленный отравленным ножом.

— А еще одного они уволокли.

— Ты уверен, что его вообще сюда привозили? — спросил Найл.

— Уверен. Прежде чем отправиться к тебе, я проследил, как его сюда занесли.

Мысль, что была на уме у Найла, вслух выразил Вайг:

— Может, он на деле и не был мертв.

— Ну да! Мертвее мертвого, чтоб мне не жить,— сказал Симеон.

Найл зажег еще один фонарь от того, что в нише, и повел им над полом.

— Посмотрите, кто-то вынес голову через дверь.

На дощатом полу виднелись брызги засохшей крови.

— Тогда получается, их было по крайней мере трое,— заключил Симеон.

— Почему трое? — переспросил Вайг.

— Один схватил за волосы отрезанную голову и держал ее от себя на расстоянии, чтобы не забрызгаться. Вот что здесь произошло. Потому должно было быть трое — двое несут тело, один голову.

— Но на что им голова?

Найл шел по коридору, наклонясь над полом. Пятна крови пересекали коридор наискось и подводили к еще одной двери. Открыв ее, он увидел перед собой небольшой дворик, окруженный высокой стеной. Дворик залит был светом луны, стоящей над самой головой. Возле стены напротив лежала поленница, от которой к двери была протопана дорожка. Пятнышки крови вели по ней через весь двор и дальше наружу через полуоткрытую ржавую калитку. Там снег был мельче и не так утоп-

тан. На нем четко выделялась цепочка следов, меченная багровыми пятнышками.

— Шел только один,— указал Найл.

Симеон растерянно повел головой из стороны в сторону.

— Невероятно... Если только мертвый не может ходить.

— Или если он все-таки жив,— добавил Вайг.

— Чего, конечно же, не может быть,— сказал Симеон, хотя, судя по тону, его уже начало свербить сомнение.

За калиткой кровавая дорожка обрывалась. Снег здесь был утоптан и слишком тверд, так что следов было не разобрать.

— Он, должно быть, спохватился, что метит след,— догадался Найл.

— А с чего вдруг кровь перестала течь? — недоуменно спросил Вайг.

Симеон фыркнул.

— Переверни голову вверх тормашками и сунь себе под руку.

Освещенная луной улица была пустынна, хотя в некоторых зданиях светились огни. Вайг вдруг резко упал на колени и стал пытливо разглядывать снег. Найл знал брата достаточно хорошо, чтобы понять: проснулся охотничий инстинкт. Посидев так пару минут, Вайг поднялся, качая головой, и указал рукой вдоль улицы:

— Я думаю, он двинул вон туда. Только потому, наверно, что не рискнул возвращаться к главному проспекту.

— Вызвать стражу? — спросил Дравиг.

Поскольку остальные слышать этого не могли, Найл повторил вопрос вслух. Симеон покачал головой:

— Если он поймет, что за ним погоня, то укроется в любом из пустых домов, и тогда попробуй его сыщи.

Вайг уже шел крадучись по улице в стороне от главного проспекта, не отрывая глаз от земли; в напряженно опущенных плечах угадывалась самозабвенная сосредоточенность охотника. Брат полагался на свою интуицию как на некое звериное чутье, безошибочно выводящее на след. Смотреть на брата было просто загляденье: какой азарт, какое упоение; чувствовалась и та самая «углубленность», сужение мира до точки, как бы пробуждающее некую скрытую силу.

Остановился Вайг на следующем перекрестке, узкой улочке, скорее переулке. Дома слева отбрасывали в лунном свете рез-

кие черные тени. Здесь снег утопан не был, единственные следы на виду — следы пробежавшего бойцового паука. Но Вайг все равно остановился, вертя головой из стороны в сторону, а затем припустил вперед, как охотничий пес, учуявший запах. Вот он скрылся в тени здания.

— Принесите сюда фонарь.

Найл принес свой, защищенный стеклянным колпаком, к месту, где стоял Вайг. Вайг принял фонарь и встал на колени. Через минуту-другую удовлетворенно хмыкнул.

— Вот оно.

В общем, он вышел на цепочку следов, идущую слева вдоль тротуара. Найл собирался спросить, откуда такая убежденность, но передумал. Вид у Вайга был совершенно уверенный. Он сунул фонарь Найлу и зашепшил вперед, пригнувшись к земле.

В сотне метров впереди закоулок смыкался с еще одним проспектом, ведущим в западном направлении к площади. Здравый смысл подсказывал, что беглец не поворачивал ни на восток, к площади, где его будет видно как на ладони, ни на запад, к проспекту. Для него лучше было перескочить через широкую улицу в переулок, ведущий к реке. Здесь снова шел утопанный снег и следы не читались. Когда стали приближаться с тыла к месту, где был убит Скорбо, Найл растерянно прикинул, что беглец мог укрыться в любом из дюжины пустующих зданий. Тем не менее Вайг спешил вперед без колебаний, так что, когда приблизились к набережной, он уже почти бежал.

Первым беглеца заметил Найл. Тот двигался вдоль дороги в полусотне метров справа от них, в сторону небольших мостов, соединяющих центр с кварталом рабов. В том, что это именно он, сомнений не было: под мышкой предмет, напоминающий издали кочан капусты. Опасаясь привлечь внимание и выдать свое присутствие, Найл предостерегающе вскинул руку, одновременно давая понять, кого он увидел. Человек шел медленно, странно угловатой, кукольной какой-то поступью, будто хромая на обе ноги. Секунды не прошло, как Найл почувствовал краткий удар силы воли, исторгнутый Дравигом; мощь такая, что Найл невольно поморщился. Он ожидал увидеть, как идущий сейчас хлопнется, будто муха под мухобойкой. А тот — не может быть! — продолжал идти все той же угловатой посту-

пью к середине моста. Дравиг, вероятно, тоже не мог себе поверить: впервые за всю его жизнь двуногий проигнорировал мысленную команду. На их глазах человек остановился и взобрался на парапет моста. Дравиг опять метнул разящий удар силы воли, такой, что должен был опрокинуть наглеца навзничь, — никакого эффекта. Спустя секунду человек беззвучно прыгнул, ветер отнес звук всплеска на сторону.

Дравиг больше не колебался: в несколько шагов он очутился на набережной, перемахнув по пути через невысокую стену. Через полминуты Найл уже подбегал туда, ожидая увидеть, как человек барахтается в воде или в передних лапах паука. Вместо этого он застал Дравига стоящим посередине реки — в этом месте глубиной около двух метров, — смутенно озирающимся по сторонам.

Они поспешили вниз по ступеням, ведущим от набережной к уложенной плитняком дорожке вдоль реки. Отражающая лунный свет водная гладь была спокойной и безмятежной; круги если и шли, то только от Дравига.

— Он, должно быть, плывет под водой, — предположил Вайг.

Втроем они напряженно уставились на неспешно текущую воду, но через некоторое время стало ясно, что догадка неверна: продержаться под водой столько времени человеку просто не под силу.

Дравиг медленно побрел по течению, и люди тронулись следом, идя под черной тенью моста. Выйдя из затенения, Дравиг неожиданно остановился и сунулся под воду. Через секунду он появился, держа в передних лапах человеческое тело. За пару шагов он достиг берега. Судя по тому, как висел человек — неподвижно, вверх ногами, — было ясно, что он или мертв, или без сознания. Затем, когда он с глухим стуком упал на плитняк, выяснилось окончательно: мертв. Выпученные окаменевшие глаза смотрели в никуда, рот открыт как у рыбы, правая рука все так же согнута в локте, как бы придерживая голову, которой теперь там не было.

Симеон опустился около него на колени и коснулся одного из век. Когда поднял голову, лицо было очень бледное.

— Он мертв вот уже несколько часов.

— С чего ты взял? — Голос Вайга звучал изумленно и недоверчиво, почти гневно.

Симеон схватил лежащего за левую руку и попробовал ее согнуть.

— Трупное окоченение. Происходит не раньше чем через четыре часа после смерти.

— Но все же видели, как он ходит! Мертвые разве ходят?

— А у тебя есть какое-то иное объяснение?

Найл коснулся щеки: резина и резина, холодная. В лице было что-то отталкивающее: обвислое, с покатым двойным подбородком и толстыми чувственными губами, нос что свиной пятак. Сдерживая отвращение, Найл разорвал рубище, обнажив белую безволосую грудь. Указал на сбившийся к горлу кулон:

— Вот что его убило!

— Откуда ты знаешь? — спросил Симеон.

— Взгляни. — Найл указал на круглое красное пятнышко над сердцем; пару сантиметров в диаметре, оно напоминало ожог. Взявшись за кулон, он вытянул цепочку на всю длину; она покрыла красную метку точь-в-точь. — Вот тебе и весь сердечный приступ, — подытожил он.

Рука Симеона легла на собственную грудь.

— О боги, а я точно такую же таскаю на себе весь день...

— Убивать тебя у него не было причины, наоборот, это его бы выдало.

— «Его» — это кого? — любопытствовал Симеон.

— Я не знаю имени. Но похоже, какой-то маг. Разве что у мага получилось бы поднять мертвеца...

Едва успев это произнести, Найл поспешно смолк: ощущение было такое, что даже произносить подобное вслух небезопасно.

Симеон снял кулон с шеи незнакомца и протянул Найлу.

— Теперь он, по крайней мере, не оживет.

Едва коснувшись головой подушки, Найл провалился в глубокий сон без сновидений. Тем не менее пробуждение, наступившее через пару часов, напоминало выход из кошмара. Почему-то немедленно возникло стойкое подозрение, что в комнате кто-то есть. Он поднял голову и вслушался: вроде бы никого, только ветер завывает на углу здания. Найл осторожно потянулся к лампе, смирно горящей в нише над крова-

тью, и прибавил фитиль. В неверном желтом свете стало видно, что комната пуста. Тем не менее, когда Найл замер, уединившись внутри себя, опять возникло ощущение, что за ним наблюдают.

Найл сел на кровати и вынул лампу из ниши. Затем, бесшумно ступая босыми ногами, прошел в соседнюю комнату. А сам, крадучись на цыпочках, чувствовал, что все эти предосторожности нелепы. Наблюдатель как бы смотрел на него сверху или с какого-то расстояния, с какого его самого углядеть невозможно.

Стакан с медом так и стоял на столе. Теперь в нем лежали два медальона, один с Симеона, а другой, раздобытый у реки. Едва увидев, Найл понял, что допустил ошибку, поместив их вместе. Теперь они взаимно усиливали друг друга, создавая живое силовое поле, охватывающее все, что внутри его границ.

Он потянулся к стакану, но отдернул руку: это было все равно что тянуться к готовой броситься змее. Кулоны лежали, сплетаясь цепочками, и, как показалось Найлу, коварно выжидали, когда он потянется и притронется к ним.

Мелькнула мысль захватить кулоны в Белую башню, где их можно будет обезвредить электрическим полем Стигмастера, но подумалось о промозглом ветре, и он решил повременить. И тут в голову пришла еще одна идея. Под полом передней, в подвале, находилось несколько каменных сосудов из некоего черного, похожего на гранит материала — таких тяжелых, что никто не пытался передвигать их с места на место. Для чего они использовались, было, по-видимому, общей загадкой. Но как-то раз ребяташки случайно обнаружили, что они обладают особым свойством: к ним настолько плотно пристают булавки, гвозди, всякие железные шутовины, что потом с трудом можно оторвать. Симеон рассказывал, что сосуды высечены из минерала под названием магнетит.

С усилием, стоящим ему всей внутренней собранности, Найл потянулся и взял стакан. В голову навязчиво лезло, что оба этих кулона живые, сейчас поползут и переберутся через край. Через несколько секунд руку начало покалывать словно булавкой или иглой. Держа в одной руке стакан, а в другой лампу, Найл вышел в коридор и двинулся вниз по лестнице. В передней было все еще тепло, а за решеткой камина тлели

алые угли. А когда приблизился к двери в подвал, рука от «булавок» и «игл» попросту занемела, и стакан пришлось обхватить плотнее, иначе бы выронил.

В эту минуту Найл осознал, что силовое поле стакана усиливается откуда-то извне силой еще более мощной, которая смыкается с ними, находясь где-то в стороне — быть может, в городе. Одновременно с тем Найла словно обволакивал призрачно-серый свет, придающий окружающему иллюзорный вид. Огонь лампы был больше не нужен; свет, казалось, озарял спуск подобно белесым сумеркам нарождающегося рассвета. Звук собственных шагов был на удивление глухим. Толкнув дверь в подвал, Найл обнаружил, что сам весь в поту и зубы стучат. Охватило нестерпимое желание выронить стакан и убежать. Ощущение чужого присутствия, пристального взгляда в спину казалось таким явным, что замирало сердце и боязно было оглянуться. Он сознавал, что наблюдатель пускает сейчас всю силу, чтобы заставить его потерять самообладание. Случись все это год назад, Найл бы не выдержал. Но контакт с пауками, так или иначе, научил его использовать собственную волю, а также ресурсы потаенной внутренней силы. Найл напрягся, не давая себя одолеть, и панический страх несколько ослаб, словно наблюдатель понял, что самообладание Найла нельзя разрушить изнутри.

Он продолжал торопливо спускаться в подвал. Это было обширное, выложенное плитами помещение, служившее когда-то винным погребом: несколько месяцев назад здесь полным-полно было проржавевших стеллажей и битых бутылок. Теперь тут хранилась провизия, пахну копченостями и специями. Вдоль задней стены располагались шесть черных каменных сосудов, каждый под два метра высотой, высеченных из камня с прожилками, в бурых потеках ржавчины. Стакан и лампу Найл аккуратно поместил на пол, затем, поднатужась, обеими руками вынул из ближайшего сосуда конической формы затычку, такую тяжелую, что пришлось перевести дух. Его свалил на пол, затем, скрежетнув от напряжения зубами, поднял стакан и перевернул его над горловиной. Кулоны упали внутрь, приглушенно звякнув.

Призрачный свет тотчас погас, а Найл ощутил любопытный сдвиг внутреннего фокуса. В тот же миг ушло из ладони оне-

мение — не постепенно, как из ноги, которую отсидел, а сразу, словно немота была каким-то наваждением. Напряжение, от которого сводило зубы, рассеялось, уступив место облегчению, такому глубокому, что из тела будто схлынула вся сила. Когда поднимался обратно по лестнице, ноги ныли, как после долгой ходьбы, и приходилось невольно цепляться за мраморные перила. Пока добрался до спальни, от усталости шатало как пьяного. Рухнув в кровать, Найл успел про себя отметить, что теперь со стороны уж точно никто не наблюдает и даже ветер воет как-то беззлобно. Едва закрыв глаза, он изнеможенно заснул.

Проснулся Найл как-то сразу, а проснувшись, увидел, что возле кровати стоит Джарита. Из окна на пол стелились косые лучи солнца.

— Сколько времени?

— Два часа как рассвело.

— Надо было меня разбудить: разоспался. — Найл откинул одеяло.

— Я заглядывала дважды, но вы так сладко спали, и заседания Совета у вас нынче утром нет.

— Спасибо, Джарита.

Найл надеялся, что служанка уйдет, но та продолжала стоять возле кровати. Ей хотелось, понял он, помочь ему умыться и одеться, одно из тягостных последствий позднего подъема. В подземной пещере, где прошли детство и отрочество, члены их семьи жили, по сути, впритирку; тем не менее мужчины и женщины как-то выходили из положения и соблюдали приличия. Здесь же, в городе пауков, считалось в порядке вещей, что одеваться и раздеваться хозяевам помогают слуги. Им нравилось умащивать Найлу тело благовонными маслами и даже забираться с ним в ванну и делать там в теплой воде массаж. Вайг предавался всему этому с нарочитым упоением, окружив себя привлекательными рабынями. Найл тоже был не против, чтобы его убажали, но вскоре как-то уяснил, что одеваться приятнее самому; ну что может быть бессмысленнее, чем сидеть истуканом, когда на тебя напяливают одежду. Вот почему ему было по душе подниматься с рассветом. Теперь деваться некуда: если отказаться от услуг Джариты, она это воспримет как пренебрежение. Поэтому Найл терпеливо сидел, не мешая

Джарите снимать с себя спальную тунику по колено длиной, принести в ушате теплой воды и мочалкой омыть тело. Все это она делала с такой явной гордостью, что Найлу стало известно за свое нетерпение.

Раздался стук, и в дверь заглянула Нефлис. Судя по виду, она была явно удивлена застать там Джариту, а та, наоборот, довольна, что ее застали на коленях у ног господина.

— В чем дело? — Смущение заставило Найла сказать с излишней резкостью.

— Здесь доктор, мой господин.

— Скажи ему, что через минуту выйду.

Когда Найл вышел, Симеон уже сидел за столом, потягивая чай, настоенный на травах: Найл сделал упреждающий жест, не давая ему встать.

— Что тебя принесло в такую рань?

— Твой брат. Его порез кровоточил всю ночь, припарка из окопника не помогла. Пришлось наложить шовчик.

— Но порез-то был пустяковый.

— Что и странно. По-видимому, у того топора лезвие было смазано сильным антикоагулянт. Но и при всем при этом рана где-то через полсутки должна была затянуться. Я могу взглянуть на тот топор?

Нефлис, слыша, о чем речь, молча вышла и через минуту возвратилась, неся обернутый мешковиной сверток.

— Ради всего святого, будь осторожен. Он невероятно острый.

— Я вижу. — Симеон изучал лезвие вблизи, но коснуться не пробовал. — Неудивительно, что оно раскроило Скорбо. И как они только добиваются такой остроты? Металл какой превосходный...

— У них, видно, высокий уровень культуры.

Симеон взглянул на Найла из-под кустистых бровей.

— У тебя есть какие-то сведения о том, кто они?

— Только догадки. А у тебя?

— Я обнаружил одну довольно странную вещь. Кожа у этих мертвецов. Она удивительно бледная. Я такую видел только раз, у одного спятившего старика, двадцать лет прожившего взаперти.

— Как будто они жили под землей,— вставил Найл.

— Вот именно.— Симеон поглядел, да так остро.— Ну как, ты хоть что-нибудь об этом знаешь?

Найл пожал плечами.

— Стигмастер рассказал мне легенду о пришельцах со звезд, которые явились на Землю и жили под землей, потому что солнечный свет был для них смертелен.

— Он сказал, где они жили?

— Нет. Он считал, что все это рассказы.

Симеон покачал головой.

— Я бы поклялся, что эти жили под землей или что их держали в заточении.

Джарита принесла еще один чайник чая, он был настоящим на листьях растения под названием делиум и источал нежный, изысканный аромат. Вкус у него был чуть вяжущим и будто бы бодрил. Разливая напиток по чашкам, она сказала:

— Прошу прощения, господин, что вмешиваюсь, но там внизу к вам повелитель Дравиг.

— Так чего он дожидается? Проси, пускай входит.

— Я ему сказала, что вы завтракаете, и он ответил, что пождет.

Симеон заерзал.

— Я, пожалуй, пойду.

— Ни к чему. Дравиг предпочитает ждать. Терпение пауков неистощимо. Он только смутится, узнав, что отылек нас от еды.

Симеон поглядел с любопытством.

— Ты, сластся мне, очень хорошо понимаешь пауков.

— Нет, не очень. Я думаю, человеку невозможно понять всех тонкостей паучьего мышления. В некотором смысле они умом значительно превосходят людей.

Симеон намазал медом горячую хлебную корочку.

— Ты думаешь, Дравиг может знать, откуда взялись эти люди?

— Сомневаюсь. Он мне сказал, что не имеет представления, кто они такие. Что ты знаешь о землях к северу от этого города? — спросил Найл.

— Немного. Говорят, они крайне опасны. Но, как тебе известно, слугам жуков только недавно дали свободу идти туда,

куда захотят. И из них очень немногие уходили от города далеко.

— И что там за опасности?

— Я слышал о жуке с таким крепким панцирем, что никакое оружие не берет, а челюсти такие, что перекусывают стальное копьё. Но, кстати сказать, еще ни разу не встречал того, кто бы его видел.

— Даже среди слуг жуков таких нет?

— Откуда же! Они терпеть не могут путешествовать. Иные, по слухам, вообще за город носа не казали.— Он допил чай и поставил чашку на стол.— Пойду-ка я. Вайгу скажи, пускай приходит, если еще есть какие-то проблемы.

Он и Найл сомкнулись предплечьями, рука у старика была жесткая и мускулистая. В дверях Симеон, взявшись за задвижку, чуть задержался.

— Да, вот еще что я хотел спросить. Для чего, по-твоему, та нежить сняла голову да еще и прихватила ее с собой?

Найл улыбнулся.

— По той же причине, что и свою голову.

Симеон насупился, соображая.

— Свою? Но она же была у нее на плечах.

— Совершенно верно.

— Да, но на что ей была чужая голова?

— Голова ей нужна не была,— ответил Найл.— Ей только надо было от нее избавиться, чтобы мы потом не нашли. И не поймай мы ту нежить, обе головы были бы сейчас на дне реки.

— Но что бы мы могли узнать от головы?

— Голова содержит мозг. А мозг содержит информацию.

— Ну да, мертвый-то?

— Здесь ты ошибаешься. Тот человек — маг. Он знает множество секретов, о которых нам невдомек. Единственное, чего он не знает, это сколько знаем мы. Вот почему он и хотел избавиться от голов.

Симеон с интересом поглядел на Найла.

— Похоже, тебе известно многое.

Их прервала Нефтис, заглянувшая в открытую дверь.

— Мой господин, повелитель Дравиг...

— Да, я знаю.— Найл встал.— Скажи ему, что иду.

Он проводил Симеона дружеским кивком.

— Ваш плащ, мой господин, — напомнила Джарита.

Дожидааясь, пока она застегнет ворот мягкого серого плаща, Найл обратил внимание, что пальцы девушки задерживаются дольше обычного и что от Нефтис это тоже не ускользает. А заглянув поочередно в умы обеих женщин, он убедился, что Нефтис действительно обращает на это внимание.

Найл с растерянностью понял, что является предметом тайного соперничества этих двух женщин и, позволяя Джарите себя одевать, тем самым разжигает страсти. Поэтому, не дожидаясь, пока Джарита разгладит складки, он быстрым шагом вышел вслед за Симеоном из комнаты.

Дравиг стоял около огня, очевидно наслаждаясь теплом; увидев на лестнице Найла, он принял ритуальную позу повиновения. Обмена приветствиями не было: такой сугубо человеческой формы общения у пауков-телепатов в обиходе просто не значилось. По рангу Найл обязан был говорить первым, поэтому спросил:

— Что тебя принесло в такую рань?

— Смертоносец-Повелитель просит твоего присутствия у себя в обиталище. — (Передан фактически был образ паутины.)

Разумеется, Найл надеялся, что Дравиг не уловил его бесконтрольной реакции боязливого смятения. Хотя номинально Найл и был повелителем Смертоносца-Повелителя, неприятное впечатление от предыдущих стычек все-таки держалось в памяти. Проходя к стенной нише, где у него были уличный плащ и башмаки на меху, Найл обычным голосом спросил:

— А зачем я ему, не знаешь?

— Он желает, чтобы ты присутствовал на суде над сообщниками Скорбо.

На этот раз Найл и не пытался скрыть растерянность.

— Как свидетель обвинения?

— Это необязательно, они уже сознались.

— Тогда зачем ему я?

— Засвидетельствовать, что он всегда держит свое слово.

— Когда начинается суд?

— Он начнется сразу с твоим приходом.

— О боги, прошу прощения.

Впрочем, пока надевал башмаки, понял, что до Дравига его извинение просто не доходит. Слово «ожидание» паукам совершенно чуждо. С таким же успехом его можно употреблять применительно к дереву.

От солнечного света в воздухе стояло приятное тепло, хотя северный ветер все еще дышал холодом; снег начинал уже таять. На площади было многолюдно — выходной, еще одно заимствование из города жуков-бомбардиров, где люди шесть дней работают, а один отдыхают. Едва узнав Найла, люд поспешно расступался, многие становились в снег на колени и кланялись. То, что в нескольких шагах за правителем (требование протокола) шел Дравиг, еще сильнее возвышало авторитет Найла в глазах соплеменников. Он в который уже раз жалел, что не может ходить среди этих людей так просто, не будучи узнанным.

Едва войдя в обиталище Смертоносца-Повелителя, Найл почувствовал тяжелое немое напряжение. Ощущение в целом любопытное, все равно что войти в какой-то холодный студень. Это же чувство, несомненно, разделял каждый паук, находящийся в здании: осознание, что сейчас начнется что-то необычайно серьезное. В пору, когда миром правили люди, такая же атмосфера, должно быть, царила на судах об убийстве или публичных казнях.

Чувство угнетенности сдавливало почти физически. В темном парадном Найл повернулся к Дравигу.

— Что, если бы я стал просить Смертоносца-Повелителя о помиловании?

Дравиг ответил без колебаний:

— Я бы этого не советовал.

— Ты имеешь в виду, он бы не согласился?

— Нет. Он бы согласился. Но для самих подсудимых это было бы позорным унижением.

— Почему? — растерянно спросил Найл.

— Потому что они были бы обязаны жизнью тому, кого считают врагом. Они предпочли бы смерть.

Теперь впереди поднимался Дравиг. Идя за ним следом, Найл пытался осмыслить этот последний ошеломляющий парадокс паучьей ментальности, то, что паук предпочтет смерть

великодушию «врага». И тут, по-новому осознав удушающую напряженность в воздухе, внезапно понял. В отличие от людей, пауки находятся меж собой в тесном телепатическом контакте. Не было бы способа, каким паук мог бы забыть или игнорировать то, что он последняя тварь, недостойная жизни...

В здании стоял густой полумрак, каждое окно покрывал толстый слой пропыленной паутины, скопившейся за века. Какой-нибудь давно умерший Смертоносец-Повелитель, возможно, облюбовал это место под обиталище, потому что главная лестница здесь была из черного мрамора, а стены облицованы материалом, напоминающим черное вулканическое стекло. У пауков было инстинктивное стремление к темноте — несомненно, потому, что она необходима для сокрытия их тенет.

На четвертом этаже Дравиг остановился перед широкой дверью, обитой черной кожей с узором медных заклепок. Два стоящих на страже бойцовых паука застыли так неподвижно, что их можно было принять за статуи. То же самое можно было сказать и о темноволосой девице, стоящей навтыжку перед дверью. Она была затянута в черную униформу, белые руки составляли резкий контраст. Найл узнал в ней Сидонию, начальницу внутренней службы Смертоносца-Повелителя. Она смотрела сквозь него не мигая — малейшее движение зрачков расценивалось как грубое нарушение дисциплины, — затем повернулась к ним спиной и распахнула дверь.

В открывшемся просторном зале было достаточно света, и можно было различить, что стены и потолок сплошь покрыты пыльными жгутами паутины. В дальнем конце протянувшиеся от пола к потолку заросли тенет были такие густые, что напоминали ячеи рыбацкой сети или хитросплетение лиан. Найл чувствовал, как из середины этих джунглей за ним наблюдают невидимые глаза. Когда он остановился, в груди зазвучал голос Смертоносца-Повелителя:

— Добро пожаловать, избранник богини.

Найл ответил:

— Честь имею находиться в твоём присутствии, о Повелитель Земли.

Когда глаза привыкли к темноте, Найл стал различать и других пауков, стоящих вдоль стен; они стояли настолько не-

подвижно и так удачно вписывались в фон, что были практически невидимы.

Совершенно неожиданно Найл почувствовал необходимость взглянуть в темноту, каждый паук в комнате стал ясно различим. На секунду подумалось, что это солнечный луч проник в темные окна. И тут Найл потрясенно понял, что произошло. Смертоносец-Повелитель ввел его в сложную сеть общего сознания, сосредоточенного в этом зале. Ему предоставлялась исключительная честь стать частью того общего, что объединяет всех пауков.

В некотором смысле это было самое памятное ощущение в жизни Найла. Как и все люди, он с самого рождения видел мир через призму собственного сознания, все равно что человек, сидящий у окна крохотной каморки; даже общаясь с другими, он ни на миг не выходил за собственные границы. Он принимал это как должное, иначе в жизни и быть не может. Стоя один посреди зала, упрятанный в скорлупу собственной сущности, Найл чувствовал неловкость и всякие мысли лезли в голову; теперь же он мог стоять спокойно хоть целый год.

Достаточно освоившись со странным поначалу новым окружением, Найл перевел внимание на зал и осознал ситуацию, в которой очутился. Темное переплетение паутины напротив казалось теперь прозрачным, и до Найла впервые дошло, что ее можно сравнить с королевским тронном, на котором восседает Смертоносец-Повелитель в окружении придворных, правящего совета города пауков. Каждый из этих советников — все самки — имел строго отведенное место. Единственно, кто присутствовал еще, не считая их с Дравигом, это шесть пауков-самцов, выстроенных по обе стороны зала; это, понимал он теперь, и есть подсудимые.

Едва внимание сосредоточилось на них, как стало ясно, что пятеро здесь — из «низов», паучий эквивалент капрала. Смутным был шестой — навряд ли капитана, — считавшийся ближайшим другом Скорбо. Этот паук был ниже и мельче остальных, хотя мощные лапы и челюсти выдавали недюжинную силу. Найл с удивлением понял, что ни этот паук, ни остальные не имеют имен — к чему они, когда сородича можно мгновенно узнать телепатическим импульсом? Если при общении надо сослать-

ся на того, кто отсутствует, передается мысленный образ его сущности. Скорбо, Дравиг — все это имена, присвоенные отдельным особям людьми в порядке исключения.

Изучая этого, шестого, Найл выяснил также, что любое имя здесь — это нелепость. Паук, прибывший из дальней провинции за морем, был знатного происхождения; их семейство там, в силу своего природного властолюбия, считалось в каком-то смысле знатью. Здесь, в паучьем городе, спесивые замашки провинциала вызвали у сородичей неприязнь, а над его малым ростом еще и посмеивались. А так как у пауков почтительность стоит едва ли не на первом месте, насмешливое пренебрежение выработало в «аристократе» драчливую заносчивость.

Скорбо в сравнении с ним был груб и туп, но неумеренное властолюбие обеспечило ему здесь высокое положение, поэтому они вдвоем выгодно дополняли друг друга. Заносчивость товарища Скорбо никогда не принимал, поскольку сам был прирожденным служакой, для которого дисциплина превыше всего, но души в нем не чаял за его знатное происхождение.

Как службисты, оба они никогда не вызывали нареканий, но вот в свободное от службы время находили удовольствие в том, что вылавливали и мучили двуногих. Их не интересовали те, кто просто тучнее и сочнее, нет; ловили именно таких, в ком есть определенная сила воли и сметка, кто так или иначе склонен к лидерству. Этих они отслеживали с бесконечным терпением, изучая все их передвижения и выжидая случая, когда можно будет прыгнуть с высоты и сцапать добычу всеми восемью лапами. Это порождало нестерпимое, дразнящее вожделение, удовольствие. Добыче парализовывали голосовые связки, чтобы не могла кричать, но конечности оставляли свободными, поскольку суть удовольствия состояла в том, что жертва не дается. Чувствовать, как она, обезумевшая от ужаса, неистово извивается, вызывало наслаждение, какое у людей ассоциируется разве что с сексом. Затем жертву доставляли в освещенное помещение и играли с ней там, как кошка с мышью. Одному человеку удалось даже выпрыгнуть с верхнего этажа в надежде убиться, но Скорбо, выпустив шлейф паутины, бросился следом и нагнал прежде, чем тот грянулся о тротуар (пауки способны произвольно увеличивать и уменьшать скорость спус-

ка!). Утянув обратно, беднягу потом истязали несколько часов, пока тот не умер от истощения и испуга. Его съели еще теплого.

Все это Найл усвоил за секунду, пока смотрел на капитана стражи — тот уже сознался, а следовательно, информация была введена в умы сородичей. Понял Найл и то, почему так потрясены и возмущены были Скорбо и его товарищи, когда Смертоносец-Повелитель возвестил о примирении пауков и людей. Их лишили удовольствия, ставшего желаннейшим и сладчайшим в жизни, чего-то большего, чем еда и питье. Тем не менее Скорбо готов был смириться с положением вещей: все же воля богини, и выбирать не приходится. Смуту посеял «аристократ». Он и сам чтит волю богини, но известие, что к двуногим надо относиться как к равне, глубоко его возмутило и наполнило горьким презрением. Двуногие — гниды, предназначенные для одного: идти на корм паукам. Богиня веками допускала убивать людей, не могла же она взять и враз передумать. Нет, этот новый запрет исходил явно от Смертоносца-Повелителя, выжившего из ума немощного старика. Его указом можно и пренебречь.

Во всяком случае, спешить жить по-новому не было нужды. В скрытой кладовой у них хранился хороший запас человечины. Смертоносец способен вводить яд, парализующий центральную нервную систему добычи, но не убивающий ее; если ввести строго определенное количество, она способна храниться полгода, не в силах шевельнуть ни пальцем, ни веком. Поэтому Скорбо с товарищем продолжали питаться человечиной еще долгие месяцы после того, как был принят Договор о примирении, и не чувствовали за собой вины. А как-то раз пятеро капралов стражи Повелителя наткнулись на заброшенную общую кладовую, где лежало около дюжины парализованных людских тел, а также коров и свиней. Их перетаскили к Скорбо, и эти капралы стали регулярными участниками ночных пиршеств. Однажды ночью один из капралов притащил раба, околывшего от приступа эпилепсии, и все сошлись на том, что вкус у свежего мяса настолько отменный, что нелепо отказывать себе в удовольствии лакомиться иногда двумя-тремя рабами; кроме того, никто всерьез не считал рабов за людей. Но

почами в квартал рабов часто хаживали люди с того берега, и было совершенно невозможно различить, кто есть кто. Так, шаг за шагом, без какого-либо желания нарушать закон, Скорбо и его товарищи скатились назад к привычке есть живую плоть...

Все эти факты были переданы в ум Найлу за считанные секунды, одновременно с приветствием Смертоносца-Повелителя; им не было нужды изъясняться поочередно, потому что информация существовала уже одновременно и в уме Смертоносца-Повелителя, и в уме каждого из присутствующих. Но сознавал Найл и то, что самая важная часть дознания еще впереди — хотя обычная, но неотъемлемая при процессе судебного разбирательства.

Прежде всего стояла удивительная тишина — тишина, что, по мнению пауков, должна предшествовать любому важному делу. Расслабься в этой тишине, Найл ощутил волшебный восторг. Такое было с ним всего раз, когда они с Вайгом и двоюродным братом Хролфом исследовали край муравьев и набрали на неглубокий ручей с извилистым каменистым руслом. Найл тогда впервые в жизни погрузился в воду всем телом и сидел с таким же точно умиротворенным экстазом, неотрывно глядя на расходящиеся по поверхности круги.

Смертоносец-Повелитель наконец заговорил, обращаясь к подсудимым:

— Вы сознаете, что нарушили закон и пренебрегли волей богини. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ответа не прозвучало. Пятеро капралов, очевидно, помалкивали из стыда, капитан же просто хранил молчание.

— Есть ли какая-то причина, — осведомился Смертоносец-Повелитель, — по которой я не должен выносить смертный приговор?

Опять молчание. И тут капитан отозвался:

— Я считаю смертный приговор несправедливым.

— Почему?

— Потому что вина была непреднамеренной. Мы начали с поедания двуногих, которые были уже обезврежены.

На паучьем мысленном языке «парализованный» и «обезвреженный» означают одно и то же.

— Мы это понимаем. Но дальше вы перешли к тому, что стали нарушать закон: убивать тех, кто не обезврежен.

— Это так. Но мы нарушили ваш закон. В моей стране Коряш другие законы.

Тут вмешался Дравиг.

— Ты находишься в нашей стране, а не у себя в Коряше, следовательно, обязан подчиняться нашим законам. Ты смеешь это отрицать?

В голосе Дравига чувствовался гнев. Ответ, как ни странно, прозвучал прохладно и сдержанно:

— Я этого не отрицаю. Но считаю, что именно этот закон несправедлив.

— Почему? — Голос Смертоносца-Повелителя также издавал гнев.

— В вашем краю я чужестранец. У вас нет права заставлять меня обращаться с двуногими как с равными. Я не отношусь к ним как к равным. Более того, я не верю, что и вы относитесь к ним как к равным.

Найла внезапно осенила удивительная догадка. Паучий суд отличается от людского одним наисущественным принципом. Паука нельзя приговорить к смерти против его собственной воли. Если его надлежит казнить, то это должно делаться исключительно с его собственного согласия. И немудрено: если паука лишают жизни против воли, все пауки в городе невольно разделяют его муку. Следовательно, паук должен быть полностью убежден в своей вине, чтобы разрешить себя казнить. Капитан, очевидно, умирать не собирался. Потому-то Дравиг со Смертоносцем-Повелителем и начинают гневаться.

Смертоносец-Повелитель, впрочем, заговорил с исключительной сдержанностью:

— Все это не так. Я дал слово, что пауки и люди будут жить в мире. Ты привел к тому, что слово оказалось нарушенным. Следовательно, ты заслуживаешь гибели.

Аргумент просто неотразимый, капитан был загнан в угол. Теперь-то он наверняка согласится со смертным приговором?

— Да, согласен, я послужил причиной тому, что твое слово оказалось нарушенным. Но все равно то, о чем я говорил, можно расценивать как смягчающие обстоятельства.

Смертоносец-Повелитель обратился к остальным пятерым:

— Вы согласны, что заслуживаете смерти?

Все пятеро съежились, выражая молчаливое согласие.

— Так что же ты? — требовательно спросил Смертоносец-Повелитель у капитана.

— Не вижу, чего ради мне жертвовать жизнью, потакая трусам.

Смертоносец-Повелитель внезапно потерял терпение.

— Довольно! Я устал от твоих экивоков! Ты заслужил смерть тысячу раз. Склонить голову!

Последняя фраза (ее смысл воспринимался скорее как «подчини свою волю» или «приготовься к смерти») прозвучала настолько зловеще, что в зале вдруг будто потемнело. Пятеро капралов подчинились с торопливой угодливостью, как бы пристроив головы под топор палача. Капитан же, хотя и понимал, что теперь деваться некуда, все равно упорствовал. Смертоносец-Повелитель и Дравиг ударили одновременно, да так, что Найл опасливо съежился, — человека бы расплющило в лепешку.

Капитан опрокинулся на спину и лежал, притиснув все конечности к груди; вместе с тем напряглась и его мятежная воля, окружив тело невидимым силовым щитом. Слитный удар Дравига и Смертоносца-Повелителя шарахнул так, что щит должен был треснуть, а его хозяин лопнуть. На деле же случилось, что удар отрикошетил в остальных, мгновенно вышибив из них дух. Послышался хруст, и в воздухе запахло особым, едким запахом паучьей крови.

Найл чувствовал, как восьмипалые уходят из жизни. Это было странное ощущение, будто время вдруг пошло замедленным темпом. Мозг бурным потоком наводнила информация — столько ее, что не только усвоить, но и охватить толком невозможно. Тем не менее интуитивно Найл чувствовал, откуда все это: в миг безвозвратного исчезновения пауки заново переживали свою жизнь. От этого охватывало любопытное волнение, но совершенно не было ужаса, который, казалось бы, должен ассоциироваться со смертью. А затем (позже казалось, несколько минут) царили лишь тьма и ощущение пустоты.

Капитан все так же лежал, окружась силовым щитом; было видно, что он не желает смириться с участью. Вся его воля

была сосредоточена на одной цели: спасти жизнь. В последовавшей тишине Смертоносец-Повелитель глядел на него с гневливым презрением: ему с трудом верилось, что паук может предпочесть бесславие и позор честной смерти. Затем он вызвал на подмогу остальных: прикончить нечестивца. То есть он и его правящий совет стали действовать уже не порознь, а вместе для выполнения общей задачи. Эту военную хитрость (слугам жуков известную как взаимоусиливающий резонанс) можно было сравнить с действиями солдат, сообща берушихся за таран, когда видно, что дверь не падает под разрозненными ударами.

Капитан смекнул, что сейчас произойдет, и его страх сделался таким невероятным, что перебил даже едкий запах крови. Тем не менее даже в нем чувствовался элемент расчетливости. Так как вибрации передавались одновременно каждому пауку в городе, все становились свидетелями этой затянувшейся экзекуции. Капитан походил на человека, исходящего истощенным криком в надежде смягчить наказание. А когда заработало взаимоусиление, заглох и ужас, уступив место угрюмой решимости выжить. Было тошно и в то же время любопытно наблюдать, как капитан изо всех сил тужится, стремясь продлить жизнь хотя бы на несколько секунд. Как и все пауки в городе, Найл чувствовал весь ужас насильственной смерти. Совокупная сила воли напоминала исполинские клещи; казалось невозможным, чтобы живое существо могло выдержать такую силу. Даже те пятеро, уже бездыханные, угодили в ее эпицентр и теперь сжимались и трещали; кровь выдавливалась на пол, как вода из губки. Трещал под давлением и ум капитана, и Найл снова почувствовал ошеломляющий наплыв информации — тот самый любопытный поток образов, что, казалось бы, знаменует приближение смерти. Самым внятным из них был образ квадратного серого здания, окруженного пышной растительностью с крапинами желтых и красных тропических цветов. А внутри него пахло мясницкой, и под стропилами висели закутанные в саван паучьего шелка человечьи тела, слегка раскачиваясь.

Когда вокруг ног уже начала скапливаться кровавая лужа, он вдруг понял, почему эта совокупная сила еще не сокрушила капитана. Это потому, что своим присутствием в зале Найл определенно мешал Смертоносцу-Повелителю развернуться

во всю свою грубую мощь и, стиснув, раздавить. Сама по себе сила была такая жуткая, что от нее могли потрескаться стены зала; погиб бы не только капитан, но и, несомненно, сам Найл. Был лишь один способ перестать мешать: сомкнуться своей волей с волей Смертоносца-Повелителя, в тенетах образовалось бы дополнительное звено. Но и при всей сложности момента Найл понял, что об этом не может быть и речи. Он, Найл, не паук, он — человек. Пусть капитан — трусливый злодей, наслаждавшийся истязанием братьев Найла, но он не был его личным врагом. Принять участие в расправе значило бы поплатиться собственной человечностью.

Противостояние, казалось, длилось довольно долго, на деле же это могли быть минуты или даже секунды. И тут — про сверком — стало ясно, что капитан выиграл схватку за жизнь. Без участия Найла он не мог быть уничтожен. Смертоносец-Повелитель неожиданно снял хватку, в тот же миг ему последовали Дравиг и все остальные. Видимо, от такой резкой отдачи капитан крутнулся на спине по залу, едва не угодив Найлу по ногам, и торпедой врезался в стену, да так, что лишился чувств.

Смертоносец-Повелитель с презрением наблюдал, не думая пользоваться его беспомощностью. Прошло несколько минут, прежде чем распростертый паук шевельнулся, затем, словно сознавая, что опасность миновала, с трудом поднялся на ноги.

Когда Смертоносец-Повелитель заговорил, голос его был холоден и отрешен.

— Ты покинешь этот город немедленно и никогда не вернешься. Но не надейся возвратиться на родину морем: никакое судно не понесет на себе нечестивца, который смерти предпочел позор. Теперь ступай.

Паук поволокся к двери, каждое движение в нем выдавало смертельную усталость. В таком состоянии его мог свалить и ребенок.

— Отныне ты вне закона, — донеслось ему вслед, — и теперь с тобой может расправиться любой, я это разрешаю. Пробирайтесь к себе ты будешь на свой страх и риск.

Дверь отворилась, с той стороны стояла Сидония. Дождавшись, когда изможденный паук проползет мимо, она снова ее закрыла.

Смертоносец-Повелитель обратился к Найлу:

— Ты решил не лишать его жизни. Это был твой выбор, и мне лишь остается его принять. Но долг теперь снимается со счета.

Намек был очевиден: Найл сам пощадил капитана и теперь не вправе жаловаться, если люди снова начнут пропадать. Найл дал понять о своем согласии низким поклоном. Это как бы означало почтительное извинение, и Смертоносец-Повелитель его принял. Затем Найл направился к двери, ступая осторожно, чтобы не поскользнуться в крови; следом двинулся Дравиг.

Мелькнул почти неувловимый импульс команды, и Сидония, стоящая по ту сторону двери, открыла ее и, выпустив их двоих, закрыла снова. Найл с упоением втянул ноздрями воздух, от едкого запаха крови его бы стошнило прямо в зале.

Сидония стояла навтыжку с лицом неподвижным, как у куклы; светлые волосы, распущенные по плечам, и яркий румянец усиливали сходство. Но за этой неподвижностью разливалось беспокойство, охватившее женщину, когда он остановился напротив и стал бесцеремонно ее разглядывать.

— Сидония, мне надо с тобой поговорить.

Румянец зарделся еще ярче, но в целом она не подала виду, что слышит.

— Я бы хотел, чтобы ты отправилась со мной.

Женщина действительно пошла следом, но чувствовалось, что она растеряна: она не могла представить, что это будет за разговор, разве что этот парень соблазнился ее внешностью и на уме то же, что и у его брата. Озадачен был и Дравиг, но из учтивости не лез Найлу в мысли.

Яркий солнечный свет снаружи буквально ослеплял. На северной стороне площади можно было различить капитана, пробирающегося главным проспектом в сторону моста, ведущего в квартал рабов. Движения по-прежнему выдавали усталость, но было видно, что он явно спешит выбраться из города, прежде чем кто-нибудь воспользуется возможностью законно свести счеты.

Найл сел на согретую солнцем балюстраду, жестом велел Сидонии сесть возле. Та неловко опустилась, словно ей достав-

ляло неудобство перестать стоять навтыжку. Дравиг бесстрастно ждал (все-таки странная у пауков манера — стоять будто окаменев).

— Ты хорошо знаешь этот город? — осведомился Найл.

— Пожалуй, даже очень.

Голос отрывистый, выдающий привычку командовать.

— Тебе известно о сером квадратном здании, чтобы вокруг — кусты с красными и желтыми цветами? — Вопрос он подкрепил телепатическим образом.

Сидония, закусив губу, посмотрела вниз на тротуар, покачала головой.

— Нет, господин.

Было видно, что она говорит правду, тем не менее в голосе чувствовалась неуверенность: может быть, образ показался знакомым.

— Ты уверена, точно?

Сидония покраснела, думая, что он сомневается в ее словах. Она давно уже привыкла к тому, что пауки то и дело вчитываются в ее мысли, поэтому не чувствовала, что и Найл сейчас делает то же самое.

— Да, господин.

— Но ты хотя бы примерно представляешь, где такое может находиться?

Она нахмурилась.

— Много цветов растет вон там, в той части.

Она подняла руку и указала на восток, вдоль проспекта, где дворец Найла.

— Далеко отсюда?

— Мили две или три.

Найл повернулся к Дравигу.

— Ты знаешь ту часть города?

— Нет. Дела никогда меня туда не заводили. Та часть совершенно нежилая.

— Я бы хотел туда наведаться. Составишь мне компанию?

Паук без особой охоты согласился. Найл снова повернулся к Сидонии:

— Мне надо взять туда и тебя. Прошу явиться во дворец сегодня в два часа.

С ясного синего неба теперь вовсю светило солнце; снег не успел еще растаять лишь в тени деревьев и зданий, а в воздухе стояло журчание воды, бегущей по водостокам. Спину припекало, и Найл с Симеоном, сняв плащи, понесли их, свесив через руку; лишь Сидония терпеливо сносила неудобство и не допускала нарушения формы одежды. Дравиг, как обычно, казался равнодушным к погоде.

На шее у Найла был медальон — отражатель мысли, подарок после первого визита в Белую башню. Это было устройство для координирования ментальных вибраций мозга, сердца и нервного узла, усиливающее сосредоточенность и восприятие. Став правителем, Найл мало-помалу перестал его носить. Сила воли, как он теперь считал, вызывается интуицией. Сегодня же он надел медальон для особой цели. В тот первый визит в башню вещь пригодилась для запоминания карты города, помогла усвоить ее так четко, что теперь можно было воссоздать в деталях, едва прикрыв глаза. Основной сектор восточной части именовался «индустриальной зоной» — название, сбивающее с толку Симеона с Дравигом, да и самому Найлу не вполне понятное. Из уроков истории в Белой башне он уяснил, что индустрия — это производство и изготовление товаров, слышал и о периоде Промышленной революции. Но вот уж почти дошли, а вокруг, куда ни глянь, ни закопченных цехов, ни высоченных заводских труб. Во всяком случае, здания здесь даже ниже, чем в центре города.

Изжелта-серая дорога, по которой они сейчас шли, смотрелась на удивление новой, будто вчера проложенной. Во второй половине двадцать первого века асфальт и бетон уступили место смеси каменной крошки и пластмассы, затвердевающей в вещество наподобие мрамора, только более прочное и износоустойчивое. Потому-то дорога и тротуары по обе стороны не давали ни намека на износ. То же самое и дома, магазины, офисы — в гораздо большей сохранности, чем в центре города. Все здесь казалось аккуратным, тщательно продуманным, но на удивление безликим.

Примерно через милю деловая часть сменялась небольшими жилыми домиками — типовыми, из красного кирпича, каждый с небольшим палисадником. В свое время монотонность

здесь оживляли лишь затейливые узоры, обрамляющие окна и двери. Теперь вокруг домиков буйно разрослась зелень: кое-где она взобралась и на крышу — в одном месте (надо же!) дерево проросло сквозь дом и пробило стволом шиферную плитку, сучья теперь затеняли крышу. Найла распирало от любопытства забраться и осмотреть один из таких домиков — интересно, как там жилось их прежним обитателям? — но было некогда: через пару часов начнет смеркаться.

Прошли еще одну милю, и пейзаж вдруг резко изменился. Первым делом, когда отдалились на полмили от кирпичных домиков, в глаза стали бросаться яркие цветовые оттенки. Судя по карте, это и было начало индустриальной зоны, но здания выглядели так, будто предназначались для карнавала или парка аттракционов: и треугольные, и кольцом, все из яркого кирпича, и ни одно не выше двух этажей; крыши в основном изумрудно-зеленые, с яркими крапинками плитка. Как и вокруг кирпичных домиков, здесь буйствовала зелень, но не обычная, как там, а роскошная, тропическая.

Среди растений преобладали толстые ползучие побеги с широкими глянцевыми листьями в зеленую и желтую крапинку, среди цветов — алые, раструбами, чаши. Тут и там среди этой массы проглядывали пальмы, такие как в Дельте. Зрелище впечатляло странной экстравагантностью — все равно что занавес, размалеванный шутком.

Когда подошли ближе, стало ясно, что запах здесь соответствует прекрасному виду: благоухание жимолости, сирени, роз, можжевельника и гиацинтов сливалось с приятным запахом, напоминающим свежескошенное сено. Последний раз таким многообразием веяло в Дельте. Найл вспомнил, и стало как-то неуютно. Но когда Сидония двинулась среди кустов, с видимым упоением погружая лицо в чаши цветов, Найл тоже не удержался и нашел аромат изумительным.

— Ты здесь раньше когда-нибудь бывала? — спросил он у Сидонии.

— Да.

Ему показалось, что она скользнула робким взглядом по Дравигу.

— И здесь всегда вот так?

— Да, наверное, — сказала она неуверенно.

— Тогда почему сюда так редко ходят? Вон какая красота.

— Потому что... — она глубоко вдохнула из алой чаши, — потому что когда слишком много удовольствия, то нехорошо.

Под удивленным взглядом Найла женщина вспыхнула. И можно понять почему: служительница ведь, дисциплина и самоконтроль — предмет гордости. А от таких запахов возникает трепетное, томное желание расслабиться, уступить... Да, такой настрой был бы явно не по нраву паукам.

Изучал растения и Симеон, но только отстраненным взором ботаника.

— Почему они, интересно, растут вот так, среди зимы? — спросил Найл. — Их что, солнце заставляет думать, что это весна?

Симеон недоуменно развел руками.

— Уж и не знаю. В первый раз с таким сталкиваюсь.

— Даже в Дельте?

— С Дельтой не путай. Там почти у каждого из растений красота служит коварной приманкой.

— А ты уверен, что у этих — нет?

— О, конечно же нет, — сказала Сидония; голос кроткий, мечтательный, сама лелеюще поглаживает алую чашу, как какого-нибудь ручного зверька. — Какая же это приманка?

Найл перевернул медальон на шее — внимание сфокусировалось как под увеличительным стеклом — и тут же убедился, что она права. Было что-то трогательно невинное и кроткое в многообразии этих запахов. Интуиция подсказывала, что она-саться нечего.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы растения цвели среди зимы?

— Чтобы так — нет. — Симеон изучал один из толстых глянцевиных листьев. — Ты видишь, листья вечнозеленые. — Он пощупал лепесток оранжевого цветка, похожего на любопытной окраски розу. Найл сделал то же самое: упругий, мясистый. — Такой, похоже, устоит и против ветра.

Найл повернулся к Дравигу.

— Ты знаешь что-нибудь об этих цветах?

— Мои сородичи равнодушны к подобным вещам.

Чувствовалось, что паучище слегка подтрунивает; Найл уже не раз замечал за Дравигом эдакое чопорное чувство юмора.

— Но ведь не случайно же эти цветы понасадили здесь среди зданий? — спросил Симеон.

Найл почему-то подумал о том же самом. Вблизи здания смотрелись так, будто построены для детской площадки; яркие цвета и затейливые узоры вызывали то же любопытное, светлое чувство.

— Может, здесь была детская индустриальной зоны.

— Индустриальной зоны? Это она и есть?

— Если верить карте.

Симеон медленно кивнул.

— Тогда понятно. В былые времена так и строили. У работников, когда вокруг все блеклое и угрюмое, развивалась депрессия. А стоило все вокруг разнообразить — и работалось усерднее. У меня дед читал об этом в книгах по истории.

— Да, но чтобы цветы цвели зимой...

— Действительно. — Симеон сладко вдохнул из крупного золотистого цветка, напоминающего диковинных размеров львиный зев. — Не спорю, все это странно.

— Может, эти растения принесли из Дельты? — предположила Сидония.

— Тогда еще и Дельты не было, — пояснил Найл.

— Дельты?

Было видно, что об истории Сидония не имеет представления.

В кустах шуршал легкий ветерок, перемешивающий запахи так, что сладость казалась поистине нестерпимой; перед глазами начинало плыть, хотелось лечь прямо на мокрую траву и закрыть глаза. Сделав над собой усилие, Найл перевернул медальон. Сонливости как не бывало, вместо нее — обостренная четкость, кажущаяся в сравнении какой-то даже жесткой. Исчезла и бездумная радость, сменившись деловой сосредоточенностью, желанием действовать.

— Скоро начнет темнеть. Пора двигаться.

Симеон с неохотой отвернулся от цветов. А Сидония развернула плечи, тряхнула увесистым бюстом и двинулась следом решительной, целеустремленной походкой.

Соображения Симеона насчет индустриальной зоны были, очевидно, верны. Все здания здесь имели ту же нарочитую веселость, местами вплоть до вульгарности. Можно предста-

вить, как все здесь выглядело в свое время: ровные газоны, разноцветные здания, окруженные яркими цветами, — просто картинка из сказки. Симеон указал на одно особо любопытное строение, сплошь из зеленого камня — ни дать ни взять, дикий кактус, растущий из щедрой почвы.

Найл покачал головой.

— Все равно, наверное, приспало на третий-четвертый день. Рано или поздно в конце концов всегда привыкаешь.

— Мне дед про это ничего не рассказывал, — сказал Симеон, пожав плечами.

Стоило прикрыть глаза, как в уме возникала карта, которую он запомнил в Белой башне. Удивительно, насколько четко, во всех деталях ум воссоздает с помощью медальона картину, прямо как на фотографии; мысль о потаенных силах памяти вызвала восхищенный ужас. Карта указывала, что индустриальная зона идет по кругу, занимая в диаметре пару миль.

В центре находилось большое озеро, все еще привлекательное, хотя и поросшее теперь камышом и водокрасом; рядом с ним — промышленный музей и административный корпус, напоминающий трубы какого-нибудь громадного органа. Одновременно было ясно, что ни одно из этих зданий не имеет ни малейшего сходства с тем приземистым квадратным строением, что ищут они. Серый цвет смотрелся бы резким диссонансом в этой разноцветной гамме. Но когда миновали административный корпус, что в центре комплекса, вид зданий начал меняться. То ли съемщики не могли раскошелиться на помещения попригляднее, то ли вышли средства у дизайнеров, но только здания становились все более строгими, многие были из простого красного кирпича. И вот когда Найл посмотрел направо, взгляд уперся в нечто, заставившее сердце дрогнуть: верхние этажи серого здания, выглядывающие из-за деревьев.

— Вон что-то похожес, — указал он.

Симеон поглядел с сомнением.

— Походит на электростанцию. На той стороне города есть еще одна, точно такая же.

Приблизившись с угла, выяснили, что серое строение стоит неподалеку от водонапорной башни. Мелькнула мысль, что перепутали, но когда зашли на боковую дорожку, полностью

открылось взору и здание, и окружающая богатая растительность с красными и желтыми цветами. Теперь чутье безошибочно подсказывало, что это и есть тайная кладовая Скорбо. Специфическая волна холодной энергии, исходящая от Дравига, как дрожь, показала, что и паук это осознает.

Они подошли к зданию сзади и очутились перед слепой стеной без намека на окна или двери. Чтобы оказаться спереди, надо было, безусловно, ее обойти. Оказалось, это не так-то просто. Окаймляющая участок справа колючая изгородь вплотную сходилась с зеленой стеной кустов и невысоких деревьев, окружающих строение. При более близком знакомстве изгородь оказалась густым переплетением колючих веток и поднималась на высоту больше двух метров — слишком высоко даже для Дравига. Проблему решила Сидония: вынув тесак, она храбро шагнула в колючие заросли, с каждым размашистым ударом к ее ногам валялись отсеченные ветки и побеги. Через несколько минут она прорубилась сквозь изгородь и наткнулась на бетонную дорожку в пару метров шириной. Эта дорожка и не подпускала растительность чересчур близко к стене, и потому появилась возможность пробраться вдоль нее к фасаду строения.

Вскоре он открылся глазам, с полудюжиной выбитых окон и массивной стальной дверью. Отливающий синевой металл не успел еще заржаветь; суля по утопленной ручке, дверь должна была откатываться вбок на роликах. Найл, навалившись, потянул: дверь отъехала на полметра, затем резко застопорилась.

Сидония, по-прежнему держа в руках тесак, осторожно ступила внутрь. Не успела она зайти, как Найл тревожно вскрикнул: что-то метнулось из темноты. Сидонию отшвырнуло на спину, она ударилась головой о бетонный пол, очевидно, сила удара спасла ей жизнь. Над ней напряженно застыл паук, готовый хватить по горлу, и он бы так, безусловно, и поступил, если бы она пошевелилась. Но женщина лежала неподвижно, поэтому он не вонзал клыки, а тут из-за угла подоспел Дравиг и с ходу крикнул мысленную команду. Паук оторопело застыл, но, когда Дравиг приказал отойти, команду проигнорировал и остался стоять в угрожающей позе. Найл не мог поверить гла-

зам. Он впервые видел, чтобы паук не подчинялся приказу начальства.

А теперь, приглядевшись внимательней, он уже и не был уверен, паук ли это вообще. Лапы этого существа, казалось, покрывала роговая оболочка, как у скорпиона. Массивное черное туловище, тоже в твердой оболочке, что у мокрицы, было округлым, без намека на талию, которая у большинства пауков разделяет грудь и брюшную полость. Не было видно и головы, глаза и челюсти выдавались как бы из самого туловища. Массивная туша и мощные лапы составляли впечатление необычайной физической силы; было видно, что челюсти могут отделить голову женщины одним движением.

Ошеломлен был и Дравиг: как особый советник Смертоносца-Повелителя, он привык к мгновенному подчинению. А тут — представить только! — какая-то неотесанная уродина, по виду даже не паук, а, скорее, черный жук, и вдруг его игнорирует.

Может, он не в своем уме или просто не узнал? Дравиг опять бросил мысленную команду. А наглец стоял и упорно тарашился — антенны чуть подрагивают от напряжения, глаза, когда на них падает свет, тлеют красным. Дравиг постепенно выходил из себя. Он хлестнул своей силой воли, да так, что Найл неуютно поморщился; паук сжался и сдвинулся на шаг назад. Как и Дравиг, Найл ожидал, что он уступит и подчинится превосходящей силе. Но у странного паука тупое упрямство неожиданно вылилось в ярость, и он двинул своей силой воли, похожей на тяжелый удар. Дравиг, не готовый к такому обороту, отреагировал точно как на физический удар: чуть осел на задние лапы, и серые ворсинки на теле шевельнулись, словно их обдуло ветром. Он разгневался, вскинувшись, как патриций, оскорбленный плебеем. А противник стоял как ни в чем не бывало; очевидно, он был не из городских. Он сделал шаг вперед и навис над телом Сидонии, вскинув когтистые передние лапы в боевую позу. Найл с тревогой заметил, что Сидония зашевелилась. Вот она открыла глаза и изумленно их расширила, увидя над собой шерстистое брюхо. К счастью, все внимание забияки было приковано к Дравигу, поэтому женщина оставалась пока целой.

И вот два паука схватились, скрестив воли. Теперь это был уже не просто обмен ударами, а предельно напряженное про-

тивостояние одной воли другой. Найл впервые видел такой поединок и заворуженно наблюдал. Впечатление такое, будто оба дерущихся окружены энергетическим полем, каждый своим,— похожим на силовые линии магнита. Эти два поля сталкивались лоб в лоб с таким же эффектом, как два взаимоотталкивающих полюса магнита. В месте соприкосновения силовые эти линии темнели, словно обретая видимость. Хотя, скажем, для Симеона эти линии оставались невидимыми; он видел лишь двух пауков, каждый из которых, напряженно подавшись вперед, как под сильным встречным ветром, таранился на противника. Их можно было еще сравнить с двумя сцепившимися борцами. Найл видел эту силу, поскольку был на той же телепатической волне, что и Дравиг.

Видел он и то, что Дравиг в этом поединке не на высоте. В нем уже чувствовался возраст, да и сколько уж лет прошло с тех пор, как ему приходилось отстаивать себя в поединке. И хотя его воля была подобна разящему острию, ему не хватало примитивной грубости, которая была у соперника, в ком агрессивность соответствовала силе приземистого тела. Более того, уверенность Дравигу подтачивало еще и сознание того, что все происходящее — гадкая нелепость. И хотя с виду оба бились на равных, не уступая ни на йоту, Найл видел, что Дравиг теряет силу быстрее своего противника. Что произойдет, если Дравиг в конце концов сдаст? Все это виделось так ясно, будто должно произойти вот-вот. Единственное, чем Дравиг мог бы спасти себе жизнь,— это встать в позу побежденного, все равно что пес, поджавший хвост. Но этому не бывать никогда. Даже сейчас, в самый разгар схватки, поза Дравига выражала непримиримую ненависть к противнику, стремление наказать и расквитаться с ним так, чтоб неповадно было. Из чего следует, что, когда в конце концов придется уступить, Дравиг неминуемо погибнет. А для паука погибнуть — это признать превосходство того, кого считаешь ниже себя.

Внезапно до Найла дошло, что нелепо стоять и глазеть на то, как Дравиг бьется не на жизнь, а на смерть; тем самым он самого себя ставит в унижительное положение труса. Внутреннее напряжение и желание видеть врага поверженным овладела Найлом настолько, что для него самого теперь необходима была победа или смерть. Напряжение заставило вспомнить

о медальоне на груди: он обжигал, словно превратившись в тлеющий уголек. Сейчас он выпуклой стороной обращен был внутрь, загоня мыслительную энергию обратно в тело и тем самым усиливая внутреннюю сосредоточенность. Найл полез себе под воротник и направил силу сосредоточенности на противника.

От неожиданного врага тот оторопел и слегка струхнул. В следующую секунду он с замешательством обнаружил, что второй противник, оказывается, двуногий. С силой, от которой Найл чуть не присел, и не отступая ни на шаг, паук напрягся, не даваясь своему новому противнику, и стал отражать натиск с двух фронтов. Найл мгновенно почувствовал, будто какая-то невидимая сила толкает его назад, и на секунду ощутил себя нес естественно, до странности легким. Затем он снова сосредоточил волю и всю силу медальона пустил на то, чтобы отжать от себя встречный натиск. Медальон накалился так, что обжигал кожу, и Найл мимолетно пожалел, что не позаботился вывесить его поверх туники, а надо бы. Он не обращал внимания на боль, а всю силу направлял на то, чтобы не поддаваться натиску и не упасть под ним на землю.

Прошло несколько минут. Дело затягивалось. Вмешательство Найла сделало победу чужака невозможной; при всей своей напористости, у него не хватало силы одолеть натиск сразу с двух сторон. Вместе с тем, похоже, он мог сдерживать его до бесконечности, а Найл мало-помалу уже начинал задумываться, надолго ли ему еще хватит поддерживать в себе такую сосредоточенность. Ощущение неотложности заставило его разойтись так, что он сам диву давался, ведь раньше его хватало максимум на несколько минут. Однако пытаться прошибить волю этого приземистого, мощного существа было все равно что пыжиться сдвинуть кирпичную стену. Чувствовалось, что и у самого Найла сила постепенно идет на убыль.

И тут с ошеломляющей внезапностью всякое сопротивление прекратилось. Запнувшись и падая на колени, Найл содрогнулся от режущей боли; казалось, кишки наполнило жидким пламенем. Он невольно посмотрел вниз, ожидая увидеть кровь, и с облегчением обнаружил, что все в порядке. Противник, тяжело качнувшись, отступил, словно под мощным ударом. Ушла минута, чтобы разобраться, в чем дело. Оказывается,

Сидония вогнала чужаку в брюхо тесак и рванула его вбок. На глазах у Найла она выдернула его, затем ловким движением откатилась в сторону, уйдя из-под челюстей, которые попытались ее обезглавить. Резь в животе была результатом теплепатического контакта.

В отличие от Найла Дравиг продолжал давить; противник оттого и шатался, а затем и вовсе упал, словно его огрели тяжелой дубинкой. Он лежал на полу, поверженный и оглушенный, а из раны на брюхе ручьем бежала кровь. Секунду Дравиг смотрел с холодной враждебностью, а затем, не выпуская его из тисков своей воли, подошел и вогнал ему в физиономию ядовитые клыки. В таком положении Дравиг, напрягнув ноги, пробыл несколько секунд, пока не ввел яд. Найл слегка опешил от такой жестокости, он почему-то ожидал от Дравига милосердия. Когда тот вынимал клыки, Найл мельком сунулся ему в ум и уяснил, что у того нет родственного чувства к существу, которое он только что лишил жизни. Это было просто дикое животное, еще минуту назад смертельно опасное; и вот он уничтожил его без всякой жалости, как и оно поступило бы с ним.

Доза, судя по всему, была сильной; паук конвульсивно дернулся, отчего перевернулся на спину, затем неподвижно застыл, скрючив лапы на груди. Подошедший Симеон с интересом его разглядывал (Сидония сморщила нос с брезгливой заносчивостью). А когда Дравиг коротко поблагодарил — это относилось к ним обоим, — та покраснелась, как школьница. Найл с удивлением понял, что она пожертвует за Дравига жизнью не колеблясь, так она покраснела. Найл повернулся к Симеону:

— Это паук?

— Не совсем. Его зовут паук-быковик, мой отец в свое время называл их лесовозами. Думаю, по строению он ближе к клопам, чем к паукам.

— Ты таких раньше когда-нибудь видел?

— Безусловно. Жуки держали пару таких как рабочий скот. Они страшно тупы, но силы необычайной. И еще невероятно преданны. Скорбо, возможно, приказал ему никого не впускать. Он бы и на самого Смертоносца-Повелителя накинулся, но не ослушался бы приказа.

— Их там, в старой шахте, целый выводок, — сказала Сидония, указав куда-то на восток.

Так как мертвый быковик занимал собой без малого весь проход, Найл с Симеоном были вынуждены вытащить его наружу — как все пауки, этот был удивительно легкий для своего размера, — прежде чем удалось войти. Затем они до конца отодвинули стальную дверь — канавка, по которой двигались колесики, была наполнена слежавшейся ржавчиной и пылью. Первое, что попало на глаза, это изувеченный труп, лежащий в луже крови. Женщина, голова и рука отъедены. Аккуратно срезанная паучьими челюстями одежда, все еще в белесых тентах, лежала возле. Очевидно, гости потревожили восьмилетнего во время обеда.

Найл поднял голову. В мутном свете, цедащемся через запыленные окна, виднелось с дюжину коконов человеческих очертаний, подвешенных под потолочными балками. Они чуть покачивались на слабом ветру, в точности как все это было в уме капитана. Удивительно, насколько в действительности каменный склеп соответствовал тому секундному образу во всех деталях. Было лишь одно небольшое отличие. Тогда ему показалось, что в мясницкой стоит запах крови, здесь же чувствовалась лишь сырость и затхлость. И это, понял он, из-за разницы между чутьем человека и куда более тонким чутьем паука.

— Ты думаешь, кто-нибудь из них жив? — спросил Найл у Симеона.

— Вот эта была жива. — Симеон указал на труп женщины. — Иначе кровь бы из нее так не текла.

Найл повернулся к Дравигу.

— Как ты думаешь, кого-нибудь из них можно спасти?

Ответный импульс Дравига в человеческом обиходе соответствовал пожиманию плечами.

Помещение было, по сути, голым бетонным бункером, пустым, если не считать нескольких ящиков, сваленных в самом дальнем углу. Людские тела висели примерно в паре метров над головами. Каждое окутывала полупрозрачная кисея, удивительно нежная; волокна гораздо тоньше, чем у обычной паутины. Когда глаза привыкли к тусклому освещению, под ки-

сеей стали различаться лица — у одного, заметно, даже открыты глаза.

— Вон тот, судя по всему, ребенок, — указал Симеон.

Тело, висящее в самом отдалении, находилось на высоте около полутора метров; сквозь тонкую кисею, капюшоном покрывающую лицо, виднелись темные кудрявые волосы. Мысль, пришедшую в голову Найлу, вслух высказал Симеон:

— Это не тот ли самый брат твоей кухарки, как там ее?

— Нира. Может, и да. Его никак нельзя срезать? — спросил Найл у Дравига.

Паук вздыбился на стену и протянул вверх передние лапы, одной из них придерживая тело, а другой обрывая волокно, на котором оно болталось. Упавший кокон он аккуратно подхватил в средние лапы. Найл принял от него тело, липкая кисея приставала к пальцам и тунике. Ребенка он вынес на свет и аккуратно опустил на пол. Покрывающая лицо кисея напоминала липкую прорезиненную ткань и не давалась попыткам ее разорвать. Найл позаимствовал у Сидонии тесак с острым как бритва лезвием и оттянул кисею так, что открылось лицо, затем аккуратно распорол липкие волокна. Лицо было мертвенно-бледным, без признаков дыхания. Но когда Симеон содрал тенета, покрывающие руку, Дравиг протянул среднюю лапу к груди ребенка и сказал: «Он жив». Через минуту Симеон поместил большой палец ребенку на запястье и сказал, что прослушивается слабый пульс. Найл положил руку на холодный лоб.

— Есть какой-нибудь способ его оживить?

Симеон покачал головой:

— Не знаю. Если это яд, парализующий центральную нервную систему, дело может быть непоправимо. Вон тот, похоже, уже мертв. — Он указал на лицо, заострившееся как череп.

— Это в самом деле так? — спросил Найл у Дравига.

Дравиг вздыбился, вытянув средние лапы в сторону покачивающегося тела.

— Нет. Он жив. Здесь живы все, только одна женщина на дальнем конце близка к смерти.

Сидония всполошила их, выкрикнув:

— Вон тот повел глазами!

Она стояла под коконом, свисающим с середины балки, где падающий из двери свет делал видимость более отчетливой. Кокон был невелик — в нем находился какой-нибудь рослый ребенок или подросток. Глаза за покрывающей лицо кисеей были закрыты. Найл внимательно вгляделся, но не смог уловить признаков дыхания.

— Тебе не померещилось?

— Откуда! У него дрогнули ресницы.

Найл обратился к телу, покачивающемуся над головой:

— Если ты меня слышишь, постарайся приоткрыть глаза.

Ничего не произошло. Найл повторил еще раз, медленнее и громче. И вот после долгой паузы ресницы дрогнули — слабо, но явно.

— Я же сказала, он живой, — произнесла Сидония.

— Это не «он», — поправил Дравиг, — это женская особь.

С той стороны бункера донесся взволнованный возглас Симеона. Он разглядывал ящики, сваленные в дальнем конце.

— Что там?

— Опечатано, и стоит гриф, что здесь больничный инвентарь. А ну, дайте сюда тесак, попробую снять крышку.

При взгляде на ребенка, лежащего на бетонном полу, затылок Найлу пронзила острая боль, давая понять, что медальон висит на шее уже слишком долго. Найл снял его и кинул в карман. Облегчение наступило такое, что голова закружилась; он уж забыл, что медальон потребляет столько энергии. В глазах на мгновение потемнело, а в ушах грянул звон. Найла качнуло: чтобы не упасть, он опустился на корточки, придерживаясь обеими руками за пол.

Через несколько секунд темнота развеялась и стало видно лицо ребенка. А затем, совершенно внезапно, Найл опешил от пробравшего озноба. Все равно что броситься на дно какого-нибудь ледяного омута, куда никогда не проникает свет. Одновременно начала возвращаться изнуряющая тошнота — как вчера, когда столкнулся с убийцей Скорбо. Возникло странное ощущение, что произошло что-то нехорошее. Найл тревожно вскинулся и с облегчением увидел, что все вокруг по-прежнему: Симеон с Сидонией сообща усердствуют над одним из ящиков, а Дравиг смотрит; было очевидно, что они ничего такого не чувствуют. В проеме открытой двери на фоне вече-

реющего неба мягкими красками играли цветы — как-то странно, будто сквозь рябь знойного марева. А Найла вдруг начал бить ледяной озноб, такой, что пришлось стиснуть зубы, чтобы не клацали. И еще чувствовалась собственная уязвимость, будто слой кожи удалили и обнажились все нервные окончания.

Солнце снаружи казалось бесконечно обманчивым, а усталость одолела такая, что не хватало сил подняться на ноги. Жутко захотелось лечь на пол и закрыть глаза. Но Найл почувал, что стоит поддаться соблазну — и все, замерзнет до смерти. Только с помощью судорожного усилия воли он смог медленно распрямить спину, опереться на руки и колени и лишь затем, пошатываясь, встать на ноги. При этом он снова почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но подавил в себе тошноту и, одолев расстояние в полдюжины шагов, вышел на солнце.

Это было равносильно погружению в теплую ванну. Тепло показалось таким же пугающим и необъяснимым, как несколько секунд назад — холод. Найл глубоко, облегченно вздохнул, схватившись одновременно с тем за ближайший куст, чтобы ненароком не упасть. Впитывая всем телом желанное тепло, он пытался осмыслить происшедшее. Вкрадчивое тепло, которое он сейчас ощущал, было не просто солнечным зноем; это была живительная энергия, от которой быстрее бьется сердце, а кровь наполняется приятным волнением. И холод внутри бункера был не просто холодом; он словно высасывал тепло жизни, наполняя душу темным предчувствием.

Озноб постепенно истаял, и в душе воцарилось успокаивающее тепло. Окружающая живительная энергия воспринималась не иначе как теплый поток, идущий струями вверх от земли. Нервы приятно покалывало, будто по всей коже лопались крохотные пузырьки. Найл стоял, закрыв глаза, и чувствовал, как земля сочится какой-то энергией, неведомо как преобразующейся растениями и цветами в невесомую взвесь. Вот почему ощущение такое, будто стоишь возле игривого фонтана.

И все-таки что это за полярность, от которой внутри бункера резко падает жизненный тонус, а снаружи опять приходит в норму? Теперь, восстановив силы, Найл проникся любо-

пытством. Чутко насторожившись, он перенес ногу через порог бункера. Как и ожидал, ощущение напоминало бросок в ледяную воду. Вместе с тем наблюдалось существенное различие. Когдаходишь в воду, холод прежде всего сковывает ступни и голени. А тут, чувствовалось, сначала окатывало голову и плечи, будто ледяной ветер задувал сверху. Еще один медленный шаг вперед, и холод охватил темя, отчего кожа сжалась так, будто волосы встали дыбом. Еще один шаг — через силу, — и зазубило затылок, шею, плечи. Поскольку Найл стоял теперь прямо под центральной балкой, под которой болтались коконы, сам собой напрашивался вывод, что холод так или иначе связан с телами. Это подтвердилось, когда он сделал еще один шаг и холод пополз сверху вниз по спине. Лишь призвав все самообладание, Найл развернулся и двинулся под коконами назад; ощущение такое, будто идешь голый под ледяным ливнем.

А все же с чего вдруг бесчувственные тела вызывают такое ощущение? Вопрос заинтриговал настолько, что Найл сдержал желание выйти на свет и остался стоять, пытаюсь определить, что происходит. Не связано ли это с тем, что обездвиженные тела каким-то образом вытягивают жизненную энергию? Но если так, то почему не реагируют и все остальные? На секунду Найл подумал, что пора опять нацепить медальон, но раздумал, едва лишь представив, какая боль сейчас, в утомленном состоянии, пронизет череп. Вместо этого он закрыл глаза и напряженно, сосредоточенно нахмурился. Облегчение не заставило себя ждать, между ним и телами, казалось, вырос барьер. Но и при всем при этом мышцы плеч начинало ломить от холода.

В этот момент Найл понял, что его усилия привлекли внимание Дравига. Паук вглядывался так пристально, что у Найла зачесалось в корнях волос. Про себя Найл успел отметить, что это довольно странно: подобные выходки Дравиг обычно считает невежливыми, — как вдруг череп изнутри озарился вспышкой света, а грудь стеснило так, что не вздохнуть. На секунду Найлом овладел беспросветный страх: чувство такое, будто тонешь. Затем дыхание восстановилось, перед глазами прояснилось, и Найл увидел, что его поддерживают под руки Симеон и Сидония. Он распрямил колени и резко сел, пони-

мая, что это подкосились ноги. Вместе с тем чувствовалось, что холод развеялся и воздух в помещении наполняется отрадным теплом.

— Что случилось? — Голос получился басовитый, как спр-сонок.

— Ты разве не понял, что на тебя напали? — спросил Дравиг.

Найл покачал головой.

— Нет, меня просто пробрал холод.

Он по-прежнему чувствовал себя так, будто только что вылез из проруби.

— Холод пробрал оттого, что на тебя напали. Из тебя высасывали энергию. — Отвечая на мысленный вопрос Найла, Дравиг указал на тело, покачивающееся над головой. Это была девушка, та самая, у которой дрогнули ресницы. Найл вгляделся ей в лицо, пытаясь разобрать под кисеей черты.

— Но она без сознания.

— Да. Она без сознания. На тебя воздействовали через нее. Тебя отслеживает опасный враг.

Найл только сейчас спохватился: вот дурень! Все стало предельно ясным, трудно было понять, как он раньше ни о чем не догадался. Вот оно что: он полагал, что энергию высасывают бесчувственные тела, потому не искал иного объяснения.

— Что ты такое сделал? — поинтересовался Найл.

— Я попытался атаковать твоего врага через твой ум, но уже поздно. Он успел уйти.

Найла не надо было и убеждать, он по-прежнему чувствовал промозглый холод. Ноги, когда с помощью Симеона ковылял наружу, едва чувствовались, настолько занемели. Найл ощутил на лице тепло солнечного света, и как будто бы полегчало; вместе с тем он сознавал: что-то изменилось. Воздух больше не струился переливчатыми тепловатыми волнами, был просто предвечерний свет зимнего дня. Кусты, как и прежде, мягко светились волшебным светом, но когда Найл, потянувшись, коснулся их, ощущения, будто стоишь в облаке водной пыли, больше не было.

— Ты мог бы дотянуться вон до той девушки и снять ее? — спросил Найл у Дравига.

— Разумеется.

Паук вошел в здание и через несколько секунд возвратился, неся в передних и средних лапах кисейный кокон. Его он опустил на землю у ног Найла.

— Дай, пожалуйста, тесак.

Сидония протянула оружие.

Найл полностью освободил лицо от паутины и осторожно вспорол волокна; расползаясь, они слабо потрескивали, как рвущаяся резина. Найл разрезал кокон до уровня талии. На девушке, как и ожидал, была туника рабыни. Симеон с интересом наблюдал, как Найл шарит у нее возле шеи. То, что искал, нашлось между маленькими неразвитыми грудями, тугие волокна паутины не давали ему упасть. Найл разорвал цепочку и подкинул на ладони кулон.

— Гляди-ка, еще один,— удивленно качнув головой, сказал Симеон. Взяв девушку пальцами за подбородок, он повернул ее лицом к себе.— Эта не похожа на остальных.

Действительно. Острижена она была коротко, под мальчишка, но черты изящные, девичьи, тонкий породистый нос. Лицо как будто восковое, а губы настолько бескровны, что кажутся белыми.

Симеон, освободив ей от паутины руку, положил большой палец на запястье.

— Пульс в порядке, есть.— Он с любопытством оглядел бледное лицо.— Но вот узнать бы, как она здесь очутилась.

— Как и все остальные. Попалась на улице ночью. Ей повезло, что не съели.

— Не она ли, кстати, причина гибели Скорбо? — подумал вслух Симеон. Та же мысль возникла и у Найла.

— Не исключено.

— Если так, то она представляет опасность.

— Опасность?

Найл на секунду растерялся; вид бесчувственной девушки внушал что угодно, только не опасение.

— Он, может, потому и охотится, что хочет заполучить ее обратно.

Найл передернул плечами.

— Будем рисковать, деваться некуда.— Голос Найла звучал уверенно, не в пример тому, что творилось сейчас на душе.

Он повернулся к Сидонии: — Ты не против остаться здесь караулить, пока мы не вернемся?

— Конечно нет, господин. Но не проще ли будет, если я ее понесу?

— Понесешь? — Такая мысль даже и не приходила Найлу в голову.

— Она, поди, легкая, как ребенок.

Найл сразу же вспомнил о ребенке, который так и лежал на бетонном полу. Солнце уже опускалось за вершины деревьев, и в воздухе становилось прохладно.

— Нет, с ней справится Дравиг. А вот с этим ты как, ничего?

— Разумеется. — Она подхватила ребенка легко, как куклу, и бережно опустила его голову себе на плечо.

Всю обратную дорогу (шли на заходящее солнце) тело у Найла ныло от усталости. С севера налетал прохладный ветер, поэтому он натянул капюшон и плотнее запахнулся в плащ. События дня изрядно вымотали, и усталость притулила чувства, так что шел он механически, забыв обо всем вокруг себя. Тем не менее усталость была приятной; Найл чувствовал это всякий раз, с довольным видом поглядывая то на ребенка в руках Сидонии, то на девушку на спине у Дравига. Поразмыслив над происшедшим, он, похоже, начал догадываться, что же случилось в кладовой Скорбо. Сняв медальон, он на миг потерял сознание, и враг ухватился за возможность вживиться ему в ум невидимой пиявкой. И между прочим, это оказалось серьезным просчетом, поскольку все уловили его присутствие и насторожились. И вот результат: девушка, на которую они при ином раскладе не обратили бы внимания, теперь стала их заложницей. Каким бы непредсказуемым и опасным ни был враг, видно, что он все же допускает ошибки...

Найл так был поглощен своими мыслями, что удивился, увидев, что они уже входят на главную площадь. Солнце садилось за крыши западной части, лишь верхотура Белой башни отражала золотистый свет. Снега на площади считай что не было, уцелел он только на траве, окружающей Белую башню.

Когда остановились внизу возле лестницы, Найл обратил внимание на двух бойцовых пауков, застывших истуканами по обе стороны двери.

— Что они здесь делают?

— Смертоносец-Повелитель велел им встать на стражу, — пояснил Дравиг. — Он опасается, как бы кто-нибудь из друзей Скорбо не затаил чего против тебя.

— Пожалуйста, поблагодари его за заботу.

Несколькими часами раньше мысль о страже у дворца показалась бы ему нелепой, теперь она давала ощущение безопасности.

Когда вошли в центральную парадную, с лестницы навстречу стала спускаться Нефтис. Приветливая ее улыбка сменилась замешательством, когда в дверь втащился Дравиг, неся во второй паре лап девушку, а следом вошла еще и Сидония с ребенком на руках.

— Кухарка Нира еще здесь? — спросил Найл.

— Да, мой господин.

— Скажи ей, пусть подойдет.

Дравиг опустил девушку на половик неподалеку от камина, Сидония положила рядом с ней ребенка. Не прошло и минуты, как в комнату с тревожно-выжидательным видом вошла Нира.

— Это твой брат? — поспешно спросил Найл.

Девушка вскрикнула и упала возле братишки на колени. Увидев, что он дышит, она схватила его и стала жадно нацеловывать. Затем подлетела к Найлу (он даже смутился), схватила за обе руки и стала поочередно припадать к ним губами. Найл высвободил одну из них и ласково погладил девушке волосы.

— Ладно, ладно. Теперь надо думать, как его оживить. — Он повернулся к Симеону. — Ты что посоветуешь?

— Неплохо бы его в теплую ванну и помассировать руки и ноги.

Голос у него звучал не очень обнадеживающе, но Нира была так взволнована, что не обратила на это внимания.

Нефтис с любопытством посматривала и на девушку, грудь которой тихонько поднималась и опадала.

— Она тоже предназначалась Скорбо на обед, — сказал Найл. Нефтис от таких слов поежилась, но Найл из-за усталости уже не очень следил за своей речью. — Постели ей в соседней комнате, — распорядился он, — пусть спит в тепле. Дверь закрыть, запереть на засов и не открывать.

Вид бледного лица напомнил ему о кулоне. Наспех откашлявшись, Найл спустился в подвал. Стояла темнота, но света из дверного проема хватало, чтобы пробраться к сосуду в углу. Когда он вынул кулон из кармана, кончики пальцев безошибочно дали понять, что тот перестал быть инертным, зашевелился, заизвивался, будто живой сучок. Сдвинув обеими руками тяжелую крышку, Найл уронил кулон в горловину. Стоило задвинуть ее на место, как всем телом овладела необычная, светлая легкость.

Через час он лежал, вольготно раскинувшись на подушках, и закусывал речными креветками, которые только что сварила Джарита. Симсон помогал Нире купать ребенка. Судя по отдаленным взволнованным голосам, прибыли родители Ниры: их вызвали во дворец. Найл подумал было, собравшись с силами, сходить и посмотреть, как там обстоят дела, но вместо этого решил выпить стакан меда. Через десять минут, когда Джарита накрывала на стол ужин, в комнату, лучась от радости, вошла Нира.

— Он только что открыл глаза...

Резкий взгляд и вскинутый к губам палец Джариты осек ее. Найл лежал на спине и глубоко спал.

Часть вторая

ЖИВЫЕ МЕРТВЫЕ

Та ночь запомнилась еще одним странным ощущением. Найл очнулся от сна в темноте, такой же удушающе теплой и тяжелой, как одеяло. На секунду подумалось, что он снова у себя в пещере, затем тлеющие в печи угли заставили осознать, что он у себя в комнате. Он лежал, совершенно не чувствуя сонливости, и озадаченно прикидывал, уж не разбудил ли его какой-нибудь шум. Уловив наконец шестым чувством, что он один, Найл откинул одеяло и повернулся в бархатистом мраке на спину, недоумевая, отчего вдруг так теснит дыхание. Сердце гулко стучало, а тело покрывал пот.

Он вновь возвратился памятью в бункер с подвешенными телами и представил их так ясно, что, кажется, взглядишься — и можно различить, как они болтаются вверх в темноте. Даже при свете дня картина была довольно неприглядная, а уж теперь, посреди ночи, воображение стало невольно живописать, как чувствует себя добыча, когда сверху сваливается паук и, обездвижив волей, вонзает ей в плоть клыки и вводит яд, от которого наступает полный паралич. Можно было представить ощущения жертвы, когда ее в полном сознании затаскивают в бункер, завернув в кокон из липкого паучьего шелка, и там подвешивают вверх ногами, причем она великолепно сознает, что ее съедят живьем. Мысль вселяла такой ужас, что Найл скорчился от нее, как от боли.

Он вообще-то понимал, что глупо травить душу такими мыслями и что при свете дня все это растает как кошмарный сон.

Тем не менее даже сама догадка становилась своего рода пыткой, ведь понятно, что этот ужас существует на самом деле. Наконец, сплотив силу воли, чтобы расслабить мышцы и умерить биение сердца, он смог восстановить в себе умиротворение и покой. Когда в комнату мало-помалу стали просачиваться серые лучи рассвета, Найл почувствовал, что отходит обратно ко сну.

Последовавший за тем сон имел странное сходство с явью. Он стоял перед дворцом, а вокруг всюду шел снегопад, на щеках таяли снежинки. Найл попытался толчком открыть дверь, но она, судя по всему, была заперта. Затем изнутри послышались шаги и кто-то отодвинул засов. Дверь отворилась, и на пороге он увидел отца. Через балюстраду лестницы перегнулась мать и спросила: «Кто там?», и отец ответил: «Это всего лишь Найл. Он разыскивает мага». До Найла как-то сразу дошло, что прозвучавший ответ никак не соотносится с действительностью. Откуда отец знает про мага, если погиб еще до того, как Найл пришел в город пауков? Вспомнив, что отец умер, Найл внезапно осознал, что все это ему, должно быть, снится. Он тщательно взгляделся в отца, пытаясь выявить какой-нибудь явный признак того, что все это только сон, но отец, надо сказать, выглядел совершенно достоверно, как при жизни. Взять те же седые волоски в бороде и усах, что стали появляться на последнем году жизни, или потасканную одежду из шкуры гусеницы, что была на нем во время похода в Диру.

Передняя, где они стояли, тоже ничем не отличалась от настоящей, а когда Найл, вытянув палец, коснулся серого крапчатого мрамора стены, то, как и ожидал, почувствовал холодность и твердость. Тогда он глянул себе под ноги на пол, который должен был состоять из такого же материала, и чуть ли не с победным восторгом обнаружил, что тот состоит из треугольных каменных плит, смахивающих на гранитные. Это было неопровержимое свидетельство того, что это сон. Но в таком случае где же Найл находится? Ответ был один: лежит и спит у себя в постели. Однако когда он пошевелил плечами, чтобы убедиться, что под ним действительно постель, то понял, что стоит в передней. Тут Найла осенило: раз его тело лежит сей-

час и спит наверху, то проще всего — это подняться и посмотреть.

Найл сделал шаг к лестнице и тут подумал, что уж коли он спит, то можно заодно и полетать. Он поднял руки и тихонько снялся с пола, направляясь вверх через балюстраду, где стояла мать. Пролетев второй пролет ступеней, Найл легко снизился на пол у себя перед дверью. Внутри он застал Джариту, накрывающую стол к завтраку; она была так занята, что даже его не заметила.

Найл открыл дверь в спальню и вошел; себя он, как и ожидал, застал в постели, с левой рукой на покрывале, а правой под подушкой. Найл подошел и остановился возле кровати, с приятным недоумением оглядывая свое тело и прикидывая, что будет, если сейчас нагнуться и потрясти себя за плечо; проснется ли этот, другой, Найл и заговорит ли? Тут он понял, что произойдет: он сам очнется и окажется у себя в кровати. Но просыпаться желания пока не было, уж очень интересно все складывалось. А потому Найл тихонько, на цыпочках, отошел и выбрался из спальни. Джарита по-прежнему была поглощена своим занятием и не замечала его, так что Найлу из любопытства захотелось ее ушипнуть. Но сдержался: чего доброго, ойкнет и разбудит. Он на цыпочках вышел в коридор.

Тут он вспомнил, что приказал уложить в соседней комнате девушку из кладовой Скорбо. Найл толкнул дверь и вошел. В комнате, возле кровати, у окна, стоял Симеон и срезал с тела паучий шелк, орудуя большими, сантиметров в шестьдесят, ножницами. При работе стальные ножницы чуть поскрипывали; дойдя до ног, оставшуюся кисею Симеон разорвал руками. Башмаков на девушке не было, поэтому от взгляда не укрылось, что вокруг шиколоток у нее имеются отметины, напоминающие след от веревки.

— Что это такое? — спросил Найл у Симеона, а тот, покачив головой, ответил: «А пес его знает», — ответ, совершенно не вяжущийся с Симеоном, и, соответственно, свидетельство, что все это сон.

И тут Симеон неожиданно стал разрезать рубище, начав сверху от шеи. Ножницы распорали грубую серую ткань, и, когда дошли до подола, стало ясно, что, кроме этой одежды,

на девушке ничего нет. Первым делом в глаза бросалось, что кожа у нее необычайно бледная — вон как жилки просвечивают на изяшных бедрах. Но что удивляло, так это лоскутки какого-то бурого вещества, липнувшего к маленьким плоским грудям. Следы этой же дряни виднелись на животе и на бедрах. Найл потянулся и сколупнул один из лоскутков покрупнее — что-то сухое, похожее на ошметок листовяной плесени. Он посмотрел на неподвижное лицо.

— Интересно, как ее зовут?

— Чарис.

— Откуда ты знаешь?

Ответ Симеона прозвучал загадочно:

— Это выведено у нее на сердце.

Внимание Найла привлек шум на улице, и он посмотрел в окно. Внизу на площади бригада работяг под присмотром Диона тянула здоровенную телегу, на которой стоял деревянный ящик — один из тех, понял Найл, что лежал в хранилище. Он повернулся к Симеону:

— Один из твоих сундуков привезли.

— Прекрасно! — с живостью воскликнул Симеон, поглядев из окна. — Пойдем вскроем.

— И что ты думаешь найти? — поинтересовался Найл.

— Да какая разница? Обязательно будет что-нибудь интересное.

Симеон прикрыл обнаженную девушку простыней и заспешил к двери. Когда выходили в коридор, Найл повернул ключ в замке и затем кинул его в карман. Симеон слегка удивился.

— Дверь-то зачем запирать? Она же никуда не сбежит.

— Я Джарите теперь верю не больше, чем Скорбо, — негромко ответил Найл.

Случайно взглянув через приоткрытую дверь на свою комнату, он заметил, что там стоит Джарита и видит все происходящее. Она наверняка расслышала; Найлу стало неуютно, известно. А Джарита — вот те раз, состроила рожицу и показала ему язык. Найл так опешил, что проснулся.

Через задернутые занавески пробивалось солнце; судя по его положению на стене, сейчас около семи. За окном звонко перекликались птицы. И тут Найл понял, что левая рука у

него лежит на покрывале, а правая под подушкой, точно как во сне. Понял и ошеломленно замер: обычно он спал на левом или на правом боку. Неужели странный этот сон действительно каким-то образом перекликается с явью?

Он зевнул и потянулся, затем вылез из постели. Случайно коснувшись красного пятнышка на середине груди — ожог от медальона, полученный при схватке с быковиком, — Найл болезненно поморщился, кожа в этом месте шелушилась, как от настоящего ожога. Тут он невольно осознал еще и то, что мышцы все так же побаливают от утомления. Он накинул подбитый овчиной плащ и вышел в коридор, аккуратно прикрыв дверь, чтобы не разбудить Джариту в смежной комнате. Бесчувственное тело, еще недавно служившее провизией для пауков, лежало в комнате, примыкающей к покоям Найла с другой стороны. Протягивая руку к дверной ручке, он обратил внимание, что торчащий в скважине медный ключ точь-в-точь похож на тот, который видел во сне.

Однако сама комната выглядела иначе: больше мебели и кровать не у окна, а возле правой стены. Открывая дверь, он уже готов был застать там Симеона и, откровенно говоря, почувствовал облегчение, увидев, что там никого нет. Даже сейчас усталость придавала комнате иллюзорный вид, так что в голове на секунду мелькнула нелепая мысль, а не происходит ли все это по-прежнему во сне.

Девушка лежала на кровати, накрытая одеялом до подбородка. Стянув одеяло, Найл убедился, что она все так же завернута в шелковистый кокон. Дыхание было еле уловимо, лоб холодный на ощупь. При взгляде на нее Найлу опять почудилось, что все это сон, и появилось смутное чувство, что он находится на пороге какого-то интересного открытия. Спящий ум, подобно пустующему дому, как бы приглашал исследовать свои закоулки. Но когда он уже поместил руку на ее холодный лоб, возникло странное ощущение, что за ним наблюдают.

Найл подошел к окну, которое было закрыто (во сне было наоборот). Открыть его оказалось не так-то просто — медный язычок шпингалета был толстым от пыли, шарниры заржавлены. Прежде чем с силой рвануть раму, Найл обратил внима-

ние, что сон расходится с явью еще в одном: окно выходило не на площадь, а на пустующее соседнее здание.

Уголок площади перед дворцом открылся лишь тогда, когда он, распахнув раму до отказа, выглянул из окна. Найл глубоко вздохнул, наслаждаясь свежим востерком, и тут слышал на площади голоса и смех. В этот миг он без тени сомнения понял, что именно сейчас увидит. Минуты не прошло, как в поле зрения появились четверо человек, волочащих за оглобли тяжелую телегу. Когда та очутилась на виду полностью, оказалось, что на ней стоит один большой ящик из хранилища. Сзади телегу толкали еще четверо, а сбоку размашисто шагал надсмотрщик Дион. На миг все опять подернулось дремотной дымкой, и Найл яростно мотнул головой, чтобы избавиться от этого ощущения, запахиваясь при этом плотнее в плащ.

Дверь сзади отворилась, на пороге стояла Джарита в полупрозрачной ночной тунике до колен. Вид у нее был смущенный: понимает, что застала хозяина в неловком положении.

— Мой господин готов принимать ванну? — спросила она, опустив глаза (хотя от Найла не укрылось: успела украдкой глянуть на кровать; слава богу, что девушка накрыта одеялом).

Площадь была пуста, в этот час по ней мало кто ходит. Несвоевременное появление Джариты как-то развеяло любопытное предвкушение. Мельком взглянув еще раз на бесчувственное тело, он понял, что желание прощупывать спящий ум пропало. Закрыв за собой дверь, Найл повернул в замке ключ и бросил его в карман.

Ванная комната Найла была скромнее, чем во дворце у Каззака. У того она была облицована белой фарфоровой плиткой и размером напоминала небольшой бассейн. Здесь же просто ванна как ванна — квадратное каменное углубление в полу, на пару метров в поперечнике; размещенная внизу печь обеспечивала постоянный подогрев воды. И вода в ней, кстати сказать, не была умащена благовониями; непонятно почему, к недоумению женщин, Найл предпочитал простую воду.

Когда он медленно сходил в ванную (вода почти горячая — перестарались с подогревом), появилась с банным полотенцем Джарита. Полотенце она положила на деревянную скамью и

встала, ожидая. Ей, понятно, хотелось, чтобы он поманил ее к себе в ванну, но Найлу хотелось побыть одному.

— Принести розового масла, мой господин?

— Спасибо, не надо.

Когда дверь за служанкой закрылась, Найл сел в теплой воде, доходящей почти до плеч, и оперся спиной о стенку ванны. Достаточно расслабившись, он принялся вспоминать свой сон. Сон не был размыт, как обычно это бывает, и можно было проследовать через него заново шаг за шагом, начиная с того момента, как Найл застал себя перед дворцом во время снегопада. Совершенно четко помнилось, как он зависает над лестницей, как стоит и недоуменно смотрит на свое объятые сном тело. Картина что-то смутно ему напоминала, только что именно, никак не удавалось взять в толк. Припомнились и те здоровенные ножницы, которыми Симеон вспарывал одежду девушки, — такие, что даже смешно. А когда вспомнил, как стоял около окна, глядя на проезжающую мимо телегу, то обратил внимание на то, что на земле нет снега.

Получается, что это действительно был не более чем сон. В таком случае что значат все эти странные символы? Что за бурые, напоминающие листы лоскутья на теле девушки? Почему Симеон сказал, что имя выведено у нее на сердце? (Найл напрягся, пытаясь вспомнить, что там за имя, но ничего не вышло.) И почему он сказал Симеону, что доверяет Джарите не более чем Скорбо? Это действительно напоминало дурацкие, нелогичные выкладки, характерные для снов. Вместе с тем, несмотря на внешнюю абсурдность, Найл никак не мог избавиться от ощущения, что за всем этим кроется какой-то более глубокий смысл.

Найл сдержал зевотку. Эта усталость вызывала беспокойство. Просто вздор — откуда такая сонливость, если проснулся всего с полчаса назад? Пытаясь ее прогнать, он зажал нос большим и указательным пальцами и резко окунулся в воду. В ушах грянул громовой раскат. Почти сразу наступило облегчение, словно лопнул какой-то стискивающий голову обруч. Эта же отрадная легкость продолжалась и тогда, когда Найл вынырнул отдышаться. Но стоило, закрыв глаза, прислониться к стенке ванной, как опять стала наваливаться усталость. Он снова

зажал себе ноздри и окунулся под воду. Облегчение такое, будто в голове отворилось окно и повеяло свежим ветерком. Найл плавно соскользнул на дно ванны и лежал, чувствуя над собой укрomный уют глубины. На этот раз он держался, пока полностью не вышел запас воздуха.

Вынырнув на поверхность, он вздрогнул от неожиданности: кто-то стоял возле ванны. Проморгавшись, разобрал: Джарита.

— Извините, мой господин. Я дважды стучалась.

— Да, что такое? — Найла начинала выводить из себя эта бесцеремонность.

— Там доктор. Просит узнать, можно ли ему взглянуть на топор.

— Топор? Зачем он ему? А впрочем, пусть берет. И попроси, пусть останется к завтраку.

Только после того как она скрылась, Найл почувствовал, что усталость исчезла окончательно.

Войдя в комнату через пять минут, он застал Симеона сидящим у стола, на который доктор положил топор. Лезвие лежало на чистой белой тряпице, и Симеон сосредоточенно скоблил его ножом. Он был так увлечен, что не заметил, как Найл вошел, и глаза поднял только тогда, когда хлопнула дверь.

— Что такое ты делаешь?

— Делаю соскоб.— Он указал на дорожку бурых, почти черных мелких опилок на белой тряпице.— Хочу попытаться выяснить, действительно ли лезвие отравлено.

— Моему брату лучше?

— Хуже. Сильный жар.

Сердце у Найла тревожно екнуло.

— Что-нибудь серьезное?

— Едва ли. И в этом вся странность. Если бы это был яд, он бы, наверное, к утру уже умер.

Из кухни появилась Джарита с блюдом, где горой лежали коржики. Когда они уселись за стол, Найл спросил:

— Ты разве сможешь что-нибудь установить?

Он знал, что приборы в больнице у Симеона крайне незамысловаты.

— Первым делом я эти соскобы кину в соляной раствор, затем изучу под микроскопом.

— Под микроскопом? У тебя что, есть микроскоп?

Симеон самодовольно хмыкнул, макая коржик в мед.

— И не только он. В тех ящиках оказался просто неподобный инвентарь. Шприцы, скальпель, даже спектроскопический анализатор. Ты сходил бы, полюбовался.

— Бурое пятно на лезвии — кровь Скорбо, — догадался Найл. — Может, жар у Вайга из-за него?

— Сомневаюсь. С какой стати? Кровь пауков не ядовита.

— А что, если на лезвии топора паучий яд?

Симеон понимающе кивнул.

— Мне эта мысль тоже приходила в голову. Если яда совсем немного, то симптомы могут быть схожи. В таком случае он через день-другой придет в норму, когда выработается иммунитет.

Их прервал робкий стук в дверь. Джарита отворила. На пороге стояла грациозная блондинка. Найл узнал: Крестия, служанка Вайга.

— Сейчас подойдет мой хозяин навестить брата.

— Ну надо же, какая глупость! — возмущенно фыркнул Симеон. — Не успел оклематься, как...

Вид у девушки был очень несчастный.

— Я ему тоже говорила...

— Так сейчас же ступай и скажи ему, что я запрещаю.

— Поздновато хватились. — Вайг уже стоял в дверях. — Я вот решил, дай-ка схожу позавтракаю за компанию.

Если бы дело было к вечеру, Найл подумал бы, что брат успел набраться. Он слегка покачивался, а говорил медленно и невнятно, тщательно подбирая слова. Найл махнул Джарите:

— Накрой-ка еще и на моего брата. — Он прошел через комнату и взял Вайга за руку. — Пойдем, присядешь.

— Благодарю. — Вайг высвободил руку. — Со мной все в порядке, только температура что-то подскочила. — Съехав на подушки, он спиной оперся о стену. — Есть не хочу. Сейчас бы просто фруктового сока или молока.

У Симеона был озабоченный вид, и понятно почему. Лоб Вайга покрывала испарина, лицо было бледным. Под глазами темные круги — такие темные, что похожи на синяки, — а бинт на правой руке набух кровью.

Джарита поставила на стол большой кубок с соком папайи. Вайг ухватил его обеими руками, жадно приник и осушил до самого дна, после чего зашелся кашлем. В конце концов, приложившись затылком к стене, он закрыл глаза, капля сока стекла в бороду. Найл смотрел на брата со скрытой тревогой. Когда дыхание у Вайга отяжелело и выровнялось, Найл ненавязчиво проник ему в ум, справедливо полагая, что в теперешнем своем недужном состоянии брат не осознает вторжения. Увиденное его встревожило. Вайг, несмотря на кажущееся бодрствование, на самом деле как бы полуспал, сознание его наводняли смутные образы из мира грез. Худшим из них было черное бесформенное существо — какой-то человекоспрут, — пытавшееся его поглотить. Теперь понятно, ради чего пришел Вайг: ему было страшно одному.

Понятно было и то, что лучший способ унять страх брата — это держаться самым естественным образом. А раз так, то Найл кликнул Джариту и велел принести чай из трав и перепелиные яйца вкрутую. Затем он продолжил разговор с Симеоном.

— Что там с тем мальчонкой, которого мы принесли с собой?

— Вчера ночью пришел в себя. Но все еще слишком слаб, чтобы двигаться.

— Как его привели в чувство?

Вклинилась Джарита, подававшая в это время на стол:

— Его положили в теплую ванну и все растирали, растирали розовым маслом.

— Ты как думаешь, на остальных это бы тоже подействовало? — спросил Найл у Симеона.

— Может быть. Но лично я сомневаюсь. Дети более гибкие, восстанавливаются быстрее, чем взрослые.

Открыл глаза Вайг.

— Я слышал, вы принесли с собой еще девушку.

Голос его был по-прежнему тяжел и невнятен, но в нем чувствовалась какая-то настороженность.

Найл кивнул.

— Она в соседней комнате.

— Кто она?

Найл помедлил с ответом, пока не убедился, что Джарита не слышит с расстояния.

— Мы думаем, она пособница убийц Скорбо.

— Хотя, если откровенно, — сказал Симеон, — не представляю, зачем им вздумалось тащить ее с собой.

— Может, была кем-то вроде домохозяйки, — предположил Вайг. — У них, поди, имелось какое-нибудь укрытие.

— Ты бы хотел на нее взглянуть?

Вайг расплылся в улыбке.

— А она хорошенькая?

— Просто прелесть.

— Тогда да.

Найл отставил тарелку.

— Да ты ешь, не торопись, — сказал Вайг, — времени достаточно.

— Да я уже справился.

— Тебе лучше? — спросил Симеон, обращаясь к Вайгу.

— Думаю, да. Оно накатывает и откатывает. — Однако, поднимаясь, он пошатнулся и невольно оперся о стену.

Служанка Кристия стояла с той стороны двери. Она взволнованно поглядела на Вайга, но, к счастью, не стала к нему приближаться. Найл знал брата достаточно хорошо: от такой унижительной помощи он пришел бы в ярость.

Найл отпер дверь и впустил всех в комнату. Входя, снова вспомнил о своем сне. Память была настолько отчетливой, что он сейчас не сводил глаз с Симеона, ожидая, что тот сейчас будет делать. А тот лишь стянул одеяло и взялся за запястье девушки.

— Пульс ничего, нормальный. — Большим пальцем он приподнял девушке веки, затем открыл ей рот. — Бог ты мой!

— Что там?

Найл тоже заглянул в рот и понял, что ошеломило Симеона.

Кончик языка у девушки был раздвоен так, что напоминал жало змеи. Симеон осторожно коснулся его кончиком пальца.

— Бедняжка. Мне кажется, кто-то специально его разрезал.

Было понятно, почему он так считает: на кончике языка имелся клинообразный вырез.

— Зачем, кому это было надо?

— Может, говорила слишком много,— угрюмо предположил Симеон.

— А теперь она что, совсем лишена дара речи?

— Почему же. Говорить сможет, только с большим трудом. Обрати внимание, как часто ты при разговоре прижимаешь язык к зубам.

Он откинул одеяло к самым ногам и потянул паутину, по-прежнему стягивающую ей нижнюю половину тела.

— Давайте снимем это.

Симеон полез в боковой карман туники и вынул оттуда ножницы. Найл, можно сказать, с облегчением увидел, что размер у них вовсе не карикатурный, как во сне, а лишь чуть больше обычного; это, похоже, подтверждало, что сон был обычным порождением спящего сознания. Разрезав паутину до самых ступней, Симеон стянул ее и бросил на пол. Кисея была настолько воздушная, что опала почти бесшумно. Теперь открылось, что ноги у девушки босы, а вокруг щиколоток заметны слабые красные отметины.

— Теперь, я думаю, вот что.

Симеон начал распарывать рубище сверху вниз, от шеи. Ножницы, очевидно, были очень острые, и, когда ткань под ними расползлась, Найл увидел, что под рубищем нет ничего, точно как во сне. Спустя секунду сердце у Найла сжалось, а на щеках проступил нервный румянец. В отдельных местах белизну живота и бедер нарушали какие-то коричневые бурые обрывки, отдаленно напоминающие налипшие листья.

— Что это, по-твоему? — спросил Найл, потянувшись и отколупнув один с девичьего бедра.

Симеон взял и сосредоточенно осмотрел.

— Мне кажется, похоже на кусок водорослей.

— Водорослей? Откуда они у нее на теле?

— А пес его знает,— ответил Симеон, пожав плечами. При этих словах Найлом овладело курьезное ощущение двух наслаивающихся друг на друга реальностей.

Он указал на красноватые отметины вокруг щиколоток.

— Ну а это что?

Симеон внимательно оглядел.

— Впечатление такое, будто она была связана. Но видно, было это давно, отметины уже почти исчезли.— Пристальный

взгляд Симеона сместился на промежуток между большим и вторым пальцами ступни, Найл различил, что они связаны между собой тонкой кожистой перепонкой. — И операцию ей не делали, чтобы разделить пальцы.

Припоминая слова, сказанные Симеоном во сне, Найл спросил:

— Интересно, как ее звали?

Но тот лишь недоуменно покачал головой.

Пристально оглядывая неподвижное лицо, Найл проникся соблазном проникнуть к ней в ум, но решил до поры сдержаться, пока не останется один.

— Что нам, по-твоему, с ней делать?

— Я бы посоветовал пока оставить ее, прежде чем не узнаем подробнее о паучьем яде. Может, он просто выветрится из организма.

Послышался приглушенный, похожий на стон звук — Вайг. Все то время, пока они находились в комнате, он стоял, прислонясь к дверной притолоке. Найл был так поглощен, что почти забыл о брате. Теперь он, встрепенувшись, увидел, что лицо Вайга лоснится от испарины и такое бледное, что на секунду мелькнуло: сейчас потеряет сознание. Проникнув в ум брата, Найл словно окунулся в ревущую пучину, где гулко, ударами тяжелых молотов ухали пульсации организма. Граница между явью и кошмарной иллюзорностью была в том хаосе практически неразличима.

Найл положил руку брату на плечо.

— С тобой все в порядке?

Вайг пристально, расширив глаза, всматривался в лицо брата и словно не узнавал. Затем он поглядел через комнату, и его взгляд сосредоточился на обнаженной девушке. Тревожное смятение отразилось у него на лице, будто та была ему смутно знакома, только никак он не мог припомнить имени. Бисеринка пота проворно скатилась у Вайга по носу и затерялась в усах. Он нетвердой походкой двинулся к кровати — шаги тяжелые, словно взбирается в гору. Найл с Симеоном переглянулись, парень чуть заметно качнул головой, намекая, что Вайга надо бы оставить одного. Обнаженная лежала, свесив руку с кровати. Найлу показалось, что дыхание у нее углуби-

лось и участилось. Вайг, остановившись в двух шагах, смотрел на нее сверху вниз. Дышал он ртом и вид имел абсолютно неменяемый. Затем, качнувшись, вытянул руки вперед и поместил одну ей на лоб, другую на солнечное сплетение. Симеон хотел кинуться, но, видно, передумал. Вайг подошел к кровати вплотную, и тут колени у него подогнулись. Вскинув в воздух руки со скрюченными пальцами — жест странный, выдающий смятение, — Вайг всем телом рухнул на девушку и недвижно застыл. Симеон потянул Вайга под мышки, силясь поднять. Вайг оказался ему не по силам, но соскользнул — таки с кровати и с глухим стуком упал на пол, замерев там с заостренным вверх лицом.

Симеон укоризненно покачал головой.

— Ну куда его понесло из постели с таким-то жаром. — Он открыл дверь, там стояла Кристия (хорошо, что снаружи, а не в комнате). — Позови кого-нибудь из слуг, пусть отнесут его назад к себе.

Найл, наклонившись над братом, положил руку ему на лоб. Удивительно: температура совершенно нормальная. Спустя секунду Вайг открыл глаза и, поднатужившись, сел. Симеон пытался проявить заботу, но Вайг сердито тряхнул головой:

— Оставьте меня. Со мной все в порядке.

— У тебя был обморок, — сообщил Симеон.

— Ничего у меня не было. Просто запнулся и упал.

Минуту спустя в комнате появилась Кристия в сопровождении двух дюжих грузчиков с кухни. Когда Вайг поднимался на ноги, она пыталась помочь, но он сердито ее оттолкнул.

— Пошла прочь. Со мной все в порядке.

Девушка умоляюще посмотрела на Симеона.

— Доктор советует, чтобы вы вернулись в постель.

Найл коснулся руки брата.

— Прошу тебя, послушайся.

Просьба возымела действие. Вайг неохотно кивнул и двинулся к дверям, следом за ним Кристия. Но при выходе — от Найла не укрылось — он бросил вороватый взгляд в сторону кровати.

— Ты думаешь, с ним будет все в порядке? — спросил Найл.

— Да, наверное. На него временами находит какое-то забытие. Но, по-моему, это не очень серьезно. Кристия, надеюсь, уговорит его остаться в постели.

Найл повернулся к Джарите, стоящей в дверях.

— Найди мою мать и попроси ее сходить к брату. Скажи, чтобы заставила его отдохнуть.

Натягивая на девушку одеяло, он обратил внимание, что румянец с ее щек сошел, а дыхание стало таким слабым, что едва было уловимо.

— Я пошел обратно в больницу,— сказал Симеон.— Ты идешь?

Найл думал остаться с Вайгом и поэтому замешкался. Но затем решил, что польза здесь от него небольшая.

— Хорошо, идем.

Когда зашагали по коридору, навстречу вышла Нефтис.

— Господин, с вами хочет поговорить советник Бродус. Он дожидается внизу.

— Сейчас иду.

— Этот Бродус жуткий зануда,— вполголоса заговорил Симеон.— Дашь ему волю — задержит тебя на час.

Бродус стоял в передней возле камина, грея руки. Возле него топтался небольшого роста лысоголовый человечек, в котором Найл признал члена Совета от Диры. Когда Найл спустился, оба застыли в почтительном поклоне. Бродус тихо сиял, очевидно неимоверно довольный своей персоной.

— Господин правитель, я сделал открытие чрезвычайной важности.

— Насчет убийц Скорбо?

— Да, господин правитель. Я выяснил, где они скрывались.

— Отлично! Где?

— Дом в квартале рабов.

Найл поглядел на лысого коротышку, неловко переминающегося с ноги на ногу; он помнил его как одного из самых немногословных членов Совета.

— А что твой коллега?

— Ах да, Фергус...— протянул Бродус скупливо.— Ты помнишь советника Фергуса?

— Разумеется.— (Лысоголовый неуклюже поклонился.) — А какую роль в этом открытии играли вы, советник?

— Я... п-провел вечер и ночь в квартале рабов, спрашивал о незнакомцах.— У коротышки был небольшой дефект речи, и это вгоняло его в краску, даже лысая макушка рдела, когда он говорил.— Т-там запомнили троих мужчин и женщину, живших в доме возле реки. Дверь была з-заперта, но мне удалось взломать замок. В д-доме было пусто...

— Иначе и быть не могло,— кивнул Найл.

— Но можно б-было определить, что там жили несколько ч-человек. И они не были рабами.

— Как вы это определили?

— У них было слишком м-много одежды. У рабов в основном, к-кроме своего рубища, ничего нет.

Было видно, что коротышка и рассудителен, и сметлив. Тут Бродус, определенно изнывавший от ревности к коллеге, торопливо перебил:

— Все наверняка было спланировано очень тщательно. Они выбрали дом возле реки, зная, что рабы боятся крыс. Я специально выезжал на место и уверен, что эти люди не были рабами.

— Молодцы. Я вынесу вам обоим благодарность на следующем заседании Совета.

Коротышка смущенно потупился, зато Бродус довольно осклабился.

— Господину правителю угодно, чтобы мы сопровождали его на место?

— Спасибо, сейчас не могу, дела. Но кое о чем я вас хотел бы попросить. Сходите в обиталище Смертоносца-Повелителя и спросите там Сидонию, старшую служительницу. Скажите ей, пусть вышлет к тому дому стражу, чтобы никто до моего прихода туда не входил.

— Будет сделано, господин правитель.— Бродус склонился с удивительной для своей комплекции грациозностью.

Симеон, дождавшись, когда за ними захлопнется дверь, заметил:

— Ты, безусловно, понимаешь, как оно было на самом деле? Коротышка сделал всю работу, а Бродус желает заполучить все почести.

— Какая мне разница — почести, не почести. Может, это и есть прорыв, которого мы так ждали.

День выдался такой же солнечный, хотя в северном ветре чувствовалась колкость. Холодно-синий простор неба был наполнен пушистыми, как вата, белыми облаками. На окружающей башню траве лежало несколько пятен уцелевшего покуда снега — и тот уже весь был истоптан следами. А чуть изогнутый шпиль Белой башни по-прежнему покрывал толстый слой снега в форме козырька. На их глазах изрядная его часть, соскользнув, вдребезги разбилась о землю.

С угла главного проспекта было видно, как из обиталища Смертоносца-Повелителя вышла Сидония и подошла к Бродусу и Фергусу, ожидающим на тротуаре под недвижным взором двух бойцовых пауков.

— Ты в самом деле решил, что без стражи не обойтись? — спросил Симеон, лукаво улыбнувшись. — Или просто хотел отослать Бродуса с глаз долой?

— Нет, я теперь напрочь исключаю всякий риск. Мне кажется, недооценивать врага было бы ошибкой. Он постоянно опережает нас на пару шагов.

— Мне сдается, пока у тебя все идет как надо.

— Да, — согласился Найл, — пока удача нам сопутствует. Но все может непредсказуемо измениться, пока мы не выясним, кто этот человек и к чему стремится.

— Ты уверен, что это именно человек? — серьезным тоном спросил Симеон.

— А кем же еще ему быть? — недоуменно ответил Найл, застигнутый врасплох таким вопросом.

— Ты называл его магом.

— А маг что, не человек?

Симеон покачал головой.

— Моя бабка — упокой богиня ее душу — говаривала, что существуют сверхъестественные существа трех рангов. Есть боги-творцы, создавшие Землю. Потом идут духи природы, которым нет дела ни до чего, кроме деревьев, озер и гор. Наконец, есть чародеи, стоящие на полпути между богами и людьми. Твой маг, сдается мне, относится именно к ним.

Всю эту небыль о богах и духах природы Найл выслушивал без всякого удивления. Он привычен был к тому, что да-

же слуги жуков-бомбардиров принимают ее за чистую монету. Он и сам, по сути, думал примерно так же, пока его образованием не занялся Стигмастер.

— Все равно я не верю, что он — сверхъестественное существо.

— Тогда кто же он?

— Человек. Злобный, безжалостный, но все же человек. Симеон поглядел искоса.

— Ты говоришь таким тоном, будто знаешь о нем все.

— Мне кажется, я даже видел его раз,— открылся Найл. Симеон уставился на него в изумлении:

— Да ты что?

— Во сне, во сне, конечно,— поспешил объяснить Найл.

— И как он выглядел?

— Вот такая борода, вилкой.— Найл попытался передать форму, растопырив пальцы под подбородком.— И лицо скрыто под черным капюшоном.

Симеон кивнул с серьезным видом.

— Да, в самом деле похоже на чародея. Бабка рассказывала, что они вдвое умнее человека и вдвое злопамятнее. Уж лучше, говорила, дразнить очковую кобру.

При этих словах в душе у Найла возникло чувство, будто на солнце надвинулась туча. Остаток пути к больнице они проделали молча, каждый занятый своими мыслями.

У бокового входа стояли две четырехколесные повозки, одна пустая, другая загруженная тремя телами в коконах из паутины. Найл обратил внимание, что пешеходы при виде коконов отворачивают глаза и убыстряют шаг, словно боясь оскверниться их видом. Да, стало быть, в этом городе большинство по-прежнему предпочитает не знать о секретах бывших своих хозяев. Сверху из протянутых через улицу тенет на коконы с любопытством поглядывал паук-охотник в бурую и черную полоску, должно быть недоумевая, кому это взбрело в голову зря выбрасывать такие порции отменного кушанья. Со двора вышел дюжего вида работник, перекинул кокон через плечи, как мешок картошки, и понес его внутрь.

Бесчувственные тела были разложены на узких столах в просторном помещении по соседству с женской палатой. Рослый молодой мужчина с темными волосами до плеч вспары-

вал кокон огромными ножницами. У Найла при их виде чуть шипнуло в темени: в целом они смотрелись как те, из сна.

— Мне кажется, вы с Фелимом еще не знакомы, — сказал Симеон. — Это Фелим, мой племянник и ассистент.

Найл с Фелимом сомкнулись предплечьями. Красавцем этого молодого человека назвать было нельзя, но его глубоко посаженные глаза и неправильной формы нос выдавали недюжинную твердость характера. У него были твердые ладони и открытая дружелюбная улыбка. Найл втайне был рад, что тот не сделал попытки поклониться.

— По службе есть что сообщить? — осведомился Симеон.

— Разве только это. — Фелим подступил к телу мужчины в тунике раба и, вытянув, показал висящую у того на шее цепочку. — Никто не скажет, что это? — Он помотал кулоном между большим и указательным пальцами.

Найл с Симеоном переглянулись.

— Еще такие не попадались? — спросил Симеон.

— Нет. — Фелим покачал головой. — Так что это?

Симеон стянул с ног у мужчины распоротый кокон, сбросил одну за другой сандалии. Когда раздвинул пальцы на ногах, Найл увидел зарубцевавшийся шрамик в месте, где перепонка была разделена.

— Это передающее устройство, — объяснил Найл.

Фелим смотрел, ничего не понимая.

— Ты шутишь?

И тут он, чуть заметно вздрогнув, выронил кулон.

— Ты чего?

— Да так, ничего. — Он осмотрительно коснулся кулона кончиком пальца. — Мне показалось, он колетя...

Найл подобрал вещь — абсолютно инертная. Фелим повернулся к дяде:

— Да что здесь, черт возьми, творится?

В голосе сквозило раздражение.

— Он здесь всего пару часов, — пояснил Найлу Симеон. — Я еще не успел всего рассказать.

Взяв у Фелима ножницы, он примерился и начал разрезать тунику на рабе — судя по виду, мужчине лет тридцати. Дыхание у того было слабым, но размеренным. Порода та же, что

и у остальных: нос клювом, морщинистый лоб, на редкость крупный чувственный рот и покатый подбородок — впрочем, хотя и покатый, но как-то не передающий впечатления слабости. Фигура рельефная, с твердыми мускулами, но кожа очень уж бледная. На груди и ногах курчавился густой черный волос, придающий ему сходство с животным.

Симеон, потянувшись к волосатой груди, снял оттуда небольшой бурый ошметок, похожий на сухой листик.

— Что это? — спросил Фелим.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Симеон, подавая ему ошметок.

Фелим взял, посмотрел, нюхнул.

— Водоросль, что ли? Он где-то плавал?

— Вот это все нам и хотелось бы выяснить, — сказал Симеон.

Найл пристально смотрел на неподвижное лицо и желтые зубы, видневшиеся в полуоткрытом рту. Положив руку на холодный, влажноватый морщинистый лоб, он испытал странную неприязнь. Затем, даром что на виду у всех, отрешился от мыслей и слился умом с сознанием спящего. Ощущение было странно знакомым, будто заимствованным из прошлого опыта: незаметный выход из собственной сущности и слияние с посторонней. Вокруг образовалась некая пустота, это было все равно что зависнуть среди бездны. Найл невольно схватился за край стола, чтобы не упасть. Через несколько секунд ум вроде как освоился с пустотой. Темнота сделалась привычной, местами ее перемежали тусклые вспышки, подобные зарнице или сполохам молний. У Найла возникла неосознанная мысль, что все это как-то связано с электрической активностью человеческого мозга. Затем, к удивлению, последовал звук, напоминающий отдаленный громовой раскат. Секунду спустя через темноту стал цедиться бледно-голубой свет, вернее, мерцание. И тут послышался еще один громкий раскат. Взору открылся пейзаж — странный, смутный, видимый как бы с огромной высоты. Найл затаил дыхание, внезапно охваченный уверенностью, что сейчас откроется нечто важное.

И тут один за другим последовали два события. Найла на миг одолела гнусная тошнота, будто от дурного запаха, — ощу-

шение примерно такое же, как при прощупывании убийцы Скорбо,— и почти одновременно сознание Найла точно взрывом было вышвырнуто наружу из сущности незнакомца — как камень, брошенный в воздух рукой атлета.

В глазах резко заломило, и тошнота ударила по солнечному сплетению упругим, тугим комом. Молча смотревшие за Найлом Симеон и Фелим увидели, как он поперхнулся дыханием и покачнулся. Фелим успел подхватить, когда у Найла подогнулись колени.

Открыв глаза, он понял, что лежит на одном из узких столов, а Фелим шупает ему пульс. Голос Симеона зазвучал неподалеку:

— Он мертв.

— Кто, я?

— Нет, он мертв.— Симеон указал на мужчину.

Найл заставил себя сесть, преодолевая поднимающуюся из желудка тяжелую тошноту, и снял ноги со стола, поддерживаемый под локоть Фелимом. Остекленевшие глаза мужчины бездумно пялились в потолок. Челюсть откинулась, а волосатая грудная клетка застыла, перестав подниматься и опадать.

Найл протяжно застонал и хватил себя по лбу кулаком:

— Ну и кретин же я!

Рванув цепочку у трупа с шеи, он с досадой швырнул ее в угол.

Фелим недоуменно повел плечами.

— Да скажет мне хоть кто-нибудь, что здесь происходит?

— Я угробил его по дурасти, вот что,— горько сказал Найл.

Симеон положил руку ему на плечо.

— В том не было твоей вины.

— В том-то и дело, что была. Мне надо было сначала снять кулон.

— Но кулон его даже не касался, он свешивался на стол.

— Какая разница.— Найл поглядел сверху вниз на желтозубого мертвеца.— Он может убивать на расстоянии.

— Кто? — спросил Фелим.

— Тот, кто его послал. Маг.

Фелим посмотрел на Найла с неподдельным изумлением.

— Да ну? Настоящий?

— Я все, когда надо, объясню,— торопливо вмешался Симеон.

— Но...

— Сейчас не время этим заниматься.

Фелима, по всей вероятности, одолевала тревога.

— Я бы все-таки хотел знать, что его убило.

— Если тебе нужна моя догадка, то пусть будет сердечный приступ.— Симеон протянул руку и опустил веки на выпученные глаза.

— А я думал...

Симеон оборвал его, бесцеремонно махнув рукой.

— Давайте прежде снимем остальную паутину. Я хочу видеть, есть там еще кулоны или нет.

Через десять минут шелковистая кисея была снята с остальных тел. Всего тел было четырнадцать, и, судя по одежде, Скорбо с дружками добывал съестное в городе пауков. Особенно заметно по лицам: черты у всех одновременно и броские, и вместе с тем какие-то вялые — породистость и тупость, полулюди-полускот. Трое были из сословия слуг. Четверо женщин, семеро юношей и девушек, из которых некоторые едва достигли подросткового возраста. У каждого (Фелим указал) на плече или на шее имеются следы клыков — свидетельство, что любители человечинки накидывались сверху.

Все это время Найлом владела гневливая досада, он по-прежнему клял себя за неосмотрительность. Когда было покончено с последним коконом, Фелим подытожил:

— Кулонов больше нет.

Симеон высказал вслух то, что было на уме у Найла:

— Значит, в живых у нас остается одна только девушка. Надо беречь ее как зеницу ока.

— А еще лучше сделать как-нибудь так, чтобы она очнулась.

— Как насчет гадючьей сыворотки? — поинтересовался Фелим.

Симеон подумал.

— Слушай, а ведь, может, и получится. Во всяком случае, стоит попробовать.

— Что еще за сыворотка? — переспросил Найл.

— Противоядие от яда рогатой болотной гадюки. Я ее создавал, вводя яд под кожу лошади, пока у той не выработался иммунитет. Это однажды спасло мою жену в Великой Дельте. Яд болотной гадюки действует примерно так же, как и паучий яд, от небольшой дозы наступает паралич, от большой — смерть.

— А мы ее тем самым не убьем?

— Да ну, что ты. Яд в сыворотке уже нейтрализован. Если на то пошло, мы могли бы ее вначале опробовать на одной из этих спящих красавиц. — Он повернулся к Фелиму. — Помоги-ка мне подыскать кого-нибудь с хорошим, стойким пульсом.

Фелим пощупал запястье девушки, лежащей по соседству.

— Может, эту?

Симеон взял другое ее запястье, деловито кивнул. Затем приподнял ей веко и тихонько коснулся кончиком пальца глазного яблока. Найлу показалось, что второй глаз под закрытым веком тоже слегка шевельнулся.

Из деревянного ящичка-аптечки Симеон вынул предмет, в котором Найл узнал шприц. Шприц он видел впервые, но урок истории в Белой башне открыл ему их существование. Симеон догадался, о чем он думает.

— Я тоже никогда ими не пользовался. — Он протянул шприц Найлу, чтобы тот получше рассмотрел. — Красота, правда? Всего один такой мог бы спасти моему отцу жизнь. А теперь их у нас под сотню штук.

— Двенадцать дюжин, — послышался голос.

В дверь вошел паренек лет четырнадцати. Волосы у него были коротко подстрижены, в остальном же — вылитый Фелим.

— Что, нашел еще? Молодчина. — Симеон положил руку пареньку на плечо. — Это мой племянник Бойд, юный гений механики, разбирается лучше всех в семье.

— А угадай, что я еще нашел? — живо спросил Бойд. — Электрический генератор! Здорово, правда?

Фелим смешливо фыркнул.

— Может, было бы здорово, если б нам от этого электричества имелаась какая-то польза.

— Польза? — В голосе паренька чувствовалась уязвленность. — Что значит «польза»?

— Ну скажи, на кой он тут ляд, — усмехнулся Фелим.

— Ну, для начала осветил бы эту комнату, это уже кое-что. Генератор-то аварийный. У тебя что, в голове совсем уж темный лес?

Было видно, что братья при случае не прочь поддеть друг друга.

— Не обращай внимания, — сказал Симеон пареньку. — Я думаю, это прекрасная находка. А что там еще у тебя?

Бойд держал гибкую металлическую ленту бледно-золотистого цвета.

— Точно не знаю. Наверное, или бипартитный энцефалоскоп, или аппарат Галлстранда. Я думал, может, ты знаешь.

Фелим взял ленту у брата.

— По мне, так это просто надо напяливать на голову.

Действительно, лента была вроде той, которую носит Мерлю, чтобы держалась прическа. Вместе с тем было что-то чарующее в ее золотистом поблескивании и изяществе этой металлической полоски.

— Пошел бы да поиscal название в Большой медицинской энциклопедии, — подал идею Симеон. — Ты уже закончил распаковывать?

— Куда там! Там еще целая груда.

— Тогда иди и доканчивай. Мы скоро подойдем.

— Ты не хочешь за компанию? — спросил Бойд, впервые поворачиваясь к Найлу.

— Нет, он остается с нами, — решительно сказал Симеон. — Иди заканчивай с разгрузкой.

Бойд, покосившись на Найла, скорчил кислую мину. Когда он уносился по коридору, Фелим с шутливой сокрушенностью сказал:

— Головушка у моего братика светлейшая, но докучать любит ужасно.

Паренек вообще-то сразу пришелся Найлу по душе, глаза у того светились разумом.

Симеон уже осматривал предплечье девушки.

— Давай гадючью сыворотку.

Фелим подал стеклянный флакончик, наполненный желтоватой жидкостью. А когда Симеон уже наполнил шприц, Найл вдруг испытал нехорошее предчувствие.

— Может, для начала попробуем дозу поменьше?

Симеон пожал плечами.

— Ничего страшного быть не должно. А в общем, ты прав, ни к чему понапрасну изводить сыворотку.

Он утопил плунжер, и часть жидкости стекла обратно во флакончик.

Найл посмотрел сверху на лицо спящей девушки. Хорошенькая, темноволосый подросток со смугловатой кожей и полными губами. Было что-то на редкость привлекательное в ее безмятежности. Почти сам того не сознавая, Найл своим разумом проник через лицо в ее спящий мозг. Это было равносильно погружению в море забвения, полное отсутствие бытия. Хотя через призму бесчувственности Найл продолжал сознавать свое собственное тело, стоящее сейчас у изголовья и смотрящее сверху вниз. Но свою сущность он признавал не как всегда, а словно стал вдруг новорожденным, бездумно gazeющим на мир.

Одновременно с тем потусторонность смутно освещалась вспышками наличия жизни, напоминающими слабый проблеск рассвета на горизонте. Это было спящее сознание девушки, смутное сознание собственного тела и комнаты, в которой она лежит. Это зыбкое, едва уловимое чувство жизни стало сразу же более отчетливым, стоило Симеону ввести ей в вену иглу и утопить поршень шприца.

— Ты понимаешь,— сказал Симеон,— что эта вот штука-вина пускается в ход впервые за тысячу лет?

От его голоса Найл чуть вздрогнул и пришел в себя. Было отрадно воссоединиться с собственной сущностью и вновь осознать, что он — Найл, а не безымянный бесплотный фрагмент.

Втроем они молча смотрели на лицо лежащей девушки, на то, как поднимаются и опадают холмики ее груди. Примерно через минуту ее дыхание участилось, и на щеках пятнами проступил румянец.

— Действует,— коротко сказал Фелим.

Симеон покачал головой.

— Не спеши с выводами.

Когда он это сказал, Найл еще раз вошел в ум девушки. Едва это сделав, он понял: что-то не так. Сразу стало как-то неуютно, душно, вены будто жгло. Волна горячки настолько выбивала из равновесия, что Найл поспешил выйти.

Девушка теперь дышала часто, как в лихорадке, и лицо Симеона постепенно приобретало озабоченное выражение. Фелим, протянув руку, осторожно поднял ей веко. Открылся мчущийся по глазу зрачок; впечатление неприятное, будто смотришь на затравленное животное. Симеон, подержав запястье девушки, качнул головой:

— Ты был прав. Слава богу, я не дал ей дозу покрупнее.

— А что случилось?

— Не знаю. Может, взялись противоборствовать два нейротоксина.

Филим вынул из аптечки еще один флакончик.

— Как насчет белладонны?

Симеон яростно замотал головой.

— Что ты, это смерть! Атропин стимулирует сердце, а у нас пульс и так уже сто тридцать. Гиоцин бы еще куда ни шло, но я больше не хочу рисковать.— Он опустил запястье.— Думаю, все нормализуется.

Но у Найла, сознающего горячечную сумятицу в мозгу девушки, оптимизма было меньше. Даже при стороннем взгляде на ее сознание возникали жгучая жажда и невольное желание кинуться в ледяную воду.

— На данный момент поделаться ничего нельзя,— сказал Симеон.— Давайте сходим и посмотрим, как там дела у Бойда.

Было облегчением последовать за ним из комнаты. Лишь оставив за собой полкоридора, никак не раньше, Найл почувствовал, что жжение унимается.

В большой комнате наверху еще недавно работали плотники, и там пахло свежеструганным деревом и мастикой. Пять ящиков из хранилища стояли теперь у стены, пол и длинные узкие столы были заставлены всякой всячиной, от рулонов бинтов и ваты до странного вида медицинских приборов, чем-то напоминающих те, что доводилось видеть в зале Белой башни.

Бойд увлеченно поддевал ломом крышку на ящике. Он указал на большую коробку на полу:

— Электронный микроскоп. Знаешь, во сколько раз увеличивает? — (Фелим покачал головой.) — В полмиллиона! А это, — он указал на блестящее хромированное устройство, лежащее на столе, — компаративный микроскоп. — Он коснулся кнопки у основания прибора, и вспыхнул мелкий, но удивительно яркий огонек, осветив предметное стекло.

— Отчего оно зажглось? — недоуменно спросил Фелим.

— От батареи, разумеется, — ответил Бойд с усмешечкой. — К двадцать второму веку изобрели батареи емкостью в тысячу вольт. А как вам это? — Он взял со стола черную трубку и нажал на кнопку — на противоположную стену упал мощный сноп света. Трубку Бойд навел на лицо Фелима и покрутил у основания; свет был таким ослепительным, что Фелим прикрылся руками. — Ну не чудо, а? Аварийная подсветка для операционной. А на это взгляните!

Он открыл пластмассовую коробку и вытащил оттуда плоский приборчик с ручкой посреди основания. Приборчик был квадратный, сантиметров тридцать, и сделан, казалось, из матового стекла.

— Что это?

— Переносной рентген. — Он повернулся к Найлу. — Положи-ка руку на стол.

Найл безропотно подчинился. Бойд установил над ней стекло, затем нажал на выключатель. Стекло зажглось зеленоватым светом. Найл с изумлением смотрел, как плоть на глазах исчезает и обнажается кость. Бойд довольно хмыкнул и подставил приборчик к лицу Фелима — вместо лица немедленно возник оскаленный череп с пустыми глазницами. Когда Фелим начал отводить голову, Бойд сказал:

— погоди еще минутку.

Обеими руками он потянул ручку. Череп Фелима начал постепенно облекаться плотью — не обычной, а студенисто-прозрачной, через которую ясно просвечивали все жилы и артерии. Внутри черепа можно было различить очертания мозга.

— Вот видишь, дядя, а ты говоришь! У Фелима, оказывается, и в самом деле есть мозги.— Он ловко увернулся от шутливого удара Фелима.

Найл взял со стола поблескивающую металлическую трубу, тридцать сантиметров длиной и сантиметров пять в диаметре. Формой она напоминала раздвижной металлический жезл, найденный в окрестностях Диры. Как и жезл, для своих размеров она была необычайно тяжела. С одного конца у трубки было матовое стеклышко. Регулятор сбоку мог передвигаться по градуированной прорези. Когда Найл подвинул регулятор вперед, стеклышко засияло ровным зеленым светом.

— Что это? — спросил он у Бойда.

— Точно не знаю.— Видно, что пареньку край как не хочется в этом признаваться.— Какой-нибудь фонарь?

Найл посветил себе на ладонь. Удивительно, зеленый свет ласкал приятной прохладой, словно легкий ветерок. Продвинул регулятор чуть вперед, и свет заметно усилился, да и руке стало заметно холоднее. При регуляторе на середине шкалы кисть замерзла до онемения, будто опущенная в ледяную воду. Даже когда повернул трубу в сторону, кисть ломило так, что трудно было пошевелить пальцами. Найл с присвистом втянул воздух от боли.

— Ну и стужа!

— А-а, теперь понятно, что это,— сказал Бойд.— Холодный свет. Приспособление, заменившее холодильники.

Фелим изучал крупноформатный лист бумаги.

— Да, действительно, значится в перечне. Детермалайзер Рыкова, или холодный свет. А что такое отоскоп?

— Это штуковина такая, заглядывать в уши,— пояснил Бойд.

— А электродиагностический анализатор?

— Не знаю.

— Вот, значится один. И аппарат Галлстранда; не знаю, где он тут.

Найл уже не следил так внимательно. Когда холодная онемелость в руке постепенно сошла, его заинтересовала одна мысль. Пока другие стояли, согнувшись над ящиком, он улизнул из комнаты и на цыпочках прокрался вниз.

У девушки был сильный жар: на щеках горячий румянец, а дыхание частое, с присвистом. Найл навел трубку на ее влажный лоб и передвинул регулятор. Делая это, он вошел к ней в сознание и почувствовал похожую на шок волну облегчения, когда мозг наводнила внезапная прохлада.

Через полминуты поток захлестывающих ее нервную систему тревожных импульсов измельчал до небольшого ручейка, а дыхание чуть успокоилось. Вместе с тем, продолжая держать ее лоб под холодным светом, Найл чувствовал, что борется лишь с симптомами, а не с сущностью болезни. Нервная система девушки оказалась в состоянии шока от реакции между паучьим ядом и змеиной сывороткой. А провисев шесть недель вверх ногами в кладовой у Скорбо, она была, бесспорно, слишком слаба, чтобы справиться с кризисом. Даже когда сердцебиение унялось, ясно было, что ей не хватает силы справиться с новым вторжением отравы, которую ввел ей в кровавое русло Симеон. Она была ввергнута в горячую сумятицу собственного сознания, Найл чувствовал полную беспомощность.

Вместе с тем, бросив очередной взгляд на пышущее жаром лицо, он ощутил прилив горького гнева при виде такой бессмысленной траты человеческой жизни. Казалось абсурдным, что невозможно изыскать способ, как влить в ее тело хоть какую-то часть его собственной избыточной жизненности. Повинуясь безотчетному импульсу, он отключил холодный свет и поместил одну руку девушке на лоб, а другую на солнечное сплетение. При этом он сознательно имитировал движения своего брата, которые наблюдал чуть раньше. Сразу же стало ясно, что между организмами установился контакт. Когда произошло слияние умов, Найл инстинктивно уравнивал их вибрации, чтобы девушка могла впитать энергию, которая ей передается. По рукам, через кончики пальцев, засочилось тепло. А поскольку контакт был все еще недостаточно полным, Найл, нагнувшись, припал ртом к ее губам. Губы у девушки были сухими, пришлось их облизнуть языком. И вот теперь, когда контакт был полным, ее тело отозвалось на поток жизненной энергии, как иссохшая земля отзывается на благодатный дождь.

Своеобразное ощущение — жизненная сила воронкой ввинчивается в омут энергетического голода; такое, будто половая

принадлежность меняется на противоположную: он становился женщиной, а она мужчиной. И вот, когда согнутая спина уже занемела от напряжения и стало неудобно стоять, Найл почувствовал, как исходящей из его тела силе начинает вторить сила изнутри; подобно насыщенной влагой почве, чужая сущность впитала столько жизненной энергии, сколько смогла. Через секунду он почувствовал, как губы у нее дрогнули, и подумал, что она приходит в себя. Выпрямившись, Найл испытал внезапное головокружение, от которого невольно пошатнулся и схватился за край стола. Секундная темнота прошла, и Найл увидел, что глаза у девушки открыты. Он улыбнулся ей как можно ласковей, но та в ответ тарашилась бездумно, ничего не сознавая. Затем глубоко вздохнула и снова закрыла глаза: паучий яд, хотя и ослабленный, вновь сковал ей тело параличом.

Когда через несколько минут в комнату вернулись остальные, девушка дышала ровно и спокойно. Симеон сразу же заметил это изменение.

— Так-то! Теперь у нее вид намного лучше. — Он подержал ее за запястье. — Да, пульс опять в норме.

— Наверно, твоя сыворотка в конце концов подействовала, — предположил Найл.

Симеон подозрительно покосился из-под кустистых бровей, но ничего не сказал.

Гужевые дожидались возле входа в больницу. Найл был благодарен им за прозорливость: события последнего получаса наполнили его дремливой усталостью, хотя и не лишенной приятности. Сев, он велел трогать в квартал рабов, а сам со сладостным вздохом откинулся на подушки, желая, чтобы путешествие продлилось по возможности дольше.

Несмотря на усталость, Найлом владело необычное возбуждение. Мир вокруг казался необычайно свежим и открытым для восприятия. Это, видно, оттого, что он совершил вояж внутрь собственного тела и в сознание бесчувственной девушки; собственная сущность от этого казалась теперь обновленной и не совсем привычной, как новая одежда.

Экскурс в чужое сознание заставил еще раз невольно задуматься над странной умственной пустотой жителей города пауков. У восьмилетних ушло много хлопот, чтобы искоренить в

своих слугах-людях всякое воображение. Тем не менее интриговало то, что, например, эта девушка, несмотря на нехватку воображения, вполне счастлива — как и толпы людей, что наслаждаются сейчас солнечным светом на главной площади или прогуливаются по ведущей к реке зеленой аллее, безбоязненно завлекая в толчею бойцовых пауков и немногочисленных жуков-бомбардиров. Эта девушка никогда не бывала за пределами города пауков, тем не менее ее устраивал ее жизненный удел. А собственно, с какой стати ему самому кичиться своим воображением? Ну, освободил сородичей от рабства, ну, воцарился в паучьем городе — а дальше что? Тем не менее вопреки этому Найл продолжал чувствовать смутное неуютство, даже хуже.

Но как ни странно, эти мысли не вызывали упадка. Напротив, когда колесница переехала мост, ведущий в квартал рабов, он ощутил любопытное удовлетворение: дескать, наконец-то можно схватиться с проблемой вплотную. Если нет желания погрязнуть в бездумном довольстве слуг пауков, надо наперекор всему идти к цели. И то, что произошло недавно, похоже, предлагает путь к решению: отстраниться от собственного тела, уйти в открытый простор, существующий вокруг мира людей.

Переехав мост, гужевые притормозили:

— Куда дальше, господин?

Бродус ничего толком не объяснил, но сказал, что дом выходит окнами на реку.

— Отсюда направо, — указал Найл.

В полумиле к востоку когда-то прогремел взрыв подземного арсенала, смахнувший большую часть квартала рабов. Река стекла в возникший кратер, образуя озеро. До сих пор на его поверхность время от времени всплывали разбухшие тела, за которые бились друг с другом большеклювые чайки, начавшие теперь гнездиться по берегам. Иногда эти чайки с размахом крыльев больше метра нападали на детей, раз даже похитили младенца из люльки, оставленной во дворе. По этой причине, а также из-за несносности крыс — большущих, размером с собачонку, — рабы ушли из домов, окружающих озеро. Из этого напрашивался вывод, что те, кто не хотел бы привлекать к се-

бе внимания, могли разместиться в треугольнике между озером с востока и рекой с юга.

Большинство домов на этом окруженном водой клине было повреждено: с некоторых посрывало крыши, почти у всех выбиты окна. Не будь склады боеприпасов так хорошо углублены и защищены, взрыв разрушил бы полгорода. Приближение людей к озеру не осталось незамеченным, над колесницей закружило несколько любопытных чаек. Найл заметил, что одна из них ведет себя довольно необычно. Кувыркнувшись вперед, она сделала обратный кульбит, затем потеряла равновесие и камнем понеслась к земле, но успела выровняться и снова взмыла на распростертых крыльях. Когда этот странный маневр повторился в третий раз, остальные чайки испугались и отлетели к озеру, оставив соплеменницу выписывать нелепые и неуместные кульбиты, тревожно при этом крича. На этот раз она не смогла выправиться и ударилась о трубу, откуда, глухо стуча, скатилась по крыше. Найл отметил место, где птица скрылась из виду.

— На следующей улице свернете налево.

Несколько белых перьев обозначили место, где чайка грянулась о тротуар; сама птица находилась теперь в передних лапах у бойцового паука, стоящего на страже перед домом в нескольких метрах впереди у дороги. Честно говоря, Найл так и думал, что застанет чайку именно там; странности ее поведения можно было объяснить лишь тем, что заскучавшему «бойцу» вздумалось позабавиться в своем паучьем стиле (бойцовые пауки — охотники, которым доставляет удовольствие быстрое движение; запас терпения у них гораздо меньший, чем у других родственных видов). «Боец» был сейчас так поглощен предвкушением трапезы, что не заметил вовремя приближения людей и нервно вскочил, когда колесница появилась в поле зрения. Узнав Найла (скорее телепатически, чем по виду), он выронил добычу и, припав к земле, застыл в позе повиновения; птица клякнула и слабо затрепыхалась. Найл сделал вид, что не замечает оплошности стражника, и быстрым шагом прошел мимо в открытую переднюю дверь.

Первым делом в глаза бросилась опрятность прихожей. Даром что на стенах не хватало больших кусков штукатурки,

а пол был шербатый и неровный, половицы выглядели так, будто их поскоблили. Для дома в квартале рабов это просто невиданно. Рабы известны своей неряшливостью, да и жены у них не отличаются опрятностью. Следом внимание привлек запах — в целом знакомый, но на секунду Найл растерялся, пытаясь сориентироваться, так как тот все же был для него сравнительно нов: йодистый запах морских водорослей, вполне под стать крику часк, кружащихся над крышами.

Найл потянул ближайшую дверь, ведущую в гостиную: дверь была заперта изнутри или забита. А вот соседняя дверь была слегка приоткрыта. Он оказался в большой комнате, пространство которой почти сплошь занимала мебель — четыре кровати, несколько стульев и комод. В остальном же это было типичное жилье квартала рабов — с голыми стенами, неудобное. Отличалось оно лишь в одном: кровати были аккуратно застелены, и пол между ними выглядел так, будто его скоблили. Как и в передней, здесь стоял йодистый морской запах.

Найл не мог сдержать разочарования. В комнате, казалось, не было ничего, что хоть как-то характеризовало бы ее обитателей. Тут припомнились слова, сказанные лысым коротышкой, советником Фергусом, насчет того, что эти люди не могли быть рабами, поскольку у них чересчур много одежды. Найл пробрался между кроватями — стоят едва не вплитирку, с трудом можно пролезть — к комоду в углу. Не дойдя, остановился и внимательно вслушался. Из комнаты наверху доносилось чуть слышное поскрипывание половиц. Прошло несколько секунд, и на лестнице послышались тихие шаги. Найл кинулся шарить по карманам, проклиная себя за то, что не взял с собой раздвижного жезла или другого оружия. Мелькнула мысль, не упасть ли сейчас между кроватями; нет, не стоит, в общей тишине малейший скрип половиц неизбежно выдаст. Тревога сменилась облегчением, когда дверной проем перегородило мохнатое туловище.

— Дравиг! Что ты здесь делаешь?

От Дравига, безусловно, не укрылась перемена чувств Найла.

— Прошу прощения за то, что заставил тебя потревожиться. Твое послание застало меня у Смертоносца-Повелителя. Он велел мне посмотреть, что ты такое обнаружил.

— Здесь скрывались убийцы Скорбо. — Найл обвел взглядом голые стены комнаты. — Ты что-нибудь отыскал наверху?

— Ничего. Те комнаты нежилые.

— Тогда убийцы в силу какой-то причины ютились в этой комнате. Возможно, потому, что не хотели привлекать к себе внимания. Посмотри на окна. — (Дравиг посмотрел, но было видно, что ничего не взял в толк.) — Снаружи толстенный слой пыли, а внутри комната на редкость чиста. Чистые окна могли бы их выдать. Рабы никогда не моют окон.

Найл пробрался к комоду и выдвинул верхний ящик. Там, как, в общем-то, и ожидал, лежали аккуратной стопкой туники рабов. Найл выгреб всю стопку и бросил на соседнюю кровать. Помимо этого, в ящике ничего не было. Во втором ящике тоже были рубища, а также несколько пар сандалий. Найл с интересом обратил внимание, что в отличие от сандалий, что обычно носят рабы, эти отменного качества. Судя по мастерству, изготовлены не иначе как ремесленниками из Диры.

Подо всем этим, возле задней стенки ящика, лежали пять небольших предметов, каждый в отдельной тряпице. Коснувшись одного из них, Найл обнаружил, что материя влажновата. Изнутри тряпица была проложена слоем бурых водорослей — чем-то похоже на то, что он видел на коже бесчувственной девушки. Убрав водоросли, он обнаружил у себя перед глазами предмет из гладкого зеленого камня. В высоту предметик был сантиметров пять, и с первого взгляда показалось, что это статуэтка лягушки или жабы. Это было маленькое, приземистое создание с глазами-луковицами навывкате, плоским лицом и большим невеселым ртом. Как жителю пустыни, Найлу крайне редко доводилось видеть лягушек или жаб. Но у этой фигурки — видно невооруженным глазом — для земноводного было слишком уж много сходства с человеком. Начать с того, что крохотные ножки, на которые опиралась фигурка, больше походили на человеческие руки, хотя у них была перепонка между пальцами. На кругленьком пузце виднелся пупок, а на груди два небольших соска.

Самое интересное — это что на обоих глазах-луковицах выделялись более темные по оттенку пятнышки, обозначающие, по-видимому, зрачки. Это, судя по всему, не было каким-то

посторонним вкраплением: у скульптора, видно, ушло немало времени, чтобы подыскать камень с двумя более темными пятнышками на нужном месте.

Найл протянул фигурку Дравигу.

— Что это, по-твоему?

Дравиг вытянул вперед оба щупика и тут же их отдернул.

— Не касайся его. Положи назад.

— Почему? — недоуменно спросил Найл.

— Неужто ты не чувствуешь?

Отыскав в своем сознании очаг затишья, Найл полностью расслабился и тут неожиданно понял, что Дравиг имеет в виду. В предмете, который он держал в руке, было что-то необычное — некая сила или энергия, имеющая сходство с силой или энергией живого существа. И в этой жабьей образине теперь чувствовалось что-то странно зловещее; хотя нет, более точным словом было бы «хищное». Возникла ассоциация с охотником, наблюдающим из засады за приближением добычи. Подобное Найл много раз чувствовал среди плотоядных растений Великой Дельты. Хотя, в общем-то, лучился камень тихо, почти неуловимо. Видно, у Дравига была неимоверно развита чувствительность, если он чуял вещи даже не на ошупь, а на расстоянии.

Найл завернул фигурку обратно в тряпицу и поместил в ящик. Затем повынимал одну за другой остальные и тоже развернул. Он обратил внимание, что каждая из фигурок повернута лицом к задней стенке ящика. Среди них ни одна не походила на другую, хотя у всех было безусловное сходство. У одних черты больше напоминали животных, у других — людей, а у одной был широко открытый рот, в котором виднелись зубы. Причем зубы какие-то странные, Найл таких и не видел — и не острые, как у рыб и хищников, и не плоские, как у травоядных, а что-то и от тех и от других, с неровными кончиками. Одна из фигурок имела забавно удлиненное туловище, напоминающее чем-то изогнутый ствол дерева, а у другой глаза были закрыты, хотя на лице читалась все та же жутковатая, скрытная наблюдательность, что и у остальных.

Дравиг следил за происходящим неодобрительно, даже с некоторым стыдом за Найла. Можно понять почему: по паучь-

ему разумению, все это разглядывание было не то чтобы порицаемым, а чем-то неприличным; человек наверняка бы чувствовал нечто подобное, если бы при нем бесцеремонно копались в чужих вещах. И Найлу в очередной раз подумалось, насколько все же отличается паучий ум от человеческого — особенно тем, что напрочь лишен любопытства. Паукам приуси разум и наблюдательность, но вместе с тем они, в отличие от людей, на редкость нелюбознательны.

— Как ты думаешь, почему они хранят свои талисманы завернутыми в водоросли? — спросил Найл у Дравига.

— Это не талисманы, — ответил Дравиг, — это их боги-хранители.

И тут Найл понял. Пауки, как никто другой, чтят неизвестные силы природы и трепещут перед священным именем богини Дельты. Потому-то и самого Найла чтили как некоего полубога: пауки считали его посланцем богини. У Дравига вызывало скрытое осуждение, что Найл так непочтительно относится к священным предметам. Вместе с тем Дравиг держал это при себе, поскольку Найл и сам был отчасти священным предметом. Аккуратно завернув последнюю фигурку в тряпицу, Найл положил ее обратно в комод.

— Все же хотелось бы знать, для чего они их завернули в водоросли. Я-то думал, они жили под землей.

Он попробовал выдвинуть нижний ящик, но тот давался с трудом, как будто дерево было сырым и разбухшим. Оказалось, что в ящике лежит плоский деревянный ящичек, примерно сорок на двадцать. Такие ящички часто попадались Найлу в кухнях пустующих домов, куда случалось забредать из любопытства; обычно в них хранились наборы ножей и вилок, хотя в одном таком он обнаружил коллекцию бутылочек с приправами. Ящичек Найл положил на комод и откинул застёжку. Внутри, к удивлению, не оказалось ничего, кроме большого пучка водорослей и жидкости — по-видимому, морской воды. Комнату наполнил йодистый запах. Найл приподнял пучок и заглянул под него: ничего. От взгляда не укрылось, что изнутри ящичек обработан каким-то серым веществом, студенистым на вид, но на ощупь очень твердым — не иначе как водонепроницаемый слой. Сами водоросли были скользковатыми, кожистыми, а когда Найл поднял их повыше, ока-

залось, что это не пучок, как подумалось вначале, а единое целое, что-то вроде большого листа. Этот лист в целом напоминал прямоугольную циновку, сложенную вдвое. Одна сторона у нее была гладкой и кожистой, на другой имелись похожие на присоски почки, каждая около сантиметра в диаметре. По краям циновку оторачивало что-то похожее на стелющиеся побеги или усики; поэтому ясно было, что это единый кусок, срезанный целиком.

Найл протянул все это Дравигу, на пол шлепались частые капли.

— Что ты насчет этого думаешь? Для чего им, по-твоему, этот кусище водоросли?

Дравиг в ответ послал импульс, в человеческом понимании аналогичный покачиванию головой.

Найл сложил водоросль обратно в ящичек и придавил крышку. Обтирая мокрые ладони о тунику, он обратил внимание, что несколько бурых лоскутков пристало к одежде.

В остальном комната смотрелась совершенно обычно. Платяной шкаф в углу оказался пустым, за исключением пары грубых рубищ. Найл кинул их на кровать в общую кучу, прошелся по карманам. Ничего, как, в общем-то, и ожидал. В конце концов он вышел из комнаты и прошелся по всему первому этажу. Дверь в соседнюю комнату решительно не давалась, и Найл, надавив на ручку, с силой налег плечом. Дверь с треском шарахнулась о стену. В комнате, как и ожидалось, не было ничего, кроме запыленной мебели; очевидно, помещение пустовало уже очень долгое время, может быть целые столетия. Стекла все были повывбиты, осколки проглядывали сквозь пыль на полу.

Дом был небольшой, на первом этаже оставалось осмотреть лишь кухню. Там стояла безукоризненная чистота, на столе оставлено было сушиться несколько вымытых кружек и тарелок. С полки, что над умывальником, свисало кухонное полотенце, вдоль раковины были расстелены для просушки две тряпицы. Кастрюли и прочая посуда стояли вверху на полке. В печи — древесная зола, в мусорной корзине под умывальником — полусгнившие остатки овощей, несколько кроличьих косточек.

В ящиках посудного шкафа лежали ножи, вилки, другие кухонные приборы, некоторые уже порядком заржавевшие — тех, видно, времен, когда миром правили люди. Дверцы шкафа оказались заперты. Найл попытался взломать замок ножами, но добился лишь того, что лопнул один конец. В конце концов сообразил: вынув поочередно все ящики, посмотрел на дно нижнего сверху и заметил там ключ. Вставил в замок, повернул, и дверцы у шкафа открылись. Внутри на первый взгляд было пусто. Тогда зачем, спрашивается, прятать ключ? Встав на колени, Найл заглянул в глубину нижнего отделения и довольно хмыкнул. В самом углу находилась небольшая деревянная коробочка — так далеко, что можно дотянуться лишь кончиками пальцев. Коробочка была квадратная, сантиметров десять шириной, и сделана из черного полированного дерева. Странно, у нее почему-то не было видно крышки — ни намека на шарниры или защелку. Лишь повертев ее несколько минут в руках, Найл уяснил, что крышка сдвигается, а пригнана так ладно, что пазов, по сути, и не видно. Тогда Найл уверенно положил руку на крышку и сдвинул ее, обнажив внутренность коробочки. Там лежали темно-коричневый стеклянный флакончик и любопытного вида вещица, назначение которой трудно было определить. Одна ее часть напоминала птичье перо с заостренным кончиком, другая — небольшой колпачок из эластичного вещества, похожего на резину. Найл выковырял из флакончика пробку и понюхал: жидкость внутри имела лекарственный запах. Найл окунул в нее острие и сжал колпачок, в полое перо втянулась желтоватая жидкость. Но Найл так и не мог взять в толк, для чего кончик заострен. Отжав жидкость во флакончик, он уложил все обратно в коробку, а ее сунул в карман тунки. Симсона она, бесспорно, заинтересует.

Напоследок прошелся по верхнему этажу. Но там, как и говорил Дравиг, было пусто и не было никаких следов того, что здесь кто-то жил; если не считать следов Дравига, пыль на полах была непотревожена.

Дравиг дожидался внизу в спальне с тем самым безропотным терпением, которое вызывало у Найла поистине восторг, — он и позы наверняка не менял с того момента, как Найл вышел из комнаты. Он грузно опустился на одну из кроватей и

оглядел комнату. Дравиг мог чувствовать его разочарование. Он спросил — обходительно, дипломатично, чтобы для Найла это не прозвучало упреком в пустой потере его, Дравига, времени:

— Что я могу передать Смертоносцу-Повелителю?

— Ты имеешь в виду, что я такое узнал? — переспросил Найл со вздохом. — Боюсь, немного. — (Ум Дравига передал бессловесное сочувствие; общение напрямую, по сути, упрощало изъяснение, слов не требовалось.) — Сообщить могу единственно то, — сказал Найл, — что их здесь было пятеро, но не все в одно время, поскольку кроватей только четыре. План действий был тщательно продуман. — Он указал на стопку одежды. — Несколько туник здесь было изготовлено специально для путешествия. Если присмотреться, то видно, что материал у них потоньше, чем у этих, — он указал на засаленные рубища, — настоящих. Как только эти люди раздобыли тонкие туники, дорожную одежду сразу же сложили в ящик, пока никто не распознал подделку. Они заботились о том, чтобы не привлекать внимания. Потому и окна оставляли немывтыми и не пытались вставить стекла. Вместо этого держали на запоре внутреннюю дверь, на случай если кто-то вдруг заберется через выбитое окно.

Дравиг слушал с глубоким вниманием.

— Твоя сила наблюдательности просто ошеломляет. Как тебе удалось ее так развить?

— Развивать ее надо каждому охотнику, иначе добыча уходит из рук. Но здесь не так важна наблюдательность, как логика. Например, сразу же бросается в глаза, что чистота у этих людей возведена чуть ли не в культ; вон, видишь, половицы выскоблены почти добела. Уже из этого моментально напрашивается вывод, что они не были рабами, это бы понял любой, сюда вошедший. Тогда почему они, во избежание риска, не зарастали грязью — взять для сравнения жилище любого из рабов? Потому что их, видать, вымуштровали быть опрятными. Жить в неприбранной комнате для них было хуже разоблачения.

— Но у них была и женщина, которой больше нечем было заниматься, — заметил Дравиг. — Рабыня редко выходила из дома.

Найл покачал головой.

— Ты забываешь, что ее к той поре уже успел сцапать Скорбо. Несколько прошлых недель в комнате жили одни мужчины, тем не менее они продолжали поддерживать чистоту. — Он указал на засаленные рубища. — Эти две, скорее всего, валялись в шкафу, дожидаясь стирки, в то утро, когда они отправились убивать Скорбо. — Найла внезапно осенила еще одна мысль. — В то утро их оставалось только трое. Двое уже висели в кладовой у Скорбо. Может, Скорбо потому и решили убрать, поскольку знали: он отвечает за исчезновение соплеменников? Тогда для меня все бы стало на порядок яснее. Прибившее Скорбо дерево должно было быть посажено по меньшей мере год назад или даже раньше. И в то время у них не было причины убивать Скорбо, он был просто охранником личной стражи Смертоносца-Повелителя.

— Тогда кого же они думали убить?

— Тебя.

— Меня?

Найл впервые заметил у Дравига растерянность и рассмеялся.

— Я только так, прикидываю. Ну а кого еще? Смертоносец-Повелитель никогда не выходит из обиталища. А кроме него, у кого еще такое высокое положение в городе?

— Но с какой стати им было со мной расправляться?

— С той же самой, что и с любым другим. Мне кажется, эти люди — вернее, тот, кто их послал, — одержимы всепоглощающей ненавистью к паукам и их слугам.

— Но чего они хотели этим достичь?

Найл, криво усмехнувшись, уловил, что Дравиг начинает наделять его каким-то поистине сверхъестественным даром провидения.

— Остается лишь гадать. Если они ненавидят всех вас, то, видно, жгучее их желание — уничтожить вас и воцариться на Земле.

Тут Найл вспомнил, с какой ненавистью относился с самого рождения к паукам. Дравиг же если и понял, о чем сейчас подумал Найл, то из тактичности не указал на это и намеком. Единственно лишь ненавязчиво заметил:

— Затрудняюсь представить, как они могут этого достичь.

Найл пожал плечами.

— Что бы они себе ни планировали, полагаю, что Скорбо все им сорвал. Поэтому они стали дожидаться подкрепления и решили прежде всего убрать Скорбо. И вот тут все пошло наперекосяк. Одного из них Скорбо убил, и пришлось прятать тело. Они сняли с него одежду, дабы мы не узнали, что тот маскировался под раба. А Скорбо в ту пору возьми и притащись на площадь, поднялась тревога. Они никак не могли уйти по свежему снегу, не наследив, поэтому попытались смешаться с бригадой рабов-дворников. Даже и тогда они еще могли бы уйти; одному, по сути, действительно удалось ускользнуть незамеченным. К счастью, Симеон догадался, что к чему, и мы поймали его в больнице.

— А теперь все они мертвы,— подытожил Дравиг.

— Не все. Есть еще девушка.

— Ах да. Мне все еще так и не ясно, какую роль могла играть в их планах та девушка.

— И мне,— сознался Найл, покачав головой.— И она пока тоже не может нам сказать.

— Мы должны зорко ее стеречь.

— Непременно.— Найл оглядел комнату.— Думаю, есть смысл оставить здесь стражу на случай, если кто-то из них вздумает возвратиться.

— Думаешь, в городе может скрываться кто-то еще?

— Сейчас, может, и нет. Но когда их хозяин узнает, что попытка сорвалась, он захочет взять реванш.— И тут до Найла неожиданно дошла вся двусмысленность положения.— Но, именем богини, откуда они все-таки берутся?

— Нашим дозорам было дано задание прочесать пространство в полсотню миль вокруг города. Сообщений о нарушителях не было.

— Да я не о нарушителях. Где они обитают?

— Сведений о больших людских скоплениях в землях, подвластных Смертоносцу-Повелителю, не поступало.

То, с каким флегматично отрешенным видом Дравиг все это излагал, вызвало одновременно и беспомощное отчаяние, и улыбку.

— Каковы размеры владений у Смертоносца-Повелителя?

— Не могу сказать точно. У моих сородичей никогда не было интереса к таким частностям. Я б тебе советовал переговорить с нашим начальником воздушной разведки.

Найл умолк под впечатлением. Пауки никогда по своей воле не рассказывали о своем общественном или военном устройстве, так что в этом отношении Найл даже спустя полгода знал немногим больше, чем вначале.

— Как его зовут?

— Твои сородичи называют его Асмаком.

— Где его можно найти?

— В обиталище. Мне за ним послать?

— Не надо. Я уже возвращаюсь, здесь больше делать нечего.

Дравиг застыл в позе повиновения.

— В таком случае я пошел к Повелителю на доклад.

Найл дождался, пока Дравиг окончательно уйдет из помещения, и вынул из ящика одну из каменных фигурок — Дравиг, само собой, стал бы отговаривать. Фигурку Найл опустил в карман туники. Затем, накинув на остальные фигурки тряпицу, закрыл ящик. Подумав, вынул плоскую деревянную коробку с водорослями и обернул ее одним из рубищ, чтобы не капала вода.

Бойцовый паук по-прежнему стоял на посту (теперь, под взглядами гужевых, неподвижный как статуя). От чайки осталась единственно горсточка перьев в водостоке.

— Надо бы, чтобы ты караулил внутри помещения, за закрытой дверью, — обратился к нему Найл. — Я скоро подошлю тебе смену.

Неясно было, понял паук или нет: два основных глаза и четыре вспомогательных каменно таращились куда-то вдаль. Но когда гужевые поворачивали в конце улицы за угол, перед домом никого не было, а передняя дверь была закрыта.

Когда проезжали по главной площади, Найл вселл остановиться у зеленой лужайки, окаймляющей Белую башню. Гужевых Найл отправил перекусить: заглянув к ним в умы, он понял, что они изнывают от голода.

Едва приблизившись к башне, Найл с тревогой понял: что-то произошло. Обычно, приближаясь, он чувствовал некое отрадное вожделение, влекущее словно магнитом. А теперь это знакомое ощущение отсутствовало, будто тело облекал слой изоляции. И даже когда протянул руку, чтобы коснуться стены, то не почувствовал, как раньше, эдакого погружения в воду — под рукой была просто твердая поверхность.

Странно. Найл вкруговую подошел к северной стороне, где вибрации обычно сильнее. Никакой разницы; молочно-белая, полупрозрачная на вид стена оставалась твердой. Даже цвет будто сменился, став более плотным, вместо перемежающегося дымчатого, как раньше.

Может, из-за коробки, которую принес? Найл поставил ее на мраморную платформу, окружающую основание башни; хотя, даже не успев поставить, уже понял: никакой разницы. Следующим делом вынул из кармана каменную фигурку. Едва коснувшись ее пальцами, он почувствовал то же, что тогда, когда взялся за нее впервые, — легкую вибрацию, чем-то похожую на трепет живого существа, — все равно что какое-то плотоядное растение Дельты. А как только поместил фигурку на землю, сейчас вернулось знакомое покалывание, издаваемое силовым полем башни. Но чувствовалось оно как-то глуше, не так четко, как обычно. И лишь поставив фигурку на траву, ощутил физическую вибрацию с прежней полнотой, словно атомы его собственного тела мягко резонировали с атомами башни, пульсируя на той же частоте.

Найл подобрал коробку, все так же завернутую в намокшее уже рубище; похоже, ничего не изменилось. Тогда Найл шагнул в странно зыбкие электрические объятия стены, слегка покалывающие живой энергией. Спустя секунду он появился по ту сторону, в знакомой комнате со светящимися изогнутыми стенами.

Подобное было с Найлом впервые за много месяцев. Обычно он оказывался среди какого-нибудь странного и нередко пугающего пейзажа. Раз его упекли в желтые сернистые туманы Венеры; был случай, когда он очутился в кипящем водовороте под стеной водопада Виктория, а однажды и вообще сунули его под бок какому-то земноводному в залитый солнцем пруд. Видно, Стигмастер, всегда первым затевавший эти игры в загадки-отгадки, чувствовал, что сейчас явно не до шуток.

— В чем дело? — спросил Найл вслух.

Не успел сказать, как старец тут как тут — стоит так, будто никуда и не отлучался. На этот раз старец ограничился лишь коротким приветственным кивком.

— Стены башни устроены так, чтобы исключать проникновение потенциально враждебных сущностей.

— Не понимаю.

— Существо, которое ты пытался пронести в башню, скрывает в себе разрушительный потенциал.

— Какое это существо, это кусок камня.

Старец посмотрел из-под кустистых бровей.

— Ты в этом убежден?

— Абсолютно. Это какая-то необычная статуэтка.

— Откуда она у тебя?

— Я ее нашел в комнате в квартале рабов. Там было тайное пристанище убийц Скорбо.

Старец покачал головой.

— Я подозреваю, ты обманулся. Опиши, как именно ты ее нашел.

Поскольку Найл для того и пришел, рассказ о событиях прошлого часа вышел довольно подробный. Старец выслушал с отстраненным видом (Найл заподозрил, что это теперь часть его стратегии: приучить Найла к мысли, что он всего лишь машина), затем сказал:

— Я должен видеть этот артефакт.

На глазах изумленного Найла он шагнул через стену и исчез. Найл — следом и очутился под послеполуденным солнцем. Шаг через сплошную стену в пустоту неизменно вызывал головокружение. Старец уже склонялся над завернутой в материю фигуркой на траве. Немногочисленные прохожие на площади, очевидно, ничуть не выделяли старца среди остальных: никто не обращал на него внимания.

Найл не в силах был сдержаться и спросил:

— Ты когда-нибудь бывал до этого снаружи?

Старец покачал головой.

— Для этого не было повода.

Освободив фигурку от материи, он поднял ее на вытянутой ладони.

— Ну? — спросил Найл.

— Сознаюсь: никак не пойму, почему она вызвала такую аномальную реакцию. Это определенно кусок кремнистого минерала сродни нефриту.

Он повернулся и опять исчез в стене.

Найл шагнул следом. Старец по-прежнему изучающе разглядывал у себя на ладони фигурку — ту самую, с сошуренными веками.

— Должен сознаться,— сообщил он наконец,— что это не вписывается в структуру моих информационных центров.

Найл не смог сдержать ироничной улыбки.

— То есть противоречит концепции Стиига об устройстве Вселенной?

— Совершенно верно.

— Не значит ли это, что твои информационные центры не мешало бы расширить?

— Это было бы уместным.

Машина, надо сказать, выгодно отличалась тем, что не стыдилась признавать свои возможные погрешности.

— И что ты думаешь делать?

— Прежде всего нейтрализовать интерференцию.

Поставив фигурку на пол, старец отступил назад. От того, что последовало, Найл чуть не подпрыгнул. С потолка, озарив фигурку, косо полоснул ярко-синий луч. Откуда он исходил, неясно; впечатление такое, будто выстрелил из однотонной белой поверхности потолка. В полыхающем свете фигура словно светилась. В воздухе неожиданно повеяло холодом.

— Что это? — удивился Найл.

— Холодный луч.

— Мне казалось, такой должен быть зеленого цвета.

— Обычно да. Сейчас луч нагнетает температуру абсолютного нуля, и все молекулы застывают, теряя подвижность. Любая форма жизни, если и присутствует, впадает при этом в анабиоз.

— А такой холод ее не уничтожит?

— Нет, если замерзание происходит достаточно быстро. В эпоху Великого оледенения рыба в реках иной раз замерзала мгновенно, а когда лед таял, плыла дальше как ни в чем не бывало.

Холод быстро нарастал, при дыхании у Найла изо рта выходили теперь клубы пара. Он уже, дрожа, начал кутаться в плащ, но тут синий луч растаял, и в комнате почти сразу опять стало тепло. Влага вокруг фигурки моментально замерзла, покрыв ее белесым инеем. Когда старец, нагнувшись, подобрал ее, Найл невольно поежился, представляя, как бы ему самому обожгло сейчас ладони, словно добела раскаленным железом.

Задержав несколько секунд взгляд на старце, он понял, что тот занят сейчас какого-то рода анализом. Тут старец снова

скрылся за стеной и появился через несколько секунд уже без фигурки. На вопросительный взгляд Найла он ответил:

— Холод нейтрализовал ее силу. Но осторожность подсказывает, что лучше оставить ее за стеной.

— У тебя есть какие-то мысли, что это за сила?

— Никаких, кроме того, что она биологическая.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Потому что ее нейтрализовал холод.

— Значит, ты согласен, что Стииг недоучел ее существование.

— Я согласен, что он не стал вводить понятие о ней в мои информационные центры.

— А это не говорит о том, что он мог заблуждаться, считая, что магии не существует?

— Магия означает вмешательство сверхъестественного в естественные процессы. Стииг считал все это примитивным суеверием.

— Послушай,— сказал Найл терпеливо.— В этот город проникла группа убийц, все как один с кулонами, на которых высечен магический символ мести. Они же принесли с собой каменные фигурки, на поверку, оказалось, одушевленные. Согласись, ведь и сам Стииг признал бы, что это, получается, выше его понимания?

— Стииг признавал, что Вселенная полна явлений выше его понимания. Но он бы отверг, что эти явления могут противоречить основным законам логики и рассудка.

— А может, и не противоречат? Может, они просто подчиняются иному виду логики?

— Что ты предлагаешь?

— Н-ну... У тебя ведь сотни книг по магии, так? Некоторые из них должны давать какое-то объяснение тому, что происходит. Ты не мог бы выяснять?

— Ты просишь, чтобы я досконально проштудировал три с лишним тысячи томов?

— Или это невозможно?

— Почему же, вполне возможно. Но на это уйдет много времени.

У Найла упало сердце.

— Сколько?

— Пожалуй, с полчаса.

Найл даже рассмеялся.

— Идет. Полчаса можно и подождать. Схожу пока в столовую. Ты меня позови, когда будешь готов, хорошо?

Столовая находилась на том же этаже, что и флорентийская галерея. Это была небольшая комната, где стояло не больше дюжины столов, хотя, с той поры как Найл стал навещаться сюда регулярно, ее оживили привлекательные скатерти, а еда стала подаваться на расписных фарфоровых тарелках — не на пластмассовых, как раньше. Еда здесь вся как есть была искусственная, но пищевой синтезатор был такого высокого класса, что блюда по вкусу несравненно превосходили стряпню дворцовых поваров Найла. Полгода уже прошло, а он все не мог надивиться разнообразию здешней кухни.

Синтезатор представлял собой продолговатый полутора-метровый ящик, выступающий из стены возле окна. В расположенном сверху меню предлагался перечень более чем из сотни блюд и напитков, от гамбургеров (с луком и без лука) до бургундского, бордо и американского шардоне. За шесть истекших месяцев Найл перепробовал здесь все, от паштета из гусиной печени и турнедос-россини до персикового пудинга и креп-сюзет.

В конечном итоге он определил для себя, что в гурманы не годится, и остановил выбор на обеде из трех блюд: рыба с чипсами, кекс-пекан и фисташковое мороженое на десерт. Найл теперь постоянно делал этот заказ синтезатору, не догадываясь, что дублирует вкус бесчисленных поколений тинейджеров. Ко всему этому он заказывал стакан фанты, вкус которой всяко предпочитал вину.

Ел он, глядя на картину живущего бурной жизнью рынка, вид у которого был точно такой, какой был, должно быть, в дни Лоренцо Медичи. Найл узнавал уже по выкрикам голоса многих лоточников, а также некоторых слуг и домохозяек, регулярно навещающих на рынок. У мужика, державшего на углу мясную лавку, был хриплый бас, который реял над базарной площадью, перекрывая бычий рев и блеяние овец. Мужик, как и большинство лавочников на площади, увивался за медногривой бабой, хозяйкой овощной лавки, что у Найла

как раз напротив окна. Баба эта — лет за тридцать — была рослая, вальяжная, имела раскатистый звонкий смех и разбитную манеру откидывать гриву и поводить себе руками по бедрам. Если не брать во внимание неестественность и шумливость, то было в ней что-то от Мерлью. Мужчинам на площади нравилось с ней зубоскалить и перешучиваться, и, хотя язык был непонятен, по скабрёзному смеху можно было догадываться, что многие из шуток непристойные.

Сох по ней сердцем и один молодой толстосум, тормозивший возле ее лавки по крайней мере раз на дню, — он ездил на гнедой кобыле и носил пурпурный камзол со шляпой, напоминающей перевернутую цветочную вазу. Этот щеголь вызывал неприязнь и насмешки у лавочников, особенно у мясника; но враждебность их, чувствовалось, основана на зависти и определенной боязни, что когда-нибудь медногривая не устоит и отдаст свою добродетель изнывающему от любви ухажеру. Найл вынашивал то же подозрение: как-то раз к вечеру, когда лавочники в основном уже свернулись и разъехались, он увидел, как тот щеголь дарит бабе букет цветов, а та, воровато зыркнув по сторонам (не пялится ли кто), приняла их и спрятала под прилавок. А когда щеголь, свесившись с седла, прошептал ей что-то на ухо, та отчаянно тряхнула своей гривой. А мясник, проходивший в этот момент сзади, сердито насупился, а когда щеголь ускакал, с горьким презрением сплюнул.

А сейчас из окна наблюдалась интересная сцена между медногривой и лодочником, причалившим свой баркас возле ступеней лестницы, ведущей от самой реки к рыночной площади. Лодочник стоял со здоровенной рыбиной — длина около полуметра — и, видно, уламывал медногривую, чтобы купила. Та в ответ качала головой: мол, по такой цене — ни за что. Тогда лодочник подался вперед и что-то ей сказал. Баба минутку подумала, затем наконец медленно кивнула и подала лодочнику деньги и корзину с зелеными овощами, похожими на капусту.

Лодочник встал перед прилавком и положил рыбину в корбку. Затем, повернувшись как бы уходить, вдруг облапил бабу и потянул к себе. Найл не разобрал, как там и что — мешала спина лодочника, — но медногривая вдруг двинула его

по уху коробкой так, что тот покачнулся. Тут громко и обидно расхохоталась хозяйка соседней лавки — не смех, а визгливое кудахтанье, — и взбеленившийся, судя по всему, лодочник попытался выхватить свою рыбу. Медногривая схватила коробку и притиснула к себе, чтобы не отнял. Минуты не прошло, как разыгралась шумная ссора с участием по меньшей мере пятерых мужиков и двух баб да еще полуголодной дворняжки, залиvisto лающей и пытающейся цапнуть лодочника за ногу. Лодочник быстро смекнул, что положение складывается не в его пользу, — он-то рассчитывал, что за скидку на рыбу ему будут позволены некоторые вольности, — и отвалил на своем баркасе, позабыв и корзину с овощами. А лавочники, явно сожалея, что веселая заваруха кончилась, неохотно разбрелись по своим лавкам. Распалившаяся собачонка все так и не унималась, пока кто-то из прохожих не пнул ее так, что отлетела; она побежала к реке, отчаянно скуля.

Найл так увлекся этой сценой, что чуть не подскочил, когда над ухом раздался голос старца:

— Извини, что ушло столько времени. Задание было более сложным, чем я ожидал.

— Ничего. Я смотрю вон за той женщиной. — И тут он покосился на старца с внезапным подозрением. — Или ты это все специально устроил, чтобы занять меня?

— Нет. Сегодня базарный день. Приди ты сюда вчера, площадь была бы пустой.

Старец, подтянув к себе стул, сел по другую сторону стола. Поскольку на самом деле его не существовало, эта пантомима была ни к чему; вместе с тем, как он часто пояснял Найлу, коронным достижением Стигмастера является удивительная достоверность каждой мелочи.

Найл зачерпнул ложечкой подтаявшее мороженое.

— Эти люди существовали на самом деле?

Старец посмотрел на него с тихой укоризной.

— В тысяча четыреста девяностом году фотоаппарата еще не существовало, так что вряд ли.

Найл посмотрел вниз: медногривая показала рыбину соседке по лавке.

— Так что, если б я был волшебником и перенесся сейчас в тысяча четыреста девяностый год, этих людей бы там не было?

— Так называемое путешествие во времени, — сказал старец со вздохом, — не что иное, как словесная игра. Время лишь название определенного процесса. Теоретически процесс можно направить в обратную сторону. Но восстановить Вселенную такой, какой она была пять минут назад, — представляешь, сколько бы на это понадобилось энергии? Так что путешествие в прошлое фактически невозможно.

— Ну а в будущее — то же самое?

— Не совсем. Будущее может предсказать любой. Я могу сказать тебе с точностью до секунды, когда завтра взойдет солнце. Могу даже сказать, какая завтра будет погода. И вместе с тем я не волшебник.

— Мне прошлой ночью приснилось будущее, — сказал Найл. — А когда проснулся, сон сбылся точь-в-точь. Тогда, может, я волшебник?

Старец пожал плечами.

— Я не запрограммирован отвечать на такой вопрос. — Затем, не обращая внимания на разочарованную мину Найла, продолжал: — Ты желаешь слышать, что я узнал о природе магии?

— Конечно, давай, — сказал Найл со вздохом.

— Я признаю, что ошибался, думая, что все это просто незамысловатое суеверие. — (Найл взглянул с воскресшим интересом.) — Вырисовывается, судя по всему, странно последовательная система воззрений, постулаты которой во многом напоминают религиозные.

Найл сосредоточенно насупил: абстрактная эта стилистика всегда давалась ему с некоторым трудом.

— Понятно.

— Насколько я вижу, основываются они на ряде утверждений. Самые известные из них приписываются легендарному основоположнику магии Гермесу Трисмегисту, который заявляет: «Какововерху, таково и внизу». Это, видимо, означает, что каждый человек — это вся Вселенная в миниатюре.

Найл сделал вид, что понимает. Старец продолжал:

— Однако магическая философия исходит из того, что Вселенная состоит не из мертвой материи, мертвой материи как таковой фактически не существует. Все во Вселенной живо!

— Как та каменная фигурка, что я хотел пронести в башню? — вставил Найл.

— Не знаю, может быть, — неопределенно сказал старец. — Логический постулат учения таков, что вся материя существует вне пространства и времени, в многомерной Вселенной. Наш спектр очень сужен, мы видим лишь немного из того, что простирается через множество незримых плоскостей бытия. Разумеется, люди в соответствии с этим также существуют во многих плоскостях бытия, хотя сами того не сознают. Каббала, скажем, гласит, что существует десять плоскостей бытия, наивысшая из которых — Бог, а самая низшая — Земля. В людях эти плоскости бытия отождествляются с уровнем сознания. Я, наверное, слишком быстро иду?

— Нормально. — Последнее замечание привлекло внимание Найла. — То есть существует десять уровней сознания?

— По каббале.

— Тогда получается, если взойти на более высокий уровень, то можно стать магом?

— Получается так.

Найл, вздохнув, покачал головой.

— Что-то я сомневаюсь. Если мне — лично мне — удастся взойти на более высокий уровень сознания, то получается, что только я на нем и нахожусь. Вот, допустим, я навеселе. Пропускаю несколько стаканов меда, и все люди вокруг кажутся мне бесконечно милее. Но на самом-то деле они мало в чем изменились, это лишь я их так воспринимаю.

— Проницательное замечание. Но в соответствии с магической философией наилучший способ изменить мир — это изменить свое собственное сознание. Один алхимик писал: «Магия есть искусство произвольно вызывать перемены духа». Он же писал: когда чувствуешь себя везучим, то тебе действительно начинает везти. Ты каким-то образом заставляешь удачу сопутствовать тебе. А тот, кто чувствует себя невезучим, похоже, наоборот, накликает всякие неурядицы. А вот мнение еще одного алхимика насчет подлинного значения «каково вверху, таково и внизу». Каждому известно, что на ум воздействует внешний мир, что пустой день поневоле заставляет чувствовать себя опустошенным. Но маг — это тот, кто посвящен

в то, что ум также способен воздействовать на внешний мир. Если ты смел и стойко веришь в удачу, она невольно тебе сопутствует.

Найл недоуменно повел головой.

— И это магия?

— Если брать за основу книги, по которым я консультировался.

— Тому магу, похоже, не очень везет,— задумчиво проронил Найл.

— Извини, не понял?

— Тому, кто подослал убийц Скорбо. Первых двоих его слуг Скорбо сцапал сам. А когда его убили, их повыловили всех. Везение не ахти какое, правда же?

Лицо у старца оставалось непроницаемым; видно, не понял толком, что Найл имеет в виду.

— Ты, несомненно, прав.

— Поэтому впечатление такое, что в сравнении с ним мое везение сильнее.

На этот раз старец промолчал и лишь после долгой паузы сказал:

— Ну что, мне продолжать насчет природы магии?

Найл качнул головой.

— Спасибо, пока хватит. Но я бы хотел спросить, что ты думаешь насчет того моего сна. Тебе известно о девушке, которую мы нашли в кладовой у Скорбо; она там висела вверх ногами?

— Да.

Умение Стигмастера считывать мысли означало, что он способен быть в курсе всех примечательных событий в городе.

— Мне это приснилось прошлой ночью. Вроде как пришел Симеон и разрезал на ней тунику большими ножницами, и стало видно, что к ее коже пристают какие-то коричневые лоскутки, все равно что палые листья. А потом, когда проснулся, Симеон разрезал ножницами тунику, у нее на коже и впрямь нашлись бурые лоскутки. Как бы ты это объяснил?

— И это были палые листья?

— Нет. Это было вот что.— Найл нагнулся и вытащил из-под стула плоскую коробку.— Морские водоросли.

Старец приподнял двумя пальцами бурый сырой стебель и впился в него взглядом. Найл знал об операциях Стигмастера достаточно, чтобы понять — тот сейчас занят химическим анализом.

— Это не водоросли.

— Разве? — Найл слегка удивился. — А запах, мне показалось, именно такой.

— Морские водоросли содержат четкий процент магния, серы и кальция, а также восемьдесят четыре других элемента. В этом слишком много первых трех, а также высокий процент фосфора. Это указывает, что растение происходит из пресноводного озера с высоким содержанием минеральных солей. Или, может, из кратера потухшего вулкана.

— А не из подземного озера?

— Исключено. Даже водорослям, чтобы расти, требуется свет. А эти водоросли, приглядишься внимательно, были поначалу не бурыми, а зелеными. — Старец указал пальцем на небольшое пятнышко, действительно бледно-зеленое. — Это уже потом произошло окисление до бурого цвета.

Найл пристально посмотрел на бурую циновку, от которой запах шел на всю комнату.

— А какой нужен свет, солнечный?

— В основном — да. Растения живут фотосинтезом — впитывают углекислоту и производят сахар.

— Ты не скажешь хотя бы приблизительно, откуда это растение происходит?

— Затрудняюсь сказать. В радиусе пятидесяти миль насчитывается около дюжины потухших вулканов.

Из обучения во сне Найл припомнил, что приближение кометы Опик спровоцировало множество извержений вулканов.

— А вообще много озер с таким же примерно содержанием минералов?

— Разумеется, но не в этом регионе.

— Тогда, наверно, это обстоятельство должно облегчить поиск?

— К сожалению, я не знаю о таком озере. Но ты должен учитывать, что моим центрам геологической информации в основном уже несколько столетий.

Найл поднял циновку, придерживая за уголки.

— Почему, ты думаешь, слуги мага принесли это с собой?

Судя по затянувшейся паузе, Стигмастер рассматривал множество вариантов.

— Вероятно, это имеет какое-то религиозное значение.

— Религиозное?

Такая мысль озадачивала.

— Или, может, ее использовали в каком-нибудь магическом ритуале.

— Это в каком же?

— Сложно сказать. В Эквадоре существовало племя индейцев, надевавших для магических образов одеяния из листьев священного дерева. Обрати внимание, это же рукотворное изделие.

Удивительно. Найл расстелил циновку на столе. Приглядевшись вплотную, он убедился, что старец прав. Местами водоросли были сплетены так искусно, что даже не различить узелков. Найл посмотрел с расстояния вытянутой руки. Все-таки явно циновка, не одеяние. Складывая и убирая ее обратно в коробку, он раздраженно втянул воздух.

— Должны же они были как-то ее применять. Но для чего?

— У меня нет других соображений.

Найл поглядел из окна на залитую солнцем базарную площадь, теперь еще более многолюдную.

— Если путешествий во времени не существует, то как же у меня получилось предвидеть будущее в своем сне? Твои книги могут это объяснить?

— По постулатам философии, ум существует вне пространства и времени, этим ограничениям подвержено только тело. Поэтому, когда тело спит, ум способен порой проникать через заслоны пространства и времени.

— Это, по-твоему, правда? — спросил Найл взволнованно.

— Откуда же мне знать? — мягко улыбнулся старец. Найл нетерпеливо передернул плечами. — У меня нет оснований доказывать обоснованность или необоснованность такой теории. Я, допустим, существую в рамках пространства и времени. Мы с тобой живы, а следовательно, не особо стеснены пространством и временем. Ты должен обо всем судить сам.

Найл почувствовал себя виноватым.

— Извини меня. — Он встал. — И спасибо тебе за помощь. Извинился, и на душе стало как-то спокойнее, разочарованность поухля.

— Всегда к твоим услугам.

От такой вежливости еще стыднее стало за свое нетерпение.

Судя по солнцу в небе, время сейчас около двух часов. Вставая из-за стола, Найл спохватился, вспомнив о коробочке в кармане, про которую совершенно забыл.

— Ты мне не скажешь, что это такое?

Старец, взяв заостренное перо, подержал его на ладони.

— Понятно. Это архаичная форма нынешнего шприца, примерно так он выглядел в семнадцатом веке. — Он вынул из флакончика пробку и, понюхав, сообщил после паузы: — А это сыворотка из человеческой крови, с примесью паучьего яда.

Найл шелкнул пальцами.

— Ну конечно! Как же я не догадался! Сыворотка против яда смертоносцев. Как ты думаешь, она годится для применения?

Старец покачал головой.

— Существует лишь один способ в этом убедиться: попробовать.

— Благодарю...

Найл был уже на полпути к выходу, когда его остановил возглас старца:

— Ты забыл свою озерную траву. Куда ты так мчишься?

— В больницу. Там полно людей, парализованных паучьим ядом.

— Тем более, куда же они денутся? Запомни, нетерпеливость — худший из человеческих недостатков.

Но Найл уже вышел из комнаты.

Подходя к больнице, Найл обратил внимание, что перед центральным входом теснится народ. Приемный покой тоже был набит битком, какая-то мамаша держала на руках истощенно орущего младенца. Найл осмотрительно подошел к заднему ходу; слава богу, хоть здесь пусто. Первым, кого он увидел, заглянув, был Фелим.

— Что тут у вас?

— Да вот — кто-то пустил слух, и теперь все приходят спрашивать родственников.

На том конце напиравшую толпу мужественно сдерживали три сиделки, а мощного сложения женщина — видно, старшая сестра — уговаривала всех не шуметь так громко. Дверь комнаты, где лежали бесчувственные тела, была открытой. Когда они вдвоем подходили, мимо, закрыв лицо руками, с горестным воем пролетела женщина. Следом, разъяренно трясая головой, показался Симеон.

— Дуреха чертова! Ишь ты, мужа ей домой захотелось! Я говорю, ему надо быть единственно здесь! — Завидев Найла, он сделал попытку восстановить хладнокровие. — Здравствуй, мой мальчик. Видишь, какой у нас здесь кавардак.

Вокруг распростертых тел бродили люди — с полдесятка, — взволнованно вглядываясь в неподвижные лица. Одна из посетителей, темноволосая девушка в простеньком желтом платье, казалась чем-то знакомой.

В комнату вошел Бойд, неся продолговатый металлический контейнер с толстой и изрядно потрепанной книгой. Вид у него был явно довольный.

— Смотри, что нашел.

— Чего там еще? — спросил Фелим с тоскливой обреченностью.

— Аппарат ЭШТ.

— Чего-чего? — переспросил Симеон.

— Электрошоковая терапия. Посмотри, вот здесь об этом написано. — Он открыл книгу и показал Симеону. Тот, пошарив в кармане, вынул очки в золотистой оправе и водрузил их на нос. Бойд с ревнивым волнением следил, чтобы тот не пропустил ни слова. — Стоит попробовать, тебе не кажется?

Симеон, подумав пару секунд, решительно мотнул головой.

— Нет, это действует только угнетающе. К тому же здесь перед применением рекомендуется легкая анестезия. А у этих несчастных анестезии и так уже по уши.

— А вдруг все-таки очнутся?

— Хватит нам рисковать. — (Эксперимент со змеиной сывороткой, очевидно, научил его осторожности.) — Но все равно спасибо.

Бойд огорченно пожал плечами, оставаясь, видимо, при своем мнении. Когда он выходил из комнаты, Симеон крикнул вслед:

— Ты давай ищи!

— Мне кажется, я знаю,— сказал Найл.

— Что именно?

— Как заставить их очнуться.

Он вынул из кармана коробочку и сдвинул крышку.

— Это еще что?

— Я нашел у них в укрытии.

Симеон пристально посмотрел через очки, затем повернул коричневый флакончик на свет.

— Что это, по-твоему?

— Думаю, противоядие паучьему яду.

Лицо Симеона просветлилось. Он взял перо и сжал колпачок.

— А знаешь, может, ты и прав. Вот это явно примитивная игла для подкожных инъекций.

Его волнение выдавали единственно два красноватых пятна на скулах. Он повернулся к Фелиму:

— Как ты думаешь, рискнуть?

— Тебе решать,— осторожно ответил Фелим.— Я всего лишь ассистент.

Найл понимал их неуверенность. Если противоядие погубит пациента, поди потом оправдайся перед родственниками.

Симеон повернулся к Найлу:

— А ты как считаешь?

— Я думаю, опасности нет. Стигмастер сказал, в нем лишь немного паучьего яда.

За спиной послышался девичий голос:

— Пожалуйста, попробуйте на моем брате.

Это сказала темноволосая девушка в желтом платье, она стояла за спиной и слышала их разговор. Из посетителей в комнате осталась она одна.

— Как тебя зовут?

— Квинелла. Я из Диры.

— Точно. А где твой брат?

— Вот он.— Она провела их через комнату.— Ты его знаешь,— сказала она Найлу,— его зовут Айрек.

— Айрек? Ну конечно!

Айрек был одним из ребяташек, с которыми Найл играл в подземном городе Каззака. Но теперь его с трудом можно было узнать, настолько у него было худое и бледное лицо.

Их взгляды с Симеоном встретились.

— Ты понимаешь, какой это риск? — спросил Найл девушку. — Сыворотка неопробована. Ему может стать хуже...

— Может и вовсе убить, — добавил Симеон.

— Но я чувствую, он умрет, если останется так лежать, — сказала она.

Найл понимал ее опасения. Многие из детей Диры умерли во время перехода через пустыню. Даже сейчас ребра у Айрека ясно выделялись через кожу.

Симеон пожал плечами.

— Что ж, ладно. — Он повернулся к Фелиму. — Давай сюда новый шприц.

Он окунул иглу в коричневый флакончик и выбрал некоторое количество желтоватой жидкости. Затем, выбрав осматрительно место на внутренней стороне предплечья Айрека, хлопнул его по коже, чтобы четче обозначилась вена. Вонзив кончик иглы, утопил поршень. Иглу вытянул почти сразу же.

— Не хочу рисковать: вдруг окажется много.

Девушка блекло улыбнулась.

— Спасибо.

А у самой глаза не сходят с лица брата.

— Действовать начнет лишь через несколько часов, а может, и того больше, — ласково сказал ей Симеон. — Может, пойдешь домой? Мы за ним присмотрим.

Та покачала головой:

— Очень вас прошу, позвольте мне остаться.

Он вздохнул:

— Ладно. Тогда принеси-ка себе стул.

— По-моему, там еще идут, — озабоченно пробормотал Фелим.

В коридоре постепенно нарастали возбужденные голоса. Первой в дверях появилась старшая сестра.

— Мне можно впустить еще нескольких?

Симеон кивнул, и в комнату гуськом робко вошли с полдюжины подавленного вида мужчин и женщин. Через считанные

секунды, когда Симсон шупал у Айрека пульс, все вскинулись от пронзительного взвизга женщины лет сорока, с крашеными под блондинку волосами.

— Мой муж! Муженек мой милый! — Накинувшись на одного из лежащих, она принялась целовать ему лицо. Стол, на котором тот лежал, чуть не рухнул.

— Матрона, — Симеон, сгрожась, повысил голос, — немедленно возьмите себя в руки, или вас сейчас выведут.

Но та будто не слышала.

— Он жив?

— Да. Но прошу вас, ведите себя потише.

Женщина начала обеими руками похлопывать мужчину по щекам, да так крепко, что походило на пощечины.

— Нолди! Проснись же, это я!

Симеон повелительно посмотрел на старшую сестру, и та твердо взяла женщину за руку. Та же тотчас ударилась в слезы и рывком высвободила руку.

Такое Найлу было не внове. В городе пауков было много женщин среднего возраста, ставших с годами деспотичными и эмоционально неуравновешенными. В пору рабства мужчины и женщины содержались отдельно. Мужчины жили под прямым диктатом пауков и мало чем отличались от рабочего скота.

Женщины, в отличие от них, непосредственно с пауками общались мало, состоя под надзором служительниц, а те обращались с ними, в общем-то, неплохо. Они по сравнению с мужчинами считали себя эдакой аристократией. Те, что постарше — как эта женщина, — вырастали по службе до матрон, надзирающих за женскими общежитиями, и привыкли, что к их слову прислушиваются. Но без семьи и детей они нередко становились эгоистичными и склонными к необузданным выходкам — вот он, перед глазами, живой пример.

В конце концов женщину уговорили сесть, и сиделку отравили, чтобы принесла ей кружку настоя из трав. Тем временем прочие посетители уже заканчивали осмотр парализованных. Большинство были явно разочарованы, не найдя тех, кого искали. Лишь одна женщина продолжала стоять со скорбным видом возле тела ребенка, по щекам у нее текли слезы.

— В чем дело?

— Это моя дочь. Но мне кажется, она мертва.

Девочка была худенькая, изящная, лет двенадцати; к белокурым волосам липли кусочки тенет.

— Неправда, она по-прежнему жива.

Уверенность подтвердилась, когда Найл прошупал ей ум. Удивительно: ребенок, казалось, находился в полном сознании. Секунду Найл подозревал, что девчушка притворяется, но затем понял, что хотя она слышит все, что происходит в комнате, тем не менее не может шевельнуть ни ручкой, ни ножкой.

Тут неожиданно вскрикнула девушка в желтом платье:

— Он просыпается!

Веки у Айрека подергивались скорее как от нервного тика, чем от глубокого сна. На секунду подергивание прекратилось. Затем грудную клетку расперло от глубокого вздоха, и тут паренек яростно тряхнул головой, словно кто-то шлепнул его по щеке. Миг — и он, открыв глаза, ошарашенно огляделся вокруг. Симеон стоял с оторопелым выражением лица.

— Айрек, — ласково сказала девушка. — Ты меня узнаешь?

Паренек слабо улыбнулся и кивнул.

— Квинни.

— Уму непостижимо, — только и сказал Симеон, — меньше пяти минут прошло. Прошу, не надо... — Последние слова были обращены к девушке, схватившей его за руку и покрывающей ее поцелуями. — Вот кого надо благодарить, — он указал на Найла, — это он принес противоядие.

Раздался заполошный крик: опять эта, сорокалетняя. Выскочив из-за стола, где сидела со всеми остальными, она бросилась Симеону в ноги.

— Прошу тебя, дай это моему мужу! Заклинаю именем великой богини...

Симеон зарделся от смущения, когда женщина попыталась обнять его за ноги.

— Прошу вас, поднимитесь, матрона. Я сделаю все, что в моих силах, для каждого.

— Обещай прежде всего мне. Обещай, что дашь ему.

Симеон глубоко вздохнул; Найлу на секунду подумалось, что сейчас сорвется. Но он сказал:

— Хорошо, матрона. Но прошу вас, поднимитесь и обещайте, что будете вести себя прилично.

— Клянусь! — В глазах появилось расчетливое выражение. — Но ты дашь ему сейчас же, ладно?

— Ладно.

Муж женщины был красавец атлетического сложения, очевидно, моложе ее лет на десять. Пауки всегда с вниманием относились к телесному благополучию своего человеческого материала, взращивая его как племенной скот, поэтому в городе полно было мужчин, сложенных как античные боги, и женщин с безупречными фигурами. Для Найла постоянно было печальным откровением вглядываться в их умы и сознавать всю их ограниченность.

Симеон всадил иглу мужчине в предплечье и почти тотчас ее вытащил.

— Ты уверен, что этого хватит? — осведомилась женщина.

— Это все, что у нас имеется, а надо обслужить еще дюжину, — упрямо ответил Симеон.

Глаза Найла повстречались с глазами матери двенадцатилетней девчушки; видно было, что женщина слишком робка и нерешительна, чтобы о чем-то просить. Он положил ладонь Симеону на руку.

— Надо дать вон той малышке. Ей много не надо.

Мать одарила его теплой улыбкой благодарности.

Симеон похлопал девочку по худенькому предплечью, чтобы выступила вена, и всадил иглу. Найл в эту секунду снова вступил ей в ум. И опять с удивлением почувствовал, что она абсолютно в сознании, как и он. Вероятнее всего, паук, видя, что ребенок мал, ввел строго выверенную дозу, чтобы лишь парализовать нервную систему, не убив при этом ребенка.

Догадка подтвердилась, когда через несколько секунд ресницы у девочки дрогнули и глаза открылись. Она улыбнулась матери и тотчас повернулась поглядеть на Найла, хотя тот стоял вне поля зрения. Подойдя, Найл коснулся ее руки.

— Как тебя зовут?

— Венда.

— Ты долго спала?

— Ни минутки.

Симеон, видно, подумал, что ослышался.

— Что она говорит?

— Прямо с той минуты, как на тебя накинулся паук? — уточнил Найл.

Девочка кивнула.

— О богиня! — воскликнул Симеон.

Найл удивился хладнокровию ребенка.

— Наверно, жутко было?

Девочка покачала головой.

— Нет, просто как-то... спать сразу захотелось.

До Найла стало доходить. Дед, помнится, когда-то рассказывал, как его схватил смертоносец, а он, вместо того чтобы заорать от ужаса, ощутил вдруг какое-то сонное равнодушие, будто никакой опасности и не было. Теперь-то было ясно, что пауки, набрасываясь, как-то глушат ум жертвы равнодушием к страху. Подумал, и показалось вполне логичным. В тисках страха добыча может окочуриться гораздо быстрее, так что лучше внушить ей иллюзорное чувство безопасности.

Симеона схватила за руку та, сорокалетняя.

— Гляди, он просыпается!

Ее муж, встряхнувшись, ошарашенно огляделся вокруг.

— Ого, сколько же я проспал?

Видно было, что он понятия не имеет, как и что было на самом деле.

В дверях появилась старшая сестра.

— Ну что, еще можно запускать?

— Нельзя! — раздраженно отрубил Симеон. — Держи их еще с полчася.

Сам он мерил пульс мужчине.

— Ты на ногах держаться можешь?

— А то как же!

Тот спрыгнул со стола.

— Добро. Матрона, можете вести его домой.

Та схватила супруга за руку и поволокла к двери, не задержавшись даже, чтобы поблагодарить.

Девочка была теперь в руках у матери. Найл спросил женщину:

— Когда она у вас пропала?

— Ровно как шесть месяцев и два дня.

— И ты все это время не засыпала? — Та кивнула. — И не боялась?

Девочка опять уверенно кивнула.

— Нсвероятно,— пробормотал Симеон.

— Только мне не понравился противный дядька,— заметил ребенок.

— Что еще за дядька?

— Ну, такой... со смешным ртом.

Найл с Симеоном переглянулись: слова ребенка вызвали в памяти образ убийцы Скорбо, с его странно чувственными губами. Найл взял девочку за руку, пристально посмотрел ей в глаза и вгляделся в ум. Увиденное насторожило.

— Ты видела этого человека с пауками? — спросил он девочку. Та кивнула.— И они что, на него не нападали?

— Нет. Они были друзьями.

Найл понял, что расспрашивать дальше нет смысла; девочка сказала, что могла, и ум у нее начал истощаться; вглядываясь в него, а впечатление такое, будто смотришь сквозь дрейфующий туман.

— Веди-ка ты ее домой. Ты живешь далеко отсюда? — обратился Найл к матери.

— Через улицу.

— Смотри, чтобы она хорошенько выпалась,— наказал Симеон,— а завтра ее ко мне на осмотр.

Когда мать с ребенком ушли, Симеон спросил:

— Я верно понял этого ребенка или она имела в виду что-то другое?

— Боюсь, ты верно ее понял,— сказал Найл, кивнув.

У Фелима был растерянный вид.

— Что она имела в виду?

— «Дяденька со смешным ртом» — это один из убийц Скорбо,— пояснил Симеон.

Фелим перевел взгляд с Симеона на Найла.

— Но она сказала, что они были друзьями. Может, это ей снилось? Или у нее была горячка?

Найл покачал головой.

— Уверен, что нет.

— Абсурд какой-то. С какой бы вдруг стати Скорбо любезничал с кем-то из них?

— Получается одно из двух,— рассудил Найл.— Либо тот человек выдал своих товарищей Скорбо...

— Либо Скорбо был сообщником мага,— закончил мысль Симеон.

— Да ну, нет, такого быть не может. С какой бы стати Скорбо, будь он сообщником мага, затащил двоих из них к себе в кладовую? И зачем бы они его убили?

Найл покачал головой.

— Может, его предали. Или он их рассекретил. Но я уверен, что это ей не привиделось.

Наступила тишина, каждый был занят собственными мыслями. Наконец Симеон повел плечами.

— Согласен, все это бессмысленно. Но у нас есть еще дела. Сколько осталось сыворотки? — спросил он у Фелима.

Тот поднял флакончик на свет.

— Где-то на два пальца.

— Тогда должно хватить.

На протяжении следующих десяти минут он переходил от одного распростертого тела к другому, сосредоточенно вводя каждому строго отмеренную дозу сыворотки. Несколько человек очнулись буквально сразу, у других на возвращение сознания ушло несколько минут. Кое-кто начинал протяжно стонать, будто от кошмара. В основном же люди, сильно вздрогнув, в замешательстве вертели головой по сторонам.

— Изумительная штука,— довольно хмыкнул Симеон.

— Почему она так быстро действует? — недоуменно спросил Фелим.

— Наверно, потому, что пауки вводили четкую дозу, чтобы парализовать добычу, но не убить. А едва соотношение меняется, добыча сразу начинает приходить в себя.

Последней по счету оказалась девушка, так тихо прореагировавшая на змеиную сыворотку. Найл взволнованно за ней наблюдал и испытал облегчение, когда веки у той почти сразу же дрогнули. Когда их глаза встретились, лицо девушки осветилось теплой, блаженной улыбкой, которая тут же сменилась беспокойством и смятением.

Найл понял, в чем дело: в ее спящем сознании отложилась смутная память о нем как о ком-то, с кем у нее было что-то вроде интимной связи; через секунду, узнав Найла, она не знала, куда деваться от смущения. Найл взял девушку за руку и помог сесть.

— Как тебя звать?

— Амариллис.

— Ты видела паука, который на тебя напал?

— Я ничего не помню, — ответила та, покачав головой.

— Где ты была, когда на тебя напали?

— В квартале рабов.

Найл с Симеоном переглянулись.

— Пожалуйста, расскажи мне все, что помнишь. — Заметив, что девушка еще колеблется, он спросил: — Что ты делала в квартале рабов?

— Ходила проводить свою старую няню.

В пору рабства все дети содержались в детских, где нянечками у младенцев были рабыни. В итоге дети нередко принимали нянечек за подлинных своих матерей.

— И что там произошло?

— Было полнолуние, и мы пошли прогуляться к новому озеру, пока сестра Дины готовит ужин. Потом пошли назад...

— Где именно шли, не помнишь?

— По берегу вдоль реки. А потом свернули в проулок.

— Который?

— Точно не помню, мы всю дорогу болтали.

— И что произошло?

— Дина вдруг как завизжит, а меня что-то сшибло...

— Ты успела что-нибудь увидеть или почувствовать?

— Все случилось так быстро. — Она начала шмыгать носом. — А что с Ди-и-ной?

Симеон ласково похлопал ее по руке.

— Мы постараемся ее найти, не расстраивайся.

Пока разговаривали, комната постепенно опустела, очнувшихся отводили по домам, по родственникам. Некоторые были так слабы, что сиделкам приходилось их поддерживать; кое-кто уходил пригорюнясь, не рад жизни. Симеон сделал знак, и к Амариллис тоже подошла старшая сестра. Найл с огорчением смотрел девушке вслед.

Влив в нее какую-то часть своей жизненной силы, он чувствовал, что та сейчас уносит в себе часть его сущности. Грустное и в то же время странно приятное ощущение.

— Значит, была в квартале рабов, — подумал вслух Симеон. — Странно. Ты не думаешь?..

— Боюсь, что да. Укрытие находилось в полусотне метров от нового озера. На нее могли напасть именно на той улице.

Симеон запустил пальцы в ежик седых волос.

— Нонсенс. С чего Скорбо состоять с ними в союзе? Какая от этого ему и им польза?

Найл покачал головой.

— Затрудняюсь ответить.

— Чего я не могу понять,— поделился Фелим,— так это как Скорбо удавалось хранить все это в тайне. Ведь другие пауки могли спокойно прочесть его ум?

Видно было, что он, как и другие, разделяет то же заблуждение насчет телепатии.

— Не совсем так. Мысли укрыть нетрудно, особенно если у других нет причины тебя подозревать. Скорбо был начальник стражи, поэтому никто из подчиненных не смел соваться ему в мысли. Что же касается начальства — Смертоносца-Повелителя и его Совета,— те бы просто не захотели туда лезть.

— Почему?

Объяснить такое было нелегко.

— Скорбо был простолюдин, обыкновенный солдафон низкого происхождения. Им было бы просто неинтересно, что там делается в его уме. Они сочли бы это недостойным себя.

Взгляд Симеона упал на завернутую в тунику коробку, которую Найл, входя, поставил на стул.

— Что это?

— Я ее отыскал в прибежище. Это что-то вроде озерной травы. Помнишь, бурые те ошметки на теле у девушки?

Он осекся, их растерянные взгляды встретились. У обоих одновременно сверкнула одна и та же мысль. Симеон хватил себя кулаком по лбу:

— Мы же потратили всю сыворотку!

— Ты точно уверен? Там же еще оставалось во флаконе...

И флакончик, и шприц на поверку оказались пусты.

— Ну и идиот же я! — простонал Симеон.

Найл перевернул флакончик вверх дном: действительно, ни капли.

— А самим еще сделать нельзя? — спросил неуверенно Фелим.

— Похоже, придется, — ответил Симеон со вздохом.

— Как она делается? — поинтересовался Найл.

— Ну, это достаточно просто. Прежде всего достаешь сколько-нибудь паучьего яда. Затем, разбавив, вводишь его кому-нибудь микроскопическими дозами, пока не выработается сопротивляемость. После этого кровяная сыворотка становится противоядием паучьему яду.

— У нас не может быть в аптечке? — спросил без особой надежды Фелим.

— Нет, по одной простой причине. Никогда не было возможности достать паучьего яда. Они, очевидно, не хотят, чтобы человек развил сопротивляемость.

— Я уверен, что Дравиг мог бы это устроить, — сказал Найл. — Сколько надо времени, чтобы изготовить сыворотку?

— Две недели. Может, три.

— А какая разница, сколько та девушка пролежит без сознания? — спросил Фелим.

— Пока она без сознания, — ответил ему Симеон, — ее нельзя допросить. А она теперь наше единственное связующее звено с магом. — Он досадливо покачал головой. — Как же, черт возьми, мы оба умудрились о ней забыть?

Вопрос риторический, но, повстречавшись взглядами, оба поняли, что подумывают об одном и том же.

Через несколько секунд в комнату вошел Бойд. Он оторопел от неожиданности, увидев, что столы в комнате пустуют.

— Привет! Куда вы их девали?

— Мы нашли противоядие отраве, — сказал Фелим.

— Жаль. А то у меня появилась еще одна мысль.

— Что за мысль? — проворно спросил Симеон.

— Теперь какая разница.

— Все равно поделись, — предложил Симеон.

— Что-нибудь вроде этого.

Бойд поднял руку и стащил у себя с головы нечто, напоминающее металлическую ленту для волос, бледно-золотистого цвета.

— Что это? — спросил Найл.

— Называется аппарат Галлстранда. Предназначен для пациентов с повреждением мозга.

Найл взял посмотреть. Вещица так походила на ленту для волос, что он подумал, уж не ошибся ли Бойд.

— Что-то я не вижу, где здесь управление.

— А здесь его и нет. Она состоит из двух веществ, проводника и полупроводника, и, когда концы соприкасаются с кожей, в мозг выстреливаются произвольные импульсы тока. Почему б тебе не попробовать?

Найл натянул ленту на голову, центр расположив на лбу, а места сшива над ушами. Думал, начнет как-нибудь покалывать, вроде как от тока, но не почувствовал ничего.

— Ты уверен, что аппарат исправен?

— Сначала проходит минута или две.

— А потом?

— У меня пошли какие-то интересные вспышки, а затем что-то такое... странное.

Что-то в лице Бойда подсказывало, что он о многом умалчивает.

Все молча смотрели на Найла. Тот в конце концов покачал головой.

— Ничего не чувствую. Ты уверен, что прибор включен?

— Он все время включен. Он же на батареях.

— Может, они сели.

— Маловероятно,— уверенно сказал Бойд.— Он потребляет всего несколько милливольт, так что запас фактически вечный.

Найл стянул ленту с головы и подал Симеону.

— Оставь его себе, он твой,— сказал Симеон.

— Мой?

— Его нашли в этом городе, а правишь им ты. Так что все принадлежит тебе.

— Спасибо.

Найл опять натянул ленту на голову, на этот раз, лишь чтобы поддерживать волосы.

— У меня работало,— заметил Бойд.— Видно, у тебя с мозгами что-то не так.

Распахнув глаза, Найл тревожно огляделся. Несколько секунд ушло, чтобы понять, где он находится. Он лежал в пустом приемном покое прямо перед лестницей. Снаружи на улице

считай что никого не было. Из коридора в отделении слышался голос старшей сестры, разговаривающей о чем-то с сиделкой. Последнее, что он помнил, это сполохи света внутри головы, вслед за чем вступила резкая головная боль.

Найл поспешно поднялся, радуясь, что никто не застал его на полу — мысль об обмороке вызывала тихий ужас. Лента лежала на полу, он поднял ее и надел обратно на голову. Едва это сделав, понял, что от ленты-то он и потерял сознание. В голове все встало набекрень, как от корабельной качки, так что пришлось схватиться за перила. Найл поспешно сорвал с головы ленту и кинул в широкий карман туники. Головокружение сразу же исчезло, оставив после себя слабость.

Найл опустил на нижнюю ступеньку и закрыл глаза. Позднее всего было расслабиться и полностью освободиться от мыслей; стоило лишь попытаться думать, как сразу же наваливалась усталость. Но ничего, через минуту-другую унялось. Осторожно встав, Найл с облегчением обнаружил, что в глазах больше не темнеет.

Но едва вышел на порог под свет зимнего солнца, как обнаружилась разница, такая же очевидная, как между сном и явью. Все вокруг представало на удивление ясным, словно была убрана некая завеса. На что бы ни посмотрел — все четкое, яркое до остроты. То же самое и с физическими ощущениями. Обдувающий лицо ветер казался как-то прохладнее и сильнее, словно сам Найл только что вылез из горячей ванны.

Одежда на теле, обычно даже неосязаемая, сейчас терла до раздражения назойливо, словно с тела удалили верхний слой кожи. Восхищение сочеталось с дискомфортом, даже солнечный свет казался нестерпимо ярким, так что пришлось невольно зажмуриться. В этом состоянии обостренного бодрствования обычное сознание казалось неким сном.

Было ясно одно: аппарат Галлстранда вызывает особые изменения в мозгу. По словам Бойда, он помогает больным с повреждениями головного мозга. У Найла появился соблазн вернуться в больницу посмотреть, есть ли еще какая-то информация об этом аппарате в книгах по медицине, но, почувствовав на лбу испарину и желание лечь, Найл решил не делать этого.

Идя по южной стороне площади к дворцу, он сознавал, что с головой по-прежнему творится странное. Вот сейчас, допустим, что-то просто ошеломляющее: все вокруг будто взбухает, снова принимая затем обычный размер. Или, скажем, издалека в мгновение ока налетает что-то огромное, а затем с такой же скоростью уносится назад. А то и так: он сам летает на качелях взад и вперед. Голова кружилась, вызывая знакомую уже тошноту. Утешала лишь мысль, что, коль скоро все это от аппарата Галлстранда, что лежит теперь в кармане, эффект должен быть только временный.

Оказалось, легче становится, если пристально вглядываться в тротуар под ногами. Но при этом возникает другой любопытный эффект. Текстура тротуара, казалось, становится крупнее и как-то достовернее; смотришь на него всего несколько секунд, а уже кажется, что запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Найл мысленно напрягся, как бы отталкивая картину на длину руки, и чрезмерная достоверность исчезла, заменившись таким ощущением, будто он смотрит на тротуар с обратного конца подзорной трубы.

Он уже приближался ко дворцу, когда услышал, что сзади нагоняют. Оглянувшись: Бойд.

— Ты забыл вот это.— Паренек протягивал коробку с озерной травой.

— Ага, спасибо.

Бойд пристально посмотрел на него.

— С тобой все в порядке? Вид у тебя какой-то забавный.

— Да, я в порядке. Просто устал чего-то.

Бойд посмотрел на золотистую ленту, выбившуюся из широкого кармана туники.

— Это у тебя, наверное, от нее, да? Я так вообще как попробовал, так будто от медовухи окосел. Но оно быстро проходит. Теперь тебе понятно, как этот аппарат действует?

— Думаю, да. Тебя что, опять там ждут?

— Нет, что ты. Они сейчас собираются анализировать соскоб с того топора. Это займет несколько часов.— Бойд поднял взгляд на дворец.— Ух ты, здесь ты живешь?

— Да.

— Место великолепное. И мраморные лестницы тут есть?

— Есть. Хочешь зайти взглянуть?

— Выше! — выпалил Бойд. Словечко было для Найла внове, но он понял, что оно означает согласие.

Когда приблизились к двери, Бойд нервно покосился на бойцового паука, стоящего на страже; тот застыл как каменный, невозможно понять, сознает ли вообще их присутствие. Когда дверь за ними закрылась, Бойд спросил вполголоса:

— Это настоящий или статуя?

— Настоящий, конечно, — с некоторым удивлением ответил Найл.

— А я думал, может, статуя. У тебя, поди, от них мурашки по коже?

Найлу сделалось как-то обидно за пауков (даже сам от себя такого не ожидал).

— Это у них от нас мурашки должны идти. Надо учиться привыкать друг к другу.

Бойд, не обращая внимания на его уязвленный тон, оглядывал помещение.

— От так да! Вот где бы жить! Прямо как наш городской зал собраний.

Он подлетел к камину и посмотрел снизу вверх на трубу.

— Глядь, вот это высота! А почему дождь не попадает вниз?

— Не знаю.

— А тут что? — Бойд приоткрыл дверь в подвал.

— Подвал.

— Можно взглянуть?

— Там внизу темно.

— Тут есть светильник.

В нише возле двери стоял незажженный светильник с огнем (с падением рабства разрешили спички, но их все еще не хватало). Бойд со сноровкой, разившейся от долгих лет привычки, запалил фитиль и прикрыл светильник стеклянным колпаком. Затем — он впереди, Найл следом — спустились по лестнице в подвал. На крючьях висело с полдюжины копченых окороков, на полу — несколько кадок с соленьями, маринадями, со специями.

— Что-то не слишком густо, — разочарованно заметил Бойд.

— Правильно, подчистили за полгода.

— Что у тебя вон там? — Бойд указал на массивные черные сосуды, смутно виднеющиеся у дальней стены.

— Ничего, там пусто. — Сказал, а у самого в душе оборвалось.

Сосуд, где находились кулоны, был расколот, на полу лежал обломок вместе с каменной пробкой, запечатывающей горловину. Бойд уловил золотистый отблеск под светом светильника.

— Гляди, вот в этом что-то есть.

Он подался вперед.

— Не трожь! — резко остановил его Найл.

Бойд послушно выпрямился. Найл взял у него светильник и опустил на колено. Сосуд раскололся на три части, словно его шарахнули молотом. Два куска остались стоять вертикально, третий лежал на полу.

Сначала подумалось, что сосуд нечаянно расколол кто-то из слуг — может, пыжился вынуть каменную пробку, да сил не хватило и уронил ее обратно, а сосуд возьми да расколись. Но понял, что такое едва ли возможно. Никому невдомек, что Найл побросал кулоны в сосуд, поэтому и заглядывать никому не было причины.

Найл изучал кулоны, держа над ними светильник, затем осторожно коснулся их пальцами. Кулоны были абсолютно инертны. Протянув руку, Найл поднял их на ладони.

— Один такой был в больнице, — заметил Бойд. — Что это такое, не знаешь?

— Их носят слуги мага. О маге слышал?

Бойд кивнул.

— Дядя Симеон говорил.

— Значит, знаешь, что они могут быть опасны.

Найл говорил, а сам пытался распутать у кулонов цепочки; никак не получалось, спутались в тугой узел. Вместе с тем помнилось, что падали они из стакана в сосуд один за другим, поэтому перепутаться никак не могли. Наконец он рванул одну из цепочек, и та лопнула; только так и удалось расцепить.

— Зачем ты это сделал? — спросил Бойд.

— Потому что по отдельности в каждом из них меньше силы.

Не будь сейчас рядом посторонних глаз, Найл бы понес кулоны в Белую башню. Вместо этого он скинул их в два разных сосуда, — специально выбрал два, стоящих друг от друга как можно дальше, — и тщательно заткнул горловины каменными пробками.

Когда поднимались по лестнице, Бойд спросил:

— Но кто расколол сосуд?

— Маг.

— Он что, был здесь? — изумленно сверкнул глазами Бойд.

— Нет. Но здесь кулоны, а этого достаточно. Вот потому они так и опасны.

Бойд наперебой расспрашивал, но ответы Найла звучали рассеянно. Он все еще размышлял о расколотом сосуде и эффекте двух кулонов. Получается, что маг, вероятно, сознавал все, что происходило во дворце двое минувших суток. Проклиная себя за легкомыслие, Найл мысленно дал себе зарок при первой же возможности снести кулоны в Белую башню.

В покоях никого не было; Джарита, как и многие женщины во дворце, устраивала себе после обеда отдых на пару часов, Найл поставил на стол коробку с озерной травой, рядом положил вынутую из кармана металлическую ленту. Неожиданно почувствовал, что на бедро давит какой-то предмет. Вспомнил: каменная фигурка. Пресекая заведомый град вопросов со стороны Бонда, Найл попросил:

— Расскажи мне об аппарате Галлстранда.

— Сходить принести хрестоматию?

— Не надо. Просто расскажи, что помнишь.

— Ну что ж, ладно... — Бойд приподнял брови. — Так или иначе, все в нем связано с нервными протоками в мозгу. По ним проходят разные импульсы... — На секунду он прервался, глубоко вздохнул и продолжал: — Выяснилось, что если у человека поврежден какой-то отдельный участок мозга — например, упал он с дерева и ему стала отказывать левая рука, — то зачастую он может восстановиться и без всякой помощи, особенно если руку постоянно упражнять. Но это не потому, что поврежденный участок в мозгу исцелился, а потому, что мозг образовал вокруг поврежденного участка новые протоки. И мне кажется, все это, в общем-то, правильно.

— Звучит убедительно,— согласился Найл.

— Вот и тот самый Галлстранд решил, что у людей новые эти протоки, скорее всего, образуются путем проб и ошибок. И аппарат свой изобрел, чтобы все это давалось легче. Ведь тот сам по себе ищет наобум новые и новые протоки. Это все равно что рассылать по темному лабиринту тысячи гонцов с факелами; рано или поздно кто-нибудь из них обязательно отыщет выход.

Найл медленно кивнул. До него мало-помалу стал доходить смысл странных ощущений, которые одолевали его при выходе из больницы. Новые нервные протоки вполне объясняли то чувство свежести и новизны, от которого весь мир представлялся обновленным.

Вместе с тем все еще непонятным оставалось другое ощущение, будто мозг взад и вперед раскачивается на качелях, отчего все, что ни видишь, то надвигается едва не вплотную, то опять уносится вдаль. Даже вспоминать об этом было не совсем приятно: начинала кружиться голова.

— Ты не можешь примерно описать свои ощущения, когда надел ленту на голову? — спросил он Бойда.

— Была какая-то необычная вспышка, будто кто-то шаркнул по голове. Потом замутило, а потом вдруг я почувствовал, как все вокруг ожило...

— Ожило?

— Именно ожило и будто за мной наблюдает. В конце концов стало легчать, и разобрало волнение...

Найл взял ленту.

— Попробую испытать это на той девушке.

— Можно, я тоже посмотрю?

— Конечно.

В коридоре он чуть не столкнулся с Доной, несущей охапку детской одежды. Увидев Найла, она зарделась от удовольствия.

— Привет. Что-то ты вообще пропал.

— Да вот, все дела и дела.

От улыбки Доны стало немного совестно. Было время, когда Найл подумывал на Доне жениться. И хотя вслух об этом не говорилось ни слова, он чувствовал, что и она об этом тоже догадывается. Но за важными делами он как-то постоян-

но прятал эту мысль на второй план. Вместе с тем всякий раз при встрече с ней душа наполнялась укротным теплом и светлой радостью. Такой, что хотелось подойти к девушке и обнять.

Бойд смотрел на Дону с явным любопытством. Найл поспешно начал их знакомить:

— Это Бойд, племянник Симеона. А это моя двоюродная сестра Дона.

Оба улыбнулись друг другу, и Бойд слегка поклонился, как это принято у мужчин в городе жуков-бомбардиров.

Наступила нелепая пауза. Взгляд Дону упал на ленту в руках у Найла.

— Что это?

— Ах, это.

Найл не хотел особо распространяться, но тут влез со своей эрудицией Бойд.

— Это называется аппарат Галлстранда, и мы сейчас хотим его испробовать на девушке, которую укусил паук.

— Что еще за девушка? — Было ясно, что Дона ни о чем не знает.

— Можешь сходить с нами посмотреть, — сказал Найл без особой охоты, чувствуя, что теперь уж деваться некуда. А самому почему-то очень, ну просто край как не хотелось, чтобы женщины во дворце видели бесчувственное тело. Но Дона уже сложила грудю белья возле двери.

— Я не против.

Девушка лежала точно так, как ее оставил утром Найл, с натянутым до подбородка одеялом. Все так же валялась на полу срезанная с тела перепутавшаяся кисея. Дыхание было чуть заметным, а лицо с закрытыми глазами оставалось безмятежным, как у спящего ребенка.

— Она красивая, — заметила Дона.

Найл почему-то смешался от такого замечания. Без лишних промедлений он чуть растянул кружок золотистой ленты и натянул девушке на голову, чтобы места сшива разместились над ушами.

Первые несколько секунд ничего не произошло. Но вот голова у девушки дернулась на подушке, и стало ясно, что сполох света озарил спящий мозг. Все трое затаили дыхание, веки у девушки начали подрагивать.

— Действует, — выдохнул Бойд.

Тут глаза у нее распахнулись и вперились в Найла. Руки под одеялом судорожно дернулись, словно она пыталась разорвать невидимые путы. Затем с ошеломившей всех резкостью (ни дать ни взять распрямленная пружина) девушка села. Она не отрываясь смотрела Найлу прямо в зрачки и словно вот-вот собиралась спросить, кто он такой. И тут глаза ей будто подменили.

Она по-прежнему смотрела на Найла, но взгляд утратил осмысленность, будто она внезапно ослепла. Через секунду она откинулась головой на подушку и распласталась неподвижно, как прежде, заострив лицо к потолку. Единственно, дыхание стало быстрее. Но через несколько секунд унялось и оно, и девушка, судя по всему, снова впала в глубокое забытие. Найл потянул одеяло прикрыть ей нагую грудь, Бойд, покраснев, стыдливо отвел взгляд.

Лента успела свалиться с головы, Найл подобрал ее с подушки и приладил снова, насадив поглубже. На этот раз было безрезультатно. Постояли около пяти минут. Когда стало уже окончательно ясно, что никакой реакции не будет, Найл со вздохом повернулся.

— Передай дяде, что придется-таки делать сыворотку.

— Одного я все же не могу понять, — заметил Бойд. — Если она вот так проснулась, то почему снова заснула?

— Ну как же, — сказала Дона, — ведь бывает иногда, что люди сначала вскакивают со сна, а потом снова засыпают.

— М-да, — произнес Бойд. — Ты-то, Найл, понимаешь, о чем я.

Найл в самом деле понимал. У него на глазах очнулась от паучьего яда дюжина людей. И уж вскочив раз, они больше не падали.

Он повернулся к Бойду.

— Я спрошу у Дравига, можно ли нам раздобыть сколько-нибудь паучьего яда.

Когда вышли из комнаты и Найл закрыл дверь, Бойд спросил:

— А можно еще сходить посмотреть вниз с крыши? А тогда уж пойду.

— Конечно, — ответил Найл и повернулся к Доне. — Может, покажешь ему? Или ты занята?

— Да нет, ребяташки спят. Он может остаться и к чаю, если пожелает.

— Если, конечно, не буду в тягость, — вежливо проронил Бойд, а сам — по глазам видно — рад без памяти и готов остаться хоть до самого вечера.

Найл почувствовал облегчение, оставшись один. Он раскинулся на подушках и закрыл глаза. Но при этом тотчас возникло прежнее головокружение, будто мозг раскачивался на качелях. Найл, усевшись, уместил между спиной и стенкой подушку. Взгляд при этом упал на коробку озерной травы на столе, и усталость сменилась любопытством. Став коленями на подушку, Найл вынул из коробки циновку и разместил ее на столешнице. Циновка была холодной, скользковатой на ощупь. Вместе с тем было что-то невыразимо блаженное в этой скользкой сырости — причем такое четкое, что Найл, подавшись вперед, лег на циновку лбом. Ощущение уюта, расслабленности, как на мягкой подушке. Сырая эта прохлада пробуждала неумную, сильную чувственность; расслабленный ум несло куда-то, навевая образы темных лесных чащоб, где мохнатые хвойные лапы затевают глубокие озера. Прошло некоторое время, и Найл начал осознавать — что-то происходит с телом. Сложно сказать, что именно; впечатление такое, будто проскакивают колкие искорки от некоего предвкушения. Но казалось, контакт между кожей и циновкой из озерной травы — лишь начало процесса, а он сам остановился на зыбкой грани следующей стадии.

Где-то через полминуты Найл обнаружил кое-что еще. Похоже, от тела траве не передается тепло, она остается такой же прохладной, как и вначале. Даже когда обернул циновку вокруг руки, температура ничуть не изменилась, рука будто погрузилась в холодную воду. А когда случайно коснулся пальцами столешницы, стало еще удивительней: дерево было теплым.

Смысл дошел через несколько секунд, причем Найл от волнения даже сел, упустив из-под спины подушку. Циновка проводит тепло из тела прямо на столешницу, сама при этом

оставаясь прохладной. Получается, Стигмастер был не совсем прав, посчитав ее за чисто ритуальную принадлежность. У нее какое-то другое назначение. И похоже, даже спрашивается ответ, какое именно.

Найл свернул циновку и уложил обратно в коробку. Затем, неслышно поднявшись, крадучись вышел в коридор, опасаясь, как бы звук шагов не привел в комнату Джариту. Осторожно открыв дверь соседней комнаты, он запер ее за собой на ключ.

Вынув циновку из коробки, Найл повесил ее на спинку стула. Затем стянул с тела девушки одеяло и бросил его на пол. Было что-то удивительно детское и беззащитное в этом обнаженном теле с маленькими крепкими грудями и круглым тугим животом. Все так же виднелись на бедрах бурые ошметки озерной травы. Найл взял циновку и аккуратно накрыл ею тело. Дыхание девушки едва ли не сразу стало глубже, а на бледных щеках проступили слабые пятна румянца. Он смотрел пристально — может проснется? — но та лежала все так же неподвижно.

Найл подтянул к кровати стул и сел, положив обе руки на циновку. Озерная трава приятно холодила. Однако, закрыв глаза, он почувствовал: что-то не так. Какой-то скрытый сбой, от которого неуютностораживается душа и сердце стучит с перебоями. И тут стало ясно: циновка-то лежит не той стороной. У себя в комнате он клал ее на столешницу усиками и присосками вниз. Перевернув и пристроив циновку по новой, он опять положил на нее руки.

Через несколько секунд в обеих руках начало покалывать. Покалывание постепенно распространилось на запястья, охватило предплечья. Возникла блаженная расслабленность, какая обычно бывает, если опустить озябшие руки в теплую воду. Ушло несколько минут, чтобы понять, что происходит: он впитывал из девушки жизненную энергию.

Тем не менее через несколько секунд подумалось, что действовать надо не совсем так. Чтобы блаженство от перелива энергии ощущалось сполна, тела должны находиться в полном контакте.

Найл освободился от туники и скинул ее на пол, после чего медленно, опираясь весом в основном на локти, улегся на девушку. Ростом он был выше сантиметров на пятнадцать и

опасался, что тяжеловат для нее. Однако ничего — вес распределен так ровно, что даже если бы она не спала, то, наверное, не ощутила бы неудобства.

Найл вообще-то готовился к чему-то необычному, но все же случившееся его удивило. Девушка задышала глубже, и из ее тела стало подниматься что-то мягко светящееся. Походило на открытый кран: жизненная энергия обильно сочилась и через циновку проникала в его тело. Циновка каким-то непостижимым образом всасывала жизненную энергию из тела девушки и передавала ее Найлу. Он попробовал прижаться губами к ее рту, но это только задерживало поток, даже когда он смочил ей губы языком. А девушка дышала глубоко и ровно, словно хорошо привыкла к такому переливанию энергии. Чувствовалось даже, что она наслаждается и рада избавиться от избытка жизненности, скопившегося в теле.

Все эти ощущения были одним из самых необычных, какие только Найлу доводилось испытывать. Отдаленно это напоминало те незабвенные минуты, когда он впервые сжимал в объятиях Мерлью, — то же томное вожделение, передающееся от ее тела ему. Но в сравнении с тем, что ощущалось сейчас, даже объятия Мерлью как-то блекли. Теперешние ощущения были гораздо глубже и совершеннее, чем секс, или, вернее, секс можно было назвать усеченным вариантом их ощущений. Позволяя Найлу целовать в засос и прижиматься телом, Мерлью отступала в свой сокровенный мир удовольствия, и Найл был лишь механизмом, дающим желанную ласку. Эта же девушка давала ее бескорыстно, доставляя удовольствие лишь потому, что он мужчина и нуждается в ее жизненной энергии; и она давала ласку так же щедро и естественно, как корова молоко.

В Найле поток утолял какую-то потаенную, сугубо мужскую жажду, о наличии которой он всего несколько секунд назад и не подозревал. Ощущение было подобно прохладному напитку для першащей, пересохшей глотки; волны удовольствия расходились по отдаленным уголкам его существа, словно нервы у Найла — телеграфные провода, уходящие в отдаленные районы какой-нибудь неведомой страны.

Вспомнилось вдруг одно из самых памятных впечатлений детства: день, когда на пустыню у подножия плато неожидан-

но пал проливной дождь. С запада тогда подул стойкий прохладный ветер, пригнавший громады туч, и с неба пошла вдруг хлестать вода, словно какой бог опрокинул огромное ведро или — еще вероятнее — водопад. Когда скопившаяся вода побежала по высохшему руслу ручья, земля вдруг зашевелилась и наружу из слякоти стали выталкиваться крупные лягушки-валы. С треском начали лопаться какие-то пустые горошины, и через полчаса земля оказалась покрыта пестрым ковром из цветов — белых, красных, желтых, синих, оранжевых, розовато-лиловых.

Большие лужи кишели головастиками и водорослями, а кваканье лягушек перекрывало глухой шум дождя. Это было, пожалуй, самое памятное и радостное событие его детства. И теперь, поглощая энергию девушки, Найл чувствовал, как его собственное существо превращается в цветок, внезапно высвечивая ровным светом неведомые до этой поры области сознания.

Минут через пять тело будто отяжелело от избытка удовольствия — ни дать ни взять, голодный, проглотивший обильный обед. Когда Найл поднялся, его обнаженное тело лучилось, будто над кожей искрились тысячи крохотных точек света. Он рухнул на стул — старомодный, с изогнутыми ручками и подушкой на сиденье — и с глубоким вздохом расслабился. Сердце словно замедлилось до половины своей обычной скорости.

По крайней мере, теперь он понимал, отчего убийцы взяли с собой девушку. Она была для них источником энергии, обновителем жизненной силы. Находясь с ней в телесном контакте, он, можно сказать, ощущал присутствие тех мужчин, что ему предшествовали. Найл не чувствовал ревности. Давать энергию было предназначением этой девушки, она рада была отдавать ее любому мужчине, который мог бы ее принять.

В эту секунду осенило и то, почему Вайг вел себя так странно в присутствии девушки. Он наверняка как-то подспудно чувствовал, что та способна восстановить его убывающую энергию. От этой мысли душа наполнилась радостной надеждой. Сама лучащаяся жизненность убеждала в том, что девушка способна исцелить недуг Вайга. От брата же требуется единствен-

ное — впитывать из ее тела энергию до тех пор, пока не восстановятся собственные жизненные силы.

От этой мысли Найл так взволновался, что, вскочив, сделал шаг к двери, прежде чем спохватился, что гол. И, накинув уже было тунику, вспомнил нарекание старца насчет торопливости, за которую именно он сегодня, кстати, уже поплатился. Эта мысль охладила Найла, он бросил тунику на пол и снова сел.

Еще раз пристально посмотрев на спящую девушку, он испытал жалость и благодарность. Она несла в себе тайну жизни, вместе с тем мужчины, держа девушку для своих нужд, превратили ее в своего рода дойную корову. Лежа неподвижно, с закрытыми глазами, она походила на покойницу: пятна румянца истаяли со щек, дыхание едва заметное.

Прошикнувание в мозг равносильно было вхождению в первородный мрак, не было даже разрозненных сполохов-снов. Прощупывая чуть раньше ум девушки в больнице, он воспринимал ее спящее сознание эдакой подрагивающей зарницей на горизонте. Сейчас у нее в уме не было ничего — бескрайняя тьма.

Внезапно Найлом овладело неудержимое желание выразить девушке свою благодарность, возвратив хоть немного своей избыточной жизненности, которую впитал с ее помощью и которая, в свою очередь, еще выше подняла его жизненный тонус. Циновка из озерной травы наполовину соскользнула, отчего вид у девушки стал какой-то доподлинно несчастный и покинутый, будто ее швырнули сюда с проезжающей мимо повозки.

Найл, наклонившись, поправил циновку, после чего перевернул и опять накрыл ею тело. Затем он снова улегся на девушку, предусмотрительно оперевшись па локти. Вместе с тем теперешняя поза казалась до странности неудобной. Он слез с девушки и лег возле нее на постель. Затем, обняв ее одной рукой за талию, а другой прихватив за ягодицу, поднял ее и взвалил на себя. Она была на удивление легка, но из-за полной расслабленности никак не держалась в таком положении; пришлось сначала, потянувшись, выпрямить ей ноги, затем приспособить между ней и собой циновку и придерживать

девушку за обе ягодицы. Голова у нее была повернута в сторону, так что щека приходилась Найлу напротив рта.

Найл дал себе расслабиться до полной восприимчивости, пока сознание не уподобилось пустому сосуду. Теперь ясно было, отчего первый контакт вызвал чувство какой-то скрытой рассогласованности. Он ожидал от девушки прилива энергии, а это шло вразрез с полярностью подстилки. Более того, он лежал сверху, и циновка проводила энергию снизу вверх, против силы тяготения.

Теперь единственно, что надо было, это использовать циновку для скапливания определенной энергии, что сейчас пульсировала внутри его; он добился этого, представив, что энергия скапливается в районе груди и бедер. В определенной точке он вообразил, как эта энергия впитывается прохладной и скользкой озерной травой, и понял, что дело двинулось. Через секунду он губами почувствовал, что щека у девушки стала теплее.

Казалось очевидным, что откачка энергии — процесс прямо противоположный впитыванию. Между тем в обоих наблюдалось любопытное сходство. Начать с того, что независимые сущности Найла и девушки слились воедино, словно две дождевые капли. Подобное слияние напоминало, по сути, половой акт самозабвенно отдающихся друг другу любовников. Рассуждая примитивно, они сделались мужем и женой. Давать энергию было невыразимо приятно — настолько, что после недолгого перерыва Найл ощутил потребность проделать это еще раз. Он скопил очередной заряд в груди и бедрах и единым сокращением мышц освободился от него, оросив энергией циновку. Делая это, он смутно сознавал, что повторяет некий глубоко универсальный процесс, существующий испокон веков.

Делая то же самое в третий раз, Найл почувствовал, что девушка начинает откликаться. Удовольствие от впитывания жизненной силы постепенно приводило ее в чувство. В темноте ее сознания, казалось, нарождался рассвет.

Спустя секунду девушка чутко замерла, Найл тоже затаил дыхание, пытаясь унять стук сердца. Девушка пошевелилась как во сне и двинула головой, отчего ее губы переместились

к губам Найла. Найл почувствовал, как ресницы у нее затрепетали, а рот приоткрылся.

Через секунду он пронзительно вскрикнул от боли: дикарка впиалась ему зубами в нижнюю губу. Поскольку в этот момент Найл был полностью сосредоточен на уме девушки, его шок отразился вспышкой у нее в мозгу. Он дернулся, и девушка слетела с него на кровать, но при этом не отцепилась. Кажется, все: прокусила губу насквозь. Он пихнул дикарку так, что та юзом пролетела по койке и шлепнулась на пол. Найл сполз с кровати, не исключая того, что дикарка накинется снова. Но та лежала на полу неподвижно, вниз лицом, подогнув под себя одну ногу.

Первой реакцией была ярость. Боль была жгучая, а по щекам, смешиваясь с капающей на грудь кровью, струились слезы. Найл схватил лежащую на полу тунику девушки и притиснул к нижней губе. Когда кровь в основном впиталась, он осторожно потыкал рану кончиком пальца, одновременно попробовав с другой стороны языком. К счастью, язык и кончик пальца не сомкнулись. Но губа уже успела распухнуть, как от хорошей зуботычины.

Найл грубо перевернул девчонку ногой. Когда та опрокинулась на спину, обнаружилось, что глаза у нее широко открыты. Приоткрыт и рот, а по подбородку сбегает струйка крови, перемешанная со слюной. Землистый оттенок кожи напомнил о трупe, который Найл видел поутру в больнице, и сердце внезапно сжалось от страха. Если она мертва, то утеряно последнее связующее звено с магом. Он упал возле нее на колени, но сердце у самого колотилось так яростно, что невозможно было вызвать расслабленность, необходимую для прощупывания ума. Тогда он схватил запястье девушки, пытаясь замерить ей пульс. Не сумев этого сделать, Найл вдруг с уверенностью подумал, что девушка умерла, и душа наполнилась холодным отчаянием. Нагнув голову, он приложил ухо к ее левой груди. Когда через несколько секунд дыхание слегка успокоилось, он смог уловить слабый пульс. Облегчение было такое, что Найл прикрыл глаза и испустил глубокий вздох.

Осторожно пропустив обе руки под тело девушки, он поднял ее на кровать. Из уголка рта у нее сочилась тонкая струйка

крови. Найл хотя и знал, что кровь его собственная, но тем не менее почувствовал себя неуютно и отер кровь носовым платком, после чего закрыл незрячие глаза девушки.

Теперь, когда тревога улеглась, он мог прощупать ей ум. Абсолютная пустота, как и ожидалось, без всякого намека на сознание. Найл, сосредоточенно нахмурясь, смотрел на нес. Прежде всего на ум напрашивалось, что девушка, очнувшись, почуяла в нем чужака и у нее сработал защитный рефлекс. Но в таком случае она бы и сейчас была в сознании или, по крайней мере, оно бы в ней теплилось.

А не может ли она по-прежнему быть марионеткой мага? От такой мысли по коже прошел холодок. Но, подумав, Найл отказался от такой мысли. До сих пор все указывало на то, что маг связывается со своими слугами посредством кулонов. А те сейчас благополучно изолированы магнитным полем каменных сосудов, что в подвале.

Но одинаково трудно верилось и в то, что девушка, едва придя в себя, накинута на Найла и тут же снова впала в глубокое забытие. Не отрывая платка от распухшей губы, он вглядывался в неподвижное лицо. Понятно, что идти на дальнейший риск было бы абсурдно; кулоны надо прихватить в Белую башню. Прикрыв девушку одеялом, Найл уложил цинковку обратно в коробку и вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

Из кухни доносились голоса и звон кастрюль, но на лестнице никто не попался, и слава богу: не хватало еще объяснять, что у него с губой. Возле лестницы, ведущей в подвал, он приостановился зажечь масляный светильник и осторожно сошел в темную прохладу.

Черные каменные сосуды стояли точно так, как Найл их оставил. Поставив светильник на пол, вынул затычку из горловины ближайшего — та притерлась плотно, пришлось вначале слегка покрутить туда-сюда. Осторожно сунул руку внутрь, но когда пальцы коснулись кулона, тот оказался совершенно инертен. Это был тот самый, у которого Найл впопыхах оборвал цепочку, когда распутывал. Кулон он скинул в карман туники и передвинул светильник ко второму сосуду.

Из этого затычка вышла легко. Потянувшись туда рукой, он нашарил цепочку — тоже инертна. А когда вынимал руку,

тыльная сторона ладони случайно задела за небольшой острый выступ в горловине сосуда. Найл взял с пола светильник, поднял. У того от верхушки через бок шла трещина, миллиметра четыре шириной. Первой мыслью было, что он сделал ее сам, когда вставлял тяжелую затычку. Хотя не могла же горловина треснуть лишь из-за этого. Найл поднес светильник к другой стороне сосуда и, оглядев, заметил еще одну трещину — с волос — до самого низа. Когда же, взявшись за горловину изнутри, попытался растащить две половины в стороны, это не удалось. Вторая трещина была, видно, только поверхностной, что озадачивало и слегка тревожило.

Конечно, может статься, трещина имелась в сосуде изначально, просто раньше была не по глазам. Но в такое что-то не очень верилось. Второй кулон он разместил в кармане как можно дальше от первого, но и при всем при этом не мог отделаться от нехорошего предчувствия.

Но мрачные мысли рассеялись, стоило выйти наружу под неяркий свет надвигающегося вечера. Синевя неба углубилась, северный ветер, казалось, нес запах осени. Возвращались по домам с работы мужчины, прошла мимо беременная женщина, неся сумки с покупками. Этот час дня Найл любил больше всего — время отдыха после работы, когда мир словно светится уютом укромого счастья. День выдался долгим и в некотором смысле полным тревожных потрясений, но теперь, оглядываясь назад, Найлу казалось, что удача сопутствовала ему.

На площади было довольнолюдно, поэтому он решил не подходить к Белой башне с юга, со стороны обиталища Смертоносца-Повелителя: непременно заметят, и тогда от любопытных не отделаешься. Вместо этого он прошел по площади в сторону моста, ведущего в квартал рабов. На этой стороне тротуар переходил в пустырь. Здесь всегда было безлюдно, поэтому можно было идти непринужденно, зная, что сама башня скрывает от пешеходов на той стороне площади.

Но, не пройдя по траве и полпути, Найл стал ощущать смутное беспокойство — примерно то же самое, какое сегодня ощутил, приближаясь к башне с каменной фигуркой в кармане. Теперь оно было даже сильнее. Вместо подрагивающего, влекущего чувства, сопровождающего приближение к башне — все равно что у искателя подземной воды по лозе, — было гне-

тущее чувство отталкивания, словно идешь под сильным встречным ветром. Найл понимал, что попытки втереться в силовое поле башни бессмысленны, она предупреждала его держаться на расстоянии. Поэтому, вынув оба кулона из кармана, он положил их на голубоватый мрамор, окружающий основание башни.

К удивлению, гнетущее отталкивание сохранилось, хотя уже не такое сильное, как секунду назад. Найл остановился, недоумевая, как же быть дальше. Вскоре неуверенность сменилась облегчением: из сплошной молочно-белой стены выявился старец, как какой-нибудь ныряльщик из воды. Найл дождался разъяснений. Старец же без всяких слов поднял правую руку и направил на лежащие в паре метров золоченые цепочки.

— Это как раз те самые кулоны, что...

Закончить Найл не успел: из указательного пальца у старца вырвался упругий жгут огнистого света и полоснул по одному из кулонов. Кулон полыхнул ярким отблеском, переплавился в шарик, шипящий и пузырящийся на мраморе. Когда, накалившись докрасна, засветился и сам мрамор, золотистый шарик, уменьшаясь в размерах, принялся таять, словно капля воды на горячей плите. Удивленно следя за происходящим, Найл заметил, что нет на прежнем месте второго кулона; оказывается, он переместился ближе к краю платформы. На секунду подумалось, что это из-за силы энергетического жгута, исторгнутого старцем, но тут он с удивлением увидел, что цепочка движется сама собой, суетливо сокращаясь, словно гусеница в попытке улизнуть. Не успела: огнистый жгут накрыл ее, превратив в лужицу жидкого металла, по инерции все еще скользящую к краю платформы; через несколько секунд это был уже просто золотистый шарик. Шарик становился все меньше и меньше, пока наконец не исчез совсем с чуть светящегося, пышущего сухим жаром мрамора (чувствовалось за пять метров).

— Зачем все это? — поинтересовался Найл.

— Слышал когда-нибудь о минах-ловушках?

— Какая-то каверза? — спросил Найл с сомнением.

— В данном случае не просто каверза. Пронеси ты их в башню, была бы большая беда.

— Но я на днях проносил уже один.

— Я его тогда же и уничтожил.
— Зачем тогда дал пронести?
— Потому что тогда я еще не знал о том, что знаю теперь.
— И о чем же ты узнал?
— Что эти устройства, похоже, наделены какой-то живой силой.

— Как ты это выяснил?
— Устройство, что ты тогда принес, смогло нейтрализовать силовую изоляцию, в которую я его заключил.

— Что-нибудь произошло?
— Защитная сигнализация зафиксировала постороннее вмешательство и указала его характер: электромагнитное излучение, свойственное живому существу. Я сразу же уничтожил нарушителя.

— Она как-то разглядела природу нарушителя?
— Нет, просто указала на живое существо.
— Это был маг, — произнес Найл.
Старец пожал плечами.
— Даже если и так, теперь уже ничего не поделаешь.
— Ты считаешь, он успел что-нибудь разузнать? — с тревогой спросил Найл.

— К сожалению, здесь остается только гадать. Нарушитель не был замечен, пока не попытался проникнуть в мозговые центры Стигмастера.

— О богиня!
— Эти же два устройства были еще более опасны. Их сила, сведенная воедино, многократно увеличивается.
— Я знаю. — Найл вспомнил про надтреснутый сосуд. — Поэтому я их и разделил.

— Но у тебя не хватило терпения, и ты не распутал как следует цепочки, оставив одну в другой.

Найл стыдливо покраснел.

— Я же не думал, что цепочки тоже что-то собой представляют.

— Думал, но раздумал. На самом же деле цепочки — часть устройства.

— Извини.

— А я не виню. Теперь, понимая опасность, мы будем осторожнее.

— Но ты усвоил принцип действия того устройства?

— Нет. Я сказал, что понимаю опасность. Но поскольку я сориентирован на чисто рациональное мышление, то неспособен понять принципы магии.

От таких слов у Найла слегка закололо в темени.

— Но ты уверен, что это магия?

— Способность заставлять живые силы проявляться в мертвой материи именуется магией.

— Неужели мы ничего не можем предпринять?

— На данный момент мне не хватает информации для правильной оценки. Ты должен постараться узнать больше.

— Но как? — проронил Найл в задумчивости.

Старец качнул головой. Найл ждал ответа, но, видя, что пауза затянулась, понял, что говорить старец не собирается. Глухую безысходность сменило подобное шоку осознание: старец молчит, потому что ему просто нечего сказать. Только теперь Найл понял со всей глубиной, что старец — лишь машина и раздражаться из-за него так же бесполезно, как злиться на часы, у которых перестали двигаться стрелки.

Найл молча повернулся и двинулся в направлении обиталища Смертоносца-Повелителя. До него впервые дошло, что, по сути-то, он один-одинешенек.

По обе стороны черных дверей стояли два бойцовых паука. Узнав Найла, они припали к земле. Видя, что он желает войти, один из пауков послал телепатический сигнал стражнику внутри, и двери распахнулись. Стоящий в передней приземистый крепкий смертоносец имел явное сходство со своим недавним начальником Скорбо (телохранители Смертоносца-Повелителя в основном родом из одной и той же отдаленной провинции). Излишне кривые лапы позволили ему ловко раскорячиться в поклоне, придав вместе с тем позе некоторую скабрезность.

— Советник Дравиг здесь?

— Нет, господин. Он ушел домой. Желаете, чтобы я за ним послал?

— Спасибо, не надо.— Найл говорил нарочито медленно, понимая, что у стражника не особенно много сноровки в общении с людьми.— Я желаю поговорить с Асмаком.

Паук непонимающе выпятился. Имя, похоже, не говорило ему ничего.

— Он у вас начальник воздушной разведки...— Найл проводил сказанное мысленным образом паучьего шара.

— Прошу минуту подождать.

Стражник повернулся и поднялся по мраморной лестнице. Фактически любого паука в здании он мог бы окликнуть телепатическим импульсом, но это расценивалось как неуважение, все равно что барину подзывать окриком лакея.

Найл стоял в передней один, вдыхая до странности застоялый воздух с запахом вековой пыли. Он никак не мог взять в толк, почему восьмиллапые не сделают в своем обиталище уборку. И тут он неожиданно понял, что это, вероятно, некая атавистическая память о той эпохе, когда пауки ютились в пыльных углах. Пыль и паутина у них ассоциируются с уютом.

Стражник снова показался на лестнице. Следом за ним шел еще один смертоносец, блестящая черная шубка и небольшой рост которого свидетельствовали, что он еще не достиг зрелости. Поклонился же он с большим изяществом — куда там неуклюжему крабу-стражнику.

— Ты и есть Асмак? — осведомился Найл.

— Нет, господин, я его сын. Я известен как Грель.

Он сказал «известен» потому, что в отличие от людей у пауков имена, в общем-то, не приняты, — будучи телепатами, они вполне обходятся без имен. Если некоторые как-то и называют себя, то лишь для удобства общения с людьми.

— Встань, пожалуйста, — попросил Найл излишне задержавшегося в поклоне Греля, чувствуя его волнение. — Советник Дравиг рекомендовал мне поговорить с твоим отцом.

— Отца здесь нет, господин...— Недоросль выпрямился.

В вертикальном положении он был примерно того же роста, что и Найл. Сложенные клыки, похоже, еще не были достаточно тверды, а покрывающий тело гладкий черный ворс казался мягким, как мех котенка. Черные глаза будто светились разумом, хотя понятно, что это был просто отраженный свет. Только, в отличие от взрослого, у недоросля глаза казались чуть маслянистыми.

— Где же он?

— У себя на служебном посту. Вы хотели бы, чтобы я вас к нему проводил?

Найл хотел было отказаться, но передумал. Для начала полезно поговорить с этим, молодым.

— Идти далеко?

— Нет, совсем близко.

— Ага. Если так, то можно и сходить.

Стражник отворил им обе створки дверей. От него почему-то веяло глубоким неодобрением. Особенно, чувствовалось, от этого страдает недоросль. Впрочем, едва двери закрылись за ними, недоросль приободрился. Очевидно, его распирало от гордости, что он на виду всей улицы рядом с правителем города.

— Позвать гужевых? — предупредительно спросил он.

— Нет, спасибо. Если это недалеко, я лучше пройдуся.

Грель повел его к окольной улице, берущей начало от юго-западной стороны площади. Тротуар был заполонен людьми, и Найл запахнулся в плащ, чтобы не узнавали. Но через пару кварталов спину напекло так, что он снова распахнул полы.

— Грель!

— Да, господин? — Грель, остановившись, учтиво обернулся.

— Не так быстро. Мои человечесьи ноги короче твоих.

— Извините, господин, — сконфузился Грель.

Он двинулся с нарочитой медлительностью. Но поскольку шаг у него был длиной около трех метров, Найлу по-прежнему приходилось торопиться, чтобы не отстать.

Они шли в направлении старой части города, которая до недавних пор была женским кварталом, — территория для мужчин заповедная. От восточной части города квартал отделяла высокая стена, здоровенные каменные блоки которой не требовали цемента. Железные ворота теперь стояли открытыми настежь и никем не охранялись. Из уроков истории Найл почерпнул, что стена эта — наследие древних времен, хотя и восстановлена заново в двадцать первом веке как памятник старины.

Вместо того чтобы свернуть в соседние ворота, они двинулись к югу вдоль стены по широкой мостовой. Мостовая устремлялась вверх, к холму, увенчанному башней. Найл не раз задумывался, что же лежит по ту сторону холма.

- Сколько тебе лет?
- Пять с половиной, господин.
- Ты из гвардии Смертоносца-Повелителя?
- Нет, господин. Я младший подручный госпожи Сидонии.

Сидония командовала дворцовой службой Смертоносца-Повелителя.

— Ты очень хорошо говоришь по-английски. — На самом деле Найл имел в виду: «Ты очень хорошо изъясняешься на человеческом языке», но знал, что тот поймет.

Паучок засиял от удовольствия.

— Спасибо, господин. Госпожа Сидония лично меня обучала.

Тут он, к удивлению Найла, метнулся через тротуар и с ловкостью акробата стал взбираться на стену. Пауки, равно как и мухи, способны перебираться по вертикальным поверхностям; правда, мало кто из восьмилепых гигантов при их весе уже практиковал это искусство. Грель же на верхотуру буквально вспорхнул — стремительно и легко. Цель — большая птица, пристроившаяся на одной из перемежающих стену башен. Словно догадываясь об опасности, птица расправила крылья и настороженно вскинула голову, готовая взвиться в воздух. Но не тут-то было. Грель с толком использовал выступ кровельного ската, скользя по нему вниз эдаким аморфным моллюском, и когда птица уже взмахнула крыльями, он впился в нее. Найл приготовился к тому, что оба сейчас грянутся о тротуар; те же, упав на парапет, отлетели назад. Птица коротко и испуганно вскрикнула. Спустя секунду паук снова появился на краю крыши и снизился на шелковой нити, которую, приземлившись, тут же вобрал в себя. Челюсти сомкнулись на птице с хрустом, от которого Найл невольно поморщился.

Только тут спохватившись, Грель виновато произнес:

— Умоляю простить меня, господин. Вам, наверное, тоже хочется попробовать?

— Только не сырую. — Найл не мог сдержать улыбку.

Он неожиданно понял, почему стражник выказал недовольство. Грель, мало в чем уступая силой и скоростью взрослому, оставался еще непоседливым мальчуганом. А Найл знал о пауках достаточно, чтобы понимать, какую они придают важность сдержанности и хладнокровию.

Грель схватил птицу передними лапами — ему удавалось свободно держаться на остальных шести — и стал челюстями кромсать перья, выдувая их веером изо рта. Затем впился в грудку добыче со вкусом школьника, вгрызающегося в яблоко.

— Идти еще далеко? — спросил Найл.

— Теперь уже нет. — Грель, изъясняясь телепатически, мог свободно отвечать с набитым ртом.

Поглядев на широкий пустынный переулочек, Найл откровенно затосковал — ведь «совсем близко», по понятиям паука, несколько разнится с представлениями человека о скорости и расстоянии. Найл намеренно расслабился, чтобы попристальной вглядеться в ум своего провожатого. Пожирая добычу, Грель оставлял свой ум открытым, будто извиняясь, что не может сейчас уделить Найлу достаточно полного внимания. А наблюдение многого стоило. Слышать похрустывание в челюстях и видеть падающие на мостовую капли крови — не самое большое удовольствие. Зато, проникнув в ум Греля, Найл мог разделить с ним наслаждение трапезой. Для паука поглощение птицы было занятием, требующим полной сосредоточенности, даже самоотдачи. Плоть, надо признаться, содержала еще сок жизни, воспринимаемый Найлом как теплое сияние. А зоб хранил сюрприз: двух мелких грызунов-крысят и крупное насекомое вроде стрекозы. Такой восхитительный десерт, ну не прелесть ли! Для паука птица была что сочный фрукт, в серединке которого оказались припрятаны еще и три вкуснейших орешка. От всего этого и у самого Найла разыгрался аппетит.

Оказывается, вовсе недурно расслабиться, слившись с жизненными ритмами паука! В отличие от обостренного, с налетом тревожности человеческого сознания, ум Греля до краев полнился неким жизнерадостным благоговением. Ясно было, что люди в сравнении с пауками безнадежно поражены отсутствием слитности, даже самые бесхитростные натуры. Людские умы приучены пристально вглядываться в реальность, выискивая смысл, — так хищная птица кружит над земным простором, высматривая малейший признак движения, способный выдать добычу. Это, в свою очередь, означает, что часть человеческого сознания постоянно пассивна, выжидая, когда что-нибудь

случится. Сознание же Греля — полная противоположность. У него абсолютно не было нужды в «помыслах»; следовательно, он существовал в совершенно реальной Вселенной, где все очаровывает по-своему.

И это, понимал теперь Найл, объясняет, почему пауки работали такую колоссальную силу воли. Поставив перед собой цель, они жаждали ее достижения всем своим существом. Если цель была чем-то чревата, инстинкты вовремя это подсказывали. «Помыслы» были ни к чему. Потому пауки использовали тайные силы подсознания — о которых люди едва догадываются — просто и естественно, как атлет использует свою силу и выносливость.

Найла разбирало волнение: он сейчас чувствовал себя приобщенным к тайне. Ноги-то все еще были, однако он сознавал, что усталость его как бы напускная, иллюзорная, вызванная собственной мыслью об усталости. Глядя на мир глазами юного Греля, он теперь различал теплое свечение осмысленной целенаправленности, уверенность в том, что ему самому нынче решать, утомился он или нет. Не успело все это как следует осесть в сознании, как ломоту будто рукой сняло, во всем теле пробудилась искристая энергия.

Грель бросил птицу в сточную канаву. Непонятно почему: на ней еще оставалось порядочно нежного мяса. Ага, вот что: они почти пришли, вплотную приблизились к башне на вершине холма.

— Твой отец там?

— Да. Это штаб воздушной разведки.

Башня была сложена из черного камня и среди людей она слыла Черной башней — темницей, где истязают и мучают. Зловещая репутация! Башня была встроена в стену; очевидно, некогда ей отводилась роль наблюдательного пункта, откуда открывается вид на весь город. Дальше стена и мостовая сходили вниз, опоясывая старую часть города на юго-западе. Плоский зимний пейзаж осеняли косые лучи заходящего солнца, море на горизонте уже покрывало тень. Отделенная тридцатью милями океанской воды, по ту сторону залива лежала пустыня Северного Хайбада, земля, где родился Найл и где развеян по ветру пепел его отца.

Грель, поиграв железным кольцом, толчком открыл массивную дверь. Навстречу пахнуло холодом и пылью, затхлостью, такой типичной для паучьего жилья. Потянуло еще чем-то, вызвавшим у Найла странноватую волну ностальгии. Сам по себе запах был не сказать чтобы приятный, смесь гнилых овощей и тухлого мяса. Его испускали порифиды, примитивные организмы, выделяющие газ для надувания паучьих шаров. Найлу невольно вспомнилось путешествие в Дельту, неизбежно воскресившее в памяти и встречу с растением-властителем — внеземным существом, которому пауки поклоняются как богине Нуаде.

Найл и Грель находились в круглой палате, низкий потолок которой подпирали каменные столбы. К внутренней двери вел пролет неширокой лестницы. Когда хлопнула входная дверь, наверху лестницы появился человек в одежде мастерового и стал высматривать вошедших в полумраке. Силуэт вычерчивался на фоне приоткрытой внутренней двери.

— Кого там несет?

— Мы пришли встретиться с начальником Асмаком.

Человек (очевидно, надсмотрщик) сказал:

— Входить сюда можно только с разрешения Смертоносца-Повелителя!

Сказал это так неприветливо, что Найл смутился. Тут из затенения вышел Грель:

— Прошу тебя, передай отцу, что мы здесь.

Надсмотрщик слегка опешил, после чего, пожав плечами, возвратился в комнату, гулко хлопнув за собой дверь; Найл с Грелем остались почти в полной темноте. Такая бесцеремонность и невежливость — торчите, дескать, здесь, незваные гости! — вывели Найла из себя, он без приглашения поднялся по лестнице (Грель, по этикету, следом) и нашарил щеколду. Внутреннее помещение оказалось большим и хорошо освещенным, с висящими на стенных крюках фонарями. В основном оно было занято рабочим столом, большим и круглым — метров пяти в диаметре, — на котором лежало полотнище паучьего шара; голубоватый шелк мягко переливался в свете фонарей. Стоящие вокруг стола люди сшивали края полотнища. На той стороне комнаты виднелся лузатый аквариум высотой

в человеческий рост. В глубине его слизисто-зеленой воды лежали порифиды — сокращенно от *porifera mephitis*, — запах которых наполнял комнату. По сути, он не очень бил в нос, жуткий свой смрад порифиды начинают испускать лишь тогда, когда погружены в полную темноту — скажем, во внутренность шара.

Сосредоточенные над шитьем люди ни на секунду не отрывались от работы. Но когда Грель хлопнул за собой дверь, стоявший ближе всех портной мельком глянул на вошедших. Глаза у него удивленно расширились, а ножницы выпали из рук. Найл со смущением понял, что его узнали. Предупредительно тряхнув головой, он собрался отвернуться, но уже поздно: портной рухнул на колени.

— Прошу, продолжай работу, — негромко пробормотал Найл.

Это привело лишь к тому, что вверх посмотрели остальные и, едва узнав Найла, тоже попадали на колени. Не потому, что перед ними живой посланец великой богини (основная причина поклонения пауков), а просто оттого, что эти люди были приучены к абсолютному подчинению вышестоящему начальству. В дни рабства даже недостаточно низкий поклон уже мог послужить причиной для жестокого наказания. Созданную за многие поколения привычку нельзя было искоренить за несколько месяцев. Лицо Найла выражало растерянность.

— Прошу вас, поднимитесь.

В эту секунду дверь на том конце комнаты открылась и вошел тот самый надсмотрщик. Оторопело поглазев на подчиненных, он, очевидно, подумал, что те его разыгрывают, и физиономия у него побагровела от гнева. Но тут он тоже узнал посланца богини и моментально присоединился к остальным. Найл покашлялся.

— Начальник Асмек готов к встрече со мной?

Надсмотрщик сбивчиво пролепетал:

— Простите меня, г-господин, я не узнал вас.

— Не стоит извиняться. Ты выполнял свои обязанности.

Пройдя через комнату, он открыл дверь, ведущую на внутреннюю лестницу. Когда проходил, надсмотрщик схватил его за руку:

— Видите ли, господин, это место считается секретным...

— Хватит, все ясно.

Найл с некоторым трудом высвободил руку и стал подниматься по лестнице. Грель шел сзади, чувствовалось, что происшедшее здорово его позабавило.

Следующая дверь вела в комнату, представляющую собой, очевидно, склад — всюду штабеля ненадутых шаров. То же самое на следующем этаже и этажом выше. Шестой этаж был занят большими баками с порифидами и деревянными корытами, наполненными их пищей — белыми личинками, запах от которых шел еще более гнусный, чем от порифидов.

На самом верху пролета седьмого этажа стоял дородного вида смертоносец, осанистость и естественная величавость которого напоминали чем-то Дравига. Он посторонился, пропуская Найла, и застыл в церемонном поклоне. Когда обменялись формальными приветствиями, Найл понял, что уже встречал начальника воздушной разведки. Асмак присутствовал на недавнем суде над сообщниками Скорбо. Напрямую они тогда не контактировали, но так как Найл разделял совокупное сознание пауков в зале, то воспринимал и каждого из них в отдельности. Сейчас впечатление было такое, будто он повстречал старого знакомого.

Управившись с формальностями, паук почтительно дожидаясь, когда заговорит Найл.

— Советник Дравиг рекомендовал мне свидеться с тобой и поговорить.

— Весьма польщен. Чем могу служить?

— Как начальник воздушной разведки, ты, должно быть, знаком с землями к северу?

— Я пролетал через них множество раз.

— Дравиг полагает, что именно из тех северных земель явились убийцы Скорбо.

— Не исключено. Но они с равным успехом могли явиться также с юга, востока или запада.

— А как ты считаешь, откуда они могли прийти?

Паук сделал жест, в человеческом понимании равносильный покачиванию головой.

— О том же самом меня спрашивал Дравиг. И, честно сказать, я не нашелся что ответить.

— Дравиг рассказывал, что ходит какая-то легенда о подземном городе. У тебя нет никаких соображений насчет того, где такой город мог бы находиться?

— Никаких. Если что-нибудь такое и есть, то укрыто оно так хорошо, что наши дозоры даже никогда и не подозревали о его существовании.

Найлу вспомнился подземный город Дира, и ясно представилось, каких трудов стоило воздушному дозору его рассекретить.

— Ваши дозоры летают близко от земли?

— Иногда. Но это может быть опасно, особенно в горах. Именно там упал Скорбо.

— Скорбо упал? Не подскажешь где?

— Могу.

Найла разобрало волнение.

— Ты мог бы меня туда захватить?

— Разумеется.

— Это очень далеко?

— При попутном ветре всего несколько часов.

— Ах да.

Найл совсем забыл о ветре. Паучий шар, в общем-то, может летать и против ветра: паук, используя силу воли, создает противодействие, и шар тогда скользит по тропке меж двух векторов. Найл успел уже прочувствовать такой эффект при обратном перелете из Дельты. Но все равно это утомительная работа, все равно что править лодку против течения.

— Но разумеется, вовсе необязательно дожидаться, пока переменится ветер.

— Необязательно? — Найл переставал его понимать.

— Я знаком с тем районом, — сказал Асмак, — и могу его наглядно описать.

— Тогда, пожалуйста, сделай милость, — попросил Найл вежливо.

— Не соблаговолит ли господин пройти за мной?

С этими словами Асмак повернулся и пошел по лестнице. Найл, озадаченный и заинтригованный, следом. Дверь наверху выводила на плоскую крышу, отороченную зубчатым парапетом. Синева неба, сгустившись, углубилась, над восточным

горизонтом проплавились первые звезды. На западе же пейзаж купался в багровом закатном свете. В задувающем с гор ветре чувствовался запах снега.

Асмак подвел его к северному краю крыши. Призрачные голубые силуэты гор были едва различимы, лишь западные склоны отражали садящееся солнце. Найл оперся локтями о парапет, сунув ногу в небольшое углубление. Асмак, подняв переднюю лапу, указал в сторону гор (жест, заимствованный пауками у людей-слуг).

— Все эти земли, что видны глазу, — владения Смертоносца-Повелителя.

У Найла при этом захватило дух: тело вдруг сделалось легким, словно перышко, и взмыло в воздух — все это настолько неожиданно, что он, струхнув, вцепился в парапет обеими руками. Ощувив холодный камень, с облегчением понял, что все так же надежно стоит на крыше.

— Умоляю меня простить, — виновато сказал Асмак. — Мне надо было предупредить...

Одолев первоначальное замешательство, Найл понял, что иллюзия создается силой внушения паука. Едва расслабившись, он опять почувствовал, как плавно снимается с крыши и взлетает над городом. На какую-то секунду ум словно разделился на две части, одна из которых все еще сознавала тело. Вскоре, зачарованный плывущей внизу панорамой, Найл окончательно забыл о своей брэнной оболочке и весь ушел в созерцание полета через пространство.

По существу, наук описывал обычный разведывательный полет точно так, как человек живописал бы его словесно. Но он использовал образы и ощущения, поэтому «речь» воспринималась серией живых картин. Найл впервые столь явственно ощущал единение с чужим умом — такого не было даже во время суда над сообщниками Скорбо, когда Найлу дали почетное право войти в коллективное сознание пауков. Оттого-то так легко дался теперь контакт с умом Асмака.

Купающийся в багровом солнце город виднелся так же ясно, будто Найл и впрямь летел на паучьем шаре. Зрительная память у Асмака была необычайна. Он знал окрестности так хорошо, что воссоздавал их с точностью видеокамеры; лишь

чуть заметная рябь у горизонта выдавала, что все это умозрительная картина. Панорама гор в отдалении смотрелась точно так, как с крыши дворца. За цепью невысоких северо-западных холмов виднелся город жуков-бомбардиров с искривленными красными шпилями домов-шишк из пчелиного воска. Когда проплывали над рекой, текущей через город с востока на запад, Найл с любопытством поглядел на восток — места, где раньше никогда не бывал. Видно было, как река, петляя, теряется среди невысоких лесистых холмов. На вершине одного из холмов, среди зубчиков древесных макушек, проглядывало — вот диво! — здание, напоминающее полуразрушенный замок. Найл указал в ту сторону:

— Что это там?

— Руины. Эта земля полна руин.

Паук произнес это совершенно равнодушно, а на Найла почему-то накатил грусть, стоило представить, как выглядела эта земля в далеком прошлом, когда человек безоговорочно считал себя хозяином планеты.

Теперь они пролетали над кварталом рабов. Летели сравнительно невысоко, можно было видеть снующих по улицам людей. Показалось странным, что все рабы смотрят совершенно на одно лицо, как оловянные солдатики. И тут дошло почему: паукам все люди кажутся одинаковыми.

За кварталом шли пустующие коттеджи — когда-то престижный пригород, место обитания среднего класса. Рабы в таких домах не селились: буйная зелень разросшихся садов, вероятно, давала приют опасным хищникам, так что эта часть города лежала в запустении.

Вскоре пролетели над северной окраиной, где главная дорога поворачивала в сторону города жуков. Другая, явно отданная на «порчу» ветру, уходила, петляя, к горам и там терялась среди разросшегося бурого вереска, покрывающего склоны невысоких соседних холмов. По другую их сторону шел лес гуще, а из-за плотно растущих деревьев почти не видно было земли. Среди верхушек, что справа, Найл уловил проблеск воды, отражающей небесную синеву.

— Что там?

— Заброшенная каменоломня.

— Может, посмотрим?

Паук, как бы закладывая в воздухе вираж, послушно сдал вправо. Через секунду они уже зависали над затопленной каменноломней, шириной по меньшей мере в милю. Она чем-то напоминала отработанный мраморный карьер, который по праздникам использовали для фейерверков жуки-бомбардиры. Большое стоячее озеро — сколько ни смотри, не видно ни речушки, ни впадающего ручейка. С севера из темной воды стеной всходил отвесный берег. К югу он постепенно сглаживался, один из участков был и вовсе плоским. Глядя вниз, Найл увидел то, от чего сердце гулко стукнуло: на всем протяжении пятидесятиметровой отмели нежно колыхались заросли бурой озерной травы — судя по виду, точь-в-точь как та, из которой сплетены были циновки, обнаруженные в прибежище. Найл попытался взглянуть пристальнее, но тут изображение стало давать сбой: все, у паука предел восприятия.

— Ты когда-нибудь приземлялся возле озера?

— Нет. У нас нет причины там садиться.

Ах да, ведь смертоносцы сторонятся воды. Асмак даже пролетать избегал над темной гладью, предпочитая давать кряк вдоль кромки берега.

И они снова взяли курс на горы. Перелетели низину, похожую на болото: загноины ржавой воды, кочки с жесткими пучками болотной травы и островки едко-зеленой растительности, напоминающие Дельту. Затем потянулись заросшие редким лесом холмы, за каменные выступы цеплялись корнями кривые разлапистые деревца. А вот наконец и сами горы, зеленые отроги которых вскоре уступили место унылым серым валунам и камню-голышу. Чем выше, тем круче становились склоны, исчезая постепенно в тумане. Прошли они по пути сквозь черную тучу (Найл ощутил на лице частые брызги, поднял руку, чтобы смахнуть, а кожа, оказывается, сухая).

Туман неожиданно разорвался, и солнечный свет после него буквально ослепил. От пейзажа внизу захватывало дух: глубокие ложины, некоторые из них сходили в равнины по обе стороны гор; голые отвесные склоны с острыми как бритва уступами; белые яростные потоки, стремящиеся по склонам вниз, к небесно-голубым озерам в горных впадинах. Когда про-

плывали над одним из озер, через кристально чистую воду просматривалось коричневое дно.

На склонах пониже виднелись островки зелени и кое-где разрушенные здания. Одно из них напоминало старинный монастырь с торчащим, будто бросающим вызов времени, шпилем колокольни; другое походило на разрушенную крепость. А в обширной долине меж двух куполообразных гор сохранились даже остатки городка. Едва у Найла возникало желание присмотреться ближе, паук послушно увеличивал объект и появлялась возможность изучить его в деталях. Глядя сейчас вниз, Найл видел под собой брошенные дома без крыш и захламленные улицы: городок, несомненно, стоял в таком виде вот уж несколько столетий. Когда-то он был укреплен: его окружал вал с двумя караульными башнями. Присмотрелся внимательней, и стали видны закопченные стены домов и обугленные стропила. На берегу быстрой речки лежали прогоревшие остовы нескольких лодок. Рядом из окаменевшей грязи торчали, судя по всему, ребра скелета, а в паре метров от костей валялся череп.

— У этого места есть какое-то название?

— Люди называли его Сибиллой, по имени своей богини Луны.

— А кто его разрушил?

— Я не знаю. Это произошло в пору великой войны пауков с людьми, задолго до моего рождения.

— Но ведь у ваших сородичей существуют записи?

— Записи? Я не понимаю этого слова.

Тут до Найла наконец дошло, почему пауки так ничего и не знают о примерном нахождении владений мага. В отличие от людей у них нет, похоже, легенд или традиций, лелеющих священную память о прошлом. Ясно было и то, что среди этого необозримого каменистого простора и голой вересковой пустоши фактически невозможно заприметить вход в подземный город, пусть хоть армаде в тысячу тысяч паучьих шаров.

Подземный город Дира оставался нераскрытым долгие годы, даром что пастухи рисковали каждый день, выгоняя пастись стада муравьев. К тому же туманные эти холмы с их пещерами и скалистыми выступами давали куда больше защиты, чем за-

литый яростным солнцем ландшафт пустыни на берегах большого соленого озера.

— Мы можем подняться выше?

— Разумеется.

Спустя секунду тот же пейзаж они обозревали по меньшей мере с трехкилометровой высоты. Отсюда было видно, что горы тянутся на север подобно гигантскому позвоночнику, отклоняясь в конечном итоге на северо-восток. По обе стороны стелились до самого моря обширные плоскости равнин; та, что к востоку, была сплошь испещрена реками и озерами, а с севера оторачивалась холмами.

С такой высоты было видно, что в двух местах хребет переломан широкими долинами, до ближайшей из них примерно с десятков миль.

— Вон там,— указал на долину Асмак,— протекает граница владений Смертоносца-Повелителя. Мы называем то место долиной Мертвых.

— А кто обозначил, что граница проходит именно там?

— Сам Смертоносец-Повелитель, кто же еще.

— Вы когда-нибудь залетали за нее?

— Лишь на несколько миль. А дальше и смысла нет.

Найл понимал его логику. Горы за долиной Мертвых выглядели угрюмой и неприветливой тех, что остались к югу.

— Пожалуйста, перенеси меня туда.

Мелькнув со скоростью мысли, они зависли над широкой зеленой долиной, окаймленной руслами двух рек. Вероятно, долина Мертвых, втиснутая меж склонов полукилометровой высоты, была порождением ледника. Но что тотчас привлекло внимание Найла, так это идущая по дну долины (к северу от озера) зубчатая стена. Такой стены Найл еще не видел. Болотно-зеленая, под цвет пейзажа, она, насколько хватало глаз, тянулась от морского берега с востока на запад. Стена была абсолютно глухая — ни дверей, ни ворот. Асмак, реагируя на любопытство Найла, начал снижаться, пока они не очутились у стены, сложенной из грубо отесанных, скрепленных раствором каменных блоков. Поверхность была плоская и в ширину метров восемь, с низким парапетом по обе стороны. Южная сторона, отметил Найл, идет вниз чуть полого, в то время как

северная — около сорока метров высотой — обрывается просто отвесно. Через каждые двести — триста метров стена перемежалась прямоугольной башней, метров на пять выше самой стены. Теперь Найл висел всего на несколько метров выше одной из башен, и было видно, что это вроде бы караульная, со сквозным проходом. Как и вся стена, башня словно дышала грозной мощью.

— Кто воздвиг эту стену?

— Не знаю. Говорят, она стояла еще до нашего владычества. Может, люди, что построили вон то.

Последовав за взором паука, Найл впервые заметил на пути вверх по круче какие-то сооружения. Они были под цвет камня — такие же серовато-голубые, — сразу и не заметишь. Сооружений этих, высеченных из цельных скальных глыб, насчитывалось десятки — может, сотни. У Найла мурашки поползли по спине.

— Это не может быть город мага?

Перед глазами поплыло: паук сдавал высоту по наклонной.

— Ни за что. Эти строения пустуют с незапамятных времен.

Найл долго и неотрывно созерцал долину. Уже одно озеро внушало благоговейный ужас. Его крутые берега обрывались в воду, темная поверхность которой выдавала невероятную глубину. Впечатление такое, будто земная кора лопнула при гигантском землетрясении и впадина заполнилась водой.

— А далеко место, где расшибся Скорбо?

— Вон там, в Серых горах. — Паук указал на горы к северу.

Одновременно с тем вид сменился, так что они теперь смотрели на горы как бы сверху. В отличие от южных отрогов эта часть хребта выглядела куда более сурово и неприступно. Некоторые из пиков были остры, как гвозди, другие имели верхушки плоские, будто у вулканов. Фантазмагорическое нагромождение, совсем не то что горный пейзаж в пустыне Северного Хайбада, где прошло детство Найла.

Место падения, на которое указывал сейчас Асмак, представляло собой высокое плато меж двух заснеженных пиков, место голое и угрюмое, усеянное крупными каменными обломками.

— Он тебе рассказывал, как это произошло?

— Да. Сказал, что его накрыла буря и ветер был такой, что он не справился.

Найл пристально оглядел неприглядный пейзаж.

— А что случилось с шаром?

— Порвался о скалы.

Немудрено: у некоторых выступов края острее бритвы.

— И куда потом делся шар?

Вопрос, видимо, всерьез озадачил Асмака. На плоском этом плато светлое полотнище было бы ясно различимо и с пятисотметровой высоты.

— Что-то не припомню, чтобы я его видел.

При этих словах до Найла дошло, что смотрит-то он не на само плато, а лишь на его умозрительный образ, отраженный в паущем уме. Найл рассмеялся над собственной забывчивостью.

— Извини. Было глупо с моей стороны.

Асмак же ответил вполне серьезно:

— А ведь ты прав. Никто из дозорных после облета не докладывал, что видел сдувшийся шар. Но зачем было бы Скорбо лгать?

— Может, он и не лгал. Просто кто-то припрятал шар, чтобы не было известно, где произошло крушение.

— По-твоему, это маг?

— Вполне возможно.

Тут паук понял намек.

— Ты полагаешь, Скорбо стал изменником?

— Я полагаю, что он попал в руки врага. Он что-нибудь рассказывал о том, что было с ним, когда все это приключилось?

— Он сказал, что сильно поранился и переждал в укрытии бурю. Он и в самом деле изувечил себе вторую правую лапу — я лично видел.

Найл пристально изучал странный пейзаж — массивную стену, протянувшуюся насколько хватает глаз в обоих направлениях; высеченный в горном склоне безмолвный город; теряющиеся вдаль туманные горные вершины, отчасти застеленные снегом. Город по-прежнему казался самым реальным обиталищем мага. Люди, вытесавшие эти сооружения из цельного камня, да неужели не продолжают ходы вниз?

Паук, уже прочитав мысли Найла, выразил несогласие:

— Такой труд не завершился бы и в тысячу лет.

— Даже у тех, кто воздвиг такую стену?

— Стена — дело несложное. Требуется лишь достаточное число рабов. Пробриться же через сердцевину горы было бы по силам лишь великанам.

Ум Асмака наглядно передал неимоверность такого труда: образ громадных пауков (именно так Асмак представлял себе великанов), долбящих каменную твердь, и несметную армию рабов, оттаскивающих подальше обломки, чтобы непонятно было, откуда эти камни взялись.

Найл пристально смотрел на более низкие западные отроги.

— Где бы это могло быть? Ты знаешь эти горы как никто другой. Нет ли какого-то места, способного служить входом в подземные владения?

— Я не знаю ни одного.

Найл долгое время пытливо озирает заснеженный гористый пейзаж, словно пытаясь вывести из него желанную тайну. Асмак почтительно ждал, готовый отвечать и на дальнейшие расспросы, но вместе с тем по мыслям паука чувствовалось: напрасные старания.

— Благодарю, восначальник,— сказал наконец Найл.

Услышав эти слова, паук перестал воздействовать на воображение Найла, и тот, словно очнувшись, понял, что по-прежнему стоит на крыше башни.

Стояла такая темень, что у Найла на секунду мелькнула шальная мысль, не находится ли он в какой-нибудь холодной темнице. Но вот он ощутил на лице ветер, а сверху разглядел звезды — шляпками медных гвоздсей на черной двери. Как-то даже не верилось, что уже опустилась ночь и что странный умственный вояж, следовательно, длился явно больше часа. Когда ум окончательно освоился, Найл почувствовал, что лежащая на парапете рука полностью онемела: безвольно повисла и давай зудеть да покалывать. В остальном он чувствовал себя уютно и бодро, даже открытое ветру лицо было приятно теплым.

Паук уловил его недоумение, но из вежливости не спрашивал, в чем дело.

— Ветер холодный, — вслух заметил Найл, — а мне вот тепло.

Это замечание, в свою очередь, сбило с толку паука: тот посмотрел так, как смотрит недоуменный человек. И тут Найлу стало понятно. Сила воли помогает паукам никогда не чувствовать холода: когда температура падает, они, сосредоточившись, усиливают кровообращение. А так как сознание у них обоих было связано напрямую, усилие Асмака передалось и Найлу.

Когда глаза привыкли к темноте, Найл разобрал, что шагах в десяти от них стоит Грель — в такой же позе, что и час назад, когда только что вышли па крышу. Найл в который уже раз молча подивился неистощимому терпению пауков.

От ночного ветра начинал уже пробираться холод. Найл, повернувшись, первым двинулся к лестнице.

Комната, где работали люди, была пуста: разошлись по домам. Полотнище шара, над которым они работали, было аккуратно сложено в углу комнаты. Так как стульев не было, Найл подошел и сел на него.

— Ты тоже летал вместе с нами? — спросил Найл у Греля.

— Да, господин.

Видно, оно и в самом деле было так. Никаких «полетов» в буквальном смысле, просто Асмак с помощью телепатии излагал зрительную информацию, придавая ей достоверность. А Грель тоже слушал «рассказ», как любой нормальный ребенок.

— Ты когда-нибудь летал на шаре? — поинтересовался Найл.

— Только раз, когда был еще маленьким. Отец взял меня с собой полетать над горами. — Грель мысленно передал панораму северных гор.

— Если б тебе пришлось искать владения мага, где бы ты начал?

Найл спросил наобум, понимая, что вопрос трудный, и был удивлен, когда паучок без колебаний ответил:

— У подножия гор.

Такая мысль интриговала. Найл-то думал о входе через кратер какого-нибудь погасшего вулкана или, может, под городом, высеченным в скале.

— Почему у подножия? — осведомился он.

Грель затруднился объяснить, но в уме изобразил реку, текущую в толще горы.

— Тебе известно что-нибудь подобное? — повернулся Найл к Асмаку.

— Нет, господин. Но я опять-таки ни разу не был за большой стеной. Мне выслать дозоры, чтобы разведали земли дальше к северу?

Найл, подумав, покачал головой.

— Не надо. Это может насторожить врага. Он поймет, что мы его разыскиваем.

Найл возвратился мыслями к Большой стене. Кто возвел ее и для чего? Уж так ли случайно Скорбо упал именно вблизи нее?

— Смертоносец-Повелитель, по-твоему, знает, кто возвел ту стену?

— Нет, господин.

— С чего ты это взял?

Ответ Асмака прозвучал единым просверком мысли, таким глубоким и объемным, что выразить нечто подобное на человеческом языке было бы просто невозможно. Этим сполохом мыслительной энергии Асмак как бы высветил совокупный паучий ум изнутри: пристальный интерес ко всем живым существам и полное безразличие к таким неодушевленным предметам, как стены. Асмак не делал секрета из того, что интерес к живым существам обусловлен заботой пауков о пище, удовольствием от поглощения жизненной энергии. Не скрывал и того, что поглощение жизненной энергии считается у них главной движущей силой эволюции. Для людей пища — лишь набор химических веществ, не дающий угаснуть, для пауков она — источник самой жизни. Это была лишь часть того, что впитал Найл, вместе с тем он осознавал и абсурдную скудость человеческого языка, и богатство оттенков отношений между пауками.

— Получается, среди вас нет никого, кто хранил бы знание о прошлом?

— Почему, есть. Но только что касается прошлого нашего рода.

— Так может, Большая стена и есть часть вашего прошлого?

— Это так, мой господин.

Найл удовлетворенно отметил, что постепенно осваивает навык передавать мысль единым высверком.

— Большая стена, видимо, была воздвигнута людьми. Ты согласен?

— Но какими людьми? Людам, жившим на Земле до вашего пришествия, такая стена была ни к чему. У них были летательные аппараты, способные молниеносно переносить их по воздуху, и оружие, способное обращать мощнейшую стену в пыль.

— Но не всегда же люди были так могучи за счет машин?

— Не всегда. Люди давнего прошлого строили стены одна мощней другой. Но стены те давно уже рассыпались в прах. Эта же выглядит так, будто ее построили сравнительно недавно.

— Просто удивительно, насколько тонок человеческий ум, — не сдержался от замечания паук.

Найл в очередной раз осознал забавную ограниченность паучьего ума: при всей пронизательности и сметке, паукам очень трудно дается логическое мышление.

— У вас в роду есть кто-нибудь, чьи имена воспеты в истории?

— Из прошлых? Великими считаются Хеб Могучий, Квизиб Мудрый, Грииб Скрытный, Касиб Воитель...

— А среди живых?

Пауза. Асмак словно подыскивал подходящие слова. Наконец произнес:

— Их знание продолжает жить.

— Так вот, как бы мне к нему приобщиться?

— Надо войти в их присутствие.

— Как это? — Найл был сбит с толку.

Паук медлил, соображая, словно не мог понять, о чем это Найл.

— Ты желаешь этого прямо сейчас, господин?

— Если можно, — ответил Найл сбивчиво.

— Правитель в этом городе — ты. Тебе можно все.

— Тогда я хотел бы поговорить с теми пауками, которые знают историю вашего рода.

Асмак присел в почтительном полупоклоне. Затем повернулся к двери, жестом указывая Найлу идти следом.

Когда спускались по лестнице в прихожую, Найл испытывал опасение, что привел своими расспросами к какому-то не-

допониманию, суть которого самому неясна. Тем не менее в поведении Асмака было что-то крайне любопытное. Любопытство усилилось, когда, вместо того чтобы пройти по плитам пола к выходу, Асмак повернул направо и начал спускаться дальше. Найл очутился в полной темноте и, совершенно растерявшись, невольно схватился за стену. Спустя секунду, когда лестница в очередной раз повернула направо, он сделал шаг не в ту сторону и споткнулся; упасть не дал Грель, уцепив Найла передней лапой за пояс. Асмак, моментально смекнув, в чем беда, пришел на помощь. Темнота как бы растаяла, мягко осветившись; стало видно лестницу впереди.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Найла дошло, что темень как была, так и осталась, просто паук передает мысленную картину того, что вокруг, как и при «полете» над горами.

Найл ожидал, что его заведут в какой-нибудь подвал или подземелье, вместо этого провожатые несколько раз свернули направо и продолжали спускаться. Когда спуск наконец закончился, над головами у них пролегла толща высотой, пожалуй, с саму башню.

Коридор, в котором очутились, был около двух метров в ширину и три в высоту; сводчатый потолок и стены из неотесанного камня, грубо вделанного в раствор. Асмаку из-за роста приходилось идти подобрившись, чтобы не задеть стену или потолок; было ясно, что коридор построен не пауками и не для пауков.

В десяти метрах по ходу коридор перегораживала массивная дверь, доски которой стягивали полосы кованого железа. При их приближении лязгнули засовы, и дверь распахнулась. За ней стоял бойцовый паук, который тут же распростерся перед Асмаком. Тот тоже ответил каким-то приветствием (пауки всегда в этом отношении очень скрупулезны), затем «боец» сунулся в стенную нишу, давая место для прохода. Найл на секунду проникся жалостью к восьмилапому, час за часом неотлучно простаивающему в этой холодной темноте, и только тут вспомнилось, что все пауки в этом городе так или иначе связаны между собой, так что никто из них не бывает ни забыт, ни заброшен. Это люди, наоборот, заслуживают жалости.

Воздух был застоявшийся и отдавал плесенью. Кроме того, стоял жуткий холод. Впрочем, Найлу он не доставлял неудобства — от контакта с Асмаком по телу разливалось приятное тепло, как после хорошей разминки в зимний день.

И не только это: несмотря на то что туловище паука фактически загораживало вид, все равно коридор «просматривался» на существенное расстояние. Впечатляло то, насколько хорошо Асмаку известен буквально каждый сантиметр коридора: картина передавалась с такой точностью, словно коридор в самом деле был освещен. Кое-где стены уже требовали основательного ремонта, на полу лежали каменные глыбы. На одном из участков проседал потолок, и его подпирали деревянные балки, а их — плотно вбитая меж стен лесина, лежащая на полу. Подобные препятствия Асмак огибал без малейших колебаний. В одном месте коридор пересекался с ходом помельче, идущим под наклоном вниз. Пол возле него был покрыт слизью с неприятным гнилостным запахом. Асмак мгновенно предупредил: «Скользко!» Найл двинулся осторожнее и благополучно миновал этот пятачок.

До поры Найл разделял умственное состояние паука как сторонний наблюдатель. Передаваясь напрямую, ментальность Асмака воспринималась четче, чем человеческий голос, но, в принципе, таким же образом. А теперь, расслабившись, Найл почувствовал, что собственное сознание смешалось с паучьим настолько, что теперь трудно определить и границу. Не совсем обычное ощущение. Сознание Асмака было настолько «прочнее», чем его собственное, что с невольной обостренностью чувствовались уязвимые места человеческого ума. Вспомнилось состояние, которое возникает от использования медальона, усиливающего волю. Но от медальона наступает истощение, он забирает энергию. Паучье же сознание имело грандиозную, неистощимую силу, обновляющуюся каким-то образом через живую увлеченность. Все это вызывало светлую радость, но тем не менее Найл ею не обольщался. Было что-то жесткое и своекорыстное в этом цепком сознании, оно никак не утоляло некую потаенную жажду по утонченности и сложности...

Из этих размышлений Найла вывело неожиданное осознание, что они уже не идут больше по рукотворному коридору. Тот расширился, а стены по обе стороны были теперь вроде

бы из скальной породы — не то мел, не то известняк. Пол под ногами неровный, хотя во многих местах видно, что он специально нивелировался инструментом. Еще через сотню метров это был уже, по сути, не коридор, а широкая галерея, свод которой подпирали неровные колонны все из той же белой породы. Очевидно, галерея была проточена водой в какую-нибудь отдаленную геологическую эпоху. Неровный пол по-прежнему покрывали мелкие лужицы. Прошли по одной — глубина по шиколотку, а вода холодная как лед. Сверху размеренно шлепались капли, звук в тишине расходился необычайно гулко.

Они шли уже с полчаса и одолели, наверное, не меньше двух миль. Найл стал невольно прикидывать, в каком направлении они сейчас движутся. Его немой вопрос «подслушал» Асмак и сразу же выдал, что идут они строго на восток. Найл прикинул: значит, должны находиться где-то под «индустриальной зоной», к востоку от главной площади.

Через десять минут, до слуха донесся странный отдаленный гул. По мере того как звук нарастал, становилось ясно, что это шум несущейся воды. Несмотря на повышенный тонус, не так-то просто было подавлять растущую взвинченность. Не из-за какого-то недоверия к Асмаку, от которого Найл теперь зависел полностью, но просто из инстинктивной боязни перед неизведанным. Стоило прямо-таки большого усилия сдерживать опасения, что Асмак не задумал какой-то каверзы.

Через несколько секунд воздух затопил шум бегущей воды, ровный и непрерывный. Они, замедлив шаг, остановились на берегу широкой реки. Темная вода неслась стремительно, но настолько гладко, что лишь отдельные взвихрения поверхности выдавали недюжинную скорость. Найл с облегчением увидел, что через реку переброшен металлический мостик с перильцами по обе стороны. Вода, когда переходили, неслась под самыми ногами. На середине моста, сделанного из сварных листов металла, шум был просто оглушающим; впечатление такое, что где-то в четверти мили вниз по течению бушует водопад. Асмак, видно, тоже нервничал: он, как и все смертоносцы, испытывал естественную неприязнь к воде.

По ту сторону вид менялся, белую породу сменила темная, похожая на гранит. Теперь они пробирались уже не по кори-

дору, а по какой-то щели в скальной породе, которая образовалась, вероятно, от землетрясения или извержения вулкана. И тут сердце Найла сжалось от безотчетного страха. Плоскость под ногами кренилась влево, и идти приходилось крайне осторожно, чтобы не поскользнуться. Эта «дорога» петляла и изгибалась меж двумя совершенно отвесными стенами. Шум воды вскоре стих позади, и они снова пробирались в тишине, в которой шаги Найла звучали зловеще гулко (пауки, не в пример ему, ступали мягко, как кошки).

Судя по благоговейному предощущению, пробудившемуся у Асмака, цель была уже недалеко. Природа этого чувства легко угадывалась, стоило проникнуть на более глубокий уровень сознания Асмака, но Найл понимал, что такое бесцеремонное вторжение вызовет определенное неодобрение паука.

Высота прохода между отвесными стенами все сужалась, пока наконец не образовалась эдакая стреловидная арка. Камень под ногами, судя по всему, пытались сровнять, но его твердость сводила все усилия на нет, поэтому ступать приходилось осторожно, чтобы ненароком не подвернуть ногу. У Греля и Асмака такой проблемы не было: лап столько, что споткнуться никак невозможно. Между тем проход все сужался, и обоим приходилось подгибать ноги, а брюхом прижиматься к самому полу. В одном месте зазор составлял от силы полтора метра, надо было нагибать голову, чтобы не стукнуться о свод. Асмаку, чтобы протиснуть свое внушительное туловище между стен, приходилось двигаться очень медленно. Стены, казалось, давили, становилось страшно, и тут вдруг проход, резко расширившись, подошел к концу. Найл очутился в большой пещере, с высотой свода, пожалуй, метров двадцать. Какой-нибудь другой выход на глаза не попался, стены были абсолютно глухие. Но пещеру Найл признавал лишь постольку, поскольку «видел» ее через ум Асмака; как и в логове Смертоносца-Повелителя, здесь было столько тенет, что через их хитросплетение не проник бы и самый яркий свет. Тенета широким занавесом свисали со свода к полу, отдельные волокна, толстые как канаты, тянулись через свод горизонтально. Но это были не те тенета, какие часто можно видеть над городскими улицами, эти — сразу бросалось в глаза — были созданы проницательным разумом высшего порядка, и странная симметрия в них

имела некое чрезвычайно важное значение для паучьего ума. В отличие от пыльных тенет обиталища Смертоносца-Повелителя, эти выглядели свежими и эластичными. Был даже намек на запах — какой-то растительный — и влажное поблескивание. Эта пещера, понял Найл, была своего рода паучьим святилищем, а паутина — некими ритуальными гобеленами, постоянно подновляющимися в знак поклонения.

Чуть слышные звуки сверху дали понять, что в глубине притаились пауки. В пещере стояла крошечная тьма, но Асмак был знаком с ее расположением так хорошо и так устойчиво контактировал с другими пауками, что все вокруг как бы освещалось тусклым сумраком, отчего видимость была вполне сносная. Чувствовалось, что пауки все как один юного возраста — иные даже младше Греля — и что в общей сложности их там примерно дюжина. Что это юнцы, было видно сразу: вон как разволновались, возбуждились, стоило нарушить их уединение; паук постарше, безусловно, сдерживал бы свои эмоции. Ясно было и то, что они сгорают от любопытства, видя перед собой человека.

Асмак несколько минут стоял неподвижно, ожидая, когда улягутся суэта и волнение. У пауков не бывает такого, чтобы обмен приветствиями проходил торопливо или скомканно, — у них это и дело чести, и часть природного инстинкта. А Найл тем временем получил возможность подробнее разглядеть пещеру.

Осматривая дальнюю стену, он различал уступчатый скат, отдаленно напоминающий высеченную из скалы лестницу. Не исключено, что этой пещерой когда-то пользовались люди. Паукам, несмотря на вес, не составляло труда взбираться по этим уступам. Еще в стенах на уровне пола смутно виднелся ряд глубоких ниш, похоже, пустых. Так как все ниши были примерно одного размера и находились друг от друга на одинаковом расстоянии, было ясно, что продолблены они руками людей.

Найл был несколько обескуражен. Он ожидал увидеть какого-нибудь пожилого паука, который мог бы ответить на вопросы о Большой стене. А тут — сплошь мелкота, не достигшая, выражаясь человеческим языком, половой зрелости.

Наконец Асмак заговорил. Его обращение прозвучало как приветствие. Паучки после приличной паузы отозвались хо-

ром. Любопытство по-прежнему владело молодыми паучками, но коллективный импульс помог его пригасить.

Приветствие как Асмака, так и паучков представляло собой моментальный обмен импульсами, что было сродни поклону или рукопожатию у людей. Тут Асмак намеренно перешел на человеческий язык — то есть на частоту, на которой паучки обычно общаются с людьми.

— Персона, которую я с собой привел, — почетный паук. — Асмак произнес именно «персона», а не «человек»: «человек» для пауков — слово уничижительное, все равно что «свинья» у людей. — К тому же он правитель нашего города.

Последняя фраза вызвала среди паучков изумленное шушуканье, и Найл сделал вывод, что они ничего не знают о событиях прошедших шести месяцев. Из чего, в свою очередь, следовало, что паучки живут в этой промозглой темени со времен рабства. Что это — заточение за провинности или некое схимничество? Последнее казалось наиболее вероятным.

— Наряду с этим, — заключил Асмак, — он — избранник богини, а следовательно, наш хозяин.

Несколько секунд стояла полнейшая тишина, не прерываемая даже сбивчивыми импульсами изумления. Затем до слуха донеслось тихое шушуканье: по волокнам паутины спускались на пол лохматые тела. Через несколько секунд Найл был окружен пауками, церемонно пригибающими животы к земле в знак повиновения. Найл стоял смущенный и растерянный, понимая вместе с тем, что ничего не поделаешь: ритуал есть ритуал и ни в коем случае нельзя проявить намек на сконфуженность, будет расценено как неуважение. Пока все это шло, Найл понял, что какой-нибудь ответ ожидается и от него самого. И тогда он произнес вслух:

— Приветствую, — мысленно сопроводив слова образом великодушия и щедрости.

— Приветствуем, повелитель, — словно эхо донеслось в ответ.

Тотчас послышалось сухое шушуканье: паучки, вбирая шелковистые нити, возвращались к себе в тенета. Вместе с тем Найл почувствовал, как тело окутало приятное тепло, будто дыхание весеннего ветерка, и понял, что так отражается на самочувствии изъятие любви и уважения паучков. Расте-

рянность прошла, уступив место ответному чувству приязни и теплоты. Словно некий барьер в душе рухнул, и Найл впервые понял, что значит быть доподлинно «почетным пауком».

Асмак вновь заговорил:

— Знает ли кто-нибудь из вас историю Большой стены в долине Мертвых?

Найл несказанно удивился такому вопросу. Что могут знать эти юнцы об истории своего древнего рода? Сами паучки сразу же озадаченно притихли — видно, стушевались. Но вот после долгой паузы сверху из темноты послышался голос:

— Мне кажется, ее могли воздвигнуть в эпоху Хеба Могу-чего.

— Очень хорошо, — сказал Асмак. — Давайте сообщим, что можем. Ты хранитель Хеба?

— Нет, господин, я, — послышалось из другой части пещеры.

— Ладно. Возьмите нас к нему.

Найл был попросту ошарашен. Чувствительность к ауре живых существ однозначно свидетельствовала, что, кроме них, в пещере никого нет. На пол с тихим шуршанием спустился совсем небольшой паучок. Когда он присел в ритуальном поклоне, Найл разобрал, что это совсем еще ребенок — семилетка, по человеческим меркам. В силу возраста у него даже еще не развились ядовитые клыки. С Найлом он говорил сбивчиво, видно, не привык еще к человеческой речи.

— Прошу следовать за мной, господин.

Паучок двинулся в сторону одного из ниш-альковов, которые Найл успел уже заметить. Асмак посторонился, давая Найлу пройти, сам двинулся следом. Идущий впереди паучок, демонстрируя почтительность, «управлял» ногами Найла, чутко предупреждая, куда ступить меж толстых крепежных тенет, натянутых вдоль пола. Сам альков был скрыт за заграждением из тенет, представляющих собой миниатюрный лабиринт. Пробравшись через их хитросплетения, Найл оказался перед входом в пещеру глубиной метров восемь. Почти дойдя до противоположной стены, он почувствовал, что сворачивает за угол. Проход здесь сужался, и потолок становился ниже. Еще один поворот, и открылся зев невысокой ниши, не больше пяти метров в ширину. Грубо отесанные стены поблескивали от влаги. У дальней стены стоял невысокий каменный алтарь, на

котором лежало что-то округлое. Перед алтарем, подогнув ноги под туловище, лежал паук. Мелькнула мысль, что это и есть тот самый, кто ответит на вопрос, но когда паук поднялся на ноги, стало видно, что это вообще ребенок.

Подойдя к середине алькова, они остановились. На секунду провожатый прервал телепатический контакт, и свет моментально померк. Через секунду контакт возобновился, в альков забрался Асмак. В эту секунду Найл с изумлением осознал, что округлый предмет на алтаре — не что иное, как усохшие останки мертвого паука. Они лежали на некоей подушке из тенет, ссохшиеся лапки напоминали сломанные стебли, а лишённое волос кожистое туловище испещрено было трещинами и лоснилось от возраста, как высокобленная кожа.

— Ты находишься в присутствии Хеба Могучего, — произнес Асмак и согнулся до самого пола. Найл после секундного колебания сделал то же самое.

Найл пребывал в растерянности. Он и представить себе не мог, что великий Смертоносец-Повелитель мог, оказывается, быть таким маленьким. По преданию, Хеб был стооком чудищем, способным перекусить человека пополам одним ударом громадных челюстей. Этот же фактически был чуть больше домашней кошки; даже если распрямить ему лапы, и то едва дотянет до метрового роста.

Через несколько секунд Асмак выпрямился, то же самое сделал и Найл. Вид Смертоносца-Повелителя попросту зачаровывал. Ребенком Найл частенько вздрагивал от страха, когда дед Джомар рассказывал легенды о жестокости и кровожадности Хеба, о том, как тот однажды устроил ритуальную казнь-пиршество, на которой была парализована паучьим ядом тысяча человек, которых потом пауки поедали несколько дней. В другой раз Хеб лично обезглавил челюстями сотню узников. Сейчас было видно, что, по крайней мере, эта история — чистый вымысел: в клыках Хеба, если их выпустить, длины было от силы сантиметров пять.

— Ты желаешь говорить с Великим напрямую или от твоего имени лучше изъясняться мне? — спросил Асмак.

Найл посмотрел на него с замешательством.

— Но как... — Найлу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не заикаться, — ведь Великий же, ясное дело, мертв?

— Нет, повелитель, он не мертв. Равно как и не жив.

Найл, не отрываясь, смотрел на округлую мумию.

— Ни жив ни мертв? Но разве такое в самом деле бывает?

В ответ Асмак метнул еще один просверк информации, калейдоскопом развернувшийся у Найла в уме. Заключение в нем мысль была настолько невероятной, что Найлу пришлось осваивать ее нарочито медленно. Оказывается, Асмак, говоря, что Хеб Могучий ни жив ни мертв, имел в виду именно это, ни больше ни меньше. Да, действительно, тело его мертво вот уже многие столетия, как и большая часть его мозга. Однако та часть мозга, в которой сохраняется информация, подпитывается жизнью. Поэтому память Хеба — своего рода архив, упрятанный в иссохшую оболочку, — доступна сородичам. Следить, чтобы в клетках памяти у Хеба теплилась жизнь, поручено молодой поросли, и те не дают ему умереть, подпитывая своей жизненной силой. Вот почему, оказывается, Найл ощущал в присутствии паучков теплоту и бодрость; природа этого — усиленное чувство почтения и любви. Именно таким образом паучки и не давали Хебу захиреть окончательно.

У Найла на глазах паучок вживился в мозг Хеба Могучего и стал нагнетать туда живительную энергию. Впервые в жизни Найл воочию убедился в «животворящей силе» любви. До сих пор он, естественно, предполагал, что любовь не что иное, как взаимно разделяемая эмоция. Теперь же она воспринималась как жизненная сила, существующая обособленно; сила, которую живое существо может напрямую сообщать другому в виде живительного энергетического потока.

С трудом поддавалось разумению лишь то, что усохший труп каким-то образом жив. Даже с помощью Асмака, при всей своей чувствительности, Найл не мог уловить и малейшего признака жизни; ее в повелителе Хебе было не больше, чем в какой-нибудь сгнившей коряге. Живительный ток паучка, казалось, уходил, будто вода в сухой песок. Удивляло то, что паучок явно ребячьего возраста способен нагнетать такой тугой напор энергии. Но тут, внимательно настроясь на происходящее, Найл понял, что паучок не одинок в своих усилиях, он лишь передатчик совокупной жизненной силы, нагнетаемой всеми паучками в пещере. Этому вменялось лишь собирать ее в пучок и направлять как садовнику, регулирующему струю из шланга.

На глазах у Найла мумия словно высветилась изнутри и прибавилась в размерах. Минуты не прошло, как струя энергии буквально отрикошетила от нее, одновременно наполняя узкий альков чувством невыразимой искрящейся, неумемной радости, — ощущение, чем-то схожее с тем бодрящим мерцанием, что наблюдалось среди кустов и соцветий возле кладовой Скорбо. Через несколько секунд стало ясно, что Хеб Могучий начинает сознавать происходящее вокруг. Найл уже ожидал, что мумия вот-вот шевельнется и распрямит свои лапы; мелькнула тревожная мысль, что высохшая до хрупкости оболочка может не выдержать и рассыпаться при первом же движении. У Найла отлегло от сердца, когда стало ясно, что мумия так же неподвижна, как и пять минут назад. Лишь очнувшийся ум озираал собравшихся с живым любопытством, как пробудившийся от глубокого сна.

Почти сразу же он осознал присутствие Найла.

— Кто это?

— Это мессия, посланный великой богиней, — ответил Асмак.

Хеб оглядел пришельца с эдаким холодным любопытством, напоминающим первую встречу Найла с теперешним Смертоносцем-Повелителем.

— Это правда?

Полгода назад от произнесенного таким тоном вопроса Найл почувствовал бы себя неуютно. Теперь же, привыкший к почитанию и повиновению пауков, он равнодушно ответил:

— Так мне говорят.

— Похоже, ты возрастом немногим старше ребенка.

Хеб, судя по всему, ожидал ответа, но Найл стоял себе и помалкивал.

Смысл этого короткого диалога был одновременно и сложен, и до странности прост. Хеб знал двуногих лишь как врагов или рабов, следовательно, он никогда не встречал людей, подобных Найлу, — таких, кто смотрел бы на него без всякого страха и раболепства и, судя по всему, абсолютно безразлично относился к тому, верят ему или нет. Более того, Найл смотрел на него как на равного, может, даже чуть свысока. Первые слова Хеба он воспринимал через сознание Асмака и других пауков, невольно разделяя их благоговение. Теперь же он вклю-

чился в контакт напрямую, мгновенно оценивая характер Хеба. Это был, безусловно, характер деспота, основные черты которого — сила и хитрость. Хитрость того, кто дорвался до власти и не намерен ее уступать. Его уму несвойственна была тонкость Асмака или Дравига, и, уж безусловно, не было в нем их обходительности. Вместе с тем он излучал могущество, даже «голос» Хеба был грубым и властным. Понятно, почему он был известен как Хеб Могучий. Учитывая его грубоватость и властность, это был виднейший паук, какого Найл когда-либо встречал.

Было ясно, что сущность этого двуногого чужака несколько озадачивает Хеба. Он признавал разум Найла и с неохотой отдавал ему должное. Но вместе с тем он признавал незрелость и неопытность Найла, так что, сойдись они при жизни Хеба лицом к лицу, Хеб легко бы провел этого двуногого. Получается, восторг у Хеба смешивался с презрительным высокомерием. Все это ошарашивало Асмака, Хеб это чувствовал и от души веселился. Следовательно, в целом Найл и Хеб Могучий чувствовали себя на равных, остальные же были просто сторонними наблюдателями.

— Зачем ты явился сюда? — спросил Хеб.

— Задать тебе вопрос.

— Ладно, задавай.

— Я хочу знать, кто возвел Большую стену через долину Мертвых.

— Я не знаю. Это было после меня.

В душе возникло разочарование, то же самое, чувствуется, переживал и Асмак.

— Это все? — спросил Хеб.

— Нет, у меня еще один вопрос.

— Спрашивай.

— Правда, что ты был первым из пауков, кто познал тайны человеческой души?

Наступила тишина. Наконец Хеб спросил:

— Кто тебе это поведал?

— Мой дед. — Видя, что Хеб ждет дальнейших разъяснений, Найл продолжил: — Он рассказывал, что принц по имени Галлат влюбился в девуцу Туроол. Но та была влюблена в небогатого вассала, которого звали Басат. Галлат попытался похитить ее из лагеря Басата, но его выдал своим лаем пес, и принца прогнали. Тогда, рассказывал дед, принц явился к тебе

и предложил выдать в обмен на Туроол тайны человеческой души. Он научил тебя читать мысли людей, твои же воины как-то ночью напали на лагерь Басата и захватили его. Принц Галлат смахнул Басату голову, а Туроол, обезумев от горя, набросилась на паука, который ее и убил.

Рассказывая, Найл сознавал, что Хеб слушает его с глубочайшим вниманием. Точно так же слушают и Асмак, и паучок. Ясно было, что они желают продолжения, поэтому Найл — слышавший, кстати, предание настолько часто, что затвердил его наизусть, — продолжал:

— Дед рассказывал, что в это время пауки уже жили в этом городе и все стремились узнать тайну Белой башни. Ты обещал Галлату, что сделаешь его правителем над всеми людьми, если он поможет тебе разгадать ее. Галлат согласился и многих узников замучил, пытаясь выведать у них нужные сведения. В конце концов одна старуха сказала, что даст ответ, если он пощадит ее мужа.

Она поведала Галлату, что тайна башни — в «ментальном замке»: ум человека должен войти во взаимодействие со стенами башни, и тогда стены растают как дым. Это можно было сделать с помощью волшебного жезла. Такой жезл был у мужа старухи — он был вождем, и жезл считался символом его власти. Жезл этот Галлат у него отнял, и на следующий же день предрассветной порой — старуха сказала, что первый луч падет на потайную дверь в основании, — отправился к Белой башне. Но не успел он приблизиться, как его швырнула на землю некая сила. Галлат попробовал встать — опять то же самое. На третий раз он простер обе руки и крикнул: «Я приказываю тебе открыться!» Но едва Галлат коснулся башни тем волшебным жезлом, как сверкнула ослепительная вспышка, подобная молнии, и от мятежного принца осталась лишь кучка пепла.

Тут Найл приумолк, решив деликатно опустить самую концовку рассказа. Но Хеб явно догадывался, что это еще не конец, и настойчиво ждал, что будет дальше. Найл, поборов смущение, закончил:

— Услышав о том, что произошло, ты казнил всех своих узников, включая и того старого вождя с женой. А тайна Белой башни так и осталась неразгаданной.

На этот раз Найл дал понять, что рассказ действительно подошел к концу. Тем не менее пауки все еще долгое время молчали. Наконец Хеб сделал мысленно жест, удивительно напоминающий покачивание головой впечатленного человека, и произнес:

— Ты вещаешь языком шивада.

— Шивада? — Найл впервые слышал такое слово.

— Шивад — это тот, кто вещает словами мудрости, как советник Дравиг, — пояснил Асмак.

Найл был польщен и вместе с тем слегка сбит с толку: в рассказе вроде бы не было ничего особо мудрого. И тут при взгляде на молоденького паучка кое-что стало проясняться. Тот внимал с упоением ребенка, замороженно слушающего сказку. До Найла со всей неожиданностью дошло, что искусство повествования для пауков, очевидно, нечто небывалое. «Разговаривая» друг с другом, они выдают сразу всю информацию единым импульсом. В таком случае получается, что им не приходится «предвкушать» продолжения: весь объем информации выстреливается разом, вместе с началом и концом. Говоря о «мудрости», Хеб имел в виду сложное искусство сдерживать и контролировать ум, разворачивая мысль определенной цепью образов.

Удивительно, вроде бы человеческий язык, несмотря на все свои непреложные ограничения, кажется паукам в некотором смысле превосходящим их собственный способ общения.

Поскольку Хеб, очевидно, был поглощен своими мыслями, Найл, немного подождав, спросил:

— Ну так что, эта история правдива?

— Правдива? — Смертоносец-Повелитель, похоже, несколько онешил от такого вопроса.

— Принц Галлат на самом деле существовал?

— Человек по имени Галлат, безусловно, существовал. Но это был вовсе не принц. Он был раб — мой раб.

— И он научил тебя понимать человеческую душу?

— Нет. Но он научил меня понимать человеческий язык.

— И как это произошло?

Задавая все эти вопросы, Найл не пытался облекать их в слова. Например, спрашивая, существовал ли Галлат, он просто передавал общий образ с вопросительным оттенком. Спра-

шивая, как это произошло, он просто послал вопрошающий импульс. В сравнении с устным изъяснением способ радовал своей экономичностью.

Посланный, увы, в таком режиме ответ Хеба был настолько ошеломляющим по объему информации, что оказался выше понимания; Найл даже поперхнулся. Хеб понял его растерянность и как можно более внятно (но опять-таки на «пауьем» языке, который, судя по всему, предпочитал человеческому) передал послание:

— Прошу прощения. Пробую еще раз.

Вторая попытка вышла более размеренной. Вначале возникла панорама голого сумрачного пейзажа, укрытого снежным саваном, затем — силуэты пауков, корчащихся по пещерам и развалинам в попытке укрыться от ледяного ветра. Эти образы сопровождались своего рода фоновой информацией, напоминающей задний план картины, который можно рассматривать как самостоятельно, так и вместе с остальным полотном.

В переложении на человеческий язык Хеб рассказал примерно следующее:

— В ту пору, когда я родился, мир страдал от Великого оледенения. Миллионы моих сородичей умерли, не достигнув зрелости. Снег падал день и ночь, а ветер беспрестанно менялся, так что отыскать убежище было почти невозможно. Небо постоянно было темное, за долгие годы все уже отвыкли от света.

Становилось сразу же ясно, что Хеб повествует о периоде непосредственно после того, как Землю овеяла хвостом комета Опик. О Великой зиме Найл знал из уроков истории в Белой башне. В двадцать первом веке новой эры Земля оказалась под угрозой гибели от радиоактивной кометы. Большая часть человечества тогда на громадных космических транспортных средствах пустилась в девятилетнее плавание со скоростью в половину скорости света к планете в звездной системе альфа Центавра. Ту планету поселенцы окрестили Новой Землей.

Ядро кометы пролетело фактически более чем в миллионе миль от Земли. Хвост же задел земную атмосферу, уничтожив девять десятых всей фауны. Гравитационное поле кометы вызвало возмущение в лунной орбите, вызвавшее, в свою оче-

редь, бурный всплеск вулканической активности на Земле. Атмосфера подернулась дымкой настолько плотной, что на пути солнечного света возник непроницаемый барьер. Планета вошла в эпоху нового оледенения, длившегося до тех пор, пока пылевые частицы постепенно не осели на Землю. Спустя двести лет после катаклизма ледовые поля начали отступать, сменяясь противоположными климатическими факторами, превратившими земную поверхность из холодильника в теплицу.

Комета, принеся разрушение, привнесла и новую форму жизни. Последняя явилась с планеты Альфа-Лиры-3, третьей в солнечной системе голубой звезды Вега, что в созвездии Лира, на расстоянии двадцати семи световых лет. Сила гравитации на той планете была такой непомерной (в сотню раз больше, чем на Земле), что человек на ее поверхности весил бы десятков тонн и не мог бы даже приоткрыть веки. Единственной разумной, способной к развитию формой жизни в подобных условиях были исполинские шарообразные создания, схожие по форме с земными овощами.

Сто пятьдесят миллионов лет назад систему Веги прошил осколок расширяющейся галактики, вызвав на Альфа-Лиры-3 катастрофические смещения геологических пластов и «сковырнув» сегмент величиной почти с Землю. Этот кусок бороздил пространство следом за звездным астероидом до тех пор, пока много миллионов лет спустя чуть было не столкнулся с кометой Опик (ее ядро составляло около пятидесяти тысяч миль в диаметре), угодив ей в хвост. Так семена растительной формы жизни с планеты Альфа-Лиры 3 попали на Землю. Большинство из них упало в пустынях и возле полюсов и погибло. Лишь пятерым особям удалось прорасти, одному из них, в частности, в климатически благоприятном районе Великой Дельты. Гравитация на Земле была намного слабее, чем на той планете, поэтому молекулярные процессы шли с невероятной быстротой и растения в Великой Дельте вымахали до исполинских размеров; полузарытые в землю, они напоминали округлые холмы.

У этих исполинов были развиты телепатические силы, на их родной планете эволюция была коллективным усилием. На Земле же их развитие вскоре застопорилось, поскольку всего лишь впятером эти сверхсущества не могли создать достаточно мощное ментальное поле.

Выход у пришельцев был один: ускорив эволюцию некоторых других видов жизни, создать себе в них партнеров. Растения сделались гигантскими передатчиками жизненной энергии, рассылая ее волнами через землю. Все существа, способные к восприятию этой энергии, начали эволюционировать ускоренными темпами. Большинство высокоорганизованных животных на Земле — включая, увы, человека — стояли на слишком высокой ступени эволюции и не могли воспринимать вибрации. Насекомые, наоборот, оказались на редкость восприимчивы к этим волнам живительной энергии, и многие виды вскоре развились в гигантов. Самыми же восприимчивыми оказались некоторые разновидности пауков, они-то и заменили человека, утвердившись на Земле как господствующий вид жизни. Созная, что своим положением они обязаны живительной энергии, исходящей от исполинских обитателей Дельты (люди называли их растениями-властителями), пауки поклонялись этой силе как великой богине. Пауки и Найла чтили как некоего полубога из-за того, что он общался с богиней лицом к лицу.

Хеб Могучий, должно быть, был одним из самых ранних представителей пауков-гигантов, потому и смотрелся карликом в сравнении со своими потомками.

И вот Найл задал вопрос, который не давал ему покоя с самого детства:

— Почему все-таки пауки стали врагами людей, вместо того чтобы жить с ними в дружбе и согласии?

— То был не наш выбор, — ответил Хеб. — Во времена Великой зимы многие мои сородичи были вынуждены ютиться по соседству с людьми. Встречаясь с нами, твои соплеменники неизменно нас убивали. Мы были бы рады жить в мире и согласии. Но уже задолго до того, как родился я, между людьми и пауками была непримиримая вражда.

Разворачивая теперь образы с нарочитой медлительностью, Хеб начал излагать историю истязаний и жестокости, от которой становилось дурно. Пауки уже при жизни Хеба начали удивительно быстро увеличиваться в размерах и набираться ума. Довольно странно, но многие люди относились к ним с уважением, считая, что убивать паука без дела не к добру. Но вот к увеличению в размерах стали относиться со все возраста-

ющей тревогой. За редким исключением, мало кто из пауков выделял яд, способный умертвить человека; например, яд большого шерстистого тарантула — вид, к которому принадлежал и Хеб, — не мог убить даже кошку или собаку. И как-то раз во время Великой зимы от укуса шерстистого тарантула по трагической случайности погиб больной ребенок. Братом ребенка был не кто иной, как юноша по имени Айвар, поклявшийся впредь убивать любого паука, какой понадется. Со временем Айвар стал великим вождем, известным своим соплеменникам как Айвар Сильный, но многим — как Айвар Жестокий. Именно Айвар покорил большинство своих соседей по междуречью, захватил самый крупный их город и перебил в нем жителей. Город тот он переименовал в Корш, что значит «твердыня», и за счет рабского труда обнес его мощными стенами и башнями.

Отдаленные земли к северу от Корша были гористым регионом, изрезанным глубокими лощинами; там шерстистые пауки в конце концов и обосновались. Питались они птицами, мелкими грызунами и земноводными. Живущие поблизости люди их не трогали. Но вот Айвар, подчинив себе и эти земли, проведаль о долине Пауков и решил, что мохнатую нечисть надо истребить. Проход в долину загораживали тенета, их уничтожили огнем. Айвар открыл подземный источник какой-то черной маслянистой жижи, горящей свирепым неугасимым пламенем и дающей едкий черный дым. Пауки, полагая, что в глубине пещер им ничего не грозит, сопротивления захватчикам не оказывали, но они слишком поздно поняли, как опасен удушающий черный дым.

Когда они порывались спастись из своих пещер бегством, наверху их подкарауливали люди, одни из которых окатывали им спины черной жижой, а другие гнали на кусты, которые затем поджигали. Угоревшие, полуослепшие от дыма пауки были легкой добычей, к вечеру вся долина была завалена обгоревшими трупами. Боль и тоска умирающих, невольно передаваясь телепатией, сеяли панику и безумие среди живых. Пауки из соседних долин ушли на север, где все еще царила зима, и гибли там тысячами. Устроив это побоище, Айвар и снискал себе прозвище Сильного.

Хеб описывал все с такой достоверностью, что Найл, казалось, обонял паленую плоть и удушающий запах горящей неф-

ти, видел своими глазами матерей со своим потомством, всмятку размозженных деревянными дубинками или сожженных заживо людьми, кидающими пропитанную нефтью солому. Теперь не вызывало вопросов, почему пауки считают человека самой злобной и мерзкой тварью на Земле.

Жестокость Айвара обернулась против него самого. Развитие пауков уже до этого шло ускоренным темпом, скорбь и ненависть стимулировали теперь развитие силы воли. Сменилось несколько поколений, и яд сделался таким, что мог уже свалить какого угодно богатыря или лошадь, а сила воли могла заставить человека застыть на месте, пока введется яд. Айвар, разумеется, ничего об этом не знал, он был слишком занят, покоряя земли к востоку. Поэтому, проведая в основном от пастухов и погонщиков, что пауки возвратились в долины, он замыслил устроить еще одно побоище.

Загораживающие вход в долину тенета были сожжены, возле пещер свалены в кучу просмоленные дрова. Сам Айвар, гарцующий на могучем вороном жеребце, готовился отдать приказ зажигать костры. Люди, держа в руках зажженные факелы, замерли в ожидании сигнала. Но сигнала так и не последовало. Айвар уже собирался взмахнуть рукой, но тут лицо у него вдруг перекошилось от тревожного изумления и сам он будто одеревенел. И те, что держали факелы, тоже почувствовали, что тела им будто сковало льдом. Даже самые сильные смогли разве что шевельнуться или моргнуть. Тут пауки ринулись из пещер, одновременно преградив выход из долины. Убегающим (многие люди еще могли двигать ногами) они кидались на спину и впивали клыки в шею. Костры в этот день так и не зажглись. Вместо этого тысячу, а то и более парализованных жертв растащили по пещерам, где пауки мощными хелицерами сорвали с них одежду. Затем паучата пили теплые соки людей, а взрослые смаковали живую плоть. Айвар Жестокий протянул три дня. Веки ему проели так, чтобы он видел все до последнего момента. Говорят, сознание покинуло его лишь за несколько минут до смерти.

Так велико было сочувствие Найла смертоносцам, что описание людоедства он воспринимал без всякого ужаса, было лишь удовлетворение от того, что злодеи получили наказание по заслугам.

— Ты был очевидцем тех событий? — поинтересовался он.

— Нет. Я появился на свет через сто лун, — (Найл посчитал, получалось лет примерно восемьдесят), — как раз в эпоху правления Бакена Ужасного. Его воины вылавливали и убивали наших сородичей, чтобы заполучить яд, которым потом парализовывали на зиму скот.

— Но ведь твои сородичи к той поре развили силу ума, — перебил Найл, — так что им уже не приходилось бояться людей?

— К сожалению, это не так. Мои подданные были миролюбивы и доверчивы. Они единственно хотели, чтобы им дали жить без страха. Вот почему даже после победы над Айваром Жестоким мы ушли из долины, где было устроено побоище, и перекочевали в долины севера. Но двуногие горели жаждой мести и не давали нам покоя. Внук Айвара Жестокого устроил обвал, под которым оказались похоронены заживо тысячи самых отважных наших воинов. Мы отступили в развалины города меж горами и морем, надеясь обрести там покой. Но в ночь сильных ветров Скапта Хитрый устроил пожар, промчавшийся через город со скоростью грозовой тучи, и в нем опять погибли тысячи наших сородичей.

Затем пришел Вакен Ужасный и преследовал нас до тех пор, пока в конце концов не выжил нас на гористый берег великой реки. Вот в тех холодных землях, что далеко на севере, я и появился на свет. Мне помнится год ледяных ветров, когда многие из наших позамерзли. Однажды не вернулся с охоты мой отец, и я отправился его искать. Я нашел его. Занесенный снегом, он стоял над трупом оленя, смерзшегося в глыбу льда. Поскольку мой отец был знатнейшего рода, я на правах его старшего сына стал тогда правителем смертоносцев.

Это я решил, что нам надо уйти из северных земель и возвратиться на юг, пусть нам даже грозит смерть от двуногих охотников. Из пауков я был первым, кто решил, что ради выживания необходимо пойти войной на людей. Так я стал известен как Хеб Могучий. Я привел своих сородичей обратно в город, спаленный некогда Скаптой Хитрым, и много лет мы тайно жили среди руин, хоронясь от людей.

Я научил своих сородичей быть бдительными, чтобы враг нас больше не застал врасплох. Если к нашему городу подходили пастухи, мы прятались, выжидая, пока они уйдут. Если

они подходили слишком близко и раскрывали наше присутствие, мы хватали их и убивали.

Так вот, главным мудрецом у меня был советник по имени Квизиб, который заведовал сносом наиболее опасных частей города. Не кто иной, как он, смекнул, что двуногим пленникам это удастся куда ловчее, чем нашим сородичам. Телом они тогда были крепче нас, а вот волей, наоборот, слабее. Так, вместо того чтобы убивать пленных, мы стали использовать их как рабочую силу. Среди них был юноша по имени Галлат, сильный как буйвол. Однажды, когда сносили здание, стражника прибило рухнувшей балкой. У Галлата была возможность сбежать, но он тем не менее предпочел остаться. Вот почему я ироникся к нему доверием и обращался с ним по-доброму. Именно через Галлата я и начал понимать умы людей.

— А кто была принцесса Туроол? — спросил Найл.

— Не знаю. Галлату разрешалось выбирать самок по своему усмотрению, я не вникал в их имена.

— Правда, что его поразило молнией, когда он пытался проникнуть в Белую башню?

— Нет. Галлат никогда не был в этом городе, ибо в те времена он был еще занят людьми. Но именно благодаря моему советнику Квизибу этот город наконец оказался наш. Какая-то из жен Галлата умерла при родах, и младенец был отдан одной из дочерей Квизиба. Та, вместо того чтобы съесть, решила оставить его при себе как ручную зверушку. И вот когда ребенок уже научился ходить, к нему привели поиграть других детей двуногих. Он же, вместо того чтобы обрадоваться, бросился на них и стал кусать. И Квизиб, случайно оказавшийся тогда в комнате, понял, что ребенок не считает себя человеком. Проведя первый год жизни среди наших сородичей, он стал считать себя пауком.

Именно тогда Квизиб и проявил мудрость, благодаря которой стал знаменит. Он велел, чтобы все младенцы забирались у матерей сразу после рождения и воспитывались среди наших. Детям, пока не научатся ходить, не давали видеть себе подобных. Лишь после этого их начинали обучать человеческому языку проверенные рабы. Так, благодаря Квизибу, создалась прослойка, относящаяся к своим соплеменникам с презрением, предпочитая им общество наших сородичей.

По прошествии времени такие люди выслались для смешения с людьми — в основном к пастухам и погонщикам — и успешно становились лазутчиками. При этом всегда безотказно действовала одна и та же легенда: дескать, их вместе с родителями схватили пауки и угнали в рабство, откуда они при первой же возможности бежали. Их неизменно встречали как героев. Однажды в городе Корш сын Вакена Ужасного, известный как Вакен Справедливый, велел устроить в их честь пир. Кое-кто из лазутчиков даже женился на девушках из города. Тем не менее они исправно выполняли порученное дело. А те из них, кто стал пастухом или погонщиком, еще и приносили сведения об обороне города.

Наконец настала та ночь, когда несметное число моих воинов окружило город Корш. Брать его приступом не было нужды, мы просто парализовали умы всех его обитателей. Когда это было сделано, город стал наш. Наутро ко мне привели Вакена Справедливого, связанного по рукам и ногам паутиной, и я заставил его присягнуть на верность и поклясться быть моим рабом до конца своих дней. Когда это было сделано, поданные провозгласили меня первым Смертоносцем-Повелителем. И с этого дня мои сородичи сделались хозяевами всего междуречья.

Заканчивая рассказ, Хеб Могучий снова перешел на человеческий язык, в сравнении с телепатией показавшийся холодным и невыразительным. Это был жест вежливости, признание равного достоинства Найла, тем не менее ничто не могло скрыть нотку торжества и волнения в голосе Хеба, когда он живописал величайшую свою победу. И Найл понимал, что победа эта ознаменовала начало человеческого рабства, но все же не мог сдержать трепета сочувствия. Пауки жили под гнетом и вместе с тем однажды свергли людей-угнетателей, воцарившись на Земле. Это был, бесспорно, один из самых знаменательных дней в истории планеты.

Хеб изучал реакцию Найла с интересом, в отличие от всех присутствующих он не почел за дерзость прощупать ум Найла. Наконец он спросил с грубоватым юмором:

— Ну что, двуногий, заслужили мы свою победу?

— Да, повелитель, вы заслужили жизнь в мире. Но мир не может быть подлинным, пока существует рабство.

Хеб в ответ будто хмыкнул.

— Возможно. Но при моей жизни не было иного выбора.

— А ты до сих пор еще при жизни? — с любопытством спросил Найл.

— Не такой, как вы. — В голосе Хеба внезапно почувствовалась усталость. — Жизнь в моем мозгу поддерживается за счет этих малышей. — Хеб послал импульс трогательной признательности молоденькому паучку, благодарно замлевшему, как собачонка, которую гладят. — Но этот уже выбивается из последних сил, и я не хочу больше его утомлять.

Найл церемонно поклонился.

— Благодарю тебя за учтивость и терпение.

— Мое почтение. У тебя есть еще ко мне вопросы?

Найл только тут вспомнил, что именно привело его в это святилище.

— Только один, повелитель. Ты никогда не слышал о неких людях, живущих под землей, властители которых — великий кудесник?

— Нет. А впрочем, постой... — Хеб приумолк, размышляя. Наконец он устало вздохнул. — Нет, силы уже уходят, не могу припомнить. Поговори с моим советником. Он знает все. А мне пора возвращаться. Прощай, и да минует тебя опасность.

Миг — и Хеба не стало. Он истаял так внезапно, что Найл опешил. Ум, не успевший еще выйти из контакта с мозгом мумии, внезапно облекла пустота. Ощущение у Найла такое, будто он очнулся от глубокого сна. Казалось невероятным, что эта давно иссохшая безжизненная оболочка только сейчас была полна жизни.

Несколько минут все молчали (пауки никогда не спешат прерывать тишину). Наконец Асмак произнес:

— Великий был сегодня в хорошем настроении.

Голос паука звучал на удивление сбивчиво, и до Найла дошла вся значительность происшедшего. Хеб был существом легендарным, почти божеством, тем не менее он разговаривал с Найлом как с равным. Асмак чуточку запинаясь, поскольку был ошеломлен тем, чему только что был свидетелем: диалогу Хеба Могучего с посланцем богини.

— Как понимать слова «поговори с моим советником»? — спросил Найл.

- Могучий ссылался на Квизиба Мудрого.
- Мне можно встретиться с Квизибом Мудрым?

Асмак, казалось, пришел от этого вопроса в беспокойство; Найл на секунду подумал, что он отклонит его просьбу. Асмак же, так и не ответив, повернулся и повел его за собой из священного алькова. Паучок-служитель остался там, где был, осев на пол в полном изнеможении.

Вернувшись вместе с провожатым в священную пещеру, Найл почувствовал, что в ней царит странное напряжение, все паучки будто разом затаили дыхание. И когда Найл ненавязчиво смешался с умом Греля, стало ясно почему. Как и Асмак, эти юные прислужники великих мертвецов сознавали, что им выпала невиданная честь быть причастными к встрече, которая сохранится как легенда. Сам Найл чувствовал странную расслабленность и оживленность — чувство, как правило, сопутствующее интересному открытию.

Сверху в центр пещеры бесшумно спустились три паучка и приблизились к ним. Найл с удивлением обратил внимание, что эти — бурые, бойцовые, они крупнее и мускулистее смертоносцев. Найл привык видеть, что с «бойцами» обычно обращаются как со слугами, и те, похоже, ничего против не имеют, поэтому их присутствие в святилище воспринял с некоторым удивлением. Он удивился еще больше, видя, как эта троица, не обращая ни малейшего внимания на Асмака, о чем-то совещается между собой.

Было ясно, что они занимают здесь какое-то особое положение или пост. Наконец самый крупный из них — почти взрослый по размерам — повернулся к Найлу и послал импульс повиновения. Затем он двинулся через пещеру, держась чуть впереди своих товарищей. Асмак сделал Найлу знак двигаться первым. На этот раз следом тронулся и Грель.

Найл ожидал, что его проведут в очередной альков, завешенный паутиной. Паучки же, к удивлению, остановились перед глухой каменной стеной и начали взбираться вверх. Вблизи стало видно, что в камне имсются многочисленные выемки для рук и ног.

Секунду поколебавшись, Найл нащупал небольшую выемку сантиметрах в тридцати над головой, поставил ногу на узенький выступ возле пола и подтянулся всем телом вверх. Через секунду он с облегчением почувствовал, что сзади, не давая

упасть, подпирает силой воли Асмак, так что есть время на поиски следующей выемки.

Поднявшись метров на пять, Найл спохватился, что трое «бойцов» исчезли. Загадка объяснилась немногим позже, когда запыхавшийся Найл оказался перед небольшим круглым лазом в скальной породе. Лаз был чуть больше метра высотой, и влезать пришлось головой вперед. Влезая, Найл на секунду утратил телепатический контакт с Асмаком, и сердце на мгновение сжалось от безысходного ужаса: крошечная тьма, со всех сторон давит немыслимая толща породы. Но контакт почти тотчас восстановился, и опять стало «светло», но и от этого было теперь не легче. Лаз был явно искусственного происхождения — на краях многочисленные зазубрины от инструмента, — но при этом такой узкий, что развернуться никак невозможно. Более того, он шел под уклоном, отчего становилось еще страшнее, чувствовалось, что пути назад нет. Где-то в десятке метров впереди показался и скрылся за углом зад бойцового паука. В этом тесном замкнутом пространстве едкий специфический запах пауков чувствовался с особой силой.

Асмак если и чувствовал обеспокоенность Найла, то из вежливости не показывал виду. Сунувшись своим массивным туловищем, он надежно закупорил проход, и у Найла появилось такое ощущение, будто его замуровали в каменный саркофаг. Секунду он боролся со страхом, боясь, что сейчас задохнется, но вынудил себя все-таки продолжать путь вниз, пригнув голову, чтобы не стукнуться.

Одолеть проход в повороте оказалось непросто: он был приспособлен скорее для пауков, чем для людей. Метров через пять лаз сделался даже еще более узким, так что стены давили на плечи и протискиваться приходилось ногами вперед. Затем, к несказанному облегчению, лаз расширился, и Найл очутился в небольшой пещерке, бок о бок с мохнатыми бойцовым пауками, испускающими специфический запах. Места, может быть, и хватило бы, но тут в пещерку протиснулся Асмак, и один из «бойцов» вынужденно приткнул Найла к стене своей членистой, окованной панцирем лапой, сзади подпирало мягкое подбрюшье еще одного.

В отличие от усыпальницы Хеба Могучего в этой малюсенькой пещере — метра два в диаметре и три в высоту — не было

ни алтаря, ни еще чего-либо, где могли бы покоиться останки. Пещерка казалась пустой. Но на противоположной стене Найл углядел сеть недавно свитой паутины и догадался, что за ней в камне должно крыться углубление.

В этой тесноте жар паучьих тел был угнетающим, не говоря уж о специфическом запахе. Найл, не стесняясь постороннего присутствия, сделал решительную попытку стряхнуть с себя угнетенность и тревогу: стыдно посланцу богини проявлять слабость.

Внимание Асмака теперь было приковано к завешенному паутиной месту в стене. Тут Найл понял, что это не более чем ниша — неглубокая, сантиметров пятнадцать. Идущий вниз скат был устелен тенетами, будто периной. Посреди ниши лежало все, что осталось от Квизиба Мудрого — паука, первым, по преданию, познавшего, как можно помыкать людьми.

Найл, ничему уже не удивляясь, отмечал, что Квизиб по размерам гораздо мельче, чем его властитель Хеб. Туловище Квизиба было размером со среднюю птицу, а согнутые ноги, на которых оно покоилось, в основном обломались и напоминали сломанные сухие ветки. Голова и грудная клетка сохранились полностью, живот же, составляющий наибольшую часть туловища, так усох, что почти не различался.

Тут Найл впервые понял, для чего их сопровождают именно трое «бойцов», никак не меньше. Квизиб Мудрый был уже таким ветхим, что от него осталось буквально несколько иссохших обломков. Немудрено, что Асмак забеспокоился, услышав просьбу об аудиенции: представить сложно, как «бойцы» — пусть их даже трое, молодых и зловых, — смогут вдохнуть жизнь и оживить разум в этой ветхой и иссушенной скорлупе.

Боязнь замкнутого пространства исчезла сразу, едва паучьки сосредоточились на обломках мумии; Найл так увлекся, что напрочь забыл, где находится. На этот раз он внедрил в совокупное сознание паучков и, вступив вместе с ними в оболочку Квизиба Мудрого, очутился в некоей серой пустоте, выискивая опору среди мира небытия. Удивительно, но «бойцов», похоже, никак не обескураживала эта пустота, их энергия хлестала в нее, как в бездонный омут. На секунду Найла охватило отчаяние, близкое к панике; показалось, что ум сейчас

растворится в пустоте. Но тут аморфная серость начала развиваться, обретая смутные черты, некая жизнь выявлялась на поверхность, словно плавно расходящиеся по воде круги. Приток энергии резко усилился, пытаясь высвободить эту жизнь из небытия. На миг показалось сомнительным, что энергии паучков хватит и что их самих не засосет в небытие. Но вот, будто спящий, приоткрывающий веки, Квизиб Мудрый начал сознавать происходящее, нащупывая опору в мире живых. Довольно странно, но делал он это не только без охоты, но еще и с таким видом, будто жизнь для него — невыразимая тягость.

Различие между Квизибом Мудрым и Хебом сразу же бросалось в глаза. Хеб воспринимал экскурсию в мир живых как некий праздник, для Квизиба это была мучительная обязанность, которой он рад был бы избежать. Как спящему, вырванному из тяжелой дремоты, ему не терпелось поскорее кануть обратно в забвение. Теперь Найл понимал, почему для расталкивания выбраны именно «бойцы», а не смертоносцы. Эти попроще умом, но есть у них эдакое грубоватое упорство, не дающее Квизибу ускользнуть обратно в небытие.

К тому, что последовало, Найл просто не был готов. Паучок повзрослее словно бы схватил Квизиба в сильные передние лапы и перетащил через порог мира живых. На самом деле произошло то, что паук перевел сознание Квизиба в свой собственный мозг, после чего впал в некий транс, оставив сознание советника в распоряжении присутствующих. Квизиб из бесплотного духа сделался частью живой сущности, питаясь от его жизненной системы. Секунду он оставался неподвижен, не желая шевелиться словно из строптивости. Но вот он обратил внимание на Асмака и устало спросил:

— Что на этот раз, страж мертвых?

Голос в отличие от повелителя Хеба был тонкий и тусклый. Найл и прежде замечал, что «голоса» пауков различаются меж собой так же, как у людей, несмотря на то что связь осуществляется не звуками, а мыслями. Голоса у пауков были прямым отражением их сущностей.

— Этот юноша — посланец великой богини, — сказал Асмак. — Он хочет задать тебе вопрос.

Квизиб посмотрел на Найла без всякого интереса.

— Пусть задает, — произнес он равнодушно, вяло.

— Я хочу спросить, повелитель, — сказал Найл, — знаешь ли ты, кто возвел Большую стену в долине Мертвых?

— Знаю. Это был я.

— Ты?!

Найл чувствовал, что его изумление разделяют Асмак с Гре-лем (последний остался в проходе).

— Да, я. Не своими, разумеется, лапами. — Голос Квизиба прозвучал чуть резко. — Я, сам понимаешь, руководил работами.

— Это было уже после эпохи Хеба Могучего?

— Да, после. Во время правления его сына Касиба Воителя. Хотя задумано было, в общем-то, еще во времена Хеба.

Квизиб говорил медленно, будто обдумывая каждое слово. В голосе не было той властной напористости, что у Хеба, и не было кичливости, которую он мог бы себе позволить в силу своего чина; некоторая надтреснутость придавала ему старческий оттенок. Вместе с тем в Квизибе было что-то до странности располагающее, безропотность словно сочеталась в нем с чувством юмора. Можно было легко понять, почему он назначался главным советником двумя Смертоносцами-Повелителями.

— Но зачем ты воздвиг эту стену? — спросил Найл.

— Чтобы оградиться от человеческих тварей с севера.

Слово «твари» он произнес нарочито унизительно, словно имея в виду каких-то особо гнусных насекомых.

Найл через силу сдержал волнение.

— Кто это были?

— Не знаю. Мы никогда в это не вдавались.

Было видно, что добиться от Квизиба необходимых сведений будет непросто. Не потому, что легендарный советник привередничал или не хотел раскрыть того, что знал. Просто Найл задавал ему вопросы на «человеческом» языке, а Квизиб — не часто, видимо, общавшийся с людьми — несколько от этого терялся, все равно что человек, слушающий речь с иностранным акцентом.

Найл, глубоко вздохнув, помедлил, прежде чем задать следующий вопрос.

— Повелитель Хеб Могучий рассказывал мне, как вы овладели этим городом. По его словам, он стал хозяином всех зе-

мель в междуречье. Однако сейчас ты мне говоришь, что вам не удалось покорить людей с севера.

Найл сделал паузу, но ответа не дождался: Квизиб, очевидно, не совсем понимал, о чем он спрашивает.

Найл попытался разъяснить.

— Из какой земли приходили те люди?

— Не знаю. Мы никогда не задумывались.

— Неужто и в самом деле никогда?

— Поначалу. Нас не интересовали горы к северу от долины Мертвых. Пользы от них не было никакой, и прибрежная равнина была слишком узкой.

Тут наконец ум Квизиба начал передавать телепатические образы — вначале долину Мертвых с ее темным вулканическим озером, затем призрачные изломанные горы к северу с их удивительно острыми шпилями. Было заметно и то, что горы покрыты массивным ледяным панцирем: во времена Квизиба Мудрого земля только начинала вызволяться из тисков Великого оледенения.

Найл поразился ясности мысленного образа, который был, пожалуй, даже четче и достовернее, чем недавняя панорама тех же гор, переданных через ум Асмака. Казалось невероятным, что память — особенно у такого глубокого старика, как Квизиб, — может сохранять такую удивительную, поистине фотографическую четкость.

Теперь, когда умы у них находились в близком контакте, общаться внезапно стало легче. Поняв, что Найл интересуется панорамой северных гор, Квизиб задержал и увеличил образ так, чтобы Найл мог изучить их более подробно. Сразу же бросалось в глаза, что в конце Великого оледенения озеро в центре было неизмеримо больше, а текущие из него реки более бурными. Питающие озеро горные ручьи напоминали каскады белой пены, они наполняли котловину до краев, и берега, крутизну которых уже уяснил для себя Найл, были скрыты под черной водой.

Найл задал вопрос, что вертелся на языке с того самого момента, как взгляд упал на эту долину.

— Почему эта местность называется долиной Мертвых?

— Несметное число наших сородичей погибло там в ночь всликой бури.

— Как это произошло?

Квизиб вместо ответа воссоздал образ небывалого ливня, который сменился образом вздувшейся полноводной реки, что бушвала в долине, сметая тысячи пауков, нашедших себе прибежище под южным склоном горы. Картина продлилась лишь секунду (Квизиб, видно, не горел желанием продолжать), но Найл уж и от этого потрясения смолк, затаив дыхание. Тот же эффект, очевидно, оказало видение и на остальных присутствующих.

— Но зачем вы собрали такие полчища в долине?

— Отсюда должен был начаться поход на север, на поиски врага.

— Ты же говорил, что вашим сородичам не было дела до северных земель.

— Это так. Но приходилось постоянно быть начеку на случай нападения.

Теперь ум Квизиба изображал небольшой прибрежный город с белыми домами, зелеными террасами и зданиями, в которых Найл признал старые церкви. В окружающей город равнине и двух куполообразных горах было что-то смутно знакомое. Найл, вздрогнув от волнения, узнал город Сибиллу, который видел час назад. Правда, он тогда видел пустые захламленные улицы и закоптившиеся стены домов, вместе с тем силуэты гор не оставляли сомнения, что место именно то.

И тут Квизиб чередой емких образов поведал историю трагедии в долине Мертвых.

Прибрежный городок Сибилла был тем местом, где по возвращении из северных пустынь скрывался Хеб. Больше века назад тот город спалил Скапта Хитрый. Люди бросили это место навсегда, поскольку среди руин было полно отвратительных слизистых тварей (Найл уже знал, что тело паука со смертью превращается в более низкую форму жизни — гриб-головоног — снрутоподобное беспозвоночное, абсолютно безопасное для взрослого человека, но не упускающее случая обвиться вокруг спящего младенца и, удушив, съесть). Пауки не боялись этих тварей, поскольку те легко управляются силой воли. Поэтому Хеб и его подданные много лет прожили среди руин, не раскрытые ни Бакеном Ужасным, ни его сыном Бакеном Справедливым. Кочующих скотоводов, если подходили слишком

близко, пауки хватали и обращали в рабство. И вот однажды на Квизиба снизошло, что у него во власти ключ к покорению людского рода. Теперь младенцев отнимали у родителей и воспитывали как пауков. Вот это новое поколение паучьих слуг и помогло Хебу Могучему свергнуть Вакена Справедливого и стать повелителем в городе пауков.

Через сорок лун все твердыни двуногих пали, и Хеб стал непререкаемым властелином мира. Однако покорение далось нелегко. Несмотря на высокую силу воли, мало кто из тогдашних пауков мог тягаться в единоборстве с человеком. А вооруженный до зубов вояка, бешеный от выпитого вина, так и вообще мог разделаться с дюжиной смертоносцев прежде, чем те сообща успевали парализовать его сжимающую меч руку. Воина же, одетого в защитные доспехи, не брал и яд. И поскольку люди в ту пору несравненно опережали пауков числом, война была долгой и изнурительной; после одного крупного поражения Хеб даже подумал, не возвратиться ли в земли севера. Но с помощью великой богини удача в конце концов оказалась на стороне пауков, и владения Хеба раскинулись от пустынь Хайбада до Серых гор на севере.

И вот на двадцать пятом году жизни, когда ногам немощному уже стало поддерживать все тела, Хеб спустился в священную пещеру под своей столицей и перешел там в царство неживых. Титул Смертоносца-Повелителя перенял его сын Касиб Воитель, возглавлявший последний поход Хеба на людей южной пустыни.

В последние годы правления прибрежный городок, называвшийся у людей Сибиллой, служил Хебу и его приближенным летней резиденцией: Великое оледенение к той поре уже завершилось, и лето становилось все жарче. Городок заново отстроили рабы под надзором верных двуногих слуг Хеба, и смертоносцы часто разделяли одни и те же здания со своей челядью, предпочитая селиться на верхних этажах. В летнюю жару отрадно было ощущать прохладное дуновение морского ветра. Хеб же, состарившись, начал все чаще грезить о своем детстве в холодных землях севера.

Он отрядил туда отряд следопытов и от них узнал, что лед там отступил, а на болотах полно птиц и всякой прочей дичи. И вот через год после смерти Хеба его сын Касиб послал своих

нескольких верных слуг под началом Мадига, внука Галлата, выбрать место для нового города.

Однако Мадиг бесследно исчез, и поисковый отряд из пауков и двуногих вернулся ни с чем. Следы терялись где-то в горах к северо-востоку. Но Касиб отказался поверить, что дюжина человек может затеряться без следа — даже в опасных пустынях Кенда, — и послал на розыски второй отряд под началом знаменитого следопыта Тубина. Тубин вскоре вышел на след и отыскал место последней стоянки Мадига. А в десятке миль от того места нашлась и единственная подсказка — кинжал, утопленный рукоятью во влажную землю так, что лезвие указывало в сторону Серых гор на западе. Жена Мадига признала кинжал мужа и сказала, что он всегда носил его, пристегнув ножны к левой лодыжке.

Тубин сделал вывод, что на отряд Мадига напали среди ночи и взяли без боя. Увели их на запад. На пути они, видно, ненадолго останавливались — может, перекусить, — так что Мадиг улучил возможность вынуть кинжал и хотя бы так указать примерное направление, в котором их вели. Рукоятку он специально вогнал в землю, чтобы любой нашедший догадался, что перед ним именно знак, а не случайно утерянная вещь.

Тем не менее при дальнейших поисках не помог даже опыт Тубина. Весь этот и следующий день следопыты шли в сторону Серых гор, тщетно высматривая хотя бы намек на следы очередной стоянки. Добравшись до унылых горных отрогов, они окончательно разуверились и повернули обратно.

Касиб рассудил, что на Мадига, вероятно, напали какие-нибудь кочевники или кучка дезертиров из разбитого им, Касибом, войска. Но и воздушные дозоры, облетевшие вдоль и поперек пустыни Кенда и всякую обитаемую долину в Серых горах, не нашли следа.

И вот однажды на исходе лета стражник, стоящий на городской стене Сибиллы, заметил одинокого путника в сером плаще, уныло бредущего через равнину к городу. Не успев подойти к воротам, путник упал ничком и лежал лицом вниз, как труп. Его подняли, отнесли в ближайший дом и уложили в постель. Лишь начальник стражи, придя взглянуть на незнакомца, узнал в нем Мадига. Лицо у того было бледное и изможденное, как у смертельно больного.

Тем не менее, придя в себя, Мадиг отказался что-либо рассказывать, твердя, что все это для слуха одного лишь Смертоносца-Повелителя. Касиб Воитель к той поре уже возвратился к себе в столицу, и Мадига, едва он восстановил силы, направили с охраной в город пауков. Там его немедленно провели к Смертоносцу-Повелителю. Но что именно было между ними, осталось тайной: Квизиба и всех его коллег-советников попросили из комнаты. После разговора велели возвратиться, и он заметил, что у Мадига вид изможденный и больной, а Смертоносец-Повелитель пребывает в мрачной задумчивости.

Под вечер Мадиг свалился в лихорадке и не мог стоять на ногах. Его положили в палате на верхнем этаже дворца и запретили к нему входить — всем, даже родному отцу (тоже по имени Галлат). Услышав, что Мадиг при смерти, Галлат кинулся перед Смертоносцем-Повелителем ниц и вымолил, чтобы ему дали проститься с сыном. Касиб Воитель снизошел и позволил ему остаться у смертного одра Мадига. Никому неизвестно, о чем они меж собой говорили, только через неделю после кончины сына отец тоже сошел в могилу. Квизиб присутствовал при его кончине — Галлат, как и его отец, был скорее друг, нежели слуга, — и понял, что с потерей сына у старика попросту пропало желание жить. «Моего сына приговорили к смерти» — таковы были его последние слова.

Приехав в Сибиллу накануне лета в следующий раз, Смертоносец-Повелитель застал городок в состоянии паники. За зиму исчезли еще тридцать слуг. Кое-кто из них отправлялся к холмам пасти стада, других похитили ночью из самого города — одного так и вовсе утащили из дома, пока жена и двое сыновей спали. Стражу удвоили, рабы стали насыпать вокруг города вал. И все равно люди продолжали бесследно исчезать. Беспокоило то, что похитители за все время ни разу не попались на глаза.

Это Квизиб предположил, что враг, быть может, проникает в город с моря. Смертоносец-Повелитель сейчас же распорядился, чтобы стража патрулировала линию берега. Узнав о последней дерзкой вылазке врага, Смертоносец-Повелитель выслал сотни шаров прочесать территорию по всей протяженности Серых гор. Но лишь следопыту Тубину удалось, работая в одиночку, отыскать тело одного из стражников, присыпанное

землей в неглубокой яме где-то в миле от города. Обе руки в локтях и обе ноги в коленях у стражника были отсечены. Это было единственное тело, которое удалось найти.

Тут Смертоносец-Повелитель пришел в ярость и поклялся отомстить (видно, произошло уж действительно нечто из ряда вон выходящее: у пауков, в отличие от людей, сдержанность превыше всего, не прибегать к сильным эмоциям у них — дело чести). Касиб созвал всех советников, среди которых Квизиб считался самым умудренным и почитаемым, и заявил, что собирается отыскать врага и уничтожить его. Большинство пауков, тоже глубоко негодуя, согласились с тем, что враг должен быть наказан любой ценой. Лишь Квизиб и Амалек (старый военачальник) призвали к осторожности. Квизиб чувствовал, что враг, столь искусный в деле маскировки, более опасен, чем думает Смертоносец-Повелитель. Но Касиб был так разгневан, что не прислушался к их совету.

Поскольку все сошлись на том, что враг, должно быть, скрывается в Серых горах, а сам Касиб всегда держал мысль прибрать к себе все северные земли, Амалску было приказано собрать войско из тысяч пауков и двуногих воинов. Войско собралось на равнине около Сибиллы и двинулось на север, в долину Большого озера. Людская рать шла маршем вдоль прибрежной равнины, в то время как полчища «бойцов»-пауков взбирались на кручи и прочесывали лошину за лошиной. (Найл мог себе представить не знающих усталы «бойцов», переваливающих через высоты, словно через какие-нибудь пологие холмики.) Через четыре дня войско воссоединилось на берегах Большого озера и стало готовиться к восхождению на Серые горы.

Людским полкам под началом Амалека надлежало двинуться вверх по западной прибрежной полосе; «бойцам» предстояло все так же прочесывать долины и горы; смертоносцы, возглавляемые самим Касибом Воителем, должны были выступить на восток к речной пойме, открывающей доступ к пустыням Кенда.

За день до того, как войскам Касиба надлежало двинуться на север, воздух был душным и влажным, совершенно без ветра. Но к исходу дня солнце затянула громадная черная туча, а с юго-востока резко подул холодный ветер. С наступлением

сумерек разыгралась настоящая буря, а ливень грянул такой, что парусиновые палатки пехотинцев прибивало к земле. Касиб отдал войску приказ укрыться под южным склоном большого утеса, нависающего будто карниз, так что можно было найти прибежище от ветра. Сам Касиб со своими советниками и военачальниками переправился через реку по шаткому временному мостику, который ухитрились соорудить люди, и выбрался на северную сторону долины. Ветер теперь дул такой, что приходилось цепляться друг за друга, чтобы не снесло, — начальники укрылись в загадочном городе, высеченном в цельной скале. Глядя наружу из пустующего дворца, они увидели, как мост смело бушующее течение. Смертоносец-Повелитель сохранял спокойствие, убежденный, что буря вскоре отбушует и уляжется. Однако к полуночи ветер сделался просто несусветным.

Перед рассветом послышался звук, которого так боялся Квизиб, шестым чувством чуявший, что идет беда: грозный рокот водяных валов, означающий, что озеро вышло из берегов. Квизиб уже «зашорил» ум от страданий, что испытывали сейчас под дождем сородичи. Теперь же его жгла их мука; поток, срывая, бил пауков о скалу. Минута, и все кончено: вода своим напором вылизала долину дочи́ста, ни следа не оставив от некогда могучего войска.

Дождь и ветер к рассвету прекратились, долина же вся как есть превратилась в бурую реку, бегущую к морю. Смертоносец-Повелитель и немногие уцелевшие были вынуждены провести еще день и ночь в пустующем городе, пока вода не опустилась настолько, что появилась возможность выбраться. Солнце теперь ярилось над влажно поблескивающей слякотью.

Положение было опасное, и Смертоносец-Повелитель это понимал. У пауков, в отличие от людей, воображение развито слабо, поэтому они не склонны преувеличивать свои проблемы от одного лишь раздумья над ними. Одновременно с тем Касибу было ясно, что он потерял практически все свое войско, и если двуногая челядь прознает это и решит восстать, то паукам конец. Однако не осталось и свидетелей, кто мог бы донести злополучные сведения до людских ушей. А потому Касиб Воитель решил возвратиться в город пауков, сделав вид, что одержал на севере великую победу, а о беде умолчать. По-

сле этого еще несколько месяцев тела людей и пауков прибывало волнами прилива к берегу; их тотчас вылавливали и сжигали артели рабов, чтобы молва о провале не расходилась среди людей.

Хитрость сработала. Люди так и не узнали о том, что произошло в долине Мертвых, и Смертоносец-Повелитель продолжал править как ни в чем не бывало, будто у него по-прежнему несметное войско.

А неизвестный враг с севера продолжал дерзкими набегами тревожить владения Смертоносца-Повелителя, убивая пастухов, похищая караульщиков, даже пригвоздив стрелами одного смертоносца. Никто врага так и не видел, он словно обладал даром быть невидимым. Вот почему Смертоносец-Повелитель решил внять совету своего мудреца Квизиба Мудрого и воздвигнуть в долине Мертвых огромную стену, такую, чтобы не перелез никто. На строительство ушло полвека и двадцать тысяч жизней рабов (во времена Гримба, преемника Касиба, это привело к восстанию, унесшему тысячи жизней пауков и их слуг). Квизиб сошел в царство неживых, когда строительство было еще на половине. Но вместе с тем прекратились и набеги, и паучьих правителей с той поры оставили в покое.

Голос Квизиба стал тише. Присутствующие все как один находились под глубоким впечатлением от образов воскрешенных мумий. Трагедия передавалась настолько явственно, будто явившиеся к Квизибу в самом деле присутствовали при том, как озеро вышло из берегов, унеся в считанные секунды несметное количество жизней. Незабываемой казалась теперь картина утра, пришедшего на следующий день после трагедии: пустошь залита темно-бурой слякотью с лужами стоячей воды (ум Квизиба передал картину в точности такой, какой видел ее сам, и Найл подивился поистине фотографической точности паучьего зрения). Словно очнувшись, Найл с новой силой ощутил душную тесноту. Тем не менее все это отступало на второй план перед важностью только что услышанного.

Найл благодарно поклонился, смущенный тем, что шевельнуться можно едва-едва.

— Благодарю тебя, мудрец. Эх, если б только можно было изложить твои воспоминания на бумаге!

Квизиб, очевидно, слегка растерялся.

— Ты имеешь в виду закорючки, означающие речь?

— Да.

— Но зачем это? Никакой речи нам не надо. Мы и без того друг друга слышим.

— Это понятно. Но именно из-за вашего способа общения вы не ведете летописей. Ни один паук в этом городе не знает ни о том, как строилась Большая стена, ни о том, какая трагедия постигла войско Касиба Воителя в долине Мертвых. Неужели все это достойно забвения?

— Почему же. Память о том живет. Она в моем мозгу. Во мне для того и поддерживают жизнь.

— А сам ты хочешь, чтобы в тебе ее поддерживали?

— Нет. — В односложном ответе чувствовалась неимоверная грусть. — Я как избавления жду того дня, когда меня наконец оставят в царстве небытия.

Найл не в силах был сдержать любопытство:

— А каково это — не быть?

— К сожалению, не могу припомнить. Едва я вхожу в этот мир, как память о том, ином царстве пропадает, будто зыбкий сон после пробуждения. Но уже по неохоте вступать в этот мир можно судить, что в том царстве, должно быть, поистине прелестно.

— И что, тебе хочется остаться там навсегда?

— Даже очень, но я обещал пребывать в живых, чтобы моя память никогда не затерялась.

— А вот если б твою память передать на письме, тебя бы можно было освободить от обещания.

— Такое невозможно, — твердо, с убеждением сказал Квизиб.

— Действительно, всю тонкость и богатство твоих ощущений передать трудно. Но можно было бы запечатлеть все сколь-нибудь существенные события. — Чувствуя, что Квизиб собирается возразить, он торопливо продолжал: — Ты послушай. Было время, когда у людей не было письменности. Но у них была речь, и менестрели со сказителями, излагая на свой лад истории великих дел, передавали их из поколения в поколение, не давая памяти угаснуть. Затем была изобретена письменность, и появилась возможность вести летописи. Отныне человек знал

свою историю. История человеческой цивилизации целиком хранится теперь в архивах Белой башни.

Квизиб был явно под впечатлением.

— Наверное, это невероятное множество слов.

— Да. Каждая страница содержит множество слов. А каждая библиотека содержит множество книг.— Для большей ясности Найл сопровождал слова мысленными образами.

Квизиб, казалось, был потрясен.

— Да это же поистине труд вечности.

Найл, непривычный к выражению абстрактных понятий, ощутил в душе нарастающее отчаяние.

— Ты не понимаешь. Вам, паукам, такая идея не по нраву, потому что на первый взгляд кажется скучной. Вы живете настоящим и считаете его таким интересным, что до прошлого вам и дела нет. А это своего рода лень.— По паучьим понятиям, Найл говорил ужасающе грубо, но так спешил высказаться, что было не до этикета.— Люди тоже ленивы, но всегда есть некоторые исключения. Поэтому среди них отыскивались немногие, кто вел летописи, составлял атласы звездного неба, изучал законы геометрии — вся та работа, что у большинства считается скукой. Вот так, постепенно, люди построили огромные города и освоили планету, занимаясь тем, что у вас считается скукой. Лишь упорно делая то, что считается рутиной, люди перестают быть рабами и осваивают роль хозяев.

Говоря, он с отчаянием чувствовал, что слова не доходят и ни один паук не в силах понять, о чем он. А закончив, с изумлением осознал, что пауки слушают, буквально затаив дыхание, и лишь тут понял, что страстная убежденность в голосе невольно заставила их прислушиваться к его словам, словно к некоему божественному откровению.

Воцарившаяся следом тишина дала понять, что они усвоили сказанное и сосредоточенно размышляют над его значением. Наконец Квизиб сказал:

— Переложить мои воспоминания на человеческий язык ох как непросто.

— Не спорю. Но это легче, чем ты думаешь. В Белой башне есть устройство, способное читать ум. Оно могло бы хранить содержимое твоей памяти, и память никогда бы не затерялась.

— Смертоносец-Повелитель никогда бы этого не допустил.

— А его позволения и не требуется. Я правитель этого города.— Было как-то неловко заявлять об этом вслух, но чувствовалось, что выбора нет.— Мне решать, как быть.

Квизиб как бы перевел изумленный взор на Асмака.

— Это правда?

— Да, господин. Он посланец богини, а следовательно, правитель этого города.

— И его воля превыше воли Смертоносца-Повелителя?

— Да, господин.

Квизиб справился со своим замешательством, иначе было бы бестактно. К Найлу он обратился с нарочитой почтительностью, как к властительному вельможе:

— Прошу простить, повелитель. Я не знал, кто ты.

Найл мысленно отозвался: дескать, ни к чему. Но в голосе Квизиба по-прежнему чувствовалось беспокойство.

— Я торжественно присягнул не уходить в небытие...

— Властью, вверенной мне богиней,— перебил Найл,— я могу освободить тебя от твоего обета.

Квизиб раздумывал в тишине. Когда снова заговорил, стало ясно, что он пришел к решению.

— Тогда, видно, тебе по силам снять с меня обет молчания о разговоре, что был у Малига с Касибом Воителем.

— Так ты что, знал тайну? — удивленно спросил Найл.

— Смертоносец-Повелитель наконец разгласил ее в ночь великой бури, когда мы с ним дожидались рассвета в долине Мертвых. Катастрофа подточила его силы, и он хотел излить кому-нибудь душу. Поскольку я был единственным, кому он доверил тайну, я поклялся молчать. Но нет такой тайны, которую нельзя разгласить посланцу богини.

У Найла гулко застучало сердце. Но он сдерживал волнение и стоял молча, показывая, что не собирается неволить Квизиба.

Последовавший затем рассказ был изложен языком образов и ощущений. Поскольку сам Квизиб не был непосредственным участником событий, повествованию не хватало прежней четкости; но даже и этот повторный пересказ — вначале от Малига Смертоносцу-Повелителю, затем от Повелителя Квизибу — был чарующе достоверным, ощущения словно передавались напрямую.

Квизиб поведал, как на Мадига и его товарищей, спящих в неглубокой ложине пустыни Кенда, набросились в предрассветный час и оглушили прежде, чем они успели опомниться и оказать сопротивление. Лиц нападавших они не видели, поскольку пленникам сразу завязали глаза и предупредили, что убьют любого, кто попытается снять повязку. Наутро пленители исполнили угрозу и перерезали горло одному из пленников, Рольфу Колеснику, — он, как выяснилось, подглядывал под повязку.

Шесть дней они упорно шли по неровной, каменистой местности, пробираясь через воняющие гнилью болота. Их пленители говорили очень мало, даже между собой. На исходе шестого дня, когда уже свечерело, они остановились в травянистой долине: с расстояния до слуха доносился голос воды — будто шумел водопад или река в половодье. Звук доносился издали, но слух у Мадига был исключительно острый. Пленникам дали сладковатого питья, и Мадига вскоре стала одолевать дремота. Он, впрочем, догадался, что напиток — дурманящее снадобье, и изо всех сил одолевал дремоту. Так что он еще бодрствовал, когда к их пленителям примкнула еще одна группа людей, пришедшая со стороны шумящего потока. Это было последнее, что запомнил Мадиг, прежде чем его сморил сон.

Очнувшись, Мадиг обнаружил, что лежит на наспех сооруженных носилках и его несут вниз по склону. Шум воды, ровный и размеренный, был теперь совсем близко. В скором времени через повязку стал процеживаться свет, и Мадиг понял, что, должно быть, уже рассвело. Через несколько часов пленникам снова дали поесть и опять сладкого снадобья, от которого засыпают. Но на этот раз Мадигу удалось половину порции пролить себе на грудь, так что следующая часть перехода отложились в голове более-менее ясно. Его положили в лодку и переправились через озеро или широкую реку. Затем пленников взвалили на подводы, в которые запряжен был выючный скот, и они пробыли в пути до самого вечера. На исходе дня опять покормили и дали сладкого снадобья. Мадиг снова попытался пролить, но на этот раз пленители разгадали уловку и жестоко, до крови, избили его. Так что он уже не жалел, когда в него влили целый кубок сладкого зелья, от которого наступило долгое забытие.

Очнулся он на жестком лежаке в сыром подzemелье. Повязку сняли; когда же он попытался расспросить тюремщика, то в ответ услышал, что будет убит, если еще хоть раз раскроет рот. Зная уже, что у этих нелюдей за словом следует дело, Мадиг позаботился быть как можно неприметнее.

Много дней он не видел никого, кроме угрюмого и неразговорчивого человека, приносившего пищу. Но вот однажды в темницу вошла девушка, а следом за ней мужчина с ведром горячей воды. Мужчина велел ему раздеться, а девушка омыла Мадига с головы до ног, подстригла и причесала волосы и бороду. Мадиг догадался по этим приготовлениям, что его вскоре поведут к какому-нибудь важному сановнику — может, к самому правителю.

Закончив обработку, ему велели одеться. Затем на глаза снова натянули повязку и повели из темницы по звенящим гулким эхом каменным коридорам. Под повязку не пробивалось ничего, кроме полоски дневного света, но тем не менее можно было сделать вывод, что ведут по улицам довольно большого селения или даже города: дорога под ногами была жесткой и гладкой. Чувствовалось и то, что они здесь не одни: слышался звук шагов. Вместе с тем царило странное безмолвие; сколько ни напрягай слух, голосов не слышно. Провожатые тоже шли молча, и Мадиг не решался заговорить.

Вот взошли по лестнице; стало слышно, как заскрипела, открываясь, массивная дверь и гулко захлопнулась за спиной. Они прошли по каменным плитам пола, и по эху шагов стало ясно, что перед ними большая передняя. Вот еще одна большая дверь, и они оказались в зале, холодном как лед. Мадиг понял, что провожатые остались за дверями, а сам он теперь находится перед правителем этого города. И что странно, славящегося бесстрашием Мадига одолевало холодное чувство ужаса, словно в присутствии опасного хищника, да так, что трудно было сдерживать дрожь в коленях. И тут впервые — похоже, с возвышения — послышался тихий голос (правитель, видимо, восседал на троне, к которому вела ступенчатая лестница).

— Мне надо, чтобы ты передал послание правителю пауков. — Голос шелестел вкрадчиво и непривычно тихо, словно у говорящего что-то не в порядке было с голосовыми связками. — Ты слушаешь?

— Да, господин.

— Я хочу, чтобы ты сказал своему хозяину, что эти земли принадлежат мне и я уничтожу любого, кто посмеет на них посягнуть. Повтори.

— Я должен сказать своему хозяину...

— Тише. Я не глухой.

— Прошу прощения, господин, — произнес Мадиг в замешательстве, ему казалось, что он говорит ничуть не громче обычного. Теперь он выдыхал слова едва не шепотом. — Я должен сказать своему хозяину, что эти земли принадлежат тебе и ты уничтожишь любого, кто посмеет на них посягнуть.

— Верно. Можешь также сообщить, что я маг и могу, если понадобится, сделать город невидимым, так что бесполезно будет его искать. Понятно?

— Да, господин. Мой хозяин, безусловно...

— Теперь ступай. — Мадиг повернулся уходить, но тут голос требовательно окликнул: — Постой. — Послышался глухой, все более отчетливый шелест одежд, но совершенно не было слышно шагов. — Передашь также, что твоих товарищей я оставляю в заложниках, и, если ответ твоего хозяина будет отрицательный, они все умрут.

— Да, господин.

У Мадига внутри оборвалось. Он знал наперед, что Касиб Воитель придет от такой угрозы в ярость и, следовательно, его товарищи уже обречены. Ну что ж, по крайней мере, можно будет за них отомстить...

Но невидимый словно прочел его мысли:

— Умрешь и ты. У меня длинные руки, и я не ослабляю хватки.

Мадигу на руку легла ладонь, холодная и странно шершавая, все равно что разлагающаяся короста прокаженного. Когда пальцы сомкнулись, Мадиг пронзительно вскрикнул от боли: хватка такая, что может раздробить всю кисть.

Тут невидимый придвинулся к самому уху Мадига.

— И вот еще что. — Когда слышался голос, Мадиг с изумленным ужасом заметил, что не чувствует дыхания, хотя рот находится в паре сантиметров от уха. — Скажи своему хозяину, что, если он не воспримет мое предостережение, его подданных ждет такая беда, что бойня Айвара Жестокоего в сравнении с ней покажется пустяком. — Он выпустил руку Мадига.

— Да, господин.

— Тебе дается один месяц, тридцать дней. Если ты за это время вернешься с положительным ответом, считай, что тебе и твоим товарищам повезло. Если нет, вы все умрете.

Льдистые клещи разомкнулись, вместе с тем будто опустошив Мадига до самого дна. Придя в себя, он обнаружил, что повязка снята, а сам он снова в подземелье. Правая рука была в крови, а кисть холодная, онемелая. Позже, кое-как поужинав, он провалился в сон. Проснувшись, Мадиг почувствовал, что его опять несут на носилках, на этот раз вверх по неровному склону, на глазах опять повязка. С расстояния доносился звонкий шум воды. Неровные, мятущиеся блики света, пробивающиеся сквозь повязку, дали понять, что пленители несут факелы, — видимо, опять ночной переход.

Следующие шесть дней его гнали пешком по каменистой бесприютной равнине, и Мадиг к вечеру так выматывался, что падал и мгновенно засыпал вплоть до рассвета. Он обратил внимание, что его конвоиры изъясняются меж собой лишь короткими слогами, а по большей части молчат.

Как-то утром Мадига разбудило тепло солнечных лучей на лице. Странно, так долго залеживаться ему никогда не позволяли. Он лежал, прислушиваясь, — может, конвоиры готовят еду? — но тишина в конце концов убедила его, что он один. Он осторожно сместил повязку на лоб и увидел, что лежит на широкой, знакомой с виду долине — позднее ее нарекут долиной Мертвых. Солнце стояло высоко; а конвоиров не было видно нигде. Зато рядом стояла котомка с едой и питьем, это убедило Мадига в том, что он свободен. У него ушло два дня, чтобы добраться до Сибиллы.

К этому времени ослеплость из кисти успела проникнуть в плечо и донимал изнурительный жар. Вот почему он отмахивался от лекарей и неистово требовал, чтобы его отвезли в город Смертоносца-Повелителя. Там его без задержки провели к Касибу Воителю, и он передал послание таинственного врага. Смертоносец-Повелитель слушал не перебивая, а когда Мадиг закончил, начал дотошно расспрашивать его о пребывании в плену — сколько дней перехода между пустынями Кенда и твердыней врага и как далеко пришлось Мадигу шагать, прежде чем его отпустили. По всем этим вопросам Мадиг понял, что Смертоносец-Повелитель вынашивает план нападения, а

следовательно, сам он, Мадиг, обречен на смерть. Свою участь он принял безропотно, поскольку ясно: как же иначе может Смертоносец-Повелитель реагировать на наглые угрозы обыкновенного двуногого.

Лекари пытались помочь Мадигу, который окончательно слег, но никто не мог толком понять, что с ним стряслось. Онемение разошлось по всей груди, затем стало стекать вниз, к ногам. Мадиг бредил и все твердил в лихорадке о товарищах, оставшихся в лапах у врага. И точно как предсказал маг, скончался на тридцатый день.

Сотни паучьих шаров рассеялись над Серыми горами, от пустынь Кенда до озера Безмолвия, но не нашли они ни города, ни даже хижины пастуха. Тут начал ложиться первый снег, и Касиб Воитель понял, что поход придется отложить до лета. Оставался без малого год до срока, когда исполнилась угроза мага и войско Смертоносца-Повелителя было уничтожено в долине Мертвых.

— Вот что поведал мне Касиб Воитель в долине Мертвых, когда мы ждали с ним дневного света,— заключил Квизиб.— Ему хотелось услышать от меня слова утешения, что поражение случилось не по его вине. Но на этот раз я никак не мог успокоить своего повелителя.

Квизиб приумолк, молчал и Найл, понимая, что даже смерть не убила в старике чувства горя. Наконец Квизиб спросил:

— Ну что, избранник богини, на все твои вопросы дан ответ?

— На все, кроме одного, господин.

— Какого именно?

— Чего хотел добиться тот неизвестный враг с севера?

Квизиб долго размышлял. Было видно, что над этим вопросом он никогда особо не задумывался.

— Выразить свою злобу, поглумиться над моими сородичами. Чего же еще?

Найл покачал головой: ответ казался слишком однозначным.

Квизиб заметил беспокойство Найла.

— Чем ты сам это объясняешь?

— Толком не могу сказать. Между тем рассудок подсказывает, тут должно быть что-то еще.

Последовала долгая пауза. Наконец Квизиб сказал:

— Ты должен научить моих сородичей использовать силу рассудка. Мы не придаем ей должного значения. — И, помолчав, добавил: — А теперь уже поздно.

— Почему же, отнюдь не поздно.

— Во всяком случае, поздно для меня. Ибо мне пора возвращаться в царство мертвых. Ты хочешь еще что-либо спросить, прежде чем я уйду?

Найл подумал.

— Пожалуй, нет, мой господин.

— Тогда я скажу тебе кое о чем. В царстве неживых не существует понятия времени, прошлое и будущее там слиты воедино. Увидев тебя, я понял, что тебе предстоит опасное странствие, во время которого ты окажешься близок к отчаянию. Когда такое случится, помни, что несломленный дух преодолеет.

— Но...

Не договорив, Найл понял, что Квизиба уже нет. Он исчез резко, как лопнувший пузырь, оставив зависшими все вопросы Найла. Лишь тут он обратил внимание, что трое «бойцов» скрючились в полном изнеможении. Можно было предположить, сколько живой энергии высосано из их тел и почему Квизиб, как и Хеб, исчез так внезапно. Не укрылось и то, что пещера стала на удивление холодной и влажные ее стены покрыты тонким слоем изморози.

Выдержав паузу, Асмак спросил:

— Пойдем назад, мой повелитель?

— Не будем дожидаться, пока эти трое придут в себя?

— Это будет не скоро, быть может, дня через два.

— Тогда веди.

Асмак, повернувшись, протиснулся в лаз. Найл направился следом и тут с удивлением понял, что больше не боится тесноты окружающих стен, наоборот, покидает это странное место с огорчением.

Едва ступив обратно на твердый пол, Найл уловил, что происходит нечто не совсем обычное. Асмак стоял неподвижно, словно не хотел двигаться, а воздух, казалось, колко искрится, словно покрылся крохотными пузырьками, лопающимися от прикосновения к коже. Напоминало взвесь некоего водо-

пада чистой жизненной энергии или позванивание неисчислимого множества крохотных колокольчиков. Нечто подобное Найлу раз доводилось чувствовать в городе жуков-бомбардиров. Он догадывался, что это как-то связано с живительной энергией растения-властителя, известного паукам как Нуада, богиня Великой Дельты. Каждый день на рассвете это растение излучало волны чистой жизненности — той самой, что вызывала аномальное развитие пауков и многих других насекомых.

Теперь же происходило буквально следующее. Молодая паучья поросль впитывала живительные волны, а затем, скопив сообща полученное, наводняла энергией священную пещеру. Сам по себе каждый паук словно предоставлял сосуд для жизненного эликсира, который сливал затем в общий резервуар. Резервуаром же была сама пещера. Таким образом им удавалось нагнетать жизненную ауру, необходимую для поддержания клеток памяти давно иссохших предков вроде Хеба Могучего или Квизиба Мудрого, не давая их духам безвозвратно кануть в царство неживых.

Асмак, угодивший в этот живительный поток, застыл в безмолвном экстазе, с наслаждением впитывая вибрации, сотрясающие пещеру подобно громовым звукам огромного органа. Найл тоже ощущал эту энергию, но на порядок слабее; для воздействия на людей уровень вибрации был слишком низок, воспринять ее можно было лишь в состоянии глубокой расслабленности. Поэтому сила, хотя и ощущалась, неспособна была вызвать ответную реакцию.

Одновременно чувствовалось, что и сам Асмак из-за возраста уже не может реагировать на нее так самозабвенно, как молодые; выработанное жизнью самообладание несколько отчуждает его от голоса богини. Теперь понятно, почему именно молодым вменялось хранить прах вождей: они одни воспринимают вибрацию с безраздельной чуткостью. Впору позавидовать.

Поток пошел на убыль и постепенно иссяк, словно исчезающий вдали звук. Наступила тишина, угрюмая, как после грозы, перемежаемая лишь звонким стуком капель. Найл прислонился к шероховатой стене, расслабившись настолько блаженно, что не хотелось двигаться. Приятно было бы лечь на

каменный пол и заснуть. Но чувствовалось, что часть сущности остается отстраненной, требовательно чуткой, недовольной дремливым ощущением эмоциональной сытости.

Первым зашевелился Асмак. Он восстановил контакт, и Найл неожиданно почувствовал, что стоит в темноте; интенсивность осязания делала зрение ненужным. Он опять мог «видеть» священную пещеру и ощущать присутствие молодых пауков, скрытых в хитросплетении тенет. С усилием выпрямившись, он возвратился в мир обыденного сознания.

Освободился от чар богини и Асмак, грандиозная сила воли дала ему возможность сделать это без усилия.

— Мы возвращаемся, мой повелитель?

Как и Дравиг, поначалу он почему-то считал, что Найл предпочитает формальное общение. Найл вяло кивнул, Асмак повернулся и пошел через пещеру.

Найл думал, что обратно они выйдут через ту же низкую дверь, в которую входили, но почему-то Асмак двинулся совсем в другую сторону, вдоль стены к противоположному концу пещеры. Приходилось лавировать, огибая завесы паутины, скрывающей вход в усыпальницы Смертоносцев-Повелителей и советников со времени Хеба Могучего.

Пещера, вопреки ожиданиям, не заканчивалась стеной; снизу в каменной тверди находилась невысокая арка, за которой открывалось нагромождение осадочных пород, крутыми и острыми уступами восходящее вверх, в сторону невидимого купола. В этой части пещеры пол был покатым, к тому же залит ледяной водой глубиной по щиколотку. Вода, по-видимому, сочилась из дыры в основании стены. Влажность определенно играла свою роль в сохранности ветхих оболочек, не давая им рассыпаться окончательно.

Они приблизились к вертикальной стене, куда ни глянь — нигде ни намек на проход или лаз. Подойдя едва не вплотную, Найл различил неприметный карниз, идущий вверх примерно наискось.

Асмак остановился.

— Ты предпочел бы идти первым?

— Нет, давай лучше ты.

Едва начали подниматься, как Найл уже пожалел о своем решении. Ширины в карнизе было от силы сантиметров три-

дцать, и поверхность его была шербатой и неровной. Стоит оступиться, и рухнешь вниз, Асмак и оглянуться не успеет. Но передумывать уже поздно. У пауков честь превыше всего; если сейчас переменить решение, Асмак смутится еще больше, чем сам Найл. А потому Найл притиснулся к стене и стал осторожно восходить в темноте следом за Асмаком.

Вскоре стало ясно, что пауки не боятся высоты; им безразлично, три или триста метров отделяет их от земли. При обычном махе в три с половиной метра паукам не очень-то удобно складывать лапы на узком карнизе, но и в этом неудобном положении Асмак двигался проворно и сноровисто. Найл же всякий раз обмирал, стоило ему оступиться на неровной поверхности. За несколько минут они взобрались над полом на сотню метров, но все равно уходящий во мглу карниз казался нескончаемым. В каменной стене, несмотря на многочисленные выступы, не было специальных выемок для рук. Найл всегда недолюбливал высоту, она вызывала у него инстинктивный страх, над которым ум почти не властен. Вот теперь, например, от страха появилась слабость в ногах — было еще жутче, чем в узком каменном лазе. Найл приник к стене и двинулся мелкими, боязливыми шажками (хорошо, что хоть Асмак не видит).

Через пять минут карниз сделался уже, и тут до Найла дошло, что страх угрожает жизни, пожалуй, больше, чем трудности подъема. От мысли о зияющей внизу бездне кровь наполнилась адреналином, по телу разлилась слабость, вызывая ощущение неестественной легкости. Тут вспомнилось о медальоне-отражателе, который по забывчивости оставил дома, и Найл отчаянно пожалел, что не взял его с собой. Но сама мысль вызвала мгновенную сосредоточенность, и сразу стало легче, будто тошнота прошла. Найл насупил и стиснул кулаки, пытаясь воссоздать и усилить самообладание, вызванное на секунду мыслью о медальоне. Одновременно он начал внушать себе, что нет ничего глупее, чем поставить на всем крест из-за собственной слабости и малодушия.

И тут его разом озарил ответ. Найл четко, с доскональной уверенностью понял, что он здесь не случайно. Сюда, именно в это место, его привело некоего рода провидение — то самое, что когда-то привело в город пауков и наделило силой осво-

бодить своих сородичей от паучьего рабства. Упал он сейчас, так это лишь потому, что ему суждено упасть. А это, яснее ясного, вздор. Если ему что и уготовано, то уж никак не смерть от несчастного случая.

Страх как не бывало, он сменился равнозначными по силе уверенностью и самообладанием. Похоже, теперь по-настоящему открылся смысл последних слов Квизиба о том, что «несломленный дух неодолим». Между Найлом и бездной словно возник невидимый барьер. Теперь, казалось, карниз достаточно широк и для двоих. Найл перестал жаться к стене и двинулся вперед уверенной поступью.

— Осталось уже немного, — сказал Асмак. — Если не возражаешь, я буду показывать, куда именно ставить ноги, пока не закончится самый трудный участок.

Стена в этом месте выпирала наружу, и в ней виднелись выемки для рук и ног. Однако из-за чрезмерной крутизны они были выбиты кое-как и не вполне соответствовали росту. Карабкаясь следом за Асмаком, Найл на ходу убеждался, что малейший уклон не в ту сторону может быть непоправим. Помощь Асмака была необходима, поскольку расстояние между выемками произвольно, и иногда, чтобы дотянуться руками до следующей, приходилось совать обе ступни в одну и ту же ложбинку. Двигались уже и не наискось, а, скорее, по горизонтали. Но Найл, по крайней мере, чувствовал, что Асмак прикладывает все старания, чтобы подъем закончился благополучно.

Еще минута, и выпуклость осталась позади, ноги опять твердо стояли на узком карнизе. Забавно: облегчение такое, будто уже выбрались на ровное место.

Через сотню метров карниз внезапно расширился. На уровне лица потянулись каменные выступы, так что необходимо было сгибаться, чтобы не стукнуться головой, но в целом неудобство небольшое. Еще несколько метров, и камень окружал уже с обеих сторон: они вошли в узкий, пахнувший плесенью коридор. Был и еще один запах, который Найл узнал с облегчением: запах влажного грунта. Воздух стал ощутимо теплее. Сверху потолок подпирали деревянные балки, а под ногами шли земляные ступени, забранные для верности досками. Через несколько секунд Найла ослепил внезапный просверк света. Плотнo зажмурившись, он нечаянно запнулся о ступеньку и упал на колени.

— Прошу прощения, повелитель,— спохватился Асмак.— Мне надо было предупредить.

Свет померк; открыв осторожно глаза, Найл увидел зеленоватый полумрак. Асмак уверенно пошел сквозь зеленое затенение, и выход из коридора осветило рассветное солнце.

Найлу пришлось выбирать на локтях и коленях: находящийся на крутом склоне выход был прикрыт приземистыми кустами и большим замшелым камнем. Теплый воздух наполнился запахом, напоминающим свежее сено, перемешанное с жимолостью и можжевельником. И, еще не выбравшись на дневной свет, Найл уже знал, где находится; вид богатой растительности с красными и желтыми соцветиями лишь подтверждал это. Отсюда сотня метров до хранилища, которое Скорбо использовал под кладовую; воздух же искрился жизненностью, напоминающей мелкую водяную извесь.

Неожиданно Найлу стало ясно, почему цветы здесь цветут среди зимы. Это потому, что непосредственно внизу находится священная пещера и земля здесь насыщена энергией. Животворящая сила богини создала некий оазис вечной весны. Видать, потому и Скорбо выбрал это место под кладовку: энергия поддерживала в парализованной добыче жизнь.

Найл изумленно осознал, что ведь, оказывается, уже рассвет. Хотя, пожалуй, об этом можно было догадаться и в тот момент, когда молодые пауки начали впитывать живительную энергию растения-владельца. Найл тогда упустил это из виду, крошечная темнота пещеры сбивала с толку. Теперь он с удивлением понял, что провел под землей всю ночь. Время пронеслось так быстро, что казалось, прошло не больше двух часов.

— Мне вызвать колесницу, чтобы она доставила тебя обратно во дворец? — спросил Асмак.

— Не надо. Утро такое великолепное, я, пожалуй, лучше пройдусь. Но сначала хотелось бы немного отдохнуть.

— Разумеется.

Роскошная зелень лужайки между цветущими кустами казалась крайне соблазнительной, толстая, упругая трава напоминала о Великой Дельте. Найл улегся, уместив голову меж корней дерева, и закрыл глаза. Солнце трепетно ласкало щеки и лоб. Плавной нахлынувшая волна умиротворения вскоре ублажала Найла.

Очнулся он от смутного беспокойства. Солнце слегка сместилось, оставив Найла в тени; с востока дул прохладный ветер. Поглядев мельком на небо, Найл подсчитал, что проспал по меньшей мере часа два.

Приподнявшись, он увидел, что стоящий в паре метров паук не Асмак, а его сынишка Грель. В свете утра глянцевиный черный ворс на туловище паука мягко поблескивал.

— А где твой отец?

— Он просил извинить за вынужденный уход. Ему надо быть на службе.

Найл зевнул и протер глаза. В животе урчало, есть хотелось, как никогда.

— Спасибо тебе, что дождался.

— Совершенно не за что. Тебя не положено оставлять без присмотра.

— Я не собирался спать, думал — так, прикрою глаза. Ты не устал?

— Нет. Священная пещера всегда дает мне заряд бодрости.

— Получается, ты в ней уже бывал?

— Семь раз. Но никогда еще не стоял в присутствии Хеба Могучего или его советника Квизиба.

Воспринимая его мысль напрямую, без разобщающей помехи языка, Найл смог заглянуть Грелю в ум и уяснить, что за несколько часов в нем произошли разительные изменения. Тот, вчерашний, Грель не многим отличался от малолетки несмышлениша; этот, теперешний, был почти уже взрослым.

Они поравнялись с кладовой, и Найл приостановился поглядеть через открытую дверь. В хранилище было совершенно пусто, ни единой нитки не осталось от тенет, свисавших некогда со стропил. Лишь багровос пятно на бетонном полу — засохшая кровь паука-быковика — напоминало о недавней стычке.

Теплый воздух был плотно насыщен ароматом цветов; стало ясно, что ветер задувает с юга. На обратном пути по песочно-желтой дороге (впечатление такое, будто она построена вчера), обрамленной мягко играющими соцветиями, до Найла стало доходить, что попутчика распирает от желания задать какой-то вопрос, но вот досада — паучий этикет запрещает первым заговаривать со старшим по положению. Будь паучок постар-

ше, Найл ни о чем бы не догадался, но Грель по молодости еще не научился скрывать любопытство.

— Ты о чем-то хочешь спросить? — первым подал голос Найл.

Человеческий подросток на месте Греля стушевался бы и покраснел. То же самое и Грель, только сейчас любопытство пересилило смущение.

— Теперь, зная историю врага, ты думаешь его выследить?

Найл задумчиво покачал головой.

— Для чего, спрашивается?

— Но советник Квизиб сказал же, что тебя ждет опасное странствие.

Найл, честно говоря, уже над этим поразмыслил.

— Да, действительно. Но я и так уже совершил опасное странствие наружу из священной пещеры.

Однако Греля такой ответ по-прежнему не устраивал.

— Но и Повелитель Хеб тоже пожелал тебе благополучного странствия.

Найл и сам это подметил, но не считал пожелание просто фюрмой учтивого прощания. Поэтому сказал уверенным голосом:

— Я не собираюсь выискивать мага. Это было бы неразумно и крайне опасно. Он, очевидно, добивался, чтобы его оставили в покое.

— Тогда почему он не дает нам покоя?

Грель, несмотря на молодость, был так искренне заинтересован, что Найл решил говорить с ним откровенно.

— Я допускаю, что враг засылал в город лазутчиков еще со времени Хеба Могучего. Он желает знать, что происходит в городе пауков. А тут, представь себе, Скорбо хватает двоих из них и оттаскивает к себе в кладовую. Естественно, он решает, что Скорбо надо убрать.

— Но зачем? — удивился Грель. — Какой от этого толк?

Тут Найла и самого охватила растерянность, вспомнились два минувших дня. Если схвачены эти двое, то, конечно, лучше подослать еще, вместо того чтобы разом настораживать весь город своим присутствием. Что это, глупость или просчет? Толком и не объяснишь.

— Одна из возможных причин — это что и сам Скорбо был с ними заодно.

— Что?! — не сказал, выкрикнул потрясенный Грель. — Скорбо — лазутчик? Да как же можно!

Его изумление заставило Найла усовеститься: такие слова просто не укладывались у Греля в голове. Для паука не существует ничего более потрясающего, более ужасного, чем мысль о коварстве сородича. Для человека, известно, чужая душа — потемки, даже у самого любимого и близкого человека. Паукам же известна радость, недоступная людям, — сливаться с душой ближнего. Так что мысль об измене для них куда страшнее, чем для человека правда об измене горячо любимой жены, которая, оказывается, вдобавок желает мужу смерти. Грель был потрясен до глубины души.

— Есть сведения, — как можно осторожнее сказал Найл, — что Скорбо попал в лапы врага и там его склонили к измене.

— Но разве можно... вот так? — Грель чуть не плакал. — Как он мог предать своих сородичей!

— Не знаю. Маг, должно быть, большой дока обращать в свою веру.

Грель истово выразил несогласие:

— Нет и еще раз нет! Скорбо можно было пересилить лишь волей.

— Возможно, у мага воля была действительно сильнее, чем у Скорбо.

— Не могу в это поверить.

Асмак пришел бы в ужас от того, как его сын пререкается с посланцем богини. Найлу, наоборот, льстило такое неподкупное доверие паука.

— Ну хорошо, во что ты можешь поверить?

— Возможно, Скорбо вынудили под пыткой. Враг, судя по всему, исключительно жестокая тварь.

— Безусловно, к тому же еще и хитрая. А почему ты считаешь, что он жесток?

Грель, казалось, даже опешил от такого вопроса.

— Разве благочестивый правитель вырезает своим подданным языки?

— Кто тебе такое сказал?

— Как же, сам Квизиб.

Вслед за образом Квизиба в уме моментально возник образ Мадига, которого умывают и причесывают в темноте. И тут

Найл заметил, что, когда девушка, подравнивая Мадигу бороду, случайно приоткрыла рот, стало заметно, что у нее действительно нет языка.

Внезапно он понял, почему при разговоре недопонимал почившего паука. Квизиб излагал мысль сериями образов. При этом Найл даже похваливал себя за четкое восприятие. А между тем понимание это было самым поверхностным и смутным, как у человека, силившегося ухватить иностранную речь. «Рассказ» Квизиба изобиловал деталями, которые Найл попросту не уловил. Пример насчет Мадига и девушки был лишь одним из примеров. И вот теперь, когда Грель вновь воссоздал образ темницы Мадига, Найл стал чувствовать множество тонкостей, прежде ускользнувших от внимания. Так, он мог теперь почувствовать общую подозрительность, недоверие и тревогу, царящие во вражьем городе, а также мучительный страх его жителей. И тишина городских улиц была тишиной потаенного ужаса.

Раскрылось и многое другое. Например, говоря Мадигу, что его товарищи умрут, если он не принесет положительный ответ, маг подразумевал смерть медленную и мучительную. Теперь было ясно, что с самого начала беседы маг внушал Мадигу чувство страха и дурного предчувствия, чтобы тот передал все это Смертоносцу-Повелителю.

— Но он сделал одну ошибку,— удовлетворенно заметил Грель.— Он не в силах был понять, что ни один из Смертоносцев-Повелителей не потерпит угрозы.

Найл собирался ответить, и тут до него с новой силой дошел смысл слов Греля. От внезапного озарения даже дыхание вроде отнялось, а в затылке зачесалось.

— А может, это и не было ошибкой. Может, враг специально рассчитывал разгневать Смертоносца-Повелителя.

— Но зачем?

Найл теперь сам дивился своему тугоумию: надо же, ведь все так просто!

— Как ты думаешь, почему их нападения прекратились сразу же, как только Квизиб начал возводить стену?

— Может, потому, что она так хорошо охранялась? — предположил Грель без особой уверенности.

— Хорошо охранялась и Сибилла, однако на нее напали.

— Тогда какая, по-твоему, была причина?

— Все-таки, наверное, магу очень нужно было, чтобы поднялась стена.

Грель, очевидно, не мог уяснить рассуждений Найла.

— Так мы ее и строили для защиты.

— Верно. Но и вы никогда за нее не выходили.

Грель лишь через несколько секунд уяснил, что к чему. Он посмотрел на Найла с поистине священным изумлением.

— А ведь у тебя и впрямь больше проницательности, чем у Квизиба Мудрого! — Тут Грель слегка задумался. — Хотя откуда нам знать, как там оно было. Вон сколько лет прошло.

— Согласен, все это непросто. Но вдумайся, что нам рассказал советник Квизиб. Первое: Хеб Могучий посылает отряд в северные земли и узнает, что лед отступил, а на болотах полно птицы и прочей дичи. Затем Касиб Воитель посылает Мадига присмотреть место под новый город. Думаешь, отряд Мадига был выслежен и угодил в ловушку случайно? Или, наоборот, потому, что маг следил за каждым шагом своего противника, за тем, как Смертоносец-Повелитель расширяет свои земли, а там уже и думает обосновать на севере новую столицу? И враг решил: не бывать тому.

— Но ведь северные земли были родиной Хеба Могучего. Кто мог запретить ему вернуться на родину?

— Пойми, льды отступили. Смертоносец-Повелитель и сам рассказал, что, когда он родился, мир страдал от Великого оледенения: снег валил день и ночь, небо всегда было темное. Естественно, в ту пору соваться на север не было никакого соблазна. Но вот лед растаял, и северные земли перестали быть холодными и бесприютными. И что: Касиб Воитель, обосновав столицу в пустынях Кенда, на том бы и успокоился? Неужто бы он не перевел взор на запад, к Серым горам с их широкими долинами?

Грель слушал удивленно и чуть недоверчиво. Найл продолжал:

— Советник Квизиб рассказал и то, что Тубин, отправившись на розыски Мадига, отыскал лишь его кинжал, указывающий в сторону Серых гор. Неужели пленители были такие верхогляды, что проглядели бы воткнутый в землю кинжал? Может, они все же сами его воткнули?

Грель беспокойно шевельнулся.

— Но для чего врагу самому указывать, где его искать?

— Предостережение, особый знак. Маг предупреждал Смертоносца-Повелителя: «Серые горы — моя земля, не смей приближаться». А тот выслал сотни шаров обследовать Серые горы и пустыни Кенда, ясно давая понять, что считает их своей землей.

— Тогда для чего было нападать на Сибиллу?

— Враг знал, что это приведет Смертоносца-Повелителя в ярость и тот нанесет ответный удар.

Грель, продумав и поняв, что к чему, сильно разволновался.

— Ты считаешь, Смертоносца-Повелителя и его войско заманили в ловушку?

— Это объяснило бы многое.

Грель затаил дыхание.

— Но как враг смог вызвать великую бурю?

— Не знаю. Но я слышал, что маги вроде как могут повелевать стихией.

Словно в ответ на его слова, над городом прокатился негромкий раскат. Найл был так увлечен беседой, что даже не заметил темных туч, подбирающихся к солнцу. А спохватившись, обнаружил, что они уже подходят к главной площади и тучи, будто в зеркале, отражаются на льдистой поверхности Белой башни. Через несколько секунд тротуар окропили первые капли дождя. Минуты не прошло, как дождь перерос в ливень. С площади во всю прыть разбегались люди и пауки, спеша укрыться от хлестких струй, с глухим шумом плещущих на тротуар, над которым белесым туманом стояла водяная взвесь.

Дождь начался, когда до дворца оставались считанные метры; тем не менее, вбежав под портал, оба были уже насквозь мокрые. С черной глянцевиной шубы Греля стекали жемчужные капли. Влага скопилась и на фасеточных глазах, паучку пришлось отчаянно встряхнуть головой.

Ливень продлился всего несколько минут. Однако внезапная перемена погоды наводила на размышления. Вспомнился недолговечный снег, выпавший всего три дня назад. «Маги вроде как могут повелевать стихией...» Собственные слова звучали теперь эхом к непонятному совпадению. Со смертью Скорбо неожиданно выпал снег. Что бы это значило?

Из раздумий его вывел звук открываемой двери. На пороге стояла Дона, одетая в плащ с капюшоном. Взгляд какой-то чужой, блуждающий, будто не узнает. Но тут она вроде бы опомнилась, лицо просветлело.

— Где тебя носит? Всю ночь тебя ищем, с ног сбились.

— Извини...— Найл поглядел Доне в глаза, и ужалило предчувствие.— Что случилось?

— Вайг...

Сердце у Найла окаменело.

— Он?..

— Без сознания с самого вечера.

Входя следом за ней, Найл вспомнил о Греле.

— Прошу тебя, подожди. Мне надо к брату.

Он проследовал за Доной коридором и через внутренний дворик к старой части здания, Вайг занимал там две большие комнаты первого этажа.

На первый взгляд брат казался мертвым. Он лежал на спине, заросшее черной бородой лицо было бледным, осунувшимся. Мать с усталым видом сидела сбоку возле кровати, положив Вайгу ладонь на лоб. В ногах сидел на стуле Симеон.

Найл, порывисто подойдя к кровати, коснулся щеки брата — слава богу, теплая. А вот прощупав Вайгу ум, он понял, что брат при смерти. Жар прошел, но вместе с ним исчезла и решимость жить. Хаос чувств сменился вялым спокойствием, подобным бескрайней тусклой равнине.

— Он спрашивал тебя,— сказала Сайрис.

— Прости.

Лицо матери было такое же бескровное, как у больного сына. Найл вдруг почувствовал ошеломляющий прилив нежности, желание обнять, утешить мать.

— Мама, ты бы пошла отдохнула. Я посижу с Вайгом.

— Нет, я, пожалуй, останусь.

Найл понимал, о чем она: Сайрис никогда себе не простит, если Вайг умрет в ее отсутствие.

Найл еще раз прощупал ум брата. Вайг будто собирался кануть в море безмолвия. Вседовлеющая серость была какой-то холодной и отталкивающей, отвергающей всякую попытку разглядеть, что там, за ней. Даже простое созерцание имело

гнетущий эффект. Странно: спящий ум обычно напоминает водоворот загадочных сил, а не закрытую дверь. Собираясь уже прервать попытку, Найл на мгновение вроде как почувствовал, что Вайг сознает его присутствие за закрытой дверью. Но тут серость вновь возвратилась, однообразная, словно снежный покров.

Симеон встал.

— Я вернусь чуть позже.

Сайрис кивнула, не поднимая головы.

Найл проводил Симеона из комнаты.

— Ты можешь что-нибудь объяснить?

— Единственно, что это не яд. Это какая-то зараза.

— Откуда ты знаешь?

— Можно было различить под микроскопом. Скопище эдаких черных палочек.

— Именно с лезвия топора?

— Бесспорно. Ты же видел, как я делал соскоб. Но что-то очень странное в этих черных палочках. Обычно бактерии не выживают вне живого тела. Но на этот раз, когда я растворил соскобы в соляном растворе, он мгновенно закишел бактериями, как пруд головастиками. — Симеон угрюмо поджал губы. — И вот теперь эти головастики плодятся в кровеносной системе Вайга.

— Может, они взялись из крови Скорбо?

— Может. Но я просто не знаю.

Они вошли в переднюю. Там было пусто, если не считать Греля, стоящего на каменном полу с характерной для пауков полной неподвижностью.

— Извини, что заставил ждать, — сказал Найл. — У меня брат заболел.

— Совсем не удивительно, — сухо заметил Грель.

Найл посмотрел на него в замешательстве.

— Как тебя понимать?

— В этом месте нестерпимо вьет злом.

— Злом?

— А ты сам не чувствуешь?

Найл слился с умом паука. Прежде всего ощущалась нервная взвинченность Греля, словно наблюдающего приближение врага. Затем с пугающей внезапностью эта взвинченность овла-

дела им самим. Причина была настолько очевидна, что Найл даже удивился, как же он не заметил ее раньше. Это было уже знакомое ощущение присутствия некой враждебной сущности. Ту же безмолвную угрозу он чувствовал, находясь в непосредственной близости от кулонов. Вместе с тем ощущалась и разница: теперешняя вибрация была одновременно и более сильная, и не такая явная.

Найл повернулся к Симеону.

— Никого не впускали в мое отсутствие?

— Насколько я знаю, нет. Я здесь почти всю ночь.

Чувство опасности развеялось, стоило прервать контакт с умом паучка. Но сигнал тревоги уже прозвучал, и Найл по-прежнему смутно чувствовал тревожную вибрацию.

— Здесь кто-то есть? — решил выяснить он у Греля. — Какой-нибудь враг?

Он говорил вслух, так, чтобы мог слышать Симеон.

— Есть какое-то злое присутствие. Надо позвать моего отца, оцепить это знание стражей.

— Что он сказал? — поинтересовался Симеон.

— Сказал, что надо вызвать караульных.

Симеон оглядел пустую переднюю. Единственным звуком было бряцание посуды на кухне.

— Я думаю, ему кажется. Никто не мог пробраться мимо стражи.

— Нет, он говорит правду. Я тоже это чувствую. — Найл спросил у Греля: — Где, по-твоему, затаился враг?

Грель простер передние лапы на манер щупиков.

— Где-то наверху.

Найла обдало холодом. Сестренки сейчас должны завтракать в детской — наверняка одни, ведь Дона в комнате у Вайга.

Когда Найл тронулся вверх по лестнице, Симеон окликнул:

— погоди, я позову стражу.

Найл покачал головой:

— Если там человек, то это обязательно.

Даже такой юнец, как Грель, может полностью парализовать взрослого человека.

На первой площадке Найл приостановился и попытался успокоиться мыслями до полной неподвижности; увы, никак — в крови полно адреналина. Оставалось только дожидаться Греля.

Паук — как был, с вытянутыми передними лапами, — повернул направо и, не останавливаясь, начал подниматься по второму пролету ступеней. Следя за ним, Найл вдруг ощутил интуитивную уверенность: конечно, где же еще затаиться врагу, как не в спальне. Грель тем временем топтался перед дверью в покои Найла — паучьим когтем никак было не ухватить дверную ручку. Найл подобрался на цыпочках и замер, притиснув ухо к холодному дереву. Изнутри — ни звука. Он аккуратно, с предельной осторожностью повернул ручку и толчком распахнул дверь.

Комната смотрелась настолько обыденно, что на секунду даже закралось сомнение, не делают ли они какой-то нелепой ошибки. Однако напряженная поза Греля — вид как у готовой к броску змеи — давала понять, что опасность несколько не миновала. В этой комнате было пусто, враг затаился или в спальне, или у Джариты в буфетной. Дверь в спальню оставалась слегка приоткрытой, Найл ударил по ней так, что та гулко хлопнула о стену. Одного взгляда хватало, чтобы убедиться: там никого нет.

Пока Найл в нерешительности раздумывал, не отправиться ли в буфетную, в спальню прошел Грель. Одним шагом покрыв расстояние до кровати, он, как ни странно, остановился перед ночным столиком. На столике находились разве что масляный светильник, стакан воды да аккуратно сложенная Джаритой туника. Тем не менее внимание Греля, судя по всему, привлекала именно туника.

Найл, подойдя, остановился возле.

— Ты чего?

Осторожно потянувшись, он откинул тунику. Единственно, что под ней было, это каменная фигурка, которую Найл нашел в укрытии убийц.

Найл с облегчением расслабился, и до него тут же дошло, что Грель не ошибся. Эта приземистая черная фигурка с жабьим лицом и вылупленными глазами и была тем источником странно зловещей вибрации, пронизывающей комнату. Более того, когда Найл убрал полотно, фигурка, казалось, начала сознавать их присутствие. Найла буквально пронизало острым чувством опасности. Он отреагировал инстинктивно и мгновенно, ударом смахнув фигурку на пол. Едва коснувшись ее

рукой, Найл содрогнулся от тошноты, словно в нос ударил неимоверно мерзкий смрад — такой, что глаза заслезились. Оглядев комнату в поисках какого-нибудь оружия, Найл приметил топор, стоящий в углу возле шкафа. Обернутый мешковиной еще с той поры, когда Симеон сделал с лезвия соскоб.

Переборов позыв к рвоте, Найл сорвал мешковину и вознес топор над головой, а затем изо всех сил ударил обухом. Удар плашмя пришелся по фигурке, едва не проломив половицу. Секунду спустя Найла, словно потоком слизистой жижи, окатило волной глухой злобы — открытая ярость сущности, изумленной и разгневанной тем, что на нее посмели поднять руку.

Невероятно: фигурка была целехонька, хотя и опрокинулась на бок. Найл снова поднял топор, на этот раз повернув его острием. Размашистый удар, и фигурка раскололась надвое. Одна половина, пролетев через комнату, ударилась о стену, другая исчезла под кроватью. Зловещее присутствие словно востром сдуло. Исчезло и зловоние, мгновенно и бесследно.

— Именем богини, что это было? — ошарашенно выдавил Симеон.

Нагнувшись, он подобрал каменный осколок, замерший как раз возле его ноги. Это была голова фигурки с частью спины. Опустившись на локти и колени, Найл вытянул из-под кровати вторую половинку. Симеон, взяв ее, пристально оглядел.

— Это не просто жаба. Видать, какой-то божок.

— Ты так думаешь?

Симеон указал на миниатюрные плоские ступни, кажущиеся теперь Найлу странно отталкивающими.

— Это же почти человек... Посмотри.

Он совместил обе половинки. Едва он это сделал, как воздух, казалось, потяжелел от темной угрозы и несносного смрада. Найл рта не успел раскрыть, как Симеон с криком отвращения отшвырнул обе половинки. Присутствия как не бывало.

— Что случилось? — спросил Найл.

— Понятия не имею. Она будто ожила. — Симеон, скорчив гримасу, сплюнул. — Как будто к гадкому слизию прикоснулся.

Найл осторожно подобрал верхнюю половинку. Однако, даже закрыв глаза и успокоившись, он не смог обнаружить следов какого-либо силового поля. Камень как камень — зеленый, вроде нефрита, на месте излома поблескивает как шпат.

В дверном проеме появилась Джарита. Застав в комнате Грея, она вздрогнула от неожиданности. Но по лицу видно: о происшедшем понятия не имеет.

— Гостья проснулась, мой господин,— дoloжила она.

— Какая еще гостья? — не понял Найл.

— Ваша гостья, в соседней комнате за дверью. — Она указала рукой (от Найла не укрылось, что с некоторым пренебрежением).

— Откуда ты знаешь? — спросил он растерянно.

— Я слышала, как она пробует дверь.

Найл схватил с ночного столика ключ и поспешил в коридор. Дверь он открывал, изнывая от любопытства и некоторого страха. Однако открыть оказалось неожиданно сложно, с той стороны что-то мешало. С силой надавив на дверь, Найл заглянул внутрь и понял, что именно. Девушка, стоя на коленях, упираясь в нее лбом. Судя по позе, она лишилась чувств около двери.

Найл протиснулся в комнату, следом за ним Симеон. Дверь при этом чуть подалась вперед, и девушка осела на бок, коснувшись щекой пола; губы безвольно приоткрылись. Симеон, опустившись возле нее на колени, положил руку ей на запястье. Найл уже заранее знал, что он сейчас скажет.

— Она мертва,— произнес Симеон.

— Была ведь живехонькая с полминуты назад! — заметила появившаяся в дверях Джарита.

— Я знаю,— сказал Найл.

Повернувшись, он ринулся из комнаты, оттеснив плечом Джариту.

— Ты куда? — бросил Симеон вдогонку.

— К брату!

Страх сжимал сердце, когда он спускался с лестницы и шел по коридору, ведущему наружу во внутренний дворик. Мысль о мертвой девушке вызвала недоумение и ужас. Картина представлялась достаточно четко. Стоило расколоть фигурку, как силовое поле исчезло и девушка очнулась. Но вот через несколько секунд Симеон совместил половинки, и у него появилась возможность убрать лишние. Что толку сердиться на Симеона. Если его вина в том, что совместил половинки, то вина Найла в том, что вовремя не предостерег.

Ужас пронизывал от мысли, что ведь и брат тоже мог стать жертвой силы, убившей девушку. Проходя через двор, Найл зарекся. Если брат мертв, то весь остаток дней будет посвящен поискам мага.

Ноги Найла, когда он, заглянув в комнату, переставлял их через порог, были словно каменные. Мать обнимала Вайга, прижавшись щекой к его лицу. Стоящая возле кровати Дона беззвучно плакала. И тут на глазах у ошеломленного и растерянного Найла рука Вайга шевельнулась, лаская волосы матери. Вот Дона повернулась, и стало видно, что она сквозь слезы улыбается. Найл перевел дух в неимоверном облегчении. Через секунду Вайг растерянно, словно не узнавая, посмотрел на брата. И... улыбнулся!

— Привет, брат.

Увесистая волосатая рука слабо шевельнулась в приветствии и упала обратно на стеганое покрывало.

Найл не мог поверить своим глазам. Стало как-то стыдно за свой страх.

— Теперь с ним все в порядке, — сказала Дона. Было в ее голосе что-то, заставившее Найла понять: чувства у нее глубже, чем кажется со стороны.

— Когда он очнулся? — спросил Найл.

— Несколько минут назад.

— Врач ушел? — поинтересовалась Сайрис.

— Ни в коем случае.

Это произнес уже сам Симеон, входя в комнату. Сзади в проходе топтался Грель, Симеон, положив ладонь Вайгу на лоб, другой рукой обхватил брату запястье.

— Просто замечательно. Температура снова в норме.

— Это все твоё лекарство, — благодарно улыбнулась Сайрис.

— Не совсем так, — ответил Симеон, повстречавшись глазами с Найлом.

— Теперь он пойдет на поправку? — спросила Дона.

— Да уж, пожалуй. Яд, видимо, вышел из организма. Как ты себя чувствуешь? — стал выпытывать Найл у Вайга.

— Лучше. Намного лучше.

— Дайте ему бульона. Через несколько дней попробуем встать.

Дона, порывисто обняв Симеона за шею, поцеловала его в щеку. Доктор блаженствовал.

— Ты не меня, ты его благодари. — Он указал на Греля. — Это он выяснил, в чем причина.

Дона смотрела на Греля, распахнув глаза.

— И что же за причина?

Найлу очень не хотелось вдаваться в разъяснения.

— Схожу-ка я на кухню, распоряджусь насчет бульона.

Когда проходили через дворик, Грель сказал:

— Твой товарищ не прав. Брат все так же плох.

— С чего ты взял?

— Его кровавое русло полно бизнесосов.

Сопроводивший слова образ напоминал пиявок. Симеон уловил, что они перебросились меж собой.

— Ты понимаешь, в чем дело?

— Думаю, да. Каменная жаба была опаснее, чем я предполагал.

— Понимаю, — кивнул Симеон и добавил утрировано: — Понимаю и то, что девушка погибла по моей вине.

— Нет, по моей. Стигмастер предупреждал меня, что статуэтка живая. А я, дурень, думал, что она обезврежена.

Симеон пожал плечами.

— Ничего уже не воротишь. Любопытно только, что на твоего брата она подействовала иначе. Ведь могла же убить и его? Но почему-то не убила.

— Может, потому, что ты успел вовремя раскидать половинки.

— А ты что думаешь? — спросил Найл у Греля.

Грель некоторое время собирался с духом.

— Мне кажется, господин, твой брат в любом случае умрет.

— Как?! — ошарашенно выдохнул Найл. — Но почему? Ведь он, похоже, пошел на поправку.

Грелю, судя по всему, стоило немалых сил говорить прямо.

— Враг отравил его. Так же как и Мадига. Боюсь, его уже ничто не спасет.

— При чем здесь Мадиг? Да и разве он был отравлен?

— А ты не заметил?

Грель соткал образ, каким-то образом вплавив вместо Мадига самого Найла, так что тот словно смотрел через глаза

пленника. Он стоял в холодном зале. Маг спускался с трона, слышался мягкий шелест одежд. А вот и голос:

— Передашь также, что твоих товарищей я оставляю в заложниках и, если ответ твоего хозяина будет отрицательный, они все умрут.

Руку Найла стиснула холодная и шершавая длань. Он, даром что знал все наперед, чуть не вскрикнул от такой мощной хватки, способной раздробить кости. Вот тут обнаружилось нечто, ранее ускользнувшее при разговоре с Квизибом. Что-то острое проткнуло ладонь возле указательного пальца, похожее на шип перстня.

Голос мага шипел возле самого уха:

— И вот еще что. Скажи своему хозяину, что, если он не воспримет мое предостережение, его подданных ждет такая беда, что бойня Айвара Жестокého в сравнении с ней покажется пустяком.— Рука разжалась.— Тебе дается один месяц, тридцать дней.

Симеон смотрел на Найла во все глаза, догадываясь, что происходит что-то не совсем обычное.

— Тридцать дней...— негромко выговорил Найл.

— Что?

— Тридцать дней. А началось все два дня назад. Моему брату осталось жить еще двадцать восемь дней.

— Ты о чем? — хрипло вытеснил Симеон.— Он уже идет на поправку.

— Не идет. Мадиг протянул тридцать суток. Этот маг способен убить на расстоянии. Потому-то колдун и сказал, что у него «длинные руки» и что он не ослабляет хватки.

Найл подумал о матери, сестренках и Доне и почувствовал себя уязвимым и беспомощным. Обидно все же: бороться с бедой, не представляя, откуда она нагрянет. Тут взгляд упал на смазливую кухарочку, спускавшуюся по лестнице с подносом в руках.

— Нира, отнеси, пожалуйста, суп моему брату.

Девушка просияла; видно, она, как и Дона, была неравнодушна к Вайгу.

— Слушаюсь, господин.

Кухарка грациозно поклонилась, и от этого поклона стало как-то легче: девушка словно напомнила, что, как правитель

этого города, он не имеет права на уныние. Дождавшись, когда за ней закроется дверь, он сказал:

— Я должен разыскать этого мага.

Симеон бросил из-под кустистых бровей напряженный взгляд.

— С войском?

— Нет, готовить войско нет времени. Я должен пойти один.

— Это будет очень трудное и опасное путешествие.

— Согласен. Но я должен выяснить, чего он добивается.

— Ты знаешь чего. Это маньяк, напрочь лишенный жалости и скорый на расправу.

— Да, знаю. Но я по-прежнему не знаю, к чему он стремится. А выяснить иначе никак нельзя. — Он повернулся к Грелю с улыбкой. — Вот видишь, ты прав. Придется-таки погулять, причем неизвестно сколько.

— Прав не я, а советник Квизиб. Это он предсказал. А он никогда не ошибается.

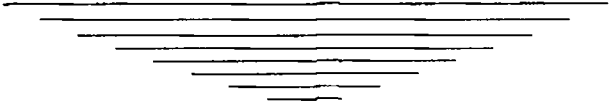
— Да уж вижу. Жаль только, не успел задать ему еще один вопрос.

— Что за вопрос, господин?

— Смогу ли я еще и вернуться обратно?

Страна Призраков

Слово благодарности

Прежде всего хотелось бы выразить признательность моему другу и редактору Фрэнку Демарко.

«Мир пауков» появился в начале 80-х, и первые его части, «Башня» и «Дельта», были опубликованы в виде двухтомника. Затем редактор посоветовал написать продолжение, и я приступил к «Магу», который увидел свет в 1992 году. Должен признаться, что к тому моменту интерес к циклу пошел у меня на убыль и я решил сделать перерыв, прежде чем взяться за «Страну Призраков». Ощущение было такое, будто я только что возвратился из путешествия к Северному полюсу и мне необходимо было зарядить батареи.

К той поре я проникся интересом к вопросу о возрасте Сфинкса, и для меня было облегчением написать что-нибудь помимо беллетристики. Вслед за книгой «От Атлантиды к Сфинксу» вышел «Неземной рассвет» — книга о загадках НЛО, а затем еще одно исследование на тему возраста древних цивилизаций, «Прототип Атлантиды». Так что на вопросы, когда я думаю закончить «Мир пауков», я отвечал: «Возможно, что и никогда». Ведь книга ко мне, боюсь, охладела.

И вот Фрэнк Демарко, опубликовавший до этого моих «Мессий-негодяев» и монографию «Книги в моей жизни», неожиданно спросил, не желаю ли я написать для его новой серии роман в стиле фэнтези. Я заинтересовался, не доводилось ли ему читать «Мир пауков»; как выяснилось, нет. Тогда я послал Фрэнку опубликованный на тот момент трехтомник. К моему удовольствию, книги понравились, и он дал добро.

Возвращаясь спустя десятилетие к миру гигантских пауков было страшновато, тем более что вдохновение, помнится, во мне однажды иссякло. Но оказалось, что за десяток лет с

той поры, как окончен был «Маг», источник вновь наполнился, и вскоре я уже писал с прежним ощущением непредсказуемости того, что может случиться на следующей странице.

Так что можно без особого преувеличения сказать: книга эта принадлежит Фрэнку Демарко в такой же степени, в какой и мне. Он даже раззадорил меня как следует поразмыслить над ее продолжением.

Этой книгой я во многом обязан и моему зятю, доктору Майку Дайеру, специалисту по охране природы. К нему я обращался всякий раз, когда надо было что-нибудь узнать о новизнах фауны.

Чувствуется, что мне в очередной раз следует выразить благодарность и Роальду Далю, который в 1975 году сказал как-то за обедом: «Не мешало б тебе попробовать написать детскую книжку».

Корнуолл, март 2002

Введение

Найл появился на свет в мире, где господствуют гигантские пауки-телепаты, разводящие людей себе на прокорм. Его семья из числа тех немногих, что по-прежнему живут на свободе — в подземной пещере, среди безводной пустыни, все время остерегаясь восьмилапых, которые, пролетая сверху на шелковистых шарах, то и дело прощупывают унылый пейзаж пустыни лучами волевой энергии. Остальные уцелевшие живут в подземном городе Дира, возле большого соленого озера. Там, гостя у родственников, Найл поддается очарованию красавицы Мерлью, дочери правителя. Но, случайно услышав, как та отзывается о нем («этот тощенький паренек»), он отклоняет приглашение ее отца остаться в Дире.

По дороге домой Найл с отцом прячутся от песчаной бури в развалинах старой крепости, и там Найл находит раздвижную металлическую трубку, реликвию тех далеких дней, когда Землей правили люди. Получается так, что именно ею он неумышленно убивает паука, чей шар оказался сметен бурей. Тем самым Найл совершает деяние, за которое ему и всей его семье грозит жуткая смерть.

Вскоре по возвращении в пустыню их всех, кроме отсутствовавшего в пещере Найла, удастся обнаружить паукам. Отец убит, а другие родственники утнаны в неволю. Попытка отыскать их следы заканчивается лишь тем, что в плен попадает и сам Найл; его доставляют в город пауков. Там выясняется, что пленниками оказались и все жители Диры. Отец Мерлью, уцелевший при облаве, теперь состоит у пауков в услужении и принуждает Найла последовать его примеру. Отвергнув саму мысль о предательстве, Найл бежит к Белой башне, что высится в центре города, и проникает в нее с помощью раздвижной

трубки. Там ему открывается, что башня — это своего рода капсула времени, оставленная людьми прошлого, и с помощью суперкомпьютера по имени Стигмастер он постигает историю человечества. Там же он обретает «зеркало мысли» — медальон, посредством которого можно достигать высокой внутренней концентрации.

Покинув башню, Найл прячется в квартале рабов, где его опрометчиво назначают надсмотрщиком артели, которую он ведет в соседний город жуков-бомбардиров. Жуки, не уступающие разумом паукам, обожают огненные потехи, а Найл прибывает как раз в канун их популярнейшего ежегодного праздника Грохотуна; его устраивает главный спец по фейерверкам Билл Доггинз. Однако праздник оборачивается катастрофой, причем пропадает весь запас взрывчатки. Найл соглашается отвести Доггинза в заброшенные казармы, что в квартале рабов, в надежде отыскать порох.

Найденное там превосходит все ожидания. Речь идет о «жнецах» — самом смертоносном оружии, созданном когда-либо человеком, о бластерах, стреляющих ядерными лучами. Это оружие пускают в ход, чтобы вырваться из устроенной науками засады и пробиться в город жуков на похищенных у восьмилапых воздушных шарах.

Правитель жуков, Хозяин, в ярости оттого, что люди нарушили многовековое пермирие с пауками, и намерен выдать Найла с Доггинзом на судилище. Лишь коварство Смертоносца-Повелителя, попытавшегося удушить Найла, не дожидаясь решения Хозяина, приводит к тому, что Найлу позволяют остаться в городе жуков.

Найл пребывает в глубоком смятении: Хозяин решил уничтожить все «жнецы», ставя тем самым крест на надежде вызвать собратьев-людей из рабства. И вот Найл и Доггинз с группой молодых соратников отправляются в Дельту — едва ли не самое опасное место на Земле, поскольку, судя по всему, именно оттуда исходит мощнейшая живая вибрация, наделяющая неизбывной силой роста примитивные организмы, в их числе и пауков. Цель путешествия — уничтожить эту силу, известную паукам как богиня Нуада.

Дельта оказывается даже более опасной, чем ожидалось. Помимо прочего, там встречаются и подобные спрутам расте-

ния, чутко стерегущие жертву под поверхностью грунта, и лягушки-гуаноиды, исплевывающие струи яда. До сердцевины Дельты добираются лишь Найл с Доггинзом, а дойдя, совершают открытие: «богиня» являет собой не что иное, как исполинских размеров растение, формирующее вершину горы.

Доггинза к тому моменту сражает слепота, поэтому остаток пути Найл вынужден одолевать в одиночку. Следующей ночью Найл вступает в телепатический контакт с богиней и узнает, что она и в самом деле дает начало гигантским жизненным формам. Сюда, в Солнечную систему, она прилетела из отдаленной галактики на хвосте кометы Опики, едва не уничтожившей Землю.

После столь же длительного и опасного обратного пути Найл с Доггинзом вновь оказываются в городе жуков. Тут Хозяин уступает требованию Смертоносца-Повелителя выдать ему послушников. В момент последней схватки лишь прямое вмешательство богини спасает Найла от незавидной участи. Вместе с тем явленное «чудо» убеждает паучий Совет, что Найл — посланец богини, и, к его несказанному изумлению, он вдруг возведен в ранг правителя города пауков.

Смертоносец-Повелитель соглашается, что между людьми и пауками отныне быть миру, что те и эти должны относиться друг к другу как к равным. Однако многие пауки втайне считают подобное замирение предательством. Среди них Скорбо, капитан гвардии Смертоносца-Повелителя, вместе с шестью сообщниками продолжающий тайком излавливать и поедать людей.

И вот однажды утром на заснеженном углу городской площади Найл натывается на умирающего Скорбо, сраженного каким-то мощным ударом. Кровавый след выводит к саду заброшенного дома, где выясняется, что Скорбо угодил в хитрую ловушку, представляющую собой пальму, пригнутую к земле веревкой — стоит ее перерубить, как гибкий ствол мгновенно распрямляется. Здесь же отыскиваются и следы: судя по всему, в убийстве Скорбо участвовали трое людей.

Немного погодя рядом обнаруживается наспех прикрытый труп, разбухший от паучьего яда, — очевидно, Скорбо сумел прикончить одного из подосланных убийц.

В корнях пальмы Найл находит увесистый металлический диск с выгравированным символом, напоминающим птицу. За время его недолгой отлучки диск из сада исчезает. Напрашивается вывод, что вещь прибрал кто-то из убийц, скрывающихся в городе под видом рабов. Одного из таких мнимых невольников обнаруживают: его следы ведут к зданию, где некогда была больница. Пауку-тенетнику удастся схватить злоумышленника, но он тут же кончает с собой.

Белесая кожа мертвеца наводит на мысль, что там, где он обитал, явно недостает света. С помощью «мыслительной машины» из Белой башни Найл выясняет, что убийцы Скорбо явились из неких мест, сокрытых под землей, а их правитель, которого принято называть Магом, одержим лютой ненавистью к паукам.

Отыскивают и третьего убийцу, который на поверку оказывается... живым трупом.

Вслед за публичной казнью пятерых сообщников Скорбо и изгнанием одного из них, избежавшего смерти в силу своего неодолимого упорства, Найл находит месторасположение «кладовой» Скорбо, где жертвы подвешены на манер туш в мясницкой, ожидая своей очереди на съедение. Одна из них — девушка по имени Чарис, бледная кожа которой указывает на то, что она также родом из подземных владений Мага. Понимая, что Чарис — это последний ключ к разгадке местообитания Мага, Найл решает держать ее во дворце, пока она не придет в сознание.

В доме, где укрывались убийцы Скорбо, Найлу на глаза попадают фигурки из зеленого камня, что-то вроде талисманов, напоминающих лягушек. Почти сразу становится ясно: от них исходит некая зловещая сила. Далее выясняется, что случайно обнаруженная циновка из каких-то странных водорослей служила убийцам для того, чтобы вытягивать из сопровождавшей их девушки жизненную энергию.

Найл узнает, что когда-то давно Скорбо, совершая облет на шаре, упал и затерялся в горах к северу от Большой стены. Возникает подозрение, не было ли между Скорбо и Магом какой-то связи, а сама гибель паука не является ли чем-то вроде мести за измену.

Попытка прознать что-нибудь более внятное о Большой стене или Серых горах заводит в тупик; оказывается, пауки почти несведущи в собственной истории. Но тут Найлу открывается, что самый доблестный из всех паучьих воинов, Хеб Могучий, бережно содержится в подобии анабиоза за счет жизненной энергии своих молодых хранителей, и Найл, будучи правителем города пауков, может испросить у Хеба аудиенцию.

Подземный путь под городом выводит его к священной пещере, где юные служители призывают легендарного воина-паука на время покинуть царство мертвых. Хеб рассказывает, как пауки научились использовать людей в качестве слуг — причем сами люди считали себя скорее пауками, чем людьми — и как эти «гибриды» помогли Хебу поработить всех своих оставшихся собратьев. Затем Найл вызывает на разговор знаменитого советника Хеба, Квизиба Мудрого, от которого узнает о событиях, приведших к возведению Большой стены.

Квизиб рассказывает, как преемник Хеба послал отряд под началом своего человека Мадига, чтобы выбрать подходящее место для нового города на севере, в Серых горах. Из всего отряда назад возвратился один Мадиг и сообщил своему господину то, что ему было велено передать: Серые горы — это земля Мага, который уничтожит любого, кто посмеет вторгнуться в его владения.

Смертоносец-Повелитель был вне себя от гнева — особенно когда умер Мадиг, очевидно от медленно действующего яда, которым его отравили по приказу Мага. На север двинулось огромное войско пауков и пешей людской рати, но в низине, известной как долина Большого озера, войско оказалось буквально сметено жестокой бурей и смыто потоком. В живых остались лишь Смертоносец-Повелитель и его советник Квизиб. После такой катастрофы Квизиб лично возглавил строительство Большой стены; преградой вставшей на том месте, что нынче именуется долиной Мертвых.

В том, что буря была вызвана именно Магом, сомнений не оставалось.

Квизиб вспоминает и рассказ самого Мадига о том, как на их отряд напали в темноте, как, завязав глаза, всех уцелевших доставили в странный город, где улицы безмолвны и никто не говорит громче шепота. Там Мадигу, по-прежнему но-

сящему повязку, было велено передать Смертоносцу-Повелителю, чтобы под страхом чудовишной расправы не совался в Серые горы. И что если он, Мадиг, в течение тридцати дней не вернется, то неминуемо умрет, а все пленники будут преданы жуткой смерти. Мадиг, понятно, не вернулся и умер ровно через тридцать дней, как и предсказывал Маг.

По возвращении из подземной пещеры во дворец Найл узнает, что его брат Вайг, случайно порезавшись о топор, которым был убит Скорбо, слег и находится чуть ли не при смерти. Юный паук Грель улавливает во дворце наличие какой-то недоброй силы. Следы ее ведут в спальню Найла, где осталась одна из тех «жабьих» фигурок, найденных в обителище убийц.

Враждебная сила исчезает, стоит лишь Найлу топором расколоть талисман надвое. Но когда врач Симеон на секунду соединяет обе половинки, та же сила мгновенно убивает Чарис, все еще лежащую без сознания в соседней комнате.

С уничтожением зловещей фигурки Вайг вроде бы идет на поправку. Однако Грель замечает, что Вайг, как в свое время и Мадиг, оказался задет злой силой Мага и этак через месяц наверняка умрет.

Похоже, для спасения брата Найлу остается одно: самому отправиться в опасный путь к подземному городу Мага.

Часть первая

Найл стоял на балконе над главной площадью и оглядывал окутанный тьмой город. Лыдисто сияли в бархатном небе звезды. В этот час спят все, и люди и пауки. Большинство собратьев Найла по стародавней привычке укладываются уже с наступлением сумерек, а те, кого темень застает на улице, то и дело нервно озираются, словно боясь, что их поймают и накажут. Еще как минимум поколение состарится, прежде чем люди свыкнутся с тем, что они свободны и могут ходить куда вздумается.

Да он и сам незаметно для себя стал рабом привычки. Еще и полгода в городе не прожил, а уже считает его своим домом, и мысль о предстоящем странствии заставляет сердце взволнованно биться.

В дверь постучали — легонько, чуть слышно. Из проема выглянул Симеон.

— Я думал, спишь ты или нет?

— Нет. Еще не утомился.

— Мать против того, чтобы ты отправлялся один.

— Знаю. Я ей сказал, что брать в дорогу спутников — излишний риск.

— Даже меня?

— Даже тебя. На одного удачи в пути может и хватить, а вот на двоих...

— Понимаю, — кивнул Симеон. — Но почему не отправиться к Серым горам хотя бы на паучьем шаре?

— Опять же, недопустимый риск. За городом наверняка наблюдают, а лететь на шаре — значит выставять себя напоказ.

— Как же ты рассчитываешь выйти из города незамеченным?

— Через подземелье.

— Подземелье? — Симеон взглянул на него как на умалишенного.

— Под городом целая сеть туннелей. Эти катакомбы когда-то прорыли люди, еще до того, как их поработили пауки. Может, понадобятся запасные выходы на случай вторжения.

— Ты это узнал в Белой башне?

— Нет. От самих пауков.

Собравшись было поведать о своем вояже под городом, Найл вдруг осекся. Тогда надо будет сказать и о посещении священной для пауков пещеры, а это их сокровенная тайна, которую нельзя обсуждать с людьми, даже с такими близкими, как Симеон.

Вместо этого Найл произнес:

— А знаешь, что там, под городом, есть река?

Симеон в замешательстве покачал головой:

— Ты уверен?

— Своими глазами видел.

— Откуда она?

— Точно не знаю. Течет, судя по всему, с востока.

Симеон помолчал, усваивая сказанное.

— А где искать владения Мага, тебе известно?

— Известно мне лишь одно. Они к северу от Большой стены, в Серых горах.

— А если это к северу на тысячу миль?

— Не думаю. Ты слышал о Мадиге, слуге Касиба Воителя?

Симеон растерянно промолчал.

— В свое время Мадиг с отрядом отправился к Серым горам. Там его схватили слуги Мага и доставили в какой-то подземный город, где жители изъяснялись буквально шепотом...

— Это место зовется Страной Призраков, — уточнил неожиданно Симеон.

— Ты о нем что-то знаешь? — переспросил Найл оживленно.

— У жуков ходит такая легенда.

— О чем именно?

— Всего лишь о том, что где-то на севере есть подземное королевство. До которого идти и идти, сотни миль.

— Не совсем так, — усомнился Найл. — Маг, когда отпускал Мадига, велел через месяц возвратиться, иначе его товарищи поплатятся жизнью. Так что если в течение месяца можно было обернуться в оба конца, Страна Призраков уж никак не в тысяче миль. Пешим ходом в день удается одолеть миль двадцать-тридцать. За пару недель набирается не больше трехсот, разве не так?

Прежде чем Симеон успел ответить, в дверь постучали. Оказалось, Нефтис, начальница личной охраны Найла.

— Капитан Сидония здесь, мой господин.

— Спасибо. Проводи к моему брату, я сейчас подойду.

— Сидония? — переспросил Симеон. — Начальница стражи Смертоносца-Повелителя?

— Я за ней посылал. Думаю, она способна помочь Вайгу. Симеон недоуменно хмыкнул.

— Чем?

— Сидония ему симпатизирует.

— Здешние женщины вообще к нему равнодушны, — улыбнулся Симеон.

— Вот и хорошо. И чем больше этой симпатии, тем лучше.

— Я что-то не совсем понимаю, — растерянно признался Симеон.

— Храбрости и энергии у Сидонии хоть отбавляй.

— Что верно, то верно.

Симеону помнилось, с какой решимостью эта женщина, рискуя жизнью, всадила меч в брюхо взбесившемуся тарантулу, когда тот набросился на Найла.

— Так почему бы ей не передать немного энергии Вайгу?

— Каким образом?

— Просто из желания. Быть может, прижав к нему ладони.

Судя по вежливо приподнятым бровям, смысл фразы остался не понят.

— Ты сам не считаешь, что люди способны давать энергию тем, кого любят?

— Примерно так рассуждает моя дочь. Хотя мне кажется, все это просто слова.

Симеон, увы, считал эту мысль абсурдной. Медик, одно слово, — прагматик и скептик до мозга костей. Хотя Найл сам видел, как молодые пауки передавали свою жизненную энер-

гию доблестному Хебу и Квизибу Мудрому, так что все это явно не беспочвенно.

— А где сейчас твоя дочь?

— Дома.

— Здесь, в городе пауков?

— Да.

С тех пор как Симеон стал членом Совета вольноотпущенников, он занимал первый этаж здания неподалеку от площади: куда удобнее, чем полдня проводить в дороге между городом пауков и городом жуков-бомбардиров.

— Ты бы не мог привести ее сюда? Если не спит, конечно.

— Да нет, не спит. Она обычно меня дожидается.

Провожая Симеона, у дверей Найл застал Сидонию. Немного неожиданно; он-то думал, что она в зале. Начальница стражи, по обыкновению, стояла навытяжку, недвижно глядя перед собой, что придавало ей сходство со статуей.

— Вольно,— сказал Найл, и взгляд амазонки переместился на него.— Ты знаешь, что мой брат болен?

— Нет, мой господин.

Проникнув в ум Сидонии, он ощутил беспокойство. Как почти все женщины, имевшие отношения с Вайгом, она испытывала к нему определенную привязанность.

— Он страдает от какого-то недуга, который вытягивает энергию. Пойдем со мной.

Спустившись по лестнице, внутренним двором они прошли в покои брата. Там находились лишь Вайг, который спал откинув руку, и его служанка Крестия — стройная блондинка, дежурившая у кровати. Бледная и осунувшаяся, при виде начальства она сразу же вскочила. Найл жестом велел ей сесть.

Не было нужды вчитываться в мысли Сидонии, чтобы определить, сколь сильно она встревожилась из-за Вайга. Казалось странным, что женщина с самодисциплиной, какая бывает разве что у механизмов, прониклась вдруг к его брату таким сильным чувством.

— Лихорадит? — осведомился Найл.

— Да,— ответила она, сев на кровать и коснувшись ладонью лба больного.

— Знаешь, как унять жар?

— Нет.

— Так. Положи ему другую руку на солнечное сплетение.

Судя по растерянности, с подобными изысками терапии Сидония знакома не была. Найл откинул простыни; брат лежал под ними голый. Завитки волос на груди и животе серебрились биссеринками пота. Взяв правую ладонь Сидонии, Найл поместил ее Вайгу на солнечное сплетение. Сам толком не зная, что должно получиться в итоге, Найл, сделав глубокий вдох, положил обе руки на ладони женщины, вслед за чем расслабился. По мере успокоения чувства его словно сливались с чувствами брата; он тоже стал ощущать тяжелый изнурительный жар, вязкую истому недуга. Примечательно, что Сидония прониклась спокойствием, повинаясь мыслительным импульсам Найла так, словно они разделяли одно и то же тело.

Найл успокаивал лихорадку брата, как будто она была его собственной. Вначале эффект получался, казалось, обратный: жар распалился еще сильнее. Но вот в больном наметился некий встречный ток, будто бы Найл и Сидония нашептывали слова, облегчающие тягость, а он этим словам внимал.

Внезапно в дело включилась Крестия, тоже положив ладони на Вайга. Тот, даром что в забытии, казалось, узнал ее — во всяком случае, он расслабился.

Найлу уже доводилось ощущать подобное, когда он делился энергией с той незнакомкой в больнице, а затем с Чарис — девушкой, что сопровождала убийц из Страны Призраков. Энергия вытекала примерно так же, как у донора при переливании крови. Вайг впитывал ее так же естественно, как и жизненную силу Сидонии с Крестией. Постепенно жар сошел, и брат погрузился в нормальный сон.

Минуту-другую все трое сидели, созная друг друга с внезапной остротой. Интересно было наблюдать, как они словно разделяют единое тело — точнее, он, Найл, сознает тела этих женщин как свое собственное. В этот миг сделалось ясно, почему Вайг находит противоположный пол столь привлекательным. Объятия мужчины и женщины — просто первый шаг в этом взаимном обмене энергией.

Это, пожалуй, и причина того, почему энергия Сидонии и Крестии для Вайга благотворнее, чем энергия Найла: из-за обратной полярности.

Тихий стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Это подошел Симеон, а с ним женщина лет тридцати.

— Моя дочь Леда,— представил Симеон.

Желтоватые волосы до плеч, продолговатое лицо с безмятежными серыми глазами и четко очерченным ртом. В отличие от здешних женщин профиль не сказать чтобы броский, но это, кстати, делало Леду едва ли не более привлекательной. У Найла возникло необъяснимое ощущение, будто он знает ее вот уже много лет. Приятно было отметить, что она не пыталась перед ним заискивать или еще каким-то образом выражать почтение к нему, правителю города.

— Ну, как наш инвалид? — спросила она непринужденно.

— Ничего, уже легче.

Леда села возле кровати. Глядя, как сноровисто ее загорелые пальцы нащупывают Вайгу пульс, Найл понял, что брат в надежных руках. Но и после этого Леда не выпускала его запястье, словно бы настраиваясь на физическое состояние больного. Наконец бережно опустила его руку на покрывало.

— Он по-прежнему очень болен.

— Кстати, до твоего прихода ему было хуже. Лихорадило.

— Вы сняли жар? — спросила она, мгновенно все поняв.

— Мы все, втроем.

— Что ж, молодцы.

— Можешь ответить на вопрос? — спросил Найл.

— Попробую.

— Если у нас получается снять жар, почему мы не можем исцелить Вайга полностью?

— Потому что в крови у него полно крохотных паразитов,— вклинился Симеон,— вроде мельчайших пиявок.

Все эти разговоры о целительстве вызывали у него раздражение.

— Паразиты — не единственная причина,— заметила Леда.— Я чувствую, дело здесь не только в этом.

— А в чем?

— Не знаю. Что-то вроде враждебной силы. Но ее возможно нейтрализовать.

— Как? — В голосе Найла звучала надежда.

— Тут есть где-нибудь комната с деревьями?

— Деревья? — переспросил Найл растерянно. — В смысле, настоящие?

Что она имеет в виду? Живопись или, может, стенную роспись?

— Да, настоящие.

Подумав, он покачал головой.

— Нет у нас такой комнаты.

— Как раз есть, — подала неожиданно голос Крестия, и все обернулись к ней. — Один закут в подвале. Могу показать.

Она взяла фонарь и выкрутила колесико до отказа, чтобы горел в полную силу. Найл тоже прихватил фонарь, а остальные — масляные светильники из стенных ниш.

Пока шли за Крестией через верхнюю анфиладу во дворец, Найл недоумевал по поводу ее затей. Уж что-что, а здание дворца он знал досконально, от подвалов до чердака. Да и вообще, как такое может быть, чтобы в комнате — деревья?

По коридору Крестия вывела процессию на лестницу в подвал. Просторное, выложенное камнем хранилище источало приятный запах съестного: яблок, окороков, специй, зреющих медов и сидра. С крюков на стропилах свисала дичь. Крестия направилась к небольшой угловой двери, той, что выводит в просторный чулан с нагромождением старой мебели и медленно истлевающих гобеленов. Найл сюда, случалось, заходил, но так как комната, судя по всему, была тупиковая, то особо не вглядывался. Тем временем Крестия лавировала между хромых комодов, треснувших зеркал, продавленных кресел, вздымая клубы пыли так, что неудержимо тянуло чихнуть. И вот в самом углу неожиданно обнаружилась укромная, на два засова запертая дверца. Крестия не мешкая взялась выдвигать засовы (пришлось прибегнуть к помощи Симеона), а когда та наконец с протяжным скрипом отворилась, в лицо вдруг дохнуло свежим воздухом.

Поднятый фонарь выхватил из темени довольно обширное помещение. Когда-то в стародавние времена здесь была, должно быть, конюшня; сохранились даже стойла. На дощатых стенах сиротливо висела растрескавшаяся кожаная сбруя. Земляной пол, зияющий проем окна. Очевидно, это была пристройка к внешней стене здания. А из пола, в паре метров друг от

друга, тянулись два древесных ствола, уходя вверх через дыры в потолке.

Сколоченная из неструганых досок дверь с деревянной задвижкой вела, как выяснилось, в небольшой внутренний дворик, о существовании которого Найл даже не подозревал.

— Это аболии, — сказала Леда, ласково поглаживая шершавую кору. — Древесина у них твердая, как у дуба или красного дерева. Они растут в Дельте. Я бы советовала перенести кровать твоего брата сюда и поставить между ними.

Ее совету последовали без промедления. Сидония была отряжена в больницу, откуда тотчас прибыли двое скороходов с посылками, на которые переложили Вайга. Двое мебельщиков из дворца разобрали скрепленную деревянными колышками кровать, собрав ее снова в помещении бывшей конюшни. Вайг спал так крепко, что его не побеспокоили даже стук молотков, когда крепили колышки.

Весь этот переполох разбудил мать, Сирис, и она с волнением наблюдала, как Вайга перекладывают на обновленную постель между деревьями. Склонясь над сыном, она прикоснулась ладонями к его лбу. Как и Найл, Сирис обладала определенными телепатическими способностями, особенно в отношении своих детей.

— Жар почти унялся, — сказала она, лучась улыбкой облегчения.

Найл, сидевший по другую сторону кровати, проделал то же самое и тут же понял, что мать во многом выдает желаемое за действительное. Кровь у Вайга по-прежнему горела подобной яду лихорадкой. Но по крайней мере теперь состояние у него стабилизировалось. Сфокусировавшись на более глубинном уровне, Найл ощутил, что стоящие по бокам деревья действуют успокаивающе, словно прохладный ветерок, веющий в душную комнату через окно. Ветерок этот был своего рода жизненной силой, определенной вибрацией богини. Паук ощущал бы ее как медленный, капля за каплей, приток жизненной энергии, который в конце концов неминуемо бы его исцелил. Однако более сложному организму вроде человеческого такого уровня энергии для перезарядки недостаточно — хотя и она действует благотворно, подобно тихой музыке. А с

наступлением рассвета, когда прилив энергии возрастет, этот эффект сделается еще сильнее.

По крайней мере, отрадно сознавать, что Вайг в надежных руках. Можно отправляться в путь без гнетущего бремени тревоги и беспокойства.

Он взыскательно оглядел Сидонию с Крестией, бок о бок стоящих у стены.

— Вверяю вам брата. Заботьтесь о нем изо всех сил. А если чересчур утомитесь, найдите себе подходящих помощниц.

Они понимали, что Найл имеет в виду: необходимо подыскать как минимум с полдесятка молодых женщин, соответствующих вкусам Вайга.

— Мой господин намеревается...— спросила было Крестия, но осеклась, заметив, как Найл чутко вскинул к губам палец. Не хватало еще, чтобы о его предполагаемой отлучке проведал кто-то из посторонних. Крестия вспыхнула, поняв, что по неосторожности чуть не выдала своего господина: в комнате все еще находились носильщики и дворцовые слуги. Что интересно: при этом зарделась и Сидония. Получается, между женщинами установилась некая общность ощущений, которая больному пойдет лишь на пользу.

— Благодарю за помощь,— обратился Найл к слугам.— Все свободны.

Люди, непривычные к такой обходительности, неуклюже кшаркали к выходу. За ними подался и Симеон, но Найл жестом его удержал.

— Мне нужен твой совет.

— Рад стараться.

Выждав, когда прислуга удалится за пределы слышимости, Найл произнес:

— Видишь ли, в чем проблема. Едва я выйду из города, как весть об этом неизбежно долетит до лазутчиков Мага. Так вот, что же нам предпринять?

Симеон пожал плечами.

— Если считаешь, что это настолько опасно, не отправляйся в одиночку.

— Это мы уже обсудили! — воскликнул Найл с плохо скрываемым нетерпением (Симеон с недавних пор буквально житья ему не давал, настаивая, чтобы в путь они отправились вмес-

сте).— Идти мне нужно одному. Но как, по-твоему, убедить всех, что я по-прежнему в городе?

— Ну, допустим, объявить, что ты вынужден временно пребывать у себя в покоях: а вдруг ты в Дельте подхватил какую-нибудь лихорадку?

— Что ж, может, оно и вправду так,— рассудил Найл, однако, подумав, покачал головой.— Но ведь мне временами надо будет и на людях показываться. Что, если найти кого-нибудь с похожей внешностью, обрядить в мою одежду...

В этот момент они поравнялись с дверями в покои Найла. Створка отворилась: шаги слышала Джарита, его личная служанка.

— Велено же идти спать,— неодобрительно заметил Найл.

— Я подумала, а вдруг вам что-нибудь понадобится.

— Спасибо, Джарита, ничего не надо.

Дверь из гостиной в спальню была открыта, и там на кровати виднелась серая заплечная сумка.

— А это что? — спросил Найл.

— Это вам принесла мать. В путь-дорогу.

Найл с Симеоном переглянулись.

— Откуда знаешь, что я собираюсь в дорогу?

— Ваша мать сказала.

Симеон, обхватив подбородок девушки большим и указательным пальцами, впился ей взглядом в глаза.

— Об этом не должен знать никто. Тайна! Поняла?

Девушка поспешно кивнула. Хорошо, что эти слова исходили от самого Симеона: здесь к нему относились с благоговейным трепетом, едва ли не со страхом. С той поры как изобретенная им сыворотка вернула к жизни людей, парализованных паучьим ядом, по городу пошла молва, что он чуть ли не волшебник.

Найл изучил содержимое лежащей на кровати сумы из толстого, на редкость прочного материала, с наплечными ляжками и затягивающейся кожаной тесьмой. В ней обнаружился запас еды, завернутый в водостойкую ткань с подкладкой из паучьего шелка. Здесь же находилась фляжка с питьем, а также складной нож и спички. В боковом кармане нашлась та деревянная коробочка с пищевыми таблетками, которая, помнится, досталась ему во время первого визита в Белую башню,

в те дни, когда он вынужден был скрываться. В суме обнаружилась и знакомая серебристая трубка размером с флейту, со свернутым в рулон тончайшим и легчайшим одеянием, созданным людьми прошлого для исследователей космоса. Очевидно, памятные реликвии мать все это время бережно хранила у себя. В затынутом ремешком водонепроницаемом подсумке прятался хронометр, изготовленный в городе жуков-бомбардиров, а в мешочке поменьше — компас.

На спинку стула возле кровати был наброшен серый плащ из шелковистой водоотталкивающей материи, подбитый мягкой шерстью карликовых горных овец.

— Получается, мать знала, что ты собираешься в путь? — спросил стоявший рядом Симеон.

Найл кивнул.

— Она может читать наши мысли: мои и Вайга. Если мы хотим связаться издали, то думаем о ней на закате или на рассвете, и она нас видит.

— Прямо-таки видит? В буквальном смысле?

— Ну, не совсем. Да разве в этом дело? Достаточно того, что мы чувствуем ее присутствие.

Симеон первым прошел в столовую. Еду и питье Джарита предусмотрительно оставила на столе. Симеон наполнил бокал золотистым медом, искрящимся в свете масляных ламп.

— Кстати, дочь, когда находится в отдалении, способна передо мной являться.

— Каким образом?

— Тебе доводилось слышать о перемещении духовной сущности человека?

— Что-то не припомню.

— Я имею в виду способность представлять перед людьми, будучи при этом на расстоянии.

— Ах вон оно что, — сообразил Найл. — Мне однажды тоже удалось...

— Вот как? — Симеон взглянул на друга с интересом.

— Это случилось, когда я впервые попал в Белую башню.

Симеон был одним из немногих, кому Найл рассказывал о том, что происходило с ним в капсуле времени.

— Я тогда бежал из дворца Каззак. Старец велел закрыть глаза, и я вдруг снова очутился во дворце перед Каззаком и моей матерью.

— И что дальше?

— Попытался заговорить, но вместо этого опять оказался в Белой башне.

— А проделать такое повторно кишка тонка?

Найл лишь пожал плечами.

— Да я, собственно, ничего и не проделывал. Все совершил Старец. Только вот как, я не знаю.

— Зато знает моя дочь, — твердо сказал Симеон.

— А как ей такое удастся, не рассказывала?

— Нст. Но вполне может разъяснить это тебе. Я как раз послал за ней Джариту.

Найл плеснул себе меда, но пить передумал: неровен час, разморит.

— Ну а ты на такое способен?

— Куда уж мне.

— А мне и подавно.

— Не скажи. Общаться на расстоянии с матерью — это уже своего рода перемещение духовной сущности.

— Может, оно и так, — согласился Найл, хотя и без особой уверенности.

Подошедшая вскоре Леда отказалась от меда, ограничившись водой. Она без труда прочла вопрос, мысленно заданный ей Найлом.

— Твой брат сейчас спит, а мать дежурит у его постели.

— Вот и славно.

Он задал еще один занимающий его вопрос.

«Отчего, по-твоему, та комната обустроена именно вокруг деревьев?»

— Возможно, для того, чтобы исцелять больных. И лошадям в такой конюшне хорошо.

— Он хочет знать о перемещении духовной сущности, — перешел к делу Симеон.

— Желаете понять, как оно осуществляется? — спросила Леда, оборачиваясь к Найлу.

Тому стало неловко. Он было думал уклониться от ответа, но взгляд этих спокойных серых глаз вызывал на откровенность.

— Да.

Она повернула ему руки ладонями вверх и пытливо в них всмотрелась.

- А что, все данные налицо. Сильная линия воображения.
- При чем здесь воображение?
- В этом деле всему основа — визуализация.

Найл растерянно промолчал.

- Куда бы ты хотел послать свой дух?

— Сейчас покажу. — Поднявшись, он провел Леду в соседнюю комнату с балконом, что выходит на площадь. — Вот сюда.

- Хочешь, чтобы тебя отсюда было видно?

Ее смекалистость приятно удивляла. Леда ухватывала мысли буквально на лету; ничего не приходилось разжевывать.

- Именно. Но что для этого требуется?

— Давай-ка объясню, как это впервые произошло со мной, — сказала Леда. — Случилось так, что я очутилась вдали от города, ухаживала за больной сестрой. Дома остался отец. Через неделю-другую я затосковала — очень тянуло к своим. И вот как-то вечером, сидя у себя в комнате, я задумалась: а что-то они там поделявают без меня? Живо представила нашу гостиную и вдруг в самом деле ее увидела: вот за столом сидит ребяня, а отец подносит блюдо с бататами. Затем он на меня посмотрел, и вид у него был, скажу я вам...

- Чуть блюдо не уронил! — расхохотался Симеон.

— Я опять оказалась в доме сестры, — продолжала Леда, — но понимала: что-то произошло. А когда вернулась, все — и отец, и дети — в один голос сказали, что меня видели. И с той поры начало получаться.

- Ты видел ее отчетливо? — спросил Найл.

— Как сейчас, буквально наяву. Я подумал, что дочка возвратилась. А она возьми и исчезни.

- Интересно, а это любому дано?

- Было бы желание, настоящее.

- Но... как?

Найл хотя и всрил рассказу, но в голове не укладывалось, как такое возможно, во всяком случае для него.

— А ну-ка закрой глаза, — спокойным голосом приказала Леда, и Найл повиновался. — Теперь попытайся представить комнату, в которой сейчас находишься. Тебе в ней знаком каждый уголок. Можешь сказать, какого цвета здесь стены? Глаза не открывай.

- Ммм... желтоватый такой? — спросил Найл неуверенно.

— Открой глаза, оглядись.

Стены, как выяснилось, были синие.

— Опять закрой. Здесь на столике цветок в горшке. Укажи на него.

Найл указал. По команде открыть глаза убедился, что рука направлена не совсем туда, куда нужно.

— Как же ты думаешь визуализировать комнату, которую даже толком не помнишь? Если хочешь перемещать дух, надо всматриваться так, чтобы в памяти засела каждая деталь.

— Когда устал, это непросто... — признался Найл. И тут ему в голову пришла мысль: — Стоп. Кажется, есть ответ.

Он молча прошел в спальню и, порывшись в ящике комода, вынул из-под стопки белья золотистый медальон — округлый, на изящной цепочке, — который на ладони протянул Леде.

— Вот. Зеркало мысли. Мне его дали в Белой башне.

— Для чего оно? — спросила Леда, не притрагиваясь к вещице.

— Фокусирует ум. В первый раз, когда использовал зеркало, я в считанные минуты запомнил план города.

Надев на шею, он под туникой опустил медальон на грудь так, чтобы выпуклая сторона прилегала к коже как раз над солнечным сплетением.

— Сейчас я с его помощью запомню комнату.

И Найл перевернул медальон другой стороной.

Он уже позабыл, насколько болезненным может быть при этом ощущение, если ум утомлен. Сердце на мгновение застыло, вслед за чем учащенно забилося, как после прыжка в ледяную воду.

— Больно?

От Леды не укрылось, что Найл поморщился.

— Немножко.

К ощущению он вскоре приновился. Все в комнате выглядело теперь более четким, контрастным. Даже свет, казалось, отражался от большего количества поверхностей. Хотя, разумеется, это лишь усилилось персональное восприятие.

Он внимательно оглядел комнату, запоминая детали интерьера. Усилий никаких не потребовалось — куда легче, чем в свое время запомнить карту города. Всего-то надо было приметить несколько предметов и их положение относительно друг друга. Секунда-другая.

— Я готов,— объявил он.— Что теперь?

— Теперь иди назад в спальню и попытайся представить эту комнату. Погаси свет, если так будет сподручней.

Гасить свет в спальне даже не понадобилось. Едва прикрыв глаза, он воссоздал соседнюю комнату так живо, будто сам там находился,— налицо каждая деталь. И вместе с тем он пребывал в спальне, а комната смотрелась как бы сама по себе. Что-то было не так, и это удручало.

Тогда Найл припомнил, как с этим обстояло дело в Белой башне. Старец тогда велел ему закрыть глаза. А спустя мгновение он очутился во дворце Каззака. Каким-то образом Старец его туда перенес.

Но ведь Старец — не более чем компьютерный эмулятор. А следовательно, он, Найл, каким-то образом перенесся сам. Вся сила кроется в его собственном уме.

Не успел он это осмыслить, как все произошло само собой. И вот он уже стоял в комнате рядом с Симеоном и Ледой, так близко, что впору коснуться. Ощущалось даже, как тянет легкий ветерок с балкона. Собственное тело выглядело осязаемо плотным — кажется, при желании можно отдернуть штору или закрыть балконные двери.

Занятые разговором Леда с Симеоном его пока не видели. Первой присутствие Найла в комнате обнаружила Леда. Взыскательно оглядев его, она протянула руку, прошедшую через него насквозь.

— Ну вот, получилось,— подытожила она.

Найл победно кивнул, не рискуя, однако, говорить вслух — в прошлый раз, помнится, это привело к тому, что он мгновенно возвратился в свою телесную оболочку. Даже сейчас его странным образом словно тянуло назад. Он уже поддался было, но тут вмешалась Леда:

— Постой!

Судя по всему, его теперешнее состояние было ей вполне знакомо. Пройдя рядом, она отодвинула штору, открыв тем самым выход на балкон.

— Сейчас ты находишься вне тела, и сила притяжения на тебя не действует. Может, прогуляешься по воздуху?

Слова эти она произнесла вслух, но ощущение было такое, будто они передались Найлу в мозг напрямую, как при контакте с пауками. Леда, несомненно, говорила чистую правду.

Найл без колебаний ступил на балюстраду балкона и сделал шаг вперед. Вниз он при этом не рухнул, а как бы подвис в воздухе, созерцая под собой плитку тротуара. Здесь он все-таки поддался влекущему зову тела. Мгновение, и вот он уже сидит у себя на кровати.

Повернув под туникой медальон другой стороной, Найл тотчас испытал облегчение. К моменту выхода из спальни усталость бесследно исчезла.

Найл взял Леду за руку.

— Спасибо тебе.

— Теперь ты видишь, каждому под силу перемещать свою душу, — сказала она с улыбкой.

Симеон на это лишь хмыкнул.

— По мне, так уж лучше держать душу у себя в теле.

— Если тебе завтра в путь, то сейчас, наверное, лучше прилечь, — заметила Леда.

Найл покачал головой.

— Никаких завтра. Выходить нужно сию же минуту. Через пару часов рассвет, а я должен уйти незамеченным.

— Тебя все равно разглядят, когда солнце взойдет.

Найл с загадочным видом улыбнулся.

— Дорогу, по которой я пойду, не заметит никто.

В прошлый раз Найл пробирался по этим катакомбам в сопровождении Асмака, начальника воздушного сообщения пауков, и тот телепатически передавал ему свое сокровенное знание подземного лабиринта. А так как память у пауков, по сути, фотографическая, извивы галерей словно бы купались в неярком рассеянном свечении, дающем Найлу возможность «видеть» каменные стены и неровный пол под ногами. Теперь единственным источником света был миниатюрный, хотя и достаточно мощный фонарь, найденный в свое время в ящике с больничным оборудованием, оставшемся еще от прежних, давно покинувших Землю людей. Похожий на белый стержень луч, который можно было регулировать, уверенно распарывал тьму за счет практически вечных ядерных батарей. И все равно промозглая мгла подземных галерей казалась непреодолимой.

Найл уже прошел ту часть туннеля, что была создана людьми, где громадные блоки скреплялись обретшим гладкость мрамора цементом. Теперь он ступал по природному камню, миллионы лет назад проточенному подземной рекой. На серой неровной поверхности то и дело попадались окаменелые следы аммонитов, а отдельные выщербины под ногами указывали, что пол местами искусственно выравнивался.

Он не рассчитывал, что будет так холодно, — в тот раз его согревал контакт с напористым умом паука. Расстояния тоже не казались такими протяженными. Вот уже час как в пути, а шума подземной реки (помнится, она где-то впереди) и в помине нет. Найл зевнул: сказывалась нехватка за истекшие сутки сна. А потому, случайно высветив фонариком подходящее, размером с человека углубление в скальной породе, он решил наконец отдохнуть.

Плащ с подбоем из мягкой овечьей шерсти идеально заполнил скальную нишу. Сразу же дал о себе знать промозглый холод, но терпеть его предстояло совсем недолго. Надо было лишь нажать на кончик серебристой трубки, которую он предусмотрительно достал из сумы. Выпроставшийся кокон — подобие спального мешка — сам развернулся поверх расстеленного плаща, приняв нужные размеры и форму. Невесомая на ошупь ткань вызвала невольное сомнение в своей надежности. Но оно тут же рассеялось, стоило, вжикнув застежкой, забраться внутрь. Предназначенный для астронавтов кокон сразу же окутал тело теплом. Серебристая материя обладала замечательными свойствами: водостойкая, так что любой дождь ни почем, и вместе с тем выводящая испарину; это препятствовало намоканию изнутри во время сна.

Вместо подушки Найл приспособил суму, подложив ее под голову. Не мешало бы подкрепиться, но усталость брала свое. Он выключил фонарик, а едва смежил веки, как глухая тишина повергла его в сон.

Очнулся он из-за смутного неудобства: до тупой боли отлежал на жестком полу плечо. Найл повернулся на спину. А может, его разбудил какой-то звук? Да нет, тишина все такая же неизбывная. Тем не менее он осмотрительно вынул из внутреннего кармана фонарик и, чуть помедлив, включил. В конусе света желтым росчерком мелькнули глаза, и в темноту порск-

нуло с полдесятка смутных силуэтов. Крысы. Черные долгоносые твари с сапог величиной, обитатели сточных канав. Будучи излюбленным лакомством у пауков помельче, наверху они встречались редко: восьмипалые с легкостью обездвигивали грызунов ударом воли издали, за сотню метров. Укус этих тварей, говорят, ядовит; впрочем, держаться они будут наверняка на расстоянии.

Найл полез в суму и вынул водостойкий мешочек, где лежал подаренный Симеоном хронометр — громоздкий и неуклюжий, зато со светящимися цифрами, и неделю заводить не надо. Ого, уже третий час пополудни. Получается, он проспал не меньше восьми часов.

Найл завел механизм, с усмешкой подметив, что даже от этого тихого звука крысы предпочитают укрыться подальше.

Опершись спиной о стену — насколько позволял ее неудобный угол наклона, — он искал в суме что-нибудь из съестного. Но, найдя уже сверток с перепелами, вновь разглядев в луче фонарика горящие точки крысиных глаз. Лакомиться дичью как-то расхотелось. Вместо этого Найл достал из коробочки одну из тех коричневых таблеток и положил на язык. У таблетки был медвяный вкус, а когда она рассосалась, по жилам разлилось блаженное тепло, как от рюмки бренди. Он запил снадобье водой из фляжки. Через несколько минут тепло разошлось по всему телу; ощущение такое, будто подкрепился объемистой чашкой горячего супа.

Свернув спальный мешок, Найл поспешил набросить подбитый шерстью плащ: на таком холоде и простудиться недолго. С сумой за плечами он вновь зашагал в темноте, гоня прочь мысли о соблазнах обихоженного дворцового жителя.

Вскоре явственно различился негромкий шум: где-то впереди находилась подземная река. Спустия какое-то время сё гул уже полонил, казалось, весь воздух, пробирая инстинктивным чувством уязвимости перед силой, способной в два счета тебя уничтожить: страхом перед неизвестным.

Надо сказать, что накануне вечером Найл наведывался в Белую башню и как следует запомнил карту подземных туннелей. Тогда же он уяснил, что все эти норы отчасти естественного происхождения, а отчасти рукотворные, созданные людьми во время долгой войны с пауками. По отношению к городу

река протекала с северо-запада на юго-восток. Когда-то, в конце последнего оледенения, весь лабиринт был заполнен бушующим потоком. Однако, согласно карте, речной туннель постепенно переходил во вполне одолимый маршрут. Источником оглушительного шума оказался десятиметровый водопад ниже по течению. Там же имелаась и тропа, которая милях в пяти выходила наружу, во внешний мир. Карты Стигмастера устарели лет эдак на четыреста; хотя, если предположить, что русло реки с тех пор кардинально не изменилось, от них все еще был толк.

Через средней ширины реку был переброшен металлический мост, переходить по нему не было острой нужды, так как тропа шла по ближнему берегу. Чего карта не указывала, так это того, что тропа заводит в низкую сводчатую пещеру, вход в которую напоминал готическую арку. Поэтому Найл был вынужден пригнуться, чтобы не стукнуться головой. Камни под ногами становились все ребристее, так что требовалось быть все время начеку. Даже крысы, чьи хищно поблескивающие глаза неотступно следовали за ним в темноте, постепенно отстали. Должно быть, рев близкого водопада нервировал их так же, как и самого Найла.

Хорошо, что из-за неровности пола он пробирался вперед медленно, пядь за пядью. Внезапно поскользнувшись, Найл инстинктивно схватился за стену. При этом обронил фонарик, отчего на секунду запаниковал: а вдруг потерял. Когда фонарик нашелся, выяснилось, что буквально в нескольких пядях впереди зияет провал, на дне которого, в паре метров, стремится непроглядно черный поток. Кое-как отодвинувшись от гибельного места, Найл присел на пол.

Получается, вода здесь подточила берег, и он обрушился. Полутораметровая брешь отрезала всякий дальнейший путь. Хотя на той же стороне тропа продолжалась.

Можно, собственно, попытаться обогнуть ее по неровному уступу шириной в ладонь. Но если тот осыпется или соскользнет нога... А опоры там наверняка нет.

Минут десять Найл сидел недвижно. Что же делать? Можно просто возвратиться домой. Но это лишь означает, что следующая попытка выйти из города наземным путем не укроется от соглядатаев Мага.

Как вариант можно пройти через мост и направиться напрямиком к священным пещерам. Но единственный путь наверх оттуда — это отвесная, почти без уступов стена, при одной лишь мысли о которой обмирает сердце.

Еще можно, опять-таки, перебраться по мосту и поискать, нет ли на той стороне какой-нибудь тропы. Хотя на карте ее не значится.

Вообще-то самым здравым было бы взять и перепрыгнуть через брешь. Полтора метра — не такое уж и расстояние. Только вот свод пещеры буквально в паре дюймов над головой, а потому любой удар о камень наверняка смахнет Найла прямо в воду. Чертовы полтора метра: как высоко надо оторваться от пола, чтобы через них перескочить?

Ну что, расслаживаться смысла нет: мышцы уже заоченели от холода. Но прежде всего надо позаботиться, чтобы снова не потерялся фонарик. В боковом кармане сумки лежал моток бечевы. Отхватив кусок ножом, Найл крепко, на двойной узел приторочил фонарик к запястью. Но и этим не ограничился, бечевкой прихватил его к ремню.

Всё, готово. Суму Найл перебросил через провал, удовлетворенно проследив, как она грузно шлепнулась метрах в пяти от края. Затем, осмотрительно отступив на десяток шагов, разбежался и прыгнул, максимально опустив при этом голову. В момент прыжка из-под ноги вывернулся камень, но не настолько, чтобы ослабить толчок. Приземление вышло вполне удачным, в метре от края. Фонарик, как специально, сорвался с петли на запястье, но грохнуться ему помешал второй кусок бечевки, привязанный к ремню. Между прочим, племянник Симеона Бойд предупреждал: лампочка у фонарика — самая уязвимая часть.

Найл ненадолго присел отдышаться и унять гулко стучащее сердце. При этом решил сжевать еще одну пищевую таблетку — не от голода, а потому что мягкий разлив тепла восстанавливал кровообращение. Получив желаемый эффект, несколько минут спустя он вновь набросил суму на спину и продолжил путь.

Еще сотня-другая метров, и шум воды заметно усилился. К тому же скальная стена слева оказалась буквально сточена потоком. Что неудивительно, ведь раньше уровень воды был

здесь куда выше. Найл четко помнил (благодаря медальону карта буквально въелась в мозг), что, прежде чем достичь водопада, тропа еще метров пятьсот идет в непосредственной близости от воды, постепенно при этом сужаясь фактически до ширины ленты.

Через два десятка метров дала о себе знать еще одна проблема. Тропа пошла под уклон, и ее гладкая твердая поверхность начала превращаться в опасный, ведущий к реке скос. Найл снял со спины суму и теперь нес ее за лямки, подаваясь спиной назад, ближе к скалистому склону. Но наступил момент, когда двигаться так стало небезопасно. Отсюда до воды было уже рукой подать, и хорошо различалась ее скорость. Вскипая бурунами вокруг скальных выступов, поток сердито шипел, словно досадуя на препятствие. Стоит оступиться, и уже ничто не удержит от, увы, последнего пути к водопаду, грозно ревущему в отдалении. Луч фонарика показал, что ширины в тропе уже не больше сведенных ладоней, к тому же она идет буквально вровень с водой. Впрочем, дальше, метрах в десяти, она снова в достаточной мере расширяется. Без сумы он, может, и сподобился бы как-нибудь пробраться, цепляясь за камни. Но, во-первых, куда ее девать, а во-вторых, все равно чересчур рискованно. А потому Найл, тягостно вздохнув, с неохотой повернул обратно.

Что и говорить, положение не из веселых: что ни делай, приходится идти на попятную. Карту он помнил четко. Пути из этого лабиринта нет, кроме как по реке или минуя священную пещеру. Все прочие ходы, если верить карте, заканчиваются тупиком. Маршрут через святилище (это если даже решиться на безрассудный штурм отвесной стены) лишь выведет наружу в отдаленной части паучьего города; и что толку? А если не пробраться по берегам реки, то возвращаться придется той же дорогой, что и пришел. На секунду подумалось попросить Асмака или Дравига о помощи. Хотя куда там: пауки воды боятся пуще огня.

Добравшись до знакомой бреши, он опять перекинул через нее суму, а затем прыгнул сам. Получилось мастерски — даже не упал и фонарика не выронил. Дойти до моста хватило нескольких минут. Переправа была наверняка безопасной, но все равно Найл ступал осторожно, сознавая черную стремни-

ну внизу. Между тем из любопытства он посветил в воду и удивился, когда там вскоре мелькнула рыба, а следом еще одна. С гор их, что ли, принесло?

По ту сторону моста, где беловатый камень уступал почти черному граниту, Найл понял, что все не так уж и беспросветно. Течение здесь сточило известняк до того, что от тропы почти не осталось следа. А вот жесткий гранит за истекшие века едва изменился. И хотя люди, прорубавшие в известняке тропу, оставили гранит без внимания, эрозия сработала так, что по нему теперь можно пробираться (что, кстати, незаметно с противоположного берега). В отличие от известняка, гранит реке не поддавался, поэтому берег по-прежнему возвышался над водой, лишь временами снижаясь уступами. В одном месте Найл был вынужден пробираться через обрушившийся со сводов каменный завал, а в другом протискиваться сквозь щель, образовавшуюся, видимо, от землетрясения. Но по крайней мере, боязнь, что стены неминуемо приведут его вплотную к воде, оказалась лишней.

И хотя идти приходилось медленно, постоянно отслеживая неровности и трещины в камне, он уже продвинулся на достаточно большое расстояние, поравнявшись в итоге с тем местом на противоположном берегу, где возникла нужда поворачивать вспять. Теперь опасение вызывало лишь то, как бы водопад не подточил скальную породу — уж очень громок был исполлинский рев, от которого мурашки по коже.

Внезапно камень под ногами сделался скользким и стала ощутима взвесь мелких брызг. Найл так был поглощен участком пола под ногами, что вздрогнул от неожиданности, когда направил луч фонарика вбок. Взгляду открылась водная стена, которая низвергалась в считанных метрах. Дух захватило, и закружилась голова. Тем не менее он заставил себя остановиться, а луч направить в пучину. Подножие водопада скрывала клубящаяся водяная пыль, влага там словно кипела. Дальше она взвивалась султанами бежевой пены, дробясь скалами на каскады поменьше.

Спускаться было необычайно трудно; на пути то и дело попадались обломки породы. Очевидно, в свое время сюда рухнул фасад скалы целиком, превратив отвесный обрыв в усеянный камнями склон, одолеть который можно было лишь с

предельной осторожностью. Водная пыль к этому времени промочила Найла до нитки, и силы истощались.

Уже невдалеке от нижнего края водопада Найл присел на плоский камень, хоть ненадолго вытянуть натруженные ноги. Слегка сузив луч фонарика, направил его на облако водяной пыли и был порядком удивлен, различив между стеной водопада и каменным склоном зазор в пару метров. На карте этого не было. Из-под ревущего каскада к противоположному берегу уходил ровный, почти плоский гребень; точнее, карниз. На секунду даже подумалось пересечь по нему реку, но мысль об истощенном на той стороне известняке удержала от никчемного соблазна. Пусть оно здесь и несладко, но все равно безопаснее; хотя бы опора прочнее.

Когда заклацали зубы, Найл спохватился, что пора выдвигаться. Мысль об использовании медальона для поднятия температуры тела пришлось отринуть. Это заберет и энергию, которую лучше расходовать на то, чтобы за отведенные часы оставить наконец подземелье позади.

По крайней мере, участок впереди уже не был таким шербатым и каменистым; когда-то давно вода, видимо, отшлифовала его на манер наждака. Найл уже так приноровился к грохоту, что больше не обращал на него внимания и шел себе вдоль стремнины как на прогулке. Шум позади постепенно убывал. Этак через полчаса река набрала ширину, а поверхность у нее сделалась гладкой, на вид почти недвижимой.

Поравнявшись с необычного вида камненным возвышением (плоское сиденье и спинка, ни дать ни взять стул), Найл не преминул устроить привал. Ходьба разогрела, так что холода больше не чувствовалось. Сев, он прикрыл глаза, ненадолго поддавшись дремоте. Однако, вспомнив про длинноносых крыс, пересилил себя и бдительно посветил вокруг фонариком. Плавно, совсем не похоже на себя прежнюю, текла река. Стены наверху смыкались резными, будто рукотворными, сводами.

Направив луч света на тот берег, до которого теперь было метров двадцать, Найл вновь вынужден был цепко взглядеться. Дело в том, что свет неожиданно отразился от какой-то блестящей поверхности. Найл различил что-то вроде небольшой лодки. Суженный рефлектором в спину свет, прошив тьму, уперся в объект повторно. Так и есть: перевернутая лодка — на

этом расстоянии непонятно, разбитая или выброшенная потоком на берег. Но когда в нескольких метрах обнаружилась другая (кстати, тоже перевернутая), а за ней аж еще три, сам собой сложился вывод: о крушении речи быть не может. Скорее всего, не так давно в этой пещере жили люди, и эти люди курсировали по реке.

Опять стало холодно: давала о себе знать намокшая одежда. Луч фонарика был снова расширен, а привал закончен. Идти оставалось еще примерно милью.

С половину расстояния Найл шел по гладкому красноватому камню вроде песчаника, сумев развить неплохую скорость. Вода в этом месте, можно сказать, постаралась, выточив величаво вздымающиеся силуэты, что придавало пещере сходство с каким-нибудь храмом, колонны которого напоминали красные сталагмиты. И тут луч, в очередной раз пройдясь по сводам и стенам, очертил нечто, отчего у Найла тревожно сжалось сердце. Туннель вновь сужался в каньон, стены которого неожиданно сходились, образуя горлышко бутылки.

Следующую сотню метров Найл одолевал в надежде найти какой-нибудь альтернативный маршрут. Нечто подходящее, казалось бы, сулило углубление вроде входа в туннель, куда Найл, шурша камешками, и сполз со склона. Но на проверку это оказалось всего лишь глубокой, усеянной каменными обломками пещерой с глухой стеной.

С тяжелым сердцем он медленно вскарабкался обратно на склон и берегом побрел к месту, где сходились стены. Там река втекала в неширокую каменную расселину. Всё, пришли. Дальше только вплавь.

Уныло сгорбясь, Найл сидел и смотрел на тот берег. Усталость такая, что впору повалиться и заснуть. Но это значит, по сути, смириться с поражением. Да и обратный путь теперь ох как не близок. А каждый потерянный понапрасну день — вычет из жизни брата. Сама мысль об этом наполняла такой тоской, что он решил наконец воспользоваться медальоном.

Стоило повернуть его внутренней стороной, как самообладание возвратилось. А обновленная сосредоточенность заставила вникнуть, взвесить все надлежащим образом. Не больше полугода минуло с той поры, как он, по сути еще ребенок, вместе со старшими ютился в подземной берлоге, среди пусты-

ни. И вот в одночасье, даже не по своей воле, сделался взрослым. Как правитель паучьего города он совершенно одинок; даже обратиться не к кому, кроме нескольких доверенных лиц вроде Симеона. Пожалуй, в подземном городище у Каззака ему жилось более сносно: там он, по крайней мере, окружен был ровесниками. И вот теперь он, Найл, отправился в странствие, которое вполне может закончиться плачевно. А если возвратиться ему не удастся, будут ли пауки по-прежнему блюсти соглашение? Разве могут они обращаться с людьми как с равной, если сами стоят в развитии на порядок ниже? Его, Найла, они почитают правителем потому, что он избранник богини. Но стоит этому избраннику безвестно кануть, что тогда?

Несмотря на невеселые раздумья, зеркало мысли все это время заставляло исподволь сознать их, в некотором смысле, иллюзорность. Давая таким мыслям волю, человек позволяет им расцветивать свою жизнь в соответствующие тона, ввергая себя в болезненную неуверенность, в самокопание. Найл же негативному тону своих мыслей сейчас не поддавался. Внутри его ровным светом горел некий оптимизм, внушающий, что сдаваться на милость своим эмоциям, по сути, абсурдно. Надо лишь, пусть через силу, отвергнуть разочарованность и жалость к себе, вновь встать на путь действия.

Поднявшись, Найл осветил стены пещеры: нет ли какого-нибудь пути, им неучтенного? А когда убедился, что нет, он лишь пожал плечами и двинулся в обратном направлении.

При этом задумал интересный эксперимент насчет внутреннего состояния. Минуту назад медальон вызвал внезапный прилив оптимизма, раздув огонек скрытой внутренней силы. Теперь Найл, сконцентрировавшись на этом огоньке, взял и намеренно перевернул медальон другой стороной.

Его словно объяла холодная тьма. Но он ей воспротивился. Медальон заставил осознать, что все не так беспросветно, как кажется. Надо лишь внять тому, что ощущение разочарованности и поражения — не более чем иллюзия. И вот усилием воли Найл мало-помалу воскресил в себе ощущение целенаправленности и внутренней теплоты.

Получилось не на все сто, но даже этот ограниченный успех был существенным поступательным шагом. Найл делал сознательную попытку перерасти того мальчугана, что томился

по своим сверстникам в Дире. Истинно важным было то, что он учился доверять своему сознательному уму, а не изменчивым думам и эмоциям.

Вслушиваясь, как нарастает гул водопада (вот опять повеяло холодной моросью), Найл вспомнил о карнизе, что ведет на ту сторону реки. И тут в голову пришла еще одна неожиданная мысль: а ведь лодки, должно быть, кто-то туда доставил. Но как? Сверху по течению они прийти не могли: водопад поразбивал бы их вдребезги. Не могли приплыть и снизу: сила течения явно бы этому воспрепятствовала, тут никакой гребец не справится. Тогда, выходит, должны быть какие-то иные пути сообщения с внешним миром — туннели, ответвляющиеся от реки.

Ободренный этой догадкой, он ускорил шаг и уже через четверть часа приблизился к водопаду.

Тут до него дошло, что плащ лучше бы снять. Стоит оступиться и сорваться в реку, как намокшая одежда станет лишь помехой. Поэтому, отстегнув нашейную цепочку, плащ он свернул и упишал в суму.

Карниз тянулся примерно в полутора метрах над кипенью водоворотов. В ширину около метра, причем достаточно плоский, хотя и, понятно, мокрый. Найл вскарабкался на крупный обломок скалы (хорошо, что прочный) и сделал широкий шаг на сам карниз. Тот даже не был скользким. На удивление, и рев водопада был здесь потише: водная стена сама приглушала звук.

За козырьком карниза фонарик высветил трещину в два пальца шириной. И вдруг стало ясно, почему его нет на карте. Как видно, фасад скалы здесь периодически обрушивался и исчезал в бурном потоке, отчего водопад отступал несколько выше по течению. На момент создания карты карниза не существовало, а где-то через полвека его опять снесет течением. При мысли об этом Найл цепко вгляделся в трещину: не раздается ли вширь.

Чтоб сподручней было ступать по козырьку, суму снова пришлось снять и держать на отлете; вот так, впритирку к стене, он и пробирался. Завеса воды с гулким ревом обрушивалась буквально в паре метров от лица. Тем не менее до той стороны Найл добрался без происшествий. Как выяснилось, карниз

здесь находится гораздо выше над землей, чем на противоположном берегу. Сбросив перед собой суму, Найл сперва сел на козырек, а затем прыгнул, страхуясь при этом рукой. Все равно, пентюх, приземлился на четвереньки, да еще и колено ободрал о шершавый известняк.

Чтобы согреться, надо было шагать быстрее; одежда и волосы насквозь промокли от водяной пыли. Поверхность под ногами была сравнительно ровная, так что шум водопада за спиной уже через непродолжительное время стал угасать.

Дорогой луч фонарика исправно чертил по скальной стене в тщетных поисках хода, который уводил бы от реки. Отдельные впадины и неглубокие пещеры были не в счет; признаки ответвления из главного туннеля по-прежнему не проявлялись.

Шум водопада сошел почти на нет, когда луч фонарика наткнулся на перевернутую лодку. Найл, ободренный признаком цивилизации, взялся осматривать находку. Нос весь разворочен: судя по всему, она на скорости влетела в скалу. Гладкий сероватый материал лодки совершенно не выдавал ее возраста. Лишь приподняв и заглянув внутрь, Найл увидел на дне кусок полуистлевшей веревки.

По соседству лежала лодочка поменьше. Но и у нее на поверку обнаружилась пробоина в днище.

Он посветил на остальные лодки, что лежали в десятке метров — две из них опять же с пробоинами. А вот третья цела, и можно догадаться почему. Рядом валялась расколотая надвое глыба. Кто-то намеренно выводил плавсредства из строя, пробивая дыры глубиной. Но та в итоге раскололась сама, и занятие пришлось прекратить.

Неповрежденную лодку Найл перевернул надлежащим образом. Примотанная к носу веревка совсем сгнила; лодка, не исключено, пролежала здесь несколько десятилетий, а то и столетий кряду. Хотя плашка сиденья оказалась в хорошем состоянии. Были даже весла в уключинах, из такого же ссрого жесткого материала.

По соседству, в небольшом углублении, он различил окаменелые остатки углей. Видимо, в свое время люди устраивали в этом туннеле стоянку. И понятно, что разбивать лагерь в таком труднодоступном и потаенном месте их вынуждала только необходимость прятаться от пауков.

Кто они были и зачем пытались раскурочить лодки? Причина ясна: они опасались погони. А уходили от нее опять-таки по воде.

Подземная галерея в этом месте была шире и выше. Найл двигался по самой кромке берега до того места, где камень сходил в воду мелкими уступами. Сняв сандалии, Найл пошел вниз. Холодом ожгло так, что заныли ступни. Он осторожно, шаг за шагом, углубился примерно по колено и посветил в середину потока. Река ровно несла ледяные воды, неодолимая в своем течении.

Если по ней сплавлялись во внешний мир люди прошлого, что мешает проделать то же самое и ему?

Единственной альтернативой было бы повернуть вспять и возвратиться в город пауков.

Прежде чем принять решение, надо убедиться, что иного пути нет. Если, пустившись все же по опасной стремнине, он проворонит выход из туннеля, прибиться к берегу получится уже едва ли.

Наперекор усталости Найл продолжал идти вдоль берега, пристально осматривая стены подземной галереи. Когда минут через двадцать достиг места, где река начинала сужаться, стало ясно, что другого выхода на этом участке нет.

Это и заставило его решиться. Он возвратился к лодкам и спихнул ту из них, которая целая, в воду. Под его тяжестью лодка заскребла днищем, и тогда устроившийся на сиденье Найл толкнулся веслом в камень. Лодка неспешно повернулась и стала выходить на стремнину.

Лишь теперь он осознал проблему, которую вовремя не предугадал. Невозможно грести обеими руками и одновременно держать фонарик. Подумалось было спрыгнуть и как-нибудь приспособить светоч, однако лодка уже успела отдалиться от берега на глубину, равную человеческому росту.

Куда важнее оказалось следить за самим ходом лодки, чем ею править. По крайней мере, направление хотя бы одно. Выросший на суше Найл как-то не задумывался, что лодка естественным образом сама выберется на середину потока, если только не удерживать ее вблизи берега намеренно. А к тому времени, когда он вполне осознал весь напор быстрины, лодку уже всюю несло так, что и бегом не обогнать.

Он попытался держать фонарик во рту. Несмотря на его миниатюрность (около дюйма в диаметре), делать это было не так-то просто. Одно весло Найл выдернул из уключины: будет чем отталкиваться, если прибьет слишком близко к стене.

Между тем лодка была уже на середине потока. Минуты не прошло, как он уже достиг места, где стены сужались, образуя по бокам две вертикали. По крайней мере, не было намеков на препятствия.

Под туникой Найл повернул к груди медальон. Моментальный прилив сосредоточенного покоя позволил досконально взвесить обстановку. Вместе с тем выяснилось и то, что он, Найл, действует, полагаясь исключительно на удачу; так что прибегни он к медальону прежде, чем залезать в лодку, от опрометчивого решения воздержался бы.

По крайней мере, порыв жизнестойкости в данном положении действовал возбуждающе. Стены проносились на такой скорости, что перед глазами мелькало. От неожиданного броска на одном из водоворотов лодка легла на бок, но выправилась так быстро, что Найл даже не успел струхнуть.

Несмотря на бешеный темп, было даже время поразмыслить: почему на карте вдоль потока указывалась по пути к выходу некая тропа? Ломать голову над ответом не пришлось. Вода не всегда стоит так высоко. Сейчас конец года, и от дождей река сильно поднялась. Летней порой она наверняка гораздо мельче, и течение на порядок слабее. При теперешнем половодье пускаться по ней, возможно, никто бы и не отважился.

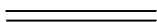
Словно вторя этим мыслям, лодка пошла на разгон: оказывается, река здесь направлялась вниз. Течение сделалось таким свирепым, что кипящие у стен буруны шипели, когда лодка мчалась мимо. Не под силу было даже держаться в сидячем положении: Найла вскоре повергло, как от удара; хорошо хоть он ухитрился упасть на колени. Фонарик покатился по днищу; пришлось, изловчась, поймать его и заточить в боковой карман сумы. Вода вольно переклестывала через борта; неровен час, можно запросто пойти ко дну. Однако строитель лодки толк в своем ремесле знал; даже вспарывая носом волны, полузалитая водой, она держалась на плаву как ни в чем не бывало, словно сделанная из пробки.

Поперхнувшись водой, Найл сквозь пелену на глазах различил впереди смутно забрезживший свет. Однако облегчение сменилось тревогой, когда до него дошло: свод подземелья становится таким низким, что выход смотрится не более чем щелью, способной попросту расплющить утлую скорлупку. Но не успел он и глазом моргнуть (а не то что испытать облегчение), как лодка пулей вылетела из подземелья. Резанувший свет на мгновение ослепил. Проморгавшись, Найл увидел, что река вокруг разлилась, а берега окаймляет растительность.

Желание было одно: скорее на сушу. Найл машинально ухватился за торчащий над водой сук дерева, но тот обломился, а он сам чуть не вывалился из лодки.

Следующую сотню метров река продолжала расширяться, быстро смиряя свой строптивый нрав. Вместе с тем лодку за это время отнесло от берега на достаточно большое расстояние. Дальше река снова сделалась уже. Найл изготовился поймать первое корневище, какое только подвернется. Он так сосредоточился на береговом склоне, что спохватился, лишь когда течение понесло лодку к очередному водопаду — небольшому, метра полтора. А между тем, если не зевать, можно притормозить о скальную глыбу посреди потока. Но лодка уже летела с обрыва стрелглав, а вместе с ней и Найл, вниз головой. Стукнулся затылком обо что-то твердое и ощутил напоследок, как в рот и нос хлынула вода.

А потом в мозгу словно разбили лампочку.

Он лежал вниз лицом; в голове будто кто махал кувалдой. Вмиг набежала тошнота, и желудок задергался в спазмах, но наружу вышла лишь вода, которой Найл успел наглотаться.

Вот его вроде, подхватив под руки, поволокли через прибрежные заросли, но изнеможение было такое, что происходящее даже не вызывало любопытства. Тошнота начала постепенно отступать, сменяясь отравной прохладой. Найл усилием воли открыл глаза, но лишь сообразил: со зрением что-то не то. На него смотрело лицо, но не привычное, а как будто отлитое из стекла или же высеченное из льда. Недолго помаячив, личина словно истаяла в воздухе.

Молотобоец в черепе унялся, но удар о камень, судя по всему, был действительно нешуточным. Впечатление такое, что досталось и спине. В вернувшееся сознание почему-то втемяшилось, что из беды Найла выручил жук-бомбардир. Постепенно это впечатление произвольно перетекло в подобие сна, где фигурировали какие-то деревья под водой.

Открыв глаза вдругорядь, он различил над собой густую листву и понял, что лежит на спине под сенью дерева. Медальон выпростался из-под туники, и Найл поспешно закинул его обратно, причем не той стороной. Внезапная боль надавила на глаза так резко, что он чуть не вскрикнул.

Справа от себя он уловил движение, но, когда повернул голову, в очередной раз сделал вывод, что зрение ему изменяет. Глазам представляли не четкие контуры, а лишь зыбкие, размытые очертания, как дым от костра. Но ощущения опасности не было, и это обстоятельство позволяло спокойно прикрыть веки. На этот раз забвение являло собой нечто большее, чем обычный сон.

Очнулся он от неприятного ощущения: мокрая одежда липла к телу. Стоило шевельнуть головой, как резкая боль заставила стиснуть зубы. Потянувшись, Найл осторожно коснулся затылка. Затылок, разумеется, саднило, а на пальцах виднелась кровь. Судя по небу в просветах леса, день клонился к закату. Найл кое-как сел, попутно обнаружив, что голова его все это время находилась на подобии подушки; к окровавленным волосам пристал сухой листок. На расстоянии, где-то в сотне шагов, немолчно шумела река. Кто-то определенно оттащил его от воды и предусмотрительно нагреб под голову листьев. Все указывало на какое-то разумное существо, причем благо расположенное. Но где он, этот загадочный спаситель?

Секунду спустя, уловив краем глаза постороннее движение, он повернул голову и вскрикнул. Что неудивительно: представшее перед глазами было настолько диковинным, что прямо-таки ввергало в оторопь. Существо напоминало человека, по крайней мере сложением тела, но контуры его были такими размытыми, такими неопределенными, что невольно возникал вопрос, а все ли в порядке со зрением. Силуэт постоянно менялся, словно ему невольно собрался в фокус. Когда Найл уже смирился с мыслью, что незнакомец действительно

полупрозрачен, как будто бы сделанный из воздушного желе, лицо у того достигло, можно сказать, прочности, вновь обретя сходство со льдом или стеклом. Остальное же тело казалось почти невидимым, как будто голова плавала в воздухе сама по себе.

Найл испытал даже подобие облегчения, когда цвет существа сгустился до иссиня-зеленого и появилась возможность рассмотреть все тело. Сразу стало понятно, что это все-таки не человек. Лоб был вне всякой пропорции с остальным лицом — вдвое больше, с дыркой по центру вроде рта. Черты в целом напоминали не человека, а, скорее, обезьяну с широчеными ноздрями, обвислый же губастый рот придавал сходство с рыбой. Огромными, в полголовы, были и уши (мочки у которых отсутствовали), образуя над плечами одно целое с шеей. Глаза-буркалы с коричневыми крапинками делали создание похожим на какое-нибудь ночное животное. Худое тело переливали узловатые мышцы, так что руки-ноги смотрелись живой иллюстрацией к какому-нибудь пособию по анатомии. Окрас у существа постоянно гулял между зеленым и синим; впечатление такое, будто зыбкое постоянство цвета достигается усилием воли.

Секунду спустя Найл ощутил в голове странное, почти на болевом пороге, высокое посвистывание в сопровождении сухого, тоже неприятного треска, от которого хотелось поморщиться. Прошло немного времени, прежде чем Найл понял: с ним пытаются установить контакт, только вот мысль находится как бы на другой волне.

Превозмогая дискомфорт, Найл сильным голосом спросил:
— Ты можешь говорить?

Ответом была внезапная перемена окраса с зеленого на мерцающий коричневый, что Найл инстинктивно истолковал как выражение отчаяния. Открылось отверстие в огромном лбу. При этом оттуда хлынул звук столь громкий, что у Найла как будто заложило уши. Этот звуковой напор можно было сравнить разве что с высоким шумом ветра в купах деревьев. А так как извлечь нечто подобное по громкости никакому зеву не под силу, то напрашивался вывод: здесь не обходится без телепатии. Либо этот крик полностью чудится Найлу, либо он усилен мозгом незнакомца.

Тут до Найла дошло, что они уже не одни. Из густеющего сумрака выбралось с полдюжины таких же существ, которые смотрели на нежданного гостя с нескрываемым интересом. Они тоже были полупрозрачны и то и дело исчезали, частично или почти полностью. Найл интуитивно понимал, что первый из его новых знакомых выказывает исключительное почтение уже тем, что старается удерживаться «наяву», а не впадает в естественное для себя состояние прозрачности.

Было ясно, что существо пытается разговаривать, но на некоем запредельно чужом, недоступном людскому восприятию языке. С мозгом Найла периодически что-то происходило: в ушибленной голове то и дело стреляли спазмы, а в ушах возникало глухое гудение.

Он пытался передавать мыслительные образы, как при общении с пауками. Это вызывало продолжительные паузы, словно прозрачные существа пытались вникнуть в то, что Найл им говорит, — несомненно, все незнакомцы пребывали меж собой в непрерывном контакте. Затем в голове начинало гудеть, но на слегка иной ноте, будто бы существа экспериментировали, пытаясь звучать более доходчиво.

Что озадачивало (и слегка обескураживало), так это явное отсутствие более глубокого уровня обмена информацией. Когда между собой общаются люди, создается особая атмосфера — каждый ожидает дальнейших слов от собеседника. И только если участники разговора враждуют, атмосфера «вслушивания» отсутствует; это можно объяснить неприязнью или подозрительностью. В данном же случае «вслушивания» не было вовсе; возможно, эти желеобразные создания были просто одушевленными механизмами.

Даже с пауками и жуками-бомбардирами Найл достаточно быстро освоил ощущение чуткой готовности к контакту, что тоже сродни слушанию. Должно быть, эти полупрозрачные создания несколько не похожи на те формы жизни, с которыми ему доводилось сталкиваться.

Очередной сопровождаемый гулом спазм оказался таким болезненным, что Найл, судорожно вздохнув, уткнул лицо в ладони. На затылке проступила влага — он сообразил, что опять засочилась кровь.

Существо отреагировало незамедлительно, жестами призывая Найла встать. Он так и сделал — осторожно, побаиваясь очередного спазма, — и прислонился к дереву. По-прежнему одолевал соблазн потереть глаза: силуэты вокруг так и мерцали, поминутно возникая в поле зрения и снова теряясь. Видимо, это отчасти из-за того, что они перенимают цвета предметов, находящихся сзади: деревьев, кустов, даже гаснущего неба. Подумать только, хамелеоны-гуманоиды!

Первый из них (теперь Найл не сомневался, что это вожак) повернулся и стал смещаться в сумрак подлеска. Найл нетвердой походкой тронулся следом, но почти тут же, запнувшись о корень, упал на четвереньки. Пока поднимался, все уже скрылось из виду. Пронзила тревожная мысль, что его бросили. Поэтому было донельзя приятно увидеть, что старший его дожидается, едва различимый на темно-зеленом фоне.

Словно бы осознав взволнованность гостя, спустя мгновение «хамелеон» начал менять цвет — сперва на более светлый оттенок зеленого, затем на желтый, отчего стал виден вполне ясно. Перемещаясь среди деревьев, он еще и менял форму, подобно огоньку свечи. Кстати, вот что странно. Если человек-хамелеон способен считывать мысли, то почему не улавливает их, когда пытаешься с ним связаться телепатически? Ответ напрашивался: уяснять они не могут именно мысли. Иное дело эмоции — тревога или облегчение.

Пробираться по чащобе, особенно в теперешнем состоянии, было не так-то просто. Даром что провожатый двигался не быстро, земля под ногами была неровной. То и дело Найл спотыкался о корни и сломанные ветви (видимо, по лесу пронеслась буря) или скользил по наносам палой листвы. Голову по-прежнему сдавливало, а когда по затылку заехала незначай отогнутая ветка, опять пошла кровь.

Но прежде чем Найла покинули последние силы, он выбрался на просторную поляну, где посередине лежал громадный, обвитый плющом древесный ствол с растопыренными корневищами, точно щупальца у какого-нибудь монстра. Здесь ненадолго остановились, и Найл рад был присесть на корень, чтобы хоть как-то восстановить силы.

За поляной путь пошел вверх. С полсотни метров приходилось буквально продираться через подлесок. И все это время

вперед, помаргивая, светился яркой свечой силуэт — как нелзя кстати, учитывая, что уже совсем стемнело. Неожиданно он остановился, повернулся и жестом поманил к себе, а затем, пригнувшись, нырнул в какой-то завал и скрылся. Найл, пробравшись осторожно следом, оказался в низехоньком ходу, где к тому же ни зги не видно. Хотя, приглядевшись, он различил неяркий свет; «хамелеон», согнувшись в три погибели, по-прежнему двигался вперед.

Дождавшись, когда он выпрямится, Найл последовал его примеру. Теперь можно было идти в полный рост. Впрочем, проход был узковатым, а в одном месте пришлось спускаться по неровным ступеням — судя по всему, естественным углублениям в породе. Поскользнувшись и в очередной раз шлепнувшись, Найл лишь сокрушенно подумал о фонарике, лежащем где-то на дне реки.

Путь на ощупь пролегал через подземный ход, стены которого были частично из камня, частично из грунта. Земляным был и жесткий пол.

Вскоре проход расширился; во всяком случае, руками до стен уже не дотянешься. Выше стал и потолок — видимо, они вошли в какую-то пещеру. Догадка подтвердилась, когда под ногами зашелестела сухая листва. Улучшилась и видимость: свечение человека-хамелеона можно было уже сравнить с полной луной, озаряющей невысокое помещение, которое заканчивалось покатой стеной из скальной породы. Длившееся считанные секунды желтоватое сияние так же неожиданно погасло; воцарилась непроглядная тьма. Очевидно, это произошло не без цели: хозяевам хотелось, чтобы гость освоился с местом.

В этой темноте Найл сел, прислонясь к стене, покрытой, как оказалось, толстым слоем бархатистого влажноватого мха. Было невыразимо приятно дать отдых занемевшим ногам. Хотя сидеть на холоде, в намокшей одежде удовольствия было мало, да и усталость давала о себе знать.

Так Найл безропотно просидел минут двадцать, согреваясь собственным теплом и чувствуя, как боль постепенно отливает от головы. Тут кто-то тронул его за плечо, вслед за чем втиснул в руки каменный сосуд — что-то вроде кувшина без ручек. Этот же невидимый спутник, приподняв посудину, коснулся сю губ Найла — дескать, пей. Тот, накренив кувшин,

пригубил водянистой жидкости с легким привкусом земли. Там плавали былинки; должно быть, это влага с точащихся каплями мшистых стен. Хотелось не только есть, но и пить, поэтому Найл приложился как следует.

Дело обернулось не просто утоленной жадой. Тьма вскоре сделалась не такой уж и непроницаемой. От стен теперь исходил неверный зеленоватый свет, в котором отчетливо виднелись все, кто находился в пещере. Здешние обитатели тоже слегка флюоресцировали. Более того, они утратили свою обычную прозрачность и смотрелись вполне осязаемо (видимо, чувствуя себя на своей территории в безопасности, они не видели надобности и в самой прозрачности). Несколько зловещим казалось то, что по пещере они перемещаются в полной тишине.

У всех были такие же, как и у провожатого Найла, неестественные лица, с такими же большими ноздрями и ушами. Лбы по размеру варьировались, как и похожие на рты органы — и в то время как «обычные» рты открывались разве что для питья, дополнительные, на лбу, были странно подвижными, даже выразительными. Они то и дело размыкались и смыкались, что придавало этим гуманоидам невольное сходство с рыбами.

Большинство хамелеонов время от времени прикладывались к тем самым сосудам. Кувшин Найла был предусмотрительно поставлен рядом на пол, в гущу листвы. Видимо, хамелеоны вряд ли так налегали бы на питье, если б хотели только утолить жажду. Найл из любопытства поднял сосуд и сделал еще один крупный глоток. Свет вокруг снова как будто стал ярче. И хотя не было ничего, напоминающего опьянение, как от меда или вина, холод вроде отступил — в смысле, с ним вполне можно было уживаться. Тепло, пожалуй, действовало бы здесь даже угнетающе. Найл коснулся своего лица: холодное, как у трупа. Однако при этом холод ощущался так же отраднo, как обычно ощущается тепло.

Обнаружилось и кое-что еще. Эти странные создания совсем не были подвержены духу бесшабашного веселья. Напротив, все они выглядели необычайно задумчивыми. Что, кстати, очень отличало их от людей. Из всех соплеменников, кого Найл знал лично, можно было по пальцам перечесть любителей погружаться в свои мысли — ну разве что изредка, когда обсто-

ятельства вынуждают. Счастье, по представлению людей, как раз в том, чтобы поменьше думать. Что не мешает им, кстати, чтить своих великих философов, считая их поистине выдающимися представителями человеческого рода.

И вот еще что выяснилось: благодаря этой мутноватой жидкости он получал удовольствие не только от холода, но и от голода. Казалось бы, парадокс — и вместе с тем, если вдуматься, обычное удовлетворение от присма пищи притупляет чувства. Что являет собой противоположность чуткости ума, одной из важных составляющих счастья.

Собираясь сделать еще глоток, Найл вдруг приостановился, а затем и вовсе поставил сосуд. Что-то происходило с ним. И не потому, что питье оказывало действие сродни вину или меду. Наоборот, эффект получался обратный. От вина сердце разгоняется, а человек постепенно проникается бесшабашным весельем. От этой же жидкости с земляным привкусом росло ощущение тишины. Четверть часа назад Найлом владела усталость. Теперь она сошла на нет, уступив место глубокому спокойствию — такому, что не ощущалось даже биение сердца. Словно бы он очнулся после долгого сна, восстановившего все силы.

До него стало доходить. У себя в паучьем городе, возвращаясь вечером во дворец после долгого дня, занятого организацией ремонтов или разбором тяжб между членами Совета, он обычно бросался на кучу подушек, а служанки спешили принести еду и питье, чтобы их господин расслабился. Но он себе это позволял до известного предела. Восполнив запас энергии, он наслаждался общением с Вайгом или Симеоном или коротал время с матерью. Чрезмерная расслабленность вызывала лишь зевоту.

Сейчас было по-иному. Эта релаксация была подобна разрыву пут, препятствующих кровообращению; как будто бы кровь опять естественным образом устремилась к конечностям. Ощущение едва не на грани болевого.

Что-то подобное он почувствовал единожды, когда дома у Доггинза, в городе жуков-бомбардиров, лежал в постели. В тот миг энергия богини пробудила утренние цветы, заставив их вибрировать подобно сонму крохотных колокольцев. Но то ощущение вскоре закончилось сном. Теперь же процесс испод-

воль наполнял бодростью и несказанным любопытством к тому, что последует дальше.

Размышляя обо всем этом, Найл заметил движение на другом краю пещеры, люди-хамелеоны там входили и выходили через проем в стене. Вскоре ему протянули деревянную чашку с какими-то кореньями. Осторожно надкусив, он не без удовольствия отметил приятную хрусткость корня, который к тому же легко было жевать. Такого он еще не пробовал. Во дворце Найл отведал множество овощей и фруктов, о которых раньше не знал даже понаслышке; до прибытия в паучий город он и яблока-то не видел.

Пожевывая, он пытался сравнивать вкус с другими, уже известными растениями: сельдереем, сладким укропом, морковью, репой, картофелем, огурцами; айвой, гуавой, даже кокосом. И тут поймал себя на необычном ощущении. Вкус сего, Найла, как будто поглотил, отчего он утратил понимание того, кто он есть и что вообще здесь делает. Стоило переключить на что-нибудь внимание, как оно тут же словно соскальзывало и затем плыло налегке, подобно воздушному шару — само по себе, без привязки к чему-либо. Ощущение не лишено было приятности.

Не укрылось и вот еще что: пока обитатели пещеры ели, как водится, ртами, губы их зевов во лбу продолжали шевелиться. Стало вдруг ясно, отчего у людей-хамелеонов два рта. Первый служил для приема пищи, второй — для общения. При этом из «верхних» ртов не исходило ни звука, хотя по движению губ было предельно ясно: между ними налицо некий бессловесный контакт, сродни человеческому языку.

В этот момент случилось нечто, отчего Найл изумленно застыл. Буквально в паре метров от места, где он сидел, из потолка спускалось некое источающее свет существо; спускалось будто через отверстие. Вместе с тем на отверстие там не было и намека: свод потолка проглядывал сквозь мреющую дымку вполне явственно. Цвет у создания был желтоватый, а форма округлая, с полметра в поперечнике. Из туловища торчали миниатюрные ворсистые щупальца, помахивающие на манер корявых ножек. Вот создание прошло сквозь потолок пещеры целиком и с мягкой плавностью пузыря продолжило неторопливо снижаться. Достигнув сухой листвы на полу, оно

при ударе чуть качнулось, вслед за чем беспрепятственно двинулось дальше вниз. Последнее, что ухватил взор Найла, прежде чем удивительный пришелец исчез в полу, было подобие желтого волокнистого вихря на его голове.

То же самое происходило по другую сторону пещеры. Проникший через потолок пузырь желтого света с волосатыми жгутами-щупальцами угодил прямо на голову одного из хамс-леонов и, отскочив словно мяч, прошел сквозь пол и был таков.

Найл снова отгрыз кусочек корня, отметив, что по-прежнему не удастся сопоставить вкус ни с одним из известных. Он явно более резок — как лук по вкусу резче, чем картофель. Но это, пожалуй, единственное, что поддавалось констатации.

И опять, стоило сосредоточиться на этом, понимание собственной идентичности оказалось словно поглощенным. Он сам становился вкусом того, что ел, — ощущение вполне сродни выходу за пределы собственного тела.

Продолжая пожевывать корень, он оторопело наблюдал, как из противоположной стены проступило еще одно щупальце, напоминающее пушистый кошачий хвост зеленого цвета. Щупальце плавно колыхалось, вроде водоросли в струях течения. Вот оно распушилось на десяток других «хвостов», похожих на длинные волокна все той же водоросли. Образовавшиеся охвостья тоже разделились, те разветвились в свою очередь, и так продолжалось, пока щупальце не превратилось в дымку зеленоватого свечения, которая, крутнувшись мелким султанчиком, истаяла.

Найлом овладело подозрение, что странные эти сушности — порождаемая угощением иллюзия, видимая ему одному. Он решился на эксперимент. Порывшись в чашке, остановил выбор на зеленом кусочке в форме кубика. Он был жестче остальных, а по вкусу кисловатый, похожий на какой-то фрукт. Стоило Найлу сосредоточиться до момента, пока самоидентичность не «поплыла», как воздух заполонили некие пурпурные ромбы, нисходящие тихо, подобно осенним листьям. Мягкие, словно живые, они извивались с ленивой грацией, как языки огня. Один такой приземлился Найлу на ладонь, оказавшись до странности холодным, словно снежинка.

Впечатление было такое, будто съедобные корни работают вроде наркотика, с той разницей, что воздействие их приходится на состояние сверхчувствительности. Каждый из них как бы стремился поговорить с Найлом, донести что-то своим, присущим именно ему голосом.

Один из корней и впрямь напоминал сельдерей. Когда Найл взялся его жевать, ничего такого вначале не происходило. Но вот обнаружилось, что торчащий из потолка бурый древесный корень тихо светится пульсирующим голубоватым светом. Когда Найл, приподнявшись, в него взгляделся, стало видно, что на поверхности корня кишат малюсенькие верткие личинки, источающие едко-синий свет. Они, похоже, были неотъемлемой частью своего местообитания. Но стоило присмотреться к личинкам, как они попросту исчезали, оставляя глазу лишь облепленный бурой землей корень; впрочем, они тут же вновь объявлялись во всей красе, если не приглядываться.

С обновленным любопытством Найл поднес ко рту очередной кусочек угощения. При этом, жуя, он сфокусировался. Ожидая привычного уже головокружения, предшествующего потере идентичности, невзначай обратил внимание на пульсирующий ступок лазоревого света — точнее, на то, как тот снова и снова будто выворачивается наизнанку. Поскольку Найл был вне собственного сознания, пульсирующий ступок сохранялся в поле зрения. Вдруг к ступку подплыл один из тех желтых шаров и, метнувшись, хищно сplotнул — так крупная рыба хватается креветку.

Ближе к донышку чашки лежали кусочки поменьше, некоторые буквально с ногтей. Интересно, а если запихать в рот с полдесятка — возникнет разом с полдюжины галлюцинаций?

О безрассудной поспешности пришлось тут же пожалеть. Не начав еще жевать, Найл попал под такой сонм странных ощущений, что его буквально оглушило, а сознание скакнуло в недостижимую даль. Ум тотчас опустел и умолк. Напрочь стерлось всякое понимание того, кто он и где находится. Все равно что подвиснуть в белой пустоте.

Через несколько минут сознание возвратилось, и Найл обнаружил вокруг себя неимоверное разнообразие текучих полупрозрачных тварей — стольких размеров и оттенков, как буд-

то он вдруг окунулся в полный живности аквариум. И все эти живые порождения были такими яркими и рельефными, что всякое подозрение насчет иллюзорности рассеивалось само собой. Они несомненно существовали, были частью той реальности, которую человеческие органы чувств обычно игнорируют. То же самое касается пещеры, в которой он сидел, и нависающей над ним толщи. Стало вдруг очевидно, что она исполнена вибраций — вибраций древесных корней, и беспрерывно преобразующей почву плесени, и червячков, личинок и микробов, которым плесень дает жизнь, и даже бесплодной глины и камней.

Достигая определенного пика интенсивности, эти вибрации преобразались в крохотные синеватые пузырьки, которые, всплывая в воздух, лнули к ближайшим материальным предметам. Особая тяга у них, похоже, была к покрывающему стены пещеры буроватому лишайнику, куда они налипали подобием переливчатой синеватой изморози. Иногда пузырьков становилось так много, что они срастались в пузырь покрупнее, каковой пузырь плавно откочевывал прочь. Это, инстинктивно догадывался Найл, были простейшие формы жизни. Когда он из любопытства прикоснулся к особо крупному пузырю, тот лопнул, а палец ощутимо кольнуло электричеством.

Тут Найл понял, для чего хамелеоны дали ему на пробу свой сок земли и коренья. Им хотелось донести до гостя, что он живет в мире, изобилующем формами жизни, которых он обычно не сознает.

Почему же он прозревает мир вглубь несравненно слабее, чем обитатели этой пещеры? Ответ был очевиден: потому что ум его находится в беспрестанном неистовом движении. Он словно всадник на бешено скачущем коне, и для этого седока проносившийся пейзаж не более чем лента сливающейся ряби.

Самой наглядной иллюстрацией был бы, наверное, хронометр, лежащий теперь на дне реки. Помнится, получив от Дориона — лучшего механика в городе жуков — эту вещь в подарок, Найл подолгу сидел, следя за неторопливым движением секундной стрелки по циферблату. Если присмотреться к минутной стрелке, различалось, что и она ползет. А вот часовую отследить не выходило почти никогда: внимание утомлялось от такого нудного занятия.

Тут до него внезапно дошло: хамелеоны, даром что не глядят в сторону гостя, все как один чутко сознают его присутствие. Они резонируют с умом Найла и улавливают все, что он думает и чувствует с той минуты, как приступил к еде.

Сделалось как-то неловко, все равно что на людях разговаривать с самим собой. Но это вскоре прошло. Найла вовсе не подслушивали. Они просто читали его разум — точно так же, как он мог считывать их мысли. Причем во время этой процедуры он, Найл, казался им таким же странным и диковинным, как и они ему. Их зачаровывала сама способность его сознания действовать прямолинейно, напролом — у них не укладывалось, к чему такая жесткая концентрация и поспешность. Для них он был существом, чья жизнь мчится в темпе, от которого попросту голова кругом.

Теперь, когда Найла удалось умерить до их собственного темпа, он понял, что этого они пытались добиться с того самого момента, когда вытащили его из реки. В противном случае — пока ум его не достигнет определенной точки расслабленности — установить с ним контакт было бы просто невозможно. Теперь же, по достижении глубинной релаксации, обратная связь получалась, потому что он разделял исторопливый, непринужденный ход их сознания.

И вот что примечательно. Пребывая с ними на одной волне, Найл мог теперь видеть в темноте, так что пещера представляла буквально как при дневном свете. Более того, все вокруг смотрелось достовернее, насыщенней. И дело не только в том, что краски стали ярче, — просто все сделалось на порядок реальнее. Он понял, что видит мир глазами хамелеонов, а они естественным образом воспринимают окружающее на порядок интенсивнее и внятнее, чем делал бы это Найл, опираясь на свое восприятие.

Открылось и еще кое-что — а именно: почему в мире так непросто существовать. Все время, сколько Найл себя помнил, он жил со смутным ощущением того, что человеческой жизни присуще нечто странное, неизъяснимое. Будто кто-то произвольно создал некие правила, а объяснить их забыл. И вот теперь открылось: все оттого, что в жизни человека фактически отсутствует добрая половина реальности, а именно та ее

часть, что открывается лишь за этой самой точкой глубинной релаксации.

Глядя на удивительных обезьяноподобных существ, Найл сознавал, что связь с ними столь же четкая, как если бы они изъяснялись словами. Точно так, как люди могут общаться посредством улыбки, подмигивания или даже шевеления бровями, эти гуманоиды разговаривали наглядными образами. Это был язык на самом сокровенном уровне, прямой эквивалент значения. Протекал он гораздо медленнее, чем людская речь, но и речь в сравнении с ним была гораздо примитивнее; можно сказать, на первобытном уровне.

Первое, что уяснил Найл, — это то, как у хамелеонов протекает жизнь. Ритм их сознания, по сути, совпадал с ритмом Земли и всего, что на ней произрастает — деревьев, трав, мха.

Это означало, что им почти неведомо чувство опасности. Начать с того, для врагов они невидимы. Как и пауки, хамелеоны наделены колоссальным терпением. Но в отличие от пауков, у них нет необходимости охотиться. Безмолвный покой им в удовольствие. Ничто их так не очаровывает, как дождь: он невыразимо драматично струится с небес и питает землю, давая ей для жизни новые силы. А, скажем, водопад, в котором Найл чуть не утонул, для них был бы подобен фееричному зрелищу, где перед глазами проплывает вся жизнь. Вот почему Найла спасли так быстро: они как раз занимались своим излюбленным времяпрепровождением, глядя, как вспенивается вокруг камней вода. Они частенько простаивали так от рассвета до сумерек.

Но кто они? Откуда вообще взялись?

Ответ в целом оказался для усвоения непрост. По словам этих существ, они были гораздо старше человека и жили на Земле еще задолго до того, как здесь появились его первые предки. Людям они, вероятно, известны как духи природы.

Получив соответствующий инсайт — каково это, быть духом, — Найл буквально поперхнулся от охватившего его ощущения безграничной свободы.

Но почему они в итоге решили принять твердое, материальное обличье?

Все потому, что произошло роковое событие. Сама энергия Земли видоизменилась, став более тяжелой и многообразной.

Найл понял, что здесь имеется в виду: Великую Перемену привнесла своей энергетикой богиня. Но зачем все-таки принимать форму твердых тел?

Последовавший тут же ответ был таким очевидным, что Найл устыдился своей недалекости. Быть духом означает быть безгранично свободным. Однако твердая форма подразумевала куда более глубокую удовлетворенность: всю невероятную, многообразнейшую реальность мира материи — рек и гор, рассветов и закатов.

Найл продолжительное время вбирал этот ответ, давая себе вкусить все богатство насылаемых образов. Что, впрочем, неизбежно привело еще к одному вопросу.

Если у хамелеонов нет врагов среди людей или хищных животных, то почему они предпочитают оставаться невидимыми?

Ответ всколыхнул мнимую безмятежность. Получалось, что Земля полна опасных и злых сил, от которых никто не защищен наверняка.

Поскольку ответ посылался напрямую, сердце у Найла тревожно екнуло. Мелькнула мысль, что они имеют в виду Мага. Но встречный вопрос на этот счет остался без ответа; судя по всему, ни о каком Маге они не слышали.

Тогда что это за злые силы?

С несвойственной для хамелеонов внезапностью их предводитель встал. А когда он передал, что Найлу надо проделать то же самое, стало понятно: гостю собираются предъявить ответ на его вопрос.

Распрямившись, Найл обнаружил, что конечности, вопреки ожиданию, почти не затекли. Удивляло и то, что, хотя в пещере стоял прежний холод, одежда полностью просохла. Шишка под колтуном набухших кровью волос и та исчезла; в этом он убедился, проведя рукой по затылку. Должно быть, вода подземелья обладала какими-то целебными свойствами.

Вслед за своим провожатым Найл из пещеры прошел через небольшую арку в помещение, которое принял за подобие кухни. На самом деле это оказался вход в другой туннель, уходящий

круто вниз. Внимание Найла привлекли своим видом несколько деревянных бочек, хранящихся в специальных нишах, — а именно привлекли насыщенным, глубоким цветом древесины. Найл лишь потом сообразил, что цвет у них, собственно, не отличается от обычного. Просто общее с его новыми знаками восприятие придавало всему дополнительную степень реальности.

Фактически все изменилось — не вокруг, а в нем самом. За время, проведенное в пещере (не больше двух часов), Найл словно перестал быть собой. Себя он видел глазами хамелеонов. Он как будто плыл по воздуху над своим собственным телом, сам для себя сделавшись незнакомцем.

Помнится, в подземелье он входил с тяжелым сердцем, подозревая почему-то неладное. Теперь же он ощущал себя ничуть не хуже какого-нибудь барсука или кролика, а толща земли над головой воспринималась как нечто само собой разумеющееся, под стать небу.

Надо сказать, ощущение в этом туннеле было совсем иное. Создан он был не людьми, но кем-то явно разумным: в грунт для укрепления были тщательно вделаны камни. Пока шли, у Найла вновь и вновь возникала мысль, что со стен на него взирают лица — отрешенные, нечеловеческие, — сознающие его присутствие.

На протяжении мили туннель постепенно снижался, после чего выравнился, раздавшись при этом в ширину и глубину. Здесь Найл столкнулся с одним загадочным явлением. В толке виднелась трещина, через которую сочилась вода, совсем как из прохудившейся крыши. Обратив внимание на сверкающую чистоту струй, Найл вдруг понял, что это не вода, а жизненная сила, образующая слой вроде той синеватой изморози, что оседала на буром лишайнике пещеры. Здесь она скапливалась во впадине на полу, образуя большую лужу.

Шагнувший туда человек-хамелеон остановился так, что струйка жидкости попадала ему на голову, и ненадолго замер. Когда вслед за ним под необычной трещиной проходил Найл, он понял, почему провожатый поступил именно так. Стекающая с темени по лицу голубоватая жидкость давала невыразимо приятное ощущение бодрящей жизненности. Удивительно даже, что провожатый задержался так ненадолго.

Спустя минуту стало понятно и это. Игривая сила заполняла тело светлым блаженством, точно какая-нибудь изысканная еда или питье. Но так же быстро выяснилось: находиться здесь чересчур долго нежелательно. Насыщение энергией сменялось легким головокружением: что-то вроде тошноты, вызванной переседанием. Дальше он зашагал в состоянии какого-то залихватского, беспечного счастья, будто хватил лишку.

Кстати, вот что еще. Ощущение, будто стены живые и полны отрешенных лиц, лишь усилилось.

Участок дороги шел ровно, без уклона, но земля под ногами сделалась такой каменистой и щербатой, что Найл невзначай даже запнулся и упал на четверсньки; подняться помог провожатый, шедший сзади. Непонятно даже, откуда у пола появилась такая строптивость: он как будто специально подкарауливал нерадивых путешественников, норовя повредить чью-нибудь лодыжку. Что до стен с потолком, то на них появились острые зазубренные выступы. Сам туннель сделался намного шире, а потолок уже вдвое превышал рост Найла.

Хамелеонам, судя по всему, путь давался гораздо легче: неровности они огибали с непринужденной грацией кошек.

Справа и слева по ходу теперь встречались ответвления, и число их росло; постепенно место обрело сходство с сотами. Многие из этих боковых туннелей уходили под острым углом. Стало вдруг ясно, что вокруг пошли совсем иные места, а контакт с хамелеонами свидетельствовал, что здешние обитатели не имеют с ними ничего общего.

Из ответвлений тянуло сквозняком, и воздух стал замстно холоднее. В самом сквозняке чуялся странноватый острый запах — непонятный, но чем-то напоминающий тот, что стоял в лавке у Голо-точильщика. Запах тот возникал, когда Голо в снопах искр затачивал на точиле ножи, охлаждая при этом лезвия струйкой беловатой жидкости, стекавшей по желобку.

Еще четверть мили, и запах сделался таким сильным, что от него першило в горле и слезились глаза. Чтобы не закашляться, Найл полез под рубаху и повернул там медальон. На облегчение, тот унял позыв, не вызвав при этом болевых ощущений. Правда, не обошлось и без последствий: Найл уже обрывал контакт с хамелеонами, что не замедлило сказаться на освещении — в подземелье тут же сделалось темнее.

Туннель внезапно кончился, и провожатый впереди остановился. Притормозил было и Найл и тут же отпрянул так резко, что натолкнулся на шедшего сзади. Он стоял в нескольких метрах от края пропасти. И хотя из-за сумрака видеть далеко не мог, дующий снизу ветер указывал, что в трех шагах — доподлинная бездна в несколько миль глубиной. Ветер был теплым, причем именно он являлся источником запаха, поедом свшего глаза. Незнакомый с извержениями вулкана, Найл не ведал, что это запах расплавленной лавы.

Наверх, куда хватает глаз, сплошной стеной уходил утес; даже голова закружилась. По обе стороны каймой стелился карниз метра в три шириной и дальше тонул в непроглядной гьме. Хорошо, что Найл хоть успел повернуть медальон. Он вообще недолюбливал высоту, а тут и подавно впору коленям затрястись. Отступив, он притиснулся плечами к скале: хоть как-то безопаснее.

Так куда же теперь? Чувствовалось, что его спутники чего-то ждут. Однако при прерванном контакте невозможно было представить, чего именно.

И вот на карнизе проглянул силуэт (хорошо, что сзади скала, а то бы ноги ненароком подогнулись). К ним двигалось недюжинных размеров существо — пожалуй что на весь карниз. На первый взгляд показалось, что у нелюдя нет головы. По мере приближения выяснилось: голова все же имеется — утиснутая меж плечами-валунами так, что нет даже намек на плечи. Очертания более-менее человеческие, хотя, судя по обрзине, сходство сугубо условное. Голый торс, будто наспех рубленный топором, сплошь покрывала густая шерсть. Неразличимы были глубоко запавшие глаза, а кустистая борода топорщилась ключьями.

Хамелеоны приветственно подняли руки. Судя по всему, такое путешествие было им не в новинку. Нелюдь в ответ лишь прорычал что-то, обнажив пеньки редких зубов.

Машина сна в Белой башне позаботилась снабдить Найла уймой сведений о людском прошлом. Да вот беда: ее создатель Торвальд Стииг ко всему паранормальному, а тем более сверхестественному, относился с редкостным скепсисом, а потому в памяти, сколько ни ищи, решительно ничего не удавалось

наскрести насчет этого волосатого верзилы. Может, тролль какой-нибудь?

Хамелеоны потеснились, давая исполину пройти, и двинулись по карнизу следом. Его ноги-столбы вполне уместно было бы сравнить с вековыми дубами. Толстенная бурая кожа на ступнях была вся в трещинах. Голова у тролля так глубоко умещалась меж плеч, что сзади не просматривалась вовсе.

Снизу теплыми порывами налетал ветер, иногда размахиваясь так, что Найла прибивало вплотную к утесу. А его спутникам хоть бы хны.

Прошли примерно с милю. Карниз временами шел под уклон, временами на подъем, то сужаясь, то расширяясь, хотя и не особо. Возникло подозрение, что тропа высечена в скале чьи-то руками. Эта мысль подтвердилась, когда вслед за резким поворотом вправо путники оказались перед большим лестничным пролетом. Неровные ступени были разной величины, от шести дюймов до почти метра. Тролль продолжал переть, не снижая темпа; Найлу же вместе со спутниками одолевать их было не в пример труднее, то и дело приходилось помогать себе руками.

Свет окружал скудный, не ярче звездной ночи. Взгляд Найла был прикован к ступеням впереди, так что когда на одном участке, где они были помельче, он все же поднял голову, сердце на мгновение замерло. Восхождение уже заканчивалось, открывая взору огромный мост, пролегший от утеса через бездну, из которой с ревом рвался жаркий ветер.

Минуту спустя все остановились на каменной площадке в сотню метров шириной. На дальней ее стороне карниз исчезал, возможно, снова идя вниз. Найлу подумалось, что они находятся внутри горы.

Когда подошли ближе, Найлу открылось, что «мост» впереди — естественный каменный выступ пятиметровой ширины, суженный сверху наподобие исполинского древесного ствола. От одной лишь мысли о том, что придется проходить над этим ревущим ураганом, пробирала дрожь (какое там идти — уж лучше ползти на четвереньках). Но когда первым как ни в чем не бывало пошел тролль, в Найле все же воскрес осторожный оптимизм: как-никак ветер дует снизу, и от него будет защи-

шать сам мост. И действительно, на мост пробивались лишь отдельные гаснущие порывы.

Каменная поверхность была хоть и неровная, в выбоинах и трещинах, но держаться на ней оказалось нетрудно. Между тем медальон начал действовать на внимание угнетающе. Поскольку сложностей с переходом не предвиделось, Найл под туникой развернул его другой стороной. На восстановление контакта с хамелеонами потребовались считанные минуты. При этом вокруг ощутимо посветлело и стало видно, что мост в середине изгибается дугой, а затем спускается на плоский каменистый участок по ту сторону, в четверти мили впереди.

Сообщаясь теперь с сознанием спутников, он улавливал ответы на всякие занимающие его вопросы. Так, внезапно открылось, что тролль этот — хранитель моста; без его позволения проход для всех закрыт. Местные тролли вроде как обитали в пещерах, являющихся частью основного лабиринта (стоило вспомнить все те ответвления от главного туннеля). Жили они разобщенно и к другим существам (особенно почему-то к людям) относились неприязненно. Исключением были хамелеоны, которые могли оказывать им некую услугу (Найл толком не понял какую). К счастью, исключение распространялось и на гостей хамелеонов.

Озадачивало то, что, несмотря на присутствие своего великорослого покровителя, спутники Найла явно тревожились, а дойдя до середины моста, припустили так, что поспевать за ними стало непросто. И это при том, что видимых причин волноваться, казалось бы, не было. Впрочем, ветер теперь в самом деле доносил запах, вызывающий неприятные ассоциации. Вспомнилось, какие именно. Это был запах разложения, который у Найла ассоциировался с мертвым телом отца, а также с трупами, оставленными гнить в квартале рабов. (Когда Найл впервые попал в город Смертоносца-Повелителя, рабов там держали в неведении насчет того, что они идут паукам на прокорм. Для этого несколько тел намеренно оставляли разлагаться прямо на улице, чтобы усыпить всяческие подозрения об истинных намерениях хозяев.)

Найл изумленно моргнул. Спешившие впереди спутники стинули. Присутствие их ощущалось по-прежнему, просто сами они сделались невидимыми. Пока он растерянно озирался,

запах разлагающейся плоти усилился и по затылку его ударило что-то холодное и осклизлое, отчего он, запнувшись, полетел на четвереньки. Сзади за волосы цепко схватила чья-то рука, да так, что не повернуть головы. Странно, но другая конечность, нащупывающая сзади путь к его шее, ощущалась не как рука, а что-то вроде птичьей лапы. Вывернув назад руку, Найл что было силы схватился за льдисто-холодное, костлявое запястье. А повернув рывком голову, он увидел лицо: точнее, не лицо, а, скорее, череп с глазами, запавшими в глазницы.

Сзади его схватили за лодыжку. Страх придал силы, и Найл с коротким воплем вслепую лягнулся, вырвав тем самым ногу из цепких пут. Наконец удалось повернуться, и удар кулаком пришелся как раз по костистой образине, которая вынужденно выпустила его волосы. Тут, к облегчению и даже удивлению, нападавший рухнул наземь, и у Найла впервые появилась возможность рассмотреть у себя в ногах этот мешок смердящих костей с кладбищенской свалки.

Рядом шла ожесточенная схватка его невидимых спутников с мерзкого вида осклизлыми тварями, налетевшими откуда-то из-под моста. Та из них, что поближе — с паклей седых волос, — с неожиданной резвостью впивалась в свою незримую добычу, оседлав ее, как всадник лошадь. Дернув проклятую за волосы, от омерзения Найл вскрикнул: волосы остались в руке вместе со скальпом, изнутри которого копошились жирные опарыши.

В ужасе от мысли, что его сейчас стащат с моста в зев бездны, Найл обратил взгляд на гигантскую фигуру тролля: неужели насаждают и на него? В эту секунду последовала ослепительная вспышка, и в воздухе пахло озоном. Троль стоял, властно расставя ноги, а правую руку вытянув перед собой. Раздался треск, и с конца его пальца сорвался еще один зигзаг напряженного огня, вмиг испепелив не успевшую приземлиться на камень гадкую химеру. Та лопнула как пузырь и исчезла, оставив за собой лишь шлейф гнилостной вони; как будто бы повара на дворцовой кухне у Найла приготовили что-нибудь несвежее.

Вид у увальня был поистине демонический: рот оскален, кривые зубы торчат. Не троль, а прямо-таки бог разрушения. И всякий раз с вытянутого пальца срывался мгновенный огни-

стый зигзаг. Одну из крылатых тварей сразило всего в нескольких дюймах от Найла. Его-самого тряхнуло как от тока, а лицо осыпало мелким сухим пеплом.

Не прошло и минуты, как все было кончено: из крылатой нежити не уцелело никого. От несносного смрада Найла затошнило и неминуемо вырвало бы, если б не медальон, вовремя повернутый под туникой: самочувствие тут же восстановилось, и тошнота унялась.

Более пристальный взгляд на тошнотворные груды, которые еще недавно алчно набрасывались на него и его спутников, дал понять, что это не скелеты, а именно трупы в активной стадии разложения. Их было с дюжину. На некоторых даже сохранились приставшие лохмотья; грубая текстура мешковины выдавала в них туники рабов.

Поспешая за своими вновь различимыми провожатыми, Найл чувствовал волной накотившую усталость. За несколько минут они перебрались на ту сторону моста, где, к удивлению Найла, хамелеоны в изнеможении попадали на каменистый пол, переводя дух. Что ж, теперь хотя бы нападение позади. Расслабиться подобным образом они позволили себе наверняка потому, что рядом черной статуей возвышался их могучий покровитель.

Найл никогда еще так не сожалел, что не может обратиться к попутчикам на человеческом языке. Страсть как хотелось узнать, что именно произошло и почему нападавшие имели вид гниющих рабских трупов.

Припав лбом к поднятым коленям, он ощущал такое изнеможение, что не было даже сил повернуть под рубахой медальон. Тяжелый запах тлена полонил воздух, но Найл его сейчас и не замечал. Шею — а кстати, и лодыжку — жгло в том месте, где хваталась за них мертвая рука. Поглядев, Найл убедился, что кожа на икре вздута мелкими кровянистыми волдырями. Провел рукой по шее — то же самое. Незачем и гадать: изнеможенность связана с этими волдырями.

Найлу показалось, что прошла лишь секунда, когда кто-то тронул его за плечо; от неожиданности он чуть не вскрикнул. Оказалось, это лишь один из хамелеонов. Найл сообразил, что сморился дремотой; непонятно только, как долго это длилось. Усталость никуда не делась, и шея с лодыжкой пульсировали

от боли. Но попутчики уже стояли. Хочешь не хочешь, а надо вставать и идти следом за ними.

По крайней мере, земля под ногами была уже не такая жесткая; ковром стелился серый бархатистый мох. Туман висел над землей, напоминая о ночи, когда Найл с товарищами отправлялся из города жуков в поисках цитадели. Из-за усталости все происходящее было подернуто флером иллюзорности. Однако, судя по тому, с какой нарочитой бодростью вышагивали хамелеоны, цель похода была уже недалеко.

С четверть часа Найл шел как заведенный, следуя за передним провожатым. Затем путь пошел вверх, и они оказались в узкой лошине из голого камня, дно которой было гладкое, будто мошеное, хотя из-за узости двигаться надо было цепочкой. Троллю из-за его массивных ног приходилось труднее, чем остальным, но он все так же шел впереди, выдаваясь над покатыми склонами. Уловив, что все чего-то напряженно ждут, Найл сосредоточил внимание. Подъем был окончен.

Лошина подошла к концу, а впереди, подобно брезжившей заре, разливался свет. Они стояли на плоской вершине над озером, раскинувшимся на пару миль меж холмами. Найл, даже будь он один, понял бы, что это озеро священное, сам толком не зная почему.

По всей протяженности (исключение составляла сопка, на которой задержались путники) к его черным безмолвным водам тесно сходились холмы. Там, наверху, это озеро отражало бы всякое кочующее облачко с безупречностью зеркала. Здесь же оно словно излучало ореол таинственности.

С той поры как покинул свои родные стены в пустыне Северного Хайбада, Найл видел два поистине крупных водоема: соленое озеро Теллам и море. И то и другое в свое время искренне его изумили. Священное же озеро вселяло благоговейный трепет. Оно словно являло собой какой-то невероятный секрет; казалось средоточием некой глубинной вибрации, которой вся его сущность вторила почтительным вниманием.

Троль и тот, казалось, внимал. Застыв чернымobeliskом, он стоял так безмолвно, будто и впрямь обратился в камень. Что касается Найла, он готов был проводить здесь не только часы, но и, пожалуй, дни напролет. Он будто впитывал безмолвие, как пустыня впитывает дождь.

Наконец старший из хамелеонов повел немногочисленную процессию вниз. Наклонную плоскость устилал бархатистый серый мох, ступать по которому именно из-за его гладкости надо было осмотрительно. От Найла не укрылось, что в крутой части холма продолблен ряд небольших углублений с плоскими сиденьями и отвесными спинками, как в амфитеатре. Отсюда напрашивался вывод, что люди или какие-нибудь схожих размеров существа забираются сюда, чтобы созерцать дремливую озерную гладь.

Последние два десятка метров были более отлогими, формируя подобие пляжа. У кромки воды серый мох становился зеленым, а в самой воде прорастал миниатюрными стебельками, что делало его похожим на водоросли. С одного-двух метров вода смотрелась такой кристально чистой, что казалась почти невидимой.

Будучи нагими, хамелеоны прямиком пошли в воду и, к удивлению Найла, продолжали идти, пока их не скрыло с головой. Он и сам замешкался ровно настолько, чтобы скинуть сандалии и тунику. Мясистый зеленый мох ласкал ступни; ощущение такое, будто шагаешь по крохотным упругим язычкам. Вот Найл вошел в воду — прохладную, но совершенно не студеную, — и от прилива невыразимого блаженства судорожно, взхлеб втянул воздух. Немудрено, почему хамелеоны забрели в озеро по самую макушку.

Ощущение было сродни той живительной струйке, что сочилась из потолка подземного туннеля. Вновь в него втекала искристая сила, наполняя чистотой, благодатью, безотчетной радостью. И с каждым шагом в глубь священного озера вода прочищала все его существо. Как и хамелеонов, Найла тянуло идти и идти, пока не скроет с головой. Затем с удовольствием, какое нередко испытывал, пробуждаясь от глубокого сна, он отступил на несколько шагов, пока голова не оказалась над водой. Ощущение было таким сладостным, что он немало удивился, почувствовав на губах ее откровенно горький вкус.

Вот досада: к берегу уже брели хамелеоны, пробыв в озере всего несколько минут. Хотелось побыть здесь подольше, но Найл все же решил не отставать от спутников. Выйдя из воды, он обнаружил нечто странное. Вода, безупречно чистая и прозрачная, когда в нее входили, теперь изобиловала белесы-

ми частицами размером с булавочную головку. Зачерпнув ладонью воду, Найл взгляделся. Трудно сказать, взвесь ли это какого-то минерала вроде мела или же крошечная растительность. А вот вкус у частиц на поверку оказался таким горьким (Найл по глупости лизнул), что он тут же сплюнул.

Выяснить суть можно достаточно просто: попробовать воздействовать своей волей, как он когда-то воздействовал на рой клейковинных мушек в городе жуков-бомбардиров. Если это минерал, то повлиять окажется сложнее, чем на живую материю.

Найл, разумеется, повернул на груди медальон. При этом, как уже было, пропала связь с хамелеонами, а мир разом потускнел. Тем не менее, подняв и прижав к грудной клетки руку, он по-прежнему мог различать эти белые частицы. Найл сконцентрировал на них все свое внимание. Результат был примечательным: частицы разом пришли в неистовое движение, совсем как тогда рой мушек.

Значит, это ни минерал, ни даже растительность. Какой-то простой организм, вроде мелкой личинки.

Через минуту это подтвердилось: роящиеся тельца вначале замедлились, а потом и вовсе замерли. Получается, он их умертвил, как Доггинз когда-то уничтожил рой мушек, разбередив их так, что они погибли от стресса.

Выйдя на мягкий зеленый мох, Найл обнаружил, что весь покрыт пасохшим слоем этих самых телец, которые он попросту стряхнул руками. Подняв тунику, досуха обтерся ею как полотенцем. Любопытно было отметить, что ни одно из телец не пристало к коже там, где на груди находился медальон.

Натянув тунику и повернув зеркало мысли обратной стороной, он поспешил за хамелеонами. А те уже устраивались на ряду сидений, прорубленных в каменном склоне. Как и сам склон, сиденья покрывал серый мох, прохладный и податливый на ошупь. От боли и утомления не осталось и следа. Кстати, исчезли и багровые кольца волдырей на лодыжке и шее, бесследно рассосавшись под кожей.

Он прикрыл глаза, сосредоточился на полонящей тело радости. Ощущение чем-то напоминало эффект от проглоченных пищевых таблеток из Белой башни, с той разницей, что

сейчас отрадное тепло облекало все тело, отчего нервы приятно покалывало чем-то похожим на слабый ток.

Найл в очередной раз отметил, что расслабление в компании хамелеонов совершенно не похоже на обычный отдых; расслабление это ограничивается определенным порогом довольства, за которым или легкая скука, или вообще уход в дремоту. Теперешняя же совместная релаксация незаметно преодолевала эту невидимую черту, словно тихо уводя в некую заводь.

Очевидно, способность хамелеонов расслабляться исходила из того, что им фактически неведом страх. Человек внушает себе, что должен неизменно находиться начеку: а вдруг неожиданная напасть. Даже чувствуя себя в полной безопасности, он в силу привычки не способен расслабиться чересчур, в его понимании, глубоко. А вот у хамелеонов такой привычки не было никогда; способность становиться невидимыми свелась к нулю. Так что Найл, познав к этому времени, что значит погружаться глубже обычного предела релаксации, начал прозревать в хамелеонах еще одно любопытное свойство. А именно, что их силы не ограничены одной лишь незримостью. Эти существа, судя по всему, способны растворяться и телом полностью, становясь недоступными даже для осязания. Что, в общем-то, выглядит вполне логичным продолжением перечня их способностей.

От такой релаксации прежде всего замедлилось биение сердца — настолько, что сделалось едва заметным. Пришел момент, когда оно будто остановилось вовсе, хотя по-прежнему ощущалась слабая пульсация в губах и подобие тонкого белого шума в ушах, что можно было истолковать как вибрацию нервной системы. Затем стихли и они. При этом свет словно разгорелся ярче. Еще это можно было сравнить с тишиной, воцаряющейся вслед за тем, как замирает последний звук. Всякая мысль изошла как ненужный балласт, отчего сознание сделалось совсем невесомым. Тишина была такой всеохватной, что слышался даже шорох ресниц при моргании.

В этом состоянии ему открылось, какую цену платят люди за свой высокий уровень жизненности. Их тела подобны фабрикам, ходуном ходящим от грохота машин. Едва родившись.

ребенок уже горит желанием изучать все, что движется. Его тянет к ярким предметам, он пытается испробовать их на вкус. Из своей коляски он во все глаза таращится на непостижимо огромный мир взрослых, в котором огни загораются с наступлением темноты. Ползать и ходить становится для него насущной потребностью; он все пристальнее и с растущим упорством исследует этот влекущий мир. Энергия становится предметом его постоянного спроса. При этом мир разрастается словно бы до бесконечности — будто какой-нибудь неимоверный железнодорожный вокзал, рельсы от которого уходят во все стороны, и исследовать его можно, лишь тратя все больше и больше энергии. Так люди превращают себя в энергетические фабрики, где немолчный рев машин именно в силу своего постоянства перестает быть заметен.

Сейчас из своего глубинного спокойствия он мог постигать, отчего хамелеоны предпочитают незримость. Они тянутся к пустоте и безмолвию, потому что именно так могут сполна прочувствовать вкус собственного существования со всеми мириадами его потаенных вибраций и тончайших оттенков окружающей природы.

Хотя есть здесь и свои минусы. Вот он, один из них, перед глазами — священное озеро, где безудержно множится какой-то ничтожный паразит, которому тоже подай энергию. И любя незримость для него пустой звук.

Хамелеоны, чьи чувства ирреально были сейчас на той же волне, что и у Найла, в полной мере улавливали все его мысли. То, что он не приемлет их краеугольных устоев, их несколько не задевало. Потому они, собственно, его сюда и доставили — так как сознавали, что их тяга к единению с природой совершенно не приходится в пику загрязнению озера.

У Найла сложился мысленный вопрос: откуда берется это загрязнение?

Ответ был дан. Из какого-то ручья, что впадает в озеро с той стороны. Только вот где тот ручей берет свое начало, никто из хамелеонов не знал.

Почему не знал, допытываться не было смысла. Ответ ясен и так. Земли этого племени лежат между водопадом, где река от города пауков выходит наружу, и священным озером. Что там дальше, их не заботило.

Понимая, что продолжать расспросы — значит испытывать на прочность благорасположенность спутников, Найл позволил себе еще раз погрузиться в безмолвие. И выяснил, почему хамелеоны никогда не спят. В этом просто нет необходимости: сон им заменяет их всегдашняя глубинная безмятежность.

Тут человеческая натура взяла свое (ох уж эти люди — не сидится им, пока всего не разузнают), и Найл любопытствовал, в самом ли деле он достиг предела релаксации. Сердце у него на данный момент фактически не билось, и кровь перестала течь в жилах. Получается, в физическом смысле он умер. Вместе с тем он ощущал себя живым как никогда. Что лежит за этим состоянием? И возможно ли вообще достичь более глубоких его уровней?

Словно в ответ на этот вопрос, он вновь почувствовал погружение — все равно что без усилий снижаться ко дну глубокого озера. Душа как будто оставила тело и изыскивала новый, иной способ бытия. Вокруг была крошечная тьма, но в этой тьме он полностью сохранял сознание.

Происходящее дальше несколько сбивало с толку. Темнота вокруг не была пустотой. Она, казалось, была полна энергии.

В Белой башне Найл узнал об электричестве: оно бывает положительным и отрицательным и течет от полюса к полюсу. Эту же энергию нельзя было назвать ни положительной, ни отрицательной, так как природа ее то и дело менялась. И хотя он плыл среди бескрайнего резервуара энергии, с таким же успехом можно было сказать, что это море тьмы.

Тут до него дошло: хотя эта энергия статична и пассивна, ему ничто не мешает поглощать ее в точности так, как рыба поглощает планктон. Едва Найл к этому приступил, природа энергии перестала быть нейтральной, а сделалась активной и положительной — что наполнило его живительной силой, осложнив тем самым дальнейшую релаксацию. Через секунду-другую (силы были явно неравны) пришлось отмежеваться от источника энергии.

Сидя меж двумя спутниками (от полученной энергии буквально распирало, было даже немного неловко), Найл решил на эксперимент. Он спустился с холма и снял возле озера одежду — к тревожному изумлению хамелсонов, решивших,

что их новый друг не в своем уме, коли он вот так, по доброй воле, желает войти в загрязненную воду.

Найл забредал осторожно, сознавая, что мелкие белые организмы реагируют на исходящую от него жизненную энергию как акулы на кровь. Вскоре тельца облепили его сплошным, жирным на ощупь слоем. Превозмогая отвращение, Найл терпеливо стоял, чувствуя, как паразиты норовят растворить плоть и, если ничего не предпринять, сожрут его заживо минут за пятнадцать, а то и быстрее. Мигом представив себе мириады крохотных, жадно чмокающих зевов, он повернул медальон и сосредоточил волю.

Слой «сала» вмиг обратился в мутное облако вроде мельтешащей стаи мошки, а скорее, ненасытных пираний. Из-за скученности шевелиться им самим было невозможно. Не ослабляя концентрации, Найл чувствовал, как тельца, не выдерживая собственного лихорадочного возбуждения, массово погибают.

Вода вокруг приобрела белесый цвет и загустела на манер клея. Хотя озеро, несомненно, очистится по мере того, как погибшие организмы постепенно осядут на дно, Найл не прочь был дожидаться этого момента. Тем временем паразиты все возрастающим числом бросались поедать своих мертвых сородичей. Найл чувствовал, что с такой энергисй ему не составит труда разделаться со всеми паразитами в озере. Только смысла в этом нет, ведь они берутся из какого-то стороннего источника, так что на место одних просто придут другие.

Выбираясь на берег, Найл обратил внимание, что кожа у него запунцовела как от загара: след несметных полчищ паразитов, что пытались пожрать его плоть и высосать жизненную энергию.

Медальон он поспешил перевернуть, чувствуя, что у хамелеонов действие этой вещи вызывает неудобство.

При его приближении старший провожатый поднялся. «Мы должны возвращаться», — сказал он.

Прошло несколько секунд, прежде чем Найл смекнул, что к нему обращаются не словами. Значение поступало из ума в ум напрямую. Припомнив сложность первых своих попыток установить связь, Найл понял, что в каком-то смысле и сам стал хамелеоном.

Все то время, пока они были на озере (где-то с час), тролль стоял на вершине холма, причем явно без движения. Видимо,

он обладал таким же терпением, как хамелеоны и пауки. Дождавшись путников, он с совершенно непроницаемым видом развернулся и повел процессию назад.

Найл спросил у старшего, что находится над ними. Изясняясь людской речью, он бы указал пальцем вверх и сказал, что его интересует, какой там, на поверхности, пейзаж. В данном же случае значение передалось мгновенно и недвусмысленно. Подобная прямота общения сложилась за то время, что они пребывали в контакте возле священного озера.

В ответ Найл увидел зеленую гору, самую высокую в череде холмов, лежащих к северо-востоку от города пауков. Он ее однажды заметил, когда Асмак, начальник воздушного сообщения, давал умозрительное описание гор на севере. Но Найла тогда интересовали сведения о землях Мага, и эта картина любопытства не вызвала.

Понятно, расспрашивать о том, что лежит к северо-западу от горы — в направлении ручья, приносящего паразитов, — смысла не было. Хамелеоны ничего не знали о местах, которые не входили в пределы их обитания.

И дело здесь не в безразличии, а в разном восприятии родной планеты. Люди движутся по поверхности Земли и осознают ее географию, прокладывая линии дорог и рассыпая точки больших и малых населенных пунктов. У хамелеонов внутреннее видение устроено совсем по-другому. Они в каком-то смысле ближе к духам. Способность сливаться с окружающей средой означает, что им ведомы и скрытые силы окружающей среды. Например, люди сознают притяжение к центру Земли. А вот хамелеоны, приближаясь к холму или горе, сознают и прочие силы, которые вступают с притяжением в спор — этакie природные магниты. Та же луна действует на них так же, как на моря-океаны. А Солнце на протяжении дня последовательно вызывает к жизни совершенно разные силы. Для хамелеона час рассветный отличается от часа полуденного так же разительно, как гора отличается от долины.

Силы земли под ногами хамелеоны сознают так же, как деревья и цветы воспринимают времена года. А поскольку эти силы опосредованно связаны и с планетами в космическом пространстве, то в целом, получается, хамелеоны живут в мире гораздо более насыщенном и разноплановом, нежели утлый мир людей.

Вот почему им так мало известно о мире, лежащем невдалеке за порогом. Это лишняя, а потому никчемная нагрузка для памяти. Мир у них и без того бесконечно богаче и реальней, чем у человека.

Все это Найл уяснил во время обратного пути по ковру серого бархатистого мха. Дальнейшие расспросы были бессмысленны; оставалось просто изучать совокупную память хамеленов.

На подходе к мосту мысли невольно возвратились к тем омерзительным тварям. Догадка Найла была в принципе верна. Это духи-вампиры, в людской мифологии известные как вурдалаки. Они вселялись в тела умерших. Схоласты древности относили их к категории, именуемой «живой мертвечиной».

Последние несколько месяцев от этих монстров просто отбоя не было из-за того, что трупы перестали быть редкостью. До некоего события (Найл угадал в нем свой приход к власти) трупов не хватало, так как их сплошь поедали пауки. Теперь же раздобыть их стало несложно. Рабы из лености, вместо того чтобы предавать умерших земле, попросту бросали их в реку. Многих покойников выносило на топкие болотистые берега, где вурдалаки, ориентируясь на грай голодных птиц, наспех завладевали телами. Зачастую к моменту, когда мертвец «оживал», он уже был обсижен десятком клюющих его птиц, и те, возмущенно галдя, взмывали в воздух. Больше всего пернатым по вкусу приходились глаза, а потому найти труп хотя бы с одним уцелевшим глазом считалось у вампиров достижением.

Как именно те духи завладевали телом, ясности не было. Почти наверняка они исхитрялись каким-то образом в него проникать и затем использовать вроде марионетки. Такие духи обычно бедствовали в призрачном мире иллюзорности, но стоило им завладеть плотью, как мир вокруг обретал определенные черты реальности. Вурдалаки наслаждались самым разложением своей плоти, так как были доподлинными некрофилами — обожателями мертвечины — и наделять труп новой жизнью было для них извращенным удовольствием.

При возможности эта нежить нападала на людей и высасывала их жизненную силу. Сподручней всего это было делать,

ввергнув жертву в бесчувствие или лишаящим сознания ужасом, или некой зловещей гипнотической силой. Деяния гнусных тварей легли в основу мифов о вампирах.

Странно то, что хамелеоны относились к ним без всякого страха, а лишь с презрением. Начать с того, что отвращение у них вызывала болезненная одержимость этих нелюдей смертью. Хотя основной причиной было то, что из-за разложения тела умертвий обладали слабой мускульной силой; Найл и сам помнил, как легко удалось отразить то нападение. Свежий труп был опаснее, его руки все еще могли удушить, но в непродолжительном времени он сгнивал.

Что до троллей, то они не испытывали к упырям ничего, кроме ненависти. Это потому, что, отчасти как и хамелеоны, тролли черпали свою силу из природы, особенно из деревьев и некоторых кристаллов вроде кварца. Несмотря на недюжинные габариты, тролли могли становиться фактически невидимыми в лесу или горной местности. Природа их энергии была примерно той же, что и у молнии, а тролль, в которого угодила молния, почитался среди своих как герой. Презрение к нежити основывалось у них на омерзении к поганым энергетическим вора, этой низшей из низших касте подонков.

Найл не без удивления узнал, что та стычка на мосту была, оказывается, специально подстроенной ловушкой. Он лишь мрачно усмехнулся, узнав, что ему отводилась роль приманки — ведь, знай он заранее, его напряжение насторожило бы нападавших. Поэтому приходилось держать его в неведении. Вампиры же, со своей неудержимой тягой к свежей человеческой, набросились всем скопом и через отведенное время утратили всякую бдительность. И тут в дело вступил тролль. Теперь эти порождения бездны ох как не скоро наберутся дерзости, прежде чем вновь рискнут хотя бы приблизиться к одному из троллей.

Зато Найл польщен был тем, что его отвага в схватке вызвала бурное одобрение у тролля, который, можно сказать, даже поменял свое отношение к человечеству в целом.

Легко понять, что назад по мосту прошли в тишине. Не считая, разумеется, ветра — но и тот, казалось, задувал сернистыми своими порывами не так сильно. Хотя Найл все равно проявлял осторожность, в пронасть стараясь не глядеть.

На той стороне их троица приостановились на каменной площадке, и хамелеоны, к удивлению, опять подняли руки в знак приветствия. Тролль тоже откликнулся своим не то рыком, не то ревом. На секунду его глубоко посаженные глаза остановились на Найле, который не без приятности отметил в них огонек дружелюбия. Затем, поворотившись широченной спиношей, хранитель моста решительно зашагал по ступеням куда-то вниз. Старший из хамелеонов тоже повернулся и пошел в другую сторону.

Вопреки ожиданию, гигантская каменная лестница шла не вниз, а делала крутой поворот направо и переходила в карниз, резко уходящий вверх. Тут стало ясно: неизвестные строители лестницы намеревались проложить дорогу к священному озеру. Здесь тропа делалась шербистой и неровной, нередко сужаясь до метра. В одном месте она и вовсе обрывалась из-за горного обвала, но кто-то предусмотрительно проделал тесный ход в утесе, где пробираться приходилось на корточках — правда, через десяток метров ход снова вывел на карниз.

Такая дорога тянулась с полмили. Все это время в лицо дул холодный ветер бездны, перемешанный с едкими испарениями, от которых слезились глаза. Затем опять пришлось карабкаться, пока Найл наконец не почувствовал отрадный запах влажной земли. Через несколько минут ветер усилился, и сверху проглянул купол усеянных звездами небес.

Они стояли на горном склоне. Выход из туннеля был так хорошо скрыт, что Найл, оглянувшись, его даже не различил. Ветер пронизывал холодом, а под ногами торчали редкие пряди жесткой заснеженной травы. Тем не менее, поскольку Найл все еще видел реальность обостренно, и снег и трава до странности очаровывали, словно маня в них взглянуться. Впрочем, такой возможности не имелось: провожатые уже шли вперед.

Не было никакой сколь-либо заметной тропы, ведущей с горы. Что, собственно, неудивительно: находясь на виду, она могла бы выдать маршрут к священному озеру. Пробираясь вниз к равнине, Найл пожалел, что у него нет плаща: всё вместе с сумой лежит где-нибудь на дне реки.

Минут через десять лавирование меж валунов и трещин разодрало так, что было уже не до холода. Пару раз Найл уловил сернистый душок: видно, через какие-то разломы наружу выходит вулканический газ.

Ему впервые открылось несоответствие между его человеческим любопытством и отсутствием любознательности в хамелсонах. Все полученное в Белой башне знание не давало ответа о сути того престранного геологического образования, которое только что осталось за спиной. Он теперь и сам понимал, что и эта гора, и окружающие холмы образовались когда-то за счет вулканической активности. Но почему огромное пространство недр здесь полое? Вот ведь парадокс. А у хамелеонов это не вызывало даже любопытства, они все воспринимали как должное.

Ответ напрашивался примерно такой. Гигантская пещера внизу была сформирована выбросом раскаленного газа из земной мантии десятки миллионов лет назад, отчего под поверхностью образовался пузырь диаметром в сотню миль. Гора и окружающие ее холмы сформировались из базальтовой лавы. Эту толщу постепенно источило выветривание, так что полость отделяется теперь от поверхности не более чем тонким слоем породы. А когда проснется вулкан и изрыгнет наружу океан лавы, купол в конце концов рухнет, образовав громадных размеров кратер вроде тех, что на лунной поверхности.

Глядя на зернистую обветренную породу у себя под ногами, Найл словно находил подтверждение тому, что это следы невиданной силы извержения, погубившего когда-то в округе все живое.

В трех десятках миль к югу, прямо по курсу, неразличимые в ночном небе, высились башни паучьего города. С той поры как Найл вышел из города, минули примерно сутки. Почти все это время он провел под землей. Вдыхать прохладный ночной воздух было на редкость приятно.

Ближе к подножию горы идти стало легче. Вдоль спешащего низиной бурного потока они добрались до рощи из берез и ясеней. И хотя никакой тропы по-прежнему не было видно, хамелсоны прокладывали путь с безошибочной уверенностью старожилов, знающих в этих местах каждый камень и бугорок. Теперь они шагали по шелестящему слою листвы. И вот со-

вершенно неожиданно впереди открылся подъем, что ведет ко входу в их пещеру. Найл почувствовал себя так, как будто вернулся домой.

Группа путников, возвратясь из подобного странствия, непременно попадала бы спать. А вот хамелеоны лишь тихо сидели на ковре из сухой листвы — кто прислонясь к мшистым стенам, кто просто так — и расслаблялись. Найл подавил в себе желание улечься, предпочтя изгонять усталость сидя. Уже через полчаса она схлынула, сменившись умиротворенным спокойствием.

В животе заурчало (ел-то уж сколько часов назад). Видимо, это его ощущение передалось остальным. Не успел Найл подумать, как пещера пришла в движение и через минуту-другую ему поднесли тот самый сосуд с водой. На этот раз земляной привкус доставлял такое же удовольствие, как дома доставил бы бокал меда; все равно что излюбленный привкус ванили, которую дворцовые повара клали в выпечку. Даже мелкие зеленые былинки, что плавали на поверхности, добавляли пикантности, как, скажем, кусочки мякоти в апельсиновом соке. От питья разом унялись и голод, и жажда. Открылось и еще кое-что. Питье словно сближало его с остальными, как будто сплавивая умы воедино. Можно сказать, вино причастия.

Что особенно удивительно, так это то, что хамелеоны совершенно не склонны ко сну. И дело тут не в одной лишь внутренней безмятежности, а еще и в том, что умы у них нераздельно взаимосвязаны, так что они все время друг друга сознают. Человек, засыпая, постепенно перестает воспринимать внешний мир. И вообще, бодрствование можно определить, как сознание происходящего вокруг. Мысленная взаимная поддержка не дает хамелеонам заснуть точно так же, как детям — общий азарт на каком-нибудь шумном празднике.

Потому находиться здесь с хамелеонами было примерно то же самое, что уютно сидеть у огня в компании друзей, общаться с которыми и приятно, и бесконечно интересно.

В этот момент внимание Найла привлек звук, напоминающий невнятную и отдаленную человеческую речь. Оказалось, он исходит от старшего из хамелеонов. В его лбу открылся «рот», откуда и доносились эти самые звуки. Но они странным

образом сливались, отчего впечатление было такое, будто слушаешь эолову арфу.

Вот досада: совершенно ничего не понять.

Тут, словно в ответ, звуки стали отчетливыми и чистыми. Только ясно было, что это не язык людей. Звуки по большей части напоминали скрип сучьев на ветру, с той разницей, что они не повторялись, а звучали больше как ноты в медленной музыке. Причем ноты, извлекаемые не одним инструментом, а прихотливая гармония целого ансамбля. Хамелеоны явно пытались что-то донести. Но что именно?

Едва задумавшись, Найл разобрал, что к чему. Язык они использовали не так, как используют его люди, где слова выкладываются на манер домино. Слова у хамелеонов и были своего рода музыкой. Но в отличие от музыки человеческой, значения которой расплывчаты, их язык был вполне конкретен. Он исходил из их совокупного опыта и этот опыт передавал.

Приобшась к этому опыту, Найл разом понял, что хамелеоны по-своему все же подобны людям. Так же как и у людей, дни у них проходят во всевозможных заботах. Им, как хранителям здешних мест, надлежит ежедневно совершать обход — поодиночке или парами, — обеспечивая связь с деревьями, кустами и всяческой живностью: кротами, земляными червями, змеями, лягушками, ящерицами. Эти создания в силу неразумности живут между собой невнятно, в некоем полусне. Задача хамелеонов — служить им эдаким мостиком, заставляя сознавать друг дружку, обеспечивать неброское единение, которое передается от всего всему: от клещей и личинок — мышам-полевкам и белкам, от водоплавающих — пернатым.

Так что людское представление о природе как о чем-то полном конфликтов и противостояний — не более чем заблуждение. И в натуре хамелеонов создавать гармонию, точно так же, как музыкант интуитивно стремится создавать красивые звуки.

Найл задумался, какую же роль в этой гармонии играют тролли. Доступ к умам хамелеонов тут же дал ответ. Их задача — преобразовать сырую, первозданную энергию Земли — электрическую силу молний, пьезоэлектрику кристаллов — в живую энергетику, способную питать почвенные микроорганизмы, которые в свою очередь придают живую ауру самой Земле.

Каждый тролль подобен электростанции. Вот почему им приходится быть такими массивными, даже жутковатыми — тот же тролль, что сопровождал их к священному озеру, весил столько, сколько бы весила гранитная глыба аналогичных размеров. Водятся тролли там, где в изобилии встречается кварц — а именно в местах вроде священной горы и долины Мертвых.

В отличие от необъятных задач троллей, деятельность хамелеонов варьируется в зависимости от времени года. Скажем, сейчас, в канун зимы, когда природа готовится к долгому сну, забот у них поменьше. Но и при этом, собираясь вместе на исходе дня, им ссть о чем друг другу рассказать — ни дать ни взять односельчане у себя в корчме. Их язык — это язык ритмов и образов, за которым — фоном — немолчное сознание шума ветра и журчания воды. Сами слоги этого языка сравнимы со звуками ветра, налетающего на препятствия вроде деревьев, или же ручья, наскакивающего на голыши и гальку.

А потому, «слушая», как двое хамелеонов описывают (слова у них звучали не в унисон, а неким контрапунктом) лесистый склон холма, где мышинное семейство угнездилось в корнях того же дуба, что и сова, Найл чувствовал себя вроде незнакомца, который по случайности подслушивает разговор двоих друзей: как бы и дела особого нет, но все равно любопытно.

Тут произошло нечто из ряда вон. Найл уже не «слушал» беседу и в пещере тоже не находился. А был он на расстоянии нескольких миль, на том самом холме, и наблюдал, как идут дела у мышей в их гнезде, что в корнях дуба. Все здесь было предельно реалистично: полускрытая тучами луна, шелест сушьев на ветру, шуршание древоточцев в подгнившей коре. И хотя он был полностью уверен, что по-прежнему находится в пещере хамелеонов, все здесь смотрелось до такой степени достоверно, что убедить его в обратном тоже не составило бы труда.

Свидетельства были налицо. Найл полностью вошел в ментальный мир хамелеонов. Ясно, что способность запоминать реальность иных времен и мест была у них развита несравненно сильнее, чем у человека.

Ему уже довелось однажды испытать нечто подобное. Во время аудиенции, когда великий воитель Хеб Могучий расска-

звал о противостоянии людей и пауков, верх в котором одержали восьмипалые, Найла, помнится, коробило от того реализма, с каким представляли перед ним сцены расправы над братьями. Но возможно, с реальностью рассказ отождествляло тогда его собственное воображение.

Внезапно Найл перенесся обратно в пещеру — но, как оказалось, на считанные мгновения. На этот раз один из хамелеонов повествовал о бедственном положении, в котором оказались рыбы, обитающие ниже по течению. В прошлом году сильный разлив повредил заводь, в которой многие из них проводили зиму, беспечно зарывшись в ил или упавшую на дно листву. Найл воочию увидел вывороченные бешеным напором воды деревья, сметенные паводком залежи ила, тщетно борющихся с течением выхухолей, из которых многие разбились в лепешку или утонули. Вспомнилось во всех деталях и то, как он сам однажды едва не пошел ко дну. Видение было таким реалистичным, что Найл невольно глотнул воздуха, как будто ему и впрямь предстояло вот-вот с головой окунуться в пенистый водоворот.

То, что произошло дальше, повергло его в замешательство.

Вдруг подумалось, что при таком быстром течении его заплечную суму вполне уже могло унести в море.

Мысль эта мгновенно поступила в общее русло сознания, а поскольку Найл был гостем, внимание ей было уделено в первую очередь.

Тотчас последовал ответ, что он увидел не реку, которая под городом пауков, а другой поток, сбегаящий с гор на северо-востоке. А его суму вполне могло прибить к топкому берегу, куда нередко выносит трупы рабов.

Найл увидел эту сиротливую болотистую низменность в двадцати милях от паучьего города. Ущербный свет чахнувшей луны над горизонтом делал ее еще более унылой. Чувствовался запах гниющей растительности. Вид довершала разбухшая туша с выклеванными глазами. Что и говорить, место еще то.

В камышах неподалеку Найл оторопело разглядел свою заляпанную грязью суму.

— Э, да вот же она! — воскликнул он, вне себя от изумления, и только тут понял, что все ее видят ничуть не хуже.

От нелепого выкрика картина истаяла, и он опять очутился в пещере.

Вид меркнувшей луны дал понять, что ночь уже на исходе; пора бы и двигаться в путь. Однако мысль Найла оказалась услышана, и когда он собрался вставать, старший из хамелеонов сказал, что не одобряет его затеи идти при свете дня: слишком опасно. Лучше внять совету и дожждаться наступления темноты.

Найл пояснил, что времени в обрез:

«У меня болен брат, и я должен найти ему снадобье».

«Но людям нужен сон, — последовал ответ. — Безопаснее спать здесь, чем снаружи».

Найл попытался объяснить:

«Но мы спим, лишь когда устаем. А я не устал».

«Это потому, что ты находишься среди нас. — К Найлу обращались как бы от единого лица. — Когда окажешься один, почувствуешь усталость».

Найл нутром чуял, что так оно и будет. Но сна и вправду не было ни в одном глазу.

Сложность заключалась в том, что хамелеоны никогда не испытывали сонливости. Утомившись, они просто делали передышку, пригубляя при этом свою изумительную зеленоватую чудо-воду. А их интерес друг к другу, взаимное приобщение к мыслям и чувствам соплеменников делали такое понятие, как сон, просто неуместным.

Еще никогда Найл не сознавал с такой ясностью: люди уходят в сон оттого, что напрочь между собой разобщены.

«Покажи, как ты засыпаешь», — обратились к нему.

Просьба странноватая, но Найл решил не противиться.

Он закрыл глаза и «пошел ко дну», как будто погасил свет в спальне.

Что удивительно, сонливость объяла быстро и легко. Продолжительность дня у человека в среднем шестнадцать часов, а Найл этот порог превысил уже с лихвой. Поэтому биоритмы привычно взялись за свое. Хотя и не совсем удобно засыпать с дюжиной деликатных наблюдателей в твоей голове.

В результате тело погрузилось в приятную дремоту, хотя сознание осталось бодрствовать.

Обычно при засыпании мысли и образы перестают соответствовать своему прямому назначению и принимаются вольно блуждать, теряя направленность. Как будто бы управляющий сознанием уходит с поста, пуская все на самотек, куда его не сменяют сны. Теперь же, с поддержкой хамелеонов, сознание у Найла оставалось на посту, наблюдая, как ум впадает в беспорядок. Мысли бестолково кружились, то и дело так же наобум сталкиваясь. Странно и вместе с тем забавно, будто в какой-нибудь примитивной комедии.

Найл пошел на поводу у веселого легкомыслия. Вот он учуял приятный запах вроде того, что доносился с кухни во дворце. Мать тогда устроила его сестрам вечеринку, а те наприглашали своих друзей из детского квартала, что на другой стороне реки. Повара там превзошли себя всевозможной выпечкой, пирожными, да еще и разноцветной сладкой ватой — комьями тончайших волокон из карамели, восхитительно тающими на языке. Были и напитки, тоже разноцветные и вкусные; Найл таких раньше и не пробовал.

В этот момент он ощутил что-то вроде притиснутых к голове рук, которые бережно вытянули его обратно в сознание. Он, как видно, излишне углубился в воспоминания о вечеринках и мог действительно уйти в омут сна. Хамелеоны почувствовали, что Найл теряет внимание, и легонько подтолкнули его в сторону бодрствования.

Он по-прежнему зависал на размытой границе между сном и пробуждением. Сон утягивал за собой, словно нетерпеливый ребенок, и Найл опять поддался, поплыл. Едва это произошло, как вернулся сладкий запах.

Он стоял на какой-то улице, пестрящей полосами зеленого, синего, желтого. По сторонам — большущие кульки-здания, тоже в яркую полоску. Вокруг — такая же полосатая равнина в синих изломах каких-то гор. Небо бледно-голубого цвета, в сполохах странного вида молний.

Сладостью веяло из трещин в мостовой, откуда запах всходил плавными клубами. Тут и там виднелись большие лужи — как будто недавно прошел дождь, — только лужи те были яркие, разноцветные: желтые, малиновые, фиолетовые. На дождевую воду не похоже.

Пейзаж был совсем как наяву, незыблемый, словно земля под ногами. Встав на колени, Найл прижался к мостовой пальцами. И в самом деле твердая, точно сделанная из какого-то цветного камня с параллельными полосками разной ширины — где в дюйм, а где и в полметра. Один надтреснутый камешек лежал непрочно, и Найл, выковырнув его ногтем, сунул в рот. Камень был, надо сказать, сладкий, но зубам не поддавался, и Найл его вскоре выплюнул.

Удивительно то, что он при этом сознавал: это ему снится. Возникало восхитительное чувство безудержной свободы. Но и тревога была: а где же в этом странном городе люди?

Он решил дойти до ближнего «здания» (что-то вроде кособокой башни с подобием не то двери, не то прохода сбоку), до которого было с четверть мили. Но вот уж десять минут как шел, и не меньше половины расстояния должно быть покрыто, а строение все не приближалось.

Еще одно здание слева походило на несколько нахлобученных друг на друга цирковых шатров, как потешный головной убор. Там тоже был вход вроде перевернутой неровной буквы «V». Найл направился туда решительным шагом, но вскоре от затеи отказался: здание не придвинулось ни на метр.

Вздор какой-то. Он решил заглянуть в одну из трещин в земле. Щеску обдал влажноватый клуб приторного пара. От резкого шипения Найл едва успел отдернуть голову. Послышался звук, словно кто-то давился смехом, и пар постепенно осел.

Затем Найл притулился на каменном выступе, дать отдых ногам. Сиденье на редкость неудобное; от острых краев искорости засадило в ягодицах. Найл, втянув сквозь зубы воздух, поморщился и встал. При этом он заметил кое-что любопытное. Если сосредоточить на этом камне внимание, он будто прибавлял в цвете. А если ослабить, то, наоборот, тускнел.

Интересно, что в таком необычном месте можно было упражнять силу контроля. Найл, стиснув зубы, снова уставился на камень. Цвет у того и впрямь углубился, и сам камень сделался... более реальным, что ли. Найл не сводил с него глаз, куда хватало мочи. Когда концентрация все-таки ослабла, камень опять потускнел, несколько утратив на вид свою прочность.

В голову пришла идея. Он вначале как следует сосредоточился, а затем двинулся к тому «цирковому шатру». Сработало. Здание явно приближалось, как в подобных случаях и положено.

Задействовать в таком вот процессе волю было странно, примерно как грести на лодке (занятие, которое он освоил в бухте города пауков). Эта «намеренная ходьба» давалась не без усилия, но тем приятнее было преодолевать помеху.

Вот так «намеренной ходьбой» он и одолел расстояние до шатра, довольный тем, что каждый шаг приближал его к цели. Оказавшись наконец непосредственно перед строением, он разглядел, что сделано оно из камня, на вид более грубого, хуже отесанного, чем плиты мостовой под ногами. Вход на поверку оказался не более чем щелью в стене, проделанной каким-нибудь огромным резакон или киркой.

На подходе к щели сопротивление усилилось, как будто его отталкивала некая сила. Напрягшись, Найл протиснулся, так и оказался в полутьме, словно его разом опутали по рукам и ногам призрачно-серым шелком. Наперекор сопротивлению (ощущение такое, будто бредешь по горло в воде), «намеренной ходьбой» он непрежнему продвигался вперед. Вскоре сделалось совсем темно. Найл оглянулся на вход, но тот был неразличим. Мелькнула тревожная мысль, что надо бы повернуть назад. Но теперь он толком даже не знал, куда возвращаться.

В каком-то смысле это было хуже, чем маячить снаружи на неоглядной полосатой плоскости: теперь перед глазами не было вообще ничего. Тем не менее Найл внутренне собрался, и стало спокойнее. В конце концов, без разницы, в какую сторону идти. Он же внутри здания, так что рано или поздно выход так или иначе найдется. Поэтому, полностью сконцентрировавшись, он просто шел вперед. Долгое время было темно, но «намеренная ходьба» не давала впасть в уныние или безнадegu. Вот впереди забрезжило, и вскоре Найл уже снова был на мостовой.

Здесь картина открывалась иная: строения приземистей и стоят теснее (очевидно, какой-то жилой квартал), дорога не полосатая, а из серого булыжника. Обернувшись, Найл с удив-

лением обнаружил, что конических башен нет и следа. Скорее всего, он перебрался в другое место, а то и иную реальность.

Люди тоже здесь были — если можно назвать людьми эти слоняющиеся по мостовой создания. Белесые, со старческими морщинистыми лицами и белыми космами, разросшимися так, что закрывали почти все лицо. Сквозь эту растительность проглядывали навыворот глаза, которым на лице было явно тесновато.

Вначале показалось, у них по четыре ноги, но при более детальном рассмотрении выяснилось, что ног все же две, и две руки — вдвое длиннее человеческих, с большущими длинными ладонными кистями. Они так и перемещались на всех четырех — а иного и ожидать было трудно, потому что, даже стоя они прямо, пальцы рук все равно дотягивались бы до ступней. Напрашивалось сравнение с какими-нибудь четырехлапыми призраками. И хотя Найлу отраднее было ощущать, что он все же не один, вид этих созданий слегка настораживал; во всяком случае, бросаться им на грудь он бы явно поостерегся.

Иным было и небо — даром что синее, с серебристыми облаками. Облака, как известно, плывут более-менее параллельно земле. Эти же были вертикальными и блестящими — не тучки небесные, а, скорее, какое-нибудь ожерелье или огромная хрустальная люстра. Свет от них имел необычный серебристый оттенок.

Некоторые из четвероногих поглядывали на Найла с любопытством, иные решались даже подойти. У Найла они тоже вызвали любопытство: не состоят ли они, часом, в родстве с духами природы, как хамелеоны? Вскоре вокруг их стояло уже с десяток. Одно из созданий — поменьше размером и явно моложе остальных — робко коснулось Найла своей нелепо длинной конечностью. Остальные предостерегающе зашипели, и «малыш» не замедлил отдернуть руку. Однако спустя секунду длань протянул другой и легонько ткнул в Найла скрюченным пальцем в завитках жестких белых волос. Когда Найл в ответ улыбнулся — показать, что ничуть не напуган, — к нему осторожно потянулось еще несколько созданий.

Интересовались они в основном лицом Найла, а также его лишенными растительности руками и ногами. При такой длинной конечностей они с одинаковой легкостью могли дотянуть-

ся и до головы его, и до ступней. Руки у них оказались очень холодны, а в самом их прикосновении было что-то до странности успокаивающее.

Вскоре создания уже поглаживали Найла всем скопом, как собаку. Их ладони ласкали ему руки, плечи, спину, даже бедра. Ощущение было на удивление приятным, вполне сопоставимым с массажем, что делали ему дворцовые прислужницы после ванны. Тело полонило теплое дремотное чувство (как ни странно, напоминало тот сладостный момент, когда в руках у Найла однажды оказалась принцесса Мерлью).

Вдруг послышался сердитый окрик (Найл даже вздрогнул), от которого белесые создания все как один с испуганным и виноватым видом отшатнулись. В их сторону решительно шагала фигура, как интуитивно догадался Найл, женщины. Каштановые волосы по пояс колыхались при ходьбе, а мостовую мел подол длинного коричневого одеяния. На лице не было ни глаз, ни носа — лишь чувственный краснотубый рот по центру.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она гортанным, чуть сдвоенным голосом.

Менее всего Найл ожидал, что к нему обратятся на его родном языке; подобное случилось впервые с той самой поры, как он покинул дворец.

— Я н-не знаю, — выдавил он.

Что, собственно, было чистой правдой. Особа же, очевидно, сочла такой ответ нелепым.

— Не знаешь?

Она подалась вперед настолько, что их лица чуть не соприкоснулись. Дыхание женщины было таким же сладким, как веющий вдоль улицы ветерок. Оторопь брала при виде этого пустого лица, где на месте носа и глаз лишь гладкая кожа. Да, их не было, а был лишь в сердитом презрении поджатый рот. Следующий вопрос ошеломил.

— Ты можешь летать?

— Н-не думаю, — отозвался Найл с запинкой.

— В таком случае ты стоишь того, чтобы быть съеденным.

Растерянно оглядевшись, Найл вдруг понял, что она вовсе не шутит. Большинство белесых созданий откинули волосы со ртов и обнажили торчащие желтоватые клыки, этот безошибочный признак плотоядности. Они жадно смотрели голодными

ми глазами. Кое-кто при этом хищно облизывал губы, а у одного уже бородой висела слюна. С запоздалым потрясением Найл понял, что все эти ласковые поглаживания предназначались для того, чтобы жертва размякла, смирилась со своей участью и покорно позволила вонзить в себя зубы. Еще более настораживало то, что в тот момент он бы, пожалуй, действительно не воспротивился.

— Унести его! — громко велела женщина.

Она, похоже, обращалась к кому-то у Найла за плечом. Не успел он и головы повернуть, как его, схватив за пояс, вздернуло в воздух с такой скоростью, что он даже всполошиться не успел. Над головой послышалось хлопанье мощных крыльев, а пояс крепко держали не то огромные когти, не то пальцы, до странности напоминающие человечесьи. Он приподнял голову — что было нелегко, так как тело распласталось почти плашмя, — но вместо покрытой перьями груди увидел серую чешуйчатую кожу существа вроде рептилии с притупленной черепашной мордой. Кожистые крылья походили скорее на крылья летучей мыши, чем птицы.

Уносясь от земли с головокружительной быстротой. Найл лишь смотрел, как внизу, мельчая, тает в дымке серебристых облаков незнакомый город.

Мгновение спустя он проснулся в пещере хамелсонов. Никто не замечал его пробуждения — а если и замечал, то не подавал виду. Прошло несколько минут, прежде чем Найл сообразил, что это некая форма учтивости. Ему давалось время поразмыслить над происшедшим.

Это совсем не походило на пробуждение от обычного сна, нечто вроде возвращения из нереальности в реальность. Скорее, возвращение из одной реальности в другую. Своей реалистичностью этот сон мог вполне тягаться с явью.

Но что он может означать? Какой вообще смысл у всего этого города, у этих полосатых конусов? Когда он был маленьким, дедушка Джомар частенько рассказывал о снах и их значениях — мол, все сны полны разных предзнаменований. Здесь же налицо события без какого-либо выраженного смысла, абра-кадабра.

Обидно, досадно. Какой вообще толк от рассудка, если с его помощью нельзя докопаться до сути того или иного сна?

Тут ему стало стыдно за свою раздражительность. Невозможность его новых товарищей была как упрек. Найл намеренно проникся таким же спокойствием и терпеливостью и лишь тогда попробовал воссоздать тот сон в памяти.

Закрыв глаза, он воочию представил ту полосатую равнину с коническими зданиями. Поначалу это и была не более чем визуализация, что-то вроде размытой, не сфокусированной картинки. Все это, видимо, оттого, что он использует ум, а не способность воссоздавать реальность.

Требовалось расслабиться глубже, как бы реактивировать память. И вот оно произошло, резко и мгновенно: он опять стоял на полосатой плоскости с ее карамельным запахом.

С одним различием: на этот раз свое припоминание Найл сознавал, а следовательно, его контролировал. Едва это произошло, как ему стал ясен и источник сна.

Сладкий запах — это тот самый запах сахарной ваты на детском празднике. Лужи на мостовой — те разноцветные напитки. Что касается зеленых и желтых полос, так это (он теперь вспомнил) мятные «камушки», излюбленное лакомство у ребятни в городе жуков-бомбардиров. Вот так загадочный «художник сна» у него в мозгу смешал все эти элементы в причудливую фантазию о карамельно-полосатом городище.

Получается, тот сон выражал его ностальгию по невинности детства. А все-таки, почему те здания ни в какую не хотели придвигаться, когда Найл к ним шел?

Недолгое размышление дало ответ. Потому что он интуитивно знал: ностальгия по утраченной невинности делу не поможет. А потому, поняв это, для достижения цели призвал свои взрослые качества — способность концентрироваться и силу воли. Но это лишь помогло добраться до того циркового шатра, а дальше — полная темнота...

А как быть со следующей частью сна, с пучеглазыми бело-волосыми созданиями? С теми самыми, что притворно убаюкивали его, замышляя потом сожрать? А та женщина без глаз и носа?

Он прибег к прежней тактике: воссоздал умозрительный образ серой мостовой с длинноволосыми существами-призраками, после чего ушел в более глубокую релаксацию. Теперь было видно, что в этом суть приема: релаксация приводит в

действие некую способность к повторной фокусировке, делая картину реальностью. На этот раз стало видно, что «художник сна» не позаботился даже создать в деталях дома. Они фигурировали лишь в виде примерного наброска, как у живописца, что наносит на холст приблизительный фон, который думает проработать позднее.

Найл даже обнаружил кое-что из того, на что не обратил внимания во время сновидения: шумовой фон. Какое-то тонкое не то гудение, не то жужжание.

Вот Найла начали обихаживать белесые призраки, нежно поглаживая ему голую кожу, пока он не отдался во власть изысканного дремотного удовольствия. И вот, когда он совсем уже размяк от наслаждения, прозвучал внезапный окрик, и к нему направилась женщина в коричневом одеянии. На этот раз Найл присмотрелся к белым призракам, а именно к тому, как они, откидывая лохмы, обнажают рты с торчащими клыками.

Вот женщина спрашивает, может ли он летать; вот Найл возводит над головой руки, взвиваясь стрелой и испытывая невероятное ощущение свободы. Это ощущение во всем сне едва ли не самое важное...

Открыв глаза, Найл понял, что хамелеоны следят за всем с нескрываемым интересом, и не просто с интересом, а восторженно замерев. Для них человеческая способность использовать силу рассудка казалась чем-то поистине чудесным. Их восторг подвиг Найла еще раз вернуться ко сну о призраках.

Дед Джомар был большим любителем пересказывать сновидения и судить о том, как они предвещают будущее. Наверняка сказал бы, что сон о «призраках», на вид безобидных, а потом, оказалось, чуть не съевших незадачливую жертву, служит предостережением. Ишь, волки в овечьей шкуре. На вид чуткие, обходительные, а сами так и ждут, чтобы слопать доверившегося им человека...

Ну а что же длинноволосая особа без глаз и носа? Будь она послана предупредить об опасности, ей бы и впрямь хватило для этого одного лишь рта...

Отвлек Найла странный шум, как будто галька осыпалась со склона. Оглядев лица своих подземных друзей, он улыбнулся, когда понял, что звук этот раздается в его голове и у хамелеонов он приравнивается к аплодисментам.

Тут вдруг воцарилась тишина с явным оттенком ожидания. Что ожидается, было понятно и без объяснений. В надземном мире над горизонтом величаво восходило солнце.

В пустыне семья Найла рассвета толком и не видела: все прятались в норе, подальше от опасности. Впервые во всем величии Найл увидел его в городе пауков, когда бежал из дворца Каззака. Он особо приметил реакцию вяза — как тот, словно раскрывшись навстречу вибрациям богини, затрепетал ветками.

Сила богини сейчас чувствовалась даже под землей. Нависла странная, тяжелая тишина, нагнетая такое глубинное спокойствие, что душа, казалось, сжимается до мерцающей точки. И вот среди безмолвия явственно ощутилось легкое покалывание, увенчавшееся подлинным взрывом бурной, безотчетной радости. Она волной прокатилась по пещере, так что зашлось дыхание. Волна постепенно улеглась, вслед за чем почувствовалась более умеренная и ровная энергия восходящего солнца. Наверху в это время щебетом заходились птицы. Здесь же, внизу, хамелеоны испытывали такое неизъяснимое блаженство, какое человеку испытывать, увы, не доводится.

Честно сказать, было немного неловко. Хамелеоны в эти часы определенно находятся снаружи, приветствуя рассвет, а сейчас вот вынуждены сидеть под землей, единственно из учтивости к своему гостю. Но уж хотя бы благодарность не приходится выражать: они ее и так чувствуют.

Сейчас самое время сообщить о себе матери. В семье у Найла всегда было заведено: если кто-то вне дома, связываться с родными надо на рассвете или на закате, и все должны быть к этому готовы.

Найл сел, распрямив спину, и ввел себя в состояние внутреннего спокойствия. Отрешившись от лишних мыслей, четко представил себе мать. Минут пять все было без изменений; вероятно, как и большинство обитателей дворца, на рассвете она еще спала. И тут совершенно внезапно он осознал присутствие матери, как будто бы та сидела совсем рядом. Точно так же присутствие сына чувствовала во дворце и она.

Найл, не размениваясь на постороннее, изложил самую суть. Он находится среди друзей и вскоре продолжит свое путешествие.

Она поведала, что дома все в порядке: Вайг держится, а женщины (Крестия с Сидонисй) обеспечивают уход за ним; накануне он даже поел. Прежде чем связь прервалась (телепатия не предусматривает пустой болтовни), мать успела добавить: «Берегись капитана». Из мысленного образа стало понятно, что она имеет в виду того лютоватого паука-отступника, тайного сообщника Скорбо. До того как его, капитана паучьего караула, изгнали из города, он вместе со Скорбо продолжал тайком поедать людей.

Судя по тому, что связь после этого прекратилась, предупреждение было не строгое, а так, на всякий случай.

От разговора с матерью стало как-то легче. Все-таки он был еще настолько молод, что по-прежнему тосковал по дому. Хотя в молодости есть неоспоримый плюс: ощущение собственной неуязвимости, что определенно придаст сил (вот и сейчас он почувствовал их прилив).

Вслед за хамелеонами Найл поднялся на ноги. Все же удивительно: столько часов просидел в одной позе, а ноги абсолютно не затекли; нигде не болит, не тянет. Хамелеонам, судя по всему, известен секрет, как направлять поток циркулирующей по пещере земной силы таким образом, чтобы он поддерживал постоянную бодрость и тела и духа.

Пробираясь навстречу тесным лазом, Найл удовлетворенно подмечал, насколько все-таки улучшилось зрение: ни о потолок не стукнуться, ни на лесснке не оступиться. Кстати, в самом лазе не было и намека на искусственное происхождение; любой, кто по случайности увидит, подумает, что это просто расселина в камне.

Раздвинув куст остролиста, что заслонял снаружи лаз в пещеру, Найл невольно зажмурился, настолько ярким был свет. Ум все еще пребывал в резонансе с хамелеонами, а потому выход наружу, в свет дня, был ощущением таким ошеломительным, что сперлось дыхание, как если бы он нырнул с берега в студеную воду. А гомон птиц и шелест деревьев под утренним ветром попросту оглушал.

По ту сторону куста Найл наткнулся на какой-то предмет, показавшийся вначале камнем. И не поверил глазам: это же его сума! С восторженным хохотом поднял ее и подбросил. На руки тут же налипла грязь: с одного бока сума была липкая

в ушах как взрыв. Только сейчас Найл сообразил, что по-прежнему резонирует с умами хамелеонов, куда более чувствительных к природе, чем люди.

Так что первые полчаса в их компании Найл чувствовал себя так, словно слегка захмелел. Он как будто стал легче; казалось, некая сила пытается оторвать его от земли. Это ощущение пошло на спад, когда солнце поднялось вровень с деревьями. Лишь тогда, к вящему облегчению Найла, мир уместился в свои привычные рамки. Буйство красок и звуков продолжалось, но парень к ним более-менее привык.

Прошло некоторое время, прежде чем он спохватился, что попутчики сделались невидимы. Благодаря внутреннему контакту Найл чувствовал их присутствие, словно фактически видя их перед собой. Мимолетно взглянув на куст папоротника, он отметил, как того на миг покрыла переливчатая дымка, точно слой воды, и понял, что мимо как раз прошел один из хамелеонов.

Обращало на себя внимание и то, как на юношу с любопытством поглядывают животные и птицы. Они совершенно не боялись, просто смотрели. Вот семейство кроликов, перестав на минутку щипать траву, проводило его взглядом. Однако стоило наверху бесшумно появиться ястребу (то, что это именно ястреб, Найл узнал, даже не взглянув вверх), как кролики вмиг шмыгнули в подлесок.

Когда шли берегом быстрой речки, Найлу ненароком открылось многообразие здешних форм жизни. Во мшистом берегу у самой воды было углубление, в котором мелькнуло что-то светлое. Найл пригляделся: рыба, что ли? Нет, не рыба, а птица. Белая, похожая на чайку. Найлу доводилось слышать о птицах, способных дышать под водой. Секунду спустя вода пенисто взыграла, в ней будто бы мелькнул рыбий хвост. Но зрение, как оказалось, его подвело. Над водой проглянула верхняя половина миниатюрной человеческой фигурки, длиной всего с локоть. Фигурка была несомненно женской (различался малехонький бюст), с длинными зеленоватыми волосами. Еще секунда, и белый силуэт, бесшумно нырнув, исчез в проточной воде, как и не было. Такое вот происшествие.

За последующую четверть часа Найл успел увидеть несколько таких водяных фей и понял, что, как и хамелеоны, они спо-

собны становиться видимыми или невидимыми, а также произвольно менять форму. При старании их можно было различить и после исчезновения, только к этому моменту они становились прозрачными, как стекло.

Средь разномастного фольклора, почерпнутого в Бслой башне, тоже значились эльфы и водяные феи, но Найлу тогда внушалось, что все это не более чем глупые суеверия. Теперь же он наглядно убеждался, что они существуют на самом деле.

Немного погодя произошло нечто еще более удивительное. Переходя через речушку по мшистому бревну, Найл, оступившись, угодил в шедшего впереди провожатого и, понятно, испугался, что тот упадет в воду. Каково же было его изумление, когда вместо столкновения их ноги частично слились воедино. Провожатому это, судя по всему, было только в удовольствии. Вот так, сиамскими близнецами, они и выбрались на берег. Близкий контакт длился с полминуты, и за это время Найл успел разглядеть, что их со всех сторон окружают фигурки ростом не выше колена. В речке и по берегам их было с дюжину. Особи в основном женские, за исключением двух-трех мужского и какого-то промежуточного пола. Более того, на том берегу среди деревьев, на ковре из палой листвы мелькали существа повыше (Найлу сперва подумалось, что это обнаженные дети) и еще какие-то подобию небольших животных бурого окраса.

Едва он ступил на берег и плотный контакт с провожатым прекратился, как исчезли и фигурки. Но Найлу теперь было о них известно, и он взялся их высматривать в затенениях листвы. Вначале попытка успехом не увенчалась. А когда случайно запнулся о гнилой сук, они вдруг вновь проступили — на считанные мгновения, но Найлу и этого хватило, чтобы понять: выглядывать их что есть сил — нет смысла; лучше расслабиться и использовать интуицию. Позднее он стал это называть «боковым вглядыванием».

Стоило ему так сделать, как «малыши» обозначились снова. Только теперь Найл с удивлением обнаружил, что они, оказывается, в полном одеянии — серых мантиях и серых же, в обтяжку, шапочках. Все это было так несуразно, что Найл с трудом сдержал смех. Он был абсолютно уверен, что только минуту назад видел их голыми.

Разгадку подсказало очередное столкновение с провожатыми. Опять же случайно, по неуклюжести (некстати обернулся через плечо), Найл запнулся о камень и приземлился на четвереньки, отчего несколько хамелеонов невольно с ним слились. Фигурки в сером опять превратились в голых пузанчиков. А к тому моменту, как Найл, поднявшись, взялся оттирать грязь сухими листьями, человечков снова след простыл. В следующий раз они проступили лишь с помощью «бокового взглядывания» и опять же облаченные в серые одежды.

«Боковое взглядывание» обеспечивало ключ к разгадке. Человечки появлялись, когда он использовал свой собственный ум. Сами по себе они никуда не девались, просто были невидимыми, пока Найл не прилагал соответствующего усилия. Но почему-то, когда он видел их глазами хамелеонов, они были голыми. Может статься, в одежду их облачало его воображение?

Была, разумеется, еще одна версия — что лесной народец «добавляет» себе одежду сам, предпочитая представать перед человеком именно так.

Рождались невероятные выводы. Деревья вокруг смотрятся достоверно потому, что это он, Найл, убежден: на вид они именно такие, рельефные, красочные, твердые. А если это его воображение «придает» что-нибудь их внешнему виду, точно так же, как оно «добавляет» одежду этим крохоткам?

Мысль, что и говорить, неуютная. Хотя углубляться в подобную тематику не хотелось. Вот что значит видеть мир в брызжащих красках: мозг переполняется впечатлениями, и ему невмоготу соображать. Надо было все же разжиться темными очками вроде тех, что надевает Симеон при слишком ярком свете.

Ниже по течению Найл разглядел буроватых мохнатых созданий, забавно похожих на людей. Перемещались они на маленьких ножках, а впереди себя несли ручки (или же это были передние лапки). Лица в опушке из меха смотрели вдумчиво, по-умному, а кончики длинных, как у ежей, носов с пяточками постоянно что-то вынюхивали. Стоило им увидеть Найла, а следом и хамелеонов, как они тут же скрылись среди деревьев. В ответ на вопрос «почему?» Найлу пояснили, что создания эти проказливые и каверзные: губят почем зря лесную поросль,

и не ради еды, а так, от скуки, было бы обо что поточить зубы. Казалось невероятным, что в этом лесном раю есть место таким шкодам.

Вскоре выяснилось, что и это еще не все. Через полмили речушка разрасталась в болотного цвета лужу пятиметровой ширины; где-то ниже, очевидно, была запруда. Хамслеоны рассредоточились среди деревьев, а Найла попросили держаться позади. Над этим разливом кто-то явно потрудился, и они хотели подойти незамеченными.

Причина обнаружилась на дальней стороне запруды: два мертвых дерева с остатками разноцветной листвы и черная грязь. С той стороны запруды доносилось резкое цвирканье, как у испуганных птиц.

Хамслеоны внезапно сделались видимыми, отчего щебет персрос во взбалмошный гвалт. Откуда ни возмись, во все стороны порскнули какие-то гуманоиды, некоторые тут же серебристыми рыбами нырнули напрямик в запруду и, выражаясь буквально, в воду канули.

На секунду Найлу померещилось, что он попал обратно в Дельту: существа напомнили водившихся там человекообразных лягушек-гуманоидов. По счастью, сходство было лишь поверхностным. Та нечисть в Дельте была серой, с хищными желтыми клыками, да еще и стрелялась струями яда. Эти же создания метровой длины смотрелись почти как люди, если бы не чрезвычайно длинные руки и ноги с перепонками. У них были по-лисы вытянутые лица с зелеными челками и выпученные луковичными глазами. Мелькая серебристо-зеленой, в черных отметинах кожей, они и разбегались совсем по-людски, мельтеша длинными и тонкими ногами. Еще с десятков секунд, и все стихло.

Вид образованного упавшими деревьями водопада завораживал. В этой переливчатой, искристой игре струй было нечто большее, чем просто отражение света. Через минуту-другую исчезли всякие сомнения, что от них исходит некая форма создаваемой светом энергии, которую поглощают элементы, обрстая через это в токе зеленоватой воды непрочное существование.

Хамслеоны (теперь их было видно полностью) начали разбирать плотину. Стоило оттащить древесные стволы, как вода

с ревом устремилась по своему привычному руслу, а лужи через несколько минут не стало.

Но зачем вообще было этим созданиям перестораживать ручей?

Не иначе гуманоиды хотели устроить себе бассейн, поплескаться. Вероятно, здешний народец так и норовит хоть чем-нибудь да насолить хамелеонам с их стремлением к созидательной гармонии. Как и в тех бурых животинках, в них живет эдакая вредная шкодливость. Найлу подумалось о жуках-бомбардирах с их страстью к огненным шутихам, и многое разъяснилось.

На протяжении утра они продолжали идти среди весьма разнообразного пейзажа: перелесков, невысоких холмов, извилистых ручьев. Найл впервые наблюдал осеннюю природу во всей ее красе, приправленной неповторимым запахом октября, и при виде листопада у него сладко замирало сердце. Из-за повышенной остроты восприятия казалось, что пейзаж с ним разговаривает и даже пытается донести до него свой сокровенный смысл. По крайней мере пару раз Найла вдруг охватывало непостижимое чувство, будто он уже каким-то образом знаком с тем, что сейчас видит.

Узнал он от хамелеонов и то, что почти в каждом дереве наличествует свой элементальный дух. Один молодой дуб источал такую жизненность, что Найл, остановившись, невольно залюбовался. Старшему из хамелеонов пришлось тронуть зеванку за руку, что лишь дало дополнительный эффект в восприятии. Стало видно, что на расстоянии локтя от коры ствол дерева окружен зеленоватой аурой, в то время как зелень самого дерева, кажущегося теперь прозрачным, стала куда более интенсивной. Пристальный взгляд в сердцевину этой энергии открыл вдруг, что в ней содержится живая форма, вибрирующая не совсем в резонанс с деревом. Более того, если присмотреться, то становилось видно лицо. При смене фокуса лицо исчезало, так что нельзя было с уверенностью сказать, есть ли оно на самом деле или, подобно силуэтам, время от времени мелькающим в прихотливой игре языков костра, является не более чем плодом воображения.

Мгновение спустя существо внутри дерева словно осознало, что на него смотрят, и зыбкие очертания как будто упрочи-

лись, став тонким лицом с высокими скулами, длинным подбородком и полными жизни глазами. Некоторое время эти глаза вдумчиво смотрели на Найла. Затем существо растворилось, похоже, утратив интерес. Перед Найлом опять предстала лишь шершавая коричневая кора.

Дорогой Найл спросил у своих спутников, покидает ли когда-нибудь этот дух-элементал свое дерево. Оказалось, что да, причем частенько и в осязаемом виде. Более того, делать ему это необходимо, поскольку часть энергии он должен впитывать из атмосферы; подпитка затем передается дереву, благотворно сказываясь на его росте. Например, дух того самого дуба (кажется, люди называют ему подобных гномами) за день отлучается с десятков раз, оттого и дерево такое здоровое. Но больше чем на сотню шагов от своего жилища элементал не отходит, не рискуя покинуть насиженное место (люди в этом смысле, собственно, тоже недалеко ушли).

Всякий раз, когда хамелеоны приостанавливались, чтобы расчистить русло ручья или убрать с подлеска приминающий древесный ствол, Найл брался помогать, пока до него не дошло, что все эти неуклюжие попытки скорей помеха, чем помощь. Трудясь, казалось бы, порознь, слаженностью действий они вместе с тем напоминали единый организм, где старший выполнял роль головы. В результате им удавалось за короткое время проделать невероятный объем работы, включая оттачивание мертвых стволов, даже приподнять которые по силам лишь великану.

Но самое заметное событие того дня произошло, когда они оказались на вершине холма над долиной, где понизу словно пронесся ураган, повалив добрую половину леса. Там вольготно разросся глянцеви́тый плюш, и еще какое-то ползучее растение с желтыми соцветиями, и ежевика с шипами в палец толщиной (Найл такой еще не встречал). У земли пучки седой, как борода старика, травы подавляли тщедушный подлесок.

На дне, в самой низине, угадывались остатки длинного узкого озера. Здесь тоже топорщился опутанный выюнами валежник, а поверхность воды была маслянистой и как будто пыльной. Тем не менее на другой стороне озера деревья особо не пострадали. Листья с них облетели, но, по крайней мере, вид у стволов был здоровый.

Через долину задувал пронизывающий северо-западный ветер. И вообще от этого места веяло чем-то недобрым, чтобы не сказать зловещим.

Хамелеонов картина разрухи явно озадачивала. Один из них воссоздал умоизрядительный образ долины в том виде, в каком она предстала перед ними в прошлый раз: зеленая листва безмятежно отражается в чистой глади озера.

Прежде чем спускаться к озеру, Найл достал из сумы плащ. Когда застегивал на шею ремешок, внезапный порыв ветра чуть не вырвал одежду из рук. Теплая защита от кусачего, готового просыпаться снежной крупой ветра была как нельзя кстати.

Хамелеоны к этому времени скрылись из поля зрения полностью, так что с высоты Найл смотрелся одиноким путником.

Пробираясь едва заметной тропинкой вдоль озера, Найл явственно почувствовал запах гниющей растительности, примерно так же, как тогда в Дельте. Здесь, в низине, воздух был таким недвижимым и тяжелым, что трудно дышать. Плащ пришлось снять. Опять же как тогда в Дельте, не оставляло ощущения, что за тобой пристально наблюдают. Хамелеонам, похоже, это местечко казалось таким же малопривлекательным, как и ему. Очевидно, им тоже хотелось проскочить его поскорее. Тем не менее они приостановились вникнуть в обстановку, пытливо вглядываясь в заросший плющом бурелом и непролазные заросли гигантской ежевики. Вглядывался и Найл, но разобрать в этом хаосе не удавалось решительно ничего.

В этот момент старший из попутчиков послал ему четкое указание: надо подняться на верхушку соседнего холма. Найл хотя и слегка опешил, но перечить не стал. От свинцово тяжелой атмосферы тело неприятно взмокло, а ноги волочились, будто к ним привязали гири. Тропа почти вся заросла, а в одном месте ее преграждал словно специально вывороченный с корнем большущий куст, который пришлось огибать — точнее, обползать — по сыпучему завалу из камней.

Перебравшись наконец через препятствие, Найл безошибочно уловил запах горящего дерева. Он стал карабкаться обратно на каменную насыпь, предательски съезжавшую под ногами, и понял, почему хамелеоны отослали его от себя. Склон холма подернулся дымным маревом пламени, безудержно иду-

щего вверх по холму. Хамелеоны, различные отсюда лишь как взвихрения (неведомо как им удавалось создавать вокруг себя эти воздушные воронки), сами запалили этот пожар сполохами энергии, направленными на сухую листву и ветки. От едкого слепящего дыма нестерпимо першило в горле. Когда внизу неподалеку огнем занялось поросшее мхом дерево, он с тревогой понял: надо пошевеливаться. Пламя уже дотянулось до деревьев всего метрах в двадцати сзади. Жар наступал, немилосердно опалая плечи.

До вершины холма оставалось еще с полсотни метров, когда Найл облегченно почувствовал льдистое дыхание северного ветра, наполнившего легкие чистым воздухом. Он же сбивал пламя с тлеющей травы, не давая ей разгореться.

Спohватившись, как там его спутники, Найл повернулся и посмотрел вниз. Завесу дыма сейчас отдувало вспять, отчего белесые его клубы напрочь скрыли и озеро, и всю низину. Склон безудержно полыхал, то и дело взрываясь трескучими снопами искр. («Вот бы жуки-бомбардиры сейчас порадовались», — мелькнула нелепая мысль.) Найл как мог уносил ноги к вершине, подальше от наседающего дыма.

Там его охватила безудержная эйфория мнимой безопасности: как-никак по обе стороны лежат неподатливые огню камни и тропа уходит в другой перелесок, куда огонь явно не дотянется. Тем временем уже вся северная сторона долины стала пылающим адом, а языки огня хищно лизали подступы к вершине.

От огня Найла отделяло не меньше сотни метров. И тут ему открылось, зачем хамелеоны затеяли этот пожар. С близкого к вершине выступа, куда вплотную подобрался огонь, снялось громадных размеров крылатое существо. Найл в растерянности подумал, что это исполинская птица, но в форме пурпурных крыльев угадывалось больше сходства с какой-нибудь летучей мышью.

Огласив пронзительным гневным воплем, казалось, всю долину, химера взмыла в дымное небо — вслед за чем сменила направление и полетела прямиком в сторону Найла. Тот в ужасе распластался вниз лицом, ожидая, что сейчас в спину вонзятся когти. Руки судорожно вцепились в траву. Сверху словно пронесся неистовый ветер. Осторожно подняв голову, Найл

убедился, что по-прежнему цел и невредим. И в небе никого не было.

Тут до него дошло: только что он видел еще одного элемента: какое существо из плоти и крови не могло бы исчезнуть так быстро и так бесследно.

Вскоре подтянулись и хамелеоны, чье незримое присутствие Найл тотчас же ощутил. Огонь их, как выяснилось, не берет; очевидно, в прозрачном состоянии из-за отсутствия химических веществ сгорать просто нечему.

В ответ на расспросы они объяснили, что этот самый элементал из тех, что предпочитает полное одиночество, и селится он в основном на вершинах холмов, где сливается с грунтом и камнями настолько, что становится практически неразличим. А так как он не терпит, чтобы кто-то нарушал его одиночество, то подступ к своему гнездилищу превращает в сплошную полосу препятствий — тут тебе и завалы бурелома, и заросли плюща, и тернии ежевики. Зла в этих существах особого нет, но решимость во что бы то ни стало оберечь свое одиночество делает их довольно жестокими губителями всего окружающего. Кстати, при случае он несомненно поквитается за подобное притеснение.

Но если огонь вам нипочем, зачем было прогонять существо именно таким способом?

Ответ на языке образов был гораздо действенней, чем ответ словесный. Дело в том, что все элементы крайне болезненно воспринимают неодобрение своего уклада, а огонь — очень даже мощное подкрепление такого чувства. Изгнать же это существо удалось именно за счет силового воздействия умов, а не за счет пожара.

Найл обратил внимание, что краски леса, через который они сейчас шли, потускнели, словно в пасмурный день. Попытка применить «боковое взглядывание» тоже не выявила никакого наличия духов природы. Хамелеоны подсказали: их всех выжила отсюда своим присутствием та крылатая химера.

Это было действительно интересное прозрение. Найл и сам подчас догадывался, что жизнь природы зависит от духов-элементалов, без которых даже самому красивому пейзажу недостает какой-то неизъяснимой жизненности.

Где-то через мило лесистая местность кончилась. Ручей в узкой расселине уходил под землю. Трава вокруг была сочная, зеленая, с яркими вкраплениями поздних лютиков. Здесь «боковое взглядывание» выявило наконец присутствие духов природы.

Прямая тропа вела к покатым гребням холмов. Тут Найл ощутил еще кое-что любопытное. Он с неожиданной четкостью уловил, что исчезнувший ручей течет непосредственно у него под ногами; чувствовалось легкое покалывание. Способностью улавливать подземный ток воды Найл владел всегда: для обитателя пустыни это было весьма ценным качеством. Но тогда в ногах чувствовалось лишь едва уловимое пощипывание. Сейчас же это была необычно четкая пульсация, проходящая по всему телу.

С поворотом тропы налево, к зазору между холмов, покалывание прекратилось: ручей и тропа разошлись.

Шагая по упругой зеленой траве, Найл невольно припомнил тот сон про город конических башен. Участок, по которому они сейчас шли, когда-то, видимо, был дорогой: временами по сторонам попадались большие, вросшие в дерн камни — иные даже с высеченными надписями, разгадать которые или хотя бы досконально распознать форму букв было решительно невозможно. Кто поставил эти камни или для чего они служили, хамелеоны сообщить затруднялись; им было известно лишь то, что возраст валунов исчисляется тысячелетиями. А когда переходили вересковую пустошь, спутники указали и на другие монументы. Один из них, в сотне метров от дороги, напоминал гигантский каменный гриб со шляпкой шириной как минимум в пару метров. «Боковое взглядывание» неожиданно выявило сухую фигуру сидящего на ней старика. Стоило повернуть голову, и того как не бывало.

Совершенно неожиданно сзади налетел промозглый ветер с дождем, причем такой яростный, что Найл еле удержался от падения. Сразу стало понятно, что ветер этот неспроста: наверняка как-то связан с изгнанным из гнездилища элементом. Видно, та самая месть, которую верно предугадали хамелеоны. Им-то от нее ущерба было — силы природы против них не действуют, — а вот на Найле можно было отыграться сполна, хотя бы за счет ветра и дождя.

Один из спутников Найла указал на подобие монумента, что высился на склоне, и все поспешили туда: сизые тучи подернули солнечный день сумраком, а от порывов ветра Найл на бугристом дерне поминутно спотыкался. Приблизившись, он разглядел шесть близко стоящих мегалитов, покрытых еще одной гигантской каменной плитой. Это было очень кстати, поскольку ливень разразился такой, что казалось, над склоном повис густой туман. Найл не теряя времени сбросил суму и укрылся от ветра за самым крупным из мегалитов. Но и его двухметровой ширины оказалось недостаточно для защиты ни от ветра, задувающего словно отовсюду разом, ни от воды.

Когда Найла стал бить озноб, хамелеоны пришли в беспокойство. Тут гром шарахнул так, что задрожали камни, а от зигзага молнии, стегнувшего землю в десяти шагах, Найла ощутимо ужалило электричеством.

Хамелеоны определенно чувствовали: пора что-то предпринять. Они велели Найлу подняться (он почти уперся головой в лежащую сверху плашмя треугольную гранитную плиту) и тесно обступили его кружком. Подумав, что так они думают загородить его от непогоды, он подивился несуразности: порывистый ветер проходил через них насквозь.

На самом же деле они возложили на Найла руки — кто на плечи, кто на спину, кто на голову, — отчего он сразу проникся глубинным спокойствием, какое испытывал в той подземной пещере. Сейчас ему фактически передавались вибрации физической сущности хамелеонов. Секунду-другую Найл инстинктивно противился перестройке своего вибрационного ритма. Затем до него дошло, что желаемого хамелеоны смогут достичь, лишь когда он сам придет им на помощь. От него требовалось определенное умственное усилие, чтобы использовать их энергию, которая напором воли смешивалась с его собственной.

Едва Найл это сделал, как почувствовал, что растворяется, словно его тело было тающим в воздухе дымом. Вибрационный уровень его сущности все нарастал, и вдруг он почувствовал, как с его тела что-то упало — оказалось, одежда; ни рук ни ног теперь не видать. Он стоял совершенно обнаженный, а дождь и ветер беспрепятственно проходили сквозь него.

Вибрация сменила уровень, и по позвоночнику к голове струей прихлынула холодная энергия. Стоило ей добраться до места, как хамелеоны неожиданно обрели видимость, да такую, какой Найл и не помнил. Он же теперь не чувствовал пронизывающего ветра, от которого одежду прибило к стене напротив. С другой стороны, камни сделались словно стеклянные, так что теперь можно было видеть их насквозь. Было заметно, что ветер огибает валуны, как волны бушприт.

Атаковав что было сил напоследок, ветер и дождь внезапно утихли, похоронив последние сомнения в том, что это была обыкновенная гроза. Через пару минут небо уже синело как ни в чем не бывало. Но Найл не торопился покидать свое убежище. Более того, не торопился он вообще никуда — настолько полонило свободой его теперешнее бестелесное состояние. Он и не знал, что человеческое тело на самом деле обуза, носить которую — сущее мучение. А ведь и вправду: таскаешь свои телеса, таскаешь, пока из сил не выбьешься. То ли дело эта невесомая, пьянящая легкость.

Вместе с тем его обьяло беспечное чувство отсутствия времени, что-то вроде бесшабашности от стакана-другого вина. Время лишь символизировало собой треволнения, и Найл рад был от них избавиться. В то же время мир вокруг никогда еще не виделся таким чарующим. Взять хотя бы вот это необычное строение, укrywшее его от непогоды. Это же не просто монумент, воздвигнутый на заре времен, но и своего рода вежа, введенная именно здесь, поскольку место считается самым значимым в округе. В нем сходятся воедино многие земные силы. Если просидеть тут достаточно долго, то можно, пожалуй, не только историю этой вересковой пустоши постичь, но и все тайны природы.

Сознавал он и то, что у этого места есть хранитель — старик, ныне вполне безобидный, а когда-то жестокий король-воин, от рук которого пало множество врагов, а многие раздвливались на части заживо. Когда-то тут разыгралась кровавая битва, и король, обратив неприятеля в бегство, умер от ран. Теперь он бы с радостью ушел, но память о совершенных злодеяниях привязывала его к былому полю сражения.

Узнать о временах его владычества можно было, просто оставаясь здесь и вбирая сведения, начертанные на камнях. Но

собственная память внушала Найлу, что медлить нельзя. Они уже приближались к краю земли хамелеонов, и вскоре ему предстоит отправляться в неизведанное.

Хамелеонов, сознающих мысли и чувства Найла, такое решение печалило. Им казалось невероятным, что кто-то может оставить их вечную обитель природы и возвратиться в суетный мир людей. Пообщавшись с Найлом достаточное время, они теперь понимали, как непросто быть человеком с его узкими пределами сознания, механичностью тела, неизбывной нуждой противостоять физической реальности, которая им вовсе не казалась такой уж привлекательной.

То же самое чувствовал и Найл, и если бы не мысль о Вайге, то он, вполне вероятно, остался бы с ними на долгие недели, текущие плавно и незаметно. Но день уже вошел во вторую половину, и вскоре наступят ранние осенние сумерки.

Он инстинктивно догадывался, как можно возвратиться в обычное человеческое состояние: надо лишь медленно понизить небывалый вибрационный уровень. Легко сказать, а как преодолеть в себе колоссальную неохоту делать это? Все равно что вылезать холодным зимним утром из теплой постели, да еще и бросаться в ванну с ледяной водой. Но стоило ему решиться, как хамелеоны истаяли, оставив лишь возникшую между ними и человеком приязнь. Камни, в свою очередь, сделались непроницаемыми для взгляда, а присутствие их скорбного хранителя обрело смутную призрачность сна.

И все же в момент возвращения в физический мир Найл ощутил прилив блаженства; он понял, что именно здесь ему надлежит жить. В этот краткий миг до него словно дошло, зачем он появился на свет.

Пора трогаться в путь. Ссутулившись, он торопливо натянул промокшую одежду: было холодновато. Прежде чем набросить суму, Найл вынул из нее хронометр: через пару часов начнет смеркаться. Хотя на циферблат он посмотрел не с целью узнать, который час, а просто ради удовольствия вновь ощутить себя в мире времен.

Зная, что с гостем вскоре предстоит расстаться, хамелеоны также приняли физическое обличье. Покидая приотившие их камни, они церемонно поблагодарили хранителя; Найл, даром

что уже не чувствовал присутствия старого вояки, сделал то же самое, после чего они все вместе продолжили путь навстречу неяркому послеполюденному солнцу осени.

Густая зелень травы переливалась на свету, а у Найла не было теперь необходимости применять «боковое вглядывание», чтобы различать духов природы: кратковременное пребывание в бестелесности научило, что их вибрация не так уж далеко лежит от его обычного уровня восприятия. А потому, шагая по упругой траве с пучками утесника и вереска, он вполне ясно различал то тут, то там формы жизни, чутко подрагивающие на грани элементарного и физического миров. Они проступали зыбкими пятнами перемежающегося света, подобно огненным языкам при свете дня. Лишь сосредоточив на них взгляд, можно было еще раз вникнуть в любопытную природу нефизических форм бытия. Физическая форма видна, когда на нее просто смотришь. К нефизической же ты вначале как будто взываешь, и лишь затем она проявляется. Прежде чем открыть свое присутствие, нефизическая форма должна как бы решить, каким именно будет ее отклик, и будет ли он вообще. Иными словами, нефизическая форма выбирает, открыться ей стороннему взору или нет.

Вздор, казалось бы — если бы это не происходило сейчас перед ним воочию. Вот робко мигнул огонек у пучка утесника — на том месте, где все еще держались давно увядшие цветы. Стоило туда направить взгляд, как сияние исчезло и глазам предстало лишь колючее зеленое окустье. Чтобы увидеть огонек снова, надо было взглянуть нежнее, не так требовательно, а будто говоря: «Ну покажись, прошу тебя». Тогда элементар мог проявиться в виде комочка пульсирующего света или блуждающего огонька, а то и став мохнатой зверушкой или причудливого вида человечком. Причем всякий раз проходила доля секунды, прежде чем Найл сознавал, что окончательный вид элементару придает он сам.

Интуитивно он догадывался, что ни разумом, ни волей эти формы особо не наделены; животные будут посмысленнее. Хотя бестелесное существование от них особой разумности и не требовало.

Вместо того чтобы идти напрямиком к гряде холмов, хамелеоны сошли с тропы и завели Найла в какое-то умело скрытое

углубление. Среди нагромождения плоских камней обнаружилось подобие колодца. Вода в нем была такая чистая, что Найл невольно опустился на колени и вгляделся, словно душой окунаясь в студеную глубину. В паре метров от поверхности находилось дно, покрытое чем-то вроде белого песка. Стенки колодца густо поросли зеленым мхом. В маленькой пристройке из тех же камней лежал сосуд вроде того, из какого Найл пил в пещере хамелеонов, с тем отличием, что у этого была ручка. Рядом лежала кривенькая деревянная палка, вернее, очищенный от коры толстый прут.

Один из спутников Найла, сунув эту своеобразную мешалку в источник, резко взболтал, упавшие при этом в воду былинки мха плавали в ней, как кусочки мякоти в соке. Найлу было велено взять кувшинчик за ручку и наполнить водой. Найл зачерпнул по самый край. Старший из хамелеонов, приняв сосуд от Найла, первым сделал глоток, после чего вручил кувшинчик Найлу. Тот поднес его к губам и тоже отпил.

Знакомый земляной вкус вселял такую ошеломительную бодрость, что Найл невольно воззрился на воду: уж не волшебная ли? Затем он передал кувшинчик соседу, и напиток пошел по кругу. Найл сознавал, что это не просто обряд расставания, это ритуал, цель которого — установить некое родство, предложение защиты и опеки.

Когда круг замкнулся, старший из хамелеонов вручил кувшинчик Найлу и, указав на воду, предложил: «Если пожелаешь вернуться к нам, вспомни этот вкус».

Вглядываясь в его зеленые, в коричневую крапинку глаза, Найл ощутил прилив истовой благодарности с оттенком изумления. Гостеприимные спутники, как выясняется, испытывали к нему искреннюю привязанность — что при их нраве казалось уму непостижимым. Чутьем, многократно усиленным за счет их внутренней взаимосвязи, Найл понял и то, что они очень переживают за его безопасность. В их глазах он был странным существом — верховным среди своих собратьев, — отважившимся пуститься по бурному потоку, бегущему ниоткуда (именно такое представление было у хамелеонов о реке, что несла свои воды под городом пауков), и готовым рисковать своей жизнью, выслеживая опаснейшего врага.

Более всего их впечатляло то, что он действует в одиночку. Хамелеоны на протяжении всей жизни не обходятся друг без друга ни минуты; даже старейшина у них — скорее старший брат, чем кто-то власть предержащий. Найл не без смущения сознавал, что предстает в их глазах чуть ли не героем. Ведь если вдуматься, одиночество так или иначе удел всех людей, и ничего такого уж героического в этом нет.

Найл вынул из сумы фляжку и, вылив ее содержимое на камни, заменил его водой из колодца.

Рядом с тем местом, где лежал кувшинчик, обнаружилась еще и горка плоских камешков, в которых Найл узнал кремни для высекания искр (кстати, повара на кухне все так же ими пользовались, когда заканчивались спички). Судя по всему, эти кресала — как и сосуд — лежали здесь специально, в помощь путникам. Пару из них Найл припрятал в суму, предварительно опробовав.

Выбравшись из углубления, Найл и его спутники постепенно взойшли на холм, с высоты которого открывался необъятный простор. Здесь Найл понял, почему это место считалось у хамелеонов западным пределом их местообитания. Долины и перелески, что тянулись позади, изобиловали формами жизни, нуждавшимися в заботах хамелеонов о поддержании гармонии. В сравнении с ними пейзаж, что открывался дальше к западу, был откровенно скуден. На севере проглядывали Серые горы, на юге — возделанные уголья пауков и жуков-бомбардиров. Дальше простиралось море, а еще дальше — Дельта.

До прихода Найла обо всех этих землях хамелеонам не было известно решительно ничего. Так что теперь, приобщившись к его мыслям, свои познания о приграничных территориях они расширили в десяток раз. В выигрыше был и Найл, знающий теперь владения хамелеонов не хуже их самих.

Времени на продолжительное прощание не было; пора двигаться дальше. Хозяевам этих мест предстоял обратный путь в их безмятежный, лежащий вне времени мир перелесков и ручьев, их гостю — возврат в неумолимо преследуемый временем мир людей.

Люди в подобном случае обменялись бы рукопожатиями или обнялись. Но у хамелеонов не было в обиходе слова «прощай». Да они, в сущности, и не прощались. Проворно спуска-

ясь по холму, Найл сознавал их присутствие так, будто они шли с ним рука об руку. Лишь спустя какое-то время, оглянувшись назад, он понял, что проводников там больше нет.

От вида блеклой, унылой пустоши на душе было неуютно. И дело здесь не только в милях и милях грубой сероватой травы, оттенком замшелости напоминающей то гиблое, буреломом заваленное место, где обитал зловещий элементал. Найлом опять владело гнетущее чувство, как будто за ним исподтишка наблюдают глаза недрута. Хотя видно никого не было, лишь несколько воронов кружили высоко в небе.

Монотонный пейзаж не выказывал и намека на тропу, а потому Найл решил взойти на ближний холм и оттуда обозреть уходящую в нужную сторону окрестность. Подъем оказался неожиданно высоким, и, стоя теперь на выветренном граните вершины, плешью проступающем через сухой дерн, Найл мог просматривать округу на добрых два десятка миль. Позади виднелась на горизонте та заснеженная горная вершина, что покоит под собой священное озеро.

Где же все-таки берет начало ручей, загрязняющий тот уникальный подземный водоем? Хамелеоны об этом понятия не имеют, что означает: источник лежит за пределами их владений.

От контакта с хамелеонами осталась умозрительная, но очень подробная карта их земель. Так что если ручей течет непосредственно с запада на восток, его подземный путь должен проходить где-то невдалеке от этого холма. А поскольку путь все равно рано или поздно проляжет на север, то почему не поискать ручей именно сейчас? С этой мыслью Найл, поплотней запахнув плащ (ветер становился все холоднее), начал спускаться по северному склону холма.

Далеко идти не пришлось. Примерно через полмили ступни почувствовали знакомое покалывание: должно быть, это и есть подземный ручей. Тут Найл опять повернул на запад, стараясь придерживаться взятого курса. Озадачивало то, что, вопреки ожиданию, ручей вовсе не был широким, от силы пара метров, в то время как, учитывая размеры священного озера, можно

было предположить, что туда впадает река или по крайней мере несколько притоков поменьше.

Местность вокруг была на диво скудной: ни деревца, лишь низкие бугры поросших утесником да колючими кустьями холмов. Между тем еще час-полтора, и солнце коснется горизонта. Не мешало бы и подыскать место под ночлег. За долгий день удалось покрыть двадцать с лишним миль; ноги уже ныли от изнеможения. Теперь, в отсутствие хамелеонов, Найлом понемногу овладевала обычная человеческая усталость.

Хотя причина нахлынувшего вдруг уныния крылась не только в этом. После хамелеоновых владений со всеми их перелесками, ручьями и красками осени этот невзрачный пейзаж казался до странности безжизненным. С той поры как Найл расстался со спутниками, он не встретил ни единого элемента. Что, в сущности, и неудивительно. Духи природы словно источают некую радость, тихую и беспечную. Они живут любовью к природе, подпитываясь ее жизненной силой. Этот же немой простор был почти безжизненным.

Следуя вдоль русла подземного ручья, Найл оказался на нешироком гребне, с которого открывалась низина с бельмом буроватого от торфяника озера с посохшей осокой. Гребень выходил на достаточно обширную плоскую возвышенность, посередине которой пятиметровым обелиском высился камень в окружении густой колючей поросли. Возникла мысль расположиться у подножия этого камня, где кусты могут прикрыть путника от посторонних глаз. Приблизившись, Найл неожиданно различил на его поверхности подобие желтоватого мха, придающего камню сходство с лицом старика. Найла пробило подозрение, не угнезвился ли здесь какой-нибудь элементал. Он всмотрелся, как бы призывая хозяина появиться. И тут вправду на камне словно проступило лицо, которое глянуло на Найла полным враждебности взглядом, явно сердясь на непрошеного гостя. Четко, словно мысли у него были по-прежнему настроены в резонанс с хамелеонами, Найл уяснил, что сам элементал по плечи врос в дерн. Тем не менее ему вполне по силам явиться, поквитавшись с чужаком за вторжение на свою территорию. А потому Найл без промедления обошел это место, лишний раз поблагодарив в душе хамелеонов за то, что те вооружили его подобной осмотрительностью. Ведь устрой

он здесь ночлег, хозяин этого места нашел бы способ наказать его за дерзость: уж что-что, а кошмарный сон был бы обеспечен наверняка.

Солнце было уже над самым горизонтом, и к той поре как Найл, по-прежнему идя вдоль подземного ручья, спустился в соседнюю долину, ее уже покрыл лиловый сумрак. Соблазну уместиться под ближайшим кустом мешала бугристость почвы, ступать по которой приходилось осторожно: того и гляди подвернешь ногу о корень. В конце концов, запнувшись о торчащий из земли валун, Найл решил присесть и дать ногам отдых. Блаженство наступило такое, что впору скинуть суму и закрыть глаза. Лишь стущающиеся сумерки заставили его превозмочь усталость и продолжить путь.

Выбравшись на кромку соседнего холма, Найл с облегчением увидел, что пейзаж впереди все еще залит тихим предзакатным светом. Внизу открывалась чашеобразная, развернутая к северу долина — около мили в поперечнике и с медно горящим в вечерних лучах озером по центру. Приблизившись на достаточное расстояние, Найл с удивлением заметил, что вода в озере бледно-зеленого цвета — то ли потому, что она непроточная, то ли оттого, что поверхность в ряске вроде той, что бывает на прудах. Впрочем, мысль насчет стоячей воды вскоре пришлось отклонить: с той стороны долины в озеро втекал ручей.

Неужели это и есть тот самый источник загрязнения священного озера? Верилось с трудом. Начать с того, что сам водоем казался на редкость мирным, даже влекущим. Трава и та ниспадала красивыми зелеными волнами, под стать цвету воды. Лучше места для ночлега и не сыскать.

До воды Найл добрался через четверть часа; солнце за это время уже успело коснуться горизонта. Вблизи стало видно, что цвет воде дают мелкие зеленые частицы. Найл из любопытства зачерпнул пригоршню. Вода была совершенно чистая, а крохи напоминали собою мох; какой же это источник загрязнения? Получается, ошибка вышла: ручей хоть и подземный, да не тот, который он искал.

Земля сходила к озеру отлогими уступами. Найл все же решил устроиться подальше от воды, а потому, немного поднявшись по южному склону, вскоре отыскал себе подходящее

углубление. Солнце в считанные минуты сошло за горизонт, и местность закуталась в темноту. Найл вытянулся, подоткнув под голову суму. Руки он тоже подложил под голову. Вот оно, подлинное блаженство.

Усталость постепенно отступала, но подступал голод. Сев в темноте, Найл завозился, пытаясь развязать на сумке тесьму. Горловина была затянута на совесть, оттого и содержимое осталось сухим. Найл с помощью фонарика разыскал фляжку с питьем. Надежда оправдалась: это оказался мед. Именно такой ему, помнится, наливали на суденышке, плывущем в страну пауков: терпковатый, с медвяным ароматом. Ощущая, как напиток, сбегая по горлу, теплом разливается по телу, Найл довольно хмыкнул.

Очередь дошла до свертка с едой. Здесь обнаружили пресные коржи — его любимые, хрустящие, — и козий сыр. Его Найл, нарезав пластиком, клал на коржи. Положила мать и волшебный кулек с вымоченными в уксусе огурчиками. И склянку с солью не забыла. Три коржа и половина сыра утолили голод. А треть вождельной фляжки и вовсе привнесла приятную легкость. Пока Найл подкреплялся, взошла луна, и фонарик стал, по сути, не нужен.

Небо мерцало россыпями звезд. Среди них можно было распознать и знакомые, которые в детстве показывал ему дед. Вон Капелла в созвездии Возничего, а вон там Кассиопея, а это вот созвездие Персея. Найл, зевнув, упаковал остатки еды. Температура воздуха была вполне сносной — видимо, склон достаточно прогрелся за день, — пожалуй, можно укрыться одним лишь плащом. Тогда в качестве подушки сойдет и сума. Хотя нет — лучше раскинуть спальный мешок, где под подушкой есть специальный карман, — туда можно запихнуть свернутый плащ.

Найл погружался в сон так, как его надоумили хамелеоны: концентрируясь и не расслабляя внутренней сосредоточенности. В результате мозг наливался сном, как теплой водой наполняется ванна. При этом он будто ощущал присутствие хамелеонов, а сны клубились вокруг, как нагнетаемая ветерком невесомая дымка тумана. И даже после ухода в сон часть его по-прежнему пребывала в сознании.

Примерно через полчаса посыпались первые капли дождя; Найл сонным движением накинул на лицо клапан спального мешка. Спустя какое-то время дождь усилился, и Найл машинально застегнул молнию, чтобы внутрь не просочилась вода. Глухой стук капель о водонепроницаемую ткань убаюкивал, и Найл снова ушел в сон.

Ему снились хамелеоны. В своей подземной пещере они разговаривали о нем. Наверное, потому и снились: у них между умами связь. Но он же знает, что спит, — получается, в каком-то смысле он бодрствует. Тогда где же он? Где его спящее тело?

Тут старший из хамелеонов обратился на своем языке образов. Смысл доходил совершенно отчетливо. «Замри, — велел он. — Не шевелись».

Мгновение, и сна как не бывало. Найл по-прежнему ощущал присутствие хамелеонов. А еще он чувствовал опасность и понимал, что крайне важно ничем не выдать своего пробуждения.

Первое, что он почуял, это до странности внятный запах, свойственный, казалось бы, Дельте: смесь рыбы и гниющей растительности. Затем уяснилось и еще кое-что. Найл не чувствовал под собой привычную жесткость земли. Наоборот, ощущение было такое, будто лежишь у себя во дворце на мягчайшей пуховой перине. Причем перина эта плывет по воздуху, будто ковер-самолет. Все это Найл улавливал потому, что клапан спального мешка успел опасть с глаз и было видно, как в свете луны мягко поблескивает озеро, расстояние до которого явно сокращалось. Что-то — или кто-то — перемещало его, Найла, с невероятной аккуратностью, чтобы не разбудить. И тут он разом понял: сейчас сама жизнь его зависит от того, чтобы не выказать признаков пробуждения.

Полусогнутые пальцы правой руки лежали у него на груди. Чуть шевельнув средним, Найл нащупал ворот туники. Засыпал он на правом боку, поэтому и медальон соскользнул вправо. С крайней осторожностью Найл дотянулся пальцем до металлической цепочки. Намотав, аккуратно ее тянул, пока не ощутил под пальцами медальон. Вкрадчивым движением двух пальцев повернул его вогнутой стороной к груди. Прилив силы и собранности не заставил себя ждать.

Взросшее от медальона внимание подсказало, что его несет к озеру на скорости примерно метр в минуту. От воды его все еще отделяет примерно сотня метров.

Знал Найл и другое: чтобы уцелеть, от него потребуются максимум сосредоточенности. То, что в обычных условиях вызвало бы нервозность, сейчас лишь, наоборот, усиливало самоконтроль.

Но кто именно его несет? Найл не рисковал даже пошевелиться, чтобы разглядеть. Ясно лишь, что у этого загадочного похитителя явно нет телепатических способностей пауков: те бы уже давно раскусили, что он не спит.

Путь к озеру шел под уклон, и клапан опал уже настолько, что Найл мог разглядеть происходящее. Он сам находился в полуметре от земли. А под ним, матово поблескивая в лунном свете, к озеру сползало что-то вроде гигантского слизня. Только в отличие от последнего для перемещения это чудище не расширение-сокращение мышц использовало, а просто колыhalось на манер громадного ломтя холодца.

Правда о том, что могло бы случиться, выдай себя Найл хоть малейшим шевелением, открывалась со всей неприглядностью. Эта подушка слизи тотчас впитала бы его в себя и удушила. Оно бы уже так и произошло, если б не спальный мешок. Просто слизень не привык к животным, которых нельзя поглотить из-за их водостойкости. Тем не менее он чувал, что внутри этой непроницаемой оболочки теплится живая плоть.

Секунду спустя дуновением ветра клапан снесло с лица окончательно, и Найл оценил обстановку в полной мере. Бесшумно несущая его тварь под лучами лунного света сделалась настолько прозрачной, что сквозь студенистое тело видна была земля.

То, что жить ему, возможно, осталось всего ничего, Найла нисколько не смущало. Он сфокусировался на ощущении интeреса и таким образом вызвал в себе расслабленность, какая у большинства живых существ бывает на грани сна. Благодаря уловке, которой его научили хамелеоны, он преодолел этот порог и достиг глубинной релаксации — того ее уровня, который считают естественным пределом хамелеоны; пределом в том смысле, что он дает возможность простым организмам выживать при температурах, близких к абсолютному нулю. При

этом метаболические процессы у него застопорились ввиду того, что пульс упал до точки, где его не способен уловить никакой медицинский прибор.

Последовало странное ощущение того, что плывешь в полной темноте. То, что его тело в данный момент тащит к озеру плотоядный слизень, не беспокоило Найла ни в кося мере; это казалось досадной мелочью, недостойной внимания. Вместо этого ум сосредоточенно выискивал первые признаки рассеянной энергии, искорками брызжащей в темноте. Прошло немного времени, и вот она уже окружала его со всех сторон, подобно мириадам пузырьков. Тогда он принялся с безмятежной радостью ее впитывать.

Как и в прошлый раз, ощущение вскоре стало почти невыносимым. Жизненная сила сама по себе могла вытолкнуть его из состояния релаксации, и Найла выбросило в изначальное состояние примерно так, как вылетает на поверхность вдохнувший лишку кислорода ныряльщик.

Прирост жизненной энергии учуял и слизень, который начал набирать ход, очевидно предвкушая скорую пожизну. Но Найл сознавал, что его собственная жизненность — а следовательно, и воля — несоизмеримо сильнее, чем у этой неразумной студенистой протоплазмы. Намеренно сосредоточившись, он «подмял» ее бессознательно связующую клетки волю и дал команду остановиться. Прежде чем последовала реакция, прошло несколько секунд — видимо, примитивный организм слизня не располагал единым центром контроля, и приказ не рассылался сразу по всем клеткам. Когда слизень наконец послушно замер, до воды оставалось не больше десятка метров.

Найл закинул ноги вбок, как будто ссаживаясь с лошади, и, барахтаясь в мешке, неуклюже встал на колени. Наконец ему удалось расстегнуть молнию и выпростаться наружу. Осклизлая поверхность слизняка, отражающая лунный свет, находилась в немолчном движении, как водная хлябь.

Найла охватило живое любопытство. Как может столь бесхитростный организм, разума в котором не больше, чем в одушевленной лягушачьей икре, действовать так, будто он на самом деле обладает и мышцами, и даже зачатками центральной нервной системы? Найл скомандовал слизню двинуться в противоположном направлении, прочь от воды. Это потребовало

гораздо большей концентрации, чем приказ остановиться; гол- лод в клетках организма (Найл сам ощущал его как некий дис- комфорт в животе) притягивал к озеру. Но сила разумной во- ли в итоге возобладала, и слизень нехотя повиновался.

Студень всей своей массой колыхал в указанном направле- нии, но понять, как именно он движется, не удавалось. Была надежда, что покажет какую-нибудь ложноножку, но он, по- похоже, перемещался как единос целое, поочередно касаясь зем- ли частями тела, по принципу колеса.

Но как же тогда у слизины получалось удерживать на себе добычу, не давая ей скатиться? Объяснение напрашивалось одно: существу хватало «ума» разделяться надвое. Одна поло- вина при этом оставалась неподвижной, вроде седла на коне, а вторая — нижняя — ухитрялась как-то двигаться.

Прозрачность существа воскресила в памяти то, что Найлу в свое время довелось увидеть в Дельте. Когда он установил связь с богиней, вдруг возникло ощущение, что сама земля сделалась прозрачной, отчего в ней ясно проглянули вздыма- ющиеся волны жизненной энергии. Это сопровождалось ощу- щением, которое он потом назвал двойным зрением — будто у него вдруг оказалось две пары глаз, из которых одна видела плотный материальный мир, в то время как другая могла про- зреть иную реальность, более глубокую и сокровенную. Так как это можно было неким образом сопоставить с хитрым навыком «бокового взглядывания», посредством которого уда- ется различать элементаров, Найл попробовал применить его и к этой пульсирующей массе, терпеливо застывшей, словно привязанная лошадь.

Результат попросту ошеломлял. Слизень на глазах начал растворяться, как будто превращался в воду. Воздух заполони- ла несусветная вонь. Таял организм быстро, точно льдина на жаре. Не прошло и минуты, как его уже не было; осталась лишь прозрачная жидкость, вскоре струйкой ушедшая в при- озерную траву.

Внезапно Найла охватила усталость, словно бы кто-то вы- качал из него всю энергию. Истекшие десять минут потребо- вали такой невероятной концентрации, что хотелось со вздо- хом закрыть глаза и ждать, ждать, пока мало-мальски не вос- становаются силы.

Он подобрал с земли влажный снаружи спальный мешок и побрел вверх по склону к злополучному месту ночлега. Там, где ползло существо, оставался мокрый след — как ни странно, совсем не склизкий на ощупь: вода как вода.

Сума лежала на прежнем месте, сухая: очевидно, слизень не проявил к ней интереса. Земля там намокла, и Найл вместе с пожитками перебрался на десяток шагов повыше. Больше опасных сюрпризов озеро наверняка в себе не таило. Главное сейчас — как следует отдохнуть. Через пару минут Найл уже спал.

Глаза он открыл, когда уже рассвело. Солнце хотя и не добралось до вершины холма, что за спиной, но уже озарило лучами пустынные земли к западу. Найл вылез из спального мешка — обратив при этом внимание, что тот покрыт беловатым налетом с каким-то рыбным запахом, — и свернул его нажатием кнопки. В горле было сухо, и ужас как хотелось есть (сейчас бы тот самый обычный завтрак: свежиспеченный хлеб и масло с медом). Вместо этого Найл приложился к фляжке с водой из колодца, которая его ощутимо взбодрила. Вкус, кстати, был едва ли не лучше, чем когда ее только что зачерпнули. А запах вызывал ассоциации с зеленью — травой, листьями, молодыми побегами. Вскоре Найл уже не чувствовал голода.

Пока он собирал суму, над холмом величаво взошло солнце, затив светом склон и зеленую поверхность озера. Красота и спокойная умиротворенность пейзажа невольно очаровывали. От Найла не укрылось и кое-что еще. Росистая трава на утреннем солнце переливалась оттенками изумруда, однако в том углублении, где он имел неосторожность заснуть, она была покрыта таким же беловатым налетом, что и дно у спального мешка, куда налипла слизь. Озадачивало то, что площадь, которую покрывал этот налет, была не меньше семи метров в окружности. Сам слизень в том виде, в каком различил его при луне Найл, был меньше по крайней мере вдвое.

Найл, заинтригованный таким обстоятельством, прошелся по белесому следу до самого озера. По всей его протяженности ширина была неизменной, вплоть до того места, где след терялся в чистой воде.

Ну и ну. Как слизень, в котором длины не больше трех метров, сподобился оставить след в семь метров шириной?

Ответ пришел постепенно, и такой, что впору было досадовать на свое тупоумие. Разумеется, то существо могло раскапываться тонким слоем так, чтобы «просачиваться» под жертву на манер мокрой простыни.

Что же в таком случае произошло? Видимо, оно облекло собою спальный мешок, так как он весь в белой парше. К счастью, голова у Найла на тот момент находилась в водонепроницаемом кармане, предназначенном для подушки. Слизень и тогда мог накрыть ему лицо и удушить, но воздержался, чтобы невзначай не вспугнуть до времени жертву: а вдруг вырвется? Он, судя по всему, решил оттащить добычу к озеру и втихую утопить, а потом уже съесть.

А почему Найл не почувал опасности и спокойно завалился спать? Неужели то существо владело некоего рода гипнозом, притупляющим у жертвы бдительность?

И тут до Найла с внезапной ясностью дошло: этот гигантский слизень и был источником загрязнения священного озера. Как все живое, слизь на протяжении своего жизненного цикла сбрасывала миллиарды клеток. Но в отличие, скажем, от сброшенных клеток кожи человека, которые уже мертвы, клетки этого бесхитростного организма оставались живы. Это существо избавлялось от них по той лишь причине, что жизненной энергии у него не хватало на содержание большего количества клеток — иначе оно постепенно разрослось бы на все озеро.

Задумчиво стоя на берегу, Найл ломал голову еще над одним вопросом. Почему это существо вдруг взяло и рассосалось? В тот момент он считал, что это был своего рода способ изникнуть, уйти от навязанного господства чужой воли; что-то вроде самоубийства. Хотя какое самоубийство может быть у слизи, и не слизня даже, а создания еще более примитивного?

Следовательно, тварь прикончила не его, Найла, воля, а чья-то еще. Но чья? И зачем?

По-прежнему занимаемый этим вопросом, он направил стопы на северо-запад. Когда Асмак устраивал для него умозрительную «рекогносцировку на местности» между городом пауков и Серыми горами, Найл тщательно запомнил маршрут, а позднее еще и усилил память посредством медальона. Так что теперь он хотя бы четко представлял, в каком направлении двигаться.

За долиной зеленого озера потянулись ухабистые и на редкость невзрачные пустоши. Сама земля была словно сплошная полоса препятствий, где Найл то и дело запинался о травянистые кочки, кривые корни и торчащие из дернины камни. В небе кружила пара-тройка воронов. Элементалами здесь и не пахло. Даже какого-нибудь утрюмого нелюдима вроде того, что вскинулся на Найла, когда он подумал разбить возле его камня бивуак, и то не попадалось. Оттого, наверное, и места здесь такие неприглядные, и растительность нсухоженная.

Непривычно теплое для октября солнце пригревало голову и плечи. Через час нелегкого пути по унылой местности так отяжелели ноги, что захотелось сделать привал. Но земля была или чересчур сырая, или очень уж неровная. Наконец нашелся подходящий камень — плоский, примерно метр в поперечнике, — на который Найл с облегчением опустился. Камень при этом чуть накренился, и из-под него выскочил какой-то мелкий грызун. Он юркнул было под защиту колючего куста, но тут сверху камнем прынул ворон (Найл аж вздрогнул) и, прикончив бедолагу одним ударом клюва, мгновенно ретировался вместе с добычей.

Найл достал из сумы сверток с едой и взялся за сушеные коржи. Пока он перекусывал, в десятке шагов от него на изогнутое деревце спланировал ворон — крупный, от головы до хвоста около метра. Поводя опасного вида клювом цвета слоновой кости, он сидел и поглядывал с нескрываемым любопытством.

Найл отпил из фляжки воды, и его охватила желанная расслабленность. Воронов такой величины он нередко видел в пустыне. Восхищала их острота зрения: запросто различали с высоты в четверть мили шуструю землеройку. Найл от нечего делать попробовал применить к ворону «боковое взглядывание»; интересно, выявит ли двойное зрение что-нибудь за рамками физической реальности.

Двойное зрение как бы создавало вторую пару глаз, являющих на свет не столько внешнее обличье, сколько внутреннюю суть вещей: не случайно хамелеоны, владеющие этим зрением в совершенстве, могли видеть элементалов. В данном случае Найлу открывалось лишь то, что птица эта — типичный падальщик, безостановочно высматривающий себе любое пропита-

ние. Хотя, поднаторев в контакте с умами хамелеонов, Найл мог сейчас и себя видеть глазами этой птицы: эдакое странное двуногое существо со съедобной ношей на горбу, которое кормится почему-то сидя, даром что делать это стоя куда как сподручнее. Сейчас птицу в основном занимало, не оставит ли он после себя какую-нибудь еду. Кстати, если б не этот взгляд на себя глазами ворона, Найл упустил бы из виду, что сума опрокинулась, а фляжка с медом откатилась в сторону.

В эдакой глухомани даже такая компания была в радость, и Найл вслух произнес:

— Эх, мне бы летать как ты.

Слыша собственные слова, Найл одновременно их осмысливал. Он опять перенесся и взглянул на себя глазами птицы. Это давалось не без усилия, к тому же «удерживаться» в постороннем разуме получалось считанные секунды, при этом как будто раздваиваясь. К слову сказать, подобное можно было проделывать только сидя, иначе голова попросту шла кругом.

Хотя если «перемещение» удавалось, получалось крайне интересно. Например, себя он видел на порядок отчетливей, чем если бы смотрел человеческими глазами. На свое зрение Найл никогда не жаловался. Но ему и в голову не приходило, насколько убог человеческий глаз в сравнении со зраком ворона — близорукий, да и только.

Однако эта игра в гляделки ворону вскоре наскучила: расправив крылья, он взлетел. Найлу стоило изрядного усилия удержаться в рассудке ворона — но это все-таки удалось, и вот Найл уже смотрит на себя с верхушки дерева в сотне метров отсюда.

Это необычное ощущение увлекало; он теперь даже не чувствовал усталости. Подобная «отлучка» из тела перезаряжала его энергией. Теперь ясно: усталость у людей во многом объясняется тем, что их видение мира ограничено лишь парой собственных подслеповатых глаз.

Сообразив, что ворон теперь не сдвинется с места, пока двуногий не уйдет, дав ему возможность поискать остатки съестного, Найл положил на камень кусок коржа, а сам, взвалив на плечи суму, пошел в сторону ближнего разлапистого куста. Применять в пути двойное зрение он не рисковал: можно запнуться и упасть. Укрывшись за кустом, пронаблюдал, как во-

рон, спикировав на камень, вмиг управился с оставленным куском, после чего некоторое время разглядывал землю в поисках крошек. Наконец, убедившись, что ничего больше не осталось, он возвратился на дерево. Найл же, не найдя, где еще присесть, пошел обратно к камню. Спустя минуту он вновь рассматривал себя через глаза ворона.

Теперь он пытался внушить птице, что пора трогаться в путь. Ворон внушению не поддавался, надеясь, что двуногий будет опять кормиться. Минут через десять ему все это надоело, и он взмыл в воздух. Терпеливо ждавший Найл вдруг увидел, как земля резко уходит из-под ног. Ощущение было таким достоверным, что он невольно дотронулся руками до камня — убедиться, что по-прежнему сидит на месте.

Чувство полета было Найлу уже знакомо благодаря Асмаку, начальнику воздушного наблюдения. На этот раз все обстояло совершенно иначе. У ворона зрение было несравненно сильнее, чем у Асмака, а потому все представляло гораздо четче и достоверней. С трехсотметровой высоты зеленое озеро казалось на удивление близким (а ведь до него миль десять, не меньше); различались даже шпили города пауков к югу. На востоке высилась священная гора, а земли хамелеонов и с высоты смотрелись куда более зелеными и привлекательными, чем унылая пустошь внизу.

До Найла вскоре дошло, что птица летит совсем не в том направлении, в каком хотелось бы ему. Ворон устремлялся на юго-восток; вдалеке уже проглядывал бескрайний серебристо-серый морской простор. Найл попытался внушить, что надо лететь на север или на запад; бесполезно. Голодную птицу интересует только пища, все остальное отходит на второй план за ненадобностью.

В этот момент вид священной горы невольно напомнил Найлу о хамелеонах, и он вдруг понял, что действует неверно. Они бы не уговаривали птицу сменить направление против ее воли. Вместо этого они бы смешались с ее природными инстинктами, внушив, что она желает сменить направление сама. А потому Найл как бы невзначай предположил, что лететь над лесистой местностью бесполезно: и земля, и возможная добыча там прячется под листвой. Это возымело эффект. Убеденный, что это его собственная прихоть, ворон плавно

повернул на север — отчего перед глазами у Найла очертилась далекая горная цепь, — а затем снова полетел на восток.

Найл даже различал свое теперешнее местонахождение (взор птицы ориентировался на него как на место недавней кормежки) и смежную территорию, уходящую на север. Оказывается, он чуть было не двинулся туда, куда не надо. В паре миль отсюда сплошь лежали буроватые озера застойной воды, черные грязевые наносы и чахлая иззелена-желтая растительность, выдающая болотистый характер местности, причем конца-края этому не виделось даже с высоты птичьего полета. Так что двинься Найл в этом направлении, он бы, проблуждав понапрасну день, вынужден был повернуть обратно.

В другой стороне, северо-западной, можно было различить вконец заросший тракт. С земли его, пожалуй, и не углядишь, а вот сверху он виделся вполне четко. Через пустынную возвышенность он вел к долине Мертвых и Серым горам.

Тщательно выверив это направление по отношению к месту, где он сейчас сидел, Найл сменил фокус своего сознания и снова ощутил под собой холодную шершавую поверхность камня. Совершив мыслью резкое приземление с непомерной высоты, он некоторое время сидел, приходя в чувства. Снизу было видно, как ворон в небесной вышине, неспешно взмахивая крыльями, летит на запад.

С помощью компаса Найл прикинул путь к увиденному с высоты тракту и двинулся на северо-запад. Годы жизни в пустыне научили его чутьем угадывать направления. Если вдуматься, то и эта суровая местность тоже была в каком-то смысле пустыней.

Вскоре земля под ногами сделалась сухой и твердой; что ж, по крайней мере, с болотами удалось разминуться. Однако к тому времени как солнце подошло к зениту, усталость все же взяла свое. Когда в одном месте пришлось вброд переходить мелкий ручей, почувствовать голыми ступнями воду было так невыразимо приятно, что Найл опустился на колени и, вдосталь напившись, сел на бережке, так и не вынимая ног из светлых струй. Будь здесь какая-нибудь тень, он бы растянулся на прибрежной мураве и задремал. Вода и вправду ввергала в такое полусонное состояние, что пробирала зевота. Тут Найл краем глаза заметил движение, что-то вроде духа природы. Прямой

взгляд результатов не дал, но несколько попыток «бокового взглядывания» позволили худо-бедно различить небольшое цветистое взвихрение энергии, словно бы кто-то в том месте восторженно, играючи плескался — вверх-вниз, вверх-вниз, — вздымая на поверхности воды фонтанчики радужных брызг. После нескольких минут наблюдения зыбкая форма сложилась в миниатюрный женский силуэт в символическом полупрозрачном одеянии. Хотя Найл все-таки подозревал, что этот силуэт — плод его воображения, сродни лицам, различимым подчас в плывущих облаках.

Мысль о том, что вокруг опять места, где заправляют элементы, поднимала настроение. Впрочем, до засеченного с воздуха тракта все еще, по самым примерным прикидкам, оставалось мили две или три, так что привал пора было заканчивать.

Эту пустошь, но крайней мере, покрывали не кустья колючего утесника, а вереск, так что вид вокруг открывался на несколько миль. Справа горизонт оторачивала низкая и длинная гряда, и Найл без колебаний зашагал в ту сторону, зная, что хоженные тропы нередко тянутся именно вдоль таких горных цепей.

Дважды на протяжении следующего часа до него доносилось карканье летящего сверху ворона. То, что ворон тот самый, с которым они уже пересекались, не вызывало сомнения: голос птицы так же узнаваем, как и голос человека. Почему он летит следом — потому ли, что Найл его случайно прикормил? Или по той простой причине, что Найл — единственная живая душа на всем этом безлюдном просторе?

Гребень оказался дальше, чем подумалось Найлу сначала, но тем не менее спустя час он уже стоял на откосе. Южнее расстилалась открытая местность, а далеко на севере виднелись горы.

Пройдя вдоль гребня еще с полмили, Найл с облегчением убедился, что направление он уловил верно и вышел-таки на неширокую разбитую дорогу, идущую с юго-востока и далее, прорезая гряду, на северо-запад. Если бы не холмистый гребень, он бы ничего и не нашел: по обе стороны каменистая пустошь вся как есть поросла вереском.

Найл шагал этой колесей (видимо, когда-то в старину здесь пролегал торговый путь) с обновленным чувством целенаправ-

ленности; удовольствие вызывал и впечатляющий вид. Но все это начало улетучиваться, когда до Найла дошло: широта и открытость панорамы лишь подчеркивают то, что движется он с черепашной скоростью. Он как бы увидел себя с высоты: муравей, еле-еле ползущий по бескрайнему пейзажу. Вскоре Найла охватило такое нетерпение, что впору было сорваться на бег трусцой; впрочем, он отдавал себе отчет, что так лишь вымотается.

Тут пришла идея. Он повернул на груди медальон и ощутил мгновенный прилив сил и энергии, отчего шаг стал шире. Сфокусированное внимание с новой силой вбирало благодатный запах вереска, дуновение ветерка в голую грудь, клики птиц. Все это приливалось волной чистого восприятия, без примеси мыслей или эмоций.

Были у медальона и свои недостатки. Примерно через полчаса от него начинало ломить глаза, а затем возникала головная боль. Но ощущение неумейной бодрости того стоило. Вдобавок он еще и приносил приятное ощущение контроля за происходящим, и кто знает, может, если намеренно увеличивать длительность использования медальона, то по мере привыкания неудобство само собой пойдет на спад.

Небо подернулось облаками, и начал накрапывать дождь. У Найла это обычно сказывалось на настроении не лучшим образом. Но благодаря медальону он сознавал, что легкое уныние — не более чем машинальная реакция, и лишь от него самого зависит, поддаваться тоске или нет; все равно что ставить гирику на весы и смотреть, какая из чашечек перевесит.

От этой мысли Найла ярким сполухом пронзило осознание того, что он свободен. Причем во всей полноте он прочувствовал эту мысль впервые в жизни.

Он даже приостановился, усваивая происшедшее. Да-да, все обстояло именно так. С самого детства он принимал как должное, что все его ориентиры ограничиваются физическими нуждами: голодом, жаждой, усталостью. Более того, он извечно позволял этим нуждам определять его настроение. Подобно незримым хозяевам, они властвовали над каждым мгновением его жизни, выдавая распоряжения. Теперь же Найл понимал: от него самого зависит, подчиняться этим указаниям или нет. При необходимости можно и сопротивляться им, а то и вовсе игнорировать.

Найлу с пронзительной ясностью открылась доподлинная правда человеческого бытия. Наступил переломный, по сути, момент откровения. Отныне жизнь никогда уже не будет прежней. Это было столь же четко и однозначно, как уход из детства во взрослую жизнь.

Словно в подтверждение этих мыслей, дождь перестал и лучи солнца заиграли на влажных кустах вереска. Найл, нахмурясь и стиснув зубы, сосредоточился. От мощного прилива энергии захотелось смеяться. Найл с полминуты удерживал в себе это ощущение, чувствуя, что при этом обострилось зрение, прямо как у ворона. Возможные невзгоды и опасности как-то отошли на задний план; ведь главное — не дать им поработить себя.

В этом состоянии безотчетного оптимизма Найлу казалось, что ему по силам отыскать ответ на любой вопрос, какой только способен прийти в голову; что он набрел на жизненный принцип, посредством которого решается любая задача. И в основе всего лежал именно этот естественный, присущий ему оптимизм. Еще в детстве Найл склонен был думать, что будущее таит для него множество волнующих сюрпризов, потому что в жизни ему уготована особая роль. Не отрекся он от такой мысли, даже наткнувшись на мертвое тело отца в норе среди пустыни, где прошла почти вся их жизнь. Не извели это чувство ни скорбь, ни горестное смятение. Потаенным огоньком жила она в нем и тогда, когда его, изловив, рабом отправили в город пауков.

И оптимизм его, надо сказать, в значительной мере оправдался: спасение паука, смытого с судна штормом, обернулось для него в городе относительным признанием и союзничеством с венценосцем Каззаком, который, очевидно, рассматривал его как будущего зятя и преемника. И только осознав, что, оставшись во дворце Каззака, он тем самым предаст своих братьев-людей, Найл решился, рискуя жизнью, бежать из города пауков.

У него тогда было жгучее, всепоглощающее желание уничтожить восьмипалых и освободить жителей паучьего города. Но это оказалось необязательным после встречи с растением-«имнератрицей», богиней Дельты, которая дала ему возможность освободить порабожденных братьев, не прибегая к крово-

пролитию. Теперь же, сдружившись с пауками, среди которых были и Дравиг, и Асмак, и сын Асмака Грель, Найл испытывал глубочайшее облегчение от того, что до войны дело не дошло.

Так что, если поразмыслить, для оптимизма имелись веские причины, и отказываться от такого явного преимущества было бы непростительно. Да, от решения отправиться в неведомую твердыню Мага отдавало безумием: непонятно ни где ее искать, ни что предпринять по прибытии. Но ведь и отправляясь из своей пустыни в город Смертоносца-Повелителя, он не располагал никакой альтернативой, кроме как понадеяться на интуицию, которая поводом велела вперед. Единственное, что подтачивало настрой на благополучный исход, это сомнения.

С такими вот мыслями Найл шагал по старой разбитой дороге. Шел он уже больше часа и, судя по всему, оставил за собой миль семь, никак не меньше, когда пейзаж переменялся. Там, на западе, долина оставалась плоской. Колея же, ведущая на северо-запад, поднималась к отрогам гор из обнажившейся породы. Поворот направо, и глазам предстала грозная в своей величавости картина. Тропа, петляя, шла по речной пойме, которую обступали стены красноватого песчаника, выточенные непогодой в колоннады.

На полпути через пойму в небо указующим перстом торчал громадный рыжий камень, от которого тропа-колея ответвлялась наискось. На «пальце», словно в знак приветствия, уже застыл ворон. Метрах в пяти ниже дороги, опоясывая каменистый склон, текла рска, что когда-то выточила саму эту долину. Успокоившись наконец в своем теперешнем русле, она была широкой и, в общем-то, неглубокой: во всяком случае, на это намекали ее мелковатые берега, а блестящие переливы воды манили своей кажущейся прохладой.

Найл ненадолго остановился, оглядывая пейзаж, после чего перевел взгляд на ворона. Зачем птица его сопровождает? Надеется, что снова перепадет пища? Найл применил «боковое вглядывание» и моментально увидел себя глазами ворона. Тот резко повернул голову, явно сознавая: что-то происходит. И в этот миг Найл сообразил, отчего ворон неотлучно за ним следует. Сознание у него намного слабее, чем у человека, а по-

тому ум Найла — пусть даже косвенно — добавляет определенной интенсивности его существованию. И это странное ощущение для пернатого так же внове, как для Найла — чувствовать себя в теле птицы, где вместо рук сложенные крылья, а на ногах мощные когти, способные запросто нести по воздуху барашка.

Кстати, ноги почернели от пыли, так что Найл слез к реке и, расположившись меж корней большой нависшей над водой ивы, скинул суму и сандалии. Посидев немного, он повернул медальон обратной стороной. Что приятно, не ощутилось головной боли, возникающей обычно, когда им пользуешься больше получаса. Значит, уже вырабатывается привычка. И чувствовал он себя таким же бодрым и свежим, как и час назад, когда только прибег к помощи «зеркала» мысли.

Отстранив вогнутую часть медальона от груди, Найл тем самым вызвал расслабленность. От души зевнув, он со сладостным вздохом окунул ступни в воду. Та оказалась неожиданно холодной, поэтому пришлось несколько раз вынимать их и погружать, прежде чем они привыкли к температуре. Освоившись, Найл постепенно, шаг за шагом, зашел в реку по бедра.

Стоять после долгих часов пути в воде, глядя на рябящее отражение облаков и ветвей, было сплошным блаженством. Житель пустыни в нем по-прежнему изумлялся, как все-таки расточительно богата Земля на всякие реки и ручьи. Крутые красноватые склоны казались еще более грозными, чем на самом деле.

Найл представлял, как с этого вот камня-перста он срывается прямехонько в небо... И тут, вздрогнув от неожиданности, различил отражение чего-то на дороге; это «что-то» определенно двигалось. На секунду подумалось: ворон. Но ворон (это было отчетливо видно) по-прежнему возвышался на камне. Приглядевшись к движущемуся силуэту, Найл понял, что это паук.

Настрой на расслабленность не дал ему отреагировать удивленно. Вместо этого он лишь медленно поднял взгляд. Не более чем в десятке метров вверх по дороге осторожной поступью шел паук-смертоносец. Все внимание восьмилетнего было сейчас сосредоточено лишь на выглядывании из-за камня. Шелвельнись Найл или зыркни паучице хотя бы одним из своих

глаз, и стоящий в воде человек стал бы ему виден как на ладони. Но река внизу смертоносца не интересовала. Паука заботило лишь то, чтобы его никто не увидел с дороги.

Найл узнал восьмилетнего сразу. Это был тот самый друг и сообщник Скорбо, капитан паучьей гвардии. Осторожность же он проявлял по простой причине: очень не хотел попасться на глаза Найлу.

Минут пять после того, как капитан скрылся за поворотом, Найл продолжал стоять неподвижно, теряясь в догадках. Зачем паук идет следом? И как давно?

На второй вопрос ответить было гораздо проще, чем на первый. Шагая по гребню, Найл был различим на фоне неба за милю вокруг. Так что преследовать можно было вот уже час с лишним.

Может, потому и ворон кружил сверху — предупреждал, что за Найлом крадутся?

Но зачем капитану это понадобилось? Если он намеревался убить из мести за изгнание, то в течение этого часа имел уйму возможностей осуществить свой замысел. Несколько гигантских шагов (шире человеческого примерно вчетверо), удар ядовитого жала, и обидчик распрощался бы с жизнью за считанные секунды.

Может, он собирался напасть во время сна? Маловероятно, ведь можно было запросто накинуться, когда Найл, ни о чем не подозревая, шел себе по дороге.

Будь это Скорбо или кто-то из его плотоядных подчиненных, не пришлось бы ломать голову. Умом они не блистали, а потому просто шли бы на поводу у инстинкта, заставляющего голодного паука выслеживать добычу. Но капитан у Найла на глазах осмелился тогда возражать самому Смертоносцу-Повелителю, строптиво оспаривая свой унижительный приговор; он, судя по всему, обладал недюжинной сметкой и самодисциплиной, если все это время шел за Найлом. И шел явно с какой-то целью.

Был и еще один вариант. Скорбо однажды совершил вынужденную посадку во владениях Мага и, возможно, стал не только

его пленником, но и союзником. А значит, таким же союзником мог быть и капитан. Что, если у него задача схватить Найла и передать в руки Мага?

Но зачем суетиться, когда Найл уже сам идет в нужном направлении? Можно просто держаться следом и присматривать, чтобы он исправно прибыл к месту назначения.

Возможно, это и есть самое вероятное объяснение.

В таком случае попытка укрыться ничего не даст. Коли уж, по удачному совпадению, недруг лишился своего главного преимущества — внезапности, нет и смысла от него прятаться. Надев сандалии и прихватив суму, Найл начал по покато-му берегу взбираться на дорогу.

Не дойдя еще до верха, он уже ясно видел дорогу по всей ее протяженности от красного камня; почти на четверть мили. Как ни странно, она была пуста. У паука не было времени скрыться вдали, разве что нестись во всю мочь до верхушки следующего холма. Получается, он спрятался где-то здесь, сравнительно неподалеку.

Как поступить, Найл понял, когда его взгляд упал на ворона, по-прежнему сидящего на камне. Расслабься до уровня, позволяющего слиться с сознанием птицы, он уже спустя секунду озирает ее глазами пойму и равнину, уходящую на восток, к морю. В двадцати метрах справа на откосе можно было видеть капитана. Паук чутко застыл у кромки, возле самой дороги.

Так и есть. Смертоносец, разумеется, убедился, что дорога впереди безлюдна, а значит, двуногий где-то невдалеке. И вот он караулил, не пройдет ли мимо Найл, разумеется, наблюдателя при этом не заметив.

Найл, собравшись с духом, повернул нужной стороной медальон и несколько секунд сосредоточенно ждал прилива энергии, после чего обогнул камень и в открытую взглянул на паука.

Инстинктивную реакцию смертоносца, собственно, можно было предугадать: на центральную нервную систему обрушился мгновенный удар воли, словно вморозив в глыбу льда и полностью обездвижив. Но страха у Найла это не вызвало, он догадывался, что именно так и случится, и намеренно не напрягался в хватке чужой воли, крепкой, как щупальца спрута. Паук же при этом испытывал некоторую растерянность:

а что же дальше? Инстинкт побуждал его наброситься на недвижимую добычу и вонзить клыки, разумная же его часть этому противилась.

Воспользовавшись мгновением нерешительности, Найл ударил всей своей силой концентрации, чтобы вырваться. Паук, явно не ожидавший такой воли от человека, немало удивился. От приложенного усилия медальон на груди у Найла нагрелся, но не так сильно, не до ожога, как при прошлом противоборстве с пауком. Теперь паук и Найл стояли, изучая друг друга: Найл с непринужденным спокойствием, капитан — очевидно неуверенный в том, как вести себя дальше.

Делая следующий ход в шахматной партии, Найл обратился к капитану с таким видом, будто уже не ожидал дальнейшей атаки:

«Куда ты идешь?»

Тон у Найла был такой уверенный, будто он имел полное право на расспросы. Чувствовалось удивление капитана от того, что к нему так четко обращаются на телепатическом языке пауков.

«Мне все равно, куда идти. У меня нет дома», — отозвался он, помедлив.

Будь он человеком, фразу можно было бы сопроводить пожиманием плеч.

Теперь Найл понял, что одержал верх: паук принял его право задавать вопросы, словно бы человек был старший по рангу.

«В таком случае почему бы нам не продолжить путь вместе?»

Опять же, при разговоре с человеком уместно было бы сопроводить это приглашающим жестом. Телепатия же делала такую куртуазность излишней. Крутой уклон к дороге капитан одолел с завидной легкостью.

Найлу он в свое время почему-то казался крупнее; разница в росте у них составляла всего-то с локоть (вообще у смертоносцев рост от двух с небольшим до двух с половиной метров). И цвета паук был темно-коричневого, а не черного, как большинство его сородичей. Глянцевитостью капитан напоминал Греля, сына Асмака, что в свою очередь указывало на сравни-

тельно молодой возраст и в то же время на вполне взрослые силу и ловкость.

Дорога на север для двоих была, пожалуй, узковата, и чепырью правыми лапами пауку приходилось, при его размахе, ступать по травянистой обочине.

«Ты говоришь, у тебя нет дома, — завязал разговор Найл. — А разве твой дом не в Восточном Кореше?»

«Это если добираться морем, потребуются две недели. А по суше больше года».

«Отчего ж тебе не возвратиться морем?»

«О том и речи нет. Смертоносец-Повелитель издал указ, чтобы ни один корабль меня не брал».

Найл и сам вспомнил слова Смертоносца-Повелителя: «Ни один корабль не понесет на себе изменника, который смерти предпочел бесчестье».

Паук уловил его мысль и, скорее всего, счел ее за унижительную.

«Так ты желаешь вернуться морем?» — спросил Найл повторно.

У людей такой вопрос отдавал бы двусмысленностью, но паук понял все досконально.

«Ты мог бы приказать, чтобы корабль меня принял?»

«Да».

Найл почувствовал его удивление.

«И отклонить решение самого Смертоносца-Повелителя?»

«Я хозяин города пауков, — ответил он, — а потому мое слово выше даже слова Смертоносца-Повелителя».

Глаза паука — и на голове, и в боку — воззрились на Найла с изумлением. Поскольку изъяснялись человек и паук телепатически, у восьмилатого не было сомнений, что двуногий говорит правду.

Чувствуя, что спутник затаил какой-то вопрос, Найл добавил:

«Высказывай, что у тебя на уме».

«Как ты — двуногое существо — сумел стать хозяином города пауков?»

«Властью богини».

«Ты разговаривал с самой богиней?»

«Да».

Точно так же, как капитан мог всматриваться в ум собеседника, делая любую утайку невозможной, так и контакт Найла с умом паука означал прямой доступ к его мыслям. Чувствовалось, что сказанное вызывает у паука священный ужас; ему в это даже верится с трудом.

Невольно вспомнилась еще одна черта, которую Найл нередко подмечал в своих контактах с пауками. Они порой выдавали недюжинный интеллект, но все равно он был не таким утонченным, как у людей. Дело здесь, очевидно, в эволюции. Человек миллион с лишним лет эволюционировал в постоянных конфликтах с себе подобными, а потому достиг высокой степени проникновения в тонкую субстанцию мыслей своих соплеменников, изрядно поднатерев во всякого рода интригах и блефе (взять самого Найла в его недавнем поединке с пауком). Восьмилапые же, в противоположность, никогда не боролись за выживание с другими пауками. Жизнь у них проходила по большей части в терпеливом ожидании, когда в тенета угодит какое-нибудь насекомое и даст о себе знать нервным подергиванием.

У капитана отношение к людям было простецким. Для него они побежденные особи, годные в пищу. Вот почему и он, и Скорбо были так уязвлены, когда вышло распоряжение их любимую еду больше не трогать, а довольствоваться скотом и каким-нибудь случайным разговением вроде птиц. Когда до них было доведено, что такова воля Великой Богини, они просто не смогли в это поверить — ведь ни Скорбо, ни капитан не присутствовали при явлении через Найла их божества. Теперь же, услышав обо всем из уст самого посланца, капитану не оставалось ничего иного, как поверить. Кроме того, разве Найл не доказал, что он не какой-нибудь там презренный двуногий? Ведь он вырвался из его, капитана, собственной хватки.

Вскоре теснина, по которой они шли, расширилась настолько, что вполне можно было идти бок о бок, не залевая друг друга. Капитан хотя и передвигался вдвое медленней обычного, все равно намного превосходил Найла по темпу ходьбы. Что ж, по крайней мере, расстояние наматывается быстрее.

Вокруг потянулись лесистые отроги. На западе маячила горная цепь — кажется, та, что отделяет прибрежную низмен-

ность и развалины Сибиллы, летней резиденции Хеба Могу-
чего, покорителя людского племени.

Найл спросил у капитана: *«Ты когда-нибудь ходил в эти
места?»*

«По земле только раз. А с воздушным дозором — многократно».

«Отсюда далеко до долины Мертвых?»

«С полдня пути».

Найл вначале приободрился, но затем сообразил: что для
паука полдня, для человека день с гаком, миль, пожалуй, со-
рок.

Конечно, со спутником, знающим дорогу, идти было спод-
ручней. В путешествии с пауком был, пожалуй, один лишь
минус. Приходилось все время держать медальон повернутым
к груди. Если его отвернуть, неизбежно станет заметным отток
воли. А потому, хочется или нет, надо жить на неослабном
уровне напряжения и целенаправленности.

К середине дня у Найла разыгралась типичная головная
боль, но он подавил ее в надежде, что хуже не станет. Кстати,
не укрылось и то, что контакт с жизненной силой паука при-
бавлял энергии и ему самому. А ведь действительно: энергия
удерживается на высоком уровне, если не обременять себя
мыслью об усталости, если гнать ее прочь.

При ходьбе они разговаривали мало. У пауков вообще не
принято поддерживать стойкий контакт с помощью речи, да-
же телепатической, поскольку «чувство локтя» у них развито
несравненно лучше, чем у людей. Даже просто идя рядом с
капитаном, Найл уже вскоре знал о нем больше, чем если бы
они болтали без умолку.

Капитан родился в разрушенном городе, во многом похо-
жем на город пауков, только меньше размером. Он тоже был
окружен пустыней. Когда на Земле еще господствовала раса
людей, это был процветающий морской порт. После Великого
Исхода город оказался фактически заброшен, а потом земле-
трясение и вовсе превратило его в руины, добив немногочис-
ленных оставшихся в нем двуногих. Зато там расплодились
полчища здоровенных крыс, и вскоре город превратился в ко-
лонию разумных смертоносцев, которым внушительные здания
и высокие пальмы, где можно раскидывать тенета, пришлось
как нельзя более по нраву. Серые пауки-волчатники предпо-

читали селиться на задворках, среди развалин. Так постепенно сложилось «двухъярусное» общество, в котором смертоносцы слыли аристократией.

Когда наладилось морское сообщение с владениями Смертоносца-Повелителя, в город стали ввозиться слуги и рабы из числа людей. Они разводили гигантских крыс, особо ценимых пауками.

Дед капитана, а затем и отец были членами городского Совета; уважением пользовались и два старших брата. На капитана же из-за его малого роста извечно поглядывали свысока, и он словно в отместку стал водиться с молодыми пауками-волчатниками из трущоб. Те в нем души не чаяли, и постепенно он оказался во главе шайки, которая из озорства делала набеги на крысиные фермы. Как-то раз на пути молодых повес встали люди, что работали на хозяйстве; пришлось с ними разделаться и съесть заодно с потомством. Человеческое мясо показалось настолько вкуснее крысятины, что пауки взяли в привычку при возможности подворовывать и поедать рабов. На это в городе, собственно, смотрели сквозь пальцы, но когда разгильдяи по случайности убили какого-то видного надсмотрщика, дело дошло до Совета смертоносцев, и те, придя в ярость, приговорили негодников к смерти.

Благодаря семейной протекции незадачливому отпрыску удалось избежать наказания, и его кораблем отправили в город пауков, где сметливые офицеры были всегда в цене. Строгая дисциплина выявила в недоросле его лучшие качества, и уже вскоре он оказался в услужении у Смертоносца-Повелителя. Но вот малый рост по-прежнему продолжал делать его объектом насмешек. Постепенно он сошелся со Скорбо, командором паучьей гвардии (а если откровенно, «громоотводом» для верховного владыки на социальной лестнице); служакой, вызывавшим в людях страх за свирепость и непредсказуемую гневливость. Скорбо импонировала сметка и родовитость подчиненного, а капитана в старшем товарище ценили храбрость и тупая мощь хватки.

Великое Восстание, когда люди в одночасье обрели свободу, для Скорбо особых перемен не принесло (разве что пришлось отказаться от человечины); не повлияло оно и на других восьмилапых. Жизнь в городе пауков текла своим чередом. Все так же под надзором трудились люди, а надсмотрщицы

держали отчет перед пауками. Для капитана же эта перемена стала доподлинным потрясением, еще сильнее уязвив его самолюбие. Ему хватало ума понять далеко идущие последствия переворота. Отказавшись от отбора наиболее умных людских особей, подлежащих умерщвлению еще в детской, пауки неизбежно уступят первенство двуногим. Скорбо и ему подобным попросту не хватало ума осмыслить эту потенциальную угрозу, но капитану-то было виднее.

Смерть Скорбо стала еще одним огромным потрясением, особенно в связи с тем, что он признан был изменником. Ни капитан, ни его старший товарищ никогда не зондировали друг друга ум; в этом плане у них был строжайший паритет, основанный на взаимном уважении. И вот Скорбо нет в живых, а он сам влачит горькое существование изгнанника. Все, к чему он стремился и чем жил, в одночасье погибло.

Тут до Найла дошло, отчего капитан с таким мрачным упорством боролся за то, чтобы его оставили в живых. Должно быть, восьмилалого обуревало чувство, что сама жизнь обошлась с ним крайне несправедливо. В глазах пауков отказ от смерти представлялся как нечто в высшей степени предосудительное. Для капитана же это был жест восстания против самой судьбы.

И вот теперь впервые забрезжил свет во тьме. Случай, который дается только раз, вывел его на самого посланника богини. Так что, возможно, судьба к нему не столь уж неблагоприятна.

Усваивая вытекающую из спутника сокровенность, Найл перестал ощущать неловкость за то, что вынуждает капитана ковылять вполсилы. Это, похоже, пустяк в сравнении с тем, на что тот готов пойти, дабы восстановить свою репутацию и самоуважение. Через Найла ему открывается уникальная возможность снова стать лидером среди сородичей, уважаемым и почитаемым. Ради этого он, надо будет, и на коленях с радостью поползет.

Капитан же в свою очередь был зачарован сведениями, почерпнутыми от Найла: как тот вел жизнь в пустыне, ходил в подземный город Диру, был схвачен пауками и предстал в Дельте перед богиней, а теперь вот борется с теми, кто убил Скорбо. Люди, с которыми капитану доводилось иметь дело, были сплошь рабы да слуги, так что для него стала откровени-

ем встреча с человеком, обладавшим разумом, который как минимум не уступал паучьему.

Более же всего капитана, проявившего недавно враждебность и неуважение, впечатляло то, что спутник не высказывает совершенно никакой злопамятности. Просто невероятно. Пауки, достигшие расцвета своего могущества благодаря неукоснительной воле, колоссальное значение придавали именно доминированию. Двое пауков, вступавшие в противоборство, уже никогда не смогут избавиться от этой зловещей памяти, даже если обстоятельства сделают их союзниками. Ощущение нераздельного соперничества будет оставаться между ними всегда. А вот отсутствие злопамятства у Найла подтверждало его превосходство как избранника богини.

Твердый глинистый тракт продолжал петлять среди подножия холмов по левую сторону, пересекая отдельные тропы, уходящие к горным перевалам. Ветер здесь был намного холоднее, чем в землях людей-хамелеонов; в незащищенных местах казалось, того гляди, пойдет снег. Вечер еще и не наступил, но начинало уже смеркаться, так как солнце уходило за горную гряду.

Хотелось пить. Найл, извинившись, достал из сумы фляжку и сделал большой глоток. Вода, как и в тот день, когда он набрал ее из колодца, наполнила его веселым оживлением. Есть тоже хотелось, и Найл сжевал корж. Предложил и капитану (из вежливости, так как паук вряд ли бы принял угощение), но тот сказал: *«Благодарю, не надо. Я предпочитаю мясо»*. На немой вопрос Найла он ответил: *«Похоже, я знаю, где можно его раздобыть»*.

Дорога, петляя, вывела их на вершину холма, с которого в сумерках виднелось небольшое озеро. На той его стороне был лесок. Минут через двадцать они уже оказались среди деревьев. Капитан вдруг замер, и Найл понял, что он использует некое шестое чувство, свойственное охотникам. Чуть погодя на опушку вышел упитанный коричневый вальдшнеп и стал безбоязненно рыться длинным клювом в палой листве. Дав жертве продвинуться на несколько шагов, паук парализовал ее ударом воли и секунду-другую спустя когтем сломал шею как прутик. Птицу он оставил на земле, а сам опять укрылся в затенении подлеска.

Найл ничего не знал о повадках бекасов, но вскоре понял, что в этом леске у них место кормежки и они сюда наведываются в сумерки. Не прошло и четверти часа, как капитан подшиб четверых. ПERNАТЫЕ лежали сиротливой кучкой, разбросав забрызганные кровью нарядные перья — черные, бурые, красные.

Чувствовалось, с каким удовольствием восьмилепый предвкушает трапезу: он был явно голоден. Тем не менее, закончив охоту, он первым делом обратился к Найлу: *«Прошу тебя, возьми все, что пожелаешь»*.

«Спасибо, — сказал Найл с учтивой улыбкой, — но я не ем сырого. Не смею отвлекать тебя от еды».

С жестом, на удивление напоминающим человеческое пожимание плечами, капитан приступил к ужину, раздирая когтями дичь. Найл, вспомнив, какой деликатный процесс представляет для пауков прием пищи, решил за это время наведаться к озеру.

В тускнеющем свете дня вода темнела с сонливой умиротворенностью. Судя по отдельным кругам, в ней водилась рыба. Тут на прибрежной отмели у своих ног Найл различил неброское движение крупной форели. Кстати, а почему бы сейчас с пользой для себя не применить волю, как это сделал капитан? Да, в самом деле, взять и наловить рыбки к ужину! С этой мыслью Найл впился взглядом в форель и сосредоточил на ней силу медальона. Чувствовалось, что ум входит в контакт с рыбой, а та сопротивляется, как если бы ее схватили рукой.

В следующую секунду рыбина дернулась и всплыла. Удивленный таким неожиданным исходом, Найл озадаченно обернулся. Сзади стоял капитан, с удовлетворением глядя на оглушенную форель. Вытащив из воды, он кинул ее к ногам Найла.

«Тебе нравится рыба?»

«Очень даже. Только люди предпочитают ее в вареном или жареном виде».

Такое признание паука, похоже, озадачило, и следующие полчаса он с любопытством наблюдал, как Найл собирает хворост и сухую листву. Еще больше его заинтриговали попытки Найла разжечь огонь с помощью кремней. Он много раз видел, как это на кухне проделывает повар, но со стороны это

занятие казалось куда проще. Наконец, согнувшись в три погибели над кучкой листьев и сучков, чтобы защитить их от ветра, и раскровянив оба больших пальца в отчаянных попытках высечь искру, Найл наконец добился того, чтобы листья вначале затлели, а затем занялись огнем.

«Ты не можешь этого сделать волей?» — участливо спросил капитан.

«Нет. А ты?»

Паук ответил что-то вроде «может, и получится». Судя по всему, подобного он раньше не проделывал. И вот капитан, уставясь на грудку листвы, поднатужился (Найл впервые видел, чтобы паук делал такое заметное со стороны усилие концентрации). Спустя примерно минуту над грудой закурилась жидкая струйка дыма. Впечатляет, ничего не скажешь. Найлу раньше и в голову не приходило, что усилием воли можно разжечь огонь. Впрочем, сейчас он задним числом вспомнил, что и сам, когда фокусировался на рыбине, почувствовал у себя за глазами некий жар — что-то вроде тепла, которое ощущается, если прижаться губами к рукаву и как следует дыхнуть.

Костер самого Найла уже всюю полыхал, да так, что от наносимого ветром дыма слезились глаза. Хвороста вокруг было навалом, и от потрескивающего пламени веяло нестерпимым жаром. Капитан (похоже, не без ехидцы) наблюдал, на какие ухищрения пускается человек, чтобы испортить прекрасную рыбу. Наконец огонь прогорел, и образовалось достаточно раскаленных углей, куда можно было сунуть форелину, не замедлившую аппетитно зашипеть. Пока она жарилась, Найл обзавелся срезанным с дерева длинным прутом. Ветки потоньше он отсек, оставив только одну на конце, размером и толщиной с большой палец. Этим прутом он в итоге и выхватил рыбу из жаркого плена углей, обломив ей в процессе обуглившийся хвост.

Дерево, от которого он отрезал прут, обеспечило еще и листьями — красными и округлыми, каждый шириной с ладонь; десяток таких, и получилась походная скатерка, на которую и легла форель. Под снятой чулком от жабер опаленной кожей обнажилось розоватое, хорошо прожаренное мясо. Отхватывая ножом крупный ломоть, Найл обжег пальцы (пробовать еще рановато: слишком горячая). Десяток минут терпения —

и, посыпанная солью, на куске коржа, она попросту таяла на языке. Как хорошо, что мать позаботилась положить соль, — мясо было малость жирновато. Еду он запил водой из фляжки.

Капитан между тем уютно устроился с другой стороны костра, подобрав под себя лапы. Поднялся холодный ветер (в горах, возможно, сейчас сечет снежная крупа), так что тепло костра было приятным вдвойне. Рыбина оказалась такая крупная, что Найл не справился и с половиной, да и жар углей не пропек серединку.

Капитан поглядывал с интересом, и Найл спросил, не желает ли он попробовать; паук на удивление охотно согласился. Держа рыбу перед собой в когтях, он сгрыз ее как кочерыжку, оставив лишь хребет. После этого опять съежился в комок, сложив лапы на округлевшем брюхе. Как видно, не все пауки испытывают неудобство, когда на них за едой смотрят люди. Дело, видимо, просто в том, что капитан родом из отдаленной провинции, не отягощенной условностями этикета.

Ощущать жир на руках было неприятно, и Найл сходил к озеру их помыть. Возвращаясь к костру, по пути он набрал еще сухого трута, который в изобилии похрустывал под ногами. Наконец Найл развернул спальный мешок, который, кстати, по-прежнему пахивал тем слизнем. Прежде чем расстелить, мешок он встряхнул, подняв облачко беловатой пыли. Найл улегся поверх спальника; подложенная под голову сума вполне сгодилась в качестве подушки.

Отстраненно глядя на костер, Найл с интересом ощущал между собой и пауком некий контакт — неявный и вместе с тем стойкий, какой бывает между давно знакомыми людьми. А ведь повстречались-то они всего несколько часов назад. И тут его пронзило осознание, каково это: быть пауком, находиться в непрерывном контакте с умом каждого из сородичей.

Контакте, разумеется, не полном, иначе миллионы телепатических сигналов, исходящие одновременно ото всех, буквально оглушили бы отдельную особь. Просто каждый из пауков смутно сознавал некое всеохватное, клубящееся марево, которое являл собой коллективный разум восьмилепых. И сила каждого паука исходила из несказанной мощи этого общего резервуара волевой энергии.

В сравнении с этим каждый человек обитает сам по себе, в подобии одинокого узилища. Чувство общности, единения

со своими братьями у него несравненно слабее. Вот почему воля у людей так зыбка, вот почему их так легко одолевает скука. Для ощущения цели люди вынуждены постоянно нагнетать в себе остроту чувства, интереса к происходящему. А все оттого, что им не удастся прочувствовать глубинные основы своего бытия.

В самом же Найле, как видно, вызревало перерождение в иную человеческую сущность — такую, что способна внутренне сообщаться с умами братьев. Да и не только с ними, а еще и с умами пауков и людей-хамелеонов. Причем с каждым днем эта плавная перемена становилась для него все ощутимее.

Из наступившей уже дремоты Найла вывела птица, пролетевшая невысоко над костром. Взгляд уловил лишь истаявший в темноте силуэт с двумя светлыми пятнышками по бокам — впечатление такое, будто пелеринку влекут две птицы поменьше. Когда силуэт возвратился, удалось различить, что светлые пятнышки — это концы необычайно длинных перьев, выступающие из крыльев на манер метелок. Помнится, на похожую птицу ему указал однажды Симеон, когда они по темноте пробирались в город жуков-бомбардиров; козодой, кажется.

Когда она появилась в третий раз — бесшумно, как сова, — паук-капитан сшиб ее влет ударом воли. Любопытно было взглянуть на оперение крыла. *«Извини»*, — мысленно произнес Найл, нагибаясь над подергивающейся тушкой размером с ласточку.

И тут он заметил нечто примечательное. На одну из птичьих лап было нанизано черное, матово поблескивающее кольцо. Выходит, птица не дикая, а окольцованная хозяином. На секунду мелькнуло, что она, вероятно, из города жуков-бомбардиров, там кое-кто из людей держит ручных птиц: вон у Доггинза ребятишки даже голубятню соорудили в саду. Хотя если вдуматься, кому взбретет в голову приручать ночную птицу? Да и город находится в сотне с лишним миль отсюда.

Птица затихла, явно безжизненная.

«Зачем ты ее убил?» — спросил Найл.

«Я ощутил в ней что-то не то».

Найл указал на черное колечко: *«Похоже, это лазутчик».*

Они переглянулись, а поскольку умы пребывали в контакте, дальнейшие изъяснения были излишни.

«*Так что, возможно, он нас ожидает*», — предположил наконец Найл.

«*Только вот птицы он лишился*», — заметил капитан.

Над этим стоило поразмыслить. Хотя мало ли у Мага может быть шпионов.

Уловивший мысль Найла капитан спросил: «*Получается, он ждет, но ты все равно намерен идти?*»

«*У меня нет выбора*, — ответил Найл. — *Мой брат поражен смертельным недугом. Я должен попытаться его спасти*».

«*У тебя есть какой-то план?*»

«*Нет. Я надеюсь на помощь богини*».

Фраза была равнозначна плевкам через левое плечо, но паук, судя по всему, истолковал ее буквально и принял за ответ.

Не имело смысла рассказывать капитану, что в Страну Призраков Найл отправился, не ведая пути, а коли даже доберется, не будет знать, что предпринять. Правда в том, что если Маг уже предупрежден о приближении Найла, то наверняка подготовил ловушку. Тем не менее выбора не наблюдалось. На кону жизнь брата, и никуда от этого не деться.

Прежде чем забраться в спальный мешок, Найл ухватил его за нижние края и как следует встряхнул, чтобы избавиться от белой парши гигантского слизня. При этом пальцы наткнулись на что-то твердое; чтобы разглядеть, Найл прибег к помощи фонарика. Это был выдвижной мундштучок с пробочкой. Если в него дуть, на дне мешка пузырями вспухают подушечки, лежать на которых приятней, чем на мягком матрасе.

Найл воспринял это как добрый знак, немного сгладивший осадок от происшествия с ночной птицей. Однако, закрывая глаза, он вспомнил упражнение на дисциплину, которым овладел благодаря хамелеонам: сконцентрировать сознание, не поддаваясь сну окончательно. Вновь последовало ощущение полета среди зыбких образов, навеянных сном под шум ветра в высоких деревьях.

Очнулся он в темноте и, уютно лежа в расслабленной полудреме, слушал похлопыванье волн озера о берег. Сквозь просветы в пологе листьев глядели яркие звезды. Иногда легонько задувал ветер, и в костре ненадолго оживал то один, то дру-

гой уголек; как видно, в забытии Найл находился не больше получаса.

В этот момент он безошибочно ощутил, что кто-то вкрадчиво пытается прошупывать его ум, явно полагаясь на то, что Найл спит. Поэтому надо было сохранять полную пассивность. Если это капитан, то, увы: он-то думал, между ними установилось что-то похожее на доверительность. Тут ветром случайно нанесло на угли кусочек трута, отчего в костре блеснул прерывистый огонек. При этом стало видно, что капитан как ни в чем не бывало спит, подогнув под себя ноги.

На ум напрашивалось одно: это сам Маг. Хотя что бы ему дало прошупывание ума спящего путника?

По-прежнему недоумевая, Найл опять погрузился в сон.

Пробудившись на рассвете, он обнаружил, что капитана нигде нет. По ту сторону костра в отдалении ворошил клювом листву вальдшнеп. Миг — и на судорожно застывшую птицу из подлеска рванул капитан; после чего, словно извиняясь за бестактность, он увлек добычу в кусты.

Найл немного посидел, затем вылез из мешка на утренний холод и, выдернув пробку из мундштучка, скачал воздух. Добравшись по сырой от росы траве до озера, отыскал спуск по-положе, присел на корточки и плеснул в лицо воды. Это простое омовение наполнило такой неизъяснимой бодростью, что он повернул к груди медальон и, усиленный приливом энергии, снял одежду и забрел в воду по самые подмышки. Хищников вроде того слизня опасаться было явно незачем, иначе здесь бы не водилась в таком изобилии рыба. Возле самой груди проплыла форель, да так бесцеремонно, что стало ясно: озерной живности совершенно невдомек, что человек может представлять собой опасность. Еще бы: место такое тихое, и безмятежное небо в обрамлении осенних листьев задумчиво глядится в недвижную воду.

Запнувшись о торчашую из ила корягу, Найл окунулся с головой. Проморгавшись и прокашлявшись, он увидел, как из кустов за ним подглядывает капитан, явно недоумевая, как этим людям хватает дурости по своей воле залезать в удушающую жидкость. Кстати, нашелся и ответ, отчего сухопутные пауки недолголюбивают воду. В незапамятном прошлом она намачивала им тенета, что затрудняло ловлю насекомых; вдоба-

вок крупные капли размером чуть не с самого паука грозили и вовсе добычика смыть.

Вдоволь наплескавшись, Найл натянул через влажные волосы тунику и обул сандалии. На вопрос паука, нет ли желания съесть еще одну рыбку, Найл ответил вежливым отказом: некогда разводить костер. Хотелось бы до темноты достичь долины Мертвых.

Прислонясь спиной к дереву, а ноги сунув в мешок, Найл позавтракал своими коржиками, запив их ключевой водой. Козодой все так же валялся у потухших угольев. Паук на тщедушную тушку не польстился — брюхо у него сыто крутилось от полудюжины проглоченных вальдшнепов.

Не прошло и получаса, как они уже вновь шагали по дороге, оглашаемой птичьим гомоном. Сзади солнце едва показалось за кромкой недвижимого озера. А в вышине, метрах в тридцати, Найл с отрадой заметил своего самозванного опекуна, ворона.

Пронзительная чистота утра и вид заснеженных вершин на фоне небесной синевы наполняли пьянящим восторгом. Здесь, на склонах гор, где уцелевшие на деревьях листья уже приобретали коричневый оттенок, Найл, пожалуй, впервые в полной мере проникся красотой осени.

Дорога так заросла травой, что местами уже и не проглядывала. Однако капитан нисколько не сомневался в выбранном направлении (подозрение такое, будто у него где-то внутри вмонтирован компас). На любом встречном распутье он без колебаний выбирал нужный курс.

Сам Найл чувствовал приятную безотчетную бодрость, какая нередко бывала рано по утрам. У себя во дворце он обычно просыпался перед рассветом и выходил на крышу смотреть, как встает солнце. В ясный день на самом горизонте можно было различить туманные очертания этих северных гор. И вот тогда он испытывал такое же неумное, оптимистичное волнение, как будто бы находился на грани чудесного открытия. Сейчас накал этого ощущения был, можно сказать, поистине нестерпимым. Радостное возбуждение разбирало настолько, что

было даже немного неловко. И до Найла вроде доходил теперь его подлинный смысл. Это было не просто чувство физического или эмоционального переполнения, но осознание того, что мир, воспринимаемый через призму активного бодрствования, на самом деле бесконечно хорош.

Было и еще чему радоваться. Он теперь не только получал удовольствие от того, что носит медальон повернутым к груди, но и от того, что его это наконец не утомляет. Все равно что плавать в воде: труднее, чем ходить по суше, зато какой восторг!

Было и другое свидетельство тому: несмотря на возросшую концентрацию, он сознавал присутствие в лесу духов природы. Когда путники поравнялись с громадным изогнутым деревом, толстая шишковатая кора которого имела такой вид, будто над ней резцом поработал скульптор, Найлу показалось, что он углядел среди корней старика. Стоило присмотреться, как дымчатый силуэт исчез, лишний раз подтвердив, что это и в самом деле древесный житель-элементал. А в другом месте, где поодаль друг от друга росло несколько деревьев таких высоченных, что зеленые тенистые кроны, казалось, срастались между собой, он увидел еще группу старцев с лицами настолько схожими, что эти существа, возможно, были членами одной семьи.

Капитан, понятное дело, не замечал элементалов, даже не обернулся в их сторону. Причиной тому, видимо, было внутреннее устройство пауков. Интерес к природе у них исчерпывается поиском пищи, а в остальном хоть трава не расти.

На одной солнечной поляне воздух гудел от насекомых. Источником тому были окровавленные кости какого-то животного, сплошь облепленные большущими, в фалангу пальца, сизыми мухами.

Стоило приблизиться, как жужжание смолкло. Капитан парализовал мух волей, вслед за чем приостановился и, бережно поддевая кончиком когтя, начал поедать их, как изюминки с торта. Он и Найлу предложил одну, но тот вежливо отказался («спасибо, я только что поел»). Приняв эту шутку за чистую монету, паук продолжил со вкусом похрустывать вяло жужжащими навознищами.

Вызывало удивление состояние костей у трупа, будто их специально дробили и молотили. Или же сбросили его с огромной высоты, что едва ли вероятно: это создание было величиной с корову.

«Вот, — прочел паук мысль Найла, — упало с неба».

«Кто же мог такое уронить?»

В ответ капитан передал Найлу образ: что-то вроде птицы, но с тупорылой головой черепахи.

«Там, откуда я родом, рабы называли их оолусами».

Слово сопровождалось образом, напоминающим яйцо, что еще сильнее сбивало с толку.

Вид расколотых костей вызывал отвращение и вместе с тем тревогу.

«Они опасны?»

Ответ капитана был сдержанным и сжатым, что-то вроде: *«Для меня — нет».*

Спустя десять минут они приблизились к гнилой коряжине в оранжевых разводах грибка. Взгляд магнитило причудливым узором плесени, как вдруг перед глазами у Найла мелькнула круглая мордаха — такая же оранжевая, как грибок, — подглядывающая из-под коряжины. Это определенно был еще один древесный элементал; не будь так обострено восприятие, Найл его и не заметил бы. Сосредоточенность Найла делала окружающее более интересным, точнее, заставляла осознавать, что оно и есть гораздо интересней того, что приоткрывается скудным диапазоном наших людских чувств.

При переходе через лесной ручей они остановились попить, и паук невзначай замер у быстрой воды, словно зачарованный трепещущей игрой света на земле, в прогалинах между деревьями. У человека подобное состояние ума называлось бы ленью, у паука же оно просто выражало отсутствие такого понятия, как время. Между тем Найл, присев на камень, воспользовался возможностью перевести свое сознание на ворона, который устроился по соседству, на высоком суку.

Встретив капитана, Найл, признаться, беспокоился, не сочтет ли паук ворона за потенциальную еду. Но тот, видимо, чувствовал, что у его спутника есть свои причины оставлять птицу в живых.

Глазами ворона Найл мог озирать плавную покатошь предгорья, уходящего затем круто вверх на севере, где горы вздымались сплошной стеной. Он замечал, что пернатому явно по нраву быть эдаким «проводником» человеческого сознания. Это давало его миру иное дополнительное измерение, и он готовно откликался на все поступающие сигналы, будто становясь продолжением тела самого Найла. Стало вдруг понятно, как и почему Магу удастся столь легко управлять умами птиц и использовать их в качестве лазутчиков.

Капитан, похоже, не торопился уходить из пятнистых прогалов света и тени. А потому Найл сделал так, чтобы птица с сука поднялась в небо. Мощные крылья вскоре взнесли ворона на высоту примерно в четверть мили, откуда сделалось видно, что в якобы сплошной стене утесов на расстоянии нескольких миль имеется брешь, через которую бежит широкий поток. Ущелье, видимо, образовалось в результате смещения горных пластов, а затем его сгладила и углубила река. Ее русло, идущее на северо-запад, являло собой кратчайший путь к долине Мертвых; вот только склон там больно уж крут. А сверху его венчало зазубренное острие, словно палец, уставленный в небо. Верхушка того острия блестела так, будто на нем сам по себе горел какой-то яркий свет.

На ближней кромке долины, вровень с линией горизонта, Найл с интересом обнаружил развалины поселения — похоже чем-то на прибрежный городок Сибиллу. Как и Сибилла, это место, очевидно, существовало еще до восшествия пауков.

Найл внушил было ворону пролететь над разрушенной стеной, но передумал, чтобы не томить долгой задержкой паука.

И правильно сделал. Паук успел перебраться в тень большого хвойного дерева и теперь терпеливо дожидался, когда спутник выйдет наконец из задумчивости.

К этой поре дорога исчезла окончательно, но взятое направление вывело их через небольшой взъём в очередную долину, где внизу на две мили тянулось озеро. По прибрежной траве ступать было не в пример легче, чем по каменистым склонам. Если б не неприязнь паука к воде, Найл не удержался бы от соблазна искупаться.

Найл указал на провал в горной стене спутнику, осведомившись, случалось ли ему там проходить.

«Нет. Это бессмысленно, он все равно никуда не ведет».

«Жаль,— не сдавался Найл.— Мы бы на много миль сократили себе дорогу. Ты уверен, что дальше тупик?»

В резерве он держал мысль, что жители разрушенного поселения могли построить в горах какой-нибудь крутой неширокий спуск в долину Мертвых.

«Точно не знаю, я там никогда не бывал».

Однако от Найла не укрылось, что капитан тоже не прочь срезать путь.

Вот почему спустя пару часов, когда уже слышался шум воды, они не стали искать переправу, а свернули по долине налево, где на три сотни метров вверх устремлялись утесы с поперечными прожилками темно-синих и лиловых кристаллов.

Чутье Найла не подвело. Вскоре они набрали на остатки мощеной дороги, ведущей наверх, к развалинам. Дорога была построена со знанием дела, на века, из квадратных отесанных блоков, по-прежнему необычайно гладких на ощупь. Шла она вдоль потока, который по мере восхождения сужался и разгонялся, наполняя воздух гулким рокотом. Дальше путь поворачивал налево и уводил круто вверх к поселению, а ручей, стремясь вниз, дробился на ряд небольших водопадов, а затем, сливаясь внизу, становился полноводней и заметно остепенялся. Здесь ход воды частично перекрывали рухнувшие обломки каменного моста. Так что если переправляться, то лучше места, пожалуй, не найти.

По крутому скату берега они спустились к воде, после чего предстояло карабкаться по разбросанным блокам. Мост когда-то был сводчатым, а потому в воде торчало достаточное количество грубо отшлифованных частей в форме арки, по которым можно было перебираться на ту сторону. Однако вода между ними угрожающе шипела, а иные совсем утонули, так что приходилось блюсти крайнюю осторожность. Найл предусмотрительно разулся. Паук, вполне способный одолеть переправу десятком широченных шагов, явно нервничал, он предпочел, чтобы спутник лез первым. И лишь когда Найл мог уже без труда идти по пояс в воде, капитан обогнал его, махнув на берег одним мощным скачком.

Уже вполне отчетливо виднелся впереди заостренный каменный минарет, по крайней мере те три десятка метров, что над основанием. Камень был неровный и обветренный, на выступах сумело укорениться несколько деревьев. С этого расстояния различалось, что башенка или действительно создана руками человека, или, по крайней мере, обихожена снаружи так, как зодчим подсказывал их романтический вкус. Стреляющая солнечными бликами верхушка была того же лилового цвета, что и кристаллы утесов.

Дорожка на этой стороне была заметно уже той, что выводила к мосту, и не так хорошо выделана. Впрочем, мост явно возводился лишь затем, чтобы можно было пройти к островерхой башенке. Продолжения вниз дорожка не имела.

Постепенно подъем сделался таким крутым и неудобным, что пришлось ненадолго остановиться и плотнуть из фляжки воды. Волшебная влага освежала, но была бессильна против безжалостного солнца, которое заставляло истекать потом. Попадались участки, где тропа шла почти вертикально, а вместо ступеней в породе были прорублены лишь угловатые выемки. Пауку путь давался на зависть легко — того и гляди, по инерции проскочит мимо башенки. Однако стоило Найлу внутренне сплотиться, как усталость прошла; перестали ныть и голени, и бедра. Очевидно, медальон таил в себе еще недюжинный запас силы.

Спустя полчаса, когда они добрались-таки до подножия минарета, вопреки ожиданиям оказалось, что это не вершина горы, а лишь огромный утес, образующий южную стену долины Мертвых. Горный склон над развалинами продолжал уходить вверх, пока не терялся в тумане неоглядной высоты.

Внизу простиралась зеленая равнина, уходящая, как известно, на запад к морю. На востоке равнину оторачивал хребет пологих гор, намного уступающих по высоте утесам, что сейчас их обступали. Середину долины Мертвых занимало длинное черное озеро, в которое с востока (отсюда было видно) втекала река. На дальней стороне озера через всю долину и на полсотни миль к востоку тянулась зубчатая стена. Даже с такой высоты она смотрелась более чем внушительно — метров тридцать в вышину и толщиной никак не меньше шести. Через каждую сотню шагов над стеной угловатым столбом

возвышалась массивная десятиметровая башня. Вот она, твердыня, возведенная по приказу верховного смертоносца Касиба Воителя для того, чтобы сдерживать натиск загадочного врага с северо-западных гор. Двадцать тысяч людей-невольников легло здесь в землю.

По ту сторону стены, вдалеке, зловеще вздымались темные громады северных утесов — оплот Мага. Но они были и по-своему красивы, с такими же синими и лиловыми прожилками, как и те, что за спиной. В лучах послеполуденного солнца их вершины искрились и сверкали, как от некоего внутреннего огня. А на том из них, что дальше всех от стены, даже угадывались, судя по всему, контуры строений, словно бы высеченных из цельного камня.

Но то, что открывалось внизу, ничего, кроме уныния, не вызывало. Никакой тропы, пусть даже крутой, на склоне в долину Мертвых не наблюдалось. Более того, не был возможен и сам спуск: утес громоздился под тупым углом.

Так что «кратчайший путь» оказался напрасной тратой времени.

Что ж, оставалось лишь возвратиться тем же путем, что и пришли, и отправиться по другому маршруту. На это уйдет весь остаток дня, ведь допущенное отклонение должно было им сэкономить как минимум десяток миль. Более того, на востоке утес переходил в горный выступ, вспарывающий долину еще на четверть мили.

Найл, найдя укрытие от солнца, сел; капитан пристроился рядом в скудной тени изогнутого деревца. Теперь было видно, что тридцатиметровое острие вверху отлито из вулканической лавы. Непогода придала ему форму, чем-то похожую на изогнутые дома-кульки в городе жуков-бомбардиров, только куда менее симметричную. Выступ основания в восточной части имел вид столешницы, на которой успела вырасти, можно сказать, целая рощица из низких деревьев и кустарника. От этой укромной площадки в сторону острия вела тропа. Она была явно рукотворная; на серо-зеленой поверхности сохранились отмытины от орудий труда.

Спускаться несолоно хлебавши, не оглядев даже островерхой башенки, было совсем уж вазорно, а потому Найл забрался на каменную площадку и полез оттуда по тропе. Капитан

посматривал вслед безо всякого интереса, до башенки ему явно не было дела. Хотя в отношении нее было о чем подумать. Чего ради канувшим в Лету жителям поселения приспичило строить через поток целый мост, да еще прорубать затем на крутом склоне тропу? Ведь небось целые годы потребовались на то, чтобы кирками выдолбить эту наклонную плоскость в гладкой, неподатливой, пузыристыми кишками вздувающейся лаве.

Нижняя треть тропы обвивала башенку на манер штопора, становясь то шире, то уже. На одном из углов она так сужалась, что добавочное пространство безвестным зодчим приходилось отвоевывать, вгрызаясь в стенную породу под острым углом. На следующем повороте Найл навис непосредственно над долиной Мертвых; внизу просто ничего не было. Он и так-то недолюбливал высоту, а тут просто сердце захолонуло.

За этим поворотом открывалась еще одна площадка — судя по неровностям, естественного происхождения. Там тоже умудрилось прорасти корявое деревце. На этом уровне башенки камень почти сплошь испещряли кристаллические прожилки — синие, пурпурные, а то и чистые, как слеза. Позади дерева в каменном фасаде виднелась дыра, что-то вроде округлого входа в пещеру. Найл, нашарив в боковом кармане сумы фонарик, вынул его и осторожно осветил. Из дыры с сердитым клекотом вынеслась птица, едва не опрокинув незадачливого следопыта.

В свете фонарика взгляду предстало подобие овальной кельи диаметром метра три или четыре, с каменной скамьей, повторяющей округлые контуры стены. Скамья была сделана, похоже, исключительно из синеватого кварца и стояла на слегка вогнутом полу. Все это чем-то напоминало подземный зал Коллегии жуков-бомбардиров. На стенах, примерно на двухметровой высоте, по кругу располагались ниши, где, судя по закопченным следам на камне, некогда помещались масляные светильники. В одной из ниш теперь было птичье гнездо. Найл, встав на скамью, туда заглянул; навстречу, взметнув бойкие головки, не замедлили разинуть клювы мелкие птенцы, числом с дюжину.

Опустившись на скамью, Найл выключил фонарик: света для такого помещения хватало и от входного проема. Что-то

здесь было не совсем обычным, хотя и непонятно, что именно; ощущение от синеватых кристаллов было такое, будто находишься под водой. Найл перевернул на груди медальон, чтобы уменьшить интенсивность внутренней концентрации. Какое-то время не было ничего; будтоходишь из света во тьму и все пропадает из виду. Но вот острота чувства вернулась, едва ли не усилившись. Словно бы некая вибрация, исходящая определенно от синеватого кристалла, будила обостренную чуткость. Что-то очень похожее Найл испытывал в долине священного озера: призрачное веянье какой-то загадки, непостижимой тайны. Он явно находился в месте, почитаемом многими поколениями людей как святилище. Это их мысли и чувства оставили здесь свой незримый отпечаток.

Несомненно, это было место поклонения, почитавшееся у жителей поселения столь высоко, что они возвели через горную реку мост и построили дорогу, ведущую к островерхому святилищу.

Тут Найл отчетливо осознал голод пищавших в гнезде птенцов и тревогу их матери, ждущей, когда непрощенный гость покинет гнездовье, и, вообще, как там ее детки, целы ли? Он с пристыженным видом выбрался наружу, под солнце. Сидевшая тут же на деревце птица тотчас впорхнула внутрь.

Далее на полпути вверх тропа сужалась еще сильнее, а угол подъема становился все круче. Найл глянул в зияющую пропасть и опасливо подумал: а стоит ли двигаться дальше? Слева в камне продолблена была дырка, в трех метрах от нее еще одна. Видимо, через них пропускали веревку, служившую своеобразным поручнем, но веревка эта, разумеется, истлела вот уж сколько столетий назад. Без такого подспорья вид у тропы был скользковатый, ненадежный. Однако стоило повернуть медальон, как приток энергии прогнал нервозность, и Найл, не сводя глаз с тропы под ногами, продолжил восхождение.

Еще с десятков метров, и он с облегчением обнаружил, что за глыбой кристалла, формой напоминающей голову льва, тропа поворачивает налево и продолжает подниматься между двумя стенами из темного зернистого гранита с вкраплениями синеватого кварца. Там, где она в очередной раз подходила вплотную к бездне, в стене справа высечены были ступени — мелкие, с ладонь, но все равно можно ухватиться и использо-

вать поочередно для опоры. Самое острие наверху башни было словно отлито из синего стекла.

Найл решил снять суму, мешавшую пробираться по узкому проходу, а заодно и разулся. Сандалики он оставил на ступенях, после чего опять полез вверх, недоумевая при этом, что его так неудержимо влечет, заставляя бездумно рисковать жизнью.

Семью метрами выше он уже не мог рассчитывать на защиту соседней стены; она завершалась собственным пиком. Но в пяти метрах вверх можно было видеть еще одно отверстие в породе, напоминающее пещеру, — в окружности метра полтора, не шире.

Он приостановился отдышаться (карабкаться по почти отвесной стене — само по себе занятие не из легких; хорошо, хоть сума не мешает) и одолел последний десяток ступеней, избегая глядеть при этом вниз или даже думать о зеве пропасти. Наконец его голова поравнялась со входом. Помня о недавно всполошившей его птице, двигался Найл крайне осмотрительно. И не зря: едва рука нащупала с внутренней стороны входа желоб, очевидно служивший прихваткой, как раздалось громкое хлопанье крыльев и сверху, кружась, на Найла опустилось несколько перьев. Правда, птицы при этом вылетели через какую-то другую брешь внутри башни.

И вот он уже стоит в полный рост в помещении площадью два на два, с полом, покрытым птичьей пачкотней. Здесь было два окна — каждое почти на трехметровой высоте и к каждому вели три высокие ступени, прорубленные прямо в стене. Высоким был и потолок, метрах в пяти от пола; из-за того, что стены башни сужались вверх, он казался еще выше. У стены слева обнаружилась высеченная из камня скамья.

Найл сел и, прикрыв глаза, прислонился затылком к стене. Облегчение было такое, что он не прочь был даже заснуть. В помещении стояла прохлада; легонько задувал через окна и дверь ветер.

Когда дыхание успокоилось, он отвернул медальон от груди. Результатом было чувство защищенности, полное исчезновение подспудного беспокойства насчет своей уязвимости и проблем, которые ждут при спуске. Найл как будто вступил в комнату, где уютно горит огонь и для него приготовлено мягкое кресло. Отчего-то вспомнилось прибытие в подземный

город венценосца Каззака и то тепло, с каким его приветствовали родственники, которых он видел впервые.

Вибрация, что ощущалась в помещении ниже, здесь воспринималась, пожалуй, еще сильнее. Это место было средоточием взвихрения силы — примерно того же свойства, что ему довелось испытать в пещере людей-хамелеонов. Но здесь она была такой сильной, что глубокой релаксации не требовалось. Он проникался ею, просто открывая свои чувства.

В единый миг он понял, что эта сила оживляет камень башни, отчего тот становится способен запечатлеть все, что здесь когда-либо происходило. Надо лишь открыться этому знанию и усвоить его. Наиболее мощный энергетический след остался от некоего человека, который прожил здесь множество лет. Имя звучало необычно, поэтому Найл секунду-другую его распознал: Ен Сефардус.

Сефардус открыл это место через столетие после Великого Исхода двадцать второго века. И из мощного ума Ена Сефардуса Найл почерпнул дополнительные сведения о самом закате человеческой свободы, непосредственно перед воцарением пауков.

Начать с того, он узнал ответ на вопрос, не дававший ему покоя еще тогда, когда он постигал историю Земли от Стигмастера в Белой башне: почему во время Великого Исхода осталось так много людей? Был ли это их собственный выбор, или же в результате безжалостного отбора они были брошены, обречены на верную гибель от кометы Опик?

Ответ был такой. Большое число людей решило остаться. У них просто не укладывалось в головах, что Земля действительно может погибнуть, и для каких-то там «космических одиссей» они были просто тяжелы на подъем. Но был и другой контингент, ничуть не уступавший по численности, который из Великого Исхода исключен был намеренно — генетики считали его неполноценным (в некой официальной директиве — разумеется, закрытой — такая категория людей именовалась не иначе как «балласт»). Разумеется, процесс дискриминации проходил под большим секретом — а ну как «балласт» взбунтуется, — но опасения не оправдались.

И вот после отбытия гигантских космических транспортов к альфе Центавра «балласт» унаследовал Землю. Тревожные

прогнозы сбылись не полностью. Смертоносная комета Оник разминувшись с Землей на миллион с четвертью миль. Но ее хвост так щедро опылил Землю радиацией, что погибло девять десятых всей фауны. Последовало великое оледенение, а когда тепло постепенно возвратилось, некогда процветавшая цивилизация на Земле впала в то, что принято считать варварством. Выжившие люди в большинстве своем вернулись к жизненному укладу, во все времена характерному для сельской местности. Техника выходила из строя, но мало кто стремился ее отремонтировать или построить что-то новое. Вместо электричества люди по старинке использовали лучины или масляные светильники. Канули в прошлое автомобильные гиганты; лошади для извоза и быки для пахоты заменили собой автомобили и тракторы. Города почти совсем опустели — в них орудовали шайки мародеров. Так как пожарных тоже больше не было, многие города выгорели дотла.

Как в Средневековье, опять наступил расцвет монастырей, которые в эти новые «смутные времена» служили очагами и хранилищами знаний и культуры. Сефардус, чьи родители были земледельцами, посещал монастырскую школу и там увлекся геологией. Так он и открыл эту заостренную башенку над долиной Мертвых (тогда здесь была плодородная житница с хуторами и возделанными угодьями).

В основании башенки Сефардус устроил себе отшельническую келью, поскольку сразу же почувствовал исходящую силу. Прожив здесь всего несколько недель, он решил, что не променяет это место ни на какое другое.

Ближайший хутор находился в пятнадцати милях, в самой низине. Тамошний хозяин, в обмен на обучение своих детей грамоте, обеспечивал неприятельного отшельника всем необходимым. Вскоре Сефардус прослыл во всей долине святым, и народ из окрестных деревень стал стекаться к нему кто за советом, а кто и просто поклониться.

Между тем с Великим Исходом воинственности и агрессивности в людях нисколько не убавилось, и местные воители начали сражаться за господство. Один из таких, Рольф Вандал, возведя в горах к востоку крепость, часто совершал набеги на долину. Вот почему местные жители построили себе поселение на горном перевале с таким расчетом, чтобы оно было

фактически неприступным. Понятно, что башенка была удобным смотровым пунктом, а потому каменотесы за три года выдолбили эту вот камору, в которой сейчас сидел Найл. Затем, по просьбе Сефардуса, ниже они прорубили и часовню.

Однако сам Сефардус предпочитал наблюдательную комнату, ибо именно в ней со всей полнотой воспринималась сила. В зависимости от времени года сила то прибывала, то убывала, но неизменно ощущалась явственней, чем в любом другом месте долины.

В чем была ее суть? Сефардус этого не знал. Он догадывался лишь о том, что она как-то связана с солнцем и луной; кроме того, она была столь изрядна, что у него не оставалось сомнения: человеку предначертано уравниваться с Богом.

А что же мог чувствовать в отшельнической келье Найл? Был ли это дух самого давно ушедшего Сефардуса? Определенно нет. И вместе с тем сила являла собой некую его часть, запечатленную этими стенами, подобно словам в манускрипте.

Встав, Найл по ступеням поднялся к проему окна. В стене здесь были предусмотрительно выбиты подобия поручней. Взгляду представал весь путь, проделанный за последние несколько часов. Вон впереди восточная равнина с цепочкой пологих зеленых гор. А за предгорьем к югу различается лесистая возвышенность, которую он проходил вместе с хамелеонами.

Отступив от окна, он заметил кое-что примечательное. Изнутри вид на внешний мир становился заметно четче и ярче, чем если высовываться наружу. Да-да, если смотреть на горы именно отсюда, изнутри, они существенно приближаются, как в увеличительном стекле.

Скорее всего, рангом святилища это место обязано неким особенностям энергетического столпа. Достоинства и вправду налицо: если башенку использовать для наблюдения, то ее способность приближать отдаленные предметы трудно переоценить. Вот сейчас, глядя на провал-проход в восточных горах, Найл различал его в таких деталях, что мог бы без труда разглядеть любого пугника, словно в какой-нибудь сотне метров.

Найл долго и неотрывно смотрел в окно, вбирая при этом знание Сефардуса и тех людей, что возводили город по ту сто-

рону горной реки. И вот, когда он, вдоволь набравшись сведений о бесчинствах Рольфа Вандала, собрался уже спускаться, на краю восточной равнины уловил движение. Невероятно: появившись из прорехи меж гор, в сторону святилища скакала добрая сотня всадников. Найл, все так же не веря глазам, выглянул наружу: кавалькада тут же исчезла. Но стоило убрать голову из окна, как всадники объявились вновь: реальные, во всеоружии. Представить было трудно, что это не более чем мираж.

И вот еще что. Когда он высовывал голову и воины (возможно, с Рольфом Вандалом во главе) опять появлялись, в мозгу что-то происходило, словно бы запускался некий механизм. И становилось вдруг ясно, что всадники — на самом деле продукт его мыслительной деятельности, креативное отображение того, что он усвоил, находясь в молельной комнате. Причем элемент домысла лишь в том, что всадников в данный момент перед глазами нет. На самом же деле он вглядывается в реальное прошлое.

Эта пронзительная догадка попросту ошеломляла. Получается, воины на самом деле живы, так же как и он сейчас. И так же, как он, пребывают в полной уверенности, что истинная действительность — вот она, непосредственно сейчас, перед глазами. Выходит, они заблуждаются?

Ответ был очевиден. Они не заблуждаются, просто умы у них чересчур слабы. Ответ провидел Сефардус с помощью той странной, пронизывающей святилище силы. Человеческому уму суждено стать сильным настолько, что он сможет объять реальность всех времен и мест.

Найл зачем-то представил себя в лесу, где ночевал накануне. Дело было вчера, а потому воссоздать в памяти детали не составляло труда. При этом он использовал только что усвоенный прием. В мозгу словно что-то щелкнуло, и он вмиг очутился у того самого места, где лежал; даже трава была все еще примята. Вспорхнула потревоженная неожиданным явлением чечетка.

Это чем-то напоминало обзор местности глазами ворона. Находясь на той лесной опушке, Найл одновременно понимал, что в действительности находится в башенке над долиной Мертвых, а здесь представляет собой не более чем транслированный

образ. Даже руки на поверку оказались прозрачными — не в прямом смысле, а как бы состояли из призрачно мерцающей энергии.

Так вот почему Сефардус остановил выбор именно на этой зубчатой башне. Она была средоточием энергий, дававших ему некие магические силы. Земля полнится такими энергетическими завихрениями.

От стены шел холод по ногам, и Найл, спустившись, сел на скамью: так надежней, чем умещаться на узкой ступени.

Освоенным умственным усилием он представил себе пещеру людей-хамелеонов. Его мгновенно объял странный сумрак, где тем не менее все предметы ясно различались. В пещере было пусто — что неудивительно, ведь в середине дня все ее обитатели «при исполнении». Примечательно, что желтые пузыри света с косматыми жгутами-протуберанцами, все так же неспешно дрейфующие с потолка, смотрелись более достоверно, чем тогда, в прошлый раз, — возможно, оттого, что Найл сам был полупрозрачен.

Разумеется, в итоге мысли неизбежно вернулись к городу пауков. Знакомым уже усилием Найл отослал себя в опочивальню брата. Там никого не было. Тут только вспомнилось, что брат находится в подвальном помещении, между стволов аболлий. Найл предусмотрительно занял самый дальний уголок, чтобы никого не всполошить.

Опасения оказались напрасны. Вайг спал — к счастью, вполне безмятежно и ровно дыша. Неподалеку, к Найлу спиной, сидела верная Крестия и что-то подшивала в лучах идущего из двери света.

Поборов соблазн наведаться и к сестрам, Найл перешел обратно в свое тело, сидящее на каменной скамье. Мгновенный перенос в келью можно было сравнить с возвращением после долгого странствия или с пробуждением погожим утром в светлой комнате. Усталость исчезла без следа — так чувствуешь себя поутру после долгого крепкого сна. Как вилно, утомленность — это во многом умственная установка.

Найл задумчиво смерил шагами комнатку и тут спохватился, что внизу ждет и, наверное, беспокоится капитан и что давно пора идти. А впрочем, при невероятной терпеливости

пауков... Лучше узнать как можно больше о Ене Сефардусе, жителе волшебной кельи; это поважней.

Окно напротив, как и ожидалось, выходило на долину Мертвых, названную так из-за великого бедствия, постигшего пауков в царствование Касиба Воителя. Помнится, Квизиб Мудрый поведал: когда огромное войско Касиба готово было вторгнуться во владения Мага, что в Серых горах, невиданной силы буря заставила озеро буквально выплеснуться из берегов, в считанные минуты уничтожив несметную рать Касиба.

На саму долину Найл уже косился с утеса, но, конечно же, не ожидал, что вид из башни будет таким захватывающим. Это окно тоже давало небольшое увеличение и углубляло краски. И опять же, стоило выглянуть, как общий вид немного тускнел.

Непосредственно внизу текла река, впадающая в озеро — черное и, судя по всему, очень глубокое. Великая стена была будто вчера построена; казалось, на ней вот-вот появится вооруженный караул. Найл выглянул из окна, чтобы прикинуть, как далеко тянется сооружение. Едва только он это сделал, стена заметно посерела, обнажив следы многовековой беспощадной эрозии и осадков.

Взгляд остановился на сторожевой башне с обломанным зубцом, напоминающей шербатую челюсть, и осыпавшейся в одном месте кирпичной кладкой. Стоило переместить голову обратно в келью, как зубец моментально восстановился, а кладка снова сделалась безупречной.

Было очевидно, что это окно также способно открывать картины прошлого. Что же оно, интересно, таит? Найл до предела сфокусировал внимание, пока не почувствовал того самого «щелчка» в голове. В одночасье долину с недостроенной стеной заполонила масса людей и пауков. Рабочие — за исключением тех, что ворочали камни, — были раздеты по пояс; с высоты в триста метров все они смотрелись копошащимися муравьями. Невольниками командовали пауки-волчатники (что интересно, они были заметно меньше теперешних своих сородичей, но все равно невероятно сильны: на глазах у Найла один из них запросто волочил большущий каменный блок).

Привлекало к себе внимание то, что пещерные жилища в далекой горной стене имели примерно такой же вид, что и

нынче. Интересно, кто же это мог их построить. Найл снова сосредоточил умственное усилие. Вскоре Великая стена исчезла, а сизоватые каменные жилища проступили отчетливей. Вместо пустых проемов у них теперь имелись деревянные двери, а к отвесной стене были приставлены крепкие лестницы. Виднелись и люди, которые либо ходили понизу, либо карабкались по тем лестницам, правда, рассмотреть их детально мешало расстояние. Очередное усилие фокусировки дало эффект приближения, и стало видно, что это весьма примитивные, олетые в коричневые рубища люди с покатыми, но сильными плечами, с наголо обритыми черепами, но при бородах. Встречались и женщины — худые, хотя некоторые с увесистым бюстом. Внешность одного из бритоголовых показалась Найлу странно знакомой: пришлось вглядеться, чтобы понять, почему именно. Нос клювом и скошенный подбородок были словно срисованы с того подосланного убийцы, что покончил с собой, когда его обездвигил паук-тенетник. То же самое и другие; они все смотрелись как типичные прислужники Мага.

Но в таком случае почему эти жилища теперь пустыют? Или, может статься, все жители долины — потомки тех, кто построил дома-крепости, куда лестницы почти наверняка втягивались на ночь, — оказались порабощены и попали в вечную кабалу к Магу?

От всех этих размышлений ум уже немел. Видение прошлого Найл стряхнул, высунув из окна голову и тем самым воссоздав настоящее. Пора трогаться. Все равно большего сейчас в себя не вместить. Надо подумать и о том, как теперь отсюда благополучно выбраться.

В основании каждой сторожевой башни были двери, так что на стену выйти не проблема. Только вот как потом спуститься по наружной стороне?

И тут Найл вспомнил кое-что, почерпнутое из ума Сефарлуса. Снаружи этой башенки должен быть колокол, к языку которого привязана веревка, свисающая как раз напротив этого самого окна. Она и правда там обнаружилась, но такая изношенная и разлезшаяся, что вес человека вряд ли удержит. Найл, ухватив, резко ее дернул в надежде оборвать в месте крепсжа. Не тут-то было: долину огласил звонкий удар колокола, подняв в воздух стаю всполошенных птиц.

Найл отступил внутрь и дернул что было силы еще раз. Утесы вторили колоколу плывущим эхом.

И тут Найл, выронив веревку, чуть не опрокинулся на пол. Со звуком, напоминающим многократно усиленное криканье, у окна мелькнуло что-то огромное. По тупорылой чешуйчатой морде Найл инстинктивно определил: оолус. Он отшатнулся к стене, подальше от грянувшей снаружи о камень образины. По счастью, размах крыльев не позволял чудищу проникнуть внутрь.

Найл огляделся в поисках какого-нибудь орудия защиты — тщетно. Жаль, что сума осталась внизу: выдвижная трубка сидела бы как нельзя более кстати.

При следующем натиске химере удалось протиснуть голову в окно. Прежде чем отлететь, она злобно вперилась в Найла красными глазками. Спустя секунду удар в другое окно показал, что нападающий не один. Найл с тревожным предчувствием глянул вниз, на проем входа. Хорошо, что он чуть шире окон: уродина с пятиметровым размахом крыльев точно не втиснется.

Но его уверенность тут же кончилась, когда одна из птиц ухватилась за выступ подоконника и попыталась на него взгромоздиться. Лапы у нее до странности напоминали волосатые, неуклюжие человеческие руки; они легко обхватывали оконный карниз. Найл кинулся туда, понимая, что, усевшись и сложив крылья, уродина вполне сможет пролезть в оконный проем. Поднятый шум заставил ее, забив по стене огромными крыльями, отцепиться от карниза.

Вторая птица опробовала еще и дверь, но ей тоже не хватило ума сложить крылья. Судорожно ими хлопая, она когтила камни, а Найл опять пожалел, что при нем нет раздвижной трубки: открытая грудь оолуса представляла собой идеальную мишень.

С десяток минут твари еще пытались влезть, просовывая головы в окна и хлопая крыльями по стенам, но в конце концов утомились и улетели. Слыша удаляющееся криканье, Найл, выждав, поднялся к окну и провожал их взглядом, пока они, паря, не скрылись в воздухе над долиной.

Следующей мыслью было убраться из кельи как можно скорее, пока они не надумали вернуться. Первоначальное сомне-

ние, а не выманивают ли его таким образом наружу, чтобы потом наброситься, рассеялось при мысли о природной тупости чудовищ.

Спускаясь из каморы, он заметил, что его, оказывается, больше не волнует высота; тревожит лишь собственная уязвимость в том случае, если оолусы вдруг вернуться. Ступени до сумы Найл одолел уверенно, будто спускался по лестнице, подгоняемый памятью о трупке того вдребезги разбитого животного. Сандалии он решил сложить в суму (босиком по камню спускаться сподручнее) и заспешил дальше по идущей вниз тропе, с облегчением прибыв на первую площадку, где в случае внезапного нападения убежище могла дать нижняя часовня. Но небо оставалось чистым, и можно было без спешки добраться до точки, откуда он начинал подъем.

Капитан, как он и думал, терпеливо ждал в тени куста.

«Ты видел птиц?» — спросил он.

«Вблизи», — ответил Найл сухо и сел на каменный порожек, отирая с лица пот, после чего вынул из сумы фляжку и смочил пересохшие губы и горло. — *А на тебя они когда-нибудь напали?»*

«Нет. Им известно, что пауки опасны. Но иногда мы ими пользуемся».

«Что значит “пользуемся”? Каким образом?»

«Они же такие сильные. Вот мы их и используем, для перевозки».

«Как?» — спросил ошарашенный Найл.

«Они могут переносить большие тяжести».

Паук передал мысленный образ. Из-за быстроты он был трудноуловим, но Найл успел различить оолуса, несущего сеть с несколькими овцами.

Мелькнувшая мысль показалась настолько нелепой, что, говори они на человеческом языке, Найл постеснялся бы ее озвучить. Но язык был телепатическим, поэтому капитан мгновенно ее уловил.

«Такое возможно, если бы их получилось вернуть назад».

«А ты в самом деле мог бы их вернуть?»

«Нет. Они уже слишком далеко. И они боятся нас».

«Меня они что-то не очень испугались», — усмехнулся Найл.

«Тебя да. А нас, пауков, они боятся».

Найл, покамест слушал, вдруг сообразил: если снова зазвонить в колокол, птицы почти наверняка вернутся.

Он оглядел колоколенку под открытым небом, но от одной лишь мысли о повторном подъеме сердце тревожно сжалось.

Тут он вспомнил, каким именно образом расплывался по долине звук от колокола. Откинув голову, Найл рупором сложил у рта ладони и во весь голос крикнул. Крик, замерев, волной возвратился от горной стены напротив, а затем раскатился по всей долине. Два стоящих напротив утеса обеспечивали идеальную реверберацию.

Но птицы никак не появлялись. Он крикнул еще раз — теперь даже громче — и еще. Эхо накатывало волна за волной; от него звенела, казалось, вся долина.

Нет, знакомого криканья не слышно. Найл из озорства крикнул было еще раз и тут увидел птиц. Видимо, они приткнулись на одной из башен Великой стены и теперь, с величавой степенностью взмахивая крылами, набирали высоту.

Найл поспешил обратно к капитану.

«Летят! Прячесь, а то увидят!»

Паук незамедлительно вжался в неровную впадину у основания башенки. Найл, с тревогой соразмеряя дистанцию, поглядел на острие святилища и повернул на груди медальон. И вот два крылатых силуэта, появившись над вершиной утеса, без колебаний спикировали, точно зная, где именно находится их цель.

Но не успев долететь, оба оказались в тисках паучьей воли. Отчаянная попытка вырваться и удрать успехом не увенчалась: было уже поздно. Найл с завистливым восхищением наблюдал, как капитан силой принуждает оолусов сесть.

Теперь, вблизи, их внешность была различима в деталях (разглядеть их, когда ломились в окна, Найл, разумеется, не успел). Головы оолусов напоминали черепахи, с губами вроде кривого клюва. Они часто дышали, открыв рты с мясистыми языками, где посередине имелся розовый нарост размером с мизинец, наверняка служивший для приманки добычи. Зубов, как и у птиц, у них не было, но ороговевшие клювообразные губы явно приспособлены были разрывать и прожевывать плоть. Морды были чешуйчатыми, как у змей, а красные злобные глаза утопали в мешочках обвислой кожи.

Мощные крылья этих птиц, покрытые песчаного цвета оперением, были поистине огромны. Кожистые лапы до странности напоминали волосатые ручищи не то с когтями, не то с ногтями пурпурного цвета.

Паук заставил оолусов встать на краю каменной площадки и, приблизившись, свернулся в тугой ком, подогнув под себя ноги.

«Ты управляешься со своим?» — спросил он.

«Похоже, да», — без особой уверенности отозвался Найл.

В одно мгновение он очутился в объятиях мощных птичьих лап. Сверху пелериной распростерлись крылья, заслонив собой солнце, и Найл вознесся в воздух. Лапищи оолуса обхватывали его от подмышек до грудины. Внизу проплыло острое башенки; взгляду на секунду открылась ниша колокольни с большим бронзовым колоколом. И вот уже святилище осталось позади, а внизу расстилалась долина.

Вид плавно смещающейся далеко внизу земли вызывал определенную нервозность — ведь оолусу стоило лишь слегка ослабить хватку, чтобы Найл камнем полетел навстречу неминуемой гибели. В ответ на эту мысль лапы сжались теснее; судя по всему, птица таким образом реагировала на его волю.

Возникло странное ощущение, будто все это с ним когда-то уже происходило. Точно. Именно такой сон привиделся в пещере хамелсонов: исполинская птица с человеческими руками несет его по небу.

Как только Найл убедился, что его ум контролирует птицу, нервозность прошла. Он явственно ощущал господство своей воли над этой скудной сущностью, чьи жизненные интересы сводятся единственно к еде. До Найла дошло: эта громадина — эволюционный выродок, вызванный к жизни капризной силой богини. Его более скромные размером предки из всех сил боролись за выживание; теперь же, при таком мощном теле и грозных когтях и клюве, он фактически не имеет естественных врагов. Пищи тоже было навалом: с этой высоты (внизу по-прежнему тянулись горные вершины) различались крупные пасущиеся животные. Поэтому оолус вел ленивое, разлагающее волю существование, и потому он безусловно обречен на вымирание.

Перелет имел сходство с тем умозрительным воздушным путешествием, которое устраивал ему Асмак. В отдалении вла-

стно вздымались Северные горы с их странно изогнутыми пиками, один из которых скрывал вход в Страну Призраков. Хотя Найл предпочитал глядеть вперед, с интересом наблюдая за перемещением. Было бы любопытно рассмотреть в подробностях Великую стену, но она далеко внизу, и хотя легко можно заставить оолуса на нее приземлиться, это будет лишь бессмысленной тратой времени. Да и есть хочется.

Он уже решил, что заночевать они могут в горных жилищах — только как к ним подобраться без помощи лестниц? Но тут Найл заметил, что вверх по склону от жилищ ведет тропа. Вот и ответ: можно будет совершить посадку на вершине и спуститься оттуда.

И он направил свою птицу через долину к тому месту, где на вершине начиналась тропа — вблизи, как выяснилось, более похожая на ступенчатую лесенку. Оолус, спланировав, бережно выпустил Найла на густую зелень травы, грубой на вид, но мягкой на ощупь. Приземлившись, птица сложила крылья и застыла в покорном ожидании. Спустя минуту в паре метров приземлилась вторая.

Капитан распрямился и встал в полный рост.

«Ну что, убьем их?» — деловито спросил он.

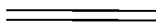
«Но зачем?»

«У них мясо такое вкусное».

В полумиле взгляд различал стадо мирно пасущихся на травке животных вроде овец.

«Думаю, в этом нет необходимости. Ведь они нам неплохо послужили».

Чувствовалось, что капитан удивлен: спусхождение, а уж тем более любезность к этим тупым тварям, по его разумению, были совершенно неуместны. Тем не менее он бросил оолусам, что они могут убираться восвояси. Птицы, не теряя времени, сорвались с кромки обрыва и полетели. В их хриплом крике слышалось что-то вроде облегчения.

В лучах постепенно угасающего дня долина Мертвых смотрелась на редкость красиво: вороненой сталью отливала зеркальная гладь озера, темные громады утесов искрились про-

жилками синего и розового горного хрусталя. В нескольких сотнях метров западнее того места, где приземлились путники, начинался подъем, покрытый чахлой порослью кустарника и корявых деревьев; среди них — вот удача! — виднелось одно высохшее, в самый раз для костра. Первым делом Найл как следует приложился к фляжке с ключевой водой: она прекрасно унимала жажду, но, увы, обостряла голод.

Капитан с интересом поглядывал на «овечек»; чувствовалось, что он тоже голоден. По молчаливому согласию они начали неторопливо приближаться к стаду. Капитан способен был на своих ногах покрыть это расстояние меньше чем за минуту, но не рискнул: напуганные овцы могли разбежаться. Поэтому, учитывая открытость рельефа, Найл с капитаном приближались медленно и якобы непринужденно.

По мере приближения становилось заметно, что эти овцы — преимущественно черные и гораздо крупнее тех, что на пастбищах вокруг города жуков. Найл, вынув раздвижную трубку, превратил ее в подобие стилета. Эта трубка да нож — вот и все его оружие.

Овцы обратили на них внимание, когда расстояние сократилось до полусотни метров. Казалось, что сейчас последует беспорядочное бегство. Но животные повели себя самым неожиданным образом. Черные проворно выстроились впереди стада, прикрыв собой белых, и воззрились на незваных гостей с явной враждебностью.

Ожидая, что капитан, выбрав сейчас одну, пришил ее напором воли, Найл указал ему на самую крупную, непосредственно напротив: *«Вот эту»*.

Эффект от его слов получился попросту ошеломляющий. Секунда, и овцы всем гуртом ринулись на визитеров. Поддерживая с капитаном непрерывную телепатическую связь, Найл теперь всю силу медальона направлял на выбранное животное. Оно, разумеется, споткнулось и упало, отчего задние стали беспорядочно на него наскакивать. Прочие же, обогнув помеху, продолжали нестись с неудержимой силой. При этом глаза у них были совершенно зверские, а из рычащих по-собачьи пастей торчали зубы отнюдь не безобидной величины.

Найл с капитаном одновременно решили: бежать. Четкого маршрута отступления не было. Паук тотчас метнулся на изряд-

ное расстояние, но, вовремя вспомнив, что человек за ним не поспевает, вернулся, подхватил Найла передними лапами и понес как большую куклу. Медальон не давал Найлу потерять от страха голову. Было даже смешно, что приходится вот так улепетывать от овечьего стада.

От погони оторвались достаточно быстро. Пробежав с четверть мили, овцы продолжили как ни в чем не бывало пастись.

Опасность прогнала чувство голода, но спустя какое-то время оно разыгралось с новой силой. А об ужине подумать ох как не мешало: до темноты оставалось всего ничего. Найлу хватило бы сухих коржей с козьим сыром, а то и вовсе пищевой таблетки. Но неловко перед капитаном: для него еда — самое ценное в жизни, а потому укладываться натошак было совсем уж мучением.

Судя по немолчному стрекоту, вся растительность вокруг кишела сверчками. В пустыне Северного Хайбада семья Найла часто использовала этих крупных насекомых в пищу: зажаренные на травах, они вкусны и сытны. Поэтому Найл с капитаном осторожно подлезли к стрекоucheй поросли. Но на проверку оказалось, что сверчки здесь гораздо мельче пустынных и, чтобы наестся, их потребуются десятки, если не сотни.

С теперешней своей возвышенной позиции они заметили, что зловредные овцы шаг за шагом удаляются, а та, что упала, по-прежнему лежит без движения. Они осторожно подобрались, стараясь, чтобы их не заметило стадо, — но отошедшей на милую отаре, судя по всему, не было до них дела. У безжизненной черной овцы была сломана шея — то ли от падения, то ли от удара паучьей воли.

Капитан перенес поживу к кустарнику, в пределах которого Найл и развел костерок из дерева и ключев коры, надеясь, что огонь не заметит тот, кому его видеть не следует. К счастью, сухое дерево горело быстро и безо всякого дыма.

Когтями капитан освеживал животное размером с пони. Черная шерсть была такой густой и жесткой, что в ней застряли бы зубы любого хищника. Но острые, как нож, хелицеры паука с задачей справились, и через двадцать минут мясная туша лежала на траве. После того как Найл отсек пару крупных филейных кусков, капитан взялся со вкусом поедать остальное, вырывая мощными челюстями кусищи, каждого из кото-

рых хватило бы на трех человек. Найл из деликатности отвернулся, стараясь не слышать хруста костей.

Покончив с трапезой, капитан подыскал себе подходящее углубление в кустах и, подогнув ноги, мгновенно заснул. Найл то и дело посматривал вверх — нет ли там соглядатаев Мага, — но за исключением птичьей стаи вдалеке тронутое сумраком небо было пустым. К этому времени Найла охватила такая усталость, что сейчас взял бы и завалился, не дожидаясь даже еды. Несмотря на отчаянную зевоту, он все-таки дотерпел, пока мясо дожарится в тлеющих углях. Затем, счистив пучком травы приставшую золу, один кусок он съел с коржом.

Пока он трапезничал, объявился неразлучный ворон и прилепился сверху на разлапистой ветке. Найл кинул ему кусок коржа и ломоть мяса, с которыми пернатый, резко дергая головой, тут же расправился. Мясо было непрожаренным, но нежным. Поев, один кусок Найл аккуратно завернул в листья и упрятал в суму. Затем, почему-то ободренный присутствием птицы, расстелил спальный мешок.

Спать под открытым небом было как-то не по душе. Лучше бы, конечно, осмотреть те пещеры на склоне, но в сгущающемся сумраке лезть вниз было небезопасно. Да и толстая грубая трава оказалась вполне сносной периной. Так что через несколько минут Найл уже спал.

Когда он проснулся, небо было серым, предрассветным, а хруст в кустах подсказывал, что восьмипалый друг уже с аппетитом уписывает завтрак. Найл опять из учтивости решил не подходить, а полежать, закрыв глаза, и поразмышлять о природе столь неожиданной агрессивности у здешних овец. Жизненной силой богини можно было объяснить их размер — вдвое против домашних, — но не буйный нрав. Черные овцы загораживали собой белых — это означает, что они храбрее, но опять же не объясняет, откуда у них такая воинственность.

Постепенно забрезжил возможный ответ. Эти животные бросились нападать, когда Найл указал на одно из них и мысленно произнес: «*Вот эту*». Может, они тоже обладают телепатией? Или кто-то из здешних хищников пытался воздействовать на них волей, отчего и выработалась тактика ответного броска? Память о зловещей волевой силе того убийцы в больнице подсказывала, что такое вполне вероятно.

Шумное чавканье вроде как прекратилось, и Найл, сев, растегнув спальный мешок в бисеринах росы. Солнце уже показалось из-за горизонта. В десятке метров от его лежки сидел капитан, усваивая пищу. Найл, пристроившись невдалеке, вытер закопченные руки о росистую траву и посл козьего сыра. На этот раз ворон рядом не попрошайничал; он, вероятно, кружил над долиной, добывая себе пропитание самостоятельно.

Надо было сориентироваться на местности. К северу предгорья постепенно переходили в заснеженные вершины. Заметных глазу проходов между ними не было, что означало: лучше всего отправиться на восток и достичь равнины, откуда повернуть на север, вверх по продолжению долины, что привела их сюда.

Но вначале хотелось осмотреть пещеры внизу, ознакомившись по мере сил с укладом их жителей.

Подойдя к краю, Найл глянул на ступени. Они уходили вниз под таким углом, что спускаться лицом вперед было бы безрассудством. Одно неверное движение, и полет длиной (точнее, высотой) в четверть мили обеспечен. Однако, как и у тех ступеней, что при зубчатой башенке, у этих были прирублены прихватки для рук.

Для удобства суму Найл решил не брать; ее он спрятал в кустах, подальше от любопытных птиц. Утреннее солнце пригревало, поэтому плащ он тоже решил оставить, захватив лишь фонарик, который сунул в карман туники. Свесившись с края утеса, Найл начал долгий спуск. Паук, очевидно равнодушный к высотам, дал своему спутнику пять метров форы, после чего последовал за ним.

Если лезть лицом к стене, цепляясь за прихватки, спуск был вполне безопасен. Да и ступени не были такими крутыми, как казалось сверху, поэтому Найл вскоре уже в достаточной степси разогнался. И тем не менее лишь через полчаса он оказался на широком карнизе, точнее, террасе перед горными жилищами. Внизу спуск продолжался еще на полсотни метров.

Через долину, в полуверсте, возвышалась Великая стена. Ее верх шел вровень с горными жилищами, башни же тянулись на десяток метров выше. Отсюда твердыня выглядела воистину грозной и непреодолимой. У подножия стены шел ров семи

метров глубиной, который при необходимости, судя по всему, заполнялся водой. Должно быть, пауки и впрямь настолько испугались своего врага, что не пожалели ни колоссальных усилий, ни времени, чтобы возвести такое мощное сооружение.

Отдышавшись, Найл перевел внимание на скальные помещения. Ближайшее было, судя по всему, чем-то вроде кладовой — как выявил луч фонарика, глубиной метров пятнадцать-двадцать.

Следующий проход, где даже остался полуистлевший дверной косяк, вел в комнату с двухметровым потолком. Когда они входили, из окна выпорхнули потревоженные птицы. Площади здесь было не больше трех квадратных метров. В стене напротив тоже имелся проем, он вел в комнату поменьше, возможно спальню. За ней находилась комнатка и вовсе крохотная — должно быть, спальня ребенка. Мысль о том, сколько времени понадобилось, чтобы прорубить в цельной породе такое скромное жилище, вызвала невольную оторопь: вероятно, годы.

Но зачем, спрашивается? Неужто жизнь в этих местах была некогда такой малопредсказуемой и дикой, такой опасной?

Они прошли до края террасы, заглядывая поочередно во все помещения. Лишь в одном обнаружили остатки скамьи со следами ржавчины там, где когда-то были гвозди. В остальных — пусто.

На краю террасы стоял массивный и длинный камень, врытый в землю, очевидно, для того, чтобы невзначай не срывались дети. На нем сейчас сидел ворон; с приближением Найла и капитана он взлетел.

Они повернулись и пошли в обратном направлении. По другую сторону лестницы тоже находились жилища, одно из них просторное, не в три, а в четыре комнаты (возможно, дом старейшины или вождя). Рядом с ним обнаружилось на этот момент самое, пожалуй, большое, с трехметровым потолком и как минимум десяток метров в глубь скалы. Видимо, зал собраний, а то и храм.

Для усиления чувствительности к окружающей атмосфере Найл отвернул от груди медальон. Зная примерно, что за люди здесь обитали, он, вероятно, мог бы смутно уловить присут-

ствие грудастых плотных женщин и бритоголовых бородачей, схожих типажом с тем убийцей в больнице.

У капитана все эти изыски явно не вызывали ничего, кроме скучливого недоумения: и зачем это двуногий расходует время? Поэтому Найл решил исследование прекратить и повернул по террасе обратно.

Собравшись уже подниматься по ступеням, он ненадолго остановился, чтобы взглянуть на «кладовую». По всему было видно: раньше этому помещению придавалось особое значение. Трехметровый дверной проем был выдолблен ровно и даже отшлифован, а внутри, на расстоянии локтя от входа, в стенах по обе стороны были прорезаны десятисантиметровой ширины желоба. Видимо, в свое время они держали толстую деревянную дверь, которую можно было опускать на манер подъемного моста. Это подтверждалось и наличием длинного прямоугольного углубления в потолке.

Когда-то, еще до жилищ, здесь, очевидно, была натуральная пещера: стены грубые, в выбоинах, причем явно естественного, а не искусственного происхождения. У стены рядом выстроились большие каменные кувшины, в которых, наверное, хранилось масло или вино. Там же стоял и какой-то большой деревянный предмет кубической формы. Свет фонарика выхватил из темени искусную резьбу, изображающую человека с раздвинутыми ногами, с руками, разведенными над головой, будто под нешуточным весом. Широко открытый рот как бы указывал, что человек претерпевает мучения.

Найл пригляделся. Куб был вырезан из цельного куска дерева — судя по всему, древесного ствола в метр с лишним толщиной; бока обтесаны, а середина тщательно выдолблена. Но для чего он предназначался? И что в нем хранилось? Гладкая поверхность решительно ничего не подсказывала.

Встав на колени, Найл взялся изучать нижнюю часть. Она уходила в пол, в квадратное углубление. Как это следует понимать?

Первой мыслью было, что в кубе есть дырка, а то и тайный лаз куда-то вниз.

Найл подналег, пытаясь его сдвинуть. Куб оказался неожиданно тяжелым: и не подумаешь, что предмет такого размера может столько весить. Вся сила ушла на то, чтобы приподнять

его хотя бы на вершок от пола. С шумным выдохом Найл выпустил куб и отступил.

Капитан следил за этой возней с любопытством. Вот он сам подошел и занял место Найла. Приобняв куб передними лапами, напрягся. Шесть толчковых ног — это все же не две, а потому и сам толчок вышел не в пример сильнее, чем у человека. Куб накренился, открыв под собой дыру.

Прежде чем Найл успел посветить фонариком, грохнуло — да так, что клацнули зубы, — и пещера вмиг заполнилась чернильной тьмой. Дверной проем заблокировало какое-то препятствие. Фонарик высветил дверь, очевидно, гильотинным ножом рухнувшую сверху.

Заслон при рассмотрении оказался плоским, гладко отшлифованным камнем, плотно запечатавшим вход; дневной свет пробивался лишь через узкий зазор наверху. Так вот для чего служили вертикальные желоба по обе стороны проема. Та дверь, что предположительно была из дерева, давно истлела. Этот же камень поджидал как стрела взведенного самострела.

Паниковать бесполезно. Вероятно, дверь удерживается каким-нибудь механизмом вроде противовеса. И надо бы выяснить, как он действует. Возможно, ответ кроется как раз в том кубе, который они сейчас ворочали. Если заслон упал, то он, вероятно, может и подняться.

Вот ведь дурень, попенял себе Найл, — не взял суму. Сейчас можно было бы с помощью раздвижной трубки связаться с Белой башней и выспросить у Старца насчет противовесов. Сам Найл познаниями в механике, прямо скажем, не блистал. Точнее, вообще сталкивался с ней впервые.

А может, механизм этот простой и бесхитростный; кто знает. Хорошо хоть фонарик с собой. Без него положение было бы действительно аховое.

Снова попытавшись сдвинуть куб с места, Найл в очередной раз убедился, что это ему не по силам, и предложил капитану попытать счастья. Ну конечно, так и есть: ко дну куба прикреплена массивная цепь. Вот почему его так трудно ворочать. Наверное, это и есть опускающий дверь механизм.

Удерживать такую тяжесть долго не мог даже капитан. Надо бы чем-то подпереть эту штуку снизу. Чем же, если не од-

ним из каменных кувшинов? Найл попробовал взяться за ближайший. Высотой тот был вровень с самим Найлом, но не такой уж и тяжелый, чтобы нельзя было подкатить внаклонку. Тем временем паук, не совладав, был вынужден опустить куб, но поднял снова, когда Найл рядом изготовился пихнуть кувшин в углубление. Вышло в целом удачно; посудина замерла почти стоймя. Однако зазор получился недостаточным. Капитану пришлось снова подналечь, и Найл в ту же секунду выпрямил кувшин. Стоило пауку опустить тяжесть, как раздался опасный хруст, но все же кувшин выдержал, хотя деревянный куб накренился под острым углом.

Пленники темницы облегченно перевели дух. Затем Найл растянулся на полу и фонариком осветил дно куба. Оно было в две ладони толщиной, а последнее звено ржавой цепи крепилось к металлическому полукольцу, вделанному в дерево. Натянутая цепь исчезала в дыре.

Найл, приняв сидячее положение, призадумался. Цепь уходила вниз, и вместе с тем она, судя по всему, была частью механизма, каким-то образом идущего поверху и опускающего дверь.

Он пересек пещеру и, выключив фонарик, изучил верхотуру каменной двери. Серебристой полоске дневного света то и дело чинил преграду какой-то темный шевелящийся силуэт. Тут до Найла дошло: это же ворон. Он сосредоточился и вновь добился того состояния, что позволяло ему отождествляться с сознанием птицы.

Найл мгновенно очутился снаружи, под светом солнца. Ворон приткнулся на вершине каменной двери, недоумевая, что же могло случиться с его благодетелем. С той стороны было видно, что камень этот шириной сантиметров пятнадцать и весит, скорее всего, не одну тонну.

Найл внушил птице слететь на землю, и та беспрекословно повиновалась. Отсюда проглядывал участок стены возле двери. Была надежда обнаружить что-нибудь вроде контролирующего механизм рычага, но ничего подобного там не оказалось. Тогда Найл заставил ворона перебраться на верх двери. Отсюда открывалось, что ее опустили две тяжелые, покрытые слоем ржавчины цепи, уходящие куда-то в породу. Попытка послать птицу в темную дыру, откуда упал каменный щит, вызвала у

нее страх, и она, каркнув, улетела. Найл разорвал контакт и вновь очутился во мгле.

Он медленно обвел лучом вначале потолок, затем стены пещеры в надежде отыскать ключ к разгадке. Все тщетно. Найл вернулся к дыре под деревянным кубом — квадратной, примерно с руку глубиной. Она была пробита в цельной породе, но тоже не давала ответа насчет дверного механизма.

Паук терпеливо ждал, когда Найл примет какое-нибудь решение. Еще бы, ведь это сам посланец богини, а значит, скорый выход из западни им несомненно обеспечен.

А ведь это именно западня и есть. Найл, помнится, видел ловушку для крыс. Дурища хватается за приманку, а дверца в эту секунду рраз! — и захлопывается. Возможно, каменная дверь предназначалась, чтобы ловить воров, посягавших на съестные припасы. А впрочем, какому вору взбрело бы в голову двигать деревянный куб.

Для чистоты эксперимента Найл вытянул кувшин из-под куба, не сводя при этом глаз с двери. Кувшин тотчас раскололся надвое, а куб грохнулся обратно на пол. Дверь при этом не шелохнулась, что лишний раз подтвердило подозрение: никакой связи между кубом и дверным механизмом нет.

Но как же тогда люди, создавшие этот механизм, выпускали тех, кто угодил в ловушку? Должен быть какой-нибудь скрытый рычаг или другое приспособление. Хотя оно вполне может находиться не здесь, а вовсе в другом помещении.

Ну а если механизма для поднимания двери как такового и нет, что тогда? Самым логичным решением было бы дождаться сумерек и выйти на телепатическую связь с матерью. Она передаст все Симеону или Доггину, а то и Дравигу, и те предпримут что-нибудь для спасения. На паучьем шаре меньше двух часов лёта до долины Мертвых. Только исход такой ох как нежелателен. Найл потому и избрал пеший путь в царство Мага, что хотел прийти незамеченным. А полномасштабная операция по спасению — самый верный способ привлечь к себе внимание.

В пещере они находились примерно час, и Найл, неосмотрительно оставивший вместе с сумой и плащ, чувствовал, что становится холодновато. Едва он об этом подумал, и впрямь зазнобило. Капитан поинтересовался, что его беспокоит.

«Холодно».

Пауку понять такое было сложновато: при необходимости он попросту ускорял у себя кровообращение энергией воли. Капитан тут же поделился с Найлом теплом посредством теплепатии; ощущение в точности такое, как если бы в пещере вдруг повесило нагретым воздухом.

До Найла дошло, что температуру у себя он мог бы поднять и сам, повернув на груди медальон и сосредоточившись. Но в этот момент его заинтриговало то, что он, оказывается, различает вокруг предметы, как если бы в пещере мрел прозрачный свет. Такой же эффект наблюдался, когда они вдвоем с Асмаком пробирались по катакомбам. Но тогда Найлу казалось, что это все от близкого знакомства паука с лабиринтом; дескать, его сокровенное знание передается Найлу, а отсюда возникает иллюзорное ощущение света.

Оттого, что холод и темнота отступили, Найл слегка приободрился. Восьмипалый спутник словно нащелпил его частичей своего неисчерпаемого терпения. А потому и в окружающую обстановку Найл теперь вникал более вдумчиво, не отягченный беспокойством.

Вполне логично, если ключ к освобождению из этого места кроется непосредственно в пещере. В конце концов, выбирались же как-то отсюда случайно попавшие узники?

Он уже в который раз пядь за пядью освещал фонариком стены и потолок, но ни намека не попадалось на то, что могло привести в действие механизм.

Кувшины, разумеется, все как один оказались пустые.

И тут, оглядывая расколотый кувшин, он обратил внимание на любопытную деталь. Дело в том, что сосуд раскололся в нижней части, потеряв большой кусок дна. При этом из куска просыпалось что-то вроде извести или мела. Оказалось, дно у сосуда вовсе не плоское; сверху была еще одна перегородка, может быть, для сбора винного осадка.

На ошупь это беловатое вещество было твердым, но легко крошилось в пальцах.

Под любопытствующим взглядом паука (и чего интересно-го может найтись в этом крошечке?) он осмотрел другую половину расколотого сосуда. «Известь» здесь была в целости, а

сверху ее прикрывал тонкий слой сухой глины, что-то вроде двойного дна.

Найл увалил на пол соседний кувшин и забрался внутрь. Несколько ударов крепким, как жезл, фонариком, и под верхним донцем тоже оказалась такая же податливая субстанция.

То же самое и с третьим, четвертым, пятым, шестым: везде он натыкался на защитный слой, создающий впечатление однородного, сплошного дна.

Залезая в седьмой кувшин, Найл невольно загадал: что-то сейчас будет. Или известь эта не более чем бессмысленный изыск, или же она призвана служить обманкой для искателя.

На этот раз корпус фонарика, расколов хрупкое донце, и впрямь стукнул обо что-то твердое. Найл отложил фонарик (другая рука была притиснута к стенке сосуда) и пальцами ощупал находку. Это был шар величиной с ладонь. Найл довольно хмыкнул.

Выпроставшись из тесного кувшина, он сел на пол и энергично обтер найденный предмет. Это и вправду был шар из какого-то кристалла — может, судя по весу, из горного хрусталя. Держа его в ладонях, Найл ощущал слабое электрическое покалывание.

«Что это, по-твоему?» — поинтересовался он, протягивая находку капитану.

Тот осторожно коснулся шара передней лапой.

«Впервые такое вижу. А ты сам как думаешь?»

«Пока ничего. Но видимо, у кого-то была веская причина столь тщательно его прятать».

Закрыв глаза, Найл сосредоточил внимание на кончиках пальцев. Покалывание усилилось, став еще явственней, когда он взял кристалл в обе ладони. Но уже сейчас было ясно, что сам по себе этот шар «неживой»; он лишь служит средством связи.

Но с чем?

Паук терпеливо ждал, наблюдая за полностью ушедшим в себя Найлом. Увидев наконец, что тот вроде как очухался, он задал вопрос:

«Так ты узнал, как поднять дверь?»

«Нет. Подъемный механизм сломан».

Ощувив при этом невозмутимость спутника, капитан переспросил:

«Как же нам выйти?»

Найл невольно призадумался над его словами. И тут в середине кристалла вдруг замерцала пронзительно зеленая искра, а сам шар словно ожил, овеяв ладони вкрадчивым теплом. Продлившись считанные секунды, ощущение сгнуло, оставив после себя лишь легкое покалывание в пальцах. Сосредоточившись на нем, Найл как будто утратил собственную сущность, слившись при этом с кристаллом. Он намеренно сфокусировался на этом ощущении, поняв вдруг, что оно каким-то образом служит ответом на вопрос паука.

Зачарованный кристаллом, он перестал сознавать ход времени. Вполне вероятно, что минул час, прежде чем Найл возвратился в настоящее. Возможно, сделать это его заставил паук, настороженно во что-то вслушивающийся. До Найла не доносилось ничего, но, как известно, у пауков чувствительность к вибрациям развита несравненно сильнее, чем у людей.

Прошло совсем немного времени, и действительно послышалось, как где-то наверху шуршат камения. Кто-то явно спускался по лестнице — неторопливо, осмотрительно.

Звуки стихли совсем рядом. Надолго воцарилась пауза: кто-то, видимо, примеривался, как ладнее поднять дверь. И вот плита ходуном заходила в желобах. Найл тщетно вглядывался в щель, сиюсь понять, что это там за явление.

Тем временем камень с той стороны обхватили циклопических размеров пальцы, и дверь со скрежетом приподнялась. Одна из рук, ненадолго исчезнув, вскоре просунулась под плиту, другая удерживала ее па весу. С громовым шумом тяжеленная каменюка поехала вверх, и стал виден великан, вставший от усилия на колени. Взгляду открылось бородастое создание таких размеров, что тролль со священной горы, пожалуй, смотрелся бы рядом с ним маломерком.

Исполин прорычал что-то — судя по всему, предлагал поскорее выбраться. Найл, стоявший ближе, не заставил себя ждать, за ним проворно последовал и капитан. Дождавшись, когда они выйдут наружу, тролль с надсадным ревом выпрямился и задвинул каменную плиту в верхний паз. Хотя ясно было, что защелка, державшая на себе дверь, теперь сломана. А потому

исполин, досадливо рыкнув, отпустил плиту. Та грохнулась так, что раскололась надвое: одна половина упала в пещеру, другая неуклюже повисла на ржавой цепи.

Кожистые ступни с черными, словно каменными ногтями показывали, что этот гигант и тот тролль принадлежат к одной породе. В остальном же сходства было мало. У тролля со священной горы личина была все равно что высечена из дерева нерадивым умельцем. Этот же походил на человека гораздо больше: добродушная физиономия, нос картошкой. Тот был гол и весь в шерсти, этот — в грубой кожаной одежде, сшитой тонкими ремешками. Каштановые волосы и борода указывали на нестарый, в общем-то, возраст, а прореха меж передними зубами придавала облик эдакого озорного балагура. Роста в нем было метра четыре, никак не меньше.

Вид капитана, чувствовалось, вызывал настороженность: дескать, можно ли доверять этому восьмипалому или нет. Скорее всего, у великана уже был опыт общения со смертоносцами, причем не самый положительный.

Найл по-прежнему держал хрустальный шар. Тролль, с интересом на него посмотрев, протянул бурую морщинистую ладонь. Пришлось положить на нее эту жемчужинку.

Он думал, что тролль возьмется эту штуку разглядывать, но тот сомкнул кулак и поднес его к уху, точно впервые держал в руке какие-нибудь тикающие часы. Минуту спустя он возвратил шар. И тут почти сразу между ним и Найлом установилась связь, да такая четкая, будто они общались на человеческом языке.

Тролль спрашивал, откуда они идут. Найл, почти мгновенно настроившись на его волну, передал образ города пауков. Великан хмуро покумекал и спросил, куда они думают держать путь дальше. Ответить на это было уже не так просто, и Найл лишь молча указал рукой на север. Исполин еще сильнее насупился: по всему было видно, что затея путников вызывает у него беспокойство. Постояв, он кивком предложил следовать за ним.

Найл не раз занимал себя мыслью: как этим ножищам удастся взбираться по каменистой лестнице? Между тем тролль восходил на изумление легко, будто весил не больше, чем Найл. Идущему сзади пауку подъем тоже давался гладко; напраши-

валось невольное сравнение со спрутом. Сам Найл словно и не шел, а неуклюже ковылял на негнушихся ноющих ногах.

Когда он примерно через полчаса вылез-таки наверх, капитан уже дремал там под послеполуденным солнцем. Тролля, на удивление, нигде не было. Лишь чуть спустя, заприметив в воздухе легкую рябь, Найл сделал вывод, что, подобно людям-хамелеонам, тролли тоже могут становиться прозрачными. Кто бы мог подумать.

Он рухнул наземь рядом с капитаном, давая ногам блаженный отдых.

«*Ты устал?*» — прозвучал вопрос тролля.

Опять же, как и при общении с хамелеонами, в мозг проникли не сами слова, а их прямая суть. Найл ответил, что да.

Следующий вопрос тролля он толком не понял. Кажется, что-то насчет помощи: то ли предложение остаться здесь и отдохнуть, то ли готовность нести его дальше на руках. Смысл дошел, когда от самых подошв вверх по телу пошла живительная волна энергии, разрастаясь и сладостно наполняя мышцы; все равно что окунуться в бодряще прохладную воду.

«*Спасибо!*» — воскликнул изумленный Найл.

В ответ тролль лишь одобрительно хмыкнул, добавив, что пора бы и выдвигаться.

Вытаскивая из потайного места суму и плащ, Найл обратил внимание, что капитан все так же блаженно полеживает на траве; судя по всему, послания он не уловил.

Пришлось его пошевелить: «*Ну что, в путь?*» — и паук лишь тогда расправил ноги.

Милю с небольшим они шли строго на восток, после чего начался спуск на равнину. Упругий дерн вибрировал от поступи тролля, выдавая его каменный вес. На глазах у Найла великан, наступив на кусок известняка, скрошил его в пыль.

«*У тебя есть имя?*» — поинтересовался Найл.

«*Я известен как Мимас,* — отозвался тролль. — *А также как...*» — последовало что-то неразборчивое.

Из этого Найл сделал вывод, что имена у троллей, как и у большинства пауков, не в ходу; свою идентичность они передают мыслительной картинкой.

Чтобы как-то поспевать за спутниками, приходилось идти в таком темпе, что дышать неумоготу. Тем не менее Найл дер-

жался — очевидно, из-за пережитого только что стресса и внезапного освобождения. Когда дорога пошла под уклон, сандалия у него зацепилась за торчащий корень; тролль и паук остановились, дожидаясь, когда Найл ее высвободит. Он же, едва ступив босиком на траву, ощутил знакомое уже покалывание. Так вот почему не утомляет сумасшедший темп ходьбы: от земли идет энергетическая подпитка. Поэтому перед тем, как шагнуть дальше, Найл запихал сандалии в объемистые карманы туники. Вот так и шествовал, покуда каменистая низина не вынудила снова обуться.

Теперь пробираться стало не в пример сложнее. Энергия у этой голой земли отсутствовала. Пейзаж не шел ни в какое сравнение с оставленной позади обширной южной долиной. Куда ни глянь, на узком северном пути громоздились лишь камни, принесенные, видимо, с гор каким-то мощным потоком.

Вспомнился рассказ о гибели войска Хеба Могучего. Возможно, в эту самую минуту они уже шли по землям Мага.

Здесь, под нависающими утесами и предзакатным солнцем, готовым уступить место пятнам тени, тролль снова стал другим. Среди этих многотонных каменных глыб даже он вынужден был продвигаться с оглядкой.

Впереди, насколько хватало глаз, простиралась блеклая долина: ни пещеры, ни впадины, где можно было бы приткнуться. На востоке горы поднимались крутым и плоским козырьком: видимо, здесь раньше был берег какого-то водоема. Примерно в четверти мили от входа в низину тролль, постояв, повернул к утесу на западе. Там в толще кварца наблюдалась расселина, полная каменных обломков и прочего мусора. Впечатление такое, будто фасад скалы лопнул от землетрясения, а затем сомкнулся так, что половины наложились одна на другую. Один угол отмежеванной нижней плиты утопал в слое синей глины.

Троль приблизился к месту, где плиты смыкались, и, что удивительно, повернул вбок, словно намеревался протиснуться в узкую расселину. Еще шаг влево, и он исчез. Найл, следуя по пятам, тоже сделал шаг влево, ощущая при этом такую легкость и уверенность, будто кварц придавал ему силы. Секунду спустя он оказался в узком туннеле, медленно клоня-

шемся вниз. Тролль при этом был виден, поскольку синевато светился.

Еще немного, и глаза привыкли, стало видно совсем хорошо.

«Ты где?» — прозвучал в голове вопрос капитана.

Найл повернулся к троллю:

«Он не может пройти».

Тролль протиснулся мимо, свернул вбок и исчез. Найл симитировал движение проводника и оказался опять снаружи. Его как будто подхватывало течением воды.

«Делай в точности, как я», — велел капитану тролль.

Но было видно, что паук ему не внемлет, а может, просто не понимает. Вполне вероятно, он сейчас слышал примерно тот же треск, какой досаждал Найлу в начале его знакомства с хамелеонами.

Тролль дал знак следовать за ним и скрылся из виду. Капитан уловил жест и попытался идти, но каменный барьер оказался для него непреодолим.

«Может, ты мне покажешь?» — обратился он за помощью.

«Иди за мной и в точности все повторяй». С этими словами Найл шагнул вперед и оказался в туннеле возле тролля.

Но капитану, судя по всему, что-то безнадежно мешало.

«Не получается», — донесся его голос, в котором сквозило отчаяние.

Найл снова вышел наружу и сразу понял, в чем дело. Как и все пауки, своих высших функций — таких, как речь и умственная деятельность, — капитан достигал за счет неукоснительной воли и самодисциплины. А потому, сталкиваясь с проблемой вроде этой, он машинально напрягал волю и утрачивал инстинктивное расслабление, посредством которого все само собой и получалось. Найл же, в свою очередь, пользовался инстинктом, позволяющим проницать барьер с легкостью, подобной дыханию. Здесь всего-навсего требовался навык.

«Дай-ка клешню», — сказал он, протягивая восьмилапую руку.

Лапа была мохнатая, как у кошки или собаки, только жестче и костистее. Найл сделал шаг навстречу каменному фасаду. Но, проходя уже сквозь, уловил: безотчетная боязнь застрять в камне не давала капитану двинуться следом.

Тут проблему заметил и тролль.

«Давай-ка вторую лапу», — сказал он и взял ее в свою громадную пятерню.

Теперь, с двуногими спутниками по бокам, паук застрять уже не боялся, а потому инстинктивно настроился на то, что камень ему не преграда. Секунда — и они втроем стоят в туннеле. У паука даже вырвалось что-то вроде восторженно-недоуменного возгласа (дескать, невероятно).

«Это потому, — заметил тролль, — что ты создал барьер там, где его не существовало».

Найл без всяких слов понял, что паук теперь способен внимать телепатическому языку тролля. Пойдя на попятную, капитан тем самым установил между ними доверительность. Они относились друг к другу вполне приязненно, и у тролля исчезла всякая предвзятость по отношению к пауку.

Туннель, по которому они сейчас следовали за троллем, не имел никакого, даже отдаленного сходства с пещерой хамелеонов. Начать с того, что он не был создан человеческими руками, а состоял из естественного камня. Необычным было то, что камень этот больше напоминал древесину старых корявых деревьев — весь в наплывах и шишковатых утолщениях. Вероятно, это было какое-то вулканическое образование; в свое время расплавленная лава приняла эти «древовидные» формы. Встречались места, где туннель расширялся и становился почти ровным. А кое-где он, наоборот, сужался в тесные лазы с кривыми, на зеленое стекло похожими стенами и полом, представляющим собой не более чем стык двух сходящихся наклонных плоскостей. Пауку с его восемью лапами пробираться здесь было непросто. Найл и тот продвигался с риском подвернуть лодыжку, ставя одну ступню перед другой. В этом странном лабиринте уютно было, пожалуй, одному лишь троллю, который легко шествовал по искаженным поверхностям.

Время от времени они миновали произвольные ответвления вправо и влево. А на одном пересечении и вовсе была глубокая дыра, которую пришлось огибать. Из ее недр доносился рев воды; судя по осязательному сырому сквозняку, течение было сильным. Чувствовалось, как паук невольно напрягся. Правда, потом тоннель стал очень просторным, а пол совершенно плоским; все равно что идти по розоватым дорожкам города пауков.

Незаметно спуск сменился широкой лестницей, где внизу горел свет. Этим пролетом, очевидно, пользовались существа гораздо крупнее людей: каждая ступень была почти метровой высоты. Троль шагал по ним, не снижая темпа. Не уступал и паук, плавно соскальзывая с одной на другую. Лишь Найл, предпочтя спускаться к ступеням лицом, да еще при помощи рук, вскоре приотстал.

Одолев наконец всю лестницу, на последней ступени он сел и, выгнув натруженные ноги, повернул голову. Удивительно: впереди открывалось подобие огромного зала.

Первым впечатлением было, что свет отражается от тысяч ограненных плоскостей кристаллов, напоминавших пирамидальные зубья гигантской пилы. Они тянулись во всех направлениях, уходя в самые дальние глубины пещеры, — одни ростом чуть ли не по пояс, другие не больше мизинца. Между кристаллами вились тропки, вставясь, чтобы огибать камни покрупнее. Вдоль стен пещеры возрастали могучие колонны из зеленого хрусталя, их капители напоминали тропические растения с длинными листьями-ятаганами. Виднелись также натечные образования, из которых одни походили на спящих птиц, другие — на престранной формы ладони и руки, а некоторые — на лица горгулий. В общем, вид был попросту ошеломительный.

Расслышав шум воды, Найл обратил внимание на бегущий ниже уровня пола поток, скованный берегами. Тут и там через него были переброшены ажурные мостики, служащие продолжением тропинок. Было ясно: кое-что из этого роскошества является рукотворным.

Всю усталость сняло как рукой. Что-то в самом этом необычном месте взывало к чуткому бодрствованию. Может быть, сила ума, которым словно искрились яркие эти грани?

Чтобы смочить пересохший рот, Найл опустился на колени и зачерпнул воды. Ее вкус несказанно удивлял: такое же блаженство, как от воды из фляжки, но на порядок сильнее. Эта влага словно кипела мельчайшими пузырьками. Вместе с тем стоило ее зачерпнуть, как легкое бурление полностью прекращалось. Когда пьешь, вода пощипывает губы и язык. А попытка случайно опереться о большой кристалл увенчалась легким ударом тока; от неожиданности Найл отдернул руку.

Несомненно, этот огромный кристалльный зал преисполнен был некой силы; живой, той самой, что втекала снизу через ноги и разбегалась по телу. Это место явно было резервуаром, хранилищем энергии.

Но вот раздалися шаги, это возвратился хватившийся Найла тролль. С широкой добродушной улыбкой он сказал: *«Пойдем. Жена собирает на стол»*.

Вслед за великаном Найл прошел в дальний угол, где под каменным сводом дожидался капитан. Арка, как видно, была естественного происхождения, а следы ракушек, придающие стенам шершавости, указывали на то, что этот огромный зал был когда-то морской пещерой. В таком случае кристаллы здесь образовались в результате испарения, хотя представить сложно, какой же должна была быть насыщенность морской воды, чтобы разродиться таким изобилием кристаллов.

Короткий ступенчатый спуск вел еще к одной высокой арке. Не успел тролль туда спуститься, как навстречу выбежала «ребятня» — двое троллей помельче — и с громкими криками (Найл аж поморщился) взялась вокруг него подскакивать. У обоих тролльчат — рыжих, краснощеких — была такая же, как у отца, щербина меж передними зубами. Младший, двухлетка, ростом был уже побольше Найла, а старший, лет десяти, вымахал на два метра с лишком. С обеих сторон они обхватили папашу. Младший, заметив капитана, тревожно взглянул снизу вверх на отца. Тот подхватил сынишку на руки и сказал что-то добродушное на гортанном языке, который Найл услышал в первую минуту их знакомства.

Из-под арки пробивался резкий свет — как оказалось, от хрустальной лампы, метровым пнем стоящей на столе. От нее было светло, как в погожий день. Столешница представляла собой каменную плиту, возлежащую на двухметровой толщины поленьях с толстой корой.

Несмотря на недюжинные габариты (от пола до потолка метров семь), комната была прогретой. Как видно, источником тепла служил еще один каменный кристалл — массивный шершавый валун у дальней стены, от которого исходило мягкое

оранжевое свечение. Неподалеку от него в кресле, высеченном из темного монолита, сидел еще один тролль; судя по виду, дед. Борода его, некогда густая и косматая, торчала седым мохнатым венником. Лицо этого тролля, как и у его сородича со священной горы, было словно рублено топором. Картину довершал перебитый нос, лишь добавляющий облику великана грозной мощи: черта, одинаково свойственная внешности и отца и сына.

В ногах у него сидела чешуйчатая животина с жабьей физиономией. При виде незнакомцев она, привстав, гулко рявкнула, да так, что задребезжала люстра.

— Грышш! — встречно рявкнул старик в кресле, и животина унялась.

На том конце открылась дверь из неструганных досок, и в комнату вошла рыжеволосая женщина, отирая руки о передник из мешковины. Длинные волосы были в тон красной кофте, ниспадающей на широкую серую юбку из грубой материи. Найлу она вначале показалась сушей уродкой: вздернутый нос, пятак с широкими ноздрями и редковатые зубы с той же прорехой ну никак не добавляли ее лицу красоты. Но стоило женщине улыбнуться — широко, с неподдельным радушием, — как Найл тут же к ней расположился.

Разговаривать было решительно невозможно: дети затеяли шумно гоняться друг за дружкой. Тем временем тролль достал с полки деревянную кружку и наполнил ее жидкостью из черного кристаллического кувшина, поднять который Найлу было бы явно не по силам. Через край кружки потекла пена. Тролль наполнил еще три, одну протянув отцу, вторую жене, а третью капитану, который отказался характерным жестом благодарности, подмеченным Найлом у Дравига.

Дед и женщина без лишних слов припали к кружкам. Найл на секунду растерялся, думая, что выпьют они заодно с гостем, но понял: до тонкостей этикета и всяких там здравниц троллям попросту нет дела.

Хлебнув, он чуть не поперхнулся. Ощущение такое, будто пьешь все ту же волшебную воду, только в очень сконцентрированном виде. И еще эта была с газом и цитрусовым вкусом, но не лимона и не апельсина. Было в ней что-то от вина, которое, кстати, крепостью мало чем уступало странной бесцвет-

ной жидкости, что умела гнать из меда главная жена Билла Доггинза. Как бы не опьянеть с первого глотка. Однако через несколько секунд неистовый всплеск энергии, словно отбесившись, пошел на спад, оставив после себя лишь легкую эйфорию.

Дети тоже шумно затребовали напитка, и отец милостиво разрешил отпить из своей кружки. Вслед за этим ребяшня подняла такой гвалт, что впору диву даваться, как родители вообще это выносят.

Тут хозяйка жестом пригласила Найла с капитаном следовать за ней. За дверью находилась, судя по всему, кухня, где на столе ждали преогромный каравай и две чаши ему под стать. В одной яблоки, каждое размером с мяч. Во второй чаше — круг козьего сыра и здоровенные колбасы разных сортов.

Через другую дверь она провела гостей в кладовую, там со стропил свисали туши и гроздья окороков, примерно как у Найла во дворце.

Дети теперь находились за две комнаты отсюда, и можно было говорить без крика. Женщина задала вопрос на своем языке (голос у нее был гораздо мягче и приятней, чем у мужа), указав на мясные припасы. Очевидно, она спрашивала, какой сорт мяса предпочитают гости. От вида ветчины у Найла разыгрался аппетит, и он кивнул на большой окорок. Паук же в очередной раз от угощения отказался. Женщина с беспокойным видом спросила, все ли с ним в порядке. Телепатических способностей мужа ей не хватало, но смысл был ясен и так.

Найл вопросительно взглянул на капитана и тут же понял, почему тот не хочет есть. Беднягу мутит от небывалой интенсивности энергии, пронизывающей это место.

Причина недомогания была ясна. Опять же дело в непомерно развитой воле смертоносцев. Почти у всех представителей фауны эволюция занимает столь длительное время, что такие свойства, как инстинкт, воля и разум, развиваются параллельно. В пауках же беспощадная война с людьми подстегнула непропорциональное развитие силы воли. То есть способность накапливать опыт и приспосабливаться к условиям обитания у них гораздо слабее способности к доминированию и самодисциплине. А потому капитана можно сравнить с человеком, желудок у которого настолько мал, что любое количе-

ство пищи, кажущееся чрезмерным, вызывает тошноту. Вот почему, кстати, пауки так плохо переносят морскую качку: из-за неспособности приспособливаться к волнам. А волны энергии, исходящей от кристаллов, действуют на них подобно изнурительному шторму.

Все это Найл попробовал донести до жены тролля, но без телепатического контакта задача оказалась непростой. Глядя снизу вверх на это роскошное воплощение женственности (взять хотя бы округлый бюст, с трудом уместившийся под кофтой), Найл пытался настроиться на ее ум, в то время как жена тролля, подавшись для более четкой слышимости вперед, силилась открыться его мыслям.

Результат был, мягко говоря, неожиданным. Она словно подняла его и поцеловала, ошеломив самой силой своей женственности. Найл не испытывал ничего подобного, пожалуй, с той поры, как в последний раз целовался с Мерлью.

Поняв наконец, что ей хотят сказать, жена тролля, всем своим видом выражая сочувственную озабоченность, прижала ладонь к голове капитана. Паук присел и замер. Вчитавшись спустя секунду в его ум, Найл понял, что тошноты больше нет — женщина каким-то образом ее уняла.

Когда она снова спросила капитана, какую еду он предпочитает, тот указал на кусище сырого мяса. Хозяйка, радушно улыбнувшись, сняла тушу с металлического крюка; другой рукой она взяла окорок и повела гостей обратно на кухню.

Там у стола уже топтался ее благоверный, с интересом поглядывая на еду; чувствовалось, что он проголодался. Хозяйка, положив мясо на стол, перешла на свой язык; муж переводил.

«Ты предпочитаешь еду горячей или холодной?»

«Горячей», — ответил Найл, слегка недоумевая, как можно кашеварить в помещении, где нет печи или духовки.

Капитан свою еду предпочел холодной. Чем, собственно, не удивил: где это видано, чтобы паук ел горячее.

«А где у тебя...» — и тролль сказал незнакомое слово, прозвучавшее в мозгу гостя как «денкута». Впрочем, по мысленному образу шара было понятно, что имеет в виду исполин. Вынимая шар из сумы, Найл ощутил пальцами покалывание. Оче-

видно, так предмет резонировал с наполняющей пещеру энергией.

Хозяйка бережно приняла шар в ладони, восхищенно посмотрела через него на свет, поднесла к уху.

«Она говорит, похоже на работу Салгримаса, известнейшего из наших мастеров», — перевел слова жены тролль.

Следующую фразу женщины понять тоже было несложно.

«Где ты это нашел?»

Найл дал образ пещеры, в которой они оказались заперты.

«Так вот что выискивал карвасид».

«Кто такой карвасид?»

«Это значит хозяин, или повелитель. Он уж сколько раз пытался найти шар».

От такого непринужденного упоминания о Маре Найлу аж кровь в голову ударила.

«Вам что-нибудь известно о хозяине Страны Призраков?»

«Да», — ответил тролль. — *Впрочем, отец знает побольше моего».*

Найл чуть не подпрыгнул от восторга.

Сделав в ветчине глубокий, до кости, надрез, хозяйка (во дела!) сунула туда шар. Вслед за этим супруг, прочно опершись о столешницу, возрился на окорок с таким видом, будто собирался его испепелить взглядом. Почти сразу раздался звук, напоминающий шипенье сковороды, и от куска повалил пар, а вскоре и впрямь потянуло жареным на гриле мясом.

Все вместе они вернулись в большую комнату. Дети унялись уже настолько, что можно было разговаривать. Хотя младший все еще носился взад-вперед, рыча и шипя.

«Это он так играет?» — поинтересовался Найл.

«Изображает дракона».

«А он дракона... видел?» — спросил Найл осторожно.

«Нет. Просто мы ему иногда рассказываем».

Видно, благодаря своим телепатическим способностям тролли передают чадам куда более достоверный и жуткий образ чудища, чем тот, какой дети обычных людей получают из сказок.

«Дед мой, вот тот видел дракона», — впервые подал голос из своего угла старик.

Телепатическая связь у него была ничуть не слабей, чем у сына.

«Это, наверное, давно было?» — пожелал уточнить Найл.

Старик кивнул, при этом глаза его полыхнули такой силой, что впору пригнуться. Хотя видно было, что старый великан настроен вполне благодушно.

«Давно. Тролли живут раз в двадцать дальше, чем люди, а то и поболее. Так что было это сотню с лишком поколений назад».

Найл бегло подсчитал: выходило примерно три тысячи лет.

«Они в самом деле такие... огнедышащие?»

«Да нет. Просто дых у них и впрямь жаркий, натуральный огонь».

Мысль тролля передавала гораздо больше, чем слова. Подобно тому как взрослый выделяет больше тепла, чем ребенок, так и драконы нагнетали, сообразно своим исполинским размерам, жара достаточно, чтобы их дыхание и вправду обжигало как пламень.

За разговором хозяйка накрыла на стол. Меньшого тролльчонка усадили на высокий стул, старшему для удобства хватило подсунутой подушки. Найла, для которого в этом жилище годилась поговорка «пешком под стол ходит», разместить оказалось сложнее. В конце концов ему подыскали сиденье еще выше, чем у малыша. Болтая ногами, он сторожко поглядывал на пол — до того от пяток было не меньше метра.

Найлу подумалось: как бы потактичней довести, что пауки не любят, когда за ними наблюдают во время еды. Но капитан сам пришел на выручку, мол, за столом мне сидеть неудобно, так что лучше подкреплюсь на кухне. И уволок туда врученный троллем кусище говядины, вежливо прикрыв за собой дверь. Вскоре приглушенный хруст дал понять: ужин поглощается с удовольствием.

Еда была простая: жареная ветчина, которой хватило бы на десятерых, каравай хлеба и желтоватый овощ вроде цветной капусты. И еще сыр. И искристая вода в кружках.

Поместив на тарелку шар, тролль нарезал ломтями ветчину и придвинул к гостю ломоть толщиной с палец. Что интересно, мясо оказалась хорошо прожаренным, хотя кристалл не пробыл в нем и десяти минут. Впрочем, в этом странном под-

земном мире к чудесам привыкать не приходилось. Ветчина елась с зеленой приправой, она называлась апса — что-то вроде горчицы. Вкус был не острый, а, скорее, вяжущий, и еще в ней было полно хрустящих семян; в целом куда приятней горчицы. Похожий на капусту желтоватый овощ титри оказался и вовсе не похож ни на что из отведанного Найлом до сих пор.

Найл сосредоточился на еде, но не только потому, что проголодался. Просто держать здоровенные нож и вилку было не сказать что удобно. Нож был размером с добрый тесак, а у вилки имелось лишь два широко стоящих зубца. Заметив, как гость по неловкости чуть не обронил кус ветчины, хозяйка забеспокоилась и нашла ему вилку и ножик поменьше — видимо, детские. Тролльчата безудержно расхохотались. Найла и самого позабавила эта невольная клоунада.

Игристая вода слегка пьянила. Удивительно то, что ребягня запросто осушила свои кружки и потребовала добавки. При этом вместо того, чтобы разгуляться, тролльчата, наоборот, начали со временем звать и потирать глаза. Младшего мать взяла и убаюкала у себя на руках.

Еда, питье да и вообще вся эта идиллия наполняла беспечной эйфорией. Не семья, а просто образец для подражания. Мать лучилась любовью к своим детям, что не уступала, пожалуй, по силе тому нагревающему кристаллу. А когда она ласково предложила добавки, Найл буквально физически ощутил женское тепло, живо напомнившее о матери, и об Одине, и о Мерлью, и вообще о всех женщинах, что дарили ему свою нежность и привязанность. Эх, оказаться бы сейчас на месте малыша у этой вот груди.

Теплое дружеское чувство вызывал и сам тролль. От его улыбчивой красноносой физиономии исходила некая благая сила, столь же неизъяснимо глубинная, как и в том тролле со священной горы. Понятно, отчего дети у этих идеальных родителей могут шуметь и беситься, как целый детский сад, что в городе жуков. Невероятная жизненность родителей делает их невосприимчивыми ко всему этому гвалту.

От старика шла сила несколько иная. Когда он, встав с кресла, проходил по комнате, Найл обратил внимание на хромоту, а также на то, что часть лица у него неподвижная, как после инсульта.

«В папашу моего молния угодила», — не без гордости заметил сын.

Найл, не придав этому вначале особого значения, вспомнил потом слова людей-хамелеонов: тролль, в которого попала молния, становится для сородичей доподлинным героем, чтобы не сказать полубогом. Это, видимо, считается у них проявлением особой скрытой силы.

Не терпелось расспросить о Маге, но, возможно, такой почтенной особе, как пожилой великан, подобное любопытство могло показаться бестактным. Да и ел старик с таким отрешенным видом, что и заговаривать с ним было неудобно. Однако, когда трапеза завершилась, а дети, погрузнев от еды, примолкли, он подал голос сам.

«Так ты, выходит, встречался с Хубриксом?» Судя по умозрительному образу, старик имел в виду тролля священной горы.

«Да, он водил нас к святому озеру», — отозвался Найл, передав встречно образ себя самого и людей-хамелеонов.

Старик извлек изогнутую трубку и набил в нее каких-то сочно-коричневых хлопьев. Затем подставил к ней матово светящуюся алым кристаллическую палочку и, насупя бровь, взгляделся. Трубка, затлев, выпустила ароматный клуб дыма. Запах был куда приятней, чем табачище, что раскуривают слуги жуков.

«Хубриксу ты приглянулся», — сказал он.

«А вы с ним виделись?» — спросил Найл.

«Не то чтобы сию минуту, но... иногда разговариваем».

Найл не осмеливался спросить, каким образом они поддерживают связь на столь изрядном расстоянии. Но старик, видимо, прочел его мысли.

«Мы используем резонирующий кристалл».

Тем временем в комнату возвратился капитан и притулился у каминной плиты, явно наслаждаясь жаром. Чего Найл не ожидал, так это того, что он примет от хозяйки кружку искристой воды. Держа ее в гибких, как руки, хелицерах, он до удивления походил на человека. При этом чувствовалось, что вести себя на человеческий манер восьмилепому приятно: отвергнутый сородичами, он теперь был принят людьми как бы на равных (двуногие тролли в его понимании тоже к ним относились).

Старик вовлек в беседу и паука. Продолжая говорить на более удобном для него языке троллей, он все же сопровождал слова телепатическими образами, изъясняясь примерно как Дравиг.

«Страна Призраков — опасное место».

«Да, мне об этом говорили», — лаконично согласился паук.

«А к паукам у карвасида особая ненависть».

«Тебе известно почему?»

«Известно».

Старик с трубкой устроился поудобнее, а сноха опять наполнила ему кружку. Дети в предвкушении рассказа подперли руками щеки.

«После того как с неба упала разорвавшаяся звезда (очевидно, он имел в виду комету Опик), земля долго была покрыта снегом и льдом. Но эта же звезда принесла и богиню. До ее прихода тролли (на его языке это слово звучало как «патара») не жили, а, можно сказать, постепенно вымирали. Но она дала нам новую жизнь. Мы стали еще больше и сильнее. Как тебе известно, — обратился он к капитану, — ваш род тоже стал больше и сильнее».

Судя по недоумению восьмипалого, представление об истории у него было совсем поверхностное.

«Пауки принялись расти, даром что поначалу самые крупные из них были вдвое меньше Гриллуса, — кивнул старец на грызущую кость мордатую животину. — Люди же, в особенности женщины, пауков боялись, хотя их яд был неопасен. И тогда воин-человек по имени Ивар Жестокий захватил эту землю. Пауков он ненавидел и прогнал их в горы, где они и нашли укрытие. Ивару этого показалось мало, и он двинулся походом дальше на север. У него было много жен. Главную его жену звали Хуни. Когда стало известно, что по всей долине обитают пауки, она взмолилась мужу, чтобы он всех уничтожил».

Найл впервые слышал, чтобы войну с пауками спровоцировала женщина. Хотя, если вдуматься, это не лишено основания. Скажем, пауков терпеть не могла тетя Ингельд. Стоило ей в пещере увидеть хотя бы одного, как она поднимала вой на весь Северный Хайбад, пока ее муж не прибывал восьмипалого.

«И вот пауков выгнали из нор с помощью огня и дыма и зверски с ними расправились. Счет шел на тысячи».

Эту часть повествования Найл знал, так как слышал ее непосредственно от Хеба Могучего. Однако сила повествования у старого тролля была такова, что хотелось заворуженно внимать, не пропуская ни единого слова.

«Тем не менее это было тем толчком, который решил борьбу в пользу пауков. Вместе с разумом в них взрастали отчаянность и ненависть. Они мечтали о мести, жили ею. Понимая изначально, что мир материи подвержен влиянию воли, они взялись развивать ее как единственную способность противостоять людской агрессии. Начать с того, что с помощью ума они научились охотиться за добычей. Живя впроголодь в горных низинах, некоторые особо сильные охотники приноровились волей обездвиживать на лету птиц. Больше всех своими бойцовскими качествами выделялся Хеб, который и сделался у них вождем.

Как-то раз они с братом заметили в долине пастухов. Спустившись незаметно по склону, из каменного укрытия парализовали двоих так, что те не могли ни двигаться, ни говорить. Пауки больше ничего не сделали — им лишь хотелось удостовериться, что волей можно обездвиживать двуногих. Хеб считал, что люди гораздо сильнее пауков, но в этот день выяснилось, что это не так, их можно покорить силой воли.

Много лет пауки готовились к решающей схватке, которая дала бы им полную победу, без всякой возможности врагам оправиться от удара. Восьмилапые понимали: стоит хотя бы горстке двуногих ускользнуть, и противостояние неизбежно возобновится. Наконец, под началом внука Хеба Охотника, которого тоже звали Хеб, они окружили город Корш и сомкнули свою волю воедино, словно непроницаемую сеть. Парализованы оказались все жители города, ставшего с этого дня столицей Смертоносца-Повелителя Хеба».

Свои слова тролль адресовал в основном капитану, чувствуя, что для него все это внове. От горячей каминной плиты паук успел отодвинуться и теперь застыл, как это могут делать некоторые птицы: на целые часы, а то и дни.

«Ты можешь объяснить, отчего людей так тянет воевать?» — спросил капитан.

Тролль повернулся к Найлу.

«На этот вопрос, наверное, следует ответить тебе».

Найл и в самом деле много над этим размышлял, особенно с той поры, как выслушал рассказ Хеба о войне, приведшей к порабощению человечества.

«Мне кажется, люди производят гораздо большие энергии, чем в силах использовать. До пришествия кометы энергия сделала их хозяевами Земли. Но уже тогда некоторые понимали, какую проблему она создает. Большинство животных расходует жизнь на то, чтобы добыть себе пропитание. Человек эту проблему решил и стал властелином Земли. Но перед прилетом кометы его коростой разъедали скука и разочарование. Энергии оказалось слишком много, и его душили благополучие и развращающее безделье. — Найл выстраивал логическую цепочку от того, что ему в свое время открылось в Белой башне. — И вот судьба бросила, возможно, величайший в истории вызов, и человечество отпирывалось искать и осваивать новые миры. Те же, кто остался, вскоре сделались такими же склонными к насилию и воинственным, как и их предки тысячу лет назад. Я, хотя и сам человек, никак не могу отделаться от мысли, что они заслужили рабскую участь».

Говоря, он уловил, что тролли слушают с изумлением и даже некоторым трепетом. Найл им казался не более чем простецким пареньком, который вдруг начал рассуждать с весомостью ученого, сведущего в истории человеческой расы.

«Откуда ты это все узнал?» — спросил старик.

Капитан избавил Найла от необходимости пускаться в разъяснения.

«Он избранник богини», — сообщил он.

Все растерянно замолчали, усваивая услышанное.

«А... почему избранник богини путешествует без слуг?» — проговорила наконец хозяйка.

«Мне надо спасти жизнь брата».

«Вот как? Твой брат находится в плену?» — не понял старик.

Найл пожалел, что не обладает способностью Хеба Моучего выпаливать большие объемы информации единым телпатическим залпом, без муторных объяснений.

«Нет, дома, — сказал он, поворачиваясь к жене тролля. — Но отравлен. Быть может, ему осталось жить недели три».

«Но возможно, у нас получится помочь, — подал голос муж. — Отец мой очень силен в науке о ядах».

У Найла забрезжила робкая надежда.

«Опиши признаки его болезни», — велел старик.

Найл рассказал, как Вайг, пробуя на остроту лезвие топора, которым орудовали убийцы Скорбо, случайно порезал палец. Когда он взялся описывать симптомы — скачущий жар, бред, провалы в памяти, — старик лишь покачал головой.

«Это не просто яд. Похоже на уусли — зелье из корней треку-ты, содержащей крохотные живые тельца, подвластные кар-васиду. Ими можно управлять на расстоянии, даже из Страны Призраков».

«А нельзя ли каким-то образом эти организмы уничтожить?»

«Если карвасид готовил зелье сам, то почти невозможно. Впрочем, есть дерево, способное мешать его мысленным вибра-циям. У нас оно зовется ниритой».

Найл узнал мысленный образ.

«Аболия? Мы уже поместили брата в комнату, где по бокам стоят два таких дерева».

«Тогда вы сделали все, что могли».

«Но ведь ты можешь попросить о вмешательстве богиню?» — предположила хозяйка.

Найл отрицательно покачал головой.

«Она скажет, что эту проблему я должен решать сам».

«Так на что ты надеешься?» — напрямик спросил тролль.

«Я хочу говорить с карвасидом напрямик и найти обоюдно приемлемое решение, которое спасет жизнь брату».

«Поэтому ты и держишь путь к северным горам?»

«Да».

Супруги с некоторой неуверенностью переглянулись, затем посмотрели на старика, задумчиво посасывающего трубку.

«Ну а что? Только может оказаться, ты заплатишь цену выше той, на которую рассчитываешь».

«Каким образом?»

«Более всего на свете он ненавидит пауков. Если пойдешь у него на поводу, он задумается, как можно использовать тебя против них».

«Почему он так не любит пауков?» — недоуменно спросил Найл.

«Потому что он сам находился в Корше, когда тот пал под натиском Хеба. Паукам было дозволено разговестись человечиной, он лишился жены и детей».

«Как его звали?»

«В те дни он был известен как Сатханас — начальник стражи, ревностный служака. После падения города он незаметно ушел в сторону Серых гор».

«Вы с ним когда-нибудь встречались?»

«Нет. Но однажды я его видел. Пробираясь на север, Сатханас с несколькими воинами останавливался неподалеку на ночлег, и я, сделавшись невидимым, за ним наблюдал. Я никогда не видел, чтобы кто-то был так обуреваем ненавистью. И уже тогда я понял, что он раскрыл секрет пауков».

Найл поглядел на пылливо слушающего капитана и, вероятно, задал его вопрос:

«А что это за секрет?»

«Знание о том, на что годится сила воли. Пауки были свидетелями массового истребления своих сородичей — сначала Иваром Жестоким, затем Скаптой Хитрым, спалившим городок Сибиллу, а после того Вакеном Ужасным, который прогнал пауков на север, где многие погибли от холода и голода. Вот когда пауки постигли всю глубину и силу ненависти, а это в свою очередь развило у них способность парализовать людей волевой энергией. Вот что определило решимость людей покончить с пауками любой ценой. И они прознали, что если нападать на пауков внезапно, из засады, те не успевают объединить свои умы в силовую паутину. И Вакен, устроив засады, уничтожил столько восьмилпых, что снискал себе прозвище Убийца Пауков. Ему повезло умереть своей смертью, прежде чем восьмилпые взяли Корш, иначе кончина его была бы не менее жуткой, чем у Ивара Ужасного».

«Так почему, когда Хеб взял город, Сатханаса пощадили?»

«Пощады не было. Пауки без устали его выискивали, а он прятался в пещерах под городом. Ему с десятком людей удалось ускользнуть на лодках, которые там хранились».

Так вот откуда взялись те лодки на берегу подземной реки. Уж не люди ли Сатханаса вывели их из строя, чтобы не допустить погони?

«Когда я их увидел, — продолжал старик, — все они были измотаны и удручены. Все, кроме Сатханаса, который плакал их силой своей воли. По нему было видно, что он не сдастся. Но ненависть, которой он горел, наводила на мысль, что она может сжечь и его самого».

«А пауки пустились в погоню?» — спросил Найл.

«Не знаю. Точнее, не думаю. Вероятно, считали, что он им теперь не помеха. И это было их ошибкой: Сатханас и его люди отыскивали вход в Страну Призраков, и там он начал вынашивать план возмездия».

«Где же он, вход в Страну Призраков?» Найл перестал дышать в ожидании ответа.

«В семи лигах к северу от горы, именуемой Сколлен».

Одновременно со словами возникла и картина горы. Вот он, тот самый фантазмагоричный пейзаж с игольчатыми вершинами и приплюснутыми макушками вулканов — место, где потерпел неудачу Скорбо.

«А что за место эта Страна Призраков?» — поинтересовался Найл.

«Ты же был под священной горой? Страна Призраков чем-то похожа на этот край, только куда просторней. Мои собратья прозвали ее Страной Зеленого Сумрака. Протяженность у нее более сотни миль».

«Ты сам там бывал?»

«Много раз. Еще задолго до того, как я появился на свет, там обитали трогласы (в уме Найла возник образ существа, похожего на огромную черную обезьяну). Но они почти все погибли от ядовитых испарений во время извержения. В пору моего детства это была призрачная пустыня, где не водилось ничего, кроме проклятой нежити. Вот там и обосновался Сатханас со своими людьми. И постепенно число поселенцев возросло».

«Как оно могло возрасти, если у них не было женщин?» — хотел спросить Найл, но осекся: все и без того было ясно.

«Они совершали набеги на скальные жилища и угоняли тамошних жителей».

Ну разумеется. Убийцы Скорбо были их прямыми потомками.

«А дальше?»

Это подал голос старший из мальчуганов. Незаметно проснувшись, он зачарованно слушал и рассказ гостя про брата, и дедушкины воспоминания.

«О том лишь Сатханасу и известно, — отвистил старик. — Но в те давние дни я однажды подслушал там разговор стражников.

Один из них рассказывал, как карвасид набрел в гробнице на древние письмена. Тогда-то он и начал постигать магические искусства».

Тут Найлу вспомнилась библиотека Белой башни с рассказом Старца про антропологов, сделавших удивительный вывод: некоторые первобытные племена совершали магические обряды выкликания дождя, отчего и в самом деле выпадали осадки.

«А это верно, что карвасид может управлять погодой?»

«Разумеется. Чего проще. Я тоже могу».

«В самом деле?» — живо заинтересовался Найл.

«Ну, скажем, вот так».

Старик подал Найлу хрустальный шар. Тот, вопреки ожиданию, на ощупь оказался не жирным — наоборот, на удивление сухим и словно заново отполированным.

«Почему он такой чистый?» — не удержался от вопроса Найл.

«Очищается сам. Такова природа кристалла. Он даже пыль отталкивает».

«И как с его помощью контролировать погоду?»

«Проще показать, чем объяснить, — ответил старик. — Пойдем».

Грузно поднявшись, он направился к выходу. Сын пошел следом, увязался и внучок. Капитан перетаптывался в нерешительности: позовут или нет? Ему, обернувшись, весело махнул рукой тролльчонок — дескать, айда с нами. Хозяйка не пошла; бережно уложив в плетеную кроватку малыша, она начала убирать со стола.

Найл, ухватившись за край столешницы, неловко спрыгнул и заспешил за остальными, которые были уже на середине лестницы (вот что значит быстроходность). Кристаллический шар, словно отзываясь на волнение, легонько кольнул ладонь электричеством. Карбкаясь по здоровенным ступеням, Найл неожиданно припомнил себя в раннем детстве, когда и мебель, и взрослые казались эдакими исполинами.

Хрустальная пещера на этот раз поражала своей величавой красотой еще сильнее — очевидно, контакт с троллями настроил вибрации Найла соответствующим образом. Его как будто облекало звучание ветра где-нибудь в лесу; казалось, согбенные под его порывом деревья вот-вот откроются взгляду.

Остальные находились в дальней части пещеры, где полупрозрачные кристаллы сменялись колоннами, похожими на деревья из зеленого стекла, с саблевидными листьями. Напротив них располагалось подобие трона или большого кресла из льдистого хрусталя, перед которым возвышался столп примерно на голову выше Найла, с чашеобразным углублением сверху. В углублении, подрагивая, теплился как будто язычок живого света — что-то вроде маяка у городской бухты, недавно восстановленного для пристающих ночью кораблей.

Тролльчонок уже успел влезть на кресло и недвижно уставиться на огонек расширенными глазами. Когда приблизился Найл, шар в его руке повел себя странно. Он вздрагивал, словно норовил вырваться из руки, подобно воздушному шару; приходилось даже придерживать.

В эту секунду совсем рядом гроыхнуло, да так, что Найл от неожиданности чуть не выронил шар. Запахло озоном. Мальчуган расхохотался и захлопал в ладоши: видимо, к этому раскату он имел прямое отношение.

Дед поднял озорника с кресла, освободив место для Найла. На сиденье его, взяв под мышки, усадил тролль. Кресло было явно не по росту: огромное, с подлокотниками на уровне головы. Шар теперь дергался так сильно, что приходилось удерживать его обеими руками. Усилилось и покалывание; ладони буквально жгло.

Старик запустил руку в углубление и вынул еще один шар размером примерно с тот, что рвался из ладоней Найла. Аккуратно помещенный делом на пол, кристалл постепенно померк. Затем тролль взял шар Найла и положил на место первого. Тот мгновенно воссиял намного ярче своего предшественника; капитан невольно отпрянул, а Найл аж зажмурился. Но затем, повинувшись безотчетному импульсу, отнял ладони от глаз и всмотрелся в сияние. При этом оно словно вливалось внутрь, преображая его самого в шар света.

Дивным был этот опыт, вызывающий одновременно и страх, и безудержную радость. Он ощущал себя словно припавший к кружке жаждущий, боящийся, как бы ее не вырвали из рук. Этот свет обновлял чувство внутренней силы, испытанной некогда в Белой башне.

«Это вот паллен, — указал старик на зеленоватый столп. — Он соединяет шар со своим окружением».

Чувствовалось, как по столпу поднимается некая энергия, отчего шар светится подобно лампе.

Эффект можно было сравнить с действием медальона. Хотя медальон усиливал в основном волю. Шар же углублял и чувства, наделяя их озаренностью. То же самое и со знаниями. Медальон концентрировал ум, а одухотворенная сила его одновременно расширяла, так что теперь разум Найла вмещал в себя и эти горы, и долину Мертвых с ними вкупе.

Приобщившись к силам кристалла, Найл уяснял теперь и его цель, и суть его, и историю. Создатель шара был священнослужителем, потратившим год, чтобы найти глыбу кварца весом в полсотни фунтов и вызволить из кристаллической темницы этот полуфунтовый шар, чья энергия скоплась на протяжении полутора миллионов лет.

Неудивительно, что его так жаждет заполучить Маг. Завладев этой вещью, он невероятно усилил бы свою мощь. Ведь нити от этого кристалла простираются по всему миру подобно паутине, а энергия, сверкающая сейчас трепетными сполохами, — это энергия самой Земли, та же взрывная сила, что исторгается громом и молнией. Подобно заряду батареи, она хранится в окружающих сейчас Найла кристаллах. А со входом в мир шара эта сила сделалась доступна его, Найла, уму. Не сходя с этого самого кресла, служащего своеобразной смычкой между умом и шаром, он мог бы вызвать громовое сотрясение всей долины Мертвых; мог сделать так, чтобы озеро вышло из берегов и сокрушило все на своем пути.

Пронзительная эта догадка рождала вполне логичный вопрос. Отрешившись умом от шара — отчего тот заметно потускнел, — Найл спросил у старого тролля:

«А у карвасида есть в распоряжении подобный шар?»

«Есть, только несравненно слабее».

«Откуда он взялся?»

«Карвасид сделал его сам, используя поработанного боку. Бока, — предвосхитил он следующий вопрос, — это дух природы, обитающий в серебряных и медных рудниках. Он может принимать человеческое обличье. Вообще боки — замечательные мастеровые мира дивы».

Переданная умозрительная картина была не сказать что приятна. Перед глазами встал высоченный, будто освежеван-

ный человек с худым трупным лицом и запавшими красными глазами, довольно-таки зловещими. Прочтя мысли Найла, старый тролль сказал:

«Да, они могут быть очень опасны. Но карвасиду как раз нравится демонстрировать на них свою силу».

«А откуда взялся ваш собственный шар?»

«Его сделал мой прадед. Он не такой мощный, как твой, потому что кристалл у него поглубже».

Судя по мысленному образу, большая роль здесь отводилась структуре кристаллической решетки, как у портных внимание уделяется текстуре и изяществу ткани.

«Можно попробовать?» — спросил Найл.

«Конечно».

Убрав из углубления шар Найла, старик поместил туда свой. Устанавливать контакт не потребовалось — хрустальный стул сам осуществил смычку, — и сразу сделалось понятным значение слов тролля. Этот шар не мог концентрировать такое количество земной силы — поле охвата у него было меньше.

Напрашивался еще один вопрос.

«Интересно, а почему никто из угнанных в полон пещерных жителей за все время так и не открыл карвасиду, где упрятан шар?»

«Об этом знал один лишь жрец, а он был убит».

«А сами вы никогда не думали его отыскать?»

Старик покачал головой.

«Уж коли сам карвасид с этим не справился — а мне это известно, — значит, шар спрятан был надежно. Да и найди я его, не хотелось бы после этого сносить на себе неумную алчность карвасида».

«И еще один вопрос. Ты мог бы подсказать нам наиболее удобный путь в Страну Призраков?»

«Это необязательно, — ответил старый тролль. — Ты все можешь узнать через него. — Он кивком указал на кристальный шар. — А теперь мы, пожалуй, оставим тебя одного, более-мнее с ним освоиться».

С этими словами он забрал с паллена свой шар, заменив его шаром Найла. Его свет тут же сделался ярче, а Найл испытал кратковременное внутреннее сжатие, какое бывает, если с непривычки повернуть медальон.

Спустя минуту он остался в пещере один. Капитана явно обрадовал повод удалиться: от такой энергии пауку было не по себе.

Хотя и приятно было оказаться в одиночестве, но все равно без стороннего совета Найл чувствовал себя до странности скованно: надо что-то делать, но что и как?

Первое, что пришло в голову, это установить контакт с матерью, узнать, как там сейчас Вайг. Найл расслаблялся, пока не почувствовал, как от него в эфир протянулись незримые нити живого восприятия. Затем он привел в действие навык, которым овладел в келье Сефардуса, — своеобразный «щелчок» в мозгу — и представил во всех деталях комнату матери.

Все получилось так быстро, что он даже сам не успел подготовиться. Какое-то мгновение — и вот Найл уже в комнате матери, что в другом крыле дворца. Стоял он спиной к двери, а мать сидела на стуле, штопая детскую одежку.

Ошугив постороннее присутствие, она подняла взгляд и от неожиданности чуть не вскрикнула. Найл, округлив глаза, поднес палец к губам.

«Что ты здесь...» — начала она, но голос сорвался.

Видно было, что ее бьет дрожь, а шитье упало на пол. Мать наверняка думала, что перед ней привидение.

«Не беспокойся, я в порядке», — быстро сказал он.

Мать посмотрела в окно, где в ночном небе сияли звезды.

«Но ведь у нас сейчас время...»

«У меня теперь есть другой способ тебе являться. Как Вайг?»

«Все такой же, очень слабый. Но где ты сейчас?»

Найла разобрал смех. Нелепость какая: они с матерью в одной комнате, а она спрашивает, где он сейчас находится.

«В пещере, у Серых гор. Ты только не тревожься. Я снова приду, завтра».

Картина на глазах начала тускнеть; секунда — и он опять в пещере. Суть происшедшего была ясна: он слишком слабо концентрировал ум, полагаясь в основном на силу шара. Отсюда напрашивался примечательный вывод: без активного умственного усилия мощность шара на порядок ослабевает.

Часть вторая

Найл понятия не имел, как выведать о Стране Призраков хоть что-нибудь. Но едва войдя в мир кристалла, он мгновенно ощутил себя в центре некой паутины и понял, что нужно научиться считывать ее вибрации, ориентируясь по ним, как паук в тенетах. Сразу от центра, где находился непосредственно он, пролегал внешний мир, начинаясь с каменистой долины, через которую Найл проник в подземный мир троллей. Сейчас ее окутывала мгла, но стоило взглянуть, как в считанные секунды темная завеса поднялась подобно туману и пейзаж стал различим ясно как днем.

Но это не был день в обычном понимании. Он словно подернулся сероватым флером иллюзорности. Что-то подобное Найл замечал во время встречи с матерью, но считал это за слабое освещение в комнате. Теперь же было понятно: все обусловлено энергией кристалла, способной проникать сквозь твердую материю так, что незыблемые предметы обретают почти полную прозрачность. Нечто сродни «двойному видению», которое ему приоткрылось после разговора с богиней Дельты.

Ум сейчас пауком скользил по энергетическим нитям, взбираясь все выше. Вот он уже над долиной и держит курс на север. На беду, так оно и есть: места здесь фактически непроходимые. Семь лиг — двадцать одну милю — по такой заковыристой местности придется одолевать два долгих, труднейших дня.

Оглядев простершуюся к северу долину, Найл проникся нелегким подозрением: а в полной ли мере причастна природа к этому нагромождению камней и валунов? Да, обрушение было явно вызвано колоссальных размеров погипом. Но по-

чему в таком случае на всей этой изломанной плоскости нет ни следа какой-нибудь речушки или даже ручья? И что могло вызвать такие гигантские оползни, если склоны здесь состоят в основном из гранита?

Ответ, видимо, в том, что эта долина к северу и есть главный подступ к Стране Призраков. А так как именно она и есть основной маршрут для неприятельского войска, сделать ее непроходимой — значит закрыть главный вход в подземные владения Мага.

А как обстоит дело с обходными путями?

Найл умственным усилием поднялся над ландшафтом выше.

Очертания были знакомы, он уже отчетливо видел их через воображение Асмака. Далеко впереди, где горы сточены были в иглы ветром, дождем и снегом, угадывалось то самое плато меж двух вершин, куда, по несчастью, приземлился Скорбо. Один из тех пиков (видимо, тот, что повыше, справа) и был Сколлен.

С середины плато спускалась река — на юг, в зеленый дол, — срываясь затем живописным водопадом с утесов долины Мертвых и дальше поворачивая на запад, к морю. Так что, судя по всему, к Сколлену лучше подходить по речной долине. А попасть туда можно, если возвратиться пройденным путем и повернуть на север где-нибудь над теми пещерными жилищами.

Таким окольным путем до Сколлена примерно три десятка миль, что займет целый день неустанного пути, от рассвета до заката. Пока за сутки удавалось покрыть лишь половину такого расстояния. Ну а как насчет менее трудоемких способов перемещения — тех же оолусов, а то и паучьего шара? Впрочем, не годится ни тот ни другой вариант. Все окажется шито белыми нитками, рискованно: любой караульный где-нибудь на вершине непременно заметит их приближение, причем изда-лека.

Кстати, а есть ли там посты наблюдения? Найл устремил взор через простор пейзажа и постепенно различил, что та стекающая с плато река — это на самом деле степенно набирающий силу водопад. А вот и плато — унылое, неприветливое, в окружении острых каменных зубьев, на которые, по словам Асмака, и напоролся шар Скорбо. Опять же, что могло занести паука так далеко на север от Большой стены? Даже при

ветре ураганной силы он мог бы плавно сманеврировать и по нисходящей кривой снова вырулить на юг (такое возможно — Найл сам проделывал нечто подобное на обратном пути из Дельты).

Зависнув над каменным куполом восточной горы, он различил, что это кратер потухшего вулкана с круглым, в сотню метров озером по центру. Гора была намного выше, чем представлялось издали. Но никаких намеков на наблюдательный пункт, сколько ни гляди. Тогда Найл поднялся над вершиной метров на триста, откуда взгляду открывались крутые, поросшие можжевельником склоны. Он рассчитывал высмотреть ту пещеру, где когда-то нашел себе укрыище Сатханас с горсткой слуг. Между прочим, с востока он разглядел и возможный ответ, почему эта гора на местном наречии зовется «сколлен». Каменные впадины-сколы у вершины и впрямь смотрелись как скулы оскаленного черепа.

Но эти впадины не были пещерами. Оглядев без особого успеха ухабистый рельеф горы, Найл спустился ниже и взялся искать тщательней. Наконец на глаза попало подобие пещеры, наполовину скрытое кустами и лежащим поперек сломанным деревом. Отсюда до самой вершины вздымалась неприступной стеной сероватая порода. Пещера выходила на северо-восток, так что наблюдательным пунктом южного подступа служить никак не могла.

Попытка взглядеться вглубь ничем не увенчалась: сплошная тьма, никакого движения.

Вскоре зевота дала понять, что все эти умственные усилия не проходят бесследно. Наверное, уже близка полночь, а в путь надо трогаться спозаранку. Поэтому Найл, приподнявшись, спрыгнул с хрустального кресла на пол и по неудобным метровым ступеням спустился вниз.

В комнате, где они столовались, царили тишина и полумрак — только хозяйка сидела у лампы и подшивала что-то из детской одежды. Найл улыбнулся: все матери заняты примерно одним и тем же.

«Ну как, *готов почивать?*» — спросила она.

«*Пожалуй*», — ответил он с ноткой благодарности.

Прихватив лампу, хозяйка мимо кухни повела гостя по коридору с неровными гранитными стенами. По пути она оста-

новилаь указать на уборную за дощатой дверью, после чего провела Найла в соседнюю комнату. Вообще-то это была небольшая, высеченная из камня пещера; более-менее гладким в ней был лишь пол, а стены и потолок в отметаинах инструментов бугрились неровностями. Деревянные игрушки в корзине указывали на то, что это детская. Из мебели он увидел здесь лишь деревянную кровать да стул, сиденье которого возвышалось над полом более чем на метр. На столе лежала сума Найла. В углу комнаты уже спал на круглом коврикe капитан, нривычно подогнув под себя ноги.

Добрая тролльчиха, обнажив в веселой улыбке прореху между зубами, удалилась, оставив Найла в темноте. Ей, видимо, не терпелось поскорее улечься. Найл и сам не без удовольствия влез в здоровенный короб детской кровати, куда можно было запросто уложить троих таких, как он. Там он удобно устроился на матрасе, в котором полно было не то бобов, не то гороха.

Прежде чем натянуть на себя шершавое одеяло, он в темноте вынул из сумы хронометр; фосфоресцирующие стрелки показывали четверть первого. Хронометр он завел под одеялом, чтобы не разбудить капитана, и поставил рядом на стуле. Мерное тиканье успокаивало. В щеку едва ощутимо дуло; значит, в комнатах от духоты предусмотрена вентиляция, как-то связанная, видимо, с дальним шумом воды внизу.

Какое, интересно, сегодня число? Нахлынувший сон помешал разобраться с этой задачей.

Разбудил его приглушенный шум — дети явно сражались подушками. Стрелки показывали половину седьмого. Найл ощущал себя бодрым и хорошо отдохнувшим; к этому, видимо, была причастна энергия кристаллов. Зашевелился и капитан; без всяких вопросов чувствовалось, что он тоже хорошо восстановил силы.

Через полчаса Найл уже сидел за столом, уплетая с оловянного блюда исходящую паром колбасу. Вкус напоминал оленину; в мясе попадались зерна сладкой кукурузы и злаков. Из деревянного кувшина ему налили парного молока — видимо, совсем недавно была утренняя дойка. На предложение взять добавки Найл лишь, покачав головой, похлопал себя по животу.

Капитан ел на кухне; колбасу ему подали сырую, а к ней еще и ушат молока.

Взрослые тролли взялись за трапезу с угрюмой сосредоточенностью, приговорив постепенно почти все мясное. С пола на детей чутко поглядывала животина, которой время от времени перепадали лакомые кусочки.

Когда трапеза закончилась, старый тролль задал вопрос:

«Ты определился с маршрутом?»

«Думаю, да, — ответил Найл, пытаясь передать образ. — Лучшие всего добираться по долине реки».

«Нет. Вас там будет видно со всей округи. А вот если пройдете с половину лиги дальше по этой дороге, то впереди будет крутая тропа наверх. У нас по ней ходит скот. Ступайте до самой вершины и отыщите там промоину. В конце лета она сухая. Если тронетесь по ней, у вас будет больше возможности добраться незамеченными до Сколлена».

«А интересно, есть на Сколлене караульные посты?» — спросил Найл.

Старик с сыном, подумав, переглянулись.

«Не знаю, — пожал плечами младший. — Я уж там сколько лет не был».

«Ну а я давно», — вздохнул старик.

«Может, послать с ними ребятешек, чтоб показали скотную тропу?» — предложила жена.

Ее супруг покачал головой.

«Не надо. Карвасид мстителен. Особо вреда он нам не сделает, но все равно лучше не привлекать его внимания».

До Найла только тут дошло: давая ему приют, тролли, не исключено, подвергают себя опасности.

Найла беспокоил еще один вопрос, который он не мог не задать.

«Как думаете, мне следует взять с собой хрустальный шар?»

Все трое замотали головами.

«Если шар попадет в руки к деспоту, — ответил за всех старик, — тот сделается неодолимым. Вот почему карвасид неотступно его доискивается. А если узнает, что шар у тебя, то он не уймется, пока не отнимет. Поэтому лучше оставить здесь».

«Что ж, если вы так считаете...»

Найл поник. Еще бы: утратить эту недавно обретенную, поистине чудесную вещь было очень жаль.

Тролли уловили его мысль, и сын сказал:

«Нет, ты его вовсе не лишаешься. Он принадлежит тебе и даже приспособился под твои вибрации».

«Прежде чем ты уйдешь,— добавил старик,— я покажу, как поддерживать с ним связь».

«Боюсь, мне скоро выходить,— заметил Найл.— У нас впереди долгий путь, а для коротких человеческих ног он тем более длинен».

Почему-то этот довод показался троллям забавным, и они все вместе, включая детей, шумно рассмеялись.

«Есть и еще кое-что, о чем я постоянно думаю,— продолжал Найл.— Вы говорите, карвасид ненавидит пауков. Так вот, рискует ли капитан жизнью, отправляясь со мной?»

«Это мой выбор,— немедленно встрял восьмилпый.— Куда ты, туда и я».

«Он прав,— обратился к капитану старик.— Карвасид — опасный безумец. Ты можешь остаться здесь, у нас».

Капитан и слушать не захотел.

«Я иду с ним. Если и лишусь жизни, это будет во благо богине».

Найл характерным жестом выразил пауку благодарность и повернулся к хозяйке.

«Спасибо за уют и радушие. А тебе,— он перевел взгляд на хозяина,— спасибо за то, что не дал нам сгинуть в темнице».

Тролль в ответ, пожав плечами, добродушно улыбнулся.

«Да вы бы и так выбрались, с помощью богини»,— сказал он вполне серьезно.

Тут поднялся старик.

«Дай-ка покажу тебе, как устанавливать связь на расстоянии. Это очень просто».

С медленной величавостью статуи он тронулся вверх по ступеням; поспевать за ним удавалось без труда.

В зале кристаллов Найл вновь был усажен на тот самый трон. Остановив взгляд на шаре, сразу почувствовал его отклик, будто кто-то зажег свет. Опять, наполняя неизъяснимым восторгом, заструилась жизненная энергия.

Старый тролль одобрительно кивнул.

«Ты уловил главное: для состраивания вибраций необходим начальный импульс сочувственности».

Найлу и в самом деле все сейчас давалось так легко и естественно, словно перед ним был кто-то давно знакомый. Даже странно, чтобы кусок неодушевленного кристалла мог так подходить на живого человека.

Старик больше не передавал мысли со стороны. Его ум сейчас как будто завладел волей Найла и шаг за шагом ее направлял. Прежде всего призвал войти в мир шара, при этом велел Найлу часть своей сущности вывести обратно, чтобы она не была полностью поглощена силой кристалла.

Наполовину оставаясь в контакте с шаром, другой своей частью Найл присоединился к уму младшего из тролльчат. Это оказалось несложно: ребенок был отзывчивым и обаятельно открытым.

Следующим шагом было объединить оба контакта — с ребенком и с шаром. Они тут же составили цепь, создав таким образом третью опорную точку сигнала. Телепатический контакт с ребенком достигался легче, чем с шаром; оставалось лишь подрегулировать с кристаллом резонансную частоту. Более того, поскольку длина волны у всей семьи была, по сути, одинаковая, для состройки с шаром у Найла теперь было пять потенциальных каналов связи.

Чтобы продемонстрировать метод еще раз, тролль призвал Найла повторить процедуру, используя теперь в качестве точки входа ум капитана.

Вслед за этим Найл был отослан вниз, в комнату, где хозяйка убирала со стола посуду. Оттуда он установил контакт с умом ребенка, а через него с шаром.

За время этой практики открылось и кое-что еще. Лежа нынче утром в постели, Найл раздумывал, как, должно быть, скучна на события жизнь у тролльчат, которые почти не покидают этого подземелья. Теперь он понял, что ошибался. Тролли принадлежали к общей сети, сообщавшей их с соплеменниками. Скажем, хозяйка могла посредством такой связи наведаться к жене тролля священной горы точно так же, как заходят друг к другу кумушки в городе жуков, чтобы почесать языки.

Более того, тролли со всей непринужденностью включили в свою сеть и капитана. Для них контакт был чем-то естественным, а привычка людей ограничивать свой круг общения,

обставляя себя условностями, считалась здесь проявлением невежества.

Теперь он понимал и то, почему к Магу тролли относятся с неприязнью и недоверием. Страсть к замкнутости он возвеличил до размеров мании, ненавистью и паранойей представляя откровенную угрозу не столько миру троллей, сколько природе в целом, частью которой являлись и тролли, и люди-хамелеоны.

Потому они, видно, и не пытались отговорить Найла от противостояния этой опасности. Надеялись, что вмешательство посланца богини послужит началом падения Мага.

Через полчаса они уже готовы были отправляться. Фляжку Найл наполнил искристой водой из хрустальной пещеры, а жена тролля дала ему в дорогу увесистый сверток с едой.

«У вас есть веревка?» — осведомился тролль.

«Разве она нам нужна?» — удивился Найл.

«Самое лучшее — это готовность ко всему», — заметил хозяин и с деловым видом скрылся в жилище.

Старик тем временем научил, как нужно держаться, если вдруг снова атакуют босвитые овцы. Эти животные однажды усвоили, что лучший способ выжить — это нападать, наперекор естественному стремлению кинуться наутек. Если же их обидчик по какой-то причине не отступает, первородный инстинкт у овец неизменно берет свое, и в итоге они пасуют. Найл припомнил, как они с капитаном на днях задали обидного стрекача, и поблагодарил за ценный совет.

Возвратился тролль, неся сумку из мешковины.

«Вот, возьми. Любой вес выдержит, не бойся».

Свернутая бухтой шелковистая веревка была необычайно тонкой; сумка весила всего ничего.

Прочтя мысли гостя, тролль сказал:

«Она из паутины волосатого древесного паука. Выдержит все, кроме разве что огня».

Напоследок старик преподнес Найлу посох.

«Это сократит твое странствие.» — Он открыл металлический набалдашник, потряс, и на ладонь ему выпал розоватый кристалл. — *«Это мимас, восприимчивый к твоей нервной системе. Лучшее всего действует на пустой желудок. Так что если проголодаешься, не ешь, а разбавь несколько капель этого вот бальзама в кружке воды.»* — Он подал Найлу металлическую

фляжку в сеточке-оплетке. Фляжка удобно легла в карман туники, почти не оттопырив его. — *Вот тогда и оценишь его по достоинству. Только на полный желудок принимать не надо: стошнит».*

Найл, поблагодарив, осмотрел подношение. Посох был сделан так искусно, что между набалдашником и палкой не углядеть никакого зазора. Что же касается фляжки, то даже не верилось, что она изготовлена ручищами тролля: настолько тонкая работа.

Закинув на плечи суму, Найл еще раз поблагодарил хозяйку. Он успел за недолгое время знакомства проникнуться к ней искреннейшей симпатией. Теплота и жизненность этой здоровячки напоминали о Мерлю, но без раздражающего эгоизма последней. Пожалуй, если б найти такую женщину среди людей, то и нынешним отношением к супружеству можно было бы поступиться. Когда Найл снизу вверх протянул ей для пожатия руку, она, подхватив его как ребенка, притиснула к полной груди и поцеловала — вот это да!

Вместе с детьми она, стоя на пороге жилища, прощально махала рукой. Старик проводил гостей до лестницы и напутствовал, как понял Найл, благословляющим жестом. Дальше тролль-хозяин по ходам вывел гостей наружу. Приятно было, что капитан на этот раз прошел через кварцевый барьер совершенно не колеблясь.

Погода снаружи стояла откровенно угрюмая. Холодный северный ветер гнал перед собой месиво тумана и мелкого дождя. Найл обернулся помахать на прощанье троллю, но тот, как видно, уже скрылся у себя в подземелье. Хотя нет; легкое мерцание камней выдавало, что он просто сделался невидимым; ненастная погода была этому только в помощь.

Найл плотнее закутался в плащ и набросил капюшон — хорошо, что водонепроницаемый. Пауку с его хитиновыми лапами сносить непогоду было, пожалуй, легче.

Как и ожидалось, путь вверх по долине был нелегок. Особенно досаждала предательская неровность земли и обилие валунов, поминутно приходилось то огибать, то перелезать. Через полмили колени уже были расцарапаны в кровь, а на ладони появилась ссадина от резкого, плашмя, падения. Даже пауку с его проворной гибкой поступью дорога давалась хлюпотно.

Вокруг стояла глухая тишина, прерываемая разве что отдаленным блеянием овец; вязкий влажный туман словно окутывал все звуки ватой. Горы в сероватых клубах пара были фактически неразличимы. Что ж, по крайней мере, лазутчики-птицы Магу сейчас не подмога; приближение человека и паука в такую непогоду явно пройдет незамеченным.

Как хорошо, что есть теперь посох: хотя бы лишний раз не запнуться.

Этот выматывающий отрезок пути продолжался мили две и занял час с лишним. Впереди на высокий отлог шла глинистая тропа в отметилах копыт. Идти по ней надо было согнувшись в три погибели, чтобы ненароком не соскользнуть. Наконец, где-то через четверть мили, рельеф выровнялся настолько, что стало возможным распрямиться и перевести дух. Ненадолго туман развеялся, впереди проглянула величавая, как твердыня, громада Сколлена. Сейчас бы сесть и дать отдых натруженным ногам, да вот беда: вокруг ничего, кроме мокрой, разметанной ветром травы. Так что лучше перетерпеть не останавливаясь.

Найл порядком распарился и был не прочь остудиться, скинуть капюшон, а то и распахнуть плащ. Впрочем, лучше не надо: минута-другая, и можно промокнуть. Хорошо капитану: ишь как ему ворс покрыло прохладными каплями, идет весь в серебре.

Мысли бродили, и невольно вспомнилось, как они с пауком застряли в пещере. Получается, если бы их случайно не нашли, они бы сидели там до сих пор... Найл, внутренне вздрогнув, зашагал с утроенной силой; усталость как рукой сняло. Вот что значит мысль о возможном несчастье: иной раз она действует как эдакий пинок бодрости.

Через час дождь перестал и сквозь взвесь тумана пробилось солнце. Вода, стекая по шее, вымочила перед туники, так что приятно было распахнуть плащ и подставить себя для сушки ветру, пусть даже и кусачему. Дорога сейчас тянулась параллельно каменистому долу; скотная тропа вела к восточному склону Сколлена. Молодчина тролль, хорошо посоветовал: тропа гуляла вверх и вниз, то и дело загораживаясь кустами, отчего путники открывались возможному взгляду не в пример реже, чем если бы шли по выбранному Найлом маршруту вдоль реки посреди долины.

Утро понемногу распогодилось. Сев на пологом откосе, Найл свернул плащ и упибал его в суму. Добрый глоток искристой воды, и наступившее блаженство дало понять, как все-таки угнетающе сказывается на настрое заунывный дождь с ветром.

Капитан, нежась на солнышке, неожиданно заметил: «*А вон и твой приятель*». Спикировав с небольшой высоты, в десятке метров опустилась птица. Глянь-ка: и вправду он, ворон. Встреча со старым знакомым искренне радовала: Найл уже привык к своему «опекуну» и втайне огорчился от мысли, что они расстались. Вынув из сумы корж, он отломил половину и кинул птице. Не мешало бы и перекусить, но Найл вспомнил совет тролля принять на голодный желудок несколько капель бальзама. Впрочем, он тут же из любопытства заглянул в преподнесенный тролличихой полотняный сверток. Там были ломти хлеба, кусок крутого красноватого сыра и несколько большущих редисок; да, и еще кус сырой ветчины с косточкой — видно, для капитана. Паук с удовольствием принял угощение и сжевал его, держа за косточку, тут же у дороги — судя по всему, компания Найла, да и вообще соседство с людьми его уже несколько не стесняли.

Найл тоже поел и минут через двадцать, когда усталость пошла на убыль, перевел внимание на ум птицы, направив ее в воздух. Ворон, восторженно слившись с сознанием человека, взмыл на добрую четверть мили, отчего взгляду по левую руку открылась центральная равнина с быстрой рекой и странно изогнутыми заснеженными пиками впереди. Ветер высоты был льдистым, пронизывающим. В сравнении с теми вершинами Сколлен смотрелся не так живописно — обтрепанный ветром погасший вулкан, в высоту метров триста.

Пока птица рссяла, Найл, пользуясь возможностью, прикинул, можно ли где-нибудь поблизости от горы остановиться на ночлег. Однако предгорье было на редкость неприглядное, не сказать безжизненное; примерно через милю начинался пологий отрог. Видимо, так и придется махать до самого Сколлена, отстоящего сейчас на пару десятков миль — считай что четыре часа ходкого шага. До полудня еще по меньшей мере пара часов, так что есть хороший шанс к вечеру быть у подножия.

Через полчаса уверенность поколебалась. Подъем набирал крутизну, а трава сменилась причудливыми напластованиями

голого камня — видимо, подвергшаяся эрозии лава; даже твердый на ногу капитан раз-другой успел здесь оступиться. Кроме того, доносился еще и слабый запах чего-то вроде горящего кокса, какой бросают для обогрева на жаровню ночные сторожа, коротая в своих клетушках часы дежурства.

Когда, застряв в трещине, с ноги сорвалась сандалия, Найл, чтобы ее вытянуть, присел на камень. Тот оказался ребристым и ввелся в бедра, так что пришлось поерзать в поиске более удобной точки опоры. Одновременно Найл смотрел на скопившуюся внизу лужу. Что странно, из воды поднимались пузырьки с сернистым запахом. В эту минуту Найлу с неожиданной четкостью вспомнился сон, виденный в пещере хамелеонов: как он пялится в трещину, очень похожую на эту, и чувствует такое же неудобство от острой грани, на которой сидит, а из щели исходит приторный запах вроде жженой карамели.

Это длилось буквально мгновение, но все равно он испытал что-то удивительно приятное.

В животе заурчало. Определенно пора перекусить — или попробовать бальзама, что дал тролль. Открутив крышку размером с чашечку, Найл капнул туда чуть-чуть пахнущего лекарством бальзама и долил сверху водой. На вкус эта микстура оказалась удивительно горькой, но Найл, поморщась, все равно выпил. Желудок немедленно скрутило судорогой; подумалось даже, что сейчас вырвет. Но вот тошнота отступила, и на смену ей пришло облегчение.

Минуту спустя, вставая, Найл с удивлением ощутил, что утомление сошло на нет. А нагнувшись за посохом, удивился еще сильнее: по телу разлилась искристая волна энергии. Причем исходила она не от посоха, а, похоже, из самой земли; палка служила как будто проводником. Нечто подобное он ощущал в хрустальной пещере, но сейчас это было гораздо явственней. Вспомнилась электрическая штукавина, которой балует-ся ребятня в городе жуков: два металлических цилиндра и примитивный генератор. Один вращает ручку, а другой держит цилиндры, и его легонько бьет электрическим разрядом; ощущается что-то вроде жужжащей вибрации в руках. Сейчас же через Найла текла сила самой Земли. Природа у нее была иная, но ощущение во многом схожее.

Его неожиданно заполонила необычайная рьяная бодрость. Пять минут назад вид этого унылого взгорья угнетал, теперь

же он казался до странности интересным, как и все это необычное, насыщенное событиями путешествие. Даже студёный горный ветер показался не более чем весенним дуновением.

Уловивший в спутнике перемену настроения капитан поглядывал с любопытством.

«Не знаю почему, но эта палка наполняет меня энергией, — сказал Найл. — Вот попробуй».

Паук зацепил когтем посох, но тут же выронил.

«Мне неприятно».

До Найла дошло: кристалл в посохе настроен под его собственные, человеческие вибрации, у паука же ощущения могли быть совершенно иные: попробуйте-ка сами взять и превратиться в паука.

Способность пополнять на протяжении пути запас энергии несказанно радовала. Более всего удивляло то, что энергия эта здесь повсюду, неисчерпаемая как воздух: иди себе и вдыхай.

Странно, но и голод отпустил; очевидно, источником питания тоже служила энергия.

Бодрость была такая, будто в путь они вышли только что. Убыстрился и шаг — капитану даже не приходилось теперь притормаживать. Найла буквально подхлестывало; не сорваться бы на трусцу.

Активизировались и мысли. Видя, как приближается Сколси, Найл задумался: отчего Маг одержим ненавистью? Разумеется, можно понять человека, лишившегося по злой паучьей воле семьи. Но ведь сколько времени прошло, да и возмездие было жесточайшим: чего только стоил потоп в долине Мертвых. Почему же ненависть у карвасида не унялась? В чем вообще его цель? Если понять, что им движет, можно осознать и его слабости.

Озадачивало то, как Маг вообще способен удерживать в себе такую ненависть. Ведь понятно, что ее отрава обоюдно вредна и для жертвы, и для палача.

Опять же, Маг представлялся полностью, стопроцентно замкнутым деспотом-одиночкой, без друзей и близких. Примерно таким виделся когда-то Найлу Смертоносец-Повелитель, пока не выяснилось, что все пауки сообщены меж собой единой сетью и даже такие могущественные властители, как Хсб, на

самом деле не бывают одни. Как же тогда может сохранять свое полное одиночество Маг? Что позволяет ему сносить этот безысходный удел тиранов?

А что, если он насчет Мага заблуждается, как заблуждался когда-то насчет Смертоносца-Повелителя, и на самом деле возможно достичь примирения между пауками и обитателями Страны Призраков?

Словно в ответ на эти помыслы, в небе оглушительно рванул гром и как из ведра хлынул дождь. Несколько минут напор был такой, что невозможно идти. Найл скрючась присел, а пока лез за плащом, промок до нитки. Вокруг не было никакого прибежища — даже камня, который защитил бы от ветра.

Капитан, подогнув ноги, свернулся в шар. Найл сел на суму — все же удобнее, чем на острых камнях, — накрывшись плащом, как палаткой. Несмотря на водостойкость, ткань, по которой яростно хлестали струи дождя, постепенно намокла. И вот Найл уже бесприютно сидит под ледяным ливнем, среди петляющих меж камней, набирая силу, ручейков.

А может, это Маг так противится попытке достичь его царства?

Наконец дождь прекратился, но не терял силы ветер. Оставаться на этом месте было бессмысленно, и они продолжили путь вверх по взгорью, где бегущие параллельно ручьи грозили сбить с ног и уволочь вниз.

Через полчаса они добрались до вершины откоса, и в этот момент вышло солнце. Ветер дул все такой же промозглый; Найл занемел с головы до пят. Хотя теперь путники, по крайней мере, знали, где находятся и куда идут. На востоке, милях в пяти-шести, виднелось, как река срывается с плато, образуя эдакий недовершенный водопад. Видать, не напрасно тролль отсоветовал им придерживаться восточного маршрута: там явно не было прохода по склону. А здесь надо просто идти вверх, в сторону Сколлена, хотя и превозмогая ветер, будто специально мешавший двигаться вперед.

По ту сторону реки паслись овцы — сотни и сотни. Если они такие же свирепые, как те, с которыми Найл и капитан уже сталкивались, то хорошо, что их пути не сходятся.

В сотне метров восточнее над гребнем возвышался каменный выступ, изрядно подточенный непогодой. Путники посне-

шили туда и устроили за ним привал. Теплее становилось уже от самого отсутствия ветра. Найл прислонился к камню спиной и, несмотря на намокшую одежду, чуть было не заснул. Хорошо, что он этого не сделал: пока спал, занемел бы окончательно.

В этом относительном затишье вернулось ощущение голода. Но Найл и на этот раз решил не есть, а воспользоваться подаренной фляжкой. Он открутил крышку, отсчитал несколько капель бальзама и, долив водой, взболтал и выпил. На этот раз тошноты, в общем-то, не было — видимо, пустой желудок рад был любому питанию, — а через несколько секунд покалывание энергии возобновилось. Пришло в норму кровообращение, и тело, постепенно отходя от холода, сладко ныло.

Чувствовалось, что у капитана, несмотря на легендарную выносливость пауков, силы тоже на исходе. От бальзама он учтиво отказался, но — неслыханно! — согласился отведать сыра и намазанного маслом хлеба, причем уплет их с удовольствием. А еще говорят, что пауки не едят ничего, кроме мяса. Скажи кому, так не поверят.

Хронометр показывал половину второго; до сумерек примерно пять часов. Нехотя поднявшись, они продолжили путь — вначале вдоль края, туда, где легче будет спуститься в мелкую низину, затем вновь на полого всходящий гребень. Отдохнувший Найл бодро шагал навстречу ветру, полный решимости до темноты достичь Сколлена.

Через час ветер уgomонился; одежда успела высохнуть. Прямо перед ними властно вздымалась громада Сколлена. Найл понимал, что нужная им пещера находится на северо-востоке, и потому они пока придерживались подножия. К счастью, склоны здесь местами были почти плоскими, как поля у шляпы, и к тому времени, как солнце коснулось урезанного вершинами горизонта, они уже находились внизу северо-восточного склона.

Здесь, чуть ниже зарослей можжевельника, путники остановились отдышаться. Минувшие часы выдались для Найла на редкость напряженными. Трудно даже представить, как бы он добрался до Сколлена без подаренных троллем посоха и бальзама. Капитан, и тот заметно утомился.

Прошло совсем немного времени, прежде чем к ним при-мкнул ворон. С наступлением бури пернатый куда-то делся — разбился ли о землю, или сумел где-нибудь укрыться. Судя по тому, как он живо склевывал сейчас хлебные крошки, ветер и ливень оказались ему нипочем. Найл, проникнув в сознание птицы, внушил ей взлететь. На высоте мили взгляду открылась пещера, к которой снизу пробраться было невозможно из-за чашобы. Открылось и то, как к ней можно подойти — если лезть по диагонали, а затем через каменный склон, где не сумел прорасти можжевельник.

Свет уже угасал, так что взбираться пришлось немедленно. Без той предварительной разведки ничего бы у них не вышло. Даже сейчас, зная примерно маршрут, они несколько раз сбивались с курса и вынуждены были возвращаться. Через пару часов беспрестанного карабканья ноги у Найла так натрудились, что казалось, горами он сыт на всю оставшуюся жизнь.

Сумерки начали сгущаться в ту минуту, когда чашоба можжевельника, словно утомившись, прекратила взрастать вверх по склону. Здесь они повернули налево и пробирались вдоль кустов, пока Найл не заметил наконец того сломанного дерева, что прикрывало вход в пещеру.

Будь в пещере часовые, шорох камней под ногами наверняка упредил бы их о приближении непрошенных гостей; один крупный валун так и вовсе с шумом скатился к самому подножию. Однако нутром чуялось, что путников никто не видит и не ждет. Приткнувшись в паре метров снизу, Найл вынул из сумы фонарик и, включив на полную мощность, осветил узкий вход. Залпом грянуло хлопанье крыльев, и наружу, всполошив пришельцев, выпорхнула целая стая пещерных голубей.

Луч света выхватил ребристые стены с несколькими гнездами и пол, белесый от птичьего помета. Найл повернул на груди медальон, на случай внезапного нападения, и перебрался через поваленный ствол; капитан неотступно шел следом.

На первый взгляд глубина пещеры составляла десяток метров; купол в конце смыкался с полом. Разумеется, никого здесь не было. Что ж, вариант не из лучших. Если это не вход в Страну Призраков, утром поиск придется продолжить. Ну да ладно, есть хотя бы место под ночлег.

Стоило ему сделать шаг вглубь, как мимо с треском крыльев порхнула еще одна птица. Получается, конец пещеры на самом деле был просто поворотом влево, за которым путь шел резко вниз. Птица сзади, вякнув, смолкла: капитан прищипил ее волей. Тихий хруст подсказал: спать ему нынче не натошак.

Найл осветил горловину лаза. Проход был невелик — не больше полутора метров — и спускался наискось. Как видно, эта пещера — ответвление вулкана, кратер которого где-то в четверти мили над ними. Спускаться по такой крутизне было, судя по всему, небезопасно. Найл возвратился туда, где капитан увлеченно ошиповал увесистого голубя.

Люди в этой пещере, понятно, не обитали, иначе здесь были бы следы костра, а на стенах копоть.

Снаружи стемнело; появились первые звезды. Постепенно, один за другим, стали возвращаться голуби. Здесь было заметно холоднее; чувствовалось, зима на носу.

Найл до того вымотался, что вот так бы и заснул на голом полу. А впрочем, надо последовать примеру капитана и подкрепиться перед сном. Он скатертью расстелил на полу спальный мешок и развернул преподнесенный тролльчихой сверток.

Хлеб был все такой же свежий, а масло, пожалуй, пожирней, чем в городе пауков. Красноватый сыр вносил в рацион приятное разнообразие: до сих пор приходилось довольствоваться лишь сухим козьим сыром; хрусткими и остренькими на вкус были большущие редиски. Еду Найл сопровождал изрядным глотком меда, отчего в животе приятно затеплело. Наконец, осовев иод голубиное воркованье, он залез в спальный мешок и заснул глубоким сном.

Проснувшись среди ночи, Найл лежал в кромешной мгле — до того тихой, что слышалось даже дыхание капитана. Звезд в зеве пещеры видно не было: судя по всему, небо вновь подернулось тучами. Беззвучно спали голуби, не сознавая, что в считанных метрах дремлет хищник, которому один из них, возможно, достанется на завтрак.

Повернувшись с боку на бок на немилосердно жестком полу (надуть спальный мешок он перед сном не удосужился),

Найл задумался о возможных злоключениях, что предстоят им поутру. Прежде всего, идущий вниз туннель. Среди разрозненных сведений, почерпнутых из машины сна, в памяти сидело изображение вулкана в разрезе: сеть извилистых ответвлений от основного жерла, идущих книзу преимущественно под углом в сорок пять градусов. Если этот ход из пещеры окажется круче, удерживаться на ногах будет непросто, и велика вероятность, что в Страну Призраков он влетит сверху эдаким метеором.

Мысли возвратились к Магу. Действительно ли он знаток волшебных искусств? Магия, по Стигмастеру, сомнительное достояние неучей. Впрочем, Торвальд Стииг, само собой, и к элсменталам с троллями относился бы как к суеверным выдумкам, и сверхъестественное управление погодой воспринималось бы им как чушь собачья. В общем, чувствуется, надо жить своим умом.

А как насчет утверждения Квизиба, что при разговоре с Мадигом из уст Мага не исходило дыхания? Уж такое-то исключено полностью! Как может человек производить звуки речи, при этом не дыша? Вот уж действительно, чем дальше в лес, тем чаща темнее.

Усталость в конце концов взяла свое, и Найл снова заснул.

Пробудился он от воркованья голубей; небо снаружи было призрачно-серым. Птицы вскоре выпорхнули наружу — за исключением одной, недвижно застывшей на карнизе явно не без воздействия капитана. Не желая наблюдать незавидную участь голубя, Найл вышел из пещеры под студеный порыв чистого северного ветра.

Накануне он приметил в скальном углублении укромную лужицу. Сейчас ее покрывала тонкая корочка льда. Найл попил воды, зажевав ее хрустким ледком, и омыл руки и лицо жгуче-холодной влагой. Затем, вытеревшись о тунику, присел на карниз и стал смотреть, как, плавно всходя, солнце золотит фасад Сколлена — уже не голый и бесприютно унылый, но исполненный задумчивой величавости. Вот свет коснулся склонов северных гор, вмиг обратив изогнутые шпильки в сказочный по красоте пейзаж. Стало вдруг понятно, почему эти горы именуются Серыми: даже под утренним солнцем они сохраняют свой дымчато-серый, сизоватый оттенок.

Когда наружу, под солнышко, с довольным видом выбрался капитан, Найл полез обратно в пещеру: на ветру уже дубели руки. Там он поел хлеба с сыром и, заботливо завернув остатки в тряпицу, убрал ее в суму. Прежде чем затянуть горловину, вынул фонарик и приторочил к поясу. Даром что теперь он совместно с капитаном способен видеть в темноте, дополнительный источник света может понадобиться.

Вскоре они тронулись в путь. Капитан шел первым; прирожденный лазальщик, здесь он был неоспоримым лидером. Через два десятка метров такая расстановка себя оправдала: несмотря на посох, Найл остушился на гладком пятачке и несколько метров проехал юзом, прежде чем паук, заметив задними глазами неладное, остановил его.

Хорошо, что лава под ногами была в многочисленных трещинах, образовавшихся при застывании. Найл решил, что спускаться удобней, если снять сандалии и продвигаться задом наперед, на четвереньках. Посох он закрепил за спиной, привязав его поверх сумы тесемками.

Настроившись на долгий спуск (колени были уже сплошь в царапинах), Найл приятно удивился, когда через полчаса капитан, неожиданно остановившись, произнес:

«Ну что, теперь вниз».

Получается, они подоברались к самой кальдере бывшего вулкана.

Вид жерла ввергал в невольный трепет: больше сотни метров в поперечнике. Свет фонарика показывал, что здесь еще больше трещин, выщербин и выступов, чем в туннеле, по которому они только что спускались. Найл хотя и недолго любил высоту, но сразу же с облегчением отметил, что такой спуск любой сноровистый скалолаз одолеет без помощи веревки.

Но вот что не на шутку озадачивало. Бывало ли такое, чтобы беглецы из города пауков когда-либо спускались этим путем? А если и да, то знали ли они, куда ведет этот путь? Мыслимо ли, чтобы кто-нибудь в здравом уме спускался по жерлу вулкана с одной лишь целью — взглянуть, что там внизу.

Он поглядел на дно кальдеры, лежа на животе и держась за похожий на собачье ухо выступ на краю обрыва. Затем принял сидячее положение, обхватив выступ ногами, и вынул из сумы мешок с веревкой. Неторопливо стравливая ее, он в каче-

стве мерила использовал предплечье и считал локти. На это ушла четверть часа. Результат был удивительным: оказывается, у него в распоряжении едва не полкилометра легкой шелковистой веревки.

Проблема была в том, как, обвязав веревку вокруг выступа и спустившись, заполучить ее потом назад. Этой дилеммой он поделился с капитаном, подав ему мыслительный образ, и тут же получил ответ: надо петлей набросить вервь на выступ и сложить вдвое. Да, от этого ее длина сократится наполовину, но выступов на склоне предостаточно, так что по мере спуска один можно будет сменять на другой.

Найл ожидал, что капитан будет выпрастывать из себя тенетное волокно — процесс для пауков вполне обычный. Но тот, вопреки ожиданию, стал спускаться головой вперед, двигаясь с такой непринужденностью, словно шел по горизонтальной поверхности. Причина, видимо, в осторожности: паук не был уверен, хватит ли ему волокна до конца спуска.

Упрятав фонарик в длинный карман туники и пошатая для проверки выступ, Найл тоже начал спуск с обрыва. Он старался не думать, что там в глубине, и не глядеть вниз. Вместо этого он неспешно перебирал веревку, держась в ней одной стопой, как в стремени, а другой направляя путь по склону. Тугая как тетива вервь слегка подавалась под весом, но была на редкость прочной. Из-за некоторой липкости паучьего шелка обе стропы льнули друг к другу, избавляя от необходимости поминутно спохватываться: а вдруг одна ненароком выскользнет из рук.

Больше всего досаждала общая шероховатость шурфа. Из-за выступов и наростов приходилось то и дело отталкиваться от вертикальной поверхности. Метров через тридцать он увидел, что спуск перегорожен наростом лавы — таким большим, что пришлось изо всех сил толкнуться вбок, чтобы его миновать. Найл с некоторым опозданием разглядел, что у нароста довольно острые края и веревка на них легла внатяг. Пришлось карабкаться обратно. К этому моменту он уже изрядно выдохся, но решил все-таки рискнуть. К тому же от падения в случае, если веревку вдруг перетрет, его мог удержать капитан.

Когда свободного запаса веревки оставалось метров семь, Найл заметил на склоне еще один крупный наплыв, похо-

жий на гриб-трутовик. Обхватив ногами, вполне удобно его оседлал, что позволило беспрепятственно стянуть веревку с прежней опоры; некоторая ее липкость при этом помехой не оказалась. Петля упала вниз, и Найл, вытянув ее обратно, накиннул на новую опору. Затем, поднявшись, свел концы воедино и осмотрительно продолжил спуск уже с нового места.

За следующие два часа эту процедуру он проделал семь раз, спустившись, по собственным подсчетам, примерно на четверть мили. Тем временем все сильнее сказывалась усталость; Найл даже поймал себя на зевке. Тем не менее на середине седьмого захода (когда Найл подумывал уже, где черпать силы, если спуск продлится еще на полмили) телепатический сигнал возвестил, что капитан видит дно. Энергии тут же прибавилось. А вытягивая веревку в девятый раз, Найл услышал, что восьмипалый друг вот-вот ступит на дно. Что и говорить, облегчение от этой вести было невероятным.

До конца спуска оставалось предположительно несколько метров, когда ноги вдруг повисли без опоры — ни стены, ни какого-нибудь случайного камня. Судя по всему, он сейчас снижался через какую-нибудь пещеру или туннель. Положившись на то, что до дна действительно рукой подать, Найл решился повиснуть на одной руке, другой в это время нашаривая в кармане фонарик. Убедившись, что тот надежно лег в ладонь, посветил во впадину. Так и есть: внизу еще одна вулканическая шахта, круто уходящая вверх. Получается, тратить силы и время на спуск по шурфу было необязательно: ниже находится еще один вход. Надо было добиться от троллей более четкого маршрута.

Еще пара-тройка метров, и ноги коснулись твердой поверхности. Найл давал себе зарок, что по приземлении кинется наземь и будет лежать, пока не перестанут ныть конечности. А такой возможности, получается, и нет: дно шурфа запирала «пробка» из лавы — эдакий двадцатиметровый надолб со слегка покатой поверхностью и почти вертикальными боками. С трех сторон пробка отделялась от стен шурфа зазором шириной в пару метров.

Советчик-паук исчез из виду, так что спросить, с какой стороны спускаться, было не у кого. Найл послал телепатический сигнал, что-то вроде окрика. Капитан на это кубарем выкатил-

ся из туннеля: он, очевидно, даже не подумал, что у Найла на последних метрах могут возникнуть какие-то трудности.

Найл между тем изучил поверхность пробки: ни выраста, ни выступа, куда можно было бы набросить веревку. Единственный выступ находился на стене шурфа, десятью метрами выше.

Капитан решил проблему тем, что, до нелепого быстро вскарабкавшись по надолбу, подхватил веревку одной из лап и по стене подлез к выступу. Таким образом Найлу удалось наконец спуститься на твердь, вслед за чем восьмипалый, сняв веревку, сошел по стене с грациозной легкостью канатоходца.

«Куда теперь?» — осведомился Найл.

Капитан повел в невысокий ход. Завидев там вырубленные в породе грубые ступени, Найл моментально взбодрился: значит, кто-то когда-то уже побывал здесь.

Метров через десять волнение пробрало еще сильнее. Там, где туннель поворачивал, каменные стены смутно бликовали дрожащим наружным светом. Минуты не прошло, как путники вышли на вершину покатого, освещенного синеватым склона. Тут Найл от неожиданности вздрогнул: где-то в отдалении с сухим треском полыхнуло подобие молнии, на мгновение озарив окрестность. Что удивительно, обычного в таких случаях громового раската не последовало.

Небо здесь курилось грузными, осязаемо плотными клубами сине-зеленых испарений, затрудняющих видимость; ощущение такое, будто стоишь на склоне окутанного туманом холма. Над туннелем, из которого вышли Найл и паук, склон продолжался вверх, теряясь где-то в дымчатой вышине. Утопающие в зыби облаков камни покрывал синеватый мох.

Было тепло, почти как весенним днем. В воздухе стоял странный терпковатый запах, какой бывает на морском берегу, но с примесью жженой серы. Когда мгновение спустя местность вновь озарилась дрожащим сполохом, запах усилился; по-видимому, между ним и этими электрическими разрядами существовала какая-то связь.

Найл опустился на землю и, припав спиной к мшистому камню, некоторое время расслабленно сидел, пока мало-малыски не унялась боль в ногах. Мох был толстым, пористым как губка; вырвав пригоршню, Найл сумел выдавить немного мутноватой жидкости.

Он сунул фонарик обратно в суму, отпил из фляжки воды и следом за капитаном тронулся вниз по каменистому склону. Видимость была примерно как на земле в ночь полнолуния. Стойкий сине-зеленый свет не создавал теней, и напрашивалась недоуменная мысль: с чего вдруг это место именуется Страной Призраков?

Минут через десять они оказались под облачным пологом, и глазу впервые открылись здешние окрестности. Внизу, в полумиле, уходила вдаль унылая равнина — вроде той каменистой пустоши, что простиралась на мили вокруг Сколлена. Темная гладь посередине, очевидно, была озером, хотя при таком скудном освещении наверняка сказать сложно.

Видимость можно было сравнить с дождливым днем там, наверху. При этом пасмурное небо здесь было не серым, а, скорее, голубоватым, как будто имело подсветку. До слуха доносились только приглушенное потрескивание и что-то напоминающее отдаленный птичий гай. Кстати, если в таком бесприютном месте обитают птицы, то чем они кормятся?

Как и наверху, шагать здесь приходилось осторожно: неровностей столько, что легко вывихнуть лодыжку. Найл попробовал представить, каким это место могло показаться Сатханасу со товарищи, нагрянувшим сюда в поисках убежища от пауков. В целом, судя по всему, Страна Призраков представляла собой некую гигантскую полость, что-то вроде той местности у подножия священной горы, сформированной вулканической активностью. По логике, здесь должна царить кромешная мгла, но некая электрическая энергия неустанно освещала окрестность подобно призрачному сиянию.

Любопытно: может, это какой-то магнетизм? Найл, присев на камень, вынул из сумы раздвижной металлический жезл, думая использовать его как своего рода «волшебную лозу». При этом чувствовалось, что жезл пощипывает пальцы словно слабым током. Нажав на выдвижную кнопку, Найл тут же об этом пожалел: извилистая синеватая дуга, мелькнув, пребольно стегнула электрическим разрядом, отчего жезл со стуком выпал на каменистую землю. Кое-как удалось его сложить. В раздвинутом положении он, скорее всего, являл собой антенну-уловитель.

Тогда Найл попеременно сверился с хронометром и компасом. Хронометр показывал полпервого пополудни. На компасе стрелка вертелась как обезумевшая, не желая остановиться.

А как, интересно, повели себя Маг и его немногочисленная свита, очутившись в этом месте с негаснувшим голубым сиянием? Видимо, решили двигаться вперед в надежде на то, что эта унылая земля даст им в итоге какое-нибудь прибежище и пропитание. Ну а поскольку они здесь все же обосновались, значит, нашли и то и другое. А следовательно, не вся Страна Призраков так бесплодна и неприютна, как нелюдимый пейзаж перед глазами Найла.

Мысль об этом подхлестнула любопытство, и он ободренно двинулся вниз, достигнув подножия примерно через полчаса.

Там впервые обратил внимание на пар, султаном бьющий из трещины в земле. Стоило осторожно поднести к нему руку, как ее словно обдало теплым влажным дыханием. Примерно через четверть мили на глаза попалась бурлящая пузырями лужа, тоже теплая. Желая дать отдых натертым веревкой ногам, Найл попросил капитана подождать, а сам погрузил в лужу стопы. Ощущение было невыразимо приятным. Вскоре Найл начал позевывать. Было б на что опереться спиной, он бы непременно задремал. Ужас как хотелось скинуть тунику и принять эту своеобразную ванну (капитан, как водится, дожидаясь с неистощимым терпением), но надо было все-таки идти вперед.

Когда взваливал на плечи суму, с нее упал посох, глухо стукнув оземь. Покалывание металлического набалдашника нечаянно напомнило, что давно пора подкрепиться; словно в ответ на это, заурчало в пустом животе. Найл, сняв крышку, до половины заполнил ее водой и, капнув положенное количество бальзама, выпил.

В глазах будто помутилось. Это продолжалось с полминуты; казалось, вот-вот стошнит. Но когда дурнота унялась, эффект бальзама проявился на порядок сильнее, чем накануне. От нахлынувшей бодрости хотелось, можно сказать, крутить кульбиты. Свечение же синего кристалла, когда Найл, вытряхнув из посоха, положил его на ладонь, было поистине огнистым.

Тут раздалось жаркое шипение (Найл невольно отпрыгнул), и в нескольких шагах в землю ударила молния, оставив после себя запах озона. Взгляд поймал синеватый мерцающий шар с арбуз величиной; легонько подпрыгивая, он смешался в сторону путников. Найл бдительно отодвинулся, и шар, проколов хав мимо, бесшумно лопнул, распространив подобие разряда, от которого кристалл в ладони заискрился. Найл никогда не видел шаровой молнии, да и не слышал о ней, но инстинктивно понял: иметь дело с этой штукой опасно.

Кристалл он поместил обратно в посох и навинтил набалдашник. По мере продвижения энергия стала действовать угнетающе. Она была чересчур сильна и вызывала головокружение. Неприятное ощущение исчезло лишь тогда, когда Найл прикрепил посох к суме за спиной.

Глядя на подрагивающие в облаках синеватые сполохи, Найл по ходу формулировал гипотезу, объясняющую подобное явление. Может статься, Страна Призраков — эдакая исполинских размеров пещера под Серыми горами — является неким усилителем силы Земли? Не той жизненной силы, средоточием которой является Дельта, но некоего магнетизма, исходящего из этих камней? Что-то вроде хрустальной пещеры троллей, только неизмеримо больше, мощнее. Понятно, ему до всех этих тонкостей вовек не докопаться — но в каком-то смысле разве сама Земля не являет собой неимоверных размеров динамо-машину, ток в которой распределяется неравномерно? Возможно, в этом гигантском пузыре, зовущемся Страной Призраков, некая причуда геологии вызывает концентрированный водоворот силы, самопроизвольно разряжающейся синеватыми вспышками — отсюда и подобие непрерывной грозы.

Твердь под ногами теперь была ровная, гладкая. Местами она отражала синеватый свет, отбрасывая металлические блики. Однако через полчаса характер поверхности сменился — она стала ощутимо мягче. А приостановившись в одном месте подтянуть на сандалии ремешок, Найл ошеломленно понял, что ступает по глинистой почве. Вот так сюрприз: откуда взяться глине в гигантском базальтовом кратере? Ответ нашелся через полмили, когда прерывистый свет молнии отразился от тусклого зеркала водоема. Разумеется, реки могли наносить снаружи почву.

Это было то самое озеро, что представляло взору с высоты, — громадное, десяток миль шириной. А шагали они параллельно подземной реке, втекающей в озеро (вероятно, та самая река, что несет свои воды под пещерой троллей).

Вскоре путники приблизились к месту, где с озером сообщалась рска; устье оказалось достаточно мелким. Хотелось пить, и Найл, встав на колени, испробовал воду на вкус — вполне пригожий, минеральный, с легким привкусом ржавчины.

В воду неожиданно забрел и паук. Чутье подсказало Найлу, что он ищет еду. Метрах в тридцати, где вода все еще была лишь по брюхо, капитан остановился и замер. Любопытно было ощущать, как он посылает некий сигнал.

Время шло. Минуты оттенялись только едва слышным шумом воды. И тут лапы капитана, мгновенно нырнув в воду, обратно появились уже с чем-то судорожно бьющимся. Секунда, и добыча у него в пасти. Она явно пришлась по вкусу: вот опять лапы, бесшумно канув, выдернули наружу извивающуюся рыбу. Эта была крупна — шире ладони в поперечнике — и с расстояния напоминала шар. Ее капитан тоже не мешкая закинул в пасть и сжевал.

За десять минут он проглотил дюжину этих созданий. Наконец подошел, держа перед собой что-то извивающееся, и протянул, не выпуская из когтей. Найл такую рыбу видел впервые. Как будто ее, схватив за голову и хвост, смяли гармошкой; в длину она была едва ли больше, чем в ширину. Казалось, голова состоит целиком из овальных глаз и губастого рта, который рыба приоткрывала словно какая-нибудь томная красавица. Туловище-поленце заканчивалось похожим на грабли хвостом. Морду оторачивали рыжие водоросли, а глазища смотрели с тупой озадаченностью: дескать, вот те на.

«Попробуй, вкусно», — предложил капитан.

«Да нет, спасибо», — вежливо отказался Найл. — Это ж готовить надо».

Уговаривать восьмипалый не стал, а с аппетитом смолол рыбу челюстями.

Найл, пройдя с десяток метров, почувствовал под ногой шевеление. Придавив, чтоб добыче нельзя было ускользнуть, он нагнулся и сунул руку в прибрежный ил. Добыча сопротивлялась, но как-то вяло. Рыба оказалась вроде той, что предлагал ему капитан, только поменьше, с ладонь. Смыкая и размы-

кая губы, она словно молила взглядом положить ее обратно. Была она жирная и мясистая: не зря капитан столько ее подруг «приговорил».

Судя по всему, глазища такие для того, чтобы видеть в темной воде, куда свет почти не проникает. Отпуская рыбу восвояси, Найл подумал, что она сейчас юркнет, скрываясь подальше от опасности. Но та зарылась жирным туловищем в ил чуть ли не там же, откуда ее извлекли. Очевидно, эти существа обитают в огромном подземном водоеме сотни тысяч лет. Судя по общей их квелости, хищников здесь немного. В этой странной безветренной среде, освещенной лишь тусклым сиянием не ярче синеватого ночника, они жили своей утлой жизнью, вяло щипля водоросли губастыми ртами.

Да, собственно, и куда здесь спешить. Помимо разрядов молний, ничего в этом недвижимом и безмолвном мире спокон веку не происходило. Питается озеро от полноводной рски, так что живи себе спокойно и безмятежно — конечно, если глубина не скрывает более опасную фауну.

Однако нельзя было забывать о неумолимо бегущем времени. Где-то дальше лежит город Мага, который необходимо разыскать, чтобы спасти жизнь брата. А потому, выбравшись на берег, Найл обул сандалии и двинулся в обход озера.

Спустя полчаса его внимание случайно привлекла масса бурых водорослей, широкими ремнями плавающих у поверхности. Найл забрел в воду и подобрал один из этих кусков. Скользкий — можно сказать, осклизлый, — он источал тот самый йодистый запах, который был у травы в жилище убийц Скорбо. С одной стороны водоросль была гладкая, как мокрая кожа, а с другой покрыта похожими на присоски бугорками. Получается, трава, в которую убийцы Скорбо заворачивали своих божков, взята из этого озера. Запах невольно напомнил о Чарис — той безвинно погибшей девушке, — и сделалось грустно.

Задумчиво возвращаясь на сушу, Найл краем глаза заметил какой-то силуэт — тут же бесшумно канувший, стоило посмотреть на него прямоком. Элементал, что ли? Или другое эфемерное создание, считающее это место своим домом? Что-то такое черное, размером с ребенка.

Зная, что элементала бесполезно высматривать, если он сам того не хочет, Найл больше и не пытался. Так что когда

через минуту-другую в углу зрения мелькнул еще один силуэт, он даже не повернул головы. Силуэт будто затеял играть в прятки, то на миг появляясь, то исчезая. Найл меж тем продолжал его игнорировать. Наконец, заинтригованный таким безразличием, силуэт чуть задержался, и Найл смог различить черное существо размером с обезьяну. То, как оно приспособилось под зрение и маневрировало, давало понять, что это не элементар в чистом виде, а нечто более разумное — быть может, вроде того давно ушедшего воителя, замеченного на каменном надгробии.

Капитан дожидался на берегу. Если шараханья Найла и вызывали у него любопытство, то из уважения к избраннику богини от вопросов он воздерживался, а эфемерного создания и вовсе не замечал.

Найл силился вспомнить, что рассказывал тролль о бывших обитателях этой страны. Вроде как они походили на черных обезьян, а потом их всех умертвили ядовитые испарения, вызванные извержением вулкана; с той поры, по его словам, здесь не обитало никого, кроме их призраков. Так что эти черные силуэты должны быть... как их называл великан? Кажется, троглы.

Точно по мановению руки, один из них тут же возник в углу зрения и не исчез, когда Найл применил «боковое взглядывание». Внешность у существа была, скажем прямо, престранная. Кстати, если приглядеться, на черную обезьяну он вовсе не походил. У обезьян покатый подбородок и плоские ноздри. У этого же подбородок выражен был четко, равно как и широкий нос. Сутулостью он напоминал какого-нибудь горбуна на согнутых ногах. В темных глазах читался несомненный разум. Найл, возможно, всего этого и не осознал бы, если бы чуть раньше не настроился на жизненное поле рыбы.

Словно из признательности, что незнакомец уяснил их суть, появились еще несколько троглов — по большей части полупрозрачные, словно так и не решаясь проявиться полностью. Тут до Найла дошло, почему это место зовется Страной Призраков: ведь его населяют разве что эти полутени.

«Ты можешь со мной разговаривать?» — попробовал он обратиться к троглу, которого заметил первым.

Использовал он не телепатический язык пауков, а прямое изъяснение людей-хамелеонов. Но троглы, должно быть, обща-

лись иначе: в уме лишь прошумело что-то похожее на эхо, как если бы кто-то пытался докричаться издали. Найл, сию же минуту подстроиться под такую связь, спросил еще раз:

«Ты можешь со мной разговаривать?»

На этот раз ответ прозвучал более четко, но все равно был на редкость невнятным.

«Только сны», — донеслась странная фраза.

Сны? Найл все еще вникал в смысл услышанного, как вдруг капитан, чутко вскинувшись, куда-то взгляделся. Восприятие у паука было острее, чем у Найла: он уловил чье-то приближение. Это Найл понял из их устоявшейся телепатической связи. Но прошло минут десять, прежде чем вдали и вправду проглянули фигуры.

Первым впечатлением было, что к ним по берегу озера приближается небольшая группа всадников. Найл подавил в себе волнение: уж не гонцы ли Мага? В четверти мили всадники остановились. То, что они не видят путников, исключено. Может, по какой-то причине выжидают, пока те сами подойдут?

Через десяток минут путники приблизились к всадникам настолько, что убедились: те действительно их не замечают. Они что-то увлеченно сгружали с плеч своих выючных животных — как выяснилось, большую сеть. Эту сеть они затем принялись растягивать вдоль берега.

Подойдя еще ближе, Найл разглядел, что это не совсем люди — приземистые, мощного сложения и совсем без одежды. Они как ни в чем не бывало раскладывали свой невод, словно глухие слепцы, и совершенно не реагировали на чужестранцев.

Вспомнив того зомби, что бросился в реку с моста в городе пауков, Найл проникся подозрением. А когда рассмотрел трудяг буквально с расстояния вытянутой руки, подозрение переросло в уверенность. Эти создания фактически не были живыми.

Они походили друг на друга как две капли воды — быть может, клоны от одного эмбриона. Все бриты наголо; совершенные по лепной мускулатуре тела. Лица фактурные, с сильными челюстями, широкими носами правильной формы и губами, которые можно было назвать чувственными, если бы не их обвислость. Собери таких в полк, они бы нагнали страха

на врага. А вот глаза были без всякого выражения. От зомби или роботов их отличало разве что дыхание.

Было и еще кое-что, указывающее на их нелюдскую сущность: гладкое причинное место, точно у куклы.

На глазах у Найла и капитана эти создания забредали в воду, волоча за собой невод. Длины в нем было полтора десятка метров, а веса никак не меньше тонны. Тем не менее его тащили с легкостью, словно кусок марли.

В пятнадцати метрах от берега недвижная вода доходила им до подбородка. Но они продолжали идти и вскоре скрылись с головой — очевидно, ненадолго, ведь надо было еще и дышать. Но минуты шли и шли, а ловцы все не появлялись.

Найл перевел внимание на тягловых животных. У каждого на спине крепилось по два объемистых короба. Несмотря на сбрую, это были явно не лошади. Головы напоминали скорее бычьи, а большие, навывахе глаза придавали сходство с лягушками. Короткие ноги, должно быть, таили в себе редкостную мощь, а широкие плоские спины указывали на искусственность породы. В отличие от своих ездоков, твари были явно живые, они с подозрительностью смотрели на капитана. Тот тоже испытывал определенную напряженность: вероятно, в памяти жила еще недавняя стычка с агрессивными овцами.

Прошло не меньше получаса после того, как ловцы скрылись под водой, но зеркальная гладь озера оставалась недвижной. В этом мире, где время словно подвисло, явно не было резона поспешать. Наконец вода в отдалении пошла рябью и показались бритые головы. Передвигались ловцы медленно. Оно и неудивительно: когда над водой постепенно обозначились остальные, Найл понял, что они волокут тяжесть. Сеть набрякла уловом. Пойманные озерные обитатели вяло копошились — примерно как та рыба, — выказывая почти полное равнодушие к собственной участи.

Найл с изумлением заметил, что гуманоиды как ни в чем не бывало дышат; при этом изо рта и носа у них хлестали струи. Получается, скрывшись под поверхностью, вместо воздуха они дышали водой. Пока добрались до берега, вода истекла и возобновилось обычное дыхание.

Невод был вытаскен на песчаный берег, где эти чугунные обезьяны («чунги», окрестил их почему-то Найл) занялись

его содержимым. И тут в сети словно мелькнул какой-то зигзаг: из-под вяло шевелящейся рыбы стрелой метнулась змеевидная тварь и, впившись в руку одному из рыбаков, неистово заметалась, пока не отпрянула с выхваченным куском плоти в зубах. Найл узнал непонятно как взявшуюся здесь мурену. Сперва показалось, что чунг вообще не заметил происшествия, но вот он ухватил извивающуюся мурену поперек туловища и попросту передал, словно какой-нибудь муляж из мягкой замазки. К ногам чунга упали две половинки, а из прокушенной руки пролилось лишь немного розоватой жидкости.

Подогнали гужевых. Чунги взялись загружать уловом короба — в основном теми пухлыми глазастыми рыбами. Были здесь также округлые белесые подобия медуз: эти, когда их бесцеремонно выкидывали из невода, протестующе шевелили тонкими щупальцами. Попадались небольшие моллюски (что-то вроде знакомых Найлу кальмаров), а также черные блестящие организмы наподобие крупных слизней, один из которых прилепился к бедру чунга, да так, что его, прежде чем кинуть в короб, пришлось отдираť.

Наполнив короба, рыболовы укрыли их толстым слоем бурых водорослей. Наконец, свернув длинным коконом невод, чунги дружно подняли его и возложили на спины всей шестерки тягловых животных, у которых ноги чуть прогнулись под таким весом. После этого чунги удалились, ведя животных в поводу.

Капитан, выждав, пока процессия отдалится, подобрал толстенную половину мурены и, отщипывая от нее куски, пошел за бредущим гуртом.

Спустя час после того, как отошли от озера, земля вновь стала твердой и серой, как та покрытая коркой лавы пустошь на пути к Сколшену. По понятным причинам темп ходьбы был медленным; Найл начал даже позевывать. Так они и шагали, словно в неугасимом пасмурном предвечерье. Однако в нескольких милях за озером напряженно дрожащие сполохи сделались чаще, и Найл с удивлением ощутил на лице накрапывание. Что странно, в вышине не было никаких туч, лишь в самом небе шло грузное вращение, будто кто-то помешивал исполинской поварешкой некое варево; все это перемешалось сухо потрескивающими электрическими разрядами.

Казалось, набрякшее небо вот-вот разразится небывалым ливнем — но пролился всего-навсего мелкий дождик, лишь слегка оросив волосы и тунику. Зато в сотне-другой метров в землю шарахнули тугие жгуты молний, оставив после себя запах озона.

Небо от этой небольшой грозы сделалось будто ярче, как бывает с приближением рассвета. Найлу это позволило заметить на горизонте смутные очертания города. Расстояние в странном сумраке было обманчивым — наверное, с пару миль. Плестись за медлительным гуртом уже притомило, но обогнать его Найл не решился — дорога в город лучше известна местным.

На одном из участков потеки лавы делали поверхность ребристой. Крайнее из животных запнулось, отчего с одного короба осыпались водоросли. Прочие животные тут же остановились, а шедший впереди погонщик возвратился и бережно уложил водоросли на место. Найл находился так близко, что рука чунга невзначай скользнула по нему; она и впрямь оказалась мертвенно-холодной.

Примерно через полчаса город стал виден отчетливей, и у Найла учащенно забилося сердце. Волнение спутника не укрылось от капитана, и он посмотрел с любопытством — дескать, в чем причина? А Найл между тем различал перед собой заостренные сверху здания, напоминающие опрокинутые кульки. Помнится, примерно такие ему приснились в пещере у хамелеонов.

Скопление зданий окружала темная стена примерно такой же высоты, что некогда разделяла кварталы города пауков. По всей ее протяженности в нескольких сотнях метров друг от друга возвышались шестиугольные башни с узкими прямоугольниками окон. Возник вопрос: зачем строить крепость в такой пустынной местности, как эта? От кого требуется защищать дома?

С более близкого расстояния он разглядел, что стена эта не каменная. Она состояла из продольных полос, каждая в локоть шириной.

В стене находилась сводчатая, готического вида арка, откуда навстречу процессии вышел бритоголовый человек. Типаж привратника угадывался сразу: то же вытянутое, мертвенно-

бледное лицо с большими темными глазами; покатый подбородок, крупные уши, клювастый нос топориком — можно сказать, родственник убийц Скорбо, прямой потомок пещерных жителей.

На капитана привратник посмотрел безо всякого удивления, будто восьмипалые чудища в рост человека ходят здесь каждый день. Мелькнула тревожная мысль: гостей уже поджидают.

Вблизи было видно, что крепостная стена сделана из металла, а параллельные полосы — швы сварки. Сработана стена была нарочито грубо, без доводки, что лишь придавало ей грозности. Она смотрелась вполне достойным ответом Большой стене в долине Мертвых. А уж сколько сил потрачено на ее возведение (стена тянулась в обе стороны насколько хватает глаз), можно было лишь догадываться.

Привратник развел массивные деревянные створки ворот, пропуская чунгов и их выючный скот. Однако в ряд живогные пройти не могли — пространства хватало от силы на двух. А потому чунги сгрузили свернутую сеть и сами протаскивали ее в арку. Без гнетущей ноши животные явно взбодрились и охотно протрусили в проход цепочкой. Было видно, что к этой процедуре они привычны.

Пропустив животных и погонщиков, привратник безучастно оглядел визитеров.

«*Вам чего?*» — раздался в груди у Найла его резкий, до странности монотонный голос.

«*Нам к хозяину этого города,*» — ответил Найл.

Привратник, смерив его свинцовым взглядом, повернулся и скрылся в воротах. Секунда, и створки сомкнулись. Найл с капитаном переглянулись: это что, отказ? Ничего себе прогулка.

Прошло пять минут. Десять. Четверть часа. Вокруг — полная тишина, прерываемая лишь жарким шипеньем молний, время от времени бьющих в стену. Но вот сбоку от ворот приоткрылась неброская с виду дверь. Из проема все так же недружелюбно уставился тот самый страж.

«*Прямо-таки хотите войти?*» — раздался его резкий оклик.

Фраза прозвучала не вопросительно, а скорее как утверждение.

«*Ну да,*» — кивнул Найл.

Тон стража, разумеется, озадачивал; хотя вполне вероятно, это обычный дежурный вопрос, задаваемый нечастым в здешних краях чужакам.

Привратник посторонился, освобождая проход. Губы его при этом тронула улыбка. А может, просто показалось.

На той стороне арочного свода виднелась еще одна дверь, которая была заперта. Найл с капитаном оказались в небольшом замкнутом пространстве. Сбоку находилась комната, но путь к ней преграждал отполированный прилавок, за которым стоял еще один страж с таким же скошенным подбородком пещерного жителя, но с лицом более окладистым — очевидно, начальник, вышедший из караульного помещения к подчиненному.

С потолка сюда поникал свет из стеклянного матового цилиндра: похоже, в Стране Призраков умели пользоваться электричеством.

«Вам чего?» — раздался его голос, почему-то отразившийся от стен глухим эхом.

«Мы к хозяину этого города», — повторил Найл.

«Да неужели?!» — Судя по тону, ответ вызвал у стража негодование. — *Карвасид не принимает, никого и никогда!»*

«Тогда кто может меня принять?»

Служака сердито помолчал; дескать, о чем вообще разговор. А потом неожиданно произнес:

«Что ж, ладно. Пойдемте».

Подняв доску прилавка, он показался в полный рост. Вид у него действительно был гораздо справнее, чем у стоявшего сзади подчиненного.

Он отпер внутреннюю дверь, и глазам предстал город Мага. Если честно, он разочаровывал: просто большой участок земли — даже не квадрат, а вроде как идущая вдаль дорога. В нескольких сотнях метров высилось коническое строение, как из сна, с той разницей, что это было серым, под стать окружающей равнине. Дальше тоже стояли конусы — одни повыше, другие пониже, третьи странно кособокие. Можно было бы назвать центральным проспектом пространство между ними,

если бы здания располагались вдоль него, а не вразброс. Еще виднелись скамейки из чего-то вроде темного мрамора, опять же словно наобум расставленные среди зданий. Из щелей внизу местами поднимался пар.

Тут в ближнее здание угодила молния — прямо в громоотвод над небольшой пристройкой. При этом из люков возле верхушки повалили клубы пара, густые, как дым. На секунду показалось, что здание горит, но пар тотчас истаял.

Провожатый шел молча, не объясняя, куда и зачем. Лицо у него было бесстрастным настолько, что закралось подозрение: а может быть, это тоже какой-нибудь зомби или робот? Аккуратно, чтобы не спровоцировать нежелательной реакции, Найл попробовал прощупать его ум. Но это, очевидно, не возымело действия.

Человеческий ум представляет собой непрерывный поток ощущений, впечатлений и мыслей. Этот же бесстрастно, как зеркало, отражал то, что его окружало. Нечто подобное представляли собой умы некоторых стражниц в городе пауков. Но это хотя бы поддавалось объяснению: их мысли так часто подвергались стороннему вторжению, что женщины уже никак не реагировали. А здесь-то что причиной?

Тут Найл явственно ощутил раздражение своего провожатого и мгновенно прервал контакт. Однако выяснилось, что дело не в подглядывании. «Проспект» впереди на скорости пересекла упряжка с парой выючных животных и скрылась за одним из конусов. Недовольство служаки вызвал стук подкованных копыт.

«Куда мы идем?» — поинтересовался Найл.

Расспросы тоже не нравились караульному. Он намеренно тянул с ответом, наконец отчеканил:

«К префекту».

Пожалуй, у этого караульщика было что-то общее с гвардейцами Смертоносца-Повелителя, приученными исполнять свои обязанности с механичной бездумностью. Возможно, это роднило режимы тамошнего и здешнего властителей. Когда между собой посредством телепатии общаются разумные существа, их слова насыщены смыслом и живым чувством. Взять, скажем, капитана. Найл уже до того привык к его голосу, что

мог бы выделить его из всех других. А этот служака не говорит, а выкрикивает заученные фразы, как заводная кукла.

Они шли уже с четверть часа, но до сих пор не встретили ни одного прохожего. За все время разве что две повозки проехали в отдалении. Эти двигались более медленно и неудовольствия у караульщика не вызвали. Седоков разглядеть не удалось, были видны лишь их серые одеяния.

Отчасти из любопытства, а то и вовсе от скуки Найл снова взялся прощупывать ум провожатого. Будь на его месте обычный человек, он бы неизбежно ощутил вмешательство Найла, как если б тот оперся о его плечо. Здесь же реакцией была все та же удивительная, какая-то ватная пустота. Если не хуже. В глазах этого ходячего истукана улица смотрелась безликой и серой, словно запорошенный снегом пейзаж в сумерки. Конические башни и те казались подернуты блеклым флером равнодушия.

Теперь уже заинтригованный, Найл усилил концентрацию. Результат сказался немедленно: очертания конусов сделались ярче и четче.

Суть, получается, в том, что чувства провожатого приглушены и выхолощены; его гнетет неизбывная, серая скука. В сравнении с ним Найл и капитан смотрятся эдакими бодрями-оптимистами — быть может, оттого, что им еще не приелся этот раз и навсегда заведенный мир неизбывной одинаковости.

Под впечатлением от этого открытия Найл сконцентрировался с новой силой, пытаясь сообщить чувствам провожатого несвойственную им остроту и четкость. Результат попросту ошеломлял. Здания не только проглянули четче, на них даже проявились цветные полосы. То же самое произошло и с дорогой.

Найл невольно вздрогнул от резкого шипенья. Из щели в земле вырвался плюмаж пара. Причем влажный и жаркий запах его, напоминающий чем-то прачечную, сделался вдруг сладковатым и приятным, как у леденца.

С каменным лицом провожатого вдруг произошла метаморфоза: он с явным удовольствием повел носом и улыбнулся.

Вот это да! Так дорога на самом деле серая или цветная? А воздух пахнет леденцами или мыльной сыростью прачечной?

Есть и еще одно соображение. Помнится, ворону нравилось, когда в него проникал человеческий разум: птица чувствовала

себя от этого более живой. Может, эта же причина заставила сейчас улыбнуться провожатого? Нет, все равно до конца не ясно.

Вернувшись «к себе», Найл тем не менее продолжил эксперимент. Дорога и конусы зданий снова были серыми, а воздух влажным от пара. Однако под сконцентрированным взглядом предметы сделались ярче и как-то достоверней. Найл попытался вновь расцветить их, насупившись от усилия. Серость и вправду отступила, и на зданиях проглянули красноватые, синеватые и желтые полосы, впрочем, тут же сошедшие на нет. Дорога же и вовсе осталась серой.

Найл предпринял еще одну попытку, более протяженную. Однако на этот раз ничего не случилось. Постепенно до него дошло, что дело здесь, видимо, не в интенсивности волевого усилия, а в некоем ментальном «фокусе».

Найл вновь проник в умозрительный мир своего провожатого и тут же понял, в чем именно ошибался. Он не догадался предположить, что здания, по сути, цветные.

Что ж, надо попробовать еще раз. И Найл словно нажал нужную кнопку: изображение моментально стало красочным, а воздух наполнился сладким запахом. Так что теперь картинка фактически совпадала со сном, который он видел в пещере хамелеонов.

Дорога и здания утратили свою унылую серость, лучась дружелюбным теплом. А на повозке, что тянулась в отдалении, двое ездовых щеголяли цветастыми полосатыми одеждами. Тяговое животное, и то было теперь наряжено в пеструю попонку, словно являясь частью карнавала.

В повозке сидели мужчина и женщина; правила, кстати, она. Лицо ее, из-за худобы излишне бледное, тем не менее было до странности привлекательным.

Кстати, при дополнительной концентрации цветность усиливалась. В этом Найл убедился, стиснув зубы от напряжения. Получалось как в том сне: цвета углублялись и становились приятней глазу, усугубляя вместе с тем ощущение безмятежной радости. Сильней становился и свет, сообщая блаженству дополнительную остроту. Но вот что странно: при максимальном сосредоточении эффект получался обратный. Изображение словно выцветало, а сладкий дух сменялся мыльным за-

пахом прачечной. Так что концентрироваться лучше не в полную силу — тогда и цвета будут насыщены, и запахи приятны. Кстати, некоторые из них, похожие на благоухание дворцовой кухни, напомнили Найлу о том, что он голоден.

Как ни странно, улыбка с лица провожатого успела сойти. Оказалось, он опять видит все во всегдашнем блеклом свете, который нагнетал ощущение унылой повторяемости и скуки.

Теперь, по крайней мере, прояснилось одно: Маг, кем бы он ни был, тонкий мастер иллюзий.

По безлюдным улицам они прошли уже по меньшей мере пару миль, так и не услышав никаких звуков, помимо разрозненного потрескивания разрядов да шипенья пара. Наконец в окружающей панораме наметилась хоть какая-то перемена. За строением, к которому они сейчас приближались, проглянуло еще одно — розоватое здание со шпилями, раза в три выше ближнего кулья. Там различались даже пешеходы.

Через четверть часа путники остановились перед этим зданием, по виду напоминающим дворец. Что приятно, его вполне можно было сравнить с каким-нибудь из крупных зданий города пауков — скажем, с бывшим женским общежитием (к которому до указа Найла, кстати, мужчины не допускались). Они приблизились к широкой, но невысокой парадной лестнице, где наверху перед кованой узорчатой решеткой стоял стражник — тоже, судя по всему, потомок пещерных жителей, с широким чувственным ртом и темной двухдневной щетиной. Лицо стражника показалось знакомым; Найл вспомнил почему. Да-да, он походил на одного из пробравшихся в город пауков убийц — того самого, что плену предпочел наложить на себя руки. Найл до сих пор не забыл тошноту, которую испытал, повалившись под ударом воли того убийцы.

Провожатый что-то телепатически передал стражнику (Найл не разобрал, что именно). Тот не замедлил отступить в сторону и молча распахнул не издавшие ни малейшего звука ворота. Взгляду открылся широкий внутренний двор, посередине которого находился фонтан, брызжащий цветной водой. Найл удивленно отметил, что цвет струй ежесекундно меняется, становясь то красным, то синим, то зеленым, то желтым, то фиолетовым, в то время как в чаше фонтана вода сохраняет свой,

видимо, изначальный зеленоватый цвет. Должно быть, очередной трюк Мага.

Дорожка за фонтаном вела к массивной стеклянной двери, которая вскоре отворилась; навстречу вышел высокий сухощавый человек с лицом, совершенно не похожим на лица пещерных жителей: определенно симпатичный, с суровыми чертами и редющей седой шевелюрой над высоким лбом. На визитеров он глянул без всякой симпатии, а на паука так и вовсе с нескрываемой неприязнью. Что удивительно, он заговорил на человеческом языке.

— Это еще что? — резко, чтобы не сказать властно, спросил он.

Провожатый опять послал какой-то неразборчивый телепатический сигнал.

Сухощавое лицо вельможи (назовем его так) вмиг утратило суровое выражение, став едва ли не дружелюбным. Воздев брови, он внимательно оглядел Найла и капитана льдисто-голубыми глазами.

— Я Тифон. С кем имею честь?

— Найл, правитель города пауков. А это мой телохранитель, в чине капитана.

— Можешь идти, — бросил вельможа провожатому.

Он протянул руку Найлу, и они обменялись церемонным пожатием, сомкнувшись предплечьями. Найл обратил внимание, что на запястье Тифон носит миниатюрные часы на золотой ленте.

— Давненько мы не принимали визитеров, — сказал он хорошо поставленным голосом образованного человека. — Вы меня, можно сказать, застали врасплох. Прошу вас, входите.

Помещение, в которое они вошли, чем-то напоминало апартаменты приснопамятного венценосца Каззака, с той разницей, что здесь имелась мебель, в городе пауков вышедшая из обихода много лет назад, — в частности, кресла. Найл с интересом обнаружил здесь еще и большие настенные часы, показывающие без четверти восемь (очевидно, жители Страны Призраков были малость «подвинуты» на времени).

— Не желаете присесть? — спросил он. И, повернувшись к капитану, добавил: *«Располагайтесь, как считаете нужным»*. Он мог еще и изъясняться телепатически.

Паук в ответ, выразив характерным жестом признательность, остался стоять.

Найл сел в кресло, чувствуя приятную податливость подушек. Трудно было представить, что он сейчас находится в городе Мага, причем собеседник у него человек не менее благородный и воспитанный не хуже, чем Симеон.

— Вы голодны?

Найл смущенно покачал головой.

— Когда вы последний раз ели?

— Утром. Сегодня.

— Ну так пора перекусить.

Тифон послал мощный телепатический сигнал, и в покой тут же вошла служанка в однотонном синем платье. Ее предками тоже явно были пещерные жители. Тем не менее она была очень обаятельна: длинные каштановые волосы и темные глаза; передние зубы чуть выпирают вперед, как у крольчонка. Минусом был разве что покатый подбородок. На гостей девушка посмотрела с плохо скрытым изумлением.

— Ката, принеси нам поесть, — сказал Тифон.

«*Слушаю, господин*», — ответила она телепатически. Найл был впечатлен: в городе пауков слуги не умели посылать телепатические сигналы.

— Вина? — Тифон достал из комода графин с рубиновой жидкостью.

— Благодарю. Самую малость. — Найл опасался, что от усталости его разморит.

Тифон налил вино в два бокала на высоких ножках и, поставив один на столик перед Найлом, сел в кресло напротив.

— Ну и что же вам в понадобилось нашем городе?

Найл пригубил вино — сухое, ничуть не хуже, чем в его дворцовых погребках.

— Я пришел просить помощи для моего брата. Он случайно порезался о топор, попавший к нам из вашего города, и теперь сгорает в лихорадке.

Лицо собеседника выразило беспокойство.

— Печально это слышать. Я уверен, что карвасид непременно чем-нибудь поможет.

Найл испытал радостное облегчение. Надо же, так быстро и легко решается проблема, беспокоящая больше всего.

— Премного вам благодарен.— Фразу из лексикона Симеона Найл произнес со всей искренностью.

Вошедшая служанка поставила на стол поднос. На нем было овальное блюдо с крохотными рыбками и ломтиками желтого фрукта, которого Найл прежде не пробовал.

«Могу ли я предложить вам что-нибудь из еды?» — повернулся Тифон к капитану.

Что приятно, он обращался с пауком учтиво, как с равным.

«Спасибо», — ответил паук. — *Я не голоден».*

Что, собственно, после его обильной трапезы озерной рыбой вполне могло быть правдой.

Служанка, нагнувшись над столом, случайно обронила деревянную раздаточную вилку и от растерянности приоткрыла рот. Найл был потрясен, увидев, что у нее нет языка. Девушка нервно глянула на Тифона, но тот в ответ лишь улыбнулся.

— Прошу вас, кушайте, — сказал он и при этом сам, взяв тарелку, положил себе рыбы и кусочков желтого фрукта.

Теплая рыба была жирноватой и солоноватой; у фрукта вкус был кислый, что удачно сочеталось с основным блюдом. Найл с аппетитом взялся за еду, запивая ее вином.

— Прошу извинить меня за бестактность, — сказал Тифон, — но для правителя большого города вы уж очень молодо выглядите. Нельзя ли узнать, сколько вам лет?

— Точно и сам не знаю. Примерно восемнадцать.

— Н-да. Треть моего возраста. Я вам завидую. А как такое могло произойти?

Найл понял, что вельможа пытается разузнать о его жизни, но желания рассказывать в подробностях он не испытывал. Брала свое усталость, да и излагать долго. Кроме того, он правитель города, а Тифон, насколько можно понять, лишь один из приближенных Мага. А потому Найл ограничился фразой:

— Я назначен богиней.

Если и был Тифон разочарован таким странным ответом, то ему хватило ума и такта не приставать с расспросами.

— В таком случае вы, должно быть, выдающийся молодой человек. Что касается меня, то я должность префекта получил по той лишь причине, что прежде ее занимал мой отец, а до него — дед.— Он вновь наполнил бокалы и воскликнул: — Да-

вайте же выпьем за более близкую дружбу между нашими городами!

Найл не произносил здравии с того самого времени, как навещал своих родственников в подземном городе Каззак. Он поднял бокал и отпил. Вино приятно согрело желудок, а осознание того, что спасена жизнь брата, наполняло голову неизъяснимой легкостью. Он спросил:

- Не желал бы карвасид примириться с пауками?
- Почему бы нет?
- Мне говорили, он их ненавидит.
- Кто вам такое сказал?
- Хеб Могучий, — ответил Найл, чуть улыбнувшись.
- Почему вы улыбаетесь?
- Потому что вы считаете меня безумцем.

Тифон покачал головой.

- Напротив: мне очевидно, что вы говорите правду.

Найл улыбнулся, приняв это за комплимент. Тифон определенно располагал к себе. Было в нем что-то от Симеона.

- Но ведь пауки изгнали карвасида из дома?

— Ну, когда это было. — Тифон пожал плечами. — Вражда не длится вечно, да мы и сами того не желаем. Наши жители были бы рады свободно путешествовать.

- А сейчас они этого делать не могут?

— Почему же. Их ничто не останавливает. Просто они страшатся. Того, что пауки их уничтожат, — добавил он, видя, как Найл вопросительно поднял брови.

Найл понял суть: голодный паук вначале ест, а уж потом рассуждает.

— Будь у нас мирный договор, это было бы исключено, — осторожно заметил он.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Тифон. — Это я и надеялся от вас услышать.

— Когда я смогу встретиться с карвасидом? — задал вопрос Найл.

Тифон, растерявшись, откашлялся.

— Это не так просто... — начал он после паузы, очевидно, стараясь излагать свою мысль как можно тактичнее. — Он стар и любит, так сказать, придерживаться своей линии. Встречаться с людьми ему не нравится. Поэтому городом фактически

управляю я, а он полностью погружен в свою работу.— Предвосхищая следующий вопрос, Тифон сказал: — Он философ и ученый. Вы видели наших выючных животных в упряжках?

— Да.

— Это карвасид их создал.— Слово «создал» прозвучало с особой весомостью.— Они идеально приспособлены к условиям Страны Призраков. Когда-то у нас были лошади, но они боялись молний. И тогда карвасид сотворил гельбов. Он поистине великий ученый,— истоково подытожил Тифон.

— А тех странных людей, что дышат под водой?

— Обов? Это не люди, а машины. Машины из плоти.— По сигналу Тифона снова вошла служанка.— Пришли-ка сюда мега.

Чуть погодя дверь открылась, и в помещение вошло огромное существо. Как и те рыбаки у озера, гигант был обнажен и обрит наголо. Но мышцы у него были куда крупнее, а плечи такие, что удержать на них, скажем, лошадь ничего не стоило. Одни лишь ладони у него были в треть метра шириной.

«Покажи им», — дал телепатическую команду Тифон.

Гигант приблизился к двери и взялся за ручку указательным и большим пальцами аккуратно, с поистине женственной грацией. Он вышел, а вскоре возвратился с трехметровой доской толщиной в голову и весом не меньше полуцентнера. Он остановился на середине комнаты и, схватив доску поперек гигантской пятерней, сжал. Пальцы вдавились в дерево так, будто это была мягкая губка. Сделав вручную желоб, он схватил доску за края и переломил ее как щепку, после чего застыл, ожидая дальнейших указаний.

«Покажи ему», — велел гиганту Тифон.

Тот протянул половину доски Найлу. Разумеется, это была цельная древесина.

— Но плоть у него, по-видимому, все-таки мягче, чем дерево? — поинтересовался Найл.

Тифон лишь улыбнулся.

«Покажи себя», — велел он.

Мег протянул руку ладонью вверх, чтобы можно было коснуться. По твердости она не уступала натянутой на металл дубленой коже. После этого гигант протянул руку и капитану, который для приличия поскреб ее когтем.

— Карвасид — гений научной мысли, — убежденно сказал Тифон. — Один из величайших изобретателей, каких когда-либо видел свет.

Найл поглядел в жесткое лицо мег: твердые голубые глаза были будто сделаны из стекла, хотя безусловно видели.

Тифон кивнул, и мег вышел.

Найл вновь коснулся животрепещущей темы:

— Когда я смогу выяснить насчет брата?

— Я позабочусь о том, чтобы завтра ты встретился с карвасидом.

— Спасибо.

— Когда это произошло?

— Неделю тому назад. Неделю с небольшим.

— Ну, значит, времени у нас предостаточно. Летальный исход от яда трскуты наступает через двадцать восемь дней.

— А есть ли противоядие? — забеспокоился Найл, подумав о том, сколько понадобится времени, чтобы доставить спасительное средство домой.

— В нем нет нужды, — успокоил Тифон. — Карвасид может исцелить вашего брата на расстоянии.

— Магией?

— Никакой магии. Наука, основанная на мыслительных вибрациях. — Он подложил себе рыбы. — Возможно, завтра вы и сами встретитесь с карвасидом. У нас вечером заседание совета, и карвасид тоже там будет. Я осведомлюсь, можно ли вам присутствовать.

— Благодарю, — сказал Найл, ощущая между тем смутное сомнение.

Ему припомнилась последняя «встреча» с Магом: чье-то невыразимо гнетущее, крабье присутствие, славившее грудь так, что перехватило дыхание.

Дверь отворилась, и в комнату вошел молодой человек, вид которого живо напоминал Вайга: те же борода, темные кудри, округлое жизнерадостное лицо. Судя по всему, увидеть здесь паука было для него полной неожиданностью.

— А, Герек, — улыбнулся Тифон. — Это мой помощник, — пояснил он Найлу. — А это Найл, правитель города пауков, — сказал он вошедшему. — Со своим... эскортом и стражей в одном лице: капитаном.

Найл встал, и они с вошедшим коснулись предплечьями. Как и у Тифона, запястье Герек украшала золотая лента с часами. От жизнерадостного, улыбчивого помощника Тифона пахло машинным маслом, а на носу не была стерта сажная полоска. Поприветствовав Найла, Герек удивил тем, что повернулся и выразил любезность еще и капитану.

— Вина? — спросил Тифон.

— Не мешало бы, — запросто ответил Герек. Приняв полный бокал, он тут же отпил половину, после чего с улыбкой сказал Найлу: — Уфф, вот чего мне не доставало!

Безо всяких церемоний он рухнул в кресло и стал накладывать на тарелку рыбу.

— Проголодался? — приязненно спросил Тифон.

— Не то слово!

— Ну что ж, вот вместе и подкрепимся, — кивнул Тифон и, когда по сигналу вошла служанка, сказал: — Ката, подавай обед.

Найл думал, что с трапезой уже покончено. То, что рыба — всего лишь легкая закуска, было приятной неожиданностью.

— Как вы сюда добрались? — спросил Герек у Найла.

— Пешим ходом.

— И долго шли?

Найл чуть помедлил, подсчитывая.

— Семь дней.

— Быстро вы ходите. А почему не воспользовались одним из тех шаров?

— Боязно. Неровен час, врезались бы, как Скорбо. — Интересно, как они отреагируют на это имя.

Герек, впрочем, отнесся к этому вполне непринужденно.

— Никуда он не врезался, — сказал он, подливая себе вина.

— Вот как?

— Именно так. Это мы его посадили. Точнее, карвасид. Над нами и муха не проскользнет.

Тифон, похоже, не был доволен таким поворотом разговора. Конеч нежелательным расспросам положила все та же служанка, вкатившая перед собой тележку (Найл видел подобную только раз, в доме у Доггинза). Ката начала расставлять на столе блюда, по большей части примерно такие же, что подавались во дворце у Найла: мясо, фрукты, орехи, фаршированные птички, обжаренная в тесте рыба. Были здесь и те глаза-

стые озерные толстушки, и какие-то мелкие, с мизинец, подобия кальмаров, тоже в тесте. Довершал снедь большой графин золотистого меда. Герек поглядывал на все это изобилие с нескрываемым вожделением, что лишний раз напомнило о Вайге. Сходство даже усилилось, когда он исподтишка хищно глянул вслед уходящей Кате.

Каждый сам наполнял себе тарелку. Еду брали пальцами.

В этой непринужденной атмосфере Найл задал донимавший его вопрос:

— Почему, интересно, у Каты нет языка?

Ответил Тифон:

— Здесь почти всем женщинам его удаляют в раннем детстве. Карвасид таким образом добивается, чтобы они учились разговаривать мысленно.

— Но ведь это ужасно больно?

— Нет. Операция проходит под наркозом.

— А мне кажется, все равно это жестоко, — высказал сообщение Герек.

Найл был рад услышать солидарное мнение. Сама мысль о том, что у женщин удаляют язык, вызвала отторжение.

— Дело здесь в том, — как бы извиняясь, заметил Тифон, — что карвасид до болезненности чувствителен к шуму.

Герек мотнул головой.

— А не проще ли издать указ, запрещающий женщинам шуметь во дворце? Не одно и то же?

— Согласен, — кивнул Тифон. — Но ты же знаешь карвасида. Он всегда поступает так, как сочтет нужным. — Он посмотрел на Найла. — Возводя этот город, карвасид был убежден, что наша земля неминуемо подвергнется нападению пауков, и это изрядно распалило его нрав. Но могут ли осуждать его те, кто знает, каково это — пережить захват твоего города? Те, чьи собратья безжалостно истреблялись и пожирались? — Он повернулся к капитану. — Уж вы простите мне откровенность.

«Я понимаю», — откликнулся тот.

Тифон обернулся к Гереку.

— Но теперь, когда между нашими городами будет заключен договор о мире, все это взаимное недоверие разом сойдет на нет.

— Чудесно! — Лицо Герек а озарилось улыбкой. — А вы уверены, что пауки согласятся?

За Найла ответил капитан:

«Он хозяин нашего города».

— Его назначила богиня, — пояснил Тифон.

Герек буквально потерял дар речи от изумления.

Найл понял, что надо бы это как-то прокомментировать.

— Вообще это длинная история, и лучше я ее расскажу как-нибудь в другой раз.

— Пусть наш гость спокойно поест-попьет, — с улыбкой сказал Тифон Гереку. — Может, ты завтра возьмешь его под свою опеку, покажешь наши три уровня? А то я весь день у карвасида.

— Вы спросите его насчет моего брата? — не преминул напомнить Найл.

— Обещаю, — заверил Тифон и послал сигнал Кате: — Принеси еще вина, только не такого сладкого.

За едой Тифон рассказывал о том, как была открыта Страна Призраков — возможно, с той целью, чтобы освободить своего гостя от необходимости говорить. Найл же был настолько заморожен повествованием, что почти забыл о еде — как, собственно, и капитан, усвоивший мысленный алгоритм человеческой речи настолько, что вполне поспевал за рассказом. Слушал и Герек (даром что эта история наверняка была ему знакома); правда, вскоре от еды и питья он заметно осовел.

Тифон живописал, как начальнику стражи Сатханасу с дюжиной товарищей удалось бежать из павшего города Корш. Они пытались взять с собой и правителя города, Вакена Справедливого, но тот погиб одним из первых, когда полчища пауков ринулись через стены. Отряд Преданных, как назвались Сатханас со товарищи, выбрался через подземные туннели под городом, вслед за чем сплавился по текущей на восток реке. Один человек утонул в потоке, став таким образом первой потерей. (Легко было представить, как это произошло; Найл невольно содрогнулся.)

По зимнему холоду горстка людей пробиралась на север, к Серым горам. Двоих по дороге смело оползнем, еще одного унесло течение, когда он ловил в реке рыбу. Наконец выюга загнала их в пещеру на Скульей горе (по-видимому, Сколлен).

В этом прибежище они пробыли без пищи два дня, понимая, что любая попытка выбраться наружу увенчается смертельным исходом: они, попросту говоря, замерзнут.

Обратив внимание, что откуда-то из недр пещеры временами вылетают птицы, они отправились на поиски и обнаружили жерло, ведущее в сердце горы. Однако спускаться было не на чем — да и желания такого, собственно говоря, не возникло, поскольку они понятия не имели, что там кроется, на дне этой преисподней.

Когда выюга наконец унялась, один из их числа — солдат по имени Фузл — заметил на свежем снегу следы зайца-беляка и пошел по ним. Следы завели охотника в густую поросль у подножия горы, и там он нашел пещеру. Появление незнакомца всполошило птиц, которые метнулись в глубь пещеры. Возвратясь с поживой, Фузл описал увиденное. Назавтра все отправились в ту пещеру с факелами и, пробравшись вниз по уступистому туннелю в милю длиной, обнаружили нижний вход в Страну Призраков. С той поры здесь бытует поговорка: «Везет как Фузлу».

В тот же день под вечер Отряд Преданных достиг Страны Призраков. Некоторые из товарищей боялись идти дальше, так как им и в самом деле виделись какие-то призраки, но Сатханас заметил, что лучше уж призраки в пути, чем верная смерть по возвращении. Кроме того, здесь было гораздо теплее, чем там, наверху. Поэтому они двинулись дальше и, когда отыскали большое озеро, поняли, что спасены. В тот вечер они до отвала наелись рыбы и заснули сном изнуренных.

Поначалу Отряд Преданных обосновался непосредственно у озера, и первые шесть месяцев питание ему составляли исключительно рыба и синий мох. Кто-то из них обнаружил, что мох с верхних склонов можно использовать в пищу, если высушить и смолоть в подобие серой муки.

Найл вспомнил тот ноздреватый синий мох; ему и в голову не приходило, что он может быть съедобен. Неужели эта поджаристая, похрустывающая на зубах корочка получается из той муки?

С каждым днем беглецы исследовали эту землю все дальше, открыв для себя постепенно и западный утес, где гнездится множество птиц, и небольшое северное озеро с питательны-

ми водорослями. Настал тот день, когда им удалось пройти весь путь по тамошней реке, и таким образом они обнаружили северный вход в Страну Призраков, который прозвали Черной расселиной, — маршрут, становившийся фактически непроходимым с зимним разливом реки. Долину, которая открывалась за той расселиной, называли Долом Благодарения: именно там они спустя более полугода увидели солнце.

Между тем отряд сократился вначале до семерых (двоих убило молнией), а затем пятеро из оставшихся пожелали вернуться туда, где солнце. Но Сатханас постарался их отговорить: узнай пауки об уцелевших, они не успокоятся, пока всех не умертвят или не угонят в рабство.

«Но зачем?» — подал голос капитан. — Ведь они не представляли для нас никакой угрозы».

— Может, оно и так, — не стал спорить Тифон. — Но карвасид был убежден в обратном.

Нелоумие капитана было понятно. Хебу и без того хватало хлопот со взятым недавно городом; зачем гоняться за какой-то горсткой беглецов? К тому же пауки по природе своей — да еще и из лени — вполне миролюбивы.

И тут Найл в полной мере осознал то, что говорил ему тролль о непомерной, всепоглощающей ненависти Сатхана-са. Такой человек нипочем бы не поверил, что пауки действительно оставят его в покое.

Герек уже поклевывал носом. Тогда как Найлу не терпелось услышать продолжение рассказа.

— Так что вторую зиму они тоже прожили у озера?

— Да. Но теперь они были уже не одни. Карвасид устроил вылазку в небольшое поселение Сибилла, где в полях были замечены работающие женщины. И на следующий год здесь народились первые младенцы.

— А когда поселенцы обнаружили пещерные жилища?

— Не скоро. Прежде, можно сказать, целый век миновал.

— Но если здесь уже были женщины, зачем понадобилось пригонять других?

— Нужны были не женщины, а мужчины. К этой поре уже затеялось строительство города и требовались рабочие руки. Вдобавок карвасида смущало, что население не растет нужны-

ми темпами. Нам требовались люди для возделывания земель под Долом Благодарения.

— А карвасид не боялся, что его обнаружат пауки?

— Уже нет,— покачал головой Тифон.— Во всяком случае, с той поры, как ему стала подвластна погода. Много паучьих шаров разбилось в Серых горах, прежде чем они перестали сюда наведываться. Но более всего, разумеется, карвасид торжествовал, когда паукам пришлось начать строительство Большой стены. Они-то полагали, что возводят ее для своей защиты,— ухмыльнулся Тифон,— не понимая, что строят ее как раз для защиты нашей.

В этот момент Герек всхрипнул так, что обоим стало неловко. Герек, вздрогнув, проснулся и потер глаза.

— Прошу прощения. С самого утра на ногах, да и день выдался хлопотный.

— Что ж, тогда отдыхать.— Тифон повернулся к гостям.— Не желаете ли, чтобы Ката показала ваши апартаменты?

— Спасибо.

Положить голову на подушку было ох как заманчиво; более насыщенного событиями дня сложно и представить.

— Я им сам покажу,— вызвался Герек.

Тифон учтиво попрощался, и его помощник увел гостей из комнаты.

Двухэтажный особняк префекта, хоть и не столь просторный, как дворец Найла, был красиво и со вкусом обставлен. Навверх вела широкая лестница с ажурной балюстрадой. Просторными и светлыми были освещенные электричеством коридоры. На стенах тут и там тикали часы.

Спальня Найла выходила в сад позади особняка, где росли миниатюрные деревья с лиловыми плодами, похожими на баклажаны.

Герек показал Найлу, как пользоваться жалюзи, которые приводились в действие рычажками. Полоски, смыкаясь, преграждали доступ немеркнущему синеватому свету. Объяснил он и то, как выключать освещение.

Капитан дожидался в коридоре.

— Ваша комната тут рядом, по соседству,— сказал ему Герек.

«Лучше, если я буду спать здесь».

— Пожалуйста, — не стал упорствовать Герек. — Если вам так удобнее. Я тут буквально через две двери, так что если понадобится... — Он кивнул на настенные часы, каким-то образом подсвеченные изнутри; они показывали половину одиннадцатого. — Разбужу вас в полвосьмого: день завтра предстоит долгий. А в семь вечера мы все идем во дворец к карвасиду.

Распрощавшись с Герексом, Найл пошел в ванную, оказавшуюся ничуть не хуже его собственной, дворцовой. Первоначальный соблазн принять ванну сменился опасением, как бы в ней не заснуть, а потому Найл ограничился тем, что просто вытерся в теплой воде губкой.

Капитан передвинул толстый коврик в угол комнаты и застыл там — как видно, из опасения проявить неучтивость, улегшись первым. Найл забрался в кровать, мимолетно пожалев, что в спальне он не один: приходится что-то говорить вместо того, чтобы просто закрыть глаза.

«Ну как тебе Страна Призраков?» — спросил он через силу.

«Пока не решил», — ответил капитан после некоторой паузы.

Что-то в его тоне (теленатическое общение, в отличие от словесного, передает гораздо больше оттенков) внезапно заставило Найла насторожиться.

«А что так?»

«Мы прибыли без предупреждения, а у меня чувство, будто нас уже поджидали.»

Теперь понятно, почему капитан предпочел эту комнату: ему хотелось переговорить со своим спутником.

«Что ж, и такое возможно, — рассудил Найл. — Я в дороге нередко ловил себя на мысли, что к нашей встрече уже готовятся.»

«Но почему?» — спросил капитан, так и не ложась.

Фраза, на языке людей звучавшая расплывчато, содержала в себе целый ряд вопросов: для чего Маг хотел заманить Найла в свою страну, как ему это удалось и что он намерен делать дальше?

Найл попробовал ответить на последний:

«Ну, возможно, как сказал Тифон, он хочет наконец заключить с нами мир.»

«Тогда почему не направил посланников? Почему вместо этого подослал убийц, чтобы разделаться со Скорбо?»

«Ну, может,— произнес Найл,— он чувствовал, что Скорбо в каком-то смысле его предал».

Подушка влекла к себе так, что мысли путались, и ответить на вопрос внятно не получалось.

«Извини,— сказал капитан, чувствуя его усталость,— ты хочешь спать».

В понимании капитана двуногие, очевидно, были созданиями достаточно специфическими — с этой их потребностью отключать сознание, задувая его, словно свечу, через каждые шестнадцать часов. Что до пауков, то они способны пребывать в состоянии полусна днями, а то и неделями, при этом наполювину бодрствуя.

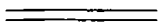
«Обещаю поразмыслить над твоими словами»,— виновато улыбнулся Найл.

Капитан, подогнув ноги, улегся на коврик.

«А может, я и ошибаюсь. Может, они и в самом деле хотят мира».

Найл, погасив свет, с блаженством растянулся на постели. Какая, в конце концов, разница, ждали их или нет. Главное, что Магу все-таки нужен мирный договор и что Вайг будет исцелен.

С этой мыслью, наполнявшей беспечным счастьем, он и уснул.

Из омута сна Найл всплыл в седьмом часу; в городе пауков через полчаса должен быть рассвет. Тишину в комнате нарушало лишь мерное тиканье часов и чуть слышное дыхание капитана. Снизу под жалюзи различалась полоска неизменного синеватого света Страны Призраков.

Лежа в постели, он размышлял над тем, что сказал капитан перед отходом ко сну. Да, разумеется; вполне возможно, что их прибытия уже ждали. У Мага в городе пауков наверняка были соглядатаи — потому-то и отправиться пришлось по подземному маршруту. Но с выходом наружу что мешало засечь путника?

А вот прав ли капитан насчет того, что его, Найла, заманили в Страну Призраков специально?

Он воссоздал в памяти сцену, когда порезался Вайг. Завернутый в мешковину топор принес во дворец надсмотрщик Дион, непосредственно из сада, где был убит Скорбо.

Безусловно, тот, кто «забыл» эту улику в саду, рассчитывал, что ее доставят к Найлу. А не окажись там в тот момент Вайг, Найл развернул бы мешковину сам и, увидев лезвие, почти наверняка попробовал бы его остроту большим пальцем.

И яд поразил бы именно его, Найла.

Так что капитан, пожалуй, ошибается: никто не заманивал сюда правителя города пауков.

Настенные часы показывали половину седьмого. Найл решил связаться с матерью. Он сел в постели и, подложив под спину подушку, привел ум в состояние отрешенного спокойствия.

Несколько минут ничего не происходило; он расслабленно сидел, как будто вслушиваясь. И вот Найл осознал присутствие матери так же четко, как она сознавала его.

«Где ты?» — спросила она.

«В Стране Призраков, в их столице».

Голос матери доносился четко, как если бы она находилась в этой же комнате.

«Ты в порядке?»

«Да. Я гость Мага».

«Каков он?»

«Еще не видел. Увижу сегодня вечером».

«Когда вернешься?»

«Надеюсь, скоро. Как Вайг?»

«Так же. Все спит».

«Передай: надеюсь, скоро мы его исцелим».

Контакт пошел на убыль: для поддержания связи требовалась полная свежесть ума.

«Скоро поговорим», — успел сказать Найл напоследок.

Капитан все еще спал. Найл на цыпочках прошел в ванную и, стараясь не шуметь, умылся. Сама ванная до странности напоминала ту, что в городе пауков. А впрочем, и Маг ведь изначально из того самого города, потому и обустроил здесь все по образу и подобию.

Когда Найл возвратился, капитан уже не спал.

«Ты голоден?» — спросил Найл.

«Очень», — пришел ответ скорее в форме чувства, чем образа.

Найл открыл жалюзи и посмотрел наружу, на все тот же синеватый свет. Теперь понятно, почему здесь повсюду часы и циферблаты. Привычный Найлу мир подчиняется временам года и суток. Здесь же нет ночи и дня; не будь часов, счет времени попросту потеряется, оно сделается эдаким вялотекущим безвременьем.

Пока он пребывал у окна, в сад вошла женщина с корзиной под мышкой и стала собирать те похожие на баклажаны плоды. Срывая и складывая их в корзину, к Найлу она стояла спиной. Движения ее были так грациозны, что Найл невольно залюбовался. Когда она повернулась боком, он не без удовольствия отметил красоту ее фигуры и приятную округлость бюста. Волосы у женщины были собраны в пучок. Вот она повернулась лицом, и Найл с изумлением обнаружил, что перед ним, оказывается, уже пожилая женщина с морщинистыми щеками. В этот момент она поймала на себе взгляд Найла и улыбнулась. Оказывается, у нее и зубов-то раз-два и обчелся. Странно, но, несмотря на сморщенные щеки, ее улыбка по-своему пленяла.

Через несколько минут, набрав с полкорзины, женщина вышла из сада, сделав при этом Найлу мимолетный поклон.

Он был заинтригован. Попад в город пауков с год назад, он уже привык видеть вокруг себя хорошеньких девушек и привлекательных женщин. В пустыне он и представить себе не мог, что когда-нибудь они примелькаются и перестанут вызывать особый интерес. А все потому, что телепатические способности давали ему возможность сознавать не только их тела, но и умы, казавшиеся ему в основном примитивными. Главным в них была физическая привлекательность, а не углубленный разум или жизненная энергетика. Ему нравилось, как его пестуют Нефтис с Джаритой — омывают в ванне, массируют, умащивают благовониями. Джарита время от времени специально провоцировала, чтобы он ее поцеловал, но он ощущал некую границу, которую не хотелось пересекать, поскольку это вскоре достигло бы ушей остальных служанок (уж Джарита бы об этом позаботилась) и внесло некий разлад. Поэтому, в отличие от Вайга, для которого каждая женщина была вожделенной загадкой, Найл предпочитал сохранять сокровенный

баланс, наслаждаясь потаенной сутью женщин, словно ароматом цветов.

Поэтому странно, что здесь, в городе Мага, его восприятие женского пола так обострилось. Может, это просто от отсутствия ежедневного контакта с девушками из свиты? Или это, подобно той загадке красок и запахов, еще одно проявление чародейской силы неистощимого на иллюзии Мага?

В дверь постучали.

— Вы готовы? — спросил из коридора Герек.

На столе ждал завтрак, который дополнял кувшин некой исходящей паром жидкости. Возле тарелки Найла лежала золотистая лента с часами.

— Тифон от души желает, чтобы вы приняли этот подарок, — сказал Герек.

Эта же мысль мелькнула при виде часов у Найла, и он был рад, что не ошибся.

— Ничего себе: наручный хронометр!

— Мы называем это «ручные часы».

Найл нацепил их на запястье, отметив понутно, что времени сейчас без четверти восемь: в доме Тифона путники уже ровно двенадцать часов.

В углу комнаты, на отдельном столе, он заметил блюдо с ломтями говядины — судя по всему, на завтрак капитану.

— Тифон уже ушел, — сказал Герек. — Его мы увидим позже. Прошу вас, не стесняйтесь.

Найл разволновался при мысли, что, возможно, уже в эти минуты Тифон разговаривает с Магом насчет Вайга.

Ката разлила красную, аппетитно пахнущую малиной жидкость из кувшина по стаканам. Найл интуитивно чувствовал, что девушка испытывает к нему симпатию; она часто улыбалась, а один раз, наклонившись, как бы случайно скользнула грудью ему по виску. Найл ощутил внезапный прилив чувственного тепла. Вблизи, однако, он различил нечто странное: кожа на руке у девушки была не гладкой, как, скажем, у Нефтис или Джариты, а в меленьких морщинках. Быть может, дело в нехватке света?

Еда была достаточно простая: фрукты, рыба, ломтики мяса и буроватый хлеб со знакомым привкусом той самой муки.

Было еще и желтое варенье из кисловатого фрукта, что Найл пробовал накануне.

Капитан, стоя в углу возле своего столика, трапезничал с полной отрешенностью, свойственной при этой процедуре паукам. Мясо он подцеплял когтями вместо того, чтобы привычно поставить на пол тарелку; пил, поднимая керамический сосуд передними лапами. Словом, манерничал.

— Какие планы на сегодня? — поинтересовался Найл.

— Показать вам город. А затем, если не возражаете против долгой прогулки, посмотреть Дол Благодарения.

— Было бы неплохо, — отозвался Найл, чувствуя, что это место для обитателей Страны Призраков имеет особое значение.

Найл плотно позавтракал, запив еду теплым, несладким малиновым напитком. За неделю странствий он нагулял аппетит.

Прежде чем выйти из комнаты, Герек сказал:

— Ката предлагает оставить тунику, она стирает. А я вам одолжу одну из своих.

Найл с благодарностью согласился: на его хламиду больно было смотреть.

Когда они вышли из особняка, внизу у лестницы уже ждала повозка, запряженная парой гельбов. Животные стояли замерев.

Герек повернулся к капитану:

— Если желаете ехать с нами, тут есть место.

«Я буду смотреться нелепо», — сухо ответил паук, впервые продемонстрировав специфическое чувство юмора.

Герек взял поводья, а Найл устроился рядом на мягком сиденье. Когда повозка тронулась по разноцветной мостовой, он ощутил удовольствие, какое, должно быть, испытывает ребенок на празднике. Гельбы семенили примерно вдвое быстрее людской поступи, так что пауку нетрудно было идти с ними вровень.

Из земли то и дело вырывались клубы сладко пахнущего пара, но животные от них не шарахались. Они сохраняли равнодушие даже тогда, когда в конус проплывающего мимо здания угодила молния, обдав всех крошечным цветного камня. Один из камешков Найл попробовал на вкус — как оказалось,

сладкой мяты. Только во рту камешек не рассасывался, и Найл его чуть погодя выплюнул. Вкусные камни, вероятно, были еще одним чародейством Мага.

— Каково назначение этих башен? — спросил Найл у Герка.

— Карвасид возвел их как молниеотводы. Они также накапливают электричество.

Действительно, новшество. Подумать только: электричество можно собирать и скапливать, как воду!

— А для чего на них цветные полосы?

— Полосы? — Герек улыбнулся. — Для поднятия настроения у горожан.

Кроме них по дороге почти в полной тишине (копыта гелльбов фактически не издавали звуков) двигалось еще несколько повозок. А впереди перемещалось дивное устройство: большущее колесо, верхом на котором, балансируя, ехал по плоской поверхности человек. Найл прежде никогда не видел велосипеда, а уж тем более моноцикла.

Разумеется, местным жителям нужны какие-то средства транспортировки для преодоления столь изрядных расстояний.

— Отчего у вас в городе так много свободного места? — спросил Найл.

— Карвасид находит это более привлекательным. Хотя к собственным жилым кварталам мы еще не подъехали.

Минут через десять пейзаж начал меняться. Конические башни закончились, уступив рядам деревянных двухэтажных строений с плоскими крышами. Между этими коричневыми домами имелись неширокие проходы, они ответвлялись под прямым углом от дороги и были обнесены деревянными стенами.

В большем количестве стали попадаться моноциклы и тележки с гелльбами — как правило, по одному в упряжке. Были здесь и мужчины, и женщины — совсем как в городе пауков, только у этих одежда поярче. Судя по их взглядам, паук и незнакомый человек явно вызывали любопытство.

Когда улица с деревянными домами закончилась, Найл с удивлением увидел впереди мост через реку и сияющие фона-

ри на столбах вдоль паранета. Догадываясь о примерных расходах за городское освещение, Найл спросил:

— Неужели они все время зажжены?

Герек в ответ указал на небо:

— У нас электричества хоть отбавляй.

Быстрая светло-бирюзовая река пленяла взор. В лучах солнца она смотрелась бы обворожительно, но даже в этом синеватом свете ее звонкие игривые буруны действовали поистине гипнотически.

По ту сторону моста, на холме, высилось величавое здание из темно-зеленого камня, с круглыми зубчатыми башнями. Что это за фортеция, можно было догадаться и без пояснений.

— Дворец карвасида,— указал Герек.

Учитывая, что весь остальной город располагался на плоскости, следующий вопрос напрашивался сам собой:

— Этот холм естественный?

— Нет, насыпной. Чтобы его создать, здесь двадцать лет трудилась тысяча мастеровых.

— Тысяча? — изумленно переспросил Найл.

До сих пор он считал, что население этого города сравнительно небольшое.

Герек понял его удивление.

— В то время народу было больше.

Найл хотел было спросить, что случилось с остальными, но тут повозка подъехала к краю обширной рыночной площади. Разноцветные гирлянды придавали ей праздничный вид, а торговые ряды были покрыты серебристой люминесцентной тканью. На другой стороне площади возвышался тот самый многоярусный «цирковой шатер», похожий на престранного вида пагоду (вот уж действительно — то ли явь, то ли сон).

Здесь они сошли, оставив повозку у длинной коновязи, в ряду других телег и упряжек. Все гельбы стояли неподвижно, как изваяния из терракоты.

Такое количество народа Найл видел впервые, хотя это и нельзя было сравнить с многолюдством базарной площади в городе пауков. В глаза бросалась необычная бледность здешних мужчин и женщин (в этом они были схожи с убийцами Скорбо); у некоторых цвет кожи отдавал желтизной. Вблизи

на коже у горожан различались мелкие морщинки, как на руках Каты.

Особо странным было то, что на рыночной площади стояла почти полная тишина. Отчасти это было понятно: люди общались меж собой телепатически. Но ведь и шаги их были бесшумны (носили здесь в основном башмаки из мягкой светлой кожи; что-то вроде детской обуви в городе жуков-бомбардиров). В целом эффект был, можно сказать, диковинный: полный движения рынок, но как бы с выключенным звуком.

По краям площади стояли полосатые продуктовые палатки, наполняя воздух приятным запахом снеди. Радовали разнообразием торговые ряды и лотки: тут тебе и одежда, и обувь, и всевозможные изделия вроде посуды, сельхозорудий, домашней утвари. В изобилии была и провизия: сыры и масло, мясо и рыба, овощи и фрукты (в том числе и те «баклажаны», подмеченные Найлом в саду у Тифона). В одном месте продавались даже колеса-моноциклы.

Что интересно: за все время пребывания в этом городе ему еще не встретилось ни одного ребенка. Да и если на то пошло, домашней живности вроде кошек с собаками. А в мясных рядах он увидел что-то вроде крупных грызунов — крысы, что ли?

Найл указал на «цирковой шатер».

— А что у вас там?

— Там? Аттракционы. Можем зайти, если желаете.

С нелегким чувством (дежавю какое-то) Найл приблизился ко входу, словно пропоротому в парусине ножом. За этим проемом находилось мутно-серое пространство, еще больше напоминающее тот сон. Но впереди был другой проход, за ним картина радикально менялась. Глазам предстала большая полусфера, залитая бравурным разноцветьем огней — ярче, чем в наружном мире. Вокруг раздавались обычные для увеселительного заведения гомон и смех. Слышалась негромкая приятная музыка какого-то струнного инструмента. Вдоль стены по кругу располагались кабины, разделенные меж собой ширмами с яркой подмигивающей подсветкой.

В ярком сиянии на людских лицах еще яснее проступали морщинки — столь мелкие, что на дневном свете едва и различишь. А волосы многих мужчин и женщин (в основном темные) были с проседью. Что страшю, тела их при этом не вы-

казывали никаких признаков старения: женщины стройны, с хорошо развитой грудью, а мужчины поджары и плечисты. Не было здесь и людей с избыточным весом. Вспомнилась та женщина, что Найл видел в окно спальни: надо же, лицо в морщинах, а сама гибкая, как молодуха.

Появление Найла в сопровождении паука вызвало шевеленье; впрочем, шатер был так велик, что заметили чужаков немногие, и гомон продолжался как ни в чем не бывало. Те же, кто с изумлением взирали на восьмипалого, быстро утратили интерес, когда завидели Герек: стало понятно, что гостей привел он. Через несколько минут вновь пришедшие были уже, можно сказать, сами по себе.

— Что это за место? — любопытствовал Найл.

— Это у нас Зал Развлечений.

Найл с интересом огляделся. Он и сам в Совете своего города обсуждал перспективу создания чего-нибудь подобного, так что полезные идеи не помешают.

— Что это за машины?

В каждой кабинке стоял вертикальный металлический ящик с круглой проёмом и удобным металлическим же сиденьем спереди.

— Мы называем их машинами реальности. Пойдем, сам посмотришь.

Герек подвел Найла к одной из кабин.

— Прошу прощения, — сказал он учтиво.

К ним, округлив глаза, обернулась симпатичная молодая женщина. На секунду показалось, что она испугана видом паука; но нет, глаза и в самом деле были округлые. Найл опять ощутил вроде дежавю и тут понял, почему именно. Такие округлые глаза он видел в том памятном сне у белесых существ-призраков.

Девушка соблазнительно улыбнулась, поглядев с откровенным интересом на Найла. От нее исходила такая же притягательность, что и от Каты, когда та якобы случайно прильнула грудью. Надо сказать, здешние женщины и впрямь лучились некой эротичной энергией.

«Сцена при лунном свете», — прочел Герек надпись на ширме.

По его жесту Найл уселся перед ящиком и принялся за прорези. Глазам открылась картина: вдоль речки или канала в об-

рамлении деревьев и аккуратных домиков стелется мощеная дорога. В небе светит месяц, волшебнo озаряя воду. По дороге идет девушка в декольтированном платье, а навстречу ей — статный, пригожий юноша.

Эта замечательная по достоверности картина словно призвала взглядеться вглубь себя. Найл так и поступил, и вдруг изображение сделалось трехмерным: он смотрел на всамделишную дорогу, а деревья легонько трепетали на прохладном ночном ветерке. Еще секунда, и он уже сам стоял на той дороге, чувствуя на лице ветер, а сверху проплывали облака. Здесь все было взаправду: и журчание воды в канале, куда задумчиво гляделся месяц, и падающий с дерева лист. Из садовой калитки появилась кошка. Юноша прошел мимо девушки, не обернувшись.

Любопытно было ощущать себя разом в двух местах: и перед машиной, и на залитой лунным светом дороге. От этого возникло отрадное чувство, что все под контролем.

— Если хочешь начать заново, нажми оранжевую кнопку, — послышался рядом голос Гереса.

Найл машинально послушался. Картина тут же восстановилась. Юноша с девушкой вновь находились в десяти шагах друг от друга; точно так же шумели на ветру деревья и кошка крадучись выходила из калитки. Интересно, зачем Герек посоветовал запустить изображение по новой. Привлскательные черты и соблазнительные формы девушки вызывали смешливое сожаление: эх ты, глупец, взял бы и поцеловал такую красавицу.

В тот момент юноша как раз поравнялся с девушкой. Неожиданно он сделал шаг в сторону и обвинил ее талию. Девушка потянулась навстречу, и их губы слились в упоительном поцелуе.

Вот это да! Неужели изменение вызвала его собственная шальная мысль? Просто невероятно. Найл нажал кнопку еще раз и, когда персонажи сблизились, сменил сценарий: теперь юношу привлекла к себе девушка, встав у него на пути и обняв за шею. Оба, тесно прильнув, стояли под лунным светом. Найл почувствовал себя эдаким вуайеристом.

— Ай да ящик! — сказал он смешливо, на что Герек польщенно улыбнулся. — Но как моим мыслям удастся влиять на происходящее?

— Сам не знаю. Это одно из ранних изобретений карвасида.

Найл освободил сиденье и поманил к себе капитана. Тот, секунду поколебавшись, все-таки пристроился у машины и взгляделся. Через какое-то время он напряженно застыл — судя по всему, ощутив себя на той дороге.

Вскоре капитан сам перезапустил машину. На этот раз задние глаза у него сомкнулись — очевидно, для большей концентрации. А-а, теперь все ясно: дело в кошке. Восьмилапый заприметил ее как потенциальную добычу. Эта мысль вызвала у Найла улыбку.

— Получается, я вообще мог творить все, что вздумается? — спросил он. — Уронить с неба луну, заставить деревья шагать по дороге?

— Ну да. Он откликается на импульсы воображения.

Что-то в голосе Герека давало понять, что эти расспросы вызывают у него скуку. Наверняка он в эти «машины реальности» насмотрелся досыта.

Перейдя в соседнюю кабину, Найл понял, почему никто, после первоначального удивления, не обратил особого внимания на паука. «Корш», — значилось там на ширме. Машина весьма точно изображала главный проспект столицы пауков (участок к югу от площади). Повсюду были натянуты тенета, а под ними, на людных тротуарах, беспорядочно сновали рабы и расхаживали надсмотрщицы. На обочине Найл разглядел и себя; сходство было удивительным. Неподалеку от него сверху на раба бросался паук и, схватив несчастную жертву, увлакивал куда-то на верхотуру.

— Информация у вас малость устарела, — сказал Гереку Найл. — Паукам теперь запрещено поедать людей.

Герск в замешательстве промолчал.

Вглядевшись глубже в панорамную сцену набережной, Найл обратил внимание еще на одну явную неточность. Надсмотрщицы изображались нарочито грубо, без всякой присущей им женственности — эдакие надменные, безмозглые (хотя и броские) куклы, которые только и высматривают, кого бы из рабов ударить или, сбив с ног, пройти по нему из одной лишь жестокой прихоти.

Дело, похоже, вот в чем. Жителям Страны Призраков в целом позволялось знакомиться с жизнью города пауков, но по-

давался он так, что ничего, кроме презрительной жалости к своим обитателям, не вызывал. Какие-то перенаселенные, варварские, опасные для жизни каменные джунгли.

Они неспешно прогуливались вдоль ряда кабин, и Найл, то и дело останавливаясь, вникал в названия. Очень популярной здесь была военная тематика, и по крайней мере два десятка машин изображали великие исторические баталии, среди которых были Саламинское сражение и битва при Акциуме, гладиаторские бои и рыцарские ристалища, Полтава и Ватерлоо плюс многое другое, чего Найл и не знал. При этом из кабинок попеременно доносился то звон мечей и топот копыт, то орудийно-пулеметная пальба, то рев ракетных залпов. Из кабинки Аустерлицкого сражения летел боевитый посвист флейт, из отсека колониальных войн Британии — бой барабанов и треск мушкетов. В эти машины пялились, судя по синим и красным мушдирам, военные. По напряженному, сосредоточенному их безмолвию было ясно: они сейчас всей душой и телом на поле брани.

Некоторые из машин отличались вдвое большим размером и были оборудованы двумя сиденьями. Они были заняты все без исключения. Герек объяснил, что эти устройства позволяют сообща утолять жажду приключений. Пара состояла преимущественно из мужчины и женщины, зачастую меж собой не знакомых.

От одного лишь числа и разнообразия машин грез голова шла кругом; здесь можно было буквально затеряться. Ясным становилось и то, что эти штуковины дают жителям Страны Призраков выплескивать любые эмоции или воплощать потаенные желания. Смотришь в круглое окошечко, и тебе открывается все: реки, леса, моря, горы; незнакомые города, причудливые пейзажи, мистические существа; любовные похождения, героические баталии и даже космические путешествия.

Другие машины вызвали к жизни шизоидные сюрреалистичные фантазии. Найла особо позабавила громадная бабаша — голая и как бы из кирпичей, — пожиравшая дома, словно пирожные. А капитана отчего-то зачаровал сумбурный фантазмагорический пейзаж с непонятного вида тварями, постоянно превращающимися из растений в гадюк, из рептилий в птиц и теплокровных, насекомых и ракообразных, а то и вовсе непо-

нятно во что. Найлу эти пейзажи казались странно гнетущими, подчас отталкивающими; капитан же простоял в кабине четверть часа не шевелясь и вышел впечатленный. А ведь Найл, наивный, полагал, что знает паучий менталитет как свои пять пальцев.

В Зале Развлечений они пробыли не меньше двух часов, и аппетит Найла к невыразимому многообразию предлагаемых зрелищ подыссяк в силу элементарной усталости. Так что на вопрос Герека, готовы ли гости двигаться дальше, он ответил однозначным согласием.

Неподалеку от выхода стоял новенький с виду серебристый автомат покрупнее остальных. Когда проходили мимо, сидевший перед машиной человек обернулся и диковато на них посмотрел. Лицо его блестело от пота.

— А это что? — поинтересовался Найл.

— Новинка. Испытывает силу воли.

— То есть?

— Проще попробовать.

Найл с некоторой неуверенностью занял сидячее положение и придвинулся к окошку, которое тут же не то втянуло, не то всосало его в среду, мощно нагнетаемую машиной. Причем воздействие распространялось не на тело, а каким-то образом на восприятие.

Он смотрел на два блестящих рельса, уходящих прямоком в приземистое красное здание, которое отстояло на пару десятков метров.

Изображение возникло не сразу, а прорисовывалось в течение минуты, штрих за штрихом. Найл понял, что стоит на платформе возле подобия вагонетки, чьи металлические колеса находятся на рельсах. Вот открылась дверца. Поколебавшись секунду, Найл решительно влез и сел на деревянное сиденье. Едва он закрыл дверцу, вагонетка покатила к красному зданию. Навстречу плавно открылись створки ворот, принимая углубленную коробочку внутрь, и Найл оказался в каком-то бункере с яркими стенами, покрытыми изображениями планет. Из отверстий в стенах доносилась негромкая успокаивающая музыка.

Вагонетка остановилась, и взявшаяся откуда-то металлическая лента обручем притянула Найла к сиденью. Затем вагонетка гладко поехала к сплошной красной стене. Прежде чем она

стукнулась, плавно открылись другие ворота, и вагонетка вместе с Найлом пугающе нависла над крутым откосом. Далеко внизу рельсы уходили в какое-то озерцо, а затем опять взносились вверх, делая там поворот. Мгновение, и вагонетка, немилосердно набирая скорость, уже неслась к воде. У Найла застучало в висках, даром что он понимал: все это иллюзия. на самом деле он просто стоит перед машиной.

Найл зажмурился: бешено разогнавшаяся вагонетка должна была вот-вот влететь в воду. Грянул оглушительный всплеск, и вокруг стеной взлетела вода, хлестнула по лицу ледяными струями. Когда он открыл глаза, вагонетка неслась вверх по склону, постепенно замедляя ход. Сделав крен (обруч больно впился в кожу), она выскочила на вершину, открыв взгляду еще один откос; внизу рельсы скрывались в темном зеве пещеры. Последовал очередной рывок ускорения, и Найл едва успел опустить голову, чтобы ее не разможило о низкий пещерный свод. Вокруг гулко ревела мятушаяся тьма, вторя чугунному стуку колес.

Сквозь сгустившуюся багровую дымку проглянул белый силуэт великана, машущего огромной косой. Найл инстинктивно поднырнул, и коса прошла сверху, коснувшись волос; срезанные, те упали на щеки, но были сметены встречным ветром. Дальше извилистый участок пути завершился взлетом на очередную вершину. В лицо резко дохнул соленый ветер. В мутном свечении взгляду предстал склон, обрывающийся в море. Навстречу катились огромные валы, избегая по склону и обдавая пенными гребнями нашего бедного ездока; на лице чувствовалась водяная взвесь. Растущий страх опять пришлось унимать внушением, что это, дескать, всего лишь иллюзия. Но на сей раз спасительная мысль о том, что он стоит перед машиной, провалилась в никуда: тела не ощущалось. А ощущалось лишь то, что он сидит в треклятой вагонетке, прикованный к сиденью. Кошмар, из которого, увязнув, нельзя вырваться.

С ревом вагонетка обогнула очередной поворот и, накренясь, ринулась вниз. Навстречу по склону уже стремилась огромная волна. Найла обдало холодной водой, промочив до нитки. Дыхание перехватило. Еще спуск — на этот раз к лесу, где орудовали топорами двое исполинов, спешно валя дерево. Глядя,

как вековой ствол падает впереди на рельсы, Найл в ужасе зажмурился. Но длинные сучья помешали дереву упасть, и вагонетка прошмыгнула под ними невредимой.

Чувствуя, что нервы уже на пределе, Найл сидел не открывая глаз. В ушах свистел встречный ветер, а тело то взлетало на подъеме, то размазывалось по сиденью при спуске. И так раз за разом. Вот лицо вновь обдало влагой, а на губах ощутилась соль. На такой скорости он в любую секунду мог лишиться сознания от удара о какой-нибудь случайный выступ.

К несказанному облегчению, вагонетка стала плавно замедлять ход. Впереди показалось знакомое красное здание, точка отсчета этого злополучного путешествия. Вот вагонетка замсрла, а лента высвободила его из своих тесных объятий. Открылась дверца. Найл кос-как слез на платформу. Едва он это сделал, как понял, что стоит перед машиной. Он ощупал промокшую от морской воды тунику — ничего подобного, снаружи она сухая, разве что подмочена потом изнутри. Влажны были лицо и волосы, но и это на поверку оказался соленый пот, а не морская вода.

— Ну и ну,— ошарашенно выдохнул Найл, поворачиваясь к Гереку.— Но почему, ты говоришь, эта штука тестирует силу воли?

— Потому что иллюзии при желании можно сопротивляться.

Теперь перед машиной, недвижно глядя в окошко-иллюминатор, стоял капитан. Он прямо-таки окаменел: судя по всему, его сейчас против воли затягивало в мир изображения. Наблюдая за ним, Найл вспоминал то ощущение полной поглощенности, как будто тебя засасывает в воронку смерча. Это походило на гипноз, что-то общее со способностью паука парализовать жертву. В таком случае и противиться он должен не иначе, как ежесекундно помня о своем теле, стоящем у машины.

Примерно через минуту капитан обернулся. В ответ на вопрос Найла он четко пояснил, что попросту не может втиснуть свои ножищи в вагонетку.

Решив опробовать свою теорию, Найл снова устроился перед окошком. Только на этот раз он сконцентрировался, противясь втягиванию в воронку; ощущение такое, будто внутри запускается механизм реверса. Вагонетка и рельсы смотрелись

теперь чересчур статично, утрачивая достоверность. Пришлось даже ослабить сопротивление, чтобы попасть внутрь.

Все то время, пока вокруг, подобно мозаике, складывалось изображение, Найл бдительно поддерживал контакт со своим телом. Открыв дверь и забираясь в повозку, он почувствовал, как ум на долю секунды словно опустел, что не замедлило сказаться на прочности контакта; он встал в иллюзию. Лишь с помощью усилия Найл, встряхнувшись, опять осознал себя.

Когда вагонетка сдвинулась с места, он сделал еще одно волевое усилие, тут же активизировав свой реверс; вагонетка остановилась, а изображение застыло. Получается, иллюзия напрямую зависит от того, насколько его гипнотизирует движение транспортного средства. При сопротивлении кто-то словно шелкал перед носом пальцами, развеивая наваждение.

Найл перестал сопротивляться, и тогда красные ворота, отворившись, приняли вагонетку в чрево бункера. Вот он, решающий момент: сейчас эта коробочка неудержимо рванется вперед. Найл стиснул зубы и мотнул головой, внутренне сверяясь со стоящим у машины телом. Вот отворились еще одни створки, но вагонетка на краю откоса оставалась неподвижной до тех пор, пока он не ослабил волю, дав ей устремиться вперед.

На таком бешеном ходу контролировать движение было гораздо трудней. Стиснув зубы, Найл не позволил себе моргнуть, когда вагонетка со всего маху врезалась в воду. В результате ему удалось заметить, что это не вода, а вспышка синего света в сопровождении резких струй холодного воздуха.

По приближении ко входу в пещеру он не стал пригибаться. Результатом была внезапная тьма (проще говоря, голова сейчас проходила через «каменную кладку»), а уши резануло свистящими струями воздуха.

Впереди размахивал своей косой белый великан. Не уступив инстинктивному желанию обернуться, Найл в итоге убедился, что это всего лишь вспышка и обдувающий щеки ветер, — вот почему кажется, что осыпаются с головы волосы.

Когда вагонетка со стуком взобралась на гребень, Найл при виде бушующего моря настойчиво внушал себе, что это лишь иллюзия света и звука, вроде кинопроекции. Вид набегающей волны был ужасающе достоверен, но оказалось, ее ледяной

всплеск был лишь ударом холодного воздуха. А когда те двое дуболомов свалили на рельсы дерево, он попросту напрягся и не стал сгибаться; тележка и без того проскользнула меж сучьев, цела и невредима.

Теперь Найл ехал с открытыми глазами, не обращая внимания на проносящиеся мимо камни и деревья. А когда смена ритма колес дала понять, что путешествие близится к концу, он опять сосредоточился, входя в контакт со своим телом. Несколько мгновений что-то мелькало, затем вагонетка, дернувшись, остановилась. Убрался металлический обруч, но Найл не встал. Вместо этого он сосредоточился на своем теле. Последовала вспышка, потом на секунду — тьма, и вот он уже сидит перед машиной. Окошко ее погасло.

Найла охватило что-то вроде безотчетного восторга.

— Ты, похоже, сделал замыкание, — растерянно заметил Герек.

Это, наверное, из-за того, что Найл прервал последнюю фазу аттракциона, тем самым закоротив управляющую всей операцией схему.

Герек между тем озабоченно склонился над мигающей зеленой трубочкой, где то появлялась, то пропадала черная нить.

— Н-да, здорово, — произнес он, но волнение из голоса не пропало.

Когда свет в машине снова ожил, он вздохнул с облегчением.

Последние несколько минут так измотали Найла, что в глазах стояла рябь. Он огляделся, где бы присесть.

Герек, поняв его мысли, сказал:

— Пойдем выпьем кофе.

Он первым направился к выходу. Там было отдельное помещение со столиками, стульями и прилавком.

— Садитесь, я чего-нибудь принесу.

Яркие круглые столешницы на металлических ножках напоминали грибы. К ножкам крепились сиденья. Найл поспешно сел; самочувствие понемногу улучшалось. Капитан, как обычно, безмолвно встал неподалеку.

Посетителей было не так чтобы много. У большинства женщин глаза, кстати, округлостью напоминали ту девушку из кабинки. Пока ждали Герека, с улицы в закусочную вошли мужчина и женщина, все в той же яркой одежде. Проходя мимо

столика, облюбованного гостями, паука они удостоили лишь поверхностным взглядом. Было что-то странное в том, что двое посторонних, застав на входе в Зал Развлечений двухметрового паука, никак не отреагировали. Или жителям Страны Призраков восьмиллапые гиганты так уж привычны?

Возвратился с подносом Герек.

— Прошу извинить за задержку. Пришлось нарезать побольше мяса.

Он принес тарелку с непрожаренным мясом для паука, а себе и Найлу кофе с бисквитами. Найл пробовал кофе впервые и не знал, что эта горячая темная жидкость, которую здесь отхлебывают мелкими глотками, — просто заменитель из жареных каштанов.

— Почему у некоторых здешних женщин круглые глаза? — поинтересовался он вполголоса.

— Это эксперимент карвасида. Так как освещение тут слабее, чем наверху, он предположил, что округлые глаза улучшат им зрение.

— Но почему именно у женщин?

Герек улыбнулся и заговорщически пояснил:

— Ему подумалось, что мужчин круглые глаза глупят, а женщин красят.

Украдкой поглядев на голубоглазую девушку за соседним столиком, Найл отметил, что округленные глаза и впрямь делали ее привлекательней: трогательная невинность с оттенком изумленности. Окружающие ее мужчины (кое-кто из них в мундирах) с бледными, плохо выбритыми лицами горных обитателей смотрелись бы с такими глазами просто нелепо.

Найл допил кофе и доел бисквит.

— Куда теперь? — осведомился он.

— Быть может, еще немного пройдемся по Стране Призраков?

При синеватом свете немеркнувшего дня — странно гнетущем после ярких огней Зала Развлечений — Найл заинтригованно заметил, что дорога здесь мощеная, точь-в-точь как во сне. Хотя на этом сходство, пожалуй, заканчивалось. Дома тут были как-то по-старомодному замысловаты: крутые скаты красных черепичных крыш, верхние этажи слегка выступают над нижними, а окна глядятся сквозь оплетку свинцовых рам. И уж

во всяком случае не было здесь тех беловолосых существ-призраков из сна.

— Ты когда-нибудь видел таких созданий? — спросил Найл и передал Гереку их телепатический образ.

— Это градикусы, — определил тот.

— А откуда они у вас?

— Ну ты и скажешь, — подивился Герек. — Ниоткуда. Их на самом деле нет. Так, сказочные персонажи.

— А троглы?

— Эти когда-то действительно существовали. Именно они изначально заселяли Страну Призраков, но еще до прихода людей все сгинуло в результате извержения вулкана.

— Правда ли, что их призраки все еще скитаются по вашим окраинам?

— Да ну, что ты, — отмахнулся Герек. — Конечно нет. Призраков не существует.

Судя по всему, Герек, сам того не ведая, разделял убеждения Торвальда Стига.

За углом открывалась еще одна мощеная улица с островерхими домами.

— Кто в них, интересно, живет? — любопытствовал Найл.

— Этот район называется Фрейдинг, здесь проживают по большей части состоятельные горожане. За его основу взят город Краков в средневековой Польше. Вон там ратуша. — Герек указал на здание вроде герцогского замка. — Здесь у нас также лучший во всем городе ресторан.

Жители этого квартала и в самом деле смотрелись унитатненес и были лучше одеты, чем те, что жили на другой стороне моста, в деревянных домах. Особенно привлекала внимание одна величавая особа в подбитой белым мехом мантии.

— А почему они состоятельней?

— Хороший вопрос, — рассмеявшись, одобрил Герек. — Карвасид рассудил, что нашему обществу совсем не повредит классовая структура, с богатыми и бедными. Город, где все на одно лицо, был бы не так интересен, как город, разделенный на классы. На сегодня, скажем, бедняков очень греет надежда переселиться на этот берег реки, поближе к дворцу.

— А что прельщает богатых?

— Богатых? Чтобы им позволили путешествовать наверх. Вот почему карвасид желал бы заключить мирный договор с пауками.

— Вы меня удивляете, — признался Найл.

— Чем же?

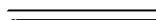
— Да разве может реальное путешествие сравниться с теми, что у вас в Зале Развлечений!

— Как видишь. Ни одна машина грез не способна удовлетворить спрос на реальность.

Они уже успели обойти громадный шатер и возвратились к рыночной площади. Здесь основательно прибавилось народу; тем удивительнее было ощущать тишину.

Гельбы все так же дожидались у коновязи, среди других припряженных повозок и телег. Впечатление было такое, что они даже не шелохнулись за два с лишним часа отсутствия седоков. Герск взял вожжи, ловко вывел повозку, и они поехали, за мостом повернув налево. Обернувшись, Найл заметил, что многие провожают их взглядом. Получается, на самом деле горожане не столь безразличны, как кажутся.

Капитан со своими двухметровыми шажищами без труда держался вровень с гельбами. Повозка ехала как раз на удобной для него скорости. Найл, уютно откинувшись на сиденье, безмятежно наблюдал плывущие мимо окрестности.

Невдалеке от рыночной площади они миновали просторный плац, где занимался шагистикой взвод пехоты. Строевые упражнения Найл видел впервые и был впечатлен автоматизмом движений и тем, как солдаты лихо управляют с оружием. Так как телепатические сигналы сюда не доносились, казалось, что движения они совершают синхронно, сами по себе.

— Зачем солдаты, если у вас нет врагов? — спросил Найл.

— Карвасид считает: боеготовность превыше всего. К тому же шагистика идет на пользу мужскому населению.

Этот город был, пожалуй, крупнее города пауков, но сильно уступал численностью населения. Оттого, верно, так мало людей попадалось навстречу. Между тем здания ничуть не уступали по величавости паучьей столице, а архитектура здесь была

гораздо разнообразнее. Один громадный «кирпич» напоминал старомодную офисную постройку с фасонистыми колоннами, плоской крышей и большими окнами — причем лишь в одном из них Найл заметил женщину, одиноко сидящую за письменным столом. Еще одно здание над рекой имело ряд пассажей, а в подобии внутреннего дворика там виднелись приземистые деревья с темными, свисающими, как водоросли, ветвями.

На другом берегу к воде террасами спускались дома, примерно такие, как на окраинах города пауков. Возле одного из домов прогуливался прохожий, завидев которого Найл вытаращил глаза. Голова у этого человека была вроде как квадратной формы.

— Что это с ним? — спросил Найл.

— С кем? А, эти. Еще один эксперимент карвасида. Он думал, что иная форма головы придаст человеку ума. Но, как выяснилось, ошибался: тупицы и недотепы, все как один.

На глаза то и дело попадались обширные пустыри, где посередине кучами были навалены строительные блоки — хаотично и вразброс, как из громадного самосвала.

— А это для чего? — указал Найл.

— Блоки, строительные, — сжато ответил Герек.

— Но у вас и без того, похоже, зданий куда больше, чем нужно, при теперешней вашей численности.

— Потому и блоки нетронуты.

Они проехали по еще одному каменному мосту, освещенному по всей протяженности фонарями. Вдали проглянула городская стена с ее жутковатыми шестиугольниками башен и бойниц. Там были еще одни городские ворота — но явно не те, через которые Найл с капитаном попали в город: нигде не видно тех самых конусов.

— Не понимаю, — признался Найл. — Ведь населения здесь когда-то было гораздо больше, чем сейчас?

Вопрос, похоже, привел Герека в некоторое замешательство, но он откликнулся непринужденным тоном:

— Ну да. Даже сто лет назад здесь было вчетверо больше народу.

— Так куда же все девались?

Герек ответил лишь после некоторой паузы.

— Я тогда еще не родился. Но, подозреваю, карвасид в ту пору сделал одну из своих редких ошибок. Он испугался, что растущему населению перестанет хватать продовольствия, и приказал стерилизовать большинство женщин. После этого уровень рождаемости резко упал. А стерильность, наоборот, распространилась. Последние двадцать лет здесь вообще не родилось ни одного ребенка. Я был в числе последних.

Герек удрученно смолк, а Найл пожалел, что задал этот, как оказалось, бестактный вопрос.

Через несколько минут они подъехали к воротам. Их незамедлительно открыл стражник, вставший перед Герекком навстречу. От Найла не укрылось, что паука он проводил настороженным взглядом. И вот их вновь окружает безликий пейзаж Страны Призраков — плоская пустошь с шербохатой коркой застывшей лавы. Единственным отличием от того, что Найл видел на подходе к городу, была протянувшаяся к горизонту серая лента дороги. По бокам ее, в черной тверди, то и дело попадались трещины, над которыми курился пар.

— Ты обещал рассказать, как стал властителем пауков, — негромко напомнил Герек.

Уходящая в бескрайнюю унылую даль дорога обещала быть долгой, и Найл, протяжно вздохнув, повел рассказ.

— Родился я в пустыне, на той стороне моря, которому ни конца ни края...

Вздумай он излагать подробности своего путешествия в подземный город Каззак да как потом раздвижной трубкой нечаянно убил паука, на повествование ушел бы весь день. Поэтому Найл, многое выкинув, ограничился лишь тем, что описал свое возвращение с охоты, когда обнаружил труп отца, и то, как пауки угнали его семью в неволю. Герек внимал, не пропуская ни единого слова. Как ни странно, точно так же слушал и капитан, к этому времени значительно поднаревший в понимании человеческой ментальной образности.

Найл упомянул о морском путешествии из Северного Хайбада, когда он во время шторма спас упавшего за борт паука, что обернулось для него вполне сносным приемом по прибытии в город. На описание Белой башни и всего, что там ему открылось, понадобилась бы уйма времени, так что Найл сразу перешел к своему походу в город жуков-бомбардиров. Рассказ

зав в двух словах, как Доггинз в самый канун их главного фейерверка лишился всего порохового запаса, Найл более подробно поведал, как они с группой парней отправились на поиски арсенала, скрытого где-то в Крепости. Рассказ о «жнецах» Герек попросту восхитил.

— У нас есть несколько таких в оружейной при замке. Я-то думал, это изобретение карвасида.

— Нет, их изобрели еще в приснопамятные времена, до прихода пауков.

Час такого монолога, и Найл утомился от собственного голоса. Поэтому рассказ о путешествии в Дельту пришлось сократить. Когда он заговорил о растении-владычице, Герек изумленно вскинулся:

— Так ты и вправду разговаривал с богиней?!

Найл молча кивнул.

— И какая она?

— Овощ,— произнес Найл, смазывая впечатление от рассказа.— Огромный такой гриб, торчит над холмом.

Когда повествование дошло до разговора с богиней, некий инстинкт подсказал не вдаваться в детали. Подобному инстинкту Найл всегда повиновался, а потому ограничился лишь краткой выкладкой, что растение попало на Землю с кометой из другой галактики.

В это время повозка ехала вдоль озера, поверхность которого почти сплошь покрылась ярко-желтыми водорослями. На другой его стороне вздымался метров на триста утес, его синеватая вершина терялась в клубящейся дымке испарений. Карнизы обрыва были усеяны птицами.

Найл ужас как проголодался, а потому рассказ сократил еще больше. Он не обмолвился о том, что Смертоносец-Повелитель оказался женского рода, нутром чуя: этого не следует произносить перед капитаном. Не упомянул и о прямом вмешательстве богини, сказав вместо этого, что поведал Совету пауков о своей аудиенции с Нуадой, после чего был выдвинут на пост властителя города.

— И тебе поверили? — неподдельно изумился Герек.

— А как же. Ведь они могут читать в моем уме.

Герек умолк, явно оттого, что ему теперь было над чем поразмыслить.

Через несколько минут он остановил гельбов.

— Проголодались? — спросил он у спутников.

«Еще бы!» — единогласно раздалось в ответ.

Берег озера был оторочен густым синим мхом, мягко облекающим ноги. Герек распряг гельбов, которые тут же взялись этот мох щипать. Вскоре они забрели в озеро, набивая полные пасти желтыми водорослями, бородами свисающими с отвислых губ.

— Это жарн, — сказал Герек. — Между прочим, считается деликатесом. Вы попробуйте.

Сняв башмаки, он зашел в воду и выдернул толстый пучок этого самого жарна. Найл принял угощение с осторожностью. Впрочем, вкус у водорослей оказался весьма приятный: хрусткие, что-то вроде поперченной сладкой кукурузы.

— Кстати, по привозе в город вкус у жарна пропадает, — сообщил Герек. — Дело, вероятно, в какой-то электрике, исходящей от этого утеса.

И в самом деле, водоросли чуть пошипывали язык, будто слабым током.

Найл снял сандалии и зашел в воду, тут же ощутив пульсацию электричества. Она лишь усилилась, стоило опустить в воду руки.

Капитан тоже попробовал жарн, но он вряд ли понравился пауку.

— Здесь и рыбы в достатке, — успокоил его Герек.

Капитан тут же оживился и пошел на глубину, вскоре увяз ногами в водорослях, толстым ковром устлавших всю поверхность. Тогда Герек, возвратившись к повозке, откинул сиденье и вынул из потайного ящичка что-то вроде синеватого металлического листа. Лист снабжен был ручкой вроде той, что у пилы. Найл и капитан с любопытством наблюдали, как Герек, осмотрительно пройдя туда, где гельбы сделали полынью, на длину руки окунул металлическую штуковину. Раздалось негромкое жужжание: судя по всему, он нажал на какой-то рычажок или кнопку.

— Зачем это?

— Приманивает рыбу.

Не прошло и минуты, как Герек сунул в воду другую руку и, вынув рыбину, протянул ее капитану. Точно так же, как ее

близняшка из другого озера, эта толстуха длиной с полруки даже не пыталась сопротивляться. Капитан выбрался на берег и, повернувшись из вежливости спиной, принялся жадно поглощать улов.

Между тем Герек, добыв еще две рыбы, бросил их на ноздреватый мох, где они вяло шевелились. Затем из-под сиденья он извлек что-то вроде синеватой шпаги с выгнутым эфесом. Нанизав одну из рыб на острие, он сдавил рукоять. Послышалось жужжание; не прошло и минуты, как аппетитно запахло жареной рыбой. Жестом фокусника Герек извлек из ящичка столовые приборы и две тарелки. На одну из них он положил снятую со шпаги рыбу и церемонно подал Найлу.

— Рекомендую отведать ес с жарном: сочетаются очень удачно.

Он оказался прав. Замечательно пропеченная, сочная рыба все-таки нуждалась в приправе; хрусткий, остренький жарн годился для этого как нельзя лучше.

Трапезничали они не спеша, растянувшись на упругом мху. Еду запили озерной водой, чистой, с легким привкусом минеральных солей. Капитан, управившись с двумя крупными рыбами, задремал. Прикрыл глаза и Найл, положив голову на мшистый камень. Тишина вокруг нарушалась лишь молниями, то и дело стреляющими в утес. Насытившиеся гельбы застыли как вкопанные. Герек прилег, пристроив голову на мелкой кочке.

— Какой, интересно, у карвасида возраст? — подал голос Найл.

— Никто толком и не знает. — ответил Герек сквозь зевок. — Он пришел сюда примерно четыреста лет назад.

— И как ему удастся такое долголетие?

— Он сам говорит: жить можно в принципе столько, сколько тебе нужно. Тифону он как-то сказал, что продлевать старость — это все равно что бодрствовать, когда уже тянет ко сну. Главное — чтобы у тебя был какой-то предмет интереса. И тогда открывается что-то вроде второго дыхания.

А ведь и вправду: если вдуматься, то так оно и есть.

— Интересно, люди в Стране Призраков веруют в богиню?

— Ну уж. По крайней мере, не в суеверном смысле.

— А что такое суеверный смысл?

— Ну, что она якобы сверхъестественная сущность. — Герек смежил веки, но тут же открыл глаза. — Да, кстати, карва-

сиду будет очень даже интересно узнать, что богиня — это всего лишь наделенное разумом растение с другой планеты.

Герек, видимо, понял рассказ Найла не совсем правильно, но уж больно не хотелось на полный желудок, да еще и лежа, пускаться в споры и переубеждать. И Найл просто ограничился вопросом:

— А у самого карвасида какос о ней представление?

— Да никакое. Так, глупое паучье суеверие. — Он осторожно покосился на капитана, но тот, похоже, после долгой утренней прогулки сморился сном.

Н-да, карвасид. Еще один прожженный скептик.

Найл смолк и погрузился в дремоту. Когда он открыл глаза, Герек запрягал гельбов.

Капитан, воспользовавшись минутой сборов, выудил еще одну рыбку, но, поскольку не был голоден, съел лишь половину.

Когда Найл занял место на сиденье, Герек сообщил:

— Ехать нам еще примерно милю, а там надо будет идти пешком.

За тем местом, где в озеро впадала река, начинался подъем. Как и возле того озера, синий ковер мха на склоне был очень ярким. Видимо, он и служил изначальным источником пропитания для горожан. Гельбы без устали шли в гору; несомненно эта порода выращивалась не для скорости, а ради силы и спокойной выносливости.

Бегущая вдоль дороги река постепенно обретала крутизну водопада. Наконец они достигли места, где ехать дальше повозка явно не могла. В склоне была прорублена ровная площадка — буквально в двух шагах от ревущего потока, наполняющего воздух влажной пылью. Лошади бы здесь нервничали, гельбы же хранили невозмутимость глухих.

Все из-под того же сиденья Герек вынул два трубчатых предмета длиной с ладонь. Найл узнал в них электрические фонарики. Один Герек вручил Найлу, другой сунул себе в карман.

Впереди вверх уходила узкая, извилистая тропа, скользкая от влаги ревущего совсем рядом потока и стремительно набирающая крутизну. В клубящуюся взвесь то и дело влетали птицы, принимая таким образом желанный душ. После получасового подъема Найл глянул вниз, и сердце замерло.

Они уже успели промокнуть снизу доверху. Наконец, к облегчению Найла, тропа и поток разошлись. Вверху, метрах в тридцати, виднелось то место, откуда из утеса шлейфом ниспадал водопад. Тропа меж тем становилась все круче — настолько, что в скальной породе были пробиты специальные лунки-ступени. К счастью, через какое-то время путешественники добрались до места, где в утес был вмурован металлический поручень, за который Найл судорожно ухватился.

Особо пугающий момент случился, когда в десятке метров ударила молния в скалу, вызвав небольшой камнепад. Градом сыпались камни, снизу заволокло взлетали птицы. Найл впился в железяку обеими руками. Хорошо хоть молния не угодила в сам поручень.

В конце концов они по ступенькам забрались в пещеру, расположенную на уровне водопада. Оттуда все так же взбалмошно взялись выпархивать птицы. Отметины в полу и куполе пещеры свидетельствовали, что она не естественного происхождения, а высечена кирками. Найл, ошупью одолев в темноте несколько метров, сел и прислонился к стене, давая телу отдых. Он тяжело дышал, и колени саднило. Рядом на пол опустился Герек. Протиснувшийся следом паук и тот, казалось, запыхался.

Внезапно капитан, с шипением вскинувшись, вперился куда-то в глубь пещеры. Синеватый свет проникал лишь на считанные метры, и в темноте сложно было что-либо разглядеть. Найл, обмерев, смотрел, как из недр скалы на них надвигается огромный силуэт.

— Не бойтесь, это просто страж, — успокоил Герек.

Но как же тут не испугаться, если у голого мега, проявившегося из потемок подобно безмолвной мраморной статуе, не было головы. Найл нервно хохотнул.

— Он что, башку потерял?

Герек наконец посветил фонариком, и выяснилось, что у мега посередине груди имеется один немигающий глаз,зирающий на пришельцев.

— Это специально для устрашения нарушителей, — пояснил Герек.

— У вас что, нарушители бывают? — не веря своим ушам, спросил Найл.

— А как же, — усмехнулся Герек. — Бывают такие, что пытаются сбежать в наружный мир.

Эти слова откровенно настораживали. То, что мег охраняет здесь северные рубежи от посягательства возможных нарушителей, понятно и объяснимо. Но пресекать попытки бегства из страны — это что-то новое. Само слово «бегство» уже подразумевает задержание и заточение.

Хотя одного взгляда на открытое, жизнерадостное лицо Герека было достаточно, чтобы успокоиться. Такой человек просто не может иметь отношения к жестокости или насилию.

С Герексом во главе они протиснулись мимо мег, заслонившего своим кряжистым корпусом большую часть неширокой пещеры. Далее ход поворачивал налево. По ушам внезапно ударил рев воды. В десятке метров отсюда находился высеченный из породы мост; бушующий поток несея вниз, вздымая над собой немолчный ветер. Найл, зачарованный зрелищем, на мосту невольно притормозил и загляделся. Тут он обратил внимание, что поток внизу разделяется надвое: половина проносится под мостом, другая, срываясь с утеса, устремляется вниз, как струя воды в умывальнике.

— Куда это она?

— На нижние уровни.

За мостом трона шла наверх, и вскоре поток оказался по правую руку. От него путников отделяло метра три, не больше. Этот отрезок пещеры с невысоким куполом был, очевидно, проточен в камне водой, которая постепенно расширила и углубила проход.

Они фактически двигались вдоль берега реки, плавно поднимаясь. Отшлифованный водой пол был гладким, однако сверху клыками торчали выступы, так что нужен глаз да глаз, если не желаешь ушибиться головой. Наконец и сам туннель расширился настолько, что стало возможным идти в полный рост. Да это, собственно, был уже и не туннель, а своего рода подземный каньон, где река петляла меж рухнувших с купола громадных глыб. Не отражаясь более от стен, шум воды приглушился.

На одном из участков река вновь срывалась в высоченный водопад. Однако в породе был предусмотрительно прорублен лаз со ступеньками, и путники пробрались по нему как по трубе, выйдя затем в том месте, где река снова остепенялась.

Найла это карабканье уже порядком утомило. Видящий в темноте паука успел обогнать людей и шел теперь впереди, принаравливаясь к черепашной скорости этих нерасторопных двуногих. Через несколько сотен метров от водопада Найл уловил волнение своего восьмипалого друга и одновременно с этим углядел где-то впереди, на высоте, лучи дневного света. Почувствовав, что капитан не на шутку встревожен, он посветил фонариком. Сбоку у тропы стоял на страже еще один мег — пожалуй, покрупнее первого, — не спуская своего единственного глаза с этой не внушающей доверия троицы, которую тем не менее приходится пропускать.

Спустя четверть часа в мрачную теснину каньона (теперь понятно, почему его именуют Черной расселиной) хлынул солнечный свет, и Найл впервые за эти два дня увидел солнце. В наружном мире день был в разгаре, и солнце бликами играло на водах реки, мерно бегущей по дну каньона. Найл прежде и не задумывался, какое это блаженство — щурясь, глядеть на солнце, ощущать кожей его тепло. Оттого, видно, эта долина на севере Страны Призраков и зовется Долом Благодарения.

Еще с полмили, и из каньона они вышли в широкую долину, точнее, седловину меж двух горных вершин. Трава здесь была влажная — недавно прошел дождь, — и над ней стояла легкая дымка. Благоуханный воздух был необычайно теплым для октября и полнился звонким птичьим щебетом. От безудержной радости Найл неожиданно для самого себя рассмеялся. Можно лишь представить, что ощущал немногочисленный отряд Сатханаса, выбравшись после своей первой пещерной зимовки под весеннее солнышко.

От тепла и света усталость сошла на нет, и Найл вслед за Герекком бодро зашагал по разнотравью в сторону вершины — той, что пониже. Высоты в ней было не больше трехсот метров. С ее стеной опадающего склона открывался вид на долину, которая раскинулась внизу на расстоянии мили. Со снежных северных пиков задувал ледяной ветер (для вспотевшего от долгой ходьбы ощущение не из приятных). Умещенная же меж гор зеленая седловина, напротив, скапливала тепло, так что здесь по сути все еще стояло лето.

Капитан не преминул, сложив ноги, блаженно замереть на солнышке. Найл и Герек, спустившись на луг, последовали

его примеру и тоже растянулись на влажноватой согретой траве. Найл, смежив веки, слушал птичьи голоса.

Невдалеке из-за какой-то букашки ссорились два воробья. Внезапно прервав спор, они порскнули в стороны: на их место, норовя склевать обоих, опустилась несравненно более крупная птица. Матово-черное оперение и желтый клюв показались смутно знакомыми. Ну конечно же, ворон: Найл понял это, «вглядевшись» в ум птицы. Подлетев поближе, старый приятель сел на куст, тем не менее соблюдая дистанцию: как-никак, рядом лежал еще один человек. А когда Герек зевнул и повернулся на бок, ворон и вовсе улетел.

Герек, сев, кивнул на другую гору, повыше.

— Ну как, ты готов к очередному восхождению?

Конечно, куда приятней было бы остаться здесь, но Найл без разговоров встал и пошел за провожатым.

На эту гору они взбирались дольше, но, когда достигли вершины, стало понятно, для чего понадобился подъем. Внизу, на юге, лежали возделанные уголья: огороды, виноградники, бурые лоскуты пахотных земель.

— Вот она, жигница Страны Призраков, — с гордостью заявил Герек. И указал дальше, на лесистую местность: — А там наше лесничество.

— Вы этот лес сжигаете?

— Да ты что! — с некоторым даже испугом воскликнул Герек. — Это же понапрасну изводить богатство. У нас полно угля и электричества.

Далеко внизу извилистой лентой поблескивала река. Слышно было, как где-то вдалеке трубно мычат коровы. На противоположном склоне белыми точками виднелись отары овец. В общем, тысячи и тысячи акров плодородных земель.

— Теперь ты понимаешь, почему некоторые пытаются бежать сюда, наверх, — подытожил Герек, откидывая со лба взерошенную ветром прядь. — А заодно понимаешь и то, отчего карвасид желает достичь примирения с пауками.

Южная оконечность Серых гор отсюда, через долину, была и не видна. До Сколлена не меньше сотни миль и уйма вершин. Это потаенное, окруженное с запада и востока горами место с его лугами и лесами, угольями и пастбищами и впрямь представляет собой благодатный, сокрытый от всех напастей край. Немудрено, что Маг порадовался, когда пауки воздвигли Боль-

шую стену, таким образом добровольно оттородившись от при-
тязаний на эту роскошь.

— Мы рады будем заключить мир,— сказал Найл.— И то-
гда наши народы смогут наконец сблизиться.

Но уже произнося эти слова, он проникся неким сомнени-
ем: а захочет ли вообще Маг, чтобы его подданные вот так
запросто смешивались с иноплемениками?

Через полчаса они опять ступили под прохладные своды
Черной расселины и начали спуск в Страну Призраков. Капи-
тан шел впереди. Найл решил сообщить с его умом, чтобы
тоже видеть в темноте. Идти вниз, а тем более с улучшенной
видимостью — это вам не вверх, так что обратный путь пока-
зался куда короче; вот уже виден сверху отлогий берег озера,
где они делали привал. А вон и гельбы — стоят себе, как де-
ревянные лошадки.

В три с небольшим они уже сидели в повозке.

— Куда теперь? — осведомился Найл.

— Видишь дым? — вопросом на вопрос ответил Герек, про-
тягивая руку.

— Вроде да. — Найл и в самом деле заметил не то дым, не
то клубы тумана.

— Там вход на нижние уровни.

— А что это вообще такое?

— Ну, я бы сказал, это промышленное сердце Страны При-
зраков.

В городе науков промышленность практически отсутствова-
ла, так что эта фраза ничего не прояснила.

Когда спустились на равнину, Герек заставил гельбов бежать
рысцей.

— Не припоздниться бы. Карвасид, можно сказать, бредит
пунктуальностью.

Забавно было подмечать такое слегка пренебрежительное —
пусть и за глаза — отношение к своему повелителю; получает-
ся, никто не без огреха.

Не доехав с нолмили до озера, они повернули влево, на
дорогу менее наезженную; заметить ее можно было по колеям,
выбитым в жестком грунте громоздкими тележными колеса-
ми. Дым теперь виднелся отчетливей, он уходил в небо рваным
мутноватым столбом.

Еще через милю Герек молча указал вверх, и Найл увидел в синеватом небе громадную дыру, похожую на жерло какой-нибудь исполинской трубы.

— Что это? — ошарашенно спросил Найл, откидываясь на сиденье.

— Это курится вулкан. Мы называем его Холкерри, что значит «Туческреб».

Неровный белесый столп что-то напоминал. Найл понял, что именно: то самое облако из сна, похожее на мерцающее ожерелье.

Облако рождалось в кратере диаметром по меньшей мере миль пять. Найл напрягся: они ехали буквально по кромке, и хотя склоны были достаточно пологи, в центре кратера зияла преогромная дыра, из которой, как из вулкана, поднимался не то пар, не то дым. Гельбы же семенили размеренной рысцой, как будто проделывали этот путь каждый день.

Последнее, кстати, секунду спустя подтвердил Герек:

— Вот сюда я едзу на работу.

По мере приближения к дыре Найл с облегчением увидел притулившееся на краю деревянное строение. Откуда-то снизу доносился безудержный рев, сродни голосу той подземной реки. Вокруг клубилась сернистая дымка (концентрация серы, кстати сказать, была сравнительно небольшая).

Дверь домика открыл мег с совершенно непроницаемой, каменной физиономией. Гельбы привычно проссменили внутрь, и мег закрыл за ними дверь. Герек соскочил с повозки, не дав Найлу последовать своему примеру:

— Ты лучше сиди, где сидишь.

Гельбов он отвел в дальний угол строения, жестом позвав за собой паука.

Неожиданно стены домика поехали вверх. Найл не сразу сообразил, что это на самом деле опускается пол. Они миновали гигантский барабан с приводным ремнем, установленный сбоку шурфа, и продолжили снижаться. Непонятный рев при этом делался все громче, и к концу пути длиною в четверть мили Найл уже боялся, как бы не оглохнуть.

Они поравнялись с еще одним гигантским шкивом, покрытым лоснящейся черной смазкой. Найл смотрел на шкив с благоговейным трепетом: ремня такой величины он еще не видел.

Когда деревянная платформа стукнулась о дно, Найл уяснил, что ревет находящаяся на дне шурфа высокая металлическая конструкция. Белесый дым изливался из трубы на ее крыше; очевидно, шум создавался громадным вентилятором.

Отрадно, что на этом нижнем уровне Страны Призраков такое же синеватое свечение, что и наверху, хотя и заметно слабее. Герек снова сел в повозку и взял вожжи, и гельбы послушно тронулись вперед.

Воздух здесь был наполнен едким дымом, от которого слезились глаза и першило в горле. Он осязуемо, плотными пластами висел в полукруглом туннеле с закопченными стенами. Налетающий ветер бросал в лицо пахнущие жженым маслом песок и сажу. Одна частичка попала Найлу прямо в глаз; он кое-как проморгался. Протяженность туннеля составила примерно четверть мили; стоило из него выйти, как утих и ветер, который, судя по всему, всасывался вентилятором на дне шурфа.

Дорожка, по которой они сейчас шли, отстояла на несколько метров от железнодорожной колеи; справа от нее находились многочисленные ответвления и запасные пути с десятками прямоугольных, сужающихся книзу вагонеток. Слева от дорожки был глубокий карьер — вдвое больше того, что возле города жуков-бомбардиров. По дну карьера тоже пролегало хитросплетение рельсов, исчезающих в зеве туннеля на дальней стене.

В ушах все еще звенело после оглушительного рева вентилятора.

— А там что? — спросил Найл, указывая на туннель.

— Это спуск на третий уровень. Там у нас добывается уголь и железо. Если будет время, покажу.

Обещание Герекса особого энтузиазма не вызвало: уже этот второй уровень казался промозглым и гнетущим. От спертого воздуха шипало глаза; трудно было дышать.

— А сам ты где работашь? — поинтересовался Найл.

Герек развел руками.

— Да везде. Я слежу за работой машин на фабриках.

С минутой Найл не мог взять в толк, о чем идет речь. Лишь затем в памяти ожила почерпнутая в Белой башне информация, что фабрика — это такое здание, где изготавливаются товары.

Фабрики, на которые указывал Герек, представляли собой длинные приземистые строения с дымящими трубами.

— Взглянуть не желаешь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, направил гельбов в ближайший фабричный двор, где слез с повозки.

Слез и Найл.

Усыпанная золой земля под ногами сухо поскрипывала. На другой стороне двора, у забора, громоздились большие металлические конструкции, в которых тут же узнавались части железной стены города. Их здесь было навалом.

Вслед за Герексом Найл с капитаном прошли к зданию из шершавых серых блоков. Герек обеими руками потянул на себя дверную ручку. Из проема хлынули шум машин и жаркий запах смазки. Цех был ярко освещен сияющими на потолке трубками, а мужчины и женщины в сером стояли у всевозможных машин и станков с куполами и фартуками, мигающими фонариками и резкими звонками. Что примечательно, у некоторых мужчин головы были квадратные (как у того, что Найл видел поутру), а у большинства женщин — круглые глаза.

Стоявшая за ближайшим станком женщина, почувствовав от двери сквозняк, невзначай обернулась и при виде капитана чуть не подскочила; в глазах у нее мелькнул ужас. Герек ободряюще улыбнулся, и она снова повернулась к станку, выплевывающему металлические заклепки. Найл сделал вид, что разглядывает трубки на потолке и ничего не замечает. Ошарашенный вид женщины давал понять, что гигантского паука она лицезреет впервые. Иное дело та пара в Зале Развлечений, которая, завидев капитана, и бровью не повела. Это может означать одно: там, наверху, все уже в курсе, а здесь нет.

Неудивительно, что Герек сразу же выманил гостей во двор и поспешно закрыл дверь.

Они поехали дальше, миная приземистые коробки фабричных цехов. Одно здание на углу резко отличалось — оно было меньше размером и раскрашено в яркие, веселые тона; правда, стены уже потускнели под сажным осадком.

— Что у вас тут?

— Был детский сад.

Мысль о детском садике в столь угрюмом месте вызывала довольно гнетущие ассоциации.

Повозка свернула за угол, перед опешившим Найлом предстало грандиозное квадратное сооружение, на первый взгляд прямо-таки дворец. В нем было три этажа, а каждый из четырех углов венчала башня вдвое выше основного корпуса. По всему периметру здания ярко горели окна; светом фонарей был залит и обширный центральный фасад с колоннадой.

— Здесь у нас живут рабочие, — пояснил Герек.

В его голосе звучала вполне понятная гордость. Что и говорить, это великолепие не шло ни в какое сравнение с лачугами тружеников города пауков.

— А зачем такой огромный дом?

— Он был построен в те дни, когда мы не испытывали нехватки рабочих рук.

Герек по ступеням лестницы провел гостей к двойным дверям центрального входа, за которыми открывался просторный вестибюль с удобными креслами и серым ковровым покрытием. Чем-то похоже на пустую громаду бывшего отеля в городе пауков; те же следы былого роскошества: высокие зеркала, портьеры, люстры со свечами.

Через вестибюль они следом за Гереким прошли в широкий, устланный ковром коридор с чередой дверей. К ним спиной шла стройная девушка со щеткой и совком. Ее серую блузку и юбку Герек проводил хищноватым взглядом.

Проведя гостей в конец коридора, он толкнул дверь, откуда приятно пахнуло едой.

— Кухня.

В целом она напоминала ту, что и во дворце у Найла, только была просторней, а поваров здесь суеилось больше — все как один в фартуках и высоких белых колпаках.

Найла застал врасплох грянувший басовитый гудок.

— Это еще что?

Гудок прекратился.

— Сигнал об окончании рабочего дня.

Найл посмотрел на циферблат: пять часов. В городе пауков рабочий день длился до шести.

Герек отворил еще одну дверь.

— Это у нас главная столовая.

Помещение было огромным, с длинными деревянными столами и множеством стульев.

— А вон там,— он кивком указал в окно, на соседний корпус,— спортивный зал с бассейном.

Да, тут и сказать нечего. Но говорить что-то надо. И Найл произнес:

— Рабочим у вас живется очень даже хорошо.

— Да уж, не на что жаловаться,— улыбнулся Герек.

Коридоры разом наполнила оживленная толпа, хлынувшая из вестибюля. У многих мужчин были знакомые уже квадратные головы, а у женщин в основном круглые глаза. Вид у всех был непринужденный и веселый — как, в общем-то, и должно быть после рабочей смены. Что удивительно, люди общались голосами, а не телепатически. Но не было того хаотичного гама, что в пауцьем городе заполнял будними вечерами квартал рабов. Здешние же труженики изъяснялись спокойно и уравновешенно, примерно как люди, расходящиеся с лекции в городе жуков.

Что интересно, никто не обратил внимания на капитана.

— Они здесь говорят вслух? — удивился Найл.

— Да, на втором уровне это допустимо. Но, разумеется, не наверху. В городе они должны соблюдать наши правила.

Вскоре звуки стихли, а коридор опустел. От Найла не укрылось, что женщины на лестнице поворачивают налево, а мужчины направо.

— Куда они, интересно, теперь?

— По комнатам, переодеться. Ужин здесь в шесть.

— А почему женщины идут в одну сторону, а мужчины в другую?

— Потому что женское отделение слева, а мужское справа

— Так они проживают раздельно?

— Само собой.

Получается, так и есть: мужчин и женщин здесь держат порознь, как некогда в городе пауков.

— Почему же?

Герек пожал плечами. Похоже, его удивляла сама постановка вопроса.

— Да у нас испокон веков так. Возможно, это пошло еще из ранней истории Страны Призраков, когда мужчин было гораздо больше, чем женщин. Тогда считалось несправедливым, если одному мужчине принадлежала одна женщина; ими было принято делиться.

— Но... разве мужчины с женщинами не живут здесь парами, как муж и жена?

— Нет, этого не допускается.

Коридор заполнила еще одна волна рабочих и тоже, разделившись в конце лестницы, растворилась по этажу.

— А сами пары разве не предпочитают жить вместе?

— Зачем им это? Их здесь кормят, и ничто не мешает друг у друга попеременно ночевать. С чего бы им навязываться на постоянное совместное проживание? Для обоих это лишь обременительное неудобство.

— А если у них любовь?

Герек такие слова, судя по всему, позабавили.

— Карвасид считает ее некой иллюзией. Да какому мужчине взбредет в голову связываться на всю жизнь с одной только женщиной? Он же лишает себя свободы!

Найлу подумалось о преимуществах собственного холостяцкого житья. Да, с доводами Герек было не согласиться.

— А как обстояло в те времена, когда у пар появлялись дети?

— Детей забирали и отдавали специально обученным воспитателям.

Если до этой минуты впечатления от Страны Призраков нравились Найлу, то сейчас он напрягся: вспомнились незавидные времена в городе пауков, когда мужчин и женщин держали друг от друга в изоляции.

Герек, похоже, прочел эти мысли и жестом указал на толпу рабочих в коридоре.

— По-твоему, у них несчастный вид?

Да уж, несчастными их не назовешь.

— Вот видишь. Карвасид считает семейную жизнь противостественной. Мужчине свойственно иметь более чем одну женщину.

— А женщине?

— А ей — располагать, по возможности, более чем одним мужчиной.

Экскурсия по верхнему этажу в сопровождении Герек повергла Найла в задумчивость. Комнаты отдыха, жилые помещения, даже читальный зал... Книг там, правда, было немного, да и те на вид ветхие. Фабричный люд к этому времени сменил рабочую одежду на домашнюю, темно-синего цвета.

Наконец Герек посмотрел на часы.

— О-о, половина шестого. Пора возвращаться на первый уровень, а то опоздаем.

На выходе из здания они встретились с очередной лавиной рабочих; очевидно, это была какая-то другая смена. Они отличались от всех, кого Найл видел здесь до сих пор: какие-то длинношеие, с продолговатыми головами-лампочками.

— Вот еще один эксперимент карвасида,— пояснил Герек.— После неудачи с квадратными головами он решил, что люди с длинными шеями умнее короткошеих. И оказался прав. Эти в ладу с бухгалтерией, так что мы их используем как счетоводов.

Когда они уже усаживались в повозку, к ним приблизилась светловолосая синеглазая милашка из длинношеих. Герек заерзал.

— Не сейчас, Димпни. Мне надо ехать.

Но девушка не отставала. Она просительно положила ему на руку ладошку, и Герек, пробормотав извинение, отошел с ней в сторонку. Синеглазка что-то настойчиво ему твердила, а он с напряженным видом выслушивал. Наконец Герек негромко проговорил, судя по всему, что-то резкое и, покачив головой, решительно отвернулся. Девушка, помедлив, пошла восвояси.

— Вот вам яркий пример,— кивнул в ее сторону Герек,— почему у нас в стране мужчины не живут с женщинами вместе. Это моя секретарша, но в последнее время она совершенно несносна. Без конца чего-нибудь просит.

— И это плохо?

— У нас это считается серьезным недочетом.

Он нетерпеливо дернул поводья, и гельбы пошли рысью.

Найл, в душе веселясь, подметил большое сходство с Вайгом.

— Ну и как ты думаешь с ней поступить? — озорно спросил он.

— Заведу другую,— буркнул Герек.— В смысле секретаршу.

Гельбы, хорошо знавшие дорогу, везли обратно тем же путем. Герек лишь иногда, понукая, встряхивал поводья и поглядывал на часы.

Дорога шла мимо пустующих в этот час фабрик. Время от времени они обгоняли одиноких пешеходов, одетых в серую

робу. Указав на одного из таких — худого седоусого лысача, Найл спросил:

— Куда это он, интересно?

— Не знаю. — Герек недоуменно пожал плечами. — Здесь есть такие, что любят в неурочный час побродить по округе. Я как-то одного спросил, куда он, а в ответ: надоело день-деньской тереться в толпе.

— Разве это не естественно?

Герек посмотрел удивленно.

— Что же здесь естественного? Карвасид и так делает все возможное, чтобы им было и сытно, и уютно. Так нет же, еще и одиночество подавай.

Они поравнялись с карьером, где был вход на третий уровень. Герек сказал:

— Знаешь, боюсь, у нас на спуск уже времени нет. Да тебе бы там все равно не понравилось.

— Почему?

— Внизу одни шахты да рудники. Я и то без надобности туда не заглядываю. Не тянет.

Вскоре они заехали в широкий туннель; там от запаха сажи и горелого угля першило в горле. Гельбы привычно просеменили к тому месту, где на дне шахты стоял вентилятор, по-прежнему изрыгающий клубы белесого дыма. Лифт находился в том же положении, в каком его оставили. Загнав повозку на платформу, Герек нажал кнопку. С началом подъема он заметно повеселел.

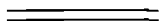
— Вот эта процедура мне всегда нравится, — сказал он.

Повернувшись к капитану, он телепатически спросил:

«Надеюсь, тебе понравилось знакомство со Страной Призраков?»

«Благодарю, — вежливо ответил тот. — Очень поучительно».

Фраза была явно с подтекстом.

День выдался долгим. Повозка громыхала на пути в город, а Найл размышлял о том, что странно как-то: вокруг все та же неизменная синь дня, хотя внутренние часы подсказывают, что скоро уже ночь. Свет здесь был гораздо ярче, чем на вто-

ром уровне, и невольно возникало иллюзорное предвкушение утренней зари.

Ум возвратился к вопросу, который занимал Найла в том фабричном общежитии.

— А рабочие у вас не ропшут оттого, что им все время приходится носить одну и ту же робу?

— С чего бы?

— Ну, скажем, женщины. Разве отказались бы носить наряды, как у ваших горожанок наверху?

Герек улыбнулся.

— Ах, вот ты о чем. Это всё иллюзоры: машины такие. — Видя непонимание собеседника, он объяснил: — Ты утром спрашивал насчет конических башен, и я сказал, что они накапливают электричество. Но они еще и активно воздействуют на зрение, и оттого видятся цветные полосы. Действуют они и на обоняние, поэтому тебе кажется, что вокруг приятные запахи. Скажем, какой ты чувствовал запах, когда проезжал мимо башен?

— Сладкий, вроде сахарной ваты.

— А ты? — обернулся Герек к пауку.

«Мух в паутине, повисевших с неделю».

— Ну вот видишь? — улыбнулся Герек.

— А сам ты какой запах чувствуешь? — спросил Найл.

— Я? Розы, моего любимого цветка.

— Тогда почему карवासид не оборудует иллюзорами второй уровень?

— Во-первых, это затратно. А во-вторых, рабочие приучены к тому, что запах дыма им приятен.

— Приучены? Каким образом?

— Это один из его секретов, — ухмыльнулся Герек. — Ты лучше Тифона расспроси, он знает.

Они проехали по кромке кратера, и Герек погнал повозку напрямик к городу: на плоской, как тарелка, равнине держаться северного тракта не было смысла. До города оставалось с десяток миль.

Объяснение Герека вызвало живейший интерес. Будучи теперь в курсе насчет иллюзоров, Найл подумал о той старухе, что видел нынче утром в окно спальни: вся в морщинах, а сама до странности пришкательна. Или вон та горожанка

на телеге, которую они обогнали: его ведь и к ней потянуло ни с того ни с сего. Что это: тоже эффект иллюзоров?

Вспомнился Вайг, который что ни неделя, то в очередной раз влюбляется в какую-нибудь смазливую девчонку. Можно подумать, видя безнадежную восприимчивость брата к иллюзиям, этих вертихвосток насылают тот же самый кукловод.

Благодушные Найла оказались потревожены: если вдуматься, то и его влечение к принцессе Мерлью во многом механистично. Ведь он же знает о ее избалованности и эгоизме и все равно испытывает неизменное влечение к ней. А впрочем, в притягательности Мерлью действительно никто не усомнится, это своего рода природное дарование, никак не выдумка Найла.

Может, природа сама по себе лукава? Мысль об этом ввергала в растерянность, подтачивая основы всех привычных вещей.

Успокаивало вот что. Помнится, когда караульщик вел его к дому Тифона, у Найла получалось управлять интенсивностью иллюзий: цвета при более жесткой концентрации становились насыщенней и богаче. И его не просто втягивало в тенета обмана; активную роль в этом играл его собственный ум. Так и у Вайга. Брата не просто увлекают те мимолетные пассии: он сам хочет, чтобы так происходило. От этой мысли недолгий пессимизм Найла испарился.

Спустя полчаса на горизонте обозначились конические силуэты. На этом расстоянии они казались серыми. Найл не сводил глаз, выжидая, когда башни по мере приближения начнут обретать более живые цвета. Когда повозка находилась в сотне метров от ворот (тех самых, через которые Найл с капитаном попали в город), на конусах проступили невнятные покуда полосы — красные, синие, желтые. И дело здесь не в расстоянии: вскоре краски проявились в полную силу.

Караульный (уже другой, не тот, что вчера), открыв ворота, встал навытяжку. Найл попробовал проникнуть к нему в сознание. Результат разочаровывал: караульщик не замечал ни вторжения, ни вообще чего-либо, выходящего за круг его многочисленных обязанностей. Стража занимала лишь скудная мысль о предстоящей трапезе.

Стоило им въехать на проспект конических башен, как в атмосфере наметилась перемена. Сверху из башен исходил

пар, а цвета стали определенно ярче, придавая окружающему дух праздничности. Зная теперь, что башни и есть те самые «машины иллюзий», Найл понимал: атмосферу нагнетают непосредственно они. Даже синева неба над конусами смотрелась по-иному: насыщенная, с неким мерцанием.

На скамейках сидели люди; неподалеку теснились повозки с гелльбами, а на земле лежали одноколесные велосипеды. Безусловно, горожане съехались сюда специально, желают побыть в этот вечерний час ближе к башням. Когда путники миновали один из конусов, Найла охватила беспечная отрада, которая вскоре пошла на убыль, но снова усилилась по приближении к следующей башне.

Атмосфера все более грузнела от пара, с шипеньем рвущегося из щелей в тротуаре; на лице оседали капельки влаги. У пара был характерный запах сахарной ваты; впрочем, ощущались и другие оттенки. При глубоком вдохе различался, например, упомянутый Герекком запах роз, да и много чего еще. Видимо, так Маг компенсировал своим подданным их обитание в этом унылом краю. Дурман, да и только.

Вместе с тем все это странным, таинственным образом очаровывало. Иллюзии — и слуховые, и зрительные — Найлу доводилось испытывать и прежде, взять ту же Дельту. Однако там была некая гипнотическая сила, исходящая от растений. Иллюзии же Страны Призраков фактически созданы самим Магом. Что, интересно, кроется в их основе: какая-нибудь примесь в пару? Вибрация, исподволь действующая на мозг?

Гелльбы остановились у особняка Тифона; распахнул ворота стражник. Фонтан во дворе, стоило гостям войти, взметнулся выше, словно приветствуя блеском своих радужных переливов. Найла в очередной раз пробрал безотчетный восторг.

Навстречу с бокалами чего-то оранжевого на подносе вышла Ката. Гостям она была искренне рада (наверное, наскучалась тут одна); по-кроличьи выступающие зубки лишь придавали ей трогательного обаяния. Еще утром Найл счел ее хоть и не красавицей, но вполне привлекательной. Теперь же она смотрелась просто восхитительно — даже мелковатый подбородок не помеха.

Герек, легонько зажав ей мочку уха, шутливо сказал:
— Ты нынче просто раскрасавица!

«Да что я, — зарумянясь от удовольствия, телепатически ответила Ката. — *Это все машины карвасида*».

Вот так штука. Оказывается, существование иллюзоров ни для кого не секрет?

После туннеля второго уровня ужас как хотелось пить. Осушая бокал, Найл подумал: если уж видеть девушку, то лучше во всей красе и привлекательности, чем наоборот. В конце концов, когда влюбляешься, разве не то же самое?

У себя в комнате на кровати он увидел аккуратно сложенную чистую тунику. Сшита она была из ткани погрубее, чем привычная Найлу одежда, но он решил принять подарок. Туника некоторым образом напоминала ему о цели пребывания в Стране Призраков. Примерно через полчаса, перед уходом из особняка, Найл спросил:

— А Тифон сюда вернется?

— Нет, — ответил Герек. — Он будет во дворце до утра.

«*Быть может, мне лучше остаться здесь?*» — спросил капитан.

Найл понял: ему неуютно от мысли, что придется целый вечер провести среди сборища двуногих.

— Нет-нет, — поспешил сказать Герек. — Карвасид тебя хватится.

Ката, стоя у дверей, печально смотрела на Найла.

«*Везет вам: во дворец приглашают,*» — вздохнула она. — *А я там никогда не была*».

— Может, выхлопочешь ей приглашение? — спросил Найл, когда они с Герексом усаживались в повозку.

— Что ты! — Тот даже опешил. — Слуги туда ни ногой.

На подъезде к реке Найл подивился числу упряжек, мотоциклов и толпам пешеходов на тротуарах. Бирюзовые воды реки и те, казалось, разделяют приподнятую атмосферу праздника. Недоумение вызывала лишь дивная для такого случая тишина. А впрочем, это не так: собравшиеся повсюду общаются телепатически.

— Что за люди приглашены во дворец? — осведомился Найл.

— Разные. Там и почетные граждане, послужившие на благо горола. Хватает гостей с обеих уровней — учетчиков, администраторов.

— А рабочие есть?

— Да, по одному от каждой фабрики. Передовики производства.

— И для чего весь этот прием?

— Два раза в год все управляющие выступают с отчетом на общем собрании. Сейчас оно как раз заканчивается.

— А председательствует карвасид?

— Нет. Он вообще-то не любит иметь дело с людьми. За него с народом общается Тифон. Карвасид появится позже.

Они свернули на дорогу, ведущую непосредственно к дворцу, зеленый фронтон которого был залит ярким светом. Полукруглые арки, величавые колонны — все это придавало ему сходство с античным храмом. Сама дорога состояла из крапчатого песчаника — или же какой-то разновидности бетона, судя по гладкости и отсутствию швов. На расстоянии пятисот метров впереди находилась развилка, в центре которой росло темное дерево со стволом в три обхвата. Напоминающая водоросли листва мягко светилась в окружении фонарей. Большие сучья казались вырубленными из камня.

— Что это за дерево?

— Это не «что». Это калинда, ее карвасид посадил перед тем, как основать город.

Герек улыбнулся, как бы давая понять, что не винит гостя за невежество.

— И откуда оно?

— Из Дола Благодарения.

Когда они вскоре просзжали по развилке, Найл почувствовал исходящую от дерева силу — такую, что мурашки по коже.

— О! — удивился он. — А что там делают женщины?

Под дерством, почти скрытые свисающей листвой, к стволу прижимались несколько женщин, словно пытаясь его обнять.

— Надеются зачать. Они верят, что у этого дерева магические свойства.

Дорога, ведущая от развилки к дворцу, впечатляла уж тем, что была во всем городе, пожалуй, единственным подъемом. Вдоль нее выстроилось по меньшей мере сто упряжек с гельбами. Герек же без остановки проехал мимо них по подъемному мосту через ров и дальше, через двое ворот, к распахнувшим свои огромные створки бронзовым дверям. Что и говорить — Маг явно любил и умел производить на своих подданных впечатление.

Невдалеке наблюдалось что-то вроде пробки: две упряжки сцепились колесами. На глазах у Найла из ворот вышли два на редкость рослых (под три метра) типа — огненно-рыжие, с мрачными угловатыми лицами и большими ушами. Решимость, с какой они шли, не сулила попавшим в передрагу ездокам ничего хорошего.

Верзилы зашли с боков, и каждый, подняв, дернул повозку на себя. Сорванные с осей колеса покатались с холма, а потерявшие устойчивость транспортные средства опрокинулись, сбросив ездоков — две степенные четы. Твердым, но понятным жестом бедолагам было указано, куда следовать: прочь отсюда. Даже с двадцати метров было видно, что виновники (они же, получается, и жертвы) пребывают в глубоком шоке. Дамы — обе в вечерних нарядах — готовы были разрыдаться.

— Мы ничего не можем для них сделать? — вполголоса поинтересовался Найл.

— Увы, исключено, — мотнул головой Герек.

— Но у тебя же столько полномочий.

— Не во дворце. Тут вон кто заправляет. — Провожатый исподтишка указал на рослого, с выпяченным подбородком усаха в мундире, который при виде Герекки приветственно помахал. — Джелко, начальник дворцовой стражи. Но и он не осмелится проявлять куртуазность, а тем более предвзятость. Видишь ли, каждый должен руководствоваться законом. Поживешь здесь несколько дней, сам убедишься.

Обе злосчастные четы спустились с холма. Найл проводил их жалеющим взглядом; даже самому участвовать в торжествах как-то расхотелось.

В большом внутреннем дворе руководили расстановкой повозок те двое верзил. Делали они это довольно грубо, не терпя никаких пререканий. Герекку великаны, отдав честь, милостиво позволили оставить колесницу в отдельном дворике, что направо. Один хотел было допросить паука — дескать, кто допустил и так далее, — но, вовремя что-то сообразив, отошел.

Найла эта показная учтивость не тронула; в памяти все еще были четверо несчастных, изгнанных, считай, ни за что ни про что.

— Почему они такие грубые и спесивые? — спросил он у Герекки.

— Работа такая: порядок поддерживать,— невозмутимо ответил тот.

Вблизи было видно, что камень, из которого построен дворец, похоже, искусственного происхождения. Как и материал дороги, он был в темную и светлую крапинку. Стены состояли из ровных (метр на полметра), тщательно отшлифованных блоков — честно говоря, вид более респектабельный, чем у сложенного из черного мрамора дворца Смертоносца-Повелителя.

Сойдя с повозки, через ближнюю дверь они прошли в подобие канцелярии, с письменным столом и стеллажами — в сочетании с шершавой зеленью каменных стен картина достаточно нелепая.

— Это кабинет Тифона,— пояснил Герек, жестом предлагая располагаться. Найл сел в удобное кресло за столом, в то время как Герек, открыв стеной шкаф, достал графин с золотистым вином и стаканы.

— Заходить пока рановато: нам же только на разговор.— Он посмотрел на часы.— Собрание уже как раз заканчивается.

В коридоре послышались шаги.

— А вот и Тифон.

Застать их здесь Тифон явно не ожидал. Выглядел он усталым и озабоченным. Тем не менее он улыбнулся гостям, в очередной раз подивив своей воспитанностью.

Герек, разлив вино, один стакан протянул и ему.

— Спасибо, не надо,— вежливо сказал Тифон.— Нет желания.

— Вот как? — удивился Герек.— Почему же?

— Уфф. Собрание было не ахти. На плановый рубеж почти никто не вышел.

— Вот те раз.— Герек поджал губы.— А что так?

— И не знаю. А вот карвасид будет явно недоволен.

В глазах Герека мелькнуло беспокойство.

— Что за плановый рубеж? — поинтересовался Найл.

— Надо достроить еще пять миль городской стены. Сдача в январе. Теперь уже не уложиться.

— Не совсем понимаю,— признался Найл.— Стена, безусловно, для того, чтобы сдерживать натиск врагов. Но какая в ней необходимость, тем более срочная, когда у нас будет заключен договор о примирении?

Тифон с Гереком какое-то время растерянно молчали, будто не вполне понимая услышанное. Наконец Тифон словно встряхнулся.

— Ой, чего это я,— сказал он с улыбкой, обращаясь к Гереку.— Почему бы и в самом деле не выпить.— Он принял стакан и торжественно его поднял, провозгласив: — За мирный договор.

Найл поднес к губам стакан, чувствуя при этом, что Тифон недоговаривает.

Сдлав вежливую паузу, он задал вопрос, не оставлявший его ни на секунду:

— У вас с карвасидом был разговор о Вайге?

— Конечно. Он пообещал ответить насчет твоего брата позже. Когда я упомянул, что все произошло с неделю назад, он, видимо, решил, что торопиться нет смысла.

— Вы говорили с ним о мирном договоре?

— Непременно. Как и меня, его удивляет, что такой молодой человек в одночасье стал правителем города пауков.

— Я могу объяснить,— вскинулся Гереk.— Найл все рассказал, пока мы ехали к северному озеру.

— С удовольствием выслушаю,— кивнул Тифон.— Только пока уж вы нас простите,— обернулся он к Найлу с капитаном.— Нам надо пройти в соседнюю комнату, обсудить кое-какие насущные вопросы. Ладно?

— Само собой.

«Что-то странное происходит, тебе не кажется?» — спросил паук, едва они остались наедине.

«Странное?» — переспросил Найл. Голова была занята мыслями о Вайге и о предстоящей встрече с Магом.— *В каком смысле?»*

«Лучше, если мы будем изъясняться без слов»,— заметил капитан.

«А, ну да. Так что вызывает у тебя подозрение?»

«Начать с того, что нас здесь поджидали».

«Может статься, что и так. А почему ты в этом уверен?»

Капитан колебался. Изъясняться на людском мыслительном диапазоне было для него сложновато, все равно что говорить на иностранном языке.

«Во всем этом городе пауков не видел никто и никогда. Для них мы, можно сказать, мифические чудища, пожирающие всех заживо. И тем не менее никто в мою сторону и бровью не повел, кроме, единственно, той женщины на фабрике».

«Да, я обратил на это внимание. Но может быть и другое объяснение: она просто не ожидала увидеть нас вдруг так близко».

Капитан вежливо выразил скепсис.

«А тебе не кажется странным, что высокого гостя, проделавшего для встречи с Магом отнюдь не близкий путь, держат в ожидании целый день? Прибудь любой посланник в город пауков, его бы приняли немедленно. Твоего брата Маг при желании исцелил бы тотчас: Тифон сказал, что он может делать это на расстоянии. Тогда почему заставляет тебя ждать? Чего хочет достичь?» — На этом капитан осекся. — Сюда идут».

Паук со свойственной ему чувствительностью издали уловил физические вибрации: прошло не меньше полуминуты, прежде чем в кабинет возвратились Тифон с Герекком. К этому времени Найл плеснул еще вина в стакан, намеренно отгоняя сомнения, которые иначе оставались бы как неприятное послевкусие. По настроению вошедших угадывалось, что у них был напряженный разговор.

— Как насчет того, чтобы ознакомиться с дворцом? — с напускным радушием спросил Тифон.

— Очень даже, — отозвался Найл с неподдельной охотой.

У него самого дворец был чем-то вроде большущей конторы. Интересно, как выглядят настоящие чертоги.

Интерьеры смотрелись очень даже внушительно — глянцевитый паркет, тонкая инкрустация залов и коридоров. У себя во дворце Найл тоже кое-где отслеживал ремонт и понимал, что подобные украшения под силу лишь опытным мастерам и делаются годами.

Кое-что вызывало особое любопытство. В коридорах на равных промежутках были вделаны в стенные панели эдакие бусины из зеленого стекла, которые по мере прохождения возгорались подобно кошачьим зрачкам.

— Интересно, для чего это?

— Механические глаза. Через них карвасид может видеть, кто и где идет по дворцу.

Разгуливая по лабиринту коридоров, Найл дивился разнообразию. Отделка некоторых комнат и переходов была стилизована под природу, другие полнились абстракциями, в третьих пол и стены покрыты орнаментом, похожим на мавританский. Словно у карвасида настроение менялось всякий раз, когда он переходил в следующее помещение, и это сказывалось на заданиях украшавшим дворец мастерам. Кое-где стены были голые, из зеленого не то камня, не то искусственного материала; с массивной темной мебелью смотрелось впечатляюще, но как-то мрачно. В других комнатах зеленый камень прятался под облицовкой.

Найл вслух заметил насчет смешения стилей.

— Дворец без разнообразия — бессмыслица, — коротко отреагировал Тифон, впрочем, не убедив.

У Найла дворец был просто удобным местом для проживания, вроде дома. Этот же больше походил на музей.

Следующая комната и впрямь оказалась музеем, уставленным стеклянными шкафами и ящиками. Найл замер над хрустальным саркофагом с фигурой, облаченной в кольчугу, черный кожаный камзол и штаны из потрескавшейся кожи, с поножами.

— Это доспехи, что были на карвасиде, когда он звался еще командором Сатханасом, — стал рассказывать Тифон. — А вот гетры, бывшие на нем во время зимнего перехода в Страну Призраков.

Найл с большим интересом вгляделся в лицо лежащего; впрочем, это был всего лишь манекен с раздвоенной черной бородой.

Внимание Найла привлек стеклянный ящик по соседству. В нем покоился еще один мужчина в кольчуге и кожаном камзоле, более рослый и дюжий, чем Сатханас. Воин казался живым, только кожа напоминала полированное дерево, а карие глаза были явно из стекла.

— Это Фоззил, товарищ карвасида по оружию. Именно он обнаружил вход в Страну Призраков.

— Это статуя?

— Нет. Тело забальзамировано.

Найл смотрел с мрачной очарованностью.

— А другие соратники тоже здесь?

— Из Отряда Преданных только он один. Но здесь есть Дарвид Грубин, сын Фоззила, возглавлявший нашу ударную силу, когда здешние жители готовились к вторжению Хеба. Он известен как Герой Сибиллы.

Найл оглядел кряжистую фигуру. Тоже как живой; сейчас возьмет и встанет из своего ящика.

— А вон там у нас представлено любимое оружие карвасида.

— Ух ты! «Жнец»! — указал Найл.

Атомный бластер среди двуручных мечей, секир и арбалетов смотрелся явно не к месту.

— «Жнец», — согласился Тифон удивленно. — Тебе известно о «жнецах»?

Найл хотел ответить, но его перебил Герек:

— Я сказал ему, что их избобрел карвасид.

От дальнейшего обсуждения этой темы лучше было уклониться, а потому Найл просто сделал вид, что впечатлен.

Фигура в отдельном стеклянном шкафу тоже была мумифицированной и вместе с тем смотрелась до странности гротескно: голова грушей, нос, словно расплюснутый тяжелым предметом, толстые, кажущиеся резиновыми губы и мешки под глазами, как будто наполненные жиром. Туловище было пухлое, а кривые ножки так обтянуты лосинами, что в одном месте даже разошелся шов. На редкость отталкивающая образина.

— Это у нас главный распорядитель, Замго. Служил верой и правдой тридцать лет; карвасид в нем души не чаял.

— Да уж, — усмехнулся Герек. — До горничных был охоч — страсть. Ни одной не пропустил, всех обрюхатил.

— Он чем-то болел? — поинтересовался Найл, оглядывая уродливую, словно недугом перекошенную фигуру карвасидова любимца.

— Вовсе нет. Просто был одним из самых успешных экспериментов карвасида.

— Экспериментов?

— Когда-то это называлось генной инженерией. Но карвасид сделал грандиозное открытие, что на гены можно влиять через подсознание, доступ к которому открывают определенные вибрации. Ты когда-нибудь слышал про обучение во сне?

Найл кивнул.

— Здесь в основе лежит примерно тот же принцип.
— Но почему карвасид сделал его таким безобразным?
— Он проверял идею, что уродливые люди оказываются наиболее умными. Скажем, Фоззил был далеко не красавцем, но во всем отряде именно он был самым сметливым, исполнительным и работающим. Видимо, свою неказистость он компенсировал развитием других качеств.

Найл неприязненно покосился на мумию Замго.

— Ну это, мне кажется, уж как-то слишком.
— Я бы, пожалуй, согласился, — в тон ему сказал Герек.
— Зато на работе это не отражалось. Службистом Замго был образцовым.

Найл прошелся вдоль большой стеклянной витрины с остальными «экспонатами» — такими, что лучше не глядеть.

— Почему они все так уродливы? — спросил он наконец.
— Видишь ли, в ту пору карвасид работал над сравнительно простыми генетическими вариациями, и некоторые из них действительно вышли неприглядными. — Тифон указал на урда с носом, похожим на огромную шишковатую клубнику. — Красота — это гармония многих частей в совокупности. Замени одну, и общая картина испортится до неузнаваемости.

— Но он создал хоть что-нибудь, не отдающее уродством?
— Да много чего. Боюсь показаться нескромным, но и мы с Герекком тоже в каком-то смысле плоды его деяний: матери, вынашивая нас, бессознательно подвергались его воздействию.
— Только на матери Тифона, в отличие от моей, внушение сказалось не особо, — улыбнулся Герек.

Тифон с притворной сердитостью ткнул его в живот.

Проходя мимо какого-то змееобразного обрубка с признаками человеческого лица, Найл лишь гадливо отвел глаза, ни о чем не спросив.

А вот перед другим экспонатом он, наоборот, с интересом остановился. В большой прозрачной емкости с жидкостью плавал объемистый мозг.

— Вот один из наиболее интересных экспериментов, — увлеченно заговорил Тифон. — Этот мозг выращивался вне тела. Карвасид рассчитывал, что сможет подавать все внешние раздражители с потоками энергий. Человек, которому этот мозг принадлежал, — ребенок-паралитик по имени Руфио — даже

не догадывался, что у него нет ни конечностей, ни туловища. Стимулируя рефлекторные дуги, карвасиду удавалось внушать ему, что он делает все, чем подобает заниматься обычному ребенку: ест, пьет, гуляет, играет. Он даже учился плавать.

— И успел влюбиться,— подсказал Герек.

— Влюбиться? — изумился Найл.

— Представь себе, да. Когда Руфио достиг половой зрелости и стали выделяться половые гормоны, ему в мозг внедрили образ разбитной красотки. Причем одной лишь любовью дело не ограничилось. Мозг начал с удивительной скоростью прибывать в размерах: за год почти вдвое. Понимаешь, к чему я клоню? Не сдерживаемый черепной коробкой, он продолжал безудержно разрастаться. Карвасид, таким образом, создал сверхмозг, живущий целиком иллюзиями!

— И чем все закончилось? — спросил Найл, явно под впечатлением.

— Чем? Гм. Он свихнулся.

— От скуки?

— Вовсе нет. Скука напрямую связана с остальным телом, изнашиваемым по внешним раздражителям. У Руфио же их было в достатке.

— Всего, кроме секса,— уточнил Герек.

— Это тоже у него было, в виде электрической стимуляции.

— Да разве это сравнится с настоящей девушкой?

— Откуда нам знать: может, оно даже и ярче.

Замечание Герека, похоже, прервало ход его мысли. Тифон посмотрел на часы.

— О-о. Нам пора в зал, к остальным.

— А карвасид там будет? — живо спросил Найл.

— Нет. Он у себя в апартаментах. В таком возрасте общение с людьми для него — сплошная обуза.

Вполне понятно. Помнится, дедушка Найла, Джомар, за несколько месяцев до кончины утратил всякий интерес к жизни. А карвасид несравненно древнее его.

На подходе к залу приемов Найл с удивлением слышал звуки музыки. Лишь входя в распахнутые двери зала, он сообразил, что музыка звучит не в исполнении оркестра, а непосредственно у него в голове. Да так бодро и заразительно, что настроение взмывает само собой.

Гостей здесь было — не протолкнуться: сотни три, не меньше. Посреди зала, на возвышении, и в самом деле играл оркестр из десятка музыкантов — все в синей форменной одежде с блестящими. Эстраду покрывал прозрачный купол с закрепленными сверху и соединенными меж собой металлическими тарелками. Очевидно, это устройство преобразовало музыку в телепатические сигналы, доносящиеся до всех, кто был в зале. А так как гости общались меж собой на одной волне, атмосфера полностью соответствовала обычному светскому рауту с многоголосьем болтовней и звучанием оркестра.

Стоило мысленным усилием заблокировать этот звук, как зал разом погрузился в неестественную тишину, нарушаемую лишь шарканьем танцующих пар и приглушенными звуками музыки под колпаком. Истаяло и ощущение веселья — впрочем, тут же возвратившееся, едва Найл вновь настроился на музыку. Странное, надо сказать, чувство: все равно что из-под яркого солнца шагнуть под проливной дождь, а затем обратно.

— Если не возражаешь, — сказал Тифон, припав губами к уху Найла, — я буду представлять тебя «полковником Найлом». У большинства приглашенных есть воинские чины.

— Разумеется. Как сочтешь нужным.

— И говорить я буду, что ты просто посланник из города пауков. Иначе, если рассказать правду, все накинутся с расспросами, что да как. Или ты возражаешь?

— Нет-нет, нисколько. — Найл рад был избежать излишнего внимания.

Тифон повернулся к капитану.

«Ты не желаешь как-нибудь именоваться, для знакомства?»

«Среди своих я известен как Маканда».

«Тогда будем представлять тебя капитаном Макандой».

Входя в зал, Найл особое внимание обратил на то, как присутствующие отреагируют на паука, — если без интереса, то лишний раз подтвердится подозрение насчет того, что гостей уже поджидали. Реакция оказалась примерно такая же, как в Зале Развлечений. Несколько мгновений люди смотрели с нескрываемым любопытством, после чего отворачивались и как ни в чем не бывало продолжали разговор. Впечатление

такое, будто разглядывать других горожане считают невежливым.

— Позвольте представить вас нашему мэру, майору Бальтигару.

Мэр — высокий худой господин с белым шрамом на щеке — воссиял улыбкой и сердечно приветствовал Найла возгласом:

— Дорогой мой господин! — Вместо того чтобы сомкнуться предплечьями, он аккуратной лодочкой подал руку. — Иноземцы у нас тут нечастые гости.

— Полковник Найл — посланник из города пауков, — пояснил Тифон.

— Чудесно! — воскликнул мэр.

Возможно, такая сердечность отчасти объяснялась большим бокалом вина, который он держал на отлете.

Найл оглядел зал с танцующими. Красота дам и мужественность кавалеров просто удивляли: ни одной тучной или непропорциональной фигуры. Впечатление такое, будто пары перед приемом проходили специальный отбор.

Немного погодя Найла представили симпатичной блондинке с высокой прической башенкой. С расстояния она выглядела лет на тридцать; вблизи же морщинки выдавали, что ей как минимум вдвое больше. Тем не менее в этой женщине сквозила та же необычная притягательность, что и в давешней пожилой садовнице. Красиво очерченные губы словно намекали на поцелуй, а округлые глаза — ни дать ни взять два синих озера.

Узнав, что она спутница мэра, Найл с почтительным поклоном сказал:

— Только что имел честь познакомиться с вашим мужем. Дама словно поперхнулась.

— Вообще-то... майор Бальтигар мне не муж. У нас в городе... — Она, зардевшись, как будто лишилась дара речи.

— Ах, ну конечно! Какая с моей стороны бестактность, — спохватился Найл, чувствуя, что смутил собеседницу.

— Мы с ним в регулярных отношениях, — нервно объяснилась дама, все еще румяная от смущения, — но супругами не являемся.

Большие васильковые глаза (вблизи казалось, что они слегка нависают) готовы были исторгнуть водопады слез.

Она повернулась, чтобы познакомиться с капитаном, а Найл отместил про себя, какое у нее гибкое, можно сказать, девичье тело. Причем не только у нее, а у многих женщин в зале. Надо бы спросить у Тифона, как женщинам Страны Призраков удается поддерживать такую превосходную форму.

Он смотрел, как увлеченно она беседует с капитаном. Вообще-то, по логике, при первом разговоре с гигантским пауком надо бы держаться если не напряженно, то хотя бы с некоторой осторожностью. Она же разговаривала так, будто это был просто мужчина, и даже с трогательной беспомощностью пробовала с ним заигрывать.

Обшались они, разумеется, телепатически, а потому ум капитана женщина воспринимала ближе, чем его наружность. Тем не менее по самой ее реакции, по неосознанным движениям было заметно, что на его сигналы она отзывается примерно так же, как самка реагирует на желанного самца. Капитан это чувствовал и, судя по всему, получал немалое удовольствие.

Тифон уже представлял Найла очередной даме — пухленькой кареглазке лет двадцати (кстати, глаза у нее были нормальной формы). Если б не желтоватый цвет лица, Герлинг можно было бы назвать хорошенькой.

— Вы к нам надолго? — спросила она.

— Буквально на денек-другой, а там пора возвращаться.

— Везет же, — сказала она и, убедившись, что никто их не слушает, произнесла на уровне телепатического шепота: *«Как бы мне хотелось отправиться с вами»*.

При этих словах от нее повеяло сексуальностью ничуть не меньшей, чем от спутницы мэра (да что они — какую-то кнопку у себя нажимают, что ли?).

— Вам бы хотелось путешествовать? — спросил полыщенный Найл.

— Еще как. А кому бы не хотелось? — Лицо у нее стало печальным. — Но, как видно, не судьба.

— Ну почему. Все может стать, — заметил Найл, больше из желания доставить удовольствие.

Девушка распахнула глаза, да так, что ему сделалось неловко.

— Зачем вы это говорите!

— Да затем, что я здесь не просто так, а ради договора о примирении.

— С пауками?! — воскликнула она, округлив при этом глаза еще больше. — О, это было бы чудесно! Чу-дес-но!

Будь они сейчас наедине, девушка не преминула бы наброситься на него с объятиями.

Найл спохватился, как бы все это не достигло посторонних ушей, и поспешно сказал:

— Только это секрет, и прошу никому об этом не рассказывать.

— Да разве я посмею, — сказала она, поглядев на него с укором.

Тут их прервал Тифон (как раз вовремя). Он хотел представить гостя дюжему вояке в красном мундире с золотыми эполетами. Вояка представился как лейтенант Васкон, начальник пожарной службы. У него были грозного вида седые усы, а лоб пересекал глубокий шрам. Лейтенант обнажил в улыбке прекрасные белые зубы.

Несколько минут разговор блуждал по привычной уже схеме: как Найл решился отправиться в Страну Призраков, надолго ли думает здесь остаться, нравится ли ему город. Найл, решив разнообразить тему, спросил лейтенанта насчет его шрама. Улыбка Васкона потускнела, и Найл на секунду встревожился, не показался ли вопрос бестактным. Однако миг спустя лейтенант опять засверкал всеми своими великолепными зубами и непринужденно сказал:

— Да так, сразился на дуэли с нашим лучшим фехтовальщиком.

В самой непринужденности тона сквозила гордость.

Найл поинтересовался, часто ли в городе случаются пожары. Лейтенант коротко ответил:

— Хоть отбавляй.

— Из-за молний?

— Если бы только это, — вздохнул Васкон.

Найл удивился.

— Но тогда из-за чего?

Главный пожарный сделал красноречивый жест — дескать, кто бы знал.

Их прервал Герек, поднеся Найлу тарелку с тарталетками и бокалом вина, который он придерживал рукой. Лейтенант Васкон, легонько поклонившись, отошел, и Найлу удалось поесть-попить. Он успел основательно проголодаться, так что спасибо гостям, оставившим его на время в покое (хотя видно, что им не терпится порасепросить чужеземца — вон, несколько женщин неподалеку так и кружат, поедая его глазами).

За едой он машинально замечал, как доблестный пожарный неотрывно смотрит в круглые фиалковые очи какой-то красавице. Интересно, что лейтенант имел в виду этим своим «если бы»? Какие-нибудь умышленные поджоги? Если да, то зачем? И чьих рук это дело?

Переведя взгляд на пассию мэра, Найл невольно вспомнил, как та ступсевалась, когда ее сочли за мужнюю жену. И тут же без тени смущения заявила, что они с мэром любовники. Получается, брак здесь считается чем-то постыдным или по меньшей мере предосудительным — так, что ли?

Постепенно в умс забрезжило что-то похожее на объяснение. Стремление к браку основано на биологическом инстинкте продолжения рода. В стране, где женщины поголовно бесплодны, подобный позыв ведет лишь к безысходному отчаянию.

Взрастить в людях убеждение, что брак — это нечто недостойное, разумеется, наилучший способ разрядить накал страстей...

Но как такое оказалось возможным? Бесспорно, пауки смогли навязать людям убеждение, что двуногие — рабы восьмилапых. Но на это потребовались поколения принудительной селекции.

Созерцая атмосферу поистине лихорадочной веселости, Найл делал для себя довольно неутешительные выводы. Очевидно, что Страна Призраков полнится кипучей, безудержной, ищущей выхода энергией. Мужчины здесь подвергаются бесконечной муштре и дерутся на дуэлях, утверждая таким образом свой статус. А женщины бравируют сексапильностью — вероятно, чтобы мужчинам было чем себя занять.

Все это наводило на мысль, что одна из главенствующих проблем в здешнем обществе — все более растущая скука.

Быть может, Маг потому и хочет мира с пауками — чтобы этим удержать от падения собственную империю?

Тут Найл буквально спиной ощутил, что сзади на него кто-то смотрит. Там действительно стоял Тифон, держа бутылку.

— Еще вина?

— Спасибо, не сейчас. У меня и так полный бокал.

Тифон с улыбкой прошел к Гереку, чтобы налить ему. Вскоре Герек сам приблизился к Найлу.

— Как дела? Нравится?

— Спасибо, очень даже.

— Скоро решающий момент.

— Ты о чем? — Найл невольно напрягся.

— Карвасид будет представлять награды.

А действительно, отчего он напрягся? А, просто вспомнил, с каким видом Тифон сообщил, что им не удалось «выйти на плановый рубеж».

Герек, подавшись вперед, тихо сказал:

— Кстати, прошу тебя, никому ни слова о мирном договоре. Хорошо?

— А что, это секрет? — спросил Найл, чувствуя себя виноватым.

— Да нет, что ты. Просто Тифон думает объявить об этом под занавес. Не хочется портить ему сюрприз.

Вдалеке у стены Герлит что-то оживленно говорила спутнице мэра и еще какой-то женщине; все втроем они с хищным любопытством смотрели на Найла. Похоже, сюрприз Тифона уже испорчен.

В одно мгновение музыка стихла. Замерли на полуслове разговоры. Оркестр издал мрачно-торжественный аккорд, и люди как по команде обернулись к дальней стороне зала. Стена там плавно поехала вбок и, подобно дверце шкафа, скрылась в пазу. За ней открылось подобие сцены с тронем из зеленого камня, с двумя полуобнаженными мегамы по бокам. Позади, выстроившись в шеренгу, застыла навывтяжку личная

охрана Мага — судя по землистым, со скошенными подбородками лицам, все как один потомки пещерных жителей.

При виде фигуры на троне у Найла гулко застучало сердце и зашумело в ушах; у него буквально перехватило дыхание.

Маг выглядел в точности таким, каким приснился Найлу в Белой башне: безмолвная фигура, облаченная в длинные черные одежды вроде монашеской сутаны — только ростом он был, пожалуй, ниже. Так как свет шел сверху, лицо Мага в капюшоне толком не различалось; чувствовалось лишь, что взор его устремлен на Найла.

Изумляло то, что спустя секунду-другую тревожный стук сердца сменился ровным благодетным теплом. Немного погодя до Найла дошло: так на него действует воцарившаяся атмосфера энтузиазма. Вся аудитория перед Магом попросту таяла сахарной ватой. Но уж лучше раболепство всеобщей любви, чем гнетущая тревога, которая ощущалась перед этим.

Внезапно это новое чувство многократно усилилось, и вот уже Найл наравне со всеми благоговейно взирает на фигуру в черном. Ведь не может же верховный правитель, пскующийся о своем народе и этим народом обожаемый, быть на самом деле деспотом, монстром?

По обе стороны от сцены из пола выросли сероватые плоскости двухметровых экранов. И тут, к изумлению Найла, толпа разразилась бурными аплодисментами, переходящими в овацию (и это при том, что карвасид, как известно, терпеть не может шум). Маг, обнажив белые жерди иссохших рук, скинул капюшон, открыв взору безусое, черепу подобное лицо с раздвоенной бородкой. Уши ему закрывали черные заглушки на опоясывающем высокую макушку металлическом обруче (резонанс с аудиторией давал понять, что таким образом он обрубает всякий звук). Стоило ему поднести руки к ушам, как аплодисменты замерли, и к тому моменту, как он снял наушники, в зале воцарилась тишина. В ту же секунду лицо Мага заполнило собой оба экрана.

Внешность была, что и говорить, внушительна. Особо привлекали к себе внимание тонкий крючковатый нос и непроницаемо черные, глубокие, как бмуты, глаза, вззирающие с проникновенной пытливостью. Необычной высотой лба он чем-

то напоминал людей-хамелеонов (кстати, лоб был почти без морщин). Волос на голове не было.

Глаза-уголья впивались, казалось, в самую душу Найла — хотя, разумеется, то же чувствовал каждый из присутствующих.

Тут Маг, не размыкая губ, заговорил телепатически. Стало понятно, для чего нужны экраны: с аудиторией общались не губы, а лишь глаза. Без увеличения это вряд ли было бы возможно: речь Мага звучала на несколько ином диапазоне.

«Народ мой,— обратился он к залу тоном льдистым и четким, совершенно не выдающим возраст.— Приветствую тебя на двести двенадцатой годовщине созидательного труда».

Значит, это собрание по счету двести шестое. Мысль о том, что возраст карвасида исчисляется уже несколькими столетиями, ввергала в благоговейный трепет. Безусловно, это же чувство разделяли все присутствующие, кто видел сейчас незабываемое лицо с гипнотическими глазами.

«Сегодня здесь присутствуют двое посланников из города Корш, где я когда-то родился. Они прибыли от имени пауков, что ныне там царствуют».

Все поглядели на Найла с капитаном. Последняя фраза, впрочем, смущала: ведь Маг знал, что он не просто посланник, а правитель города пауков.

«Всем вам известно, что четыреста тридцать два года назад я привел своих соратников сюда, в Страну Призраков, и мы основали у озера свой первый лагерь».

Публика облегченно перевела дух, словно слушающие сказку дети: эта часть речи карвасида была, похоже, всем знакома.

«В те времена по окрестностям скитались лишь нечистые духи да троглы, ненавидевшие нас уже за то, что мы сюда явились».

Аудитория содрогнулась при мысли об этих злыднях (слова Мага сопровождались соответствующим видеорядом).

Карвасид (называть его иначе язык не поворачивался: слово «маг» отдавало чем-то неуважительным, вроде шарлатанства) умело жонглировал вместо слов образами. Внутреннему взору представал неприветливый край, небо над которым было не в пример темнее, чем сейчас. Гладь озера и та смотрелась зловеще.

Он поведал, как четверо его товарищей погибли и как тяжело пришлось в ту первую зимовку, когда довольствоваться приходилось лишь рыбой да мхом-сфагнумом. Все это Найл уже слышал от Тифона, но живописание карвасида было несравненно реалистичней: ощущение такое, будто сам переживаешь все это вместе с героями повествования.

Инстинктивная неприязнь к Магу, запавшая Найлу в пору его видения в Белой башне, стала постепенно сменяться сочувствием, чтобы не сказать симпатией. Этот рубленый профиль и четкая деловитость выдавали доподлинный героизм личности, с которой надо брать пример стойкости и решимости. Эти аскетически худые щеки носили на себе печать многих лишений; то же самое можно было сказать и о запавших, но не утративших пронзительности глазах, и о горестных складках у рта.

Этот великий властитель — если он настроен исцелить Вайга, — разумеется, может располагать полной его, Найла, лояльностью. Для него будет честью, если этот поистине великий человек соизволит стать его другом и наставником.

Речь была продолжительной — с полчаса, — но никто из стоящей на ногах аудитории не посмел и пошевелиться.

Когда карвасид в заключение сказал, что намеревается обменяться с городом пауков посольствами, вспышка восторженности едва не сшибла Найла с ног. Казалось, зал вот-вот взорвется аплодисментами — а впрочем, карвасид не выносит шума. Кстати, народ смотрел в основном не на Найла, а на капитана.

По окончании речи карвасид вновь надел свои заглушки, и толпа теперь уже безудержно возликовала. Мужчины и женщины размахивали руками, обнимались и целовались; у многих по щекам струились слезы. Такого энтузиазма Найл не встречал с той самой поры, как народ обрел свободу в его собственном городе. Это все, видимо, от заявления карвасида насчет обмена послами. Что и говорить, быть провозвестником столь радостного события и приятно и почетно.

Видя, как все ему улыбаются, Найл с тревогой подумал, не позвали бы его сейчас, чего доброго, на сцену. Стоять рядом с самим карвасидом — мысль об этом была до странности мучительной. Так что Найл вздохнул с облегчением, когда карвасид, унимая всеобщий восторг, поднял руку, а вышедший

на сцену Тифон объявил о предстоящем вручении трудовых наград. Люди готовно выстроились у сцены цепочкой. Первыми в ней были мэр со своей спутницей, а также главный огнеборец.

Процедура не сопровождалась взволнованным перешептыванием; здесь все слишком хорошо сознавали важность момента. Не было даже телепатической связи. Воздух же был наэлектризован радостным волнением.

Наблюдая за очередью, Найл мысленно себя поздравил. Путешествие в Страну Призраков оказалось не напрасным. Эти люди безусловно достойны лучшей доли. Многие из них впервые ощутят у себя на лицах солнце, почувствуют, как треплет волосы ветерок. Щеки утратят бледность подземных узников и покроются румянцем. А когда это случится, то, может, пройдет и бесплодие.

Началась церемония вручения. Двое мегов вынесли на сцену и установили возле карвасидова трона полированный ларь на ножках, полный перевязанных ленточками грамот. На сцену поднялся Герек и встал у ларя. Тифон, вынув из кармана бумажный свиток, зычным голосом актера возвестил:

— Первый приз вручается майору Бальтигару, нашему уважаемому новатору мэру!

Мэр, судя по дружным аплодисментам, пользовался популярностью. На одном из экранов появилось его лицо с довольной, слегка нервной улыбкой. Герек вручил ему вынутую из ларя грамоту. Мэр же пал перед троном на колени и пылко прижал губы к руке карвасида. На одном из экранов отобразилась милостивая улыбка правителя, на другом затылок вельможи, целующего руку с длинными ногтями. Наконец, неуклюже поднявшись на ноги, мэр сошел с другой стороны сцены.

— Лейтенант Васкон, чьи доблестные пожарные спасли за истекшее полугодие двадцать три дома!

Снова грянули дружные аплодисменты.

Васкон, пружинистым движением опустившись на колени, облобызал карвасиду длань и галантно, но вместе с тем щегольски вскочив, сошел со сцены, неся на отлете грамоту.

— Мадам Селена Хеспет!

Это относилось к спутнице мэра с необычной прической-башенкой. Ее чтили за какие-то заслуги перед женщинами го-

рода. Она трогательно зарделась и, преклонив колена для поцелуя, благоговейно застыла, в чем виделась некоторая наигранность: дескать, жизни не пощажу.

Волнение Найла, вначале было утихнув, вновь ожило при мысли, что рано или поздно ему неминуемо придется предстать перед карвасидом. Хотя, казалось бы, откуда эта предательская слабость в ногах? Перед выступлениями он никогда не тушевался, а уж чин правителя города и вовсе ставил на этом крест. Тем не менее щеки у него горели, а в зале стало вдруг душно. От одного лишь вида этого невозмутимого экранного образа гулко стучало сердце.

Причиной тому была, очевидно, атмосфера восторженного поклонения. Найл, сконцентрировав волю, попробовал ей воспротивиться, но тщетно. Эх, жаль, что перед уходом не захватил с собой медальон.

С каждым новым взрывом аплодисментов он чувствовал себя все ничтожней. В горле до шершавости пересохло; сейчас бы хоть глоток воды. Но из напитков было лишь вино на столике по соседству. Найл, взяв украдкой бокал, со стыдом увидел, что рука дрожит. Поднося бокал к губам, он исподтишка огляделся: не смотрит ли кто. За что и поплатился: вино пошло не в то горло, и Найл закашлялся.

Попытка заглушить судорожный кашель носовым платком тоже не удалась — он лишь расплескал красное вино по белой тунике. Ловя сочувственные взгляды, Найл поспешил вернуть бокал на стол: неровен час, прольется еще. Стыд и срам. От натуги заложило уши, и внезапно в зале словно отключили звук.

В результате — что удивительно — он как будто очутился под водой. Аплодисменты при этом не прерывались, но звучали приглушенно, словно за стеной. Вскоре это прошло и слух восстановился. Однако нервность за эти несколько секунд глухоты схлынула.

Суть ясна. Он просто прервал телепатический контакт, на время отстранился от аудитории с ее верноподданническим угаром.

Однако теперь, втянувшись повторно в шквал чужих эмоций, Найл старался внутренне держать дистанцию. Словно некий

спасительный скептик, пробудившись в нем, взирал на пафосное действие со снисходительным презрением.

Чувствовалось, капитан, следивший за Найлом бусинами затылочных глаз, уловил эту перемену настроения. Сам он тоже испытывал нечто подобное — получается, его зачарованную неподвижность Найл истолковал ошибочно. На все это низкопоклонство он, как и Найл, взирал с некоторым сарказмом.

Лицо Мага на экране смотрелось совсем по-другому. Черты его, еще минуту назад казавшиеся исполненными благородства и внутреннего достоинства, теперь выдавали основанное на эгоизме самодовольство. Да и морщины эти — не следы лишений, а просто отметины капризного, тираничного брызги.

Так что же произошло? Что за чары заставляли видеть Мага («карвасидом» пускай его именуют подданные) как некое божество? Неужто те же самые, что придают здешним женщинам магнитящую привлекательность?

Найл решил проверить: расслабился и открыл свой ум бушующим вокруг телепатическим волнам. Секунда коробящего неприятия, и вот он вновь восторженно ощущает вокруг себя этих радушных, дружелюбных людей, считая за честь присутствовать на званом рауте, где великий карвасид соблаговолил явить себя народу. И разве не само собой разумеется, что он, великий благодетель, обожает своих подданных, точно так же, как они горят любовью к нему. И недавнее подозрение, что Найл имеет дело с шарлатаном, казалось теперь ересью.

Потрясающе. Оказывается, зная секрет фокуса, представление о Маге можно менять волевым усилием. Вот перед тобой жестокосердный манипулятор, а вот — сердобольный отец своего народа. Вот ведь как умственная установка способна влиять на восприятие.

Изменилось и представление о присутствующих. В одном состоянии дамы здесь смотрелись вдохновенными красавицами, а мужчины — все как один доблестными, честными храбрецами. Но стоило сменить ракурс, как женщины вдруг представлялись тщеславными пустышками, а мужчины — напыщенными глупцами.

Нет уж, лучше держать дистанцию. Так и приятнее, и наверняка полезнее — все равно что приток свежего, трезвящего воздуха в этом угаре наигранности и приторного лицемерия.

И тут его посетила одна неуютная мысль. Рано или поздно ему все равно предстоит встретиться с Магом. Будучи подлинным мастером телепатии, мысли Найла он наверняка сможет считывать без труда. Оказавшись в свое время в городе пауков, скрывать от них свои думы Найл научился довольно быстро. Но одно дело пауки, которые в пустые умы своих слуг особо и не заглядывали, и совсем другое — Маг, искушенный во всех тонкостях этой науки. С ним так просто не сладишь. А значит, лучше пока слиться с восторгом его верноподданных.

И, словно в какой-нибудь бассейн, кинулся в царящую вокруг атмосферу праздничного единения.

Времени для осмысления происходящего было вполне достаточно. Церемония награждения продолжалась. Высший свет постепенно сменился цеховиками, достигшими новых рубежей производительности труда. Получили повышение несколько рабочих-передовиков, один, удвоивший свои показатели, так и вовсе получил жилье на первом уровне. Восторг у него был такой, что зал, растрогавшись, дружно его приветствовал; Маг и тот благодушно улыбнулся. Следом за ним первого уровня была удостоена рабочая-обувница, отдавшая производству двадцать лет самоотверженного труда.

Все это, несомненно, имело целью убедить рабочих, что при таком справедливом общественном строе у каждого из них есть возможность пройти в верхи.

Затем на сцену начали подниматься шахтеры и рудокопы третьего уровня, поношенностью одежды напоминающие рабов города пауков. Судя по худобе и мертвенной бледности, они недоедали. Присутствие правителя вызывало у них такой трепет, что на колени они становились дрожа, а один так и вовсе лишился чувств, и его под руки поднял мег. У бедняги по щекам текли слезы, и со сцены он сошел с трудом. Зал всколыхнуло от живого сочувствия — ведь понятно было, что все это от беззаветной любви к карвасиду.

Наблюдая, Найл опять невольно настроился на критичный лад. Интересно, почему Маг сам допускает такое нелепое низкопоклонство? Помнится, став правителем города пауков, Найл подчас и сам сталкивался с подобным к себе отношением. Но оно не вызывало у него ничего, кроме глухого непри-

ятия, и со временем подданные перестали выказывать признаки раболепства в присутствии правителя, а некоторые даже научились тактично избегать при встрече поклонов (скорее бы вообще все эти почести упразднить).

Хотя, может, дело здесь не в эгоизме Мага. Наверное, все это вызвано необходимостью как-то удерживать горожан от скучливого созерцания своей незавидной участи узников подземелья. Отсюда, возможно, и милитаризм: он поощряет дисциплину. Ведь и у венценосца Каззака, если вспомнить, в его городе была проблема безысходной скуки, которую даже постоянная угроза паучьего вторжения не могла перебороть.

Но вот награждение подошло к концу, и внимание аудитории слегка рассеялось. Вместе с тем чувствовалось, что мероприятие еще не завершено — даром что было уже почти два часа ночи.

Все собравшиеся обернулись на очередную группу вошедших, тоже рассредоточившуюся внизу вдоль сцены. Вид у них был тревожно-взволнованный; стало ясно, что эта группа готовится получить некое взыскание. Странно, что это происходит непосредственно после награждения. Хотя если вдуматься, в этом есть своя логика. Достойных поощрили наградами; теперь же наступает черед прощтрафившихся.

В отличие от награждаемых, эти негодники (общим числом девять) на социальные группы не разделялись. Наказание, видимо, отчасти состояло и в том, что их гнали одним гуртом, как заключенных, без сословных различий.

Все смотрели на них с мрачным любопытством. Первым стоял рабочий в грубой серой одежде вроде той, что у рабов. Найл его узнал: седой усач, что брел вдоль дороги, когда они проезжали по второму уровню. За ним — женщина, тоже седовласая и тоже в рабочем платье. А вот пара, что стояла за нею, явно принадлежала к высшей касте: у мужчины военная выправка, а женщина на редкость грациозна; пышные светлые волосы перехвачены черной лентой. Дальше снова фабричные и шахтеры, а замыкал строй тучноватый, с тяжелым подбородком дядька в посконной тунике.

Итак, первым в очереди стоял тот усач. На экране было видно, что его от страха покрыла испарина. Тифон ровным,

невыразительным голосом зачитал обвинение: дескать, этот человек по имени Побрег постоянно отсутствует в общежитии и предпочитает держаться в стороне от всех общественных мероприятий, будь то игры или что еще. Подобное неучастие наводит его товарищей по работе на мысль, что он чурается коллектива.

Побрег упал на колени, моля о пощаде, невнятно объясняя, что это все от болезни и депрессии и что у него нет женщины, которая согласилась бы стать его временной спутницей. Кончилось тем, что он, расплакавшись, простерся ниц у ног Мага, который, сняв наушники и надвинув на глаза капюшон, безмолвно слушал.

Тифон взглянул на правителя — не скажет ли тот чего. Карвасид хранил молчание, поэтому Тифон, обернувшись к обвиняемому, суровым голосом разъяснил, что при существующем справедливом строе неучастие воспринимается как критика, каковая вносит в ряды смуту. Поскольку поступок этот у Побрега первый, он на три месяца лишается заработка, но если подобное повторится, его ждет тюрьма.

Усач, которого на сцену заволокли два мега, тут же снова простерся у ног карвасида и принялся их целовать, после чего на четвереньках слез со сцены. Зал вздохнул с таким облегчением, будто и сам только что избежал наказания.

Затем наступила очередь блондинки и мужчины с бравой выправкой и фигурой атлета. Их вина заключалась в том, что они, в нарушение закона о раздельном проживании, провели вместе двадцать шесть ночей кряду, да еще и вынашивали план устроить совместный трехдневный отпуск в отдаленной части Евакианской долины (это еще где?). Могут ли они сказать что-либо в свое оправдание? Оба угрюмо промолчали.

Опять не дождавшись реакции Мага, Тифон объявил, что у него нет иного выхода, кроме как назначить полагающееся наказание: шесть месяцев рудников.

Женщина в отчаянии вскрикнула, мужчина же сокрушенно поник. Опустившись на колени, он припал к ногам Мага и взмолился о снисхождении. На этот раз Маг чуть заметно кивнул, отчего женщина облегченно прослезилась. Тифон объявил, что пара предпочла телесное наказание, которое будет

должным образом исполнено: три удара плетью мужчине, два женщине.

Мужчина вновь повернулся к Магу и в наступившей тишине севшим от волнения голосом спросил, нельзя ли наказание за двоих принять ему одному.

Тифон снова взглянул на Мага, лицо которого каменно посуровело. В нависшей тишине раздался его чистый, льдистый голос:

«В таком случае женщина избегла бы наказания. Но я сделаю еще одно снисхождение: вы оба получаете по три удара плетью. Тишина!»

Последнее адресовалось залу, по которому прокатился взволнованный рокот.

Оба слушника потрясенно молчали. Мужчина побледнел так, что, казалось, вот-вот упадет в обморок.

Вперед выступил мег и, опустившись на колени к мужчине спиной, поднял свои ручищи на уровень плеч. Найл, сохраняя некую отстраненность, не мог взять в толк, что происходит. Но это, видимо, понимал готовящийся к экзекуции мужчина, который с покорным видом протянул руки, давая мегу возможность их схватить и прижать к своей могучей груди. Мужчина, судорожно, взхлеб вздохнув, тряпичной куклой повис на мускулистой спине выпрямившегося мегга.

Вперед выступил второй мег, держа наготове плетъ. Удар стегнул так хлестко, что все в зале болезненно сощурились. На спине мужчины мгновенно вздулся рубец, из которого обильно хлынула кровь. Приговоренный висел без движения, он явно лишился чувств. Следующие два удара багровыми полосами вспороли кожу, пустив струйки крови. После этого мег, исполнявший роль козел, выпустил наказанного, и тот грохнулся на пол.

Женщина, стоя, хотела броситься к своему возлюбленному, но что-то ей мешало, отделяя от него словно незримой стеной. Было ясно, что это применяет свою волю карवासид. Вот мег, что с плетью, рванул с ее спины белое платье, оголив несчастную до талии (далее мешал пояс).

Решив проверить, испытывает ли публика такую же неприязнь, что и он, Найл вживился в мысли и чувства этих людей.

Секунду спустя он был потрясен: толпа переживала страх вперемешку с эротическим удовольствием, причем удовольствие преобладало. Стоящая рядом с Найлом женщина смотрела на сцену, приоткрыв рот; грудь у нее при этом вздымалась и опадала, как у запыхавшейся бегуни.

Первый мег снова изобразил из себя козлы, и женщина дала ему обхватить свои руки. Секунда-другая, и она уже свисала с его выпрямленной спины. Первый удар застал ее в сознании: она сдавленно вскрикнула. Ее кожа была нежнее мужской, и крови пролилось больше. От второго удара женщина конвульсивно выгнулась, но не издала ни звука. С третьим она обмякла, потеряв сознание.

Мег выпустил ее тело прямо на лежащего внизу любовника. Экзекуторов сменили двое других мегов и уволокли бесчувственных за руки.

Пришел черед седовласой женщины. Заведую столовой, она по недогляду испортила тонну провизии, складировав ее вместо холода в тепле. Ее ответ на обвинение почти не был слышен. Да он, в принципе, никого и не интересовал: неказистая внешность и худоба этой доходяги при порке не вызвали бы интереса. Скорее всего, дело ограничится предупреждением. Так оно, собственно, и вышло.

Следующие три дела тоже были рассмотрены быстро. Двое не вырабатывавших норму шахтеров, обвиняемых в хронической лени, предоставили медицинские справки, что у них слабые легкие, и им было приказано пройти обследование в городской больнице. А машинист со второго уровня, которому в вину ставилось периодическое неподчинение начальству, с жаром утверждал, что это все кляузы мастера, изводящего его придирами. Тифон возразил, что мастер здесь ни при чем, а речь идет об общественных устоях, основанных на подчинении начальству, так что обвиняемый приговаривается к шести месяцам исправительных работ в рудниках. Маг на это чуть заметно кивнул.

Последним в ряду был толстоший рабочий, у которого брюшко выдавало принадлежность к привилегированным слоям, кушающим вволю. Его представили как Друску, бригадира, отвечающего за строительство стены. Обвинение состояло в

том, что его бригада отстала от графика и теперь городская стена до Нового года не будет завершена. Что в свою очередь означало издержки в виде полка солдат, караулящего недоделанный участок.

На вопрос, что он может сказать в свое оправдание, Друско, густо прокашлявшись, севшим голосом ответил, что вина здесь не его, а учетчика со второго уровня, не поставлявшего вовремя и в нужном количестве стенные сегменты. Тифон спросил, ставил ли он эти факты учетчику на вид. Друско сказал, что да и что учетчик валил всю вину на рудокопов — дескать, не справляются. На вопрос, обращался ли он к начальству рудников, Друско ответил отрицательно. Почему? Потому что это забота фабричного учетчика, а не его.

Лицо у Мага за время словопрений заметно омрачилось; было видно, что он с трудом сдерживается.

Тифон, предвосхищая вспышку сиятельного гнева, быстро подытожил:

— Нет, эта забота как раз твоя, поскольку ты отвечаешь за строительство стены.

Друско тупо кивнул. Его толстые губы плаксиво дрожали.

— Шесть месяцев рудников? — спросил Тифон, обращаясь к карвасиду.

Тот строптиво повел головой.

— Нет и нет. Слишком мягко. Шесть ударов плетью и шесть месяцев рудников.

Друско обморочно побледнел. Чувствовалось, что он сейчас, моля о пощаде, повалится в ноги карвасиду. Это намерение Тифон бдительно упредил, позвав мега, который готовно изогнулся козлами. Зал пытливо смотрел: судя по всему, обвиняемый был многим здесь известен. Наконец жестом отчаяния Друско протянул руки, но не настолько, чтобы гигант мог ухватить их как следует. В итоге, когда «козлы» распрямились, Друско соскользнул на пол.

— Семь ударов, — бросил Маг.

Сама тихая зловещесть его голоса давала понять, что жизнь обвиняемого висит на волоске. Мег поднял Друско снова, на этот раз надежно.

Найл отвел глаза, не желая видеть, что будет дальше. Но скрыться от посвиста плети и от воплей осужденного было

некуда. На третьем ударе вопли стихли: Друско лишился чувств. Хлесткие звуки сделались тише. Коротко взглянув, Найл понял почему. Спина осужденного превратилась в кровавое месиво с лоскутками плоти, что и приглушало звук.

К окончанию экзекуции Найл уже не скрывал отвращения, которое его попросту душило. Помимо собственно тупой жестокости, эта порка была еще и бессмысленна, ведь договор о мире упразднит необходимость и самой стены. Он уже втайне сожалел, что приходится заключать мир с таким исчадием — ведь в качестве равной по рангу венценосной особы придется на все это из куртуазности закрывать глаза.

Тело Друско мешком отволокло со сцены мег. Опять заговорил Тифон:

— Прежде чем мы завершим, я уполномочен сделать заявление. Карвасид уже довел до присутствующих, что у нас находятся двое посланников из города Корш. Великий карвасид уполномочил меня сказать вам и то, что сравнительно скоро мы можем подписать мирный договор, который позволит нашим народам путешествовать и заниматься коммерцией.

Зал взорвался шквалом аплодисментов. Толпа раздалась, образовав проход к сцене. Восторженную овацию Тифону удалось унять, лишь подняв руку.

— Добро пожаловать, капитан Маканда и полковник Найл!

Ступая вслед за капитаном по живому, лучшему улыбка коридору, Найл уже не чувствовал недавнего раздражения: а как же иначе, при столь теплом приеме. Да и вообще, как ни крути, а Маг — это пусть и суровый, но справедливый и пекущийся о своем народе правитель. Вот и хорошо: к властителю Страны Призраков лучше идти с дружеским чувством, а не со склокой.

Перед сценой паук слегка замешкался: его восемь размашистых лап не были приспособлены для узкой лесенки. Ему бы проще махнуть на сцену напрямиком — но нельзя ронять достоинство перед публикой. И он, утиснув под себя ноги, все-таки въез на сцену. Следом поднялся Найл и смущенно остановился, осматривая сидящего на троне Мага. Вблизи кожа у карвасида выглядела земистой и нездоровой, вся в сетке морщин, словно выделанная и отполированная в стародавние времена дорогая шкура.

Маг с милостивой улыбкой протянул капитану свою длань — судя по всему, для коленопреклоненного поцелуя.

Паук снова колебался — не из возражения, а просто очень уж нелегко было исполнить этот жест. Во-первых, над сидячим Магом он возвышался без малого на метр. Подогнуть передние ноги значило уткнуться передом в пол; согнуть их все значило провалиться в них корпусом. Выход нашелся, когда капитан догадался убрать все ноги под себя, как в позе сна. При этом его рот мог изобразить подобие поцелуя. Весь зал, затаив дыхание, наблюдал, как иноземное чудище поклоняется их повелителю.

Маг, все так же улыбаясь, величаво протянул длань второму гостю. И тут слияние с залом у Найла вдруг кончилось, уступив место гневливой неприязни. В конце концов, он правитель своего города и обращаться с ним как с простым посланником — это намеренное оскорбление. Найл перевел взгляд на Тифона, как бы говоря: «Карвасид разве не в курсе, что я правитель города пауков?»

Тифон с заискивающе-виноватым видом мысленно умолял: *«Прошу тебя, заклинаю: ради всего святого, сделай это!»*

Но Найл и сам знал, что делать. Твердо взглянув Магу в глаза, он коротко проговорил:

— Нет.

Дальше все произошло так быстро, что он даже не успел опомниться. Снисходительная улыбка Мага переросла в злобный оскал, и Найла вдруг садануло в голову так, что из глаз посыпались искры. Припечатавшись щекой к полу, он почти лишился чувств.

Сквозь мутную завесу он беспомощно видел, как с двумя мегам схватился капитан. Похоже, эти исполины не были восприимчивы ни к ударам воли, ни к яду. Мощным когтем паук по локоть отхватил мегу руку, но тот, не свизирая на увечье, продолжал орудовать другой рукой. Подоспело еще двое мегов, и вскоре капитана жуткой силы ударом пригвоздили к полу.

Найл кое-как поднялся на четвереньки — на большее не хватило сил. Демонической яростью полыхали глаза Мага. «Всё, конец», — мелькнуло в тускнющем сознании. Впрочем, нет, не конец: тупой и мощный удар, перехватив дыхание, вызвал

головокружение и тошноту. Найла что-то (или кто-то) вздержнуло в воздух; перед глазами внизу закачался пол. А потом все сорвалось и ухнуло куда-то в темень.

В чувство его привела несносная боль, которой горело все: тело, конечности, голова. Нижняя губа вздулась сарделькой, а левая часть лица, похоже, представляла собой сплошной ушиб. Саднило живот, как будто его пинали; жестоко досталось и ребрам. Шевельнувшись, Найл задохнулся от боли. Нет, уж лучше лежать не двигаясь. Что это за одышечный сип — неужто собственное дыхание?

А еще было холодно. Когда он размежил веки (полностью открывался только правый глаз), стало понятно почему. Найл лежал на каменном полу тюремной камеры. Желтоватый лучик света пробивался сквозь зарешеченную дыру в массивной двери. Свет сочился и через решетку позади — судя по сквозняку, там находилось окно. От стены была откинута и висела на цепях деревянная койка.

Кое-как до нее дотянувшись, он ухватился за край и через силу приподнялся. На кровати было что-то мягкое: одеяло. Подушкой служила простая чурка. Найл лег лицом к двери, укрылся одеялом и забылся нелегким сном.

Когда он снова открыл глаза, свет за дверью уже не горел. В пробивающемся из окна мутном сиянии различались зеленые блоки стен — так что он, возможно, все еще во дворце. Встав на койке на колени, он через решетку посмотрел вверх. Там различался лишь каменный откос стены с зарешеченным окошком наверху. Найл плотней укутался в одеяло, экономя тепло, и так лежал — пассивно, ощущая тяжелую пульсацию в левой части ссаженного лица, а там, где удар пришелся справа, сплошной синяк.

Пассивность, как ни странно, сыграла на пользу: он уловил присутствие матери, которая окликала его по имени. В этом неподвижном состоянии он слышал ее так четко, словно она находилась непосредственно в помещении.

«Ты в порядке?» — спрашивала она.

Притворяться не было смысла: мать все чувствовала. Находясь у Найла в голове, его дискомфорт она воспринимала как свой собственный.

«Нет, — правдиво ответил он. — Я в темнице».

«За что же?»

«Я уязвил Мага. Отказался целовать ему руку».

Чувствовалось, что ее тянет узнать подробности. К счастью, вместо этого она спросила:

«Тебе больно?»

«Весь избит. И очень холодно».

После паузы мать сказала:

«Да, я это чувствую. Послать тебе на выручку шары?»

Ответ был очевиден. При малейшей угрозе вторжения пауков его умертвят.

«Нет. Прямая опасность мне не грозит, так что не волнуйтесь».

«Но чего он хочет?»

«Знать бы, — вздохнул Найл. — Глядишь, и мне бы легче было».

«Я что-нибудь могу сделать?»

К Найлу пришла неожиданная мысль.

«У тебя в комнате есть огонь?»

Мать жила в самом продуваемом крыле дворца, и ее горничная Деберис обыкновенно начинала день с растопки большого камина.

«Не здесь. В соседней комнате».

«Тогда встань там и согрейся как можешь. А потом попробуй передать часть тепла мне».

Найл точно не знал, возможно ли такое, а потому был приятно удивлен, ощутив переданную матерью волну тепла.

«Ты чувствуешь?»

«Да».

«Подожди минуту, я наброшу что-нибудь потеплее».

Через минуту-другую Найл уже как будто сам находился возле камина. Матери, должно быть, сейчас чересчур жарко, но ощущать тепло было так приятно, что не хотелось этого прерывать. Наконец-то он, можно сказать, ожил. Теплая волна постепенно пошла на спад: очевидно, матерью овладевала усталость.

«Этот Маг может читать мысли?» — спросила она.

«Да».

«Тогда тебе надо быть очень осторожным. — Материнский голос становился все слабее; последние слова были едва слышны. — Я попробую с тобой связаться нынче вечером».

Присутствие матери истаяло.

Слегка прибодрившись, Найл, скинув ноги с койки, резким движением сел. При этом все ушибы и ссадины взыграли с новой силой, аж дыхание занялось — все равно что по неосторожности сунуться в слишком горячую ванну. Найл, скрипнув зубами, вполголоса выругался. Завернувшись в одеяло как в плащ, он подвинулся к изножью кровати: здесь не так чувствовался сквозняк.

Боль напомнила о свойстве, почерпнутом через медальон. Закрыв глаза, Найл жестко сосредоточился, отчего тут же наступило облегчение. Воссоздалось даже недавно переданное матерью тепло. Правда, от этого сильнее пульсировали синяки и ссадины, но одно другого стоило.

Шорох за окном заставил Найла обернуться. Он посмотрел за решетку, наверх — там за прутьями скакала какая-то птица. Узнав своего ворона, от восторга он готов был рассмеяться вслух. Однако, спохватившись, оглянулся на дверь камеры: не смотрит ли кто.

Птица, перепархивая вдоль окна, наконец пристроилась с той стороны у решетки и села, чутко накренив голову. Теплепатический контакт с вороном показал, что тот чувствует: двуногий друг в беде.

Найл переправил свое сознание в мозг птицы. Это далось не сразу — скорее всего, из-за усталости. Но едва он сообщился с вороном, как самочувствие заметно улучшилось. Глядя глазами ворона на свое лицо, Найл с горьким сарказмом отметил и лиловый синяк вокруг глаза, и ссадину на левой скуле. Вслед за этим он внушил птице взлететь.

Зарешеченное окно его камеры — одно из многих — выходило в округлый внутренний дворик. Ворон меж тем набирал высоту, покуда не оказался над дворцом, чья территория была гораздо шире, чем представлялось Найлу раньше. Сам чертог был возведен в форме средневекового замка, с тройным кольцом стен. Найл направил птицу на самую высокую башню, где та, послушно сев на зубец, огляделась.

Внутренний двор с казематами находился в центре двора. Так что узник, даже если и ухитрится бежать через окно, все равно окажется в ловушке. Оттуда единственная дверь вела в узкий переход меж двумя строениями, где в конце возвышалась еще одна стена с дверью.

Ворон притулился на кровельном желобе декоративной башенки. На крыше и по карнизам дворца густо сидели птицы, что, в общем-то, неудивительно: дворец — самое высокое место в этом городе. При нормальном свете дня отсюда открывались бы северные утесы, а впрочем, и в тусклом свечении Страны Призраков вид был впечатляющим. Похоже, птицам вообще нравится озирая местность с высоты. Сам Найл высоту недолюбливал, но, глядя сейчас сверху глазами ворона, невольно приобщался к его удовольствию.

Интересно, а вот эта центральная башня, случайно, не апартаменты Мага? Что касается окна непосредственно под фронтоном, то оно было взято в подобие металлической клетки. Найл направил туда ворона, веля ему примоститься на обрешетке, но не посередине (это могло показаться подозрительным), а где-нибудь с краю. В нескольких метрах от окна, спиной к проходу, в тускло освещенном коридоре истуканами застыли двое вооруженных стражников. Такая неподвижность наталкивала на мысль, что это не люди, а манекены. Причина неподвижности выяснилась чуть погодя. Из стены напротив на стражников кошачьими зрачками светили два зеленых огонька — те самые механические глаза, что Найл встречал в коридорах дворца. Их предназначением, разумеется, было внушить всем и каждому, что они находятся под неусыпным наблюдением.

Найл направил птицу к соседнему окну, опять же усадив ее на поперечину с краю. Это помещение было хорошо освещено и, как Найл и ожидал, относилось к апартаментам Мага. Стены его занимали стеклянные стеллажи с какими-то приборами, но самой броской деталью интерьера здесь было что-то вроде светящегося столпа от пола до потолка. На всем своем протяжении этот столп переливался мягким синеватым светом — теплым, словно живым. Найлу он чем-то напомнил колонну в центре Белой башни, хотя и был поуже. Снизу вверх по не-

му, словно пузыри в некой жидкости, неспешно всплывали клубы темноты.

У дальней стены, спиной к окну, виднелся сам Маг — возле лабораторного стола, держа перед глазами пробирку, содержимое которой аккуратно взбалтывал.

Почему-то насторожившись, Найл заставил птицу сняться с поперечины и слететь на зубчатую стену, опоясывающую внутренний двор. Там сейчас стоял офицер и втолковывал что-то караульному взводу (по виду все как один пещерные жители). Что сразу бросалось в глаза, так это то, что вместо холодного оружия они держат при себе «жнецы».

Офицер (Найл узнал в нем Джелко, начальника дворцовой стражи) внушал им что-то с суровой серьезностью, которая отражалась на подчеркнуто внимательных лицах. К сожалению, мозг ворона не был приспособлен для приема телепатии, а сам Найл ничего толком уловить не мог. Он многое бы дал, чтобы узнать, в чем причина такой насупленной серьезности.

Солдат в первой шеренге задал какой-то вопрос, ответ на который Найл уловил вполне отчетливо: «Отстреливаться, но соблюдать осторожность. Эти штуки опасны».

В эту секунду по соседству с вороном попыталась устроиться крупная сорока, и тот неодобрительно каркнул: мол, что за наглость? Джелко глянул на птиц и вдруг насторожился. О ужас: ворон застыл, парализованный напором воли. Лапы подогнулись; он бы упал, не будь под ним опоры в виде зубца. Зато сорока камнем грянулась оземь. Найл поспешил заблокировать чужой напор ударом своей воли; офицер лишь проводил ворона изумленным взглядом.

Таким образом Найл усвоил важный урок: при дворце Мага даже птицы не могут чувствовать себя в безопасности.

Следующие полчаса ворон совершал облет дворцовых крыш. Найлу было любопытно, почему дворец занимает такую площадь. Как выяснилось вскоре, он представлял собой отдельный город в миниатюре. По внутренним дворам расхаживали и мужчины, и женщины с внешностью все тех же пещерных жителей. Опять же, все происходило в неестественной тишине. Выяснилось и то, что мужчинам и женщинам здесь разрешено совместное проживание (несколько корпусов явно представ-

ляли собой семейные общежития); кое-где во дворах виднелись даже натянутые веревки с бельем.

За тыльной стороной дворца, через стену, находилось серое, фабричного вида здание, смотревшееся здесь явно не к месту — сложенный из бетонных блоков не то склад, не то цех годился скорес для второго уровня. Оттуда доносился глухой шум машин и какое-то бутылочное позвякивание. Найл направил ворона к одному из окон.

За закопченным стеклом с десяток женщин, обстав какую-то движущуюся ленту с бутылками, усердно наполняли их белой жидкостью, брызжащей из трубок над лентой. Найл, совершенно не знакомый с конвейерами и заводским производством, смотрел на эту картину с неподдельным удивлением.

В это мгновение он рывком вернулся в свое тело с его ушибами и ссадинами: кто-то пробовал прощупывать его ум. Вначале он подумал, что это пытается установить контакт мать, и готовно открылся — состояние, во многом аналогичное чуткому вслушиванию в какой-нибудь отдаленный звук. Однако минуту спустя ощущение прошло. Затем за дверью камеры зажегся свет и послышался лязг отодвигаемых засовов.

В камеру вошел горбун. Даже при ее скудном свете было видно, что это явно результат «экспериментов» Мага: один глаз нормальный, другой — большущий — вылуплен луковицей; несоразмерно огромный нос выгнут на сторону. При горбуне был поднос с коркой хлеба и кружкой воды. Поднос он поставил на койку.

Внезапно до Найла дошло, что часы на руке отсутствуют.

«Сколько времени?» — осведомился он телепатически, но ответ прозвучал вполне обычно:

— Не скажу.

— Что значит «не скажу»? Не знаешь?

— Не положено, — строптиво ответил тюремщик.

Говорил он невнятно, как будто язык был великоват для рта. Не произнеся больше ни слова, он повернулся и вышел из каземата. Затем погас свет.

Хотелось есть. Несмотря на взбухшую губу, Найл быстро проглотил и корку и воду, у которой был противный маслянистый привкус. Через несколько минут начала одолевать тошнота — в воду, конечно же, подмешали рвотное.

В углу камеры стояло ведро с деревянной крышкой. Едва Найл успел до него добраться и встать на четвереньки, как его вырвало. Средство было сильным: судорожные позывы еще долго не унимались даже тогда, когда желудок опустел. Наконец Найл сел, обессиленно привалясь к стене. Его бил крупный озноб.

Пошатываясь, Найл добрал до койки и залез под одеяло. От слабости он прикрыл глаза и погрузился в полусон.

Валяясь в полном изнеможении, Найл с неожиданной отчетливостью вдруг вспомнил о Вайге. Лицо брата словно взирало на него сквозь полумрак каземата. Найл невольно вскинулся: последние несколько часов он совершенно о нем забыл. Охватило безысходное, беспомощное отчаяние: своим опрометчивым поведением он предал Вайга, обрекая его на смерть.

Вспомнилось и то, как Тифон, выяснив, сколько дней назад был отравлен Вайг, успокоил: дескать, есть еще уйма времени. Быть может, он знал, что затевается, и сам был участником заговора, в результате которого Найл угодил в темницу? А что же Герек? Невозможно представить, чтобы к этому был причастен и он. Хотя, если вдуматься, ничего нельзя исключать. От этого вывода из Найла словно ушла вся энергия.

А из-за чего он, собственно, оказался в узилище? Из-за того, что в нем восстал гордость; он не желал терпеть, чтобы с ним обращались как с одним из подданных Мага. Найл — не подданный. Он такой же, как и Маг, равноправный правитель, и к нему должны относиться с уважением.

А та странная настойчивость, с какой Маг убеждал свой народ, что Найл с пауком всего лишь посланники, — что при этом двигало карвасидом?

В голове и желудке все еще мутилось, так что трудно было думать о том, как следует действовать в создавшемся положении.

Чтобы отвлечься, он взялся подсчитывать, сколько времени истекло с того момента, как Вайг порезался о топор. Случилось это в пятницу, и в воскресенье с рассветом Найл уже был в пути. Воссоздавая в памяти события каждого дня, он смог подытожить, что сейчас, видимо, понедельник. Так что брату отпущено всего восемнадцать дней.

От этой мысли бросило в жар, а сердце, казалось, выскочит из груди. Безнадега охватила такая, что впору руки на себя наложить. Видно, Маг все же одержал верх, и хочешь не хочешь, но отныне придется действовать по его указке.

Суть в том, что он, Найл, слишком юн и незрел, у него нет той ментальной собранности, что позволила бы противостоять напору человека, всепоглощающим стремлением (не сказать манией) которого является подчинение всех своей воле. Для вызревания внутренней мощи нужны долгие годы суровой самодисциплины вроде той, какой истязал себя монах Сефардус.

Мысль о Сефардусе неожиданно подействовала так, что Найл внутренне сфокусировался и перестал соскальзывать в пучину уныния. В конце концов, Сефардус провел в своей отшельнической келье годы, обретая просветление и исполняясь умственной силы. Чего нельзя сказать о Маге: дисциплина самоконтроля не была ему свойственна никогда. Это доказывала уже та убийственная ярость на личине карвасида, когда Найл дерзнул его послушаться. В этом, похоже, и его уязвимость.

Вспомнилась хрустальная сфера в пещере троллей. Старый тролль научил, как восстанавливать контакт. Для этого надо наладить связь с одним из членов их семьи и, разделив внимание, дать его уму сообщиться с кристаллом.

Найл воссоздал образ жены тролля, представив, что она находится в комнате жилища. Однако ощущения связи не возникало. Тут до Найла дошло, что сейчас, должно быть, середина дня и все заняты своими делами по хозяйству, в том числе и она. Точно так же бессмысленно пытаться в это время дня установить контакт с матерью.

Тогда он попробовал выйти на связь со старым троллем, но так же безрезультатно — все равно что стучаться в дверь, когда никого нет дома.

Уже решив прекратить это бесполезное занятие, он попробовал напоследок вообразить тролльчонка, что постарше. У Найла к нему была естественная симпатия: дети есть дети. Вопреки ожиданию, это сработало, и он вдруг ощутил ребенка так четко, будто тот находился где-то недалеко. Более того, тролльчонок тоже осознал присутствие Найла. Он играл в деревян-

ные кубики и в данный момент неподвижно сидел в размышлении.

Прежде чем внимание ребенка отвлеклось, Найл сделал то, чему учил его дед: отделил часть ментального потока тролльчонка и направил на кристалл. Мгновенно ощутилось электрическое покалывание. Еще секунда, и энергия Найла слилась с энергией кристалла, поместив его в центр паутины, откуда передавались волны силы.

Вместе с тем приток энергии вызвал и мучительную боль. Найл уже свыкся с синяками и ссадинами, но этот ток подействовал как соль на раны. С присвистом втянув сквозь зубы воздух, он не смог сдержать стон. Одновременно Найл ощутил, как его ум прощупывается кем-то, находящимся за пределами камеры.

Немного погодя дверь открылась и в каземат вошел горбун.

— В чем дело? — спросил он.

Найл промолчал. Тюремщик, подойдя к койке, впился в Найла взглядом. Так ничего и не поняв, он хмыкнул и удалился.

Похоже, попытки вновь связаться с кристаллом придется отложить до мало-мальского восстановления сил.

Главное, что он все-таки может приобщаться к энергии кристалла. Это придавало оптимизма. Найл, приободренный, наконец-то смог расслабиться и заснул.

Разбудил его лязг засова. На этот раз в каземат зашел не горбун-тюремщик, а темноволосая девушка в простецком синем платье служанки. Скошенный подбородок выдавал в ней все то же «пещерное» происхождение, а округлые глаза создавали впечатление некой напуганной невинности. В общем, то же, что и у Каты: подпорченная смазливость.

Робко улыбнувшись, она телепатически спросила:

«Не желаешь поесть?»

Найл, опустив с койки ноги, освободил место под поднос. На еду он смотрел с подозрением: черствый ломоть хлеба, пластик сыра, половина яблока и кружка воды. Очень хотелось пить. Подняв кружку, он осторожно понюхал.

«Что-нибудь не так?» — заинтересовалась девушка.

«В прошлый раз меня стошнило», — соорудил гримасу Найл.

Та взяла у него кружку и, отпив, протянула обратно. По счастью, вода действительно оказалась без маслянистого привкуса.

«Как тебя звать?» — спросил Найл.

«Умайя. А тебя?»

«Найл».

Она оглядела ссадины у него на левой скуле.

«Кто это сделал?»

«Не знаю. Кто-то сшиб меня с ног».

Одной царапины девушка легонько коснулась пальцем; Найл болезненно сощурился.

Увы, после этого Умайя ушла, заперев за собой дверь. Но почему-то думалось, что она вернется.

Найл отхлебнул воды, переборов соблазн опустошить всю кружку. Съел и хлебную корку, и яблоко, и сыр — до сытости далеко, но все же не так голодно.

Умайя возвратилась с белым ящичком, который она поставила на поднос. В ящичке оказались бинты, склянки с мазями и белая трубка со щеточкой на конце. Она также принесла теплую влажную ткань, которой бережно прочистила ссадину. Кончики пальцев у девушки были прохладны, а когда она наклонилась близко, от ее синего платья пахло чистотой, как будто оно недавно было выстирано и выглажено. Найл обратил внимание, какие изящные у Умайи руки.

Досуха промокнув ссадину носовым платком, она что-то проделала с трубкой, и та тихонько загудела. Трубку Умайя подставила к лицу Найла, и он, ощутив электрическое покалывание, зажмурился. Девушка улыбочиво покачала головой. Приглядевшись, Найл уяснил, что у нее нет языка.

Вкрадчивым движением она легонько прижала голову Найла к своему платью и опять применила щетку, которая колола уже не так сильно. Чувствуя виском нежное тепло оголенной руки, Найл расслабился в точности так, как если бы сейчас его ублажала собственная прислужница во дворце; телесный контакт приносил несказанное удовольствие. С очередной смелой позы он ощутил, что грудь девушки под платьем обнажена.

«Для чего это?» — поинтересовался он.

«Для лечения и разжижения крови».

Последнее озадачивало, однако расслабленность помешала Найлу пуститься в расспросы.

Через несколько минут Умаяя занялась другой стороной лица — в частности, синяком от удара, сбившего Найла с ног. Вначале ток причинял боль, но затем стал действовать успокаивающе. Перед внутренним взором как будто вставали колышущиеся на ветру деревья, вызывая в памяти полузабытые образы. Наконец девушка с улыбкой отняла от себя его голову. О чудо: ее прикосновение к поврежденному участку не вызвало никакого дискомфорта.

«Что это?» — указал Найл на трубку.

«Фрейс», — ответила Умаяя, полагая, что он с этим понятием знаком.

«Что-что?»

«Ты не знаешь?» — удивилась уже она. — *Это сила, исходящая из земли».*

Теперь понятно, что это напоминает: силу кристалла, помещенного троллем в посох. Очевидно, Маг изыскал некий способ улавливания и сохранения силы Земли — подобно тому, как батарея сохраняет электричество. Да, надо согласиться: карвасид действительно превосходный изобретатель.

Затем Умаяя наложила какую-то зеленую мазь, отчего ссадины перестали жечь и жарко пульсировать.

Убрав снадобья обратно в ящичек, она защелкнула крышку и, помедлив, спросила:

«Почему ты здесь, в темнице?»

«А ты не знаешь?» — выразил удивление Найл.

«Нет. Мой отец всего лишь тюремщик. Ему ничего не докладывают».

«Я здесь потому, что отказался повиноваться карвасиду».

«Отказался повиноваться?» — Девушка будто поперхнулась. — *Но почему?»*

«Потому что он приказал мне поступить против моей воли».

Она была так потрясена, что даже не дерзнула расспрашивать, а, подхватив поднос, поспешила к двери. Но, уже открыв ее, все-таки остановилась и дежурным тоном спросила:

«Нет ли каких-то пожеланий?»

«Есть. Ты не скажешь, что случилось с моим компаньоном, пауком?»

Судя по мелькнувшей в глазах неуверенности, Умайе, как и ее отцу, было не велено отвечать на вопросы. Однако в конце концов воспитанность возобладала над сомнениями.

«С ним все в порядке».

«Цел и невредим?»

«Да».

Глядя на нее, Найл вдруг с ностальгией вспомнил Джариту и Нефтис. Вот бы так же, как с ними, принять с Умайей ванну; чувствовать, как ее нежные пальчики, массируя, намыливают его тело. Девушка зарделась — наверняка прочитала мысль узника. Секунда, и она смущенно поспешила вон из камеры. Слышно было, как брякнул об пол поднос и как Умайя, заперев снаружи дверь, торопливо взбегаєт по лестнице.

Как необычно. Его мысль Умайя прочла без усилия. А ведь образы Джариты и Нефтис, купающих своего сюзерена, были фактически неуловимыми, мимолетными.

Дважды в тот день Найл чувствовал, как кто-то пытается исподволь зондировать его ум. Возможно, тот тюремщик-горбун. А вдруг это Умайя?

Да нет, вряд ли. Малейшего контакта с Умайей было достаточно, чтобы уяснить: эта девушка честна и по-хорошему проста, как его брат.

И все равно странно, насколько легко ей удавалось читать его мысли.

Поев-попив, Найл ощутил в себе достаточно сил, чтобы попробовать снова сообщиться с кристаллом. На этот раз получилось легче. Он живо представил себе младшего из двух тролльчат — его рыжие волосы, румяные щеки, прореху между зубами — и почти сразу его осознал; ребенок сидел у огня, играя вырезанным из дерева драконом.

Найл направил разум ребенка на кристалл и тут же сам оказался непосредственно возле него в пещере. Всего в нескольких метрах старый тролль сосредоточенно протирает розоватую сферу куском ткани и чужого присутствия явно не замечал.

Странность была в том, что и тролль, и стены пещеры выглядели прозрачными, словно сделанными из какой-то стекловидной жидкости, в то время как Найл казался себе вполне нормальным, телесно прочным. Он потянулся, чтобы коснуться тролля, но рука прошла сквозь предплечье старца. Не уда-

лось привлечь внимание, даже махнув рукой непосредственно перед глазами (для этого пришлось подпрыгнуть); старик даже не моргнул.

Вот тролль, закончив процедуру, поместил во впадину паллена кристалл, где тот сразу же замрел ровным розовым светом. При этом отчетливо чувствовалась исходящая от шара жизненность. Ее тепло было таким приятным, что Найл специально придвинулся, желая впитать сколько-нибудь энергии.

В эту секунду на полу он обнаружил и свой собственный шар, завернутый в черную бархатистую ткань. Шедшая от него энергия ощущалась даже сквозь материю. Стоило над шаром нагнуться, как тот сам настроился на энергию владельца, подав встречный импульс.

Старик что-то почувствовал и оглянулся. Он удивленно поднял брови, когда шар, выпутавшись из ткани, сам собой плавно поднялся в воздух. Неверным движением нащупав возле себя кресло, тролль грузно на него опустился.

Сосредоточенный же на кристалле Найл даже не замечал, какой переполох вызвал своим фокусом. Его несказанно радовало, что кристалл отзывается с такой чуткостью, будто Найл присутствует в пещере физически.

Тут старый тролль произнес что-то на своем гортанном языке, и Найл, наконец спохватившись, перевел на него взгляд. Старик явно понял, что происходит.

«Ты где?» — спросил тролль на языке телепатии.

«Здесь».

Найлу сложно было осознать, что он незрим, ведь он сам и видел, и ощущал себя с предельной четкостью.

Тролль, потянувшись, убрал с паллена розовый кристалл, который тут же померк, как задутая свеча. Найл водрузил там свой кристальный шар, вмиг озаривший пещеру ярчайшим светом (старик даже прикрыл глаза рукой). При этом все окружающее сделалось для Найла более четким, хотя и не таким, как он сам. В этот момент он наконец сделался видимым для тролля.

Старик, потирая нос, глядел сверху вниз на Найла.

«Так где же ты?»

«В Стране Призраков, в темнице».

«Я не исключал, что это произойдет, — пробурчал тролль. — Какой он использовал повод?»

«Я отказался целовать ему руку».

«Вот как, — мрачно усмехнулся тролль. — Тебе сейчас, наверное, лучше возвратиться в свой каземат. Быть здесь крайне опасно».

«Разве? — изумился Найл. — Почему?»

«Если он узнает, что кристалл у тебя, ни перед чем не остановится, чтобы его заполучить. Будет истязать, пока не выпытает, где ты его прячешь».

А вот это и впрямь нежелательно. В самом деле: если Маг дознается, где кристалл, тролли тоже окажутся в опасности.

Тролль, похоже, рассудил, что усугублять и без того незавидное положение Найла нет смысла, а потому добавил:

«Ты только не поддавайся страху — это самое худшее, что может с тобой произойти. Пока ты храбр, он ничего не сможет тебе сделать. Всю эту неделю я буду держать твой шар на палке — на случай, если он тебе понадобится. Уяснил?»

«Да. Спасибо».

«А теперь тебе лучше ретироваться».

Найл отвлекся от света и таким образом мгновенно перенесся в скорбную юдоль своей камеры и своего тела (синяки опять пульсировали). Что и говорить, незавидный контраст с хрустальной пещерой.

Тролль, конечно же, был прав. Если кто-нибудь вглядывался в ум Найла, то возросшая жизненность мгновенно его выдавала. От одной лишь мысли, что Маг проведал о хрустальном шаре, бросило в жар; все внутри перевернулось. В окончательное уныние повергла мысль о том, что путешествие в Страну Призраков закончилось полным провалом и, что еще хуже, брат теперь умрет по его вине.

Найл сел на койке, полностью разбитый и подавленный. Уж лучше бы он поцеловал Магу руку — что в этом такого? Нет же, надо было упереться, показать свою дурацкую гордость — и вот теперь он здесь, в опасном, не сказать безнадежном, положении...

Может, еще не поздно принести Магу извинения? Но сама эта мысль вызывала отторжение. Маг был подобен злему, нетерпимому дитяти, жутко избалованному властью. Представить себя перед ним на коленях — от этого становилось физически дурно.

Следующие полчаса Найл словно пытался выбраться из черной тягучей трясины, с каждой новой попыткой увязая все глубже. Уронив голову в руки, он сидел, мучительно пытаясь найти в себе хоть какие-то следы оптимизма, но тщетно.

Когда дальше, казалось, увязать было некуда, за дверью послышалась негромкая возня. Внутри у Найла все напряглось: наверное, кто-то шпионит. Ожидая вторжения в ум, он намеренно пригасил мысли и, набросив на себя одеяло, лег, сделав вид, что спит. Прошла минута-другая. Возня у двери не стихала; слышно было, как звякнула дужка ведра. Загремел засов, и в камере зазвучали шаги. Найл приоткрыл глаза не раньше, чем стук ведра в углу дал понять: вошедший стоит к нему спиной. Действительно, там, ворча, копошился у ведра с нечистотами какой-то коротышка с пегим ежиком волос.

Челядь, стало быть. Найл исподтишка проник ему в ум, готовый в случае чего оттуда выскочить. Но утлый ум коротышки был озабочен исключительно сиюминутными обязанностями. Снова звякнула ручка; уборщик вынес поганое ведро, опростал его над другим, затем вернулся в камеру и поставил ведро в угол.

По-прежнему притворяясь спящим, Найл сквозь ресницы поймал на себе взгляд коротышки. Выйдя, тот молча запер за собой дверь. При этом Найл считал его мысль — да такую, что не укладывалась в голове. Челядинец, похоже, имел что-то против карвасида.

Слыша, как удаляются по коридору его шаги, Найл оторопело размышлял, все еще не в силах поверить. Чтобы этот недоумок, обязанность которого — убирать за людьми нечистоты, и вдруг имел претензии к повелителю страны?

Как такое вообще возможно? Найл воссоздал происшедшее еще раз. Вот коротышка смотрит на Найла и... вспыхивает неприязнью к Магу.

Объяснение напрашивалось только одно. Он знал, что Найл — посланник, прибывший заключить мирный договор. То есть сделать то, о чем мечтает все здешнее население. Ведь мир с пауками означает конец изоляции, конец тоскливому обитанию в негасимых сумерках, конец приевшемуся рациону из рыбы да синего мха. А карвасид своей жестокой детской выходкой взял и перечеркнул все.

Неудивительно, что на него взъелся даже этот золотарь. Еще бы, ведь он теперь не видит никакого просвета в своем унылом существовании.

Найлу уже не лежалось. Сбросив одеяло, он сел; надежда придавала силы. Правда, это продлилось недолго. Как ни крути, а Маг — деспотичный властитель, никто не дерзнет сказать ему хоть слово против. Однако и отчаяние уже не было таким глухим, как полчаса назад.

В животе опять заурчало от голода. Живя с семьей в пустыне, Найл был к нему привычен, а вот теперь, надо же, подавай регулярное питание. Чтобы как-то отвлечься, Найл закрыл глаза и стал вспоминать их житье в Северном Хайбаде, под сенью кактуса-юфорбии. И как свистел вокруг пустынный ветер. Понемногу узник расслабился, и зов желудка уже особо не донимал. Припомнилось, как они с братьями ходили в страну муравьев, где Найл впервые по самые плечи погрузился в бегущую воду и слушал, как она шумит. Зачесался нос, и Найл его рассеянно поскреб (верный признак того, что надвигается сон). Еще немного, и он задремал.

Сон был о том, будто он и в самом деле спит. А рядом лежит кто-то — вроде бы Умайя. В этом полусне он явственно чувствовал, как девушка, вкрадчиво обнимая, приникает к нему телом. По какой-то причине казалось важным не выдавать, что он на самом деле бодрствует, а потому он лежал чуть дыша. Умайя массировала его, как Джарита после ванной, проводя руками от плеч до коленей. Понятно было и то, что она хочет его поцеловать, а так как он спит, то и стеснение ни к чему. Их губы соприкоснулись, вслед за чем ее поцелуй стал более чувственным, сладостно медлительным.

Руки ее были прохладны, и их прикосновение утешало. Оно облекало легкостью, внушая молчаливое согласие: делай со мной что хочешь. А сама она хотела выпить из него энергию подобно тому, как сухая земля поглощает влагу. И то, как энергия перетекает в нее, было сладчайшим из ощущений.

Из этого состояния его вырвал внезапный вопль. Он понял, кто это: та безглазая, безносая фурия с бурыми космами. И никакая это не Умайя лежит рядом, а одна из тех тварей с хищно торчащими клыками.

Очнулся Найл в полной неразберихе, как будто даже забыв, кто он есть. Рядом, понятно, никого — разве что щека раскраснилась о подушку-чурку. Однако облегчения, какое обычно бывает при пробуждении от кошмара, не чувствовалось. Скорее наоборот: кошмар по-прежнему длился, хотя сам Найл теперь бодрствовал. Его будто удерживало в своих щупальцах подобное вампиру существо, не намереваясь ослаблять жадной хватки.

Поддавшись на секунду страху, Найл, впрочем, быстро понял свой просчет. Уязвимость от страха лишь усиливается. В плане самодисциплины Найл за истекший год поднатерел, а потому, внутренне сплотившись, сконцентрировался. Секундная схватка, и наступило облегчение.

Лицо горело, и надрывно стучало сердце. Откуда, казалось бы, такой жар в промозглой камере? Найл направил внимание вглубь себя и попытался проанализировать случившееся. Утечка энергии не прекратилась, она лишь стала менее заметной — все равно что закрутить кран так, чтобы из него не текло, а капало. И все равно подобный отток пусть медленно, но неизбежно исчерпает ее запас до дна.

Он попробовал закрыть течь путем концентрации, но от этого лишь сильнее распалилось лицо и заколотилось сердце. В конце концов стало ясно, что для успокоения нужна утешающая прохлада, которую он ощутил, когда Умайя обрабатывала ссадины. Ведь если у нее так развиты телепатические способности, то почему бы не попробовать связаться с ней. Используя те же приемы, что требовались для установления контакта с матерью, Найл четко представил себе девушку и послал пробный импульс.

Следующие несколько минут он пытался унять сердцебиение. Но всякий раз, когда дело шло на лад, пульс вновь разгоняла очередная вспышка волнения. Как нарочно: чем больше усилие, тем больше теряется энергии.

Звук шагов в коридоре вселил надежду. Когда загромыхал засов, Найл был уже уверен: это Умайя.

«Ты меня звал?» — спросила она, подходя к койке.

Найл, не открывая глаз, кивнул; ему легчало. Девушка, протянув руку, коснулась его лоснящегося испариной лба.

«У тебя жар».

«Из меня отчего-то уходит энергия. Как будто кто ворует».

Умайя поместила Найлу ладонь меж грудью и горлом. За секунду она стала ощутимо прохладнее.

«Это граддиксы».

Найл был так опустошен, что не стал ничего спрашивать.

«Но ты их, похоже, сам привадила», — заметила она с укором.

Теперь все стало понятно. Найл кивнул.

«Я спал. Думал во сне, что это ты».

«Это опасно, — сказала Умайя. — Когда пускаешь в себя граддикса, избавиться от него уже непросто».

«А ты не поможешь?»

«Не знаю. Надо попробовать».

Она вышла из каземата, задвинув снаружи засов.

Прошло минут десять. Все это время Найл лежал, апатично слушая, как бьется сердце, с каждым ударом будто унося каплю энергии.

Вернулась Умайя с продолговатой коробкой, которую поставила в ногах койки. Вскоре камера наполнилась знакомым йодистым запахом озерной травы.

Откинув одеяло, девушка начала расстегивать на Найле тунику. Предстоящая процедура была понятна; Найл со вздохом облегчения сел, давая Умайе снять тунику снизу.

Раздев его донага, из коробки она достала сплетенную из водорослей циновку, расстелив ее на Найле вроде тюфячка. От холодной циновки знобило, но отток энергии разом пресекся, словно кто-то закрутил кран.

Найл слышал, как девушка с легким шелестом снимает платье, после чего ощутил на себе ее вес. Умайя пристроилась, подложив под себя руки, а правой щекой прижавшись к его лицу; прядка ее каштановых волос попала Найлу в рот. За несколько минут циновка понемногу нагрелась. Едва это произошло, как последовал приток энергии — процедура неброская и действенная, вроде переливания крови. Найл медленно дышал, чувствуя, как силы начинают возрождаться.

Напрасно он побаивался, что граддикс станет похищать поступающую энергию — с таким же успехом можно отпивать от струи, льющейся в чужой рот.

Как и тогда с Чарис, этот искристый энергообмен был неизъяснимо приятен, увлекая в некое подобие водоворота. Они

перестали существовать порознь и слились воедино, сделавшись отчасти мужчиной, отчасти женщиной. Вместе с этим воедино слились и их истории жизни — во всех подробностях, как будто они, тайно уединясь, несколько дней кряду посвящали друг друга в свои личные дела. Но в каком-то смысле их размежеванность не нарушалась: Умайя лишь исцеляла страждущего, а не отдавалась ему как женщина.

Четвергь часа, и Найл уже чувствовал себя так, будто как следует выспался и отдохнул: хоть сейчас набрасывая за плечи суму и отправляясь в путь-дорогу. Девушка слезла с циновки и теперь одевалась. Чувствовалось, что мужская сущность подзарядила Умайю так же, как его самого заставила воспрянуть ее женская энергия. Глядя открыто, как она натягивает платье, Найл восторгался стройной фигурой — бюстом, ягодицами, — не испытывая при этом того, что именуется словом «эротика» (какое, скажите, чувство испытывает больной к сестре милосердия, меняющей бинты?).

Тут он как будто спохватился.

«А твой отец знает, что ты здесь делаешь?»

«Конечно», — улыбнулась девушка, словно вопрос показался ей наивным.

Вчитавшись в мысли Умайи, Найл понял, что это просто входит в круг ее повседневных обязанностей.

«И часто ты такое проделываешь?» — спросил Найл.

«Не так чтобы часто, но иногда приходится.» — Ревнивая нотка, похоже, от Умайи не укрылась, поскольку она добавила: — *Скажем, прошлой ночью. Не приди я на помощь, человек бы умер».*

Что это за человек, не надо было и спрашивать: разумеется, Друско — бригадир, вкусивший плетей за то, что не справился с производственной задачей.

Улыбнувшись напоследок, Умайя вышла, не забыв запереть за собой дверь.

Найл между тем до странности растревожился. Не давала покоя мысль, пока еще толком не оформившаяся в сознании.

Теперь, когда он болес-менее оклемался, темница казалась просто непереносимой: холодная, сырая, изо всех щелей сквозняк. Может, Маг потому и позволил Умайе восстановить узни-

ку энергию, чтоб ему здесь было вдвойне худо? Но по крайней мере, теперь хватало сил опять задуматься о побеге.

Первым вариантом была Умайя. А впрочем, хотя физический контакт и дал понять, что девушка к нему равнодушна, против Мага она не пойдет: боится.

Думая о ней, Найл неожиданно обнаружил, что их умы по-прежнему в контакте. Умайя сейчас, пройдя два лестничных пролета, направляется в караульную — там у них с отцом две жилые комнатки. С небольшим усилием Найл сумел проследить, как она, закрыв за собой дверь, ставит коробку с водорослями в стенной шкаф и запирает его на ключ, а ключ вешает на специальную доску у двери. Если взглядеться, то в караульной видны и настенные часы; на них сейчас половина шестого.

Кстати, в городе пауков сейчас начинается смеркаться — мать вполне может думать о том, чтобы выйти на контакт. Подумав об этом, Найл повернулся на спину, закрыл глаза — и тотчас ощутил ее присутствие (совпадение, кстати, его не удивило: когда ум начеку, такое случается довольно часто).

Состояние сына она, находясь в его уме, оценила с ходу.
«Тебе лучше».

«Да. Энергию мне дала дочь тюремщика».

«Я чувствую ее присутствие». — В голосе матери сквозила нежданная тревога: — *«Прошу тебя, остерегайся».*

«Остерегаться?»

Договорить он не успел: прервалась связь.

Вот те раз. Непонятно, что и думать. Бывало, контакт с матерью ослабевал из-за недостаточной энергии связи, но это явно не тот случай: голос у матери был внятен и чист.

Первой мыслью было восстановить контакт. Но некий инстинкт велел не делать этого.

Что она имела в виду насчет осторожности? Кого надо остерегаться? Умайю? Почему именно ее?

Найл все больше проникался уверенностью, что контакт прервала сама мать. Но зачем?

Он мысленно воссоздал их диалог. На его слова, что Умайя дала энергию, мать ответила, что чувствует ее присутствие. И, высказав предостережение, прервала связь.

И тут он понял.

Ощувив внутри сына чужое присутствие, она сделала вывод, что Умайя теперь может читать его мысли.

А если это по силам ей, то уж Магу и подавно. Ведь он, подобно Смертоносцу-Повелителю, имеет доступ к умам всех своих подданных.

Вот почему Маг разрешает девушке обмениваться энергией с узниками вроде Найла или того же Друско. Таким образом он получает доступ к их потаенным мыслям.

Умайя, сама того не ведая, служит телепатическим связующим звеном между тюрьмой и Магом.

Найл чертыхнулся, осознав допущенную оплошность. Но в то же время испытал и некоторое облегчение: последствия могли быть куда более серьезными. Не заподозри мать опасность, Маг бы в итоге прознал о кристальном шаре. Ведь буквально за минуту до контакта с матерью Найл собирался думать о побеге. А в этих размышлениях неминуемо фигурировали бы и семья троллей, и кристальный шар.

Вспомнилось, как он спрашивал троллей, брать ли шар в Страну Призраков, и мудрый старик сказал: «Если шар попадет в руки к деспоту, тот сделается неодолимым».

Однако успокаиваться было рано. Теперь очевидно, почему мать оборвала связь: ее тревожило, что у Мага есть прямой доступ к уму сына. И не исключено, что он мог подслушивать их разговор. И выведывать потаенные мысли Найла.

К счастью, ее страх был в данном случае необоснован. Прямое доступа к его уму Маг не имел. Проведя полгода в паучьем окружении, Найл научился мгновенно распознавать, когда кто-то украдкой пытался проникнуть в его ум.

А не может ли стать, что Маг уже узнал о существовании шара, через Умайю?

От такой мысли сердце пронзил ужас. Ведь при обмене энергией их умы были распахнуты настежь; они словно обменялись личностями.

Но, подумав, Найл немного успокоился. Он достаточно знал о телепатии, в том числе и о ее ограничениях. Если мысль, подобно рыбе в воде, не находится близко к поверхности, то заметить ее сложно. А рыб в морской пучине, как известно, несметное множество. Скажем, когда они обменивались энергией, у Найла был полный доступ к прошлому Умайи. Он мно-

гое узнал о ее жизни, о личностной сути. Вместе с тем он не получил ответа даже на простые вопросы: была ли она когда-нибудь влюблена, жива ли ее мать. Его же мысли в тот момент были далеки от троллей и шара. Он полностью был сфокусирован на благотворном притоке энергии. Значит, узнать что-либо насчет шара девушка попросту не могла.

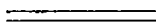
И все равно осознание, как близок он был к тому, чтобы выдать сокровенное, ввергала в оторопь. Спасибо удаче: выручила в очередной раз.

Мысль об этом породила странный оптимизм, можно сказать, вспышку прозрения. А все оттого, что он лишний раз убедился: в сущности, ему всегда везло. Даже в детстве он никогда не боялся опасностей, окружавших его убежище в пустыне, — гигантских скорпионов, тигровых жуков, смертоносных степных дыбок, — странным образом чувствуя свою неуязвимость. Да, был момент отчаяния, когда пауки убили отца, а семью угнали в неволю. Однако, оказавшись эдаким почетным заложником во дворце венценосца Каззака и заключив в объятия красавицу Мерлью, он понял, что удача ему по-прежнему не изменила.

Теперь же, сообразив, как близок он был к тому, чтобы невзначай выдать троллей, а заодно и местонахождение шара, Найл вновь проникся чувством, что некое провидение все так же не спускает с него своих благоволящих глаз.

В равной степени ясен был и вывод. Вся история человечества, прошедшая у Найла перед глазами в Белой башне, наглядно свидетельствовала, что верха Магу не одержать. Такие люди извечно сами обрекают себя на падение.

Вопрос лишь в том, как оно произойдет и суждено ли ему, Найлу, сыграть в этом роль.

Когда Умайя принесла ужин, Найл дремал. Трапеза состояла из кружки воды и кусочка хлеба (что отраднее, помазанного маслом). Прежде чем уйти, она, вынув украдкой из кармана, подложила на тарелку что-то, завернутое в тряпицу, — как оказалось, небольшую толстенькую рыбку, еще теплую. Примерно такую же — жирноватую и крепко посоленную — Найл пробо-

вал в доме у Тифона. Но голод, как известно, не тетка, а потому Найл уплел подношение с превеликим удовольствием.

Из опасения, как бы девушка не вызнала его тайных помыслов, Найл с ней не разговаривал. Вероятность этого была небольшая, но уже из-за имевшей место близости с ней riskовать было нельзя.

Поев (но так и не наевшись), он прилег. Хотелось достичь того глубокого расслабления, какое удавалось ему в пещере людей-хамелеонов. Для начала он представил, как пьет тамошнюю воду с земляным привкусом, и постарался воссоздать возникающую при этом умиротворенность. Затем, освободив ум от мыслей, он сфокусировался на достижении все более полной уравновешенности. Через несколько минут всякое напряжение истончилось, и Найл вступил в безвременье полной релаксации. Ум был теперь настроен на процессы природы: шатаноскольжение облаков, сеянье дождя на листву, корни, впитывающие энергию Земли. Сердце стало таким бесшумным, словно не билось вовсе, а тело до странности утратило свое привычное состояние принадлежности.

Как раз в этот момент Найл осознал, что в камере он не один. Присутствие, показавшись странно знакомым, вначале вызвало мысль о визите духов природы. И тут Найл вспомнил, где именно их встречал: на берегу озера по прибытии в Страну Призраков. Это были духи умерших, те самые призраки, что дали здешнему краю название.

Поскольку порог глубинной релаксации оказался пройден, можно было различать духов прямым зрением. Большинство из них мало чем отличалось от теней, да и само существование их было по зыбкости подобно сновидению, где явь мешается с дымчатой текучестью сна. Они пребывали здесь, в казематах Магова дворца, из стремления лхнуть к чему-нибудь знакомому, прочному. Он разглядел женщину в бальном наряде, словно бы идущую на какой-то светский раут, и еще рослого мужчину в мулдире. Оба были настолько прозрачны, что, не напрягай Найл зрения, сливались бы со стенами.

Затем возле двери он различил блеклую фигуру, почти невидимую на темном фоне, и распознал в ней трогла.

Помня, как трудно давался контакт с этими созданиями, Найл заговорил на языке прямых образов, что в ходу у хамелеонов:

«Ты можешь отвечать?»

Как и тогда, в ответ донеслось лишь подобие далекого эха.

«Не понимаю», — передал Найл.

Трогл шагнул навстречу. У Найла, не зная он о безвредности этого существа, екнуло бы сердце. Трогл, согнувшись, ковылял на несоразмерно коротких ногах. Черная образина и впрямь выглядела дико: широченный приплюснутый нос, изпод него торчат кинжалами белейшие клыки. Но в желтых глазах-луковицах определенно светился разум.

Когда трогл говорил, голос звучал размыто и нечетко, но значение все же можно было понять. Трогл рассказывал, что его сородичи жили здесь еще за много веков до того, как явились люди.

«Как вас не стало?» — спросил Найл.

Ответ удивил.

«Нас истребил твой народ».

Вот как. А тролль говорил, что троглы погибли от ядовитых газов при извержении.

«Но зачем?»

«Из-за мяса. А из нашей кожи шили одежду».

Найлу вспомнились кожаные штаны и камзолы из карва-сидова музея. Не будь он сейчас в состоянии релаксации, его бы, пожалуй, стошнило.

«Когда это случилось?»

Ответом было что-то вроде недоуменного пожимания плечами: дескать, у мертвых нет чувства времени.

«Ну, прежде, чем был построен этот город?»

Последовала долгая пауза; Найл уже засомневался, понял ли трогл вопрос. Последовавший ответ его изрядно удивил.

«Во времена, когда карвасидом был Сатханас».

Найлом постепенно овладевала усталость, и поддерживать расслабленное состояние было все трудней. Прочие призраки уже успели стать невидимыми; вскоре растворился и этот трогл.

Найл лег на койку и закрыл глаза. Сейчас ясно одно: надо выспаться. Без сна наступает уязвимость. Не успев даже это додумать, он во весь рот зевнул и закутался в одеяло. При этом знакомый запах легкой заплесневелости явственно напомнил тот землистый привкус воды в пещере хамелеонов. Это в свою очередь воскресило в памяти слова их старейшины, сказанные при расставании: «Если пожелаешь к нам возвратиться, вспом-

ни этот вкус». Усталость будто рукой сняло. Найл представил, как смотрит на эту воду с кусочками-крапинками мха, и воссоздал ее вкус и запах. Миг, и вот он уже снова сидит в пещере, а рядом стоит сосуд с той самой водой. Вокруг же, в точности как тогда, кружком расположились его прозрачные знакомые.

Что это — сон? А впрочем, какая разница. Важно то, что его окружают друзья, причем явно сознавая его присутствие.

Как и прежде, от сонливости не осталось и следа. Это оттого, что его ум находился в контакте с ними, а они сами неусыпно бодрствовали. И так же как прежде, их умы сообщались с ним, будто они составляли единое целое.

Хамелеоны повторили то, что уже говорили раньше: *«Покажи, как ты засыпаешь»*.

И Найл, послушно закрыв глаза, представил, что погасил свет и дает себе войти в безмятежный покой. Но на этот раз чувствовалось, что в сон он более не погружается; ощущение было такое, что его намеренно и осмотрительно куда-то сопровождают. Более того, было ясно, что состояние, в которое его отводят, — лишь одно из десятков возможных состояний.

Вскоре он попал в зону некой турбулентности с сумятицей голосов, образов и мыслей, плещущихся вокруг, как рыбы в пруду — рыбы, существующие совершенно обособленно от его сознания. Затем до него дошло, что он спит и видит сон. Вместе с тем окружающее смотрелось до странности реально. Он находился на улице, напротив дома Тифона, а на лестнице перед воротами стоял стражник — судя по внешности, один из убийц Скорбо. Он выглядел настоящим истуканом (впрочем, разок все же поморщил нос и подавленно вздохнул, очевидно борясь со скукой).

Опасаться, что его заметят, у Найла не имелось причин: он был невидимым даже для себя самого. То есть тело свое он чувствовал — даже то, как прилегает к коже ткань туники, — но только и всего; ни рук, ни ног видно не было.

Он демонстративно прокашлялся, проверяя, слышит ли стражник, но тот даже глазом не повел, по-прежнему стоя столбом.

Повинуясь странной догадке, Найл поднялся по ступеням и потрогал стражника. Рука беспрепятственно прошла насквозь.

Тогда он коснулся металлической ограды и ощутил, как пальцы (которых он, кстати, не видел) проходят через нее как сквозь какую-нибудь невесомую паутинку. Видно, тело обрелось сейчас на другой частоте, отличной от окружающего. Найл без помех проскользнул сквозь запертые ворота.

Щеки обдала водяная пыль фонтана, но Найл ничего при этом не почувствовал.

Парадная дверь была закрыта. Он машинально остановился постучаться, но костяшки пальцев опять же словно погрузились в дымку. Достаточно было шагнуть, и он оказался по ту сторону двери.

Дома, судя по всему, никого не было. Найл, пройдя через столовую, повернул налево к кухне. У дверей там стоял мег, вытянув руки по швам. В отличие от стражника, скуки его лицо не выражало: оно не выражало вообще ничего. Уставившись в стену напротив, он, похоже, даже не дышал.

Найл из интереса прошел туда не через дверь, а через стену и оказался в большой, хорошо оснащенной кухне со шкафами из темного отполированного дерева и мраморным полом. Часы на стене показывали без двадцати девять. За столом с чашкой кофе сидела Ката, а неподалеку пожилая женщина с телом двадцатилетней полоскала что-то под краном. Обе разговаривали телеспатически. Их ментальные волны Найл в своем теперешнем состоянии принимал обостренно, как голый ощущает кожей струи дождя.

«...*Окажутся в беде*», — услышал он обрывок фразы, произнесенной Катой.

«*Я не говорю, что с ними согласна*, — отвечала женщина у раковины. — *Но я могу понять, почему они считают, что без запретов и ограничений у нас уже ступить нельзя*».

В отличие от Каты, у которой голос выдавал принадлежность к простому сословию, речь этой женщины звучала аристократично.

«*А чего они ожидали? Они же солдаты*».

«*Да. Но мы-то нет*», — отвечала женщина.

«*Ну и что с того?*»

«*Ишь ты какая. Вот скажи, почему он не допускает браков? Ты-то ладно, у тебя двое любовников. А у меня вообще никого нет. Супружеское ложе одинаково нужно и мужчинам, и женщинам. Я мужа себе хочу!*»

«Тссс». Ката встревоженно обернулась.

«Ты чего? — удивилась женщина. — Там никого нет».

Где-то гулко хлопнула дверь.

«Это, верно, он, — определила Ката. — Да еще и в плохом настроении. Он всегда так хлопает, когда не в духе».

Женщина, повернувшись к раковине, принялась старательно выжимать тряпку.

Ката пошла к двери, прямым путем пройдя сквозь Найла. Тот при этом испытал определенное удовольствие. Вот ведь как. Несмотря на бесплотность и эфемерность, он все же мог ощущать человеческое жизненное поле.

Следом за Катой он прошел в столовую. Служанка была права: Тифон выглядел усталым и раздраженным. Скинув на кресло плащ, сам он рухнул на соседнее. Ката, опустившись к ногам господина, стала молча развязывать ему шнурки. Когда, сняв с Тифона башмаки, она начала массировать ступни, тот устало перевел на нее взгляд.

— Не обращай внимания, — сказал он вслух. — Принеси чего-нибудь выпить.

Девушка пошла обратно на кухню. Там она достала из шкафа графин золотистого вина и два бокала. В этот момент Найл, примерившись, шагнул сзади и слился с ее телом.

Ощущение было любопытное. Какой-то момент Найл чувствовал себя подобно дожде, которая, капнув на сохнушую простыню, остается на ней какое-то время, прежде чем впитаться. Едва это произошло, по нему волной разлилось приятное эротичное тепло, вслед за чем он, в сущности, стал Катой, чьи ощущения и чувства заменили его собственные.

Так, вместе с ней, он проследовал из кухни в столовую, где девушка поставила поднос на столик перед Тифоном. Тот налил себе полный бокал и осушил его чуть ли не залпом. Найл с неожиданной остротой воспринимал его чувства: усталость, нетерпение, злость. Ката тихо стояла, ожидая дальнейших указаний. Найл, к этой поре уже отъединившийся от девушки, подумал было слиться с ней снова, но сдержался: если он чувствует ее присутствие, то же самое, вероятно, может делать и она.

«Не хотите ли поесть?» — спросила Ката.

«Нет, — бросил Тифон раздраженно. — Подожду Герека».

Ката вышла, и Найл следом вернулся на кухню. Он тоже решил дожидаться Герека, надеясь выяснить, отчего у Тифона такое дурное настроение.

Пожилая женщина все так же стояла у раковины, только сейчас она чистила рыбу и укладывала ее на противень. Найл, постояв за спиной у женщины, сделал шаг и слился с ее телом.

Он тотчас ощутил то же приятное, чувственное тепло, что и у Каты, только гораздо сильнее выраженное. Тут он понял, отчего ей так хочется обзавестись мужем: ее всю будто током покалывало эротической энергией. Более того, она моментально осознала в себе Найла, почувствовала мужскую энергию, которую с желанием впитала.

Ублаженный — и малость раскаивающийся в своем вторжении — Найл поспешил от нее отстрешиться. Но за время этого краткого контакта он уловил то, что его заинтриговало: несомненную враждебность к Магу. А потому Найл, подавив в себе виноватость, снова слился с телом этой женщины.

Последовало уже знакомое чувство полного отождествления, которое он испытал накануне с Умайей; то, что открывало полный доступ к ее памяти. Однако в случае с Умайей точно так же открывался и сам Найл, в то время как для этой женщины он оставался закрыт.

Ее звали Квинелла. Эта гувернантка пятидесяти четырех лет, как, собственно, и все женщины в городе, ежедневно принимала порцию снадобья, замедляющего процессы старения. Но это снадобье действовало лишь на тело; голова, а заодно и шея старели в обычном порядке.

Побочным эффектом лекарства было то, что оно стимулировало физическое желание, поэтому Квинелла своей чувственной активностью фактически не уступала молодой. А поскольку, как и у многих в ее возрасте, обзавестись любовником у нее не получалось, глухое отчаяние, нарастая, делалось непереносимым. Когда такое происходило — примерно раз в неделю, — она наведывалась к дереву калинды и обнимала его, давая хоть какой-то отток своей эротической энергии.

Так вот почему прижималась к калинде та группа женщин, когда Найл с Гереком проезжали мимо в повозке. А Герек почему-то соврал, что они надеются зачать — мол, сусверие.

Понятно и то, отчего Квинелла злится на карвасида. Когда разнеслась весть, что планируется мир с пауками (а в городе, где все общаются телепатией, такое становится известным в одночасье), от изумления и радости она была сама не своя. Еще бы: для нее, как и для всех других горожан, это означало наступление новой эры. Поэтому известие о том, что Найл с капитаном заключены в темницу, вызвало жуткую волну негодования, кладя конец в том числе и надеждам Квинеллы обзавестись мужем.

Шум голосов в доме дал понять, что прибыл Герек. Ката поместила на тележку еду, предусмотрительно поставила еще один графин с вином и повезла ужин в столовую.

Герек сидел напротив Тифона с пустым бокалом: он уже успел махнуть вина. Чувствовалось, что, как и Тифон, он утомлен и сердит. Робкую попытку Каты развязать ему шнурки он пресек строптивым жестом: дескать, иди гуляй.

Когда дверь за ней закрылась, Тифон с горечью произнес:

— Разумеется, он твердит, что все это моя вина.

Сила его чувства была так велика, что Найл невольно поморщился.

— Но при чем здесь ты?

— При том, говорит, что я объявил про договор о мире, не посоветовавшись с ним.

Осушив бокал, Тифон мрачно уставился в пол.

— Но ведь публичные вердикты всегда оглашаешь именно ты! — рявкнул Герек.

— Я ему так и сказал. А он мне — уж не просчитанный ли это заранее заговор против власти?

И тут до Найла дошло: Маг, как ни странно, прав. Тифон сделал это заявление намеренно, чтобы подтолкнуть властителя к принятию решения.

— Бред какой-то, — фыркнул Герек.

— Вот тебе и бред. А теперь он лишь усугубляет положение. Причем сам не знает, как сладить со всеобщим недовольством. Упертый как не знаю кто.

Герек нервно осмотрелся и, подойдя к двери, на всякий случай выглянул наружу. Вернувшись к креслу, тяжело промолвил:

— Ох как не хотелось бы, чтоб ты переселился в один из его казематов. — Он сел. — Расскажи, как все было.

Тифон с видимым усилием успокоился.

— Когда ты утром ушел, ко мне приходили Бальтигар с Васконом. Хотели, чтобы я испросил аудиенцию у карвасида. Я сказал, что это бесполезно: если он что-то решил, то его уже не разубедить. Тогда они спросили, не переговорить ли с карвасидом им самим — то есть Гражданским собранием в полном составе.

— Бог ты мой! — Герек невольно выпрямился.

— То-то и оно. Как объяснить им, что он никого не принимает по той причине, что ненавидит людей! Они-то думают, что он мудрый и добрый, — но ведь я сам их в этом убедил, талдычил до посинения! И как же теперь разом обрушить на них правду!

— Но после той ночи они, должно быть, поняли, что его замкнуло.

— Понять-то поняли. Но Бальтигар — мэр, а Васкон возглавляет Собрание. Они считают, что вправе выражать свое мнение.

Герек с деланой патетикой всплеснул руками:

— Так что ты им сказал?

— Что изложу их позицию карвасиду. Так что отвязались они от меня, лишь когда мы уже поравнялись с калиндой, и отправились в ратушу. Я обещал, что позже туда подъеду и сообщу о его решении.

— И как ты подал все это хозяину?

— Ох-х. Сам догадайся. Ну, довел до него, что все жители страны желают мирного договора и, может, еще не совсем поздно.

— И каков был ответ?

Тифон невесело усмехнулся.

— С ним чуть припадок не сделался. Он тут же вызвал Джелко и велел вооружить гвардейцев «жнецами».

— Что?! — Герек неподдельно ужаснулся.

— Да это так, игрушки, — сказал Тифон. — С настоящим бластером им не сравниться. Шкуру, конечно, опалят, но только и всего.

— Хвала небесам!

Тифон тягостно вздохнул.

— Будь они настоящими, карвасид уже давно напал бы на Корш.

Разговор с другом, похоже, несколько снял с Тифона напряжение, и он стал накладывать на тарелку еду.

— И что ты после сказал Бальтигеру и всей тамошней братии в ратуше? — не унимался с расспросами Герек.

— Ничего. Я там еще не был.

— Не был?

— А что толку? Опять врать-завираться, что мир будет заключен на той неделе или через месяц? Пускай сам мутит им рассудок, у него это лучше получается.

За тоном уязвленной невинности угадывалось главное: Тифон сыт своим хозяином по горло. Как и Квинелла, и тот уборщик нечистот. Всем им самодурство властителя приелось так, что дальше некуда; нужны перемены. То, что Тифон выражает эти крамольные мысли вслух, уже о многом говорит.

В этом, как видно, специфическая особенность города, где все связаны между собой телепатией: общественное мнение может меняться с небывалой быстротой.

Когда Ката принесла десерт, Найл решил, что услышал достаточно. Пора бы выяснить, что происходит в ратуше.

Пройдя в дверь, по лестничным ступеням он спустился на улицу. Центр города находился в полумиле отсюда. Добираться туда пешком желания не было — он же не призрак, чтобы мыкаться бестелесной своей сущностью по дороге.

А что, если поднять руки и попробовать взлететь? Разумеется, ничего из этой затеи не вышло. Но лишь поначалу. Секунда-другая, и он уже стоял на рыночной площади.

Вот в чем, должно быть, суть выражения «с быстротой мысли».

На рынке, как он и ожидал, было многолюдно — но отсутствовала атмосфера праздничной толчеи, которая ощущалась здесь в прошлый раз. Теперь над площадью висело некое напряжение, словно люди ждали, что произойдет.

Проход по площади сопровождался крайне необычным ощущением. Проталкиваться через толпу было необязательно, поскольку Найл теперь запросто проходил сквозь людей. При этом, ступая в то или иное тело, он испытывал необычное — и на редкость разнохарактерное — электрическое покалывание.

Найл, например, с интересом подмечал четкое различие между мужчинами и женщинами. Женская энергия создавала приятное, притягательное тепло, подчас очень сильное; он даже

оборачивался посмотреть, что же это за особу сейчас миновал. Эта энергия усваивалась словно пища, причем слегка подслащенная. Мужская энергия, напротив, казалась несколько суховатой и трудноусвояемой — иногда с оттенком горечи, как дым от горящих поленьев.

От него не укрылось, что каждый человек обладает своим, присущим лишь ему колоритом, составляющим суть его личности. Такое различие не передать словами — можно лишь сказать, что это невероятно богатый «букет» вкуса и запаха. Как же много мы теряем, составляя представление о человеке лишь по его внешнему облику.

Контакт был подчас минимальным — это когда Найл всего лишь «задевал» человека плечом. Но когда случалось войти в чужое тело полностью, весь «букет» его личности ощущался целиком. А если в нем еще и задержаться (иногда их пути на несколько шагов совпадали), то открывались и мысли, и переживания, и даже кое-что из жизни.

Оказывается, в головах сплошь и рядом выются крамольные думы насчет карвасида.

В другое время Найл с удовольствием бы покочивал таким образом часок-другой среди горожан, полюбовался бы всласть отрадной картиной многоликой людской общности. Однако в данный момент его, как и всех прочих, полонило лихорадочное любопытство: что же сейчас происходит в ратуше и к каким решениям пришло Гражданское собрание?

Он узнал человека на ступенях ратуши: Васкон. Стоит и, взволнованно куда-то глядя, тербит ус. А рядом спутница мэра, с неизменно удивленным выражением округлых синих глаз.

— Может, послать к нему гонца? — спрашивала она, тоже волнуясь.

— Да посылали уже, — нервно отмахнулся Васкон. — Привратник говорит, его все еще нет дома.

— Что его, интересно, может до сих пор держать?

Они, видимо, говорили о Тифоне, но, чтобы в этом удостовериться, Найл шагнул в ее тело. Ощущение было приятным и для нее, и для него. Женщина страдала мигренью, но от его мужской энергии головная боль тут же прошла.

Узнал он и то, что звать ее Селена, ей тридцать девять лет и они с Васконом любовники. В здешнем свете это считалось,

разумеется, совершенно нормальным. Ненормальным же было то, что они проводили вместе гораздо больше времени, чем допускалось законом, — им обоим грозил срок в рудниках либо публичная порка. Вот почему, похоже, их так прельщал мирный договор с пауками: они мечтали при первой же возможности уехать из этих мест и создать узы супружества.

Доступ к ее памяти давал и мгновенное знание местной истории, географии и общественного устройства Страны Призраков. Освоить все это в один миг было, понятно, невозможно; пришлось бы потратить целое утро. Но по крайней мере теперь Найл понимал многие тревожения и неудовлетворенность, царящую под якобы гладкой поверхностью этого изолированного общества.

Но и при этом он так и не получил ответа на вопрос, занимавший его едва не более других: почему все-таки Маг так упорно отстаивает запрет на брак?

Зная, что Тифона они дожидаются понапрасну, Найл подал женщине мысль о необходимости вернуться в здание. Не догадываясь о стороннем внушении, она коснулась руки Васкона и сказала:

— Пойдем, наверное, внутрь. Он обязательно вскоре появится.

Вдвоем они взойшли по мраморной лестнице того крыла ратуши, где располагалось Гражданское собрание.

Зал был переполнен. На вошедших тут же обернулись. Чувствовалось, Собрание разочаровано, что с ними нет Тифона. Селена и Васкон заняли свои места на возвышении, где за покрытым зеленой скатертью столом уже сидели Бальтигер и еще дюжина мужчин и женщин. Занявшая место возле мэра Селена прошептала что-то ему на ухо. Тот, кивнув, встал и прокашлялся.

— К префекту был послан гонец. Но префекта нет дома.

Он сел, а члены Собрания начали меж собой шушукаться. В зале царили разброд и невнятица. Без направляющей руки Тифона никто не знал, чем заниматься дальше. Вместе с тем все чувствовали, что назревает, грядет какая-то перемена.

С места поднялся Васкон.

— У меня предложение. Насчет того, чтобы я и кто-нибудь еще из высших членов Собрания отправились в дом к Тифону и дожидались там, пока он не возвратится. — Васкон без осо-

бой уверенности огляделся. — Ну а остальным, может быть, лучше пока разойтись по домам. Кто «за»?

Наступила тишина. Все понимали: если сейчас разойтись, то решающий, поворотный момент окажется упущен, и завтра все будет так, как было вчера и позавчера. И всегда.

Всё. Настал момент вмешаться.

— Я вот подумала... — раздался нерешительный женский голос.

Все обернулись. Напористой Селену назвать было нельзя, и мысли, пришедшие сейчас ей в голову, откровенно пугали. Но так как она не раз высказывалась на публике, то телепатическому велению встать повиновалась машинально. И вдруг оторопело поняла, что именно следует говорить.

— Есть ли в этом зале такие, кто спокойно уйдет? — Она оглядела лица сидящих, и ответ был очевиден. — Лично я — ни за что.

По рядам прошел одобрителный ропот. От такой поддержки голос Селены окреп.

— У нас есть определенные вопросы, которые Собрание хотело бы довести до сведения префекта — с тем, чтобы он их от нашего имени задал карвасиду. Прежде всего ему следует знать, что каждый житель Страны Призраков однозначно поддерживает идею о заключении мира с Коршем. Или кто-нибудь из присутствующих с этим не согласен? — (Тишина в ответ.) — Поскольку префект ввиду своего отсутствия не принимает наше послание, то почему бы нам не доставить его самим? Вы со мной, сограждане?

Любая аудитория разразилась бы сейчас громом аплодисментов, однако здешняя публика была вымуштрована в духе сдержанности. Тем не менее готовность, с какой все повскакали с мест, сама по себе была ответом.

Васкон встретился взглядом со своей пассией. Такой он не видел ее никогда. «*Ты понимаешь, что творишь?*» — вопрошали его растерянные, ошеломленные глаза.

Она же ничтоже сумняшеся отвечала:

«*Теперь уже без разницы: обратного пути нет*».

Знал Найл и то, о чем думает сейчас Васкон: марш на дворец — бессмысленная и опаснейшая затея. Все карты на руках у карвасида, а у них — ноль без палочки.

Тем не менее права Селена — настало время решительных действий. Пора показать Магу, что подданные с ним не согласны. В конце концов, всех не высечешь и не разошлешь по рудникам. Восстание вспыхнуло по велению если не разума и сердца, то хотя бы инстинкта.

Когда женщина сходила с платформы, зал расступился, пропуская ее и руководство Собрания к дверям. Следом за ними людская лавина по лестнице хлынула на улицу.

Зрелище магнитило. В отличие от пауков, коллективного сознания у горожан не было; их телепатические способности ограничивались прямым контактом. Тем не менее, когда народ из ратуши перетек на рыночную площадь, весть о происшедшем достигла толпы, которая, увеличиваясь на глазах, негласно избрала своими предводителями Селену и не очень-то довольного этим Васкона. Людей набралось уже с полтысячи, половина из них — женщины. Из мужчин многие были в военных мундирах, хотя и не при оружии.

На той стороне моста дорога к дворцу была заблокирована солдатами со «жнецами». Дальше, на холме с калиндой, растянулась в цепь еще сотня гвардейцев.

Селена не колеблясь повела люд через мост. Было видно, что солдаты при виде надвигающейся толпы нервно переглядываются.

Примерно у середины моста Найл обратил внимание на дерево. Воздух вокруг калинды мерцал живыми переливами света, идущего волнами, как от солнца, что пронизывает своими лучами слои утреннего тумана. Ветви дерева окутывал мирный зеленоватый огонь. По непонятной причине вид этот наполнял странным чувством жизненности и счастья.

Перед строем солдат стоял начальник гвардии Джелко, бесстрастно взирая на толпу. «Жнец» у него висел стволом к земле. По бокам стояли те двое трехметровых верзил, распорядившихся транспортом на приеме у Мага. От солдат Джелко отличался ростом, квадратными плечами и командирской позой. Так как по его лицу мыслей прочитать было нельзя, Найл нашел нехитрый способ: подойдя сзади, внедриться к нему в тело.

«Букет» мужской энергии интенсивностью попросту ошеломлял — отчасти оттого, что гвардеец сейчас был особо сконцентрирован на нешуточной дилемме. Толпа, даром что мир-

ная, тянулась аж с того берега и, хотя не была вооружена, исходила спокойную решимость, не менее устрашающую, чем открытое неповиновение. Знание нрава пауков в чем-то подготовило Найла, но он все равно в очередной раз подивился самой степени того, насколько толпа похожа на единый живой организм.

Приятно удивляло то, что к протестующим Джелко не чувствует враждебности (может, оттого, что они с Селеной были любовниками). Видя, как женщина приближается во главе колонны, начальник гвардии лишний раз отметил, насколько все же она привлекательна — сейчас так и вовсе. А что, и вправду: красиво очерченный рот, распахнутые яркие глаза, пышные светлые волосы — не мэрша, а прямо-таки романтическая героиня.

В десятке шагов от Джелко она остановилась, а вместе с ней, словно по приказу, встала и толпа.

— Что происходит? — жестко спросил начальник гвардии.

— Гражданское собрание желает видеть каррасида, — ответила Селена.

— Вы согласовывали это с префектом?

— Нет. Мы думаем, что он во дворце.

— Его здесь нет, — качнул головой начальник гвардии. — Вот уже несколько часов как убыл.

Женщина пытливо посмотрела ему в глаза.

— В таком случае не могли бы вы послание ему передать?

— Какое именно?

— Собрание, с полного одобрения наших сограждан, желает ходатайствовать о том, чтобы идее мирного договора был дан активный ход.

— И что надо не мешкая направить посланника в Корш, — добавил мэр.

Внешне не выказав нерешительности, Джелко тем не менее растерялся. Надо бы приказать толпе разойтись, но в его ли это компетенции? Ведь делегацию возглавляет сам мэр. А тут еще и Найл усугубил растерянность, подсказав, что начальник гвардии лишь выполняет приказ. Хотя решающий аргумент неожиданно выложила Селена:

— Гражданское собрание берет на себя всю ответственность.

— Ладно, — снизошел Джелко. — Послание я передам.

Он обернулся к одному из рыжих верзил.

— Капитан Заддин, оставляю вас старшим. Если кто-нибудь двинется дальше этой черты, охране открывать огонь.

Утвердив таким образом свою начальственность, он повернулся и зашагал вверх по холму.

Найл, все еще взиравший на мир его глазами, считал такую реакцию крайне неожиданной. Джелко отдавал себе отчет, что своим действием фактически нарушает субординацию, что в свою очередь попахивает экзекуцией и разжалованием. Ему бы скомандовать, чтобы толпа разошлась, а члены Собрания сами отправились на поиски Тифона.

Почему же он так поступил? Видимо, потому, что он, как и все в этой стране, втайне чаял дожидаться если не падения карвасида, то хотя бы ослабления его власти.

Тем не менее еще сутки назад такая крамола и в голову не могла ему прийти.

И к этому причастен Найл. Сам факт, что он сказал Магу «нет», заставил жителей Страны Призраков осознать то, о чем они прежде и думать не смели: что жизнь без этого тирана, которого они наивно считали своим благодетелем, станет легче. Люди в самом деле хотели перемен.

В некотором смысле это было не вполне справедливо. Пусть Маг спесив и эгоистичен, но он и в самом деле пекся о подданных. Ведь это же непростая задача — обеспечить им занятость, да еще и досуг. В сравнении с рабами паучьего города здешний люд, считай, как сыр в масле катается. И не такой уж он жестокий — просто зарвавшийся себялюб, которому снесло крышу. Это власть сделала из него монстра. Кто знает, может, при сходных обстоятельствах Найл и сам уподобился бы Магу.

Джелко поравнялся с калиндой — дерево как дерево, если смотреть его глазами. Но стоило Найлу разобшиться с телом гвардейца, как калинда вновь подернулась зеленоватым огнем, который виделся ему с моста. И опять Найла охватило ощущение живительного счастья.

Но оно продлилось ровно столько, сколько ушло на осознание, что дерево неудержимо тянет его к себе. Найл впопыхах схватился за куст у дорожки, но рука прошла насквозь. Он ощутил свою полную беспомощность — как тогда, когда его шейкой несло по подземной реке. Чувствуя, что на всем ходу

летит к дереву, Найл лишь вскинул к лицу руки, чтобы не расшибиться.

Столкновения не было; он даже ничего сообразить не успел. Дерево втянуло Найла в себя словно в крутящуюся воронку и невесомым листком запустило вверх. После этого в снопе брызжащей искрами энергии он был катапультирован в направлении дворца. Внизу бурым зигзагом мелькнула дорожка с идущим по ней Джелко. И вот он уже кубарем летит к макушке центральной башни — все это среди рева бушующей энергии, от которого закладывает уши.

Энергия внезапно обрела синеватый оттенок, а Найл ткнулся лицом в стеклянную стену. Сквозь стекло на него в упор смотрело лицо, вид которого повергал в ужас.

Он стоял в стеклянном цилиндре, идущем от пола до потолка; вокруг в непосредственной близости пузырями шливерху сгустки темноты. Толстое, в палец, стекло было прозрачно как вода.

Вперившаяся личина принадлежала не Магу, как Найлу показались в момент пронзительного ужаса, а какому-то здоровенному сторбившемуся существу с желтыми глазами и сизогубым ртом, ошеренным в оскале. Существо явно различало Найла. У монстра не было носа, лишь две дыры, а челюсть по-звериному плоская и удлинённая. Кривыми иглами смотрелись желтые хищные клыки.

И тут до Найла дошло, где он видел чудище. Нет, не в реальности, а в ментальной картинке, переданной троллем. Это, видимо, и есть бока — демоническое создание, поработанное волей Мага. А помещение это — его лаборатория, которую Найл уже мельком видел глазами ворона. К счастью, самого Мага нигде не наблюдалось.

Лицо боки напоминало обтянутый темной плотью череп. Тощее тело было под три метра ростом, так что монстр и сторбясь смотрел на Найла сверху вниз. Он полусидел, упершись в пол костистыми лапищами; на пальцах были не ногти, а когти. Бедра и живот существа были туго, до впалости, обтянуты морщинистой кожей. Желтые глаза с черными зрачками смот-

рели вполне разумно, вот только с таким выражением, что ощущать перед собой преграду из стекла человеку было в радость. Ни дать ни взять голодный котик разглядывает мышь.

Найл на всякий случай осторожно попробовал стекло на прочность — ничего, держит. Что в его нынешнем состоянии вообще-то странно, ведь он в последние часы только то и делал, что проникал сквозь препятствия. А впрочем, ответ достаточно прост. Эта труба создана для удержания живой энергии, вибраций, проходящих через стены комнаты. Следовательно, состоять она должна из материала, непроницаемого для подобного рода эфемерности.

Найл решил испытать метод, который до сих пор действовал надежно: воссоздать свой образ где-нибудь в другом месте. Закрыв глаза, он представил себя вновь в доме у Тифона — но, открыв, увидел все ту же стеклянную стену. Попробовал перенестись в каземат — тоже безуспешно. С недобрый предчувствием Найл попытался воссоздать землистый вкус воды, вообразив себя в пещере хамелеонов. Но и при этом осознал, что некое внутреннее напряжение не дает ему достичь необходимой релаксации. Что-то словно выталкивало его наружу.

Дальнейшие эксперименты оказались прерваны: открылась дверь, и на пороге появился Маг. Ну все — сейчас он посмотрит на стекло, и тогда... Но Маг лишь бросил взгляд на бок, оглядел комнату, однако ничего вроде бы не заметил. Он повернул к скамье, где стоял полированного дерева ларец, и открыл крышку. Что-то из него вынув, сел на скамью и склонился над этим предметом, который из-за его спины нельзя было разглядеть.

Тем временем бока убрался в дальний угол помещения и сел возле черного кресла, сложив лапищи на поднятых коленях. Он походил на невиданных размеров жука-богомол. С появлением Мага бока уже не проявлял злобности, однако то и дело сторожко поглядывал на Найла. А тот, в немом ужасе от мысли, что этот настороженный взгляд выдаст Магу его присутствие, предпочел намеренно расслабиться. Хотя какое там: одного лишь гула сердца достаточно, чтобы привлечь к себе внимание.

С минуты на минуту должен был явиться начальник гвардии. Вверх по холму до дворца примерно десять минут ходу. Подождав какое-то время, Найл начал оглядывать комнату в поисках любого пути к бегству. Синеватая энергия между тем тихонько клекотала, проносясь и пощипывая кожу своим жаром. Запах здесь напоминал морской воздух после грозы. Его природа не вызывала сомнения: точно такой же отчасти присутствовал в Квинелле, Селене, да и вообще во всех здешних женщинах, в чьи тела Найлу доводилось вживляться. Эта энергия была эротична и в концентрированном виде давала возвышенное блаженство, от которого, как ни странно, даже слегка мутило. Все хорошо в меру.

Так вот отчего женщины неизменно льнут к дереву калинды: оно смягчает дискомфорт. Теперь понятно, почему Маг под страхом наказания запрещает своим подданным браки. Их неуголенность повышает выделение лихорадочной сексуальной энергии, которой, словно водяной пылью, насыщен здешний воздух. Дерево калинды фактически является уловителем энергии, передающим ее в дворцовую лабораторию.

В дверь осторожно постучали (Найл аж вздрогнул). Маг, недовольно цыкнув, сам пошел открывать. При этом взгляду Найла явился тот самый предмет. На скамье в углублении лежала стекловидная сфера, размером примерно как та драгоценная находка Найла. Этот предмет и поглощал внимание Мага.

Слышно было, как стражник у дверей чеканит:

— К вам начальник гвардии Джелко, о великий. Говорит, что срочно.

— Чего тебе? — сердито бросил Маг, обращаясь теперь уже к Джелко.

Гвардеец срывающимся от волнения голосом отвечал:

— Повелитель, вас о встрече просит Гражданское собрание.

— Что-о? — Голос правителя сорвался на взвизг. — Да они что себе позволяют! Скажи, я не принимаю никого!

— Там несметное множество народа, о великий. Весь мост заняли.

Маг в два прыжка приблизился к окну. Когда он заговорил, голос был зловещим:

— Чего им надо?

— Видеть вас...

— Я это понял, болван! Зачем?

— Похоже, насчет мирного договора...

Нависла тишина. Ее колючим голосом прервал Маг:

— Вели своим людям открыть огонь.

— Э-э... уничтожить? Всех? — Джелко, похоже, был потрясен: он даже забыл добавить «о великий».

— Мне нет дела, сколько их поляжет! Глупцам нужно преподать урок.

Ментальный резонанс с Джелко все еще позволял считать его мысли: первой погибнет Селена. Ясна стала и реакция гвардейца: в теперешнем своем запале он, скорее, прибьет карвасида.

Джелко со странным спокойствием произнес:

— А не лучше, если я просто прикажу им разойтись?

И вот тут-то стало понятно: Джелко действительно может выстрелить. Интересно, как отреагирует на подобное слушание хозяин? Взъерится, наверное.

Маг, судя по всему, тоже что-то такое почувствовал. Обернувшись к боке, он каркнул непонятную команду. С совершенно непредставимой скоростью тот скакнул из своего угла гигантским кузнечиком и схватил Джелко за горло. Звучно хрустнула сломанная шея, а голова начальника стражи оказалась развернута на сто восемьдесят градусов. Уронив недвижимое тело на пол, бока поворотился к хозяину.

В комнату хлынуло сияние, от которого Найл зажмурился. Когда он открыл глаза, Маг держал на отлете шар, а бока с видом побитой собаки пятился в свой угол, прикрыв лапищами очи.

Найл в полной растерянности чувствовал: Маг смотрит на него. Слепящее сияние сделало его видимым — он стоял, фосфорически светясь.

Маг, все так же держа перед собой шар, медленно подошел и остановился напротив. Найл хотел было шевельнуться, но не смог, словно разбитый параличом.

— Опять ты, — с медленным кивком произнес Маг. — А я-то думал, кто за всем этим стоит?

Найл чувствовал себя подобно мухе в пробирке, готовый к чему угодно.

А Маг между тем протянул перед собой шар, сияние которого становилось уже нестерпимым, но зажмуриться было нельзя из-за сковавшей неподвижности. В шаре происходили изменения, он чем-то напоминал крутящуюся планету. Вот он с ошеломительной быстротой словно вывернулся наизнанку и стал разрастаться.

Это был уже и не шар, а лицо самого Мага, занявшее целиком всю комнату, — громадное, словно у какой-нибудь статуи, вперившееся в Найла глазами с сетью кровавых прожилок.

Найл понял, что находится теперь внутри шара и смотрит оттуда на Мага, который держит шар между ладонями, улыбаясь громадным ртом.

— Очень любезно с твоей стороны меня навестить. Мне не понадобилось самому явиться к тебе. — Положив шар на скамью, Маг склонился сверху, отчего его лицо снова расплылось на всю комнату. — Оставь никчемное волнение. Мы будем с тобой друзьями и союзниками, разве не так?

Найл кивнул — против своей воли, как марионетка. И тут он понял, что в тисках Мага теперь находится не только его тело, но и мозг, и вообще все его существо.

Что удивительно, страха перед Магом он больше не испытывал. От громадного лица веяло добротой и доверительностью. Некий потаенный участок мозга дивился такому преображению, в то время как все остальное сознание закоснело и застыло, словно окаменев. Подавляющая его часть сделалась марионеткой Мага, не имея в своем распоряжении никакой воли. Такая подконтрольность вызывала бы ужас, если бы только этот ужас можно было чувствовать.

— Кто научил тебя перемешать духовную сущность? — задал вопрос Маг.

«Симеон».

— Кто такой Симеон?

«Врач из города жуков-бомбардиров».

Маг по-хозяйски прошупывал его ум.

— Кто подсказал тебе, как пробраться в Страну Призраков?

«Тролли».

На мгновение крохотный свободный очажок сознания встрепенулся, что сейчас заставят выдать троллей. Но железная хватка

Мага сама по себе мешала ощутить страх от этого невольного предательства.

Пока их умы пребывали в контакте, Найл тоже ловил мысли и чувства Мага — по большей части удовлетворение от того, что противник так легко дался в руки и что ум его гибок и податлив. Как и из непринужденного Тифона, из него можно будет вышколить хорошего слугу.

Эта перспектива, в сущности, и не тревожила. Найл сейчас находился во власти бесконечно более могучего и, что самое главное, вполне благодетельного хозяина, который со временем, может быть, сделается ему и другом. А противиться этому глупо и неосмотрительно.

— Еще вопрос, — продолжал Маг. — Ты действительно избранник богини?

«Да».

Собственно, отвечать словами и не требовалось; главное — оформить ответ в подсознании, где его мог ухватить карвасид. Найл ограничился кивком.

— Невероятно!

Судя по всему, это вызвало у Мага глубочайший интерес, и он был не прочь углубиться в тему. Но в данную минуту у него было занятие поважнее — усмирение бунта. Нежданное благодушие настраивало Мага на то, чтобы кара была суровой, но справедливой. Всдь он же, как-никак, благодетельный отец своего народа. Однако никто не давал этим недоумкам права дерзить своему господину, так что внушение будет жестким.

Маг обернулся к Найлу и чуть ли не ласково сказал:

— Побудь здесь, мне надо кое-что уладить.

Он поднял шар, который тут же озарил комнату светом. Найл опять очутился в стеклянной колонне, а Маг опустил шар в карман и вышел из помещения.

От лежащего на полу Джелко тянулся ручеек крови. Вскоре в комнату нагрянули двое охранников и поглядели на труп с нескрываемым отвращением. Схватив его за руки и за ноги, с брезгливой поспешностью выволокли вон. На боку охранники не обратили никакого внимания (похоже, вообще не увидели).

Оставшись в одиночестве, Найл почувствовал себя до странности умиротворенно, чтобы не сказать благодушно. Еще бы:

с Магом они помирились, так что беспокоиться теперь не о чем. Вайг будет исцелен, мирный договор подписан, а он вернется и продолжит править городом пауков при активном содействии и совете своего друга, великого Мага. Вот ведь как славно все сложилось.

Прошло минут десять: настенные часы показывали девять двадцать. Жаль, что он вынужден сейчас здесь сидеть — посмотреть бы в окно на происходящее.

Согбенный в своем углу бока не спускал с него глаз. Чего он так смотрит, ведь узник и не помышляет о побеге. Найл глянул в его желтые очи и опять отметил их разумность.

Ни о чем особо не думая, он прозондировал ум существа и подивился тому, что оно испытывает к пленнику жалость. Что уж такого жалостного в его, Найла, положении? Ведь Маг только что избавил его от страхов и тревожностей, дав почувствовать себя свободным.

Но тогда почему он по-прежнему в плену?

Найл, видимо, находился в состоянии под стать гипнозу и по меньшей мере семь минут потерял зря: он их тупо просидел вместо того, чтобы обдумывать вариант побега.

Кстати, можно опробовать еще один метод.

Закрыв глаза, Найл воссоздал образ младшего из тролльчат. Вначале что-то мешало, но при более сильной фокусировке это сработало, дав безошибочное ощущение контакта с живым существом. Ребенок, судя по всему, спал сейчас у себя в кроватке.

То, что он спит, не сказывалось на эффективности психической сцепки: мальчик служил лишь передаточным звеном. Используя его в качестве фокуса, Найл разделил поток внимания и достиг таким образом шара. И вот он уже в пещере троллей, перед лежащей на паллене кристальной сферой.

Словно уловив его присутствие, шар ожил трепетной искрой, переросшей в зеленоватое мерцание. К шару удивленно обернулся стоявший в отдалении тролль.

Обмен сигналами происходил мгновенно; очевидно, такое понимание бывает у близко знающих друг друга людей. Шар отзывался на ментальные вибрации Найла, давая уму проникать в паутину сознания, как бы возжигая светом некие силовые векторы. Облегчение было поистине неимоверным. Найл

ускользнул не только из своего стеклянного узилища, но и из обыденного сознания, ступив в мир объективной реальности.

Троль спросил его на языке прямой образности:

«Опять вернулся? Что у вас там?»

«Маг готов приказать солдатам палить по толпе».

«Это на него похоже», — сухо заметил троль.

«Что я в силах сделать?»

«Кристалл у него с собой?»

«Да».

«Тогда используй свой, чтобы нейтрализовать шар Мага. Это его отвлечет».

«Как?»

«Спроси у шара».

Найл, потянувшись, снял кристалл с паллена; сердце зашлось в тот момент, когда его собственная энергия слилась с энергией шара. Сев на край ступеньки возле кресла, какое-то время он осваивался с новым ощущением. Казалось, он ушел в такую глубину релаксации и поглощенности, что того и гляди канет в них вовсе. Едва Найл наконец сфокусировался на вопросе о нейтрализации одного шара другим, пришел ответ, казавшийся самоочевидным: надо лишь свести воедино вибрационный радиус обоих кристаллов и дать энергии более сильного из них перетечь в более слабый.

«А ты уверен, что шар карвасида уступает моему по силе?»

«Более чем».

«Но как мне их друг с другом свести?»

«Возьми его с собой», — указал троль на шар Найла. Видя, что тот все еще сомневается, он терпеливо добавил: — Смотри».

Он поместил на паллен свой собственный шар, тут же зардевшийся розоватым свечением. Затем положил руки на паллен примерно в метре под шаром, медленно повел их вверх. Когда ладони достигли шара, розоватое свечение пролилось на них подобно жидкости. Слегка разведя, троль медленно поднял ладони. Свет так и остался у него в руках, а сам шар потускнел, как погасший фонарь. Троль демонстративно протянул руки в сторону Найла. Между ними красной планеткой багровела сфера.

«У кристалла есть энергетическое тело, точно так же, как у тебя. А ну, сделай как я».

При этом он вознес руки над палленом и опустил их по обе стороны шара. Тот опять ровно светился розовым.

Тролль, сняв, бережно завернул его на полу в черную ткань. Теперь свою немеркнущую драгоценность поместил на паллен Найл. Он старался в точности имитировать движения тролля — и как ложатся на паллен руки, и как затем ладони аккуратно скользят кверху. Он и на некотором расстоянии чувствовал вкрадчивое живое тепло кристалла. Когда он поднял руки на максимальную для своего роста высоту, сфера света продолжала трепетать меж ладоней, в то время как сам шар потускнел. Найл невольно улыбнулся, словно чувствуя у себя в ладонях какую-нибудь мягкую пушистую животинку. Руки теперь высвечивались до самых плеч.

Закрыв глаза, он успел услышать напутствие тролля: *«Удачи тебе»*.

Открыв их вновь, в сотне метров Найл увидел калинду. Похоже, он подоспел как раз вовремя. Маг уже миновал дерево и спускался к мосту. Мысли карвасида читались легко. Им владело приятное предвкушение наказания, которое он сейчас ниспошлет на глупые головы нерадивых своих чад, дерзнувших усомниться во всемогуществе повелителя.

Сердце тревожно екнуло: Найлу показалось, что энергетический шар куда-то запропал, хотя ладони по-прежнему ощущали контакт. Но стоило сосредоточиться на пространстве между ладонями, как сфера света вновь проявилась в поле зрения. Интуитивно он догадывался, что это некая проекция шара, находящегося в пещере троллей. И вообще, можно сказать, в каком-то смысле этот шар существует везде, где только простирается его паутина.

Сконцентрировавшись на нем, Найл какую-то часть его энергии препроводил в свое тело. Затем прикрыл глаза и представил себя на мосту; секунда, и он уже действительно там.

Мэр и его героическая спутница по-прежнему топтались на том же месте, где Найл их оставил с полчаса назад, когда Джелко отправился с посланием во дворец.

Толпа в полном безмолвии взирала на приближающуюся фигуру карвасида. Все уже уловили, что ничего приятного аудиенция не сулит, и втайне сожалели, что вообще все это затеяли.

Маг остановился и, обведя первые ряды пристальным взглядом, с леденящей вежливостью спросил:

— Кто хотел меня видеть?

В ответ — лишь молчание и потупившиеся взоры. Хотя Маг и казался спокойным, все понимали, что любое произнесенное слово вызовет вспышку испепеляющего гнева.

— Ты? — Взгляд Мага остановился на Селене.

Похоже, от страха женщина лишилась дара речи. Найл, инстинктивно почувствовав, что бедняге уготована участь первой жертвы, решил вмешаться. Коснувшись рукой шара, набрал из него энергии и направил ее на Мага, все равно что швырнув камень. Этим он надеялся как-то сбить карвасида с опасного курса.

Ответ последовал незамедлительно. Маг, обернувшись, хлестнул с разящей яростью разозленной змеи. Физическое тело Найла от такого удара мгновенно бы обуглилось, но тонкое тело лишь немо содрогнулось, прежде чем кристалл поглотил удар. Но и этого отклоненного удара оказалось достаточно, чтобы чувства поплыли, словно отторгнутые.

Когда зрение прояснилось, Найл с изумлением увидел, что карвасид лежит на земле, а над ним склонились те рыжие верзилы. То, что прежде казалось непомерно высоким лбом, отвалилось и лежало рядом. Он что, мертв? Если да, то почему не видно крови? Сделав шаг прямо сквозь детину-охранника, Найл увидел, что ямы глаз на мертвенно-бледном лице Мага открыты. А на земле лежит не верхняя часть головы, а что-то вроде стилизованного под череп чепца. У самого же Мага голова была обычных размеров, с ежиком седых волос. В общем, массивный череп оказался подделкой.

Толпа была откровенно ошарашена. На ее глазах карвасид, нелепо подскочив, упал будто сраженный. Как и Найл, люди втайне надеялись, что он испустил дух. Более того, узнай они сейчас, что Маг все-таки жив, по толпе шквалом пронесется паника, причина которой — слепая боязнь возмездия. А от перепуганного сборища всего можно ожидать.

Найл действовал быстро. Не теряя времени, он вживился в мозг Селены и внушил взять на себя руководство. Та протиснулась сквозь дрогнувший ряд уставленных на толпу «жнецов» и не терпящим пререканий тоном (как-никак мэрша) сказала:

— Карвасид болен. Отнесите его во дворец.

Двое утративших уверенность громил подняли своего повелителя под руки. С полминуты его ноги бессильно висели над землей, как у тряпичной куклы. Двое других охранников, подоспев, подхватили Мага за ноги, а еще двое подставили плечи под его туловище. Вся эта шестерка головой вперед понесла карвасида вверх по холму. Найл какое-то время шагал рядом, пока не убедился, что Маг все еще жив, хотя и порядком оглушен.

Инициативу перехватил мэр Бальтигар, телепатически передав толпе: «Прошу всех разойтись по домам». Видя, что сборище рассасывается, Найл испытал облегчение — чего доброго, Маг оклемается настолько, что прикажет солдатам открыть огонь.

Сокрушительной силы удар тоже не прошел для Найла бесследно, оставив ощущение легкой контуженности — хотя, к счастью, без головокружения (вероятно, по причине его плотности). Он все еще не понимал, что же именно произошло и отчего вдруг Маг рухнул как подкошенный.

Найл достал из кармана туники шар, заметив повышенную чувствительность пальцев, как при ожоге. Кристалл был не тяжелей комка ваты, но едва Найл уместил его меж ладоней, он обрел прочность и обдал пальцы приятной прохладой, успокаивая обожженную кожу. Стоило внутренне собраться, как дезориентация прошла, сменившись притоком энергии. Исчезла и боль в кончиках пальцев.

Войдя в мир кристалла, Найл в полной мере распознал нанесенный урон. Решетка векторов оказалась прорвана ударом мгновенной силы, на воздействие которой она не была рассчитана. Это чем-то напоминало тенета мелкого паучка, порушенные камнем, пушенным детской рукой.

И тут Найл с внезапной ясностью осознал, что произошло с Магом. Как и Найл, он умел извлекать из кристалла энергию и запускать ее подобно острию молнии. Ум цепенел при мысли, что могло произойти, не окажись у Найла шара. Та сила распылила бы его как сухой листок в кострище.

Но так как рука Найла лежала на его собственном кристалле, сила оказалась вмиг поглощена, словно молниеотводом. И она же увела за собой энергию из карвасидова шара — так

мощный ток уходит по возникшему каналу. Это лишило Мага энергии, и он упал без сознания.

Контакт с кристаллом разом успокаивал и освежал. Вернувшись мыслями в настоящее, Найл обнаружил, что стоит один. Мост обезлюдел. Унылый кортеж носильщиков успел скрыться на холме; у моста остались лишь двое часовых.

Тронулся ко дворцу и Найл. Почувствовав на подходе к калинде, как та понемногу притягивает к себе, Найл лишь улыбнулся: не хватало еще снова угодить в стеклянный цилиндр. Закрыв глаза, он представил внутренний дворцовый двор, где и оказался в тот же миг.

Здесь было необычно пусто и тихо. Ведущая в башню Мага дверь, кованная медью заклепок, была открыта. Его что, уже успели внести? Нет — вон он, ковыляет по сводчатой галерее, что сообщается с внешними дворами и подъемным мостом. Маг двигался медленно, но рыжие громилы по бокам его уже не поддерживали. Капюшон был откинут, а накладной череп водружен на место (вот уж точно, человек семи пядей во лбу).

За какой-то час лицо карвасида заметно осунулось и пожухло, кожа посерела. Впору бы пожалеть бедолагу. В этот момент карвасид, случайно запнувшись о неровность прогулочной дорожки, обернулся к охранникам и прошипел:

— Устранить сейчас же!

Желчности в нем, как видно, не убавилось.

Охранникам было велено дожидаться снаружи, и путь по лестнице Маг стал одолевать в одиночку. Найл следовал за ним все пять лестничных маршей. Приходилось держать дистанцию; выдавать свое присутствие — ну уж дудки. Бока может наброситься лишь по команде хозяина, так что пока Маг не догадывается о присутствии Найла, он в относительной безопасности.

Как ни странно, по мере подъема Маг постепенно оправлялся, а на пятом этаже и вовсе зашагал почти нормально. Охранники по-прежнему истуканами стояли в коридоре, один из них поспешно открыл перед своим господином дверь. Маг, прихрамывая, без задержки прошел мимо и изнеможенно рухнул в кресло. На минуту черты его заострились, землистая кожа обвисла — уж не при смерти ли? Оказалось, что нет.

— Стой,— проскрипел он в спину собиравшемуся выйти охраннику.— Капитана Заддина ко мне.

Через минуту-другую рыжий верзила уже входил, пригибаясь, в дверь, с тайным опасением, не проштрафился ли.

— Ты знаешь имена тех, кто стоял впереди толпы? — осведомился Маг.

Стоя навытяжку, капитан отчеканил:

— Это все члены Гражданского собрания, о повелитель!

— Арестовать, всех. Доставишь сюда — и по казематам.

У Найла похолодело сердце. Все надежды на мир или хотя бы на примирение — плод фантазий. Маг все так же полон злобы.

Как только охранник ушел, он закрыл глаза и обессиленно привалился головой к спинке кресла. Обвислая морщинистая кожа безжизненно посерела, тяжелые веки — как из оплывшей резины. Долгое время он молчал, неподвижно глядя перед собой.

Найл впервые различил двух почти прозрачных троглов, зыбко колышущихся вблизи громоздкого черного секретера (движения странно бессмысленные, под стать трепетанью мотыльков вокруг свечи). Бока, все так же горбясь в своем углу у окна, не спускал с них глаз. Маг троглов не видел.

Спустя примерно четверть часа Маг встряхнулся и, уперевшись в подлокотники кресла, кое-как встал. Доковыляв до секретера, он выдвинул ящик и взял ключ, после чего неверным движением отпер какую-то дверцу. Изнутри она была покрыта чем-то вроде инея. Двое троглов подпорхнули ближе, словно стремясь втиснуться внутрь.

С верхней полки Маг снял круглую склянку с синеватой жидкостью — судя по всему, герметичную. Не без труда отстегнул металлическую застежку крышечки. Из склянки пошел синеватый пар, к которому не замедлили подлезть троглы. Едва это сделав, они тут же стали более заметными: проглянули руки-ноги. Комнату наполнил озоновый запах жидкости — что это, живая вода из сказки?

Маг между тем налил самую малость в мензурку и, поднеся ко рту, пригубил. Вот это да: несколько секунд, и землистости на щеках как не бывало; морщины исчезли, а кожа вновь гладко обтягивала лицо. Минута-другая, и на щеках проглянул ру-

мянец, а глаза лихорадочно зажглись. В общем, помолодел лет на двадцать.

Допив содержимое мензурки, Маг энергичным движением здорового возвратил ее в секретер.

До Найла разом дошло, для чего карвасиду вообще и эта лаборатория, и стеклянный цилиндр. Магом движет безумная жажда прознать секрет, над которым бились философы еще со времен Корнелия Агриппы: как получить эликсир жизни. Даже троглы, вон, вдохнув пары, сделались малость живей.

Заперев секретер, Маг, движения которого были теперь точны и напористы, вынул из кармана кристальный шар и, поднеся к глазам, взгляделся, удерживая его на кончиках пальцев. Шар засветился, хотя и не так ярко, как прежде. Света хватало лишь на комнату; никакого сравнения с тем слепящим сиянием, от которого испуганно попятился бока.

Найл озабоченно глянул на себя. Все в порядке: он по-прежнему невидим. Сила шара, судя по всему, изрядно истощилась.

Маг подошел к стеклянному цилиндру и поднес к нему шар. Судя по выражению лица, исчезновение пленника его явно озадачило. В то же время мысли Мага читались так легко, будто он говорил вслух.

«Здесь кто-то есть в комнате?» — спросил он боку.

У Найла захолонуло сердце.

«Да», — отозвался бока, не поднимая глаз.

«Кто?»

«Нежить», — ответил бока странным голосом, напоминающим призрачный шелест ветра.

«Где?»

Бока указал на трогов, по-прежнему льнущих к секретеру.

Маг вытянул перед собой шар и очевидным усилием воли возжег его. До прежнего сияния ему было далеко, тем не менее света хватило, чтобы сдуть с места навязчивую пару; в общем, своего Маг добился и троглы исчезли. А шар почти тут же погас.

Маг какое-то время вертел шар в ладонях; судя по брюзгливому выражению, до него дошла вся степень потери. Снова вдруг осунувшись, он возвратился к креслу.

«Ты должен сделать мне еще такой же», — сказал он боке.

Тот упорно молчал.

«Ты меня слышишь?» — повысил голос Маг.

«Слышу», — не поднимая глаз, ответил бока; в голосе его звучала плохо скрытая ненависть.

Взгляд Мага привлекло темное пятно на полу — то место, где пролилась кровь Джелко. Он послал резкий телепатический сигнал — что-то вроде гневливого окрика, — и в дверях тут же возник охранник.

— Это еще что! — Маг кивнул на пятно. — Сейчас же убрать грязь.

Охранник отсалютовал и через некоторое время появился с ведром и шваброй. Найл не без ехидцы наблюдал, как тот усердно надраивает пол, бурое пятно на котором становится лишь ярче. В конце концов бедняга выскочил и возвратился уже со скребком, но и на этот раз его усилия ни к чему не привели.

Наконец Маг устало произнес:

— Пшел вон, болван. Ты что, не знаешь: кровь надо смывать, пока она не высохла?

Не веря, что отделался так легко, охранник подхватил свой инвентарь.

— Когда доставят смутьянов, мэра с мэшей — ко мне, — скомандовал карवासид.

Охранник отдал бы честь, но обе руки были заняты. Поэтому он лишь поспешно кивнул и убрался.

Мысли сидящего в кресле Мага читались вполне отчетливо. Чувствовалось сердитое недоумение: куда же девался пленник? Чертова толпа смутьянов; надо же, отвлекла в самый важный момент. Помыслы о жестокой мести наполняли помещение тяжелыми удушливыми волнами насилия, как на скотобойне.

Этот садистский уклон был для Найла внове. Помнится, в городе пауков он поначалу считал, что восьмипалым нравятся жестокость. Лишь потом выяснилось, что это не более чем обычная для хищников удовлетворенность от поимки добычи. У Мага же эта убийственная тошнотная склонность переходила все пределы. Он упивался безудержной властью, покуда она не превратила его в чудовище.

Маниакально утоляя свои прихоти, он дал себя обуять убеждению, что верховенство его воли — это закон природы. Найл

изумленно понял: карвасид и впрямь утратил всякую связь с реальностью, а вместе с тем и рассудок.

Отчего-то вздрогнув, Маг покосился на окно. Спустя секунду какис-то сухие хлопки уловил и Найл (как видно, у Мага слух поострей). Никогда прежде не слышавший ружейной пальбы, Найл слегка растерялся: кто это так лихо — да еще и с такой частотой — прокалывает пузыри?

Вслед за Магом он подлетел к окну. С центральной башни вид на мост частично загораживало дерево калинды, но холм было видно неплохо. Там, внизу, по мосту текла толпа, а солдаты стреляли из ружей в воздух.

Телепатический вопль был таким, что Найл невольно поморщился. В комнату вбежали оба охранника.

— Что это?! — Карвасид трясущейся рукой указывал в окно.

Те наверняка понятия не имели о происходящем. Один из них поспешил к окну. Оторопев от увиденного, он лишь тупо пожал плечами. Второй охранник, встав на цыпочки, выглянул у него из-за спины.

— Ну?!

— Н-не могу знать, повелитель, — пролепетал он.

Можно поспорить: действующий сейчас у карвасида шар, обоих стражей не было бы уже в живых.

— Капитана Заддина, живо! — Голос у Мага сорвался.

Когда охранники скрылись, Маг снова рухнул в кресло, уставясь перед собой пустым, угасшим взором. То, о чем он думает, читалось по лицу: власть уходит из рук и, что гораздо хуже, ему сейчас непосредственно грозит физическая опасность. Что странно, победного торжества над поверженным врагом не ощущалось. Более того, где-то внутри жило сожаление, что он, Найл, явился причиной чужой беды. Однако любопытство взяло свое. Как поступит этот человек, видя, что все из рук вон и ему, неровен час, самому предстоит заточение в одном из здешних казематов?

Что интересно, вновь объявившиеся троглы уже не слонялись бесцельно. Они смотрели на Мага, словно чего-то выжидая.

В коридоре слышались торопливые шаги; в дверь постукали.

— Да! — сердито крикнул Маг.

В комнату с виноватым видом вошел рыжий громила (что-то в его поведении было не то).

— Прости, повелитель: только что вернулся.

— Что вообще происходит?! — со всегдашней вспыльчивостью воскликнул карвасид. — Что все это значит?

— Мы их пробовали арестовать, повелитель. Но они оказали сопротивление. Был убит один нижний чин...

— Наш или их?

— Их. Ну и пошло-поехало. Там сейчас такое поднялось...

— Сколько с тобой было человек?

— Два десятка.

— Вы открыли огонь?

Заддин в смущении отвел глаза.

— Ну?!

— Мои люди... приняли сторону бунтовщиков, повелитель.

Найл понял, что именно с Заддином не то. Несмотря на почтение и даже некоторое раболепство, донести до хозяина дурную весть было ему в удовольствие.

Вместо того чтобы дать волю иступленному гневу, Маг с нарочитой невозмутимостью спросил:

— Чего они хотят?

Чуя в этом спокойствии опасность, громила с подчеркнутой почтительностью ответил:

— Освободить тех двоих посланников из Корша.

Маг подошел к окну. Ружейная пальба стала заметно ближе.

— Сколько же, по-твоему, осталось на нашей стороне?

— Не могу знать, повелитель.

— Может, только мы с тобой? — усмехнулся карвасид.

— Не могу знать, — повторил Заддин, избегая подвоха.

— Не можешь, значит? Что ж, тогда я дам тебе шанс доказать свою верность. Я про того паренька из Корша. Сейчас ты пойдешь в каземат и прикончишь его.

Быть может, он сказал это лишь для того, чтобы проверить своего служаку на прочность. А тому бы сейчас отсалютовать да убраться поскорей.

Однако гвардеец, не поняв опасности, с ошарашенной искренностью произнес:

— Но стоит ли, повелитель? Там весь народ поднялся, чтобы его спасти, а...

- А когда прорвется, обнаружит его мертвым. И что дальше?
- Слушаюсь, повелитель. Если вы того желаете...
- Я желаю преданности, дубина! — рявкнул карвасид.

Найл, внутренне напрягшись, понял, что сейчас произойдет. Шар в руках Мага полыхнул слепящим сполохом. Но ударившего жгута энергии оказалось недостаточно, чтобы сразить Заддина наповал. Громила ощерился от боли; одежда на нем вспламенилась. От его вопля заложило уши.

В ту же секунду Найл направил на руку Мага энергию своего шара. Погасший карвасидов кристалл мячиком покатился по полу. Сам Маг ошеломленно уставился на залившее комнату сияние, но еще больше он изумился, увидев перед собой Найла. Что-то мелькнуло неуловимой тенью — бока. Метнувшись из своего угла, он вцепился Магу в шею — ни дать ни взять громадный кузнечик поймал насекомое поменьше. Как недавно беднягу Джелко, он одной лапищей схватил карвасида за горло, а другой развернул ему голову. Короткий звучный хруст, и зубы боки оскалились в демонической улыбке.

Дальше лучше не глядеть. Перешагнув через недвижимого Заддина в тлеющей одежде, Найл прошел сквозь дверь, к которой припали ушами оба охранника. Тыфу ты: совсем забыл, что перемещаться можно с помощью мысли. Он представил свой каземат.

Когда Умайя отперла дверь, Найл сидел на краю койки. Его бил озноб: пока путешествовало сознание, с тела сползло одеяло. Он как раз пытался концентрацией поднять свою температуру, когда на лестнице послышалась поступь множества ног.

Первыми в камеру вошли Селена с Васконом. Следом за ними появился мэр Бальтигар, а дальше, на лестнице, толпилось считай что все Собрание.

Рядом с Умайей стоял ее отец, на лице у него читалось: «Прознает карвасид — он вам задаст».

Найл зачарованно ощутил у себя на губах теплый поцелуй Селены.

Васко, приобняв его за плечи, воскликнул:

— Гром и молния, да он совсем застыл!

— Как вы тут? — не зная что и сказать, спросил Бальтигар, сердечно трясая Найлу кисть обеими руками.

— Да ничего, спасибо. Прохладно только.

— А по городу прошла молва, что вас, страшно сказать, нет в живых!

Васкон уже отдавал распоряжения:

— Срочно принесите что-нибудь теплое! И еду какую-нибудь!

— Прежде всего я должен увидеть своего товарища, паука, — сказал Найл.

— Ах да, капитан Маканда, — спохватился Васкон. — Немедленно ведите нас к нему, — велел он Умаيه.

Она тревожно оглянулась на отца, которого, казалось, сейчас хватит удар.

— А карвасид в курсе?

— Карвасид мертв, — произнес Найл.

Его слова услышали в коридоре, и вот уже по всей лестнице многоголосо разносится: «Карвасид мертв!», «Карвасид умер!»

К явному ужасу тюремщика, толпа не скрывала своего ликования.

— Отец, — негромко спросила девушка, — карвасид и вправду скончался?

Тот какое-то время отрешенно смотрел перед собой. И тут лицо у него побелело.

— Папа, ну ответь же! — вполголоса домогалась дочь.

Впрочем, ответом был сам потрясенный вид тюремщика.

Да, конечно. У карвасида с его тюремным ключником несомненно существовала прямая связь.

Перед тем как пойти вместе с Найлом по длинному коридору, мэр велел никому их не сопровождать: для толпы проход чересчур узок. Камера капитана, тесная и темная, была в самом конце.

Капитан уже дожидаясь. В эдаком карцере спина у него была прижата к потолку, а ноги согнуты под животом. Вместе с тем он уже улавливал витающее в воздухе волнение.

При виде верного товарища по странствию Найл ощутил такой прилив душевного тепла, что вот взял бы и обнял — жаль только, что паука никак нельзя заключить в объятия. Капитан,

ощутив столь нежное к себе отношение, тоже растрогался и одновременно смутился: пауки непривычны к выражению подобных эмоций.

Их появление во внутреннем дворе было встречено шумным ликованием толпы — похоже, самым громким, какое когда-либо раздавалось в Стране Призраков. С дворцовых крыш взлетели исполошенные птицы. Найл отыскал глазами окно Мага (в нем горел свет), радостно подумав при этом: уж теперь-то горожане могут шуметь открыто, вволю.

Мэр с Селеной в сопровождении Найла и капитана спустились по холму и двинулись по мосту. Видно было, что восьмипалый друг, радуясь возможности поразмяться, вместе с тем смущен: он-то сам едва ли заслужил столь бурное приветствие.

— Кто-нибудь видел Тифона? — спросил Найл у Бальтигара. Мэр покачал головой.

— Ему сейчас, наверное, стыдно показаться на люди.

— Но почему? К карвасиду он относился так же, как и все вы.

— Разве? — возвел брови Бальтигар.

Он-то, видимо, полагал, что префект будет оплакивать свержение своего хозяина.

— Я в этом абсолютно уверен. Он мне сам об этом говорил.

— В таком случае надо послать к нему кого-нибудь с приглашением на торжественный ужин.

Обернувшись к Селене, мэр стал с жаром передавать ей новости, хотя та из-за шума вряд ли толком его слышала.

Когда подходили к ратуше, воздух над ней уже с шипением чертили ракеты. Сам Найл видел фейерверк лишь однажды — когда у Доггинза взорвался весь запас пиротехники. Эти ракеты взлетали без взрывов и хлопков (здесь в городе, похоже, иначе и быть не могло); тем не менее все эти красные, зеленые, синие и желтые росчерки, фонтаны, хвосты и зигзаги наглядно свидетельствовали о праздничном настроении, охватившем решительно всех.

На подходе к банкетному залу Найл вспомнил такое, отчето в пору окаменеть. Как же теперь Вайг? Ведь Маг-то умер? Или его роковой секрет знает Тифон? Следующие пять минут

он лихорадочно подсчитывал, сколько дней назад брат порезался о злосчастный топор. Получается, впереди еще восемнадцать дней. Наверное, еще можно что-то предпринять, а потому незачем портить настроение себе и другим. В конце концов, праздник-то какой.

Банкетный зал был рассчитан на сотню человек. Найл чувствовал неловкость оттого, что простой народ сюда не допущен, а веселится за окнами на улице.

— Ничего,— успокоила его Селена.— Они тоже гуляют от души. Все так радуются свободе, что до нас им сейчас и дела нет.— И она подняла бокал с золотистым вином.— Друзья! Я предлагаю тост за нашу свободу!

Примерно через полчаса, после того как подали первую перемену блюд, восторженные возгласы грянули с новой силой, и в зал вошел Тифон, а за ним Герек. Найл такого даже не ожидал, полагая, что их будут встречать с некоторой сдержанностью. Но похоже, сказанное Найлом уже разошлось из уст в уста, а потому префект со своим помощником были приняты как герои.

Найла с Селеной попросили слегка сместиться, и между ними поставили еще два стула.

Севший рядом с Найлом Тифон сказал:

— Ну что ж, похоже, твой приход ознаменовался у нас революцией.

— Дело, пожалуй, не во мне,— улыбнулся Найл.— Ведь это ты все начал, возвестив мирный договор.

— Я лишь огласил то, что мне было велено,— заскромничал Тифон.

— Ой ли? А мне кажется, наоборот, что не велено.

Тифон лишь добродушно хмыкнул, поднимая наполненный лакеем бокал.

Герек, перегнувшись за спиной своего коллеги, сказал:

— Кстати, впредь не разбрасывайся вещами. Это ты оставил в своей комнате.

И он протянул медальон, который Найл незамедлительно повесил себе на шею. От выпитого натошак вина уже слегка звыграло в голове: хорошо, что теперь есть средство самоконтроля.

— И вот еще что,— сообщил ему на ухо Тифон,— ты можешь не беспокоиться насчет брата. Смерть карвасида означает его поправку.

Ай да Тифон! Ай да новость!

— Ты уверен?! — выпалил Найл, чьей радости не было меры. Теперь-то уж можно торжествовать наравне со всеми.

— Полностью. На твоего брата были насланы граддиксы. Знаешь, что это такое?

— Знаю. На меня их тоже насылали.

— Так вот, граддиксы не терпят принуждения, и на одном месте им не сидится. По возвращении ты застанешь брата в добром здравии.

Облегчение пришло такое, что Найл рассмеялся. Если бы не стоящие рядом стулья, он бы обнял Тифона.

— Я походатайствую, чтобы правителем Страны Призраков назначили тебя,— сказал он, поднимая бокал.

— Думаю, у Гражданского собрания на этот пост другой кандидат,— заговорщически заметил Тифон.

Найл настолько опешил, что аж поперхнулся.

— Да ты что! — понял он мысль Тифона.— Нет-нет, только не меня. Это нереально.

— Ну почему! Мне кажется, это прекрасная мысль. Ты уже и без того прославился на всю нашу страну, к тому же ты правитель города пауков. Страна Призраков просто войдет в твои владения, а мы станем гражданами империи. И ни посланников не надо, ни мирного договора, ни чего еще. Так ли уж это нелогично?

— И все-таки,— упорствовал Найл.— Дай мне вначале подумать.

Надо же знать и то, как пауки отнесутся к приросту в пять тысяч человек.

— И если можно, не говори об этом пока никому.

— Пожалуйста,— любезно согласился Тифон.

— А тебе как такая мысль пришла?

— Да мы, пока сюда ехали, всю дорогу это обсуждали. Все твердят в один голос. Если не хочешь, чтобы утверждение состоялось нынче же, лучше скажи об этом прямо сейчас. А то Бальтигар, если не ошибаюсь, сам собирается его озвучить под занавес.

Найл не мешкая повернулся, но мэр, поднявшись, уже призывал публику к тишине.

— Дамы и господа! Я желаю поднять тост за наших почетных гостей, полковника Найла и капитана Маканду. Капитан сейчас угощается в соседнем помещении, но я уверен, что мысленно он с нами. Поэтому предлагаю всем выпить за полковника Найла! Стоя!

«Обошли», — подумал Найл, вставая вместе со всеми.

Эпилог

Несмотря на головную боль и недосып, Найл пробудился перед рассветом. Он остановился в доме у Тифона. Капитан, как и в прошлый раз, спал на полувике в одной с ним комнате.

Поспать получилось часа три, не больше, так что усталость пришлось разгонять с помощью медальона. Найл сел на кровати, прикрыл глаза и погрузился в глубокую релаксацию. Он тут же ощутил присутствие матери; как видно, оба пытались установить связь одновременно.

«Ты где?» — спросила она.

«Опять в доме Тифона».

«Вот. Я поняла, что ты на свободе».

«Как тебе удалось?»

«В десять вечера начал поправляться Вайг. Настолько окреп, что перебрался на свою кровать: не удержали».

«Даже так? — подивился такой быстроте Найл. — Примерно в это же время не стало Мага».

Тифон был прав: граддиксы убрались не мешкая.

Описывать происшедшее в подробностях не было ни смысла, ни возможности: на это ушла бы вся энергия и его самого, и матери. Найл ограничился тем, что сообщил о своем согласии править Страной Призраков. Он также попросил мать связаться с начальником воздушных изысканий Асмаком — пусть завтра в середине дня три научных шара опустятся в верхней лошине Дола Благодарения и возьмут Тифона, капитана и его самого. Представить Тифона — старшего управляющего Страной Призраков — Смертоносцу-Повелителю и коллегии Совета надо из соображений не только добрососедства, но и срочности.

Весть о том, что Вайг уверленно идет на поправку, наполняла радостью. Не терпелось начать новый день, первый день освобожденной Страны Призраков. Правда, Тифон с Герекком к завтраку не прибыли, передав лишь с Катой, что будут позже. Что ж, их можно понять: Найл и сам без помощи медальона вряд ли поднялся бы поутру с постели.

В половине десятого Найл с капитаном отправились во дворец, где Найл назначил на полдень встречу с Собранием. Хотя и до встречи надо было во многое вникнуть. Намеревался он и расспросить Кварана — брата рыжеволосого Заддина, лежащего сейчас в больнице с ожогами.

Лейтенант дворцовой гвардии Кваран дожидался у подъемного моста. Найла с капитаном он приветствовал воинским салютом. В ответ на вопрос о состоянии Заддина рассказал, что брата обмазали мазью от ожогов, дали снотворное и он сейчас спит. Он выздоровеет, разве что шрамы останутся на всю жизнь. Найл не без удивления услышал, что Кваран застал брата в сознании, у лестницы, куда тот самостоятельно сполз. Вот, значит, насколько шар Мага оказался разряжен кристаллом Найла. Нечего было нападать первым.

После того как вынесли останки Мага, вход в центральную башню по приказанию Найла был перекрыт. Отворяя массивную дверь, Кваран явно нервничал. Догадываясь о возможной причине, Найл тем не менее спросил:

— Тебя что-то тревожит?

— Так точно, господин, — ответил лейтенант с явным облегчением оттого, что может выражать свои опасения открыто. — Охранники видели животное, убившее карвасида. Такое жуткое, что один даже умом тронулся.

Вот оно что. Хотя, собственно, как охранники могли видеть боку?

— Как оно выглядит?

— Животное? Багровое такое, огромное, без глаз.

Тут Найл, похоже, понял.

— На теле имелись повреждения?

— Его будто дикие звери истерзали.

Видимо, бока был весь в крови, а так как он невидим, складывалось впечатление, что у него нет глаз.

— Сделаем так, — сказал Найл и лейтенанту, и пауку, — вы дожидаетесь здесь, а я поднимаюсь наверх один.

Кваран даже не пытался скрыть облегчение.

— Благодарю, господин. Перед людьми у меня страха нет, но это ж просто демон какой-то из самой что ни на есть преисподней.

Как и думал Найл, страх Кварана оказался безоснователен. Боки не было и следа. Дождавшись наконец, после векового рабства, смерти ненавистного властолюбца-хозяина, он не преминул поскорей возвратиться в свой дом. Куда? Видимо, в серебряные рудники на севере.

Однако и без боки комната имела до тошноты отвратный вид. Даром что тело унесли, пол, стены и потолок здесь покрывала засохшая кровь, и дух стоял как в мясной лавке в жару.

Что странно, на стеклянном цилиндре крови не было. Сильный газ с клубящимися темными сгустками по-прежнему шел от пола к потолку. Видимо, как и кристальный шар, это стекло было способно каким-то образом очищаться.

А вот про шар Мага, лежащий под скамьей, этого сказать было нельзя. Он был бурым от запекшейся крови, а снизу кровь еще не успела просохнуть. Найл вымыл руки под лабораторным краном и влажным полотенцем обтер шар.

Насчет этого он и собирался расспросить Кварана, а именно, остался ли на месте карвасидов шар. Даром что холодный на ощупь и, скорее всего, негодный к употреблению, он тем не менее мог хранить в себе ценнейшую информацию. Найл с этой мыслью даже проснулся среди ночи.

Выйдя из лаборатории (как хорошо оказаться подальше от этой вони), в конце коридора он набрел на караульное помещение: стол, два стула и умывальник. Комнатка тесная — паук, пожалуй, в нее и не влезет.

Отдернув занавеску, Найл сел за стол и уместил шар между ладоней. После этого, отрешившись от сторонних мыслей, он попробовал состроиться с кристаллом в резонанс. В результате получил хлесткий удар током — настолько неожиданный, что выпустил кристалл из рук, и тот, увесисто упав, покатился по полу. Разумеется, это была мера предосторожности на случай, если шар попытается использовать кто-нибудь посторонний. Не будь кристалл разряжен, удар, чего доброго, мог и оглушить. Это как минимум.

Найл поместил шар на стол и вгляделся, пытаясь измерить диапазон его волны. Навыки обращения со своим шаром под-

сказывали, как примерно надо действовать. В конце концов, опираясь в основном на интуицию, Найл смог-таки войти в мир карвасидова кристалла.

Первое впечатление было откровенно неприятным. Собственный шар Найла был подобен бесконечному разбегу огромных галерей, простирающихся во все стороны. Он давал ощущение света, охватывая все подобием непостижимо высокого хрустального купола. В сравнении с ним шар Мага походил на темный лабиринт скупо освещенных коридоров и душных комнат. Наряду с тревожной замкнутостью он еще рождал ощущение некой удушающей боязни. Сама сфера носила на себе неизгладимую печать личности Мага, ужасающей своей садистской мстительностью.

Но все это, можно сказать, меркло по сравнению с тем, что Найл узнал дальше — и о Маге, и о Стране Призраков. Просто голова кругом. Оказывается, человек, чье недоброе присутствие наполняло шар, вовсе не был тем Сатханасом — воином, приведшим свой маленький отряд в эти края, а был его потомком по родственной линии, Сатханасом Четырнадцатым. Тот первый Сатханас — отец одиннадцати сыновей и семи дочерей, проживший девяносто семь лет, — и возвел этот чертог.

Так вот почему в интерьере дворца смешалось столько разных стилей. Понятно теперь и то, отчего он такой огромный — целая цитадель — с небывалым количеством подземных и надземных помещений. Здесь в одиночестве обитал каждый из последующих Магов, бережно храня сокровенный секрет: что он не истинный Сатханас, отец-основатель, а лишь один из его потомков.

Но к чему вся эта странная головоломка, укрывательство очевидного факта? Как выяснилось, начало сему было положено случайно, а потом сложилась негласная традиция, которая вполне соответствовала одержимости каждого из правителей Страны Призраков.

Когда первый Сатханас скончался, смерть его держалась в тайне из опасения, что пауки, прознав, непременно вторгнутся в Страну Призраков. И бразды правления взял его сын, тоже именуемый Сатханасом. Ему на тот момент исполнилось сорок. Сатханас Второй был выдающимся интеллектуалом — поистине гением, — посвятившим жизнь наукам и магии. Имен-

но он заманил воинство Хеба Могучего в долину Мертвых, погубив его в Великой Буре. Он же создал и этот самый шар и поработил боку, прикончившего нынче его тринадцатого потомка.

Его сын, Сатханас Третий, подобной ученостью похвалиться не мог, зато прекрасно разбирался в сельском хозяйстве. Как раз при нем и расцвел Дол Благодарения, став изобильной житницей, способной прокормить десять тысяч человек. От отца он постиг и секрет управления погодой — после чего паучьи шары, достигавшие иногда Серых гор, на подлете к пажитям, виноградникам и пашням стали неминуемо сбиваться.

В Сатханасе Четвертом было что-то от романтического авантюриста. Он встречался с монахом Сефардусом и даже единожды под видом раба наведлся в город Корш. Шар указывал, что этот правитель рассматривал возможность примирения с пауками, но все-таки не решился.

Концентрацию начала подтачивать усталость. Глянув на стенные часы, Найл всполошился: он уже опаздывает на встречу с Собранием. Спешно завернув шар в припасенный кусок замши, Найл сунул его в карман.

Как оказалось, можно было и не спешить. Собрание вольготно расположилось в дворцовом зале совещаний, куда по указанию Тифона был подан приличный обед. Когда Найл там объявился, большинство заседающих поклевывало носом в креслах. Однако с приходом нового правителя все оживились, и завязалась дискуссия, продлившаяся до пяти вечера.

По общему мнению, встреча прошла содержательно и интересно, не то что раньше. Капитан, как обычно, пребывал в отдельном помещении. Найл едва успел взяться за пирог с грибами, когда подошла служанка с сообщением: капитан Маканда хочет ему что-то сказать. Найл прошел в комнату по соседству, где обнаружил несколько больших клеток с птицами, предоставленными для паучьей трапезы. В одной клетке находились дрофа и пара перепелов, в другой расхаживали сороки, скворцы и голуби, в третьей — мелочь вроде воробьев и жаворонков. Жаль птичек, но всех их ждет одна участь: пауку ведь тоже надо есть.

Капитан мысленно указывал на вторую клетку. Найл, не поняв, чего он хочет, присмотрелся и... углядел там своего

ворона. Птица, испуганно нахохлившись, жалась к прутьям клетки. Стоило Найлу ее открыть, как ворон, узнав своего доброго знакомого, незамедлительно скакнул ему на руку, больно цапнув предплечье острыми когтями. Перебирая лапами, пернатый по руке забрался на плечо. С этого наблюдательного пункта он не сходил достаточно долго (Найл уже успел поесть), пока наконец, расхрабрившись, не скакнул на стол. Здесь ворон принялся разгуливать, хозяйски заглядывая в тарелки и сноровисто подхватывая кусочки. Селена изловчилась заманить его к себе на плечо, где ворон стал нежно пощипывать мочку ее уха.

Все пришли в восторженное умиление (оказывается, домашние питомцы были в Стране Призраков под запретом). Ворон же, возвратясь на плечо к хозяину, весил теперь заметно больше.

После обеда разговор пошел о самом важном: что для здешних жителей означает свобода и как использовать ее наилучшим образом. Вскоре выяснилось, что большинству присутствующих не терпится переехать в город пауков немедленно. Найл умолчал о неоднозначной реакции, какую может вызвать у пауков повальное нашествие двуногих из чуждых мест. Вместо этого он ограничился общим разрешением выходить наверх, а заодно сказал, что горожанам надо бы повременить с путешествиями хотя бы до весны.

Видя кругом неподдельное разочарование, он смягчился и пригласил членов Собрания посетить Корш в пределах следующего месяца. Предложение было встречено с восторгом, а Найл уяснил для себя то, на что до сих пор толком не обращал внимания. Собравшись в группу, здешние люди своими телепатическими способностями вызывают постоянные перепады настроения. И пусть контакт у них не коллективный, как у пауков, а мысленная речь направляется от собеседника к собеседнику, для передачи чувств здесь используется все та же индукция, рождающая соответствующий эмоциональный фон. А потому стоит кому-то приуныть (как вот сейчас, после объявления отсрочки до весны), и упадок настроения распространяется на весь зал. И наоборот: если сообщить, что визит состоится в следующем месяце, всех словно искрой пробивает ликование.

Это канун эволюционного изменения. Через несколько поколений все население Страны Призраков будет обладать коллективным сознанием.

В шесть прибыл Тифон, и ассамблея стоя приветствовала его дружными аплодисментами. Найл уступил ему место без всякого сожаления. Скорее наоборот: начались дебаты о том, надо ли с кончиной карвасида отменять все старые законы и давать жителям полную волю, или следует еще на какое-то время сохранить прежний уклад. Мэр Бальтигар и большинство мужчин выступали за последнее, в то время как почти все женщины высказались за полную свободу. Найлу, который и сам возглавлял Совет в городе пауков, все это было не в диковинку: обычно законы отменяются лишь для того, чтобы спустя полгода воскреснуть в первоизданном виде. Впрочем, вмешиваться бесполезно: жители Страны Призраков должны пройти все это самостоятельно.

Во внутреннем дворе ворон спорхнул с его плеча и взмыл на крышу: видно, быть ручным ему уже прискучило.

Они поднялись к Тифону, в служебные апартаменты, расположенные на верхнем этаже дворца. Таким образом, Найл впервые прокатился в лифте (если не считать того, что в Белой башне). Почему, интересно, не оборудовал свою башню лифтом Маг? А впрочем, понятно. Его лаборатория существовала еще задолго до того, как появилось это крыло здания, и он оставил башню без изменений.

Из кабинета Тифона открывался вид даже получше, чем из лаборатории. Здесь было два окна, одно из них с видом на север. Надо бы напомнить Тифону, что завтра днем они отбывают из Дола Благодарения, так что выехать следует пораньше.

Как только они вышли из зала совещаний, Найл стал расспрашивать о династии. Тифон сообщил, что его род состоял в услужении у карвасидов, начиная с самого первого Сатхана-са. На исходе жизни у того стала прогрессировать мания преследования, и он прекратил общаться напрямую со всеми, кроме своего префекта; предок Тифона был даже вынужден пробовать при господине его еду и питье. С того времени только префектам разрешался прямой очный контакт с владыками. Карвасиды же, по сути, уподоблялись схимникам — с той раз-

ницей, что у них в закрытом крыле дворца содержался гарем наложниц.

Сатхана С Девятый — тот, что создал при дворце музей, а также сверхмозг по имени Руфио, — постиг науку контроля над мыслями при помощи вибраций, и с той поры в стране был решен вопрос убеждения подданных в бессмертии и непогрешимости своего правителя.

До отбытия в Корш Найлу с Тифоном предстояло многое обсудить. Вся страна, от рудокопов до аристократов Фрейди-га, требовала перемен. Например, рабочие второго уровня уже предложили, чтобы Друско (тот самый бригадир, приговоренный к порке и позднее выпущенный из тюрьмы вместе с остальными заключенными) был назначен их лидером и представителем в коллегии Найла. Это, а также десятки других вопросов до возвращения Тифона должны были решаться Герексом.

Так что день прошел не в праздничных гуляньях, как у основной массы населения, а в обсуждении организационных нюансов. За этим же прошел и вечер, когда возвратился Герек со второго уровня. Он описал, с каким трудом рабочие поверили в то, что карвасида больше нет; соответственно и реакция у них была глуше, чем у разгульного люда наверху. Однако к отъезду Герека эта новость наконец осела в умах, так что сейчас фабричные готовились гульнуть не на шутку.

За ужином Герек поднял интересный вопрос: а что ждет сельское хозяйство Страны Призраков? Как-никак аграрии работали на редкость эффективную систему снабжения сограждан плодами своего труда. Обитатели всех уровней им откровенно завидовали (а как же, жизнь на свежем воздухе), и все, кого ни спроси, мечтали пополнить их ряды.

Хотя зависть эта была основана на заблуждении. Правда в том, что восемь месяцев в году селяне без продоху трудились на огороженной местности у северных пределов Страны Призраков; наверх они поднимались лишь по утрам, неся на спине корзины с плодами своего труда, и с сумерками возвращались обратно. Оставшиеся четыре месяца в году они вкалывали чернорабочими на фабриках второго уровня.

Нынче Герек как раз беседовал с их представителем: неплохо бы перенести тот подземный анклав в Дол Благодарения,

да еще и проложить дорогу из Дола напрямик в город. Это можно сделать за зимние месяцы, когда нет работ на поверхности. Гереку хватило прозорливости понять, что это займет дольше чем одну зиму и что заявленными двумя сотнями рабочих не обойтись. А потому он спросил Найла, нельзя ли подкинуть рабов из города пауков. Тифон согласился, что этот вопрос можно будет обсудить во время его поездки.

Это рождало целый ряд интересных возможностей. Городу пауков вскоре должны понадобятся новые сельхозугодья: после того как рабы перестали быть основным рационом для восьмилетних, предвиделся стойкий прирост населения. В Стране Призраков угодий имелось с избытком — как прекрасных пастбищ, так и пахотных земель. Чем не повод для установления между двумя городами важных производственных связей.

Все это так увлекало, что Найл вечером даже забыл связаться с матерью и поговорить насчет отсрочки своего возвращения на сутки — надо бы дать Тифону возможность уладить насущные вопросы. А впрочем, ничего откладывать не надо, решил Найл, добравшись наконец до койки во втором часу ночи. Пусть все остается как есть. Через сутки появятся другие дела, требующие неотложного решения, а за ними еще — и так до бесконечности.

На рассвете Найл переговорил с матерью. Брат поправляется с удивительной быстротой, и Симеон вынужден идти на всяческие ухищрения, чтобы не пускать Вайга на прогулку. Вскоре после рассвета к Серым горам отправятся паучьи шары. Ветер дует северо-западный, так что даже с отклонением курса они достигнут Дола Благодарения часов через пять. Возвращение будет часом короче.

Вскоре Найл с Тифоном сели в повозку, запряженную двумя гельбами. Когда уже собирались тронуться, Найл с удивлением увидел, что к ним приближается Умайя. Она проделала путь от самого дворца, чтобы дать Найлу на дорогу корзинку с булочками. Целуя Умайю напоследок, он понял, что, в сущности, она, после матери, из женщин ему едва ли не самая близкая. Глядя на сиротливо машущую ему вслед девушку, он погрузился.

— Почему бы тебе не позвать ее в Корш? — предложил Тифон.

— Действительно. Надо будет пригласить.

А как, кстати, к этому отнесутся женщины из его окружения — примут ли? Пожалуй, лучше отложить решение до следующего приезда в Страну Призраков. Забавно: правитель двух великих городов переживает, как бы не посеять розни меж домашней прислугой. С такими мыслями Найл и подъехал к северным воротам.

Покидая город, он ощутил волнение, неизменно сопутствующее началу любого путешествия. То же самое, чувствовалось, происходит и с Тифоном. Достигнув полувекового возраста, он впервые покидал пределы своей страны, сознавая, что отныне, после кончины хозяина, жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. Даже у капитана возвращение в город пауков вызывало некую приподнятость.

Когда повозка катила по безликому северу Страны Призраков, Найл задал вопрос, занимавший его как минимум пару дней:

— А ты сам ненавидел карвасида?

— Нет, пожалуй, — ответил Тифон, подумав. — Не видел в этом смысла. Я должен был исправно выполнять его распоряжения, иными словами, служить верой и правдой. Бывали времена, когда я, можно сказать, относился к нему чуть ли не с любовью, особенно поначалу. Похоже, я был ему единственным другом. А друзья нужны всем.

— Ты его не боялся?

— Да нет. Видишь ли, работая на кого-то тридцать лет, ты очень сближаешься с ним. Бывало и такое, что я противился воле карвасида, а он с этим смирялся. Вступив во власть, он ведь был совершенно другим. Прежде всего поклонялся своему отцу, человеку железной самодисциплины, и пытался во всем подражать ему. А Сатханас Тринадцатый — вот уж кто действительно был аскет и затворник. Жил как чернец, практиковал контроль дыхания и флагелляцию.

Найл вспомнил кое-что, вызывавшее у него недоумение.

— Контроль дыхания? Не потому ли со стороны казалось, что карвасиды не дышат?

— У всех карвасидов был к этому природный дар. Сатханас Тринадцатый мог задерживать дыхание на четверть часа. Моему карвасиду, правда, это удавалось от силы минут на пять. Я считаю, он истощил себя, пытаясь угнаться за отцом. Просто не выдержал и надломился, отчего вскоре испортился характер. С некоторых пор хозяин был попросту несносен.

Найлу вспомнилась холодная убийственная ярость, какую Маг источал на светском рауте. И тайком подумалось: как ни кощунственно, но все же хорошо, что он сгинул.

— Разве можно было любить такого жестокого и эгоистичного человека?

— А ты представь, какие проблемы стояли перед ним, — с мрачноватой серьезностью заметил Тифон. — Ты уже сам убедился, что людям не очень-то по нраву проводить всю жизнь под землей. Их так и тянет сбежать, и, разумеется, не кто иной, как правитель, виноват, что их не выпускают. Но так ли это? Если б не пауки, он бы, может, давно уже дал свободу перемещений.

— Что же мешало ему выйти к наукам с предложением мирного договора?

— Он так и думал поступить. Ты бы знал, сколько наших лазутчиков перебивало в Корше под видом рабов. Через них карвасид, кстати, и узнал, что власть в городе перешла к тебе. Это повергло его в задумчивость; я лично видел, как напряженно он размышлял. Он и шар Скорбо у себя посадил, чтобы побольше разузнать о пауках. Пытался повлиять на их ум вибрациями и верил, что ему это удастся. Но Скорбо вышел из-под влияния, и карвасид решил, что он должен умереть. Тогда-то он и затеял тебя сюда заманить.

Найл даже не удивился; просто интересно было слышать подтверждение из уст Тифона.

— Так он, получается, это спланировал?

— Ну да. Велел ликвидаторам оставить в саду топор, зная, что кто-нибудь непременно попробует лезвие пальцем.

— А что, если на месте брата оказался бы я?

— В Страну Призраков явился бы не ты, а твой брат, пытаясь тебя спасти. И эффект был бы тот же, если не лучше.

— Так что вы постоянно были в курсе моего продвижения?

— Он следил за тобой посредством своего шара и через специально обученных птиц. Однажды, правда, решил, что ты погиб. Это когда тебя чуть не проглотила метексия... тот громадный сгусток слизи,— пояснил Тифон, видя непонимание собеседника.— Но затем карвасид понял, что тебе удалось улизнуть, прежде чем он заставил слизня раствориться. Но он уже опасался, что опоздал.

Теперь понятно, откуда это периодически возникавшее ощущение слежки, особенно на тех открытых болотистых пустошах.

— Так что главная его цель — заменить меня в качестве правителя города пауков?

— Только в самом крайнем случае. Вообще-то он рассчитывал тебя подчинить, чтобы ты сделался марионеткой.

Найл уж не стал говорить, насколько близко Маг к этому подошел.

— Однако хотел он не только этого,— продолжал Тифон.— Наши женщины перестали рожать, в странс назревало недовольство, способное перерасти в бунт. Карвасид вполне сознавал: время играет против него. Необходимо или увеличить число женщин, которые бы вынашивали детей, или предоставить жителям больше свободы. Он понимал, что всем нужны новые цели, иные ориентиры и способы отвлечься. Была надежда, что проблему решат иллюзоры, но они лишь усугубили положение. От них люди с новой силой загрезили о чужих краях и дальних странствиях.

Вспомнив о собственных странствиях, Найл заметил:

— Боюсь, многие будут разочарованы, увидев наконец чужие края воочию.

— Он об этом догадывался. И вместе с тем измышлял новые способы отвлечь население. Даже создал специальные команды, которые тайно рассылались по разным кварталам города учинять пожары. Одновременно нагнетались слухи о якобы готовящемся вражеском вторжении. Бригады рабочих не покладая рук строили городские стены, а армия денно и нощно муштровалась. Потому-то карвасид и сделался таким сумасбродом под конец: взяла свое одержимость. Не удивлюсь, если он сам приветствовал бы в душе нападение пауков.

Тут подал голос капитан, все это время размашисто шагавший рядом:

«А ударить первым ему не приходило в голову?»

— А разве он поступил иначе? — невесело усмехнулся Тифон.

«И вот чем это для него обернулось», — добавил он мысленно, хотя от Найла это не укрылось.

Да, действительно, есть о чем подумать. Все-таки карвасиды, пожалуй, одна из самых примечательных династий в истории человечества. И проблема перед ними встала та же, что извечно вставала перед каждым великим властителем: как удерживать бразды правления, чтобы еще и народу во благо. До чего странная участь: династии положило конец женское бесплодие, случившееся по воле тех же правителей.

Что ж, по крайней мере, шар, лежащий сейчас у Найла в кармане, гарантирует карвасидам место на скрижалях истории.

Как раз сейчас они проезжали мимо озера с питательной травой. Найл неожиданно вспомнил, что завтрак был четыре часа назад; не мешало бы подкрепиться. Булочки с корицей в корзинке оказались таким объедением, что вот тебе и повод привезти Умайю в Корш: пусть работает при дворцовой кухне.

Найл с Тифоном, покуда ехали к северному выходу, умяли почти все содержимое корзинки и сошлись во мнении, что с такими талантами девице всяко лучше быть при стряпне, чем при тюрем.

Приблизился участок, где пришлось спешиться. Они специально выбрали место поровней, где гельбам проще было развернуться и направиться в город. Повинуясь команде Тифона, животные дружно затрусили домой. Для остальных же начался долгий подъем к пещере, охраняемой безглавым мегом.

Найл заодно вспомнил, о чем хотел попросить Тифона: нельзя ли отрядить сколько-нибудь мегов в Корш для тяжелых работ вроде восстановления гавани. А впрочем, тут явно есть проблема. Пищеварительная система у мегов как таковая отсутствует, обычная еда им не годится, они существуют благодаря синему эликсиру Мага. Так что если не удастся воссоздать непростую машину, вырабатывающую эликсир, а заодно и обзавестись скапливающей энергию калиндой, меги достаточно быстро утратят свою силу и разложатся, как и всякий труп.

Взбираясь к верхней долине, Найл изучал тропу: нельзя ли превратить ее в дорогу, пригодную для колесного транспорта? Явно не обойтись без взрывчатки или «жнецов»; надо, чтобы сюда наведалься Доггинз и дал профессиональные рекомендации. По словам Тифона, «жнецы» из арсенала Страны Призраков фактически бесполезны, так как в них почти кончилось топливо. Единственная альтернатива — уговорить Хозяина жуков-бомбардиров, чтобы разрешил использовать «жнецы», хранящиеся в городской оружейной.

Примерно к часу дня выбрались к заветной ложине, и Найл с радостью увидел, что день снаружи погожий, а размашистый северный ветер гонит по небу белые громады облаков, словно парусники по лазоревому морю. Укрытая от ветра седловина была прогрета солнцем. Найл блаженно раскинулся на упругой траве, лоя лицом теплые лучи солнца.

Спустя полчаса в поле зрения показались паучьи шары. Предусмотрительно взобравшийся на южную гору капитан телепатически препроводил их к месту посадки. Первый шар опустился в десятке метров от Найла. Забавно: пованивание порифидов под куполом вызывало даже что-то вроде ностальгии.

Эти шары были вдвое крупнее обычных (нововведение самого Найла, предложившего такой размер специально для перевозки пассажиров). Навстречу заспешил вылезший из корзины мохнатый силуэт на восьми лапах — Грель, сын Асмака (эх, сейчас взял бы и обнял, да вот беда: физически паука никак не обхватить).

Асмак как пить дать хотел отправиться сам, да поддался на уговоры сына, уступил честь встретить и доставить Найла. Остальными двумя шарами управляли матерые асы, готовые, случись неладное, тут же прийти на помощь. Кстати, нынче утром не обошлось без переделки: северный ветер оказался такой силы, что над долиной Мертвых пилотам было несладко.

Через четверть часа все оказались в воздухе. Найл летел в подвесной корзине с Грелем, со смешливой благодарностью чувствуя, как щекочет кожу мягкий лоснящийся мех юного защитника. Корзина шара была сделана из упругого прозрачного материала (продукт жизнедеятельности червя рупы из Дельты), с маслянистым странноватым запахом вроде герани.

Тифон держался метрах в тридцати. Когда внизу проплывал Дол Благодарения, они с Найлом помахали друг другу. Угодив в поток высокого ветра, шар Найла грузно качнулся, но вскоре выровнял полет — все равно что лодка вышла на речную стремнину. На километровой высоте ветер перестал быть слышен, и на ход шаров указывали лишь проплывающие мимо облака.

Как раз тогда Найл и остановил взгляд на птице, ровно и мощно несущейся поодаль.

— Ворон! — чуть всполошил он резким возгласом Грея.

Интересно, каково это — чувствовать свою открытость ветру высоты? Найл перевел сознание на птицу, которая при таком стремительном лёте даже не уловила чужого проникновения в ум.

В ту же секунду Найла пронизало необычайное ощущение. Сознание его разделилось надвое: одна половина — в изолированном, уютном мирке подвесной корзины, другая — в реющем хаосе снаружи.

Точно так же надвое разделилось и все его существо. В восторженном, безудержном чувстве необъятной свободы жило и осознание того утлого замкнутого мирка, в котором всю свою жизнь обретается человек, свыкаясь со своим узилищем настолько, что даже не считает себя в нем узником.

Вот в чем корень извечной человеческой дилеммы. Каждый из нас привык видеть мир из одной-единственной точки обзора, привык до того, что почти не способен уверовать в реальность других людей.

Объясняло это и ожесточенность Мага. Он был, по сути, узником вдвойне: у себя во дворце и у себя в голове. Без любимых и близких, без друзей, которым можно поверить свои потаенные мысли и чувства, он был приговорен к пожизненному одиночному заключению.

Один такой момент двойного сознания — вот так, разом в себе и в вольной птице, — и Маг обрел бы свободу, способную изменить его жизнь. Но он лишь продолжал считать, что существует обособленно, в одиночку, среди вселенной иллюзий, где ему безысходно пребывать до конца дней.

В этот ослепительный миг обзора с высоты птичьего полета открылось и то, что до сих пор было неясно, отчего же Маг

так жесток. Заточение убеждало его, что весь мир ему безраздельно враждебен, а безопасность кроется в силе. И потому только жестокость и беспощадность дают ему выжить.

Получается, в карвасиде воплощалась крайняя форма негативизма, неразлучного спутника человечества. Почему науки чувствовали необходимость поработить людей? Потому что инстинктивно угадывали свойственный людям элемент жестокости и нетерпимости. Человек испытывал в нем необходимость для своего выживания.

А вот люди-хамелеоны зрели в корень. Будучи ближе к живой душе природы, они ведали, что каждый камень, каждая ветка дерева, каждая жилка кварца воплощают в себе силу жизни. И сила эта способна наделять благодатью, поскольку она неисчерпаема и неодолима по сути.

И пока собратья Найла не усвоят этот секрет, они обречены на заточение в своем нынешнем отношении к жизни, доведшем человечество до такого убожества.

Уяснит ли когда-нибудь человек, что он и есть главный источник своих бед и несчастий, а боязнь пойти наперекор своему негативному настрою обрекает его на всегдашние конфликты и безверие? Способен ли он понять — так, как сделал это сейчас Найл, — что искренность и оптимизм неоспоримо оправдывают себя?

Как же это странно, нестись на такой скорости сквозь пространство и одновременно получать ответы на самые глубокие вопросы человеческого бытия.

Вот уже полчаса, как они поднялись над Долом Благодарения; вот уже проглянула башня Сефардуса. Впереди владения хамелеонов, а там уже и город пауков, где надо будет представить Тифона Смертоносцу-Повелителю и коллегии Совета, объяснив, что это первый из тысяч новых подданных империи пауков.

Пауки, конечно, примут Тифона — уже из доверия к Найлу как к посланцу богини. Но чтобы доверие это было обоснованно, надо довести до собратьев-людей суть того секрета, что сейчас ему открылся. А как? Как вообще повести о нем речь?

Ответ пришел через несколько минут, когда на горизонте полоской прочертился город пауков, за которым темно-синей плоскостью проступило осеннее море. Найл помахал, привле-

кая внимание Тифона, но тот увлеченно разглядывал пейзаж внизу. Тогда Найл послал телепатический сигнал и указал обернувшемуся Тифону:

«Корш».

«Чудесно!» — в восторге отозвался тот.

Тут до Найла дошло: а ведь существуют способы передавать значения иным, более прямым способом, нежели словами. Так что поделиться сутью секрета, возможно, он все-таки сумеет.

Спустя восемь часов, уже за полночь, Найл пробудился от необычно явственного сна про Мага.

Как будто бы он, Найл, находился в лаборатории карвасида. Кровью там больше не пахло; свежевывитые стены и потолок еще не успели высохнуть. В комнате сонмом клубились призраки: и троглы, и четвероногие граддиксы. Мага среди них не было, но когда он вдруг заговорил, голос звучал вполне отчетливо.

«Помоги мне», — изрек он.

«Где ты?»

«Не знаю. Бока унес телесноеместилище моей жизни, и теперь я потерян».

Само это слово, произнесенное с бесконечной тоской непроглядного одиночества, вызвало нежданное сострадание.

«Что я могу сделать?»

«Попроси Тифона совершить обряд моего упокоения».

«Он знает, как это сделать?»

«Да. Он совершал такой обряд над моим отцом».

«Обещаю, что передам ему твои слова».

«Скажи ему: двадцать один день. Непременно в этот срок, иначе я умру второй смертью».

В этот миг Найл проснулся. Спальня была залита печальным лунным светом: стояло полнолуние. Город снаружи был так тих, что слышалось, как тикают новые городские часы на той стороне площади.

Все те дни, что прошли с недавней смерти Мага, Найл неизменно думал о случившемся исходе с понятным удовлетворением. Еще бы: покончить с эдаким чудовищем, вполне заслуживавшим достойной кары за свои злодеяния.

И тут он внезапно задумался: обречь человека на вечное забвение — наказанис ли это? Ведь сам Маг и понятия не имел, за что его наказывают.

Уже полностью бодрствуя, Найл лежал и размышлял. Что это было: действительно зов о помощи? Или так отложилась их недавняя с Тифоном беседа о карвасиде, прежде чем Найл попрощался и отправился спать?

Двадцать один день... А если Тифон и не думает возвратиться домой в этот срок? Ему здесь, похоже, нравится.

Тут он заметил, что кристальный шар Мага покоится на ковре. Хотя, когда Найл укладывался, тот лежал на круглом столике у окна. Окно закрыто, в комнате ни ветерка.

Что ж, обещание, пусть даже данное призраку во сне, надо сдержать. За завтраком Найл расскажет о своем видении Тифону.

Ощувив при этом неизъяснимую умиротворенность, Найл крепко заснул.

Содержание

МАГ	5
Предисловие	7
Часть первая. УБИЙЦЫ	10
Часть вторая. ЖИВЫЕ МЕРТВЫЕ	146
СТРАНА ПРИЗРАКОВ	319
Слово благодарности	321
Введение	323
Часть первая	329
Часть вторая	517
Эпилог	700

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Колин Уилсон

МИР ПАУКОВ

МАГ И СТРАНА ПРИЗРАКОВ

Руководитель проекта *А. Жикаренцев*
Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректор *Н. Тюрина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 84х108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 3000 экз. Заказ № 8815

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-53566-8

9 785699 535668 >

КОЛИН
УИЛСОН

Colin Wilson

ISBN 978-5-699-53566-8

9 785699 535668 >